

Т. Ю. Красовицкая

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС

В РЕВОЛЮЦИОННОМ
КОНТЕКСТЕ
ФЕВРАЛЯ — ОКТЯБРЯ
1917 г.

СТРАТЕГИИ
СТРУКТУРЫ
ПЕРСОНАЖИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Т. Ю. Красовицкая

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС

В РЕВОЛЮЦИОННОМ
КОНТЕКСТЕ
ФЕВРАЛЯ — ОКТЯБРЯ
1917 г.

СТРАТЕГИИ
СТРУКТУРЫ
ПЕРСОНАЖИ

МОСКВА **новый** хронограф 2015

СЕРИЯ

**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Редакционный совет

- Булдаков В. П.** доктор истор. наук
Вишневский А. Г. доктор эконом. наук
Горшков М. К. академик РАН, председатель
Давыдов А. П. доктор культурологии, зам. председателя
Иванов А. Е. доктор истор. наук
Туманова А. С. доктор истор. наук, доктор юр. наук
Федотова В. Г. доктор филос. наук
Яковенко И. Г. доктор филос. наук

УДК 94(47).084.1/.2:321
ББК 63.3(2)535-33
К 784

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **Д. А. Аманжолова**

доктор исторических наук **В. П. Булдаков**

Печатается по решению Ученого совета Института
русской истории РАН (протокол № 2 от 19 февраля 2015 г.)

Красовицкая Т.Ю.

К 784 Этнокультурный дискурс в революционном контексте
февраля – октября 1917 г. Стратегии, структуры, персонажи /
Красовицкая Т.Ю. – Москва: Новый Хронограф, 2015. –
416 с. – (Серия «Русское общество. Современные исследова-
ния»).

ISBN 978-5-94881-294-6

Автор исследует один из самых сложных периодов революционной истории России, когда на протяжении менее чем одного года в условиях фактического многовластия рождались и апробировались различные формы и структуры власти. Крайне важную роль в этих процессах играли не только центр (Временное правительство, ведущие общероссийские партии и форумы), региональные политические образования, но и самые разнообразные этнополитические организации и их лидеры. Анализируя взаимопересечение этих сил, Т.Ю. Красовицкая обращает внимание не только на обязательные для учета вопросы, которые традиционно присутствуют в работах по истории Февральской революции – партийные программы, тактики и их соперничество, разбухшая самодеятельность регионов, становление структур нового правительства и всеобщий углубляющийся кризис. Она выводит на одно из центральных мест горизонтальные социальные связи и нарождавшиеся институции этнокультурного характера. Их персонификация и историко-психологический ракурс также создают новые исследовательские возможности и позволяют на междисциплинарном уровне рассмотреть, как стремительно менялся революционный дизайн под влиянием новых смыслов, символов и практик, за которыми далеко не всегда поспевали организаторы перестройки общегосударственной системы.

Агентство СІР РГБ

УДК 94(47).084.1/.2:321

ББК 63.3(2)535-33

ISBN 978-5-94881-294-6

© Красовицкая Т. Ю., автор, 2015

© Институт русской истории РАН, 2015

© Издательство «Новый Хронограф», 2015

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	7
-----------------------	---

Глава 1

ВЫБОР ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И КОНСОЛИДИРУЮЩИЕ ПРАКТИКИ

1.1. Партийные стратегии: «Ни одна партия не готовилась к великому перевороту»	11
1.2. Съезды: «Заговорили вдруг все языки»	54
1.3. Административные стратегии: «Недостаточное знание и недостаточная осведомленность правительства о местной жизни»	79
1.4. Правовые стратегии: «Закон выше чувства»	98

Глава 2

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР В ПОСТИМПЕРСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

2.1. Этнические активисты – в структурах Временного правительства	131
2.2. Некоторые штрихи к «генезису» этнических элит: новые политики в новом политическом пространстве	170
2.3. Стихийный федерализм национальных комитетов	197
2.4. Религиозные аспекты федерализма	208
2.5. Автономистские структуры	229
2.6. Украинская центральная рада	240
2.7. «Различие национальностей... принципиально отрицалось в нашем политическом круге... Мы сообща делали русское политическое дело»	255
2.8. «Не нам отстаивать ушедший в пропасть старый порядок»	259

Глава 3.

**ИСТОРИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС
«ИДЕАЛЬНОГО ОТЕЧЕСТВА»**

- 3.1. Исторические знания, их символика и прагматика ... 277
- 3.2. Национальные мифы и эпосы, их роль в процессах этноинтеграции и этнодифференциации 284
- 3.3. Этнографические карты и этнические границы: к проблеме «идеального отечества» в 1917 году 294
- 3.4. Этнокультурные ресурсы периодической печати 1917 года 306
- 3.5. Лига нерусских народов России в Швейцарии 310
- 3.6. Востоковедение: антропологизация Востока 319
- 3.7. Востоковедческие практики «местных деятелей» 331
- 3.8. Корпоративизм профессионалов 354
- 3.9. «Лучшие люди России разделились на партию сердца и партию идеологии» 374

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 390

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 398

ВВЕДЕНИЕ

Империю устраивают навсегда как Мир для каждого. Но в феврале 1917 г. ландшафт был далеко не величествен. Как образно выразился Т. Нейрн, «под искаженным углом зрения метрополии этнос всегда выглядел этакой маленькой пакостью, кротовьей дорожкой в саду, который должен быть безупречным. Однако ему-то хочется иметь свой собственный сад, свое фигуральное место в рамках величественного ландшафта современности»¹.

Общероссийская социальная система, выживавшая с трудом в соответствии с определенными правилами, слишком сильно отошла от равновесного состояния и утратила жизнеспособность. Процессы, поддерживавшие подвижное равновесие, функционировали со сплошными сбоями, и российское общество постиг структурный кризис. Русские были весьма терпимы к имперской разновидности унитарного плюрализма. «Накануне революции господствовал русский дух и не было заметно сколько-нибудь широкого массового национального движения», – считал украинский социал-демократ И. Мазепа². Но мир становился многолюднее и не имел хорошей репутации. Ощутимо ухудшалось отношение людей к государству. Развитие индустриализма формировало новый социальный заказ в контексте более широкой, глобальной для современного мира, его социальных систем, проблемы. В этносоциальных системах зарождались структурные конфликты, выражавшиеся, прежде всего, в том, что традиционные для каждого этноса механизмы социальной защиты, эти азиатские и прочие задворки вдруг выдали на-гора жесткие претензии одряхлевшей византийской политической системе, трагически неспособной к реорганизации. Достаточно объективно оценить масштаб и пафос претензий, лившийся с перерывами с трибун только Государственных дум с 1905 г.³

---

1 См.: Нейрн Т. Интернационализм и второе пришествие / Нации и национализм. Перевод с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 357; см. также: Миллер А. Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII – середина XIX в.) // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М., 2010. С. 42–66.

2 Мазепа І. Україна в огні й бурі революції 1917–1921. Т. 1. Прага, 1942. С. 42; Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарии. М.: Новый Хронограф, 2010. С. 167.

3 Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917. Сост. Л. А. Ямаева. Уфа: Китап, 1998; Lukawski Z. Kolo Polskie w rosyjskiej Dumie

Задуманный Мир разваливался – кротовьи дорожки обозначили «слабость» швов в конструкции Российской империи: усиливается финляндский сепаратизм, проповедуется украинский сепаратизм, автономия грузин и азербайджанцев, делаются сборы в пользу армян¹.

На горизонте, грозя политической и экономической катастрофой, возникал «девятый вал». Вторжение фактора извне разило наотмашь. К весне 1917 г. Россия теряла Польшу и часть Прибалтики, фронт проходил по территории Лифляндии. Заметным результатом участия нерусских элит в Первой мировой войне стало внимание к опыту построения национальных государств в Европе, замешанному на национальных идеологиях.

Настоящую монографию можно было бы посвятить национальной политике Временного правительства, ибо оно было официальной властью в феврале – октябре 1917 г., а власть и формирует, и реализует политику, в том числе и национальную. Так и поступали исследователи в ряде своих работ. Но такой подход не отражает исторических реалий периода. В нем существовало несколько реальных центров и структур власти. Другое дело – не все они были легитимные. Но данное обстоятельство вовсе не отменяет их влияние, особенно на окраинах бывшей империи. Придется впервые посвятить внимание анализу совокупности политик этих центров власти, их взаимоотношениям и пр.

Падение Российской империи – явление гигантских масштабов. В Феврале обрушен целый социальный комплекс, включающий: идеологию, тип социальности, контроля и регулирования, модель мобилизации, имперскую конструкцию и геополитический статус. Ясно, что это произошло не только в мире, но и с **Миром**, с людьми вообще. Такие события трудно понять – как они вообще могли произойти? Не устояли тысячелетние традиции государственности, структурированной, абсолютистской, жесткой. Традиционные регуляторы культурных ресурсов и их продукты уже не следовали привычным путем. Они становились зигзагообразнее, расходились в разные стороны². Вместе с тем, в российской политической практике еще не сложилось *однозначной интерпретации этнических запросов как коммуникативного механизма, создающего одновременно новые*

Panstwowej w latach 1906–1907. Wrocław etc., 1967; Смирнов А. Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998.

1 Мухитина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003. С. 221.

2 Красовицкая Т. Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (Конец XIX века – 1920-е годы). М.: Новый Хронограф, 2011.

идеи и новые формальные каноны. Этнические запросы еще являлись символами, ничего не говорящими о том, что будет в конце дороги. Символы, однако, представляли реальные потребности, которые следовало обеспечить структурами, компетентными персонажами, способными конкретизировать эти символы и предложить их решение. Главная программа действий должна была возникнуть из столкновения с действительностью. Разворачивалась драма, по сюжету которой одно из разнообразнейших в мире этнических сообществ оказалось в разительно ином политическом, социальном и правовом окружении, чем то, в котором происходило его становление. Февраль 1917 г. у Н. О. Лосского вызвал ужас: «У меня было мистическое восприятие исчезновения *государственной организующей силы*, социальной пустоты на ее месте»¹. При всем отличии положения того или иного этноса от другого (других) формировалось единое проблемное пространство для институтов, семантик и практик, отражающих разные аспекты надежд на лучшее будущее.

Российское государство отличалось от других не только размерами территории, но и принципиально различным уровнем развития своих регионов, что наиболее наглядно в отношении окраин. Имперская власть стремилась к определенной унификации правового, экономического, социокультурного пространства, что далеко не всегда совпадало с чаяниями этнических меньшинств. В контексте новой повседневности, на первый взгляд, проблема периферийная. Однако пространство такой специфики повседневной жизни обладает тем неоспоримым преимуществом, что позволяет через оптику периферийного, частного, казусного понять, как возникает новая природа этносоциальных связей, новые механизмы этносоциальной инженерии, новые возможности функционирования отдельных социумов и культур.

Как развивался в феврале – октябре 1917 г. процесс формирования национальных структур управления в новой России? Февраль 1917 года положил начало бурным институциональным трансформациям государственного организма «снизу». Тот и до 1917 года напоминал своеобразный инкубатор, где вызревали протонации до стадии государственной деятельности. Важную роль претендовали играть их собственные структуры власти и управления. Немалая роль принадлежит тем, кто эти структуры инициировал и возглавил. Укладывался ли этот процесс в правовые рамки новой государственности? Оказались ли эти рамки для них приемлемыми?

---

1 Лосский Н. О. Воспоминания: жизнь и философский путь. СПб., 1994. С. 220.

Переходная ситуация отличалась беспрецедентной неоднозначностью, разной направленностью и неустойчивостью протекания процессов и событий. В такой обстановке обретали особую актуальность механизмы и институты перехода от одного качественного состояния государства к другому, особенно на тех территориях, которые воспринимались «неорганичными». Важен новый взгляд на ситуацию многообразия и различия, избегающий логических ловушек, возникающих при привычном использовании языка самоописания империи. Чем заменить имперское пространство социального опыта многообразия (т.е. столкновения людей с другой верой, другим языком, другой культурой, другим социальным укладом), какими политическими механизмами и режимами обеспечить управление этим пространством многообразия? И наконец, как, оценивая изменения, связанные с вызовом современной рациональности, модернизации и национализма, избежать упрощенного представления об отмирании империи и рождении национальных государств?

Рассматривая вопрос организации власти после Февральской революции, историки по понятным причинам целиком связывали его с проблемой «двоевластия». Но она касалась скорее социальной опоры тех институтов, которые были созданы в результате революционных событий «победившими классами». Между тем образование и функционирование институтов, созданных разными этническими элитами или их активистами, их характер всегда оставались в тени, хотя этот аспект не менее важен в понимании революционного процесса, его результатов и перспектив той или иной государственной системы. Моя идея остается прежней, ей я следую, начиная от своей дипломной работы: важно менять оптику восприятия феномена этнокультурной «неорганичности» и ставить его в фокус исследования, в котором сходятся политические и правовые стратегии, административные практики, символьные смыслы, характеризующие *повседневность переходного состояния* государства. К сожалению, до сих пор *процесс* развертывания структур управления этническими сообществами в феврале – октябре 1917 г., разные *формы* их взаимодействия с Временным правительством, *причины* их трансформации в автономные структуры с такой позиции слабо освещен. Не оценен и инновационный потенциал этнических элит в модернизации новой России.

ВЫБОР ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И КОНСОЛИДИРУЮЩИЕ ПРАКТИКИ

1.1. Партийные стратегии: «Ни одна партия не готовилась к великому перевороту»

Партии, в большинстве своем активно добивавшиеся упразднения монархии и изменения политического строя в стране, не имели ни четкого плана, ни, тем более, опыта взаимодействия с национальными структурами. Более того, некоторые из них вообще не видели в них никакой пользы. Правда, в их рядах находилось немало активистов из нерусских этносов, но взаимодействие с национальными партиями все же имело свою специфику. В 1917 г. партийные лидеры и партийные авторитеты опубликовали ряд работ (преимущественно пропагандистско-разъяснительного толка), в которых излагали общее партийно-теоретическое видение проблемы.

Интерес эсеров к национальной проблематике поначалу незначительный, но эмансипация национальностей была для них безусловным условием победы, как и свобода человеческой индивидуальности. Они не возражали против федеративного принципа построения нового Российского государства, опираясь на тезис о праве наций на самоопределение. Хотя он и критиковался частью членов партии. Они заявляли о праве революционной диктатуры ограничить его. Компромисс достигли сочетанием федеративных отношений между национальностями и их правом на самоопределение¹.

Принятая в мае 1906 г. программа относительно национального вопроса гласила: «Возможно более широкое применение федеративных отношений между отдельными национальностями, признание за ними безусловного права на самоопределение... введение родного

---

¹ Heller K. Revolutionären Sozialismus und nationale Frage: Das Problem des Nationalismus bei russische und jüdischen Sozialdemokraten und Sozialrevolutionären im Russischen Reich bis zur Revolution 1905–1907. Frankfurt am Mein, 1977; Федоренко А. А. Взаимоотношения партии социалистов-революционеров с российскими национальными партиями // История национальных политических партий России. М.: Росспэн, 1997. С. 375–376.

языка во все местные, общественные и государственные учреждения; установление обязательного, равного для всех общего светского образования на государственный счет, в областях со смешанным населением право каждой национальности на пропорциональную своей численности долю в бюджете, предназначенном на культурно-просветительские цели, и распоряжение этими средствами на началах самоуправления»¹.

Кадеты, обосновавшись на левом фланге российского либерализма, стояли за унитарное государственное устройство. Они *не признавали* права наций на *политическое* самоопределение: «Основной закон Российской империи должен гарантировать всем населяющим Империю народностям помимо полной гражданской и политической равноправности всем гражданам право свободного культурного самоопределения, как то: полную свободу употребления различных языков и наречий в публичной жизни, свободу основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности и т.п.»². В национальной программе они ограничивались требованием культурно-национального экстерриториального самоопределения. Правда, подразумевалось введение политической автономии для царства Польского и восстановление в полном объеме Конституции. Впрочем, с «сеймом, избираемым на тех основаниях, как и общегосударственное представительство, при условии сохранения государственного единства и участи[я] в центральном представительстве на одинаковых с прочими частями империи основания[x]»³.

На правом фланге либерального российского лагеря Союз 17 октября исходил из постулата «единой и неделимой» России и считал нужным противодействовать «всяким предположениям, направленным прямо или косвенно к расчленению империи и к идее федерализма». Исключение делалось для Финляндии. За ней сохранялось «право на известное автономное государственное устройство» при сохранении «государственной связи с империей». Октябристы гарантировали национальным меньшинствам защиту их культур в пределах

1 Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 124–125.

2 Там же. С. 168–169.

3 Там же. С. 171.

общероссийской государственности¹. Известный историк академик П. Г. Виноградов, уехавший в Оксфорд после гонений на университетскую автономию, побывав в Петрограде весной 1917 года, писал: «Конституционные партии постепенно объединяются в противовес революционным, а создание и деятельность Временного правительства являются лучшим доказательством патриотического духа и огромного продвижения в политическом взаимопонимании партийных лидеров. Тот факт, что Гучков и Милуков, октябрист и кадет, объединили усилия в политике национального переустройства, говорит сам по себе об огромном продвижении, сделанном в России в направлении зрелой государственной деятельности. Не гнилой компромисс свел их вместе, а глубокое понимание потребностей времени и жертвенная преданность общему делу – служению свободной России. Оба отказались от узких целей партийной выгоды ради конструктивных действий»².

На крайнем правом фланге политического спектра Российской империи Союз русского народа (СРН) заявлял, что «не желает нарушать самобытность населяющих Российскую империю нерусских народностей и оставляет им вполне неприкосновенными их веру, язык, быт, благосостояние и землю, но признает особую общественность для народностей, живущих на окраинах». Причем «из иноверцев выражает свое благорасположение содержащим Магометов закон». СРН считал, что русская народность – «державная, господствующая и первенствующая и что только ей одной... принадлежит право государственного строения и управления»³. СРН, выступая за сохранение самодержавной Российской империи, считал, что русские должны занимать главенствующее, привилегированное положение. Еврейский же вопрос следует решать «особо от других племенных вопросов, ввиду продолжающейся стихийной враждебности еврейства не только к христианству, но и к нееврейским народностям и ввиду стремления евреев к всемирному владычеству»⁴. В феврале 1917 года СРН распался. Часть членов СРН перешла в Союз Михаила Архангела, Союз русских людей (они прекратили деятельность после февраля 1917 г.).

1 Там же. С. 183; Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. Черновский А. (сост.). М.–Л.: Гос. изд-во, 1929.

2 Виноградов П. Г. Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008. С. 385–386.

3 Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. М.: Росспэн, 1995. С. 434, 444–445.

4 Там же. С. 444.

Большевистская концепция решения национального вопроса с позиций классовой солидарности, интернационализма, с одной стороны, содержала право любой нации на самоопределение, но оговаривалась целесообразность его, с точки зрения интересов классовой борьбы, общественного и экономического развития. В каждом конкретном случае партия должна решать полномочность права на отделение, исходя из конкретной исторической ситуации. С другой стороны, в демократической республике, обеспечивающей национальное равноправие, не может быть национально-культурной автономии, только областная, территориальная автономия¹. Большевики оставались сторонниками централизации и унитарного государственного устройства. Отмечая утопичность интернационалистских позиций РСДРП(б), не только Н. Бердяев усмотрел будущий переход ее на позиции государственного национализма².

В 1917 г. видные партийные функционеры публиковали работы, в которых уточнялись партийные позиции по национальному вопросу. У эсеров издали работы секретарь Керенского П. Сорокин и этнограф и востоковед Н. В. Брюллова-Шаскольская³. Ведущий специалист ПСР по национальному вопросу стажировалась в Гейдельбергском университете. Брюллова-Шаскольская представляла партию в Совете (Бюро) национально-социалистических партий (входили Дашнакцутюн, Партия грузинских социалистов-федералистов, Белорусская социалистическая громада, Еврейская объединенная социалистическая партия,

1 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 235.

2 Бердяев Н. Интернационал и единство человечества // Русская свобода. 1917. № 1. С. 8–15. См. также: Муравьев В. В защиту утопий // Русская свобода. 1917. № 3. С. 15–21.

3 Брюллова-Шаскольская Надежда Владимировна (1886, Петербург – 1937, Ташкент). Из дворянской семьи, внучка архитектора и художника А. П. Брюллова. По окончании в 1908 историко-филологического отделения Высших женских (Бестужевских) курсов, где специализировалась по истории религии, была послана в заграничную командировку в Штутгарт. Вернувшись в Петроград, преподавала в гимназиях, Народном университете, занималась научной работой. Сотрудничала в журналах, в словаре Брокгауза и Ефрона. Член Партии социалистов-революционеров с 1910. Поддерживала связи с социал-демократами и трудовиками, в частности с А. Ф. Керенским. Ее муж (из семьи евреев – выходцев из Германии, крещенных в лютеранстве), историк П. Б. Шаскольский, вошел в Трудовую группу. На учредительно-объединительном съезде Трудовой народно-социалистической партии в июне 1917 г. Шаскольский избран членом ее ЦК, выступил с докладом «По национальному вопросу». Кроме того, он приглашен в состав Временного правительства в качестве заведующего национальным отделом Министерства внутренних дел. Осенью 1917 г. Шаскольский перешел в партию эсеров.

По'алей-Цион, Польская социалистическая партия и др.). Большую поддержку и влияние на Совет оказывали писатель В. Г. Короленко и известный этнограф В. Г. Богораз-Тан. У кадетов вышли работы членов ЦК Ф. Ф. Кокошкина и Б. Э. Нольде. У меньшевиков опубликовал работу член ЦК и давний оппонент Ленина по философским проблемам С. Ю. Семковский. Лидер меньшевиков Ю. О. Мартов написал еще в 1916 г. брошюру «Национализм и социализм (идеология "Самозащиты")», издана она, однако, в 1918 г.¹ От большевиков выступил член ЦК РСДРП (б) И. Сталин².

Но еще в начале 1914 г. лидер кадетов П. Н. Милюков предостерег от увлечения разными партийными формулировками и схемами: «Самочувствие страны меняется... Национальные вопросы ставятся остро вовсе не случайно... Прежние деления на партии по политическим и социальным программам отходят назад перед новыми национальными группировками»³.

Но летом 1915 г. С. Петлюра пишет П. Милюкову, что украинское движение разочаровано вялостью, с какой кадеты защищали в Думе права украинцев, растоптанные войной и царским правительством. Письмо датировано 26 июля 1915 г. и последовало за крупным австро-германским наступлением в Галиции, когда российская армия была вынуждена сначала оставить Перемышль, а затем потеряла Львов. Накануне российские войска ушли из Варшавы. С. Петлюра писал: «Мы думали, что [после] письма-резолюции, принятой по украинскому вопросу на последней конференции кадетской партии и обязывавшей Вас к проведению ее в жизнь, Вы найдете возможным и для себя обязательным уделить внимание положению украинского слова в Вашем ответе на декларацию правительства и возвысите свой голос в защиту погранных прав.

1 *Мартов Л.* Национализм и социализм (идеология «Самозащиты»). Пг.: Социалист, 1918.

2 *Сорокин П.* Проблема социального равенства. Пг., 1917. Гл. «Национальность, национальный вопрос и социальное равенство»; он же. Автономия национальностей и единство государства. Пг., 1917; Брюллова-Шаскольская Н. В. Народности России и их требования. Пг.: Изд-во комиссии П.С.Р., 1917; она же. Национальный вопрос в России. Пг., 1917; она же. Партия социалистов-революционеров и национальный вопрос. Пг.: Тип. ЦК ПСР, 1917. 31 с.; она же. Как жить между собою народам России? Изд. союза солдат-республиканцев, 1917; Кокошкин Ф. Ф. Автономия и федерация. Пг., 1917. Нольде Б. Национальный вопрос в России: Доклад, читанный на IX делегатском съезде ПНС, 24 июля 1917 г.; Семковский С. Ю. Национальный вопрос в России. Пг., 1917. Сталин К. Против федерализма // Правда. 1917. 28 марта.

3 ГАРФ. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 31. Л. 137 об., 160 об.

К сожалению, наше ожидание обмануло нас... Вы уклонились от лежавшей на Вас обязанности и ни словом не обмолвились о том, что волнует и мучит нас... Вы знаете, конечно, что "Украинская жизнь" всегда отстаивала идею сближения украинского общества с русским и противостояла тем течениям украинской общественной жизни, которые, считаясь с выступлениями В. А. Маклакова, П. Б. Струве и др., мало верят, а то и совсем не верят успешному проведению в жизнь защищаемой нашим журналом идеи. Я должен с горечью отметить, что Ваше выступление при открытии Государственной думы дает как бы косвенное доказательство беспочвенности и зыбкости той позиции, какую отстаивает вот уже четвертый год "Украинская жизнь" по вопросу об украинско-русских отношениях. Не выступив в защиту поправленных прав целого народа, умолчав о вопиющем факте запрещения говорить на родном языке и общаться при помощи его сознательному в национальном отношении обществу, Вы как бы санкционировали создавшееся положение вещей.

Я отнюдь не льщу себя надеждой на то, что Вы сочтете для себя необходимым объяснить в ответном письме или печатно мотивы допущенного Вами умолчания по вопросу о положении украинского слова, но вместе с тем не могу не выразить Вам крайнего и глубокого удивления по сему поводу. Видимо, сырые в национальном отношении русские, хотя бы они теоретически и отстаивали права угнетенных народностей, в трудную для этих народностей минуту не хотят им помочь и не хотят облегчить положение голодного, обобранного и униженного национально народа»¹.

Нерешительное поведение и постоянное лавирование характеризовали политику не только Милюкова как лидера, но и партию в целом по отношению к украинскому вопросу до 1917 г. Кадеты были убеждены в преждевременном характере федерализма для России, чтобы вести открыто либеральную политику по отношению к Украине.

В недостаточной последовательности упрекал Милюкова и М. Грушевский. Из своей ссылки в Симбирске, в письме Милюкову, он подчеркивал важность национального вопроса и в особенности украинского вопроса для будущего Российского государства. Вовремя сделанные разумные уступки, такие как закон о введении преподавания на украинском языке в районах с преобладанием украинского населения, будут способствовать построению правового государства,

1 ГАРФ. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 17. Л. 465; Брейяр С. (университет Пуатье). Партия кадетов и украинский вопрос (1905-1917) // <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/brejar.htm>

о котором мечтали кадеты. Это требование было частью программы кадетской партии¹. 26 августа 1915 г. Грушевский писал: «Многоуважаемый Павел Николаевич, с искренней скорбью прочел я сегодня ... о том, что Вам и Вашим товарищам не удалось включить в программу ближайших законодательных мероприятий каких-либо положительных мер к разрешению украинского вопроса. Не сомневаюсь, что Вы, отдавая себе ясный отчет в нуждах украинского населения и учитывая надлежащим образом настоящую ситуацию, отстаивали со всей настойчивостью, по крайней мере, наиболее насущную меру – введение преподавания на украинском языке в народной школе среди преобладающего украинского населения. Ваши сторонники справа, по-видимому, все еще ничему не научились в национальном вопросе, не почувствовали всей униженности недавнего положения, когда национальные уступки полякам были преподнесены в момент оккупации Польши неприятелем и были встречены не особенно приветливым жестом “как горчица после обеда”. Теперь, когда австро-германские войска продвигаются в глубину украинской территории, неужели эти “умеренные” и здесь захотят ждать того момента, когда эти уступки потеряют всякий смысл и тоже примут вид запоздалого благоразумия? Неужели они не понимают, что такая уступка является уже не каким-либо даже актом справедливости, а просто элементарным государственным... расчетом, политическим благоразумием, диктуемым уже не интересами украинского народа, а интересами Российского государства? Возможно, конечно, что при дальнейшем сотрудничестве Вы и Ваши товарищи слева успеете их убедить в необходимости и неотложности этой уступки. Может быть, обновление кабинета передвинет их влево, как на это рассчитывают. Но ведь данный момент таков, что именно теперь всякая уступка, всякий шаг к разрешению национальных и классовых проблем важнее победы на поле битвы – и такой характер имел бы закон об украинской школе: немедленное его проведение, искреннее, свободное от уверток и лазеек назад, на будущее время имело бы громадное значение, – было бы огромною победою российской государственности, как отказ от него был бы ее поражением»². Лишь в 1939 г. Милюков признал, что «ЦК намеренно не вдавался в большие детали с одной стороны, чтобы не сталкиваться с ходом фактов, которые каждый день могут принять

1 ГАРФ. Ф. Р-579. Оп. 1. Д. 1879. Л. 1.

2 Милюков П. Н. Общественное мнение, парламенты и правительства союзников // Ежегодник газ. «Речь» на 1915 г. С. 277.

иной вид». Таким был ответ на сообщения представителей кадетской партии, вернувшихся с Украины, которые заявили, «что украинский вопрос на местах получил выпуклость, такую остроту постановки, что партия так или иначе на него реагировать должна»¹.

Политические стратегии уточнялись в атмосфере острого соперничества за право участвовать в государственных структурах власти. Борьба разворачивалась и между этническими элитами с разными идейными настроениями, борющимися за преобладающее влияние в массах и в конечном итоге за политическую гегемонию среди своих или близкородственных этносов, и центром. Соперники прибегали к аргументации, обращаясь к высшим ценностям (справедливости, правде), к истории народа, реальной или вымышленной, чувствам и эмоциям, настроениям, к древним традициям, революционной харизме, велениям времени, новым задачам страны и т.д. Больше всего соперники нуждались в структурах управления, их формальных институтах.

Меньшевики и их политику по национальному вопросу (до октября 1917 г. они стояли за централизованную Российскую республику и культурно-национальную автономию) ожидало серьезное банкротство. Один из активистов, после Февральской революции – председатель Тифлисского совета Н. Жордания считал: «В данный момент выдвигать национальный вопрос несвоевременно. Он может повредить делу революции»². 18 марта на съезде Советов Закавказья Жордания говорил: «Практическая постановка национального вопроса повлечет борьбу между нациями, следствием чего будет реакция. Вокруг этого вопроса должно произойти соглашение между всеми национальностями и это будет наилучшей порукой успеха в Учредительном собрании»³. Декларировав на Всероссийской конференции меньшевистских и объединенных организаций РСДРП 7–12 мая политическую автономию для «областей, отличающихся как национальными и этнографическими, так и культурно-историческими и социально-экономическими особенностями», меньшевики так и не смогли разработать национальную программу. Правда, они усилили внимание к проблеме

1 Милюков П. Н. Тактика и действительность // Последние новости. 19 марта 1939. С. 4.

2 Революция 1917 года в Закавказье: Док. и матер. Тифлис, 1927. С. 80. Выступая на I Национальном съезде Грузии, Жордания требовал полного самоуправления Грузии. 26 ноября 1917 г. он возглавил Президиум Национального совета Грузии.

3 Жордания Н. За два года. Тифлис, 1919. С. 6.

(не без влияния Бунда¹), но лишь в избирательной платформе к Учредительному собранию².

На VIII съезде кадетской партии (май 1917 г.) профессор кафедры государственного права Московского университета Ф. Ф. Кокошкин выступил с докладом «Об автономии и правах национальностей». Выделим его роль в партии как уникального правоведа. «Программа по национальному вопросу (автономия Польши и децентрализация России) была специально подготовлена Ф. Ф. Кокошкиным», – отмечал Милюков³. Ранее в работах Кокошкин полемизировал с теми, кто считал, что автономия и федерализм ведут к распаду России. Его тезис состоял в том, что автономия не только не противоречит единству государства, но и укрепляет его. Трактовка Кокошкиным проблем федерализма А. Н. Медушевским вполне вписывается в представления современной науки о федерациях как единых сложносоставных республиках. Отношения в них (в отличие от унитарных государств) построены не на основании принципа господства и подчинения, а на основе «общей теории ограниченных конституций». При которой «ограничение прерогатив каждой единицы правления должно поддерживаться и соотноситься с общей системой конституционного права»⁴. Сохраняя верность лозунгу «единой и неделимой России», отдавая предпочтение устройству государства по типу все же Франции (он – ученик *Ecole des sciences politiques*), Кокошкин доказывал, что в условиях политической нестабильности и усиления межнациональной конфронтации разделение страны по национально-территориальному принципу неприемлемо. Немедленный переход к федерации «осложнил бы до крайности введение самой республиканской конституции»⁵. Оптимальным способом решения национального вопроса он считал предоставление народностям широкой культурно-национальной автономии с одно-

1 Вперед. 1917. 1 (14) августа; Нам И. В. Национальная программа БУНДа: коррективы 1917 года // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 276.

2 Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. С. 99; Лапина И. А. Дискуссии о национально-государственном устройстве и положении этнических меньшинств в периодической печати революционной эпохи. 1917 г. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 1. С. 60–65.

3 Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. С. 205.

4 Медушевский А. Н. Ф. Ф. Кокошкин и теория правового государства в России // Мир России. 1997. № 3.

5 Шелохаев В. В. Федор Федорович Кокошкин: жизнь и деятельность // http://rusliberal.ru/full/publikacii_dokladi/fedor_fedorovich_kokoshkin_zhizn_i_deyatelnost/

временным осуществлением децентрализации управления и законодательства. Другой авторитет в сфере государственного права из Петроградского университета член ЦК партии кадетов П. П. Гронский в прениях поддержал докладчика. Он видел «полную возможность для всех национальностей России получить все права при однопалатной системе на основе широкой областной автономии»¹. Делегат из Минска бывший сотрудник белорусской «Нашай Нівы» В. И. Самойло² предложил дополнить тезисы Кокошкина об обязательном начальном обучении на родном языке пунктом о получении на родном языке среднего образования. Он не исключал возможности открыть в будущем белорусский университет, уделить большое внимание развитию литературы на национальных языках. В перспективе Самойло видел Россию, разделенную на области и края, образованные с учетом этнического фактора: «Может быть, действительно в национальном духе найдутся те новые родники эмоциональной энергии, которые создадут великую Россию?» Поправки минского делегата съезд не учел³.

Кадеты на съезде 23–28 июля 1917 г. осторожно дополнили программу. Был фактически переформулирован тезис об экстерриториальном культурно-национальном самоопределении: «Государство может передать национальностям, действующим в качестве единых не территориальных публично-правовых союзов, осуществление указываемых законом задач культурного правления... в отношении всех лиц, признающих свою принадлежность к этим национальностям»⁴. Принятая по докладу Кокошкина резолюция предусматривала

1 Вестник Партии Народной Свободы. 1917. № 14–16. С. 15.

2 Журналист, драматург, критик, сотрудник русской, белорусской и польской печати В. И. Самойло (Самойлов) окончил гимназию в Минске, учился на медицинском факультете Московского университета, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, до Первой мировой войны сотрудничал в газетах «Северо-западный край», «Минский курьер», в белорусской газете «Наша ніва» (Вильно). Учитель Янки Купалы, участник белорусской общественной жизни и дискуссий на вечерах Литературно-артистической секции Виленского Русского Общества, член Религиозно-философской секции ВРО. Сотрудничал в польской печати («Przegląd Wilenski»), в газете «Виленское слово» (1920–1921), в 1922 г. редактор-издатель, издатель газеты «Виленская речь» (1922–1923). Репрессирован советскими властями в начале Второй мировой войны. См.: Лавринцев П. Владимир Самойло // Балтийский архив. Режим доступа: http://www.russianresources.lt/ARCHIVE/Samoilo/Samoilo_0.html#53

3 Съезды и конференции Конституционно-демократической партии: в 3 т. М.: Росспэн, 2000. Т. 3. Кн. 1. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии в 1915–1917 гг. С. 596–601.

4 Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. С. 334.

предоставление автономных прав в вопросах хозяйственной, культурной жизни губернским или областным органам самоуправления, но при сохранении за общегосударственной властью права контроля их деятельности, вплоть до отмены постановлений. Тем более, подчеркивал он, «компетенция этих новых автономных единиц... *чисто провинциального типа*»¹. Позицию Кокошкина Ленин еще в 1914 г. считал «точкой зрения будочника»². В июле 1917 г. журнал российских сионистов «Рассвет» писал: «Кадеты, абстрактная государственная партия, воспринявшая из книжек все симпатичное, “хорошее”, имеющееся на Западе»³. Понималось, что кадеты отстаивали «интеллектуальную политику». Однако в ней не было почти ничего, что позволило бы взглянуть на проблему не «с высоты птичьего полета», поскольку было неясно, на что именно следует смотреть с такой высоты в многонациональной бывшей империи⁴. С. Максуди, присутствуя на съезде кадетов, заявил о возможности взаимодействия с ними. Однако Временное бюро российских мусульман (возникшее сразу после революции) выразило свое несогласие, подчеркнув, что «...в настоящее время даже самые умеренные слои мусульманского населения... не склонны становиться под знамя партии к.д.». После этого Максудову пришлось выйти из кадетского ЦК. Выходят из Партии народной свободы и другие татарские либералы. «Связи татарских либералов с кадетами прекращаются полностью»⁵. На момент IX съезда (23–28 июля) партия кадетов уже признала *принцип автономии* Украины. В конце сентября Б.Э. Нольде в статье, разъясняющей кадетскую программу по национальному вопросу, отмечал, что на Украине и в двух прибалтийских губерниях за полгода после революции уже произведен ряд законодательных мероприятий в направлении предоставления национальной автономии. По этому пути предлагалось двигаться и дальше, но внося при этом в государственное творчество «величайшую осторожность»⁶.

1 Кокошкин Ф. Ф. Автономия и федерация; Ладыженский А. М. Национальная автономия и государственное единство. 1917.

2 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 302.

3 Давидсон А. Кадеты и национальный вопрос // Рассвет. 1917. № 3. С. 3–6.

4 Формы национальной автономии // Еврейская рабочая хроника. 1917. № 8. С. 1–2.

5 Фахрутдинов Р. Р. Татарское либерально-демократическое движение в конце XIX – начале XX вв.: Идеология и политическая программа. Дисс... канд. ист. наук. Казань, 1996. С. 134–135.

6 Цит. по: Стародубова А. Л. Юридическое совещание 1917 г.: Основные направления деятельности. Дисс... канд. ист. наук. М., 2000.

На III съезде ПСР (25 мая – 4 июня) Н. В. Брюллова-Шаскольская выступила с докладом от подсекции по национальному вопросу. В докладе определены понятия нации и цели национальной политики: «С точки зрения социализма понятие нации есть понятие ее трудовых народных масс... Одиночки могут оторваться от своей культуры, но народ должен быть в своей культуре, должен иметь свою школу, свою широко развитую национально-культурную жизнь». Подробнее она обосновала понятие нации в другой работе: «Тот или иной человек причисляет себя к определенному коллективу с определенными общими задачами, и этот коллектив мы именуем нацией, – писала она. – Нация – группа людей, объединенных общей исторической судьбой, совокупностью ценностей, вместе, в поколениях предков созданных и ныне вместе создаваемых, ценностей прошлого, вылившихся в культуру и создавших культурную среду, как почву для новых возможностей и нового творчества, творчества политического, социального и чисто культурного, научного, литературного, художественного. Большею частью эта группа продолжает жить вместе, связанная общей историей и общими задачами, теми днями, когда... “всем хорошо” или “всем плохо”»¹. Она скептически относилась к космополитизму, ибо «творчество народа не может не идти вне национальных языков»: «Мы категорически отмежевываемся от буржуазного понятия государства и нации... С точки зрения социализма понятие нации есть понятие ее трудовых народных масс... Нашей целью является не старый, несколько наивный космополитизм, который растворял личность в мировой идее, не считаясь с национальным языком, но монополитизм, т.е. союз мировой, союз всех обособленных в нации трудовых слоев человечества»². Культура, хотя и имеет всечеловеческое содержание – неизбежно выливается в национальные формы. Из этого положения Брюллова-Шаскольская выводила: «Так мы формулируем интернационализм как равноправный союз федерации национальностей и уверены при этом, что носителем этого идеала могут быть опять-таки лишь трудовые народные массы. Поднимая знамя развития своей национальности, социалист поднимает и знамя интернациональной солидарности»³.

1 Протоколы Третьего съезда Партии социалистов-революционеров, состоявшегося в Москве 25 мая – 4 июня 1917 г. (Стенографический отчет). Пг., 1917. С. 296–298; Брюллова-Шаскольская Н. В. Партия социалистов-революционеров и национальный вопрос. С. 9–10.

2 Брюллова-Шаскольская Н. В. Партия социалистов-революционеров и национальный вопрос. С. 9–10.

3 Там же. С. 14.

В основном докладе она полемизировала с П. Сорокиным¹, автором известной брошюры «Что же такое нация?», «есть ли это нечто реальное или нация совпадает с областью? Мы знаем, что в социалистической литературе нередко делали попытки этого отождествления понятия нации. Мы имели статью товарища *Петра Сорокина*, который доказывал, что нации не существует. Нация не язык. Нация не раса.

¹ *Сорокин П. А.* Автономия национальностей и единство государства. Пг., 1917. К рассмотрению вопроса о том, что такое нация, П. А. Сорокин обратился и в работе «Проблемы социального равенства» (1917). В них он констатировал, что национальный вопрос относится к числу самых острых и актуальных, что объясняется обострением национальных отношений, вызванных Первой мировой войной и социально-экономическим и политическим кризисами в России. Анализируя наиболее распространенные признаки, которые используются для описания нации (единство крови, языка, религии, морали, права, нравов, психики, мировоззрения, культуры), Сорокин считал, что ни один из них по отдельности не может претендовать на то, чтобы быть определяющим нацию, а вместе взятые они противоречат друг другу. Поэтому он приходит к выводу о том, что «национальности как единого социального элемента нет», а в подходе к определению нации может быть только единственное, индивидуальное начало – самоидентификация. С его точки зрения, это обусловлено тем, что «центр тяжести лежит на психологическом отнесении себя к тому или иному обществу или группе». Сущность национального вопроса Сорокин объясняет наличием социального неравенства как по отношению к нации в целом, так и между представителями одной нации. Так называемое национальное неравенство, по его мнению, есть разновидность социального неравенства. Поэтому, утверждал социолог, если устранить из «национальных причин причины религиозные, сословные, имущественные, профессиональные, бытовые», то из национальных ограничений не останется ничего. По его мнению, поскольку термин «национальность» описывает разнородные по своему составу кумулятивные группы, то его следует полностью удалить из терминологии социальных наук. Негативное отношение Сорокина к понятию «нация» как социологической категории может быть объяснено рядом причин. Во-первых, для определения нации он выбирает либо только один признак, либо сумму разнообразных экономических, политических и культурологических признаков, не обращая внимания на то, что признаками социальной общности могут быть несколько специфических признаков. Во-вторых, Сорокин оставил вне поля своих рассуждений вопрос о возникновении нации как исторического объединения. Генетический анализ позволил бы увидеть, как объединение племен, закрепление их на определенной территории, образование государственности, установление общего хозяйственного уклада, ассимиляция языка, религии, традиций и создание на основе аккумуляции специфических материальных и духовных ценностей послужило возникновению новой социальной общности, получившей название нации. Именно эти корневые признаки и следовало бы учитывать при социологическом определении нации. В-третьих, в своих рассуждениях о неправомерности категории «национальность» Сорокин не делает различия между понятиями «нация», «народность», «национальность» и «народ».

Из этой совокупности понятия он говорил, что нации нет»¹. Развивая идеи только что умершего М. Б. Ратнера², деятеля еврейского социалистического движения, ратовавшего за создание еврейского «сейма» как высшей инстанции в вопросах культуры и внутренней жизни евреев в целом, Брюллова-Шаскольская основывалась на позициях субъективной социологии. В рассуждении о том, что есть нация, во главу угла ей ставились не столько объективные (что более свойственно кадетам) факторы (язык, общая территория, расовое сходство), сколько факторы субъективные: важно, прежде всего, то, кем сами люди себя считают.

Н. А. Кабанов считал, что народы в многонациональном государстве должны определить свою судьбу путем плебисцита: останутся ли они в составе империи на правах самоуправляющейся автономии, войдут ли в состав другого государства или образуют собственное независимое государство. «У нас латыши (живущие, между прочим, и в Курляндии, которая занята теперь немцами и которую немцы не хотят нам возвратить) и литовцы также заявили о своем желании образовать самоуправляющиеся автономные области, Латышский край и Литву; и на это они имеют, конечно, полное право»³.

Приводимые им такие признаки, как «патриотизм», «общность экономических интересов», осознание «принадлежности к определенному политическому телу», «единство исторических судеб», выступают скорее признаками народа как исторической социальной общности, а не нации. Пафос его публикаций направлен на то, что только добившись «полного правового равенства индивида (личности)» и образовав «федерации государств», можно преодолеть национальное неравенство. А пока это не достигнуто, заявлял русский социолог, «мы от души приветствуем национальные движения». (Возвращение Пителима Сорокина. Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 110-летию со дня рождения Пителима Александровича Сорокина. Под ред. Ю. В. Яковца. М.: Московский общественный научный фонд; МФК, 2000).

1 Третий съезд ПСР. Петроград. Издание ЦК ПСР. 1917. С. 295.

2 Имеется в виду Ратнер Марк Борисович (1871, Киев – 1917, Яссы, Румыния) – публицист и юрист. См. его работы: О национальной и территориальной автономии (предисловие к русскому изданию книги Синоптикуса [К. Реннера] Государство и нация. Киев: Серп, 1906); Эволюция социалистической мысли в национальном вопросе / СЕРП. Сб. 2. 1906; Национальный вопрос в свете социалистического мировоззрения // Русское богатство. 1908. № 2-5; Еврейский национальный вопрос в социал-демократической литературе // Еврейский мир. 1909. № 1; Проекты еврейской национальной автономии // Там же. 1909. № 6 и др.

3 Кабанов Н. А. Мир и самоопределение народов. М.: Задруга, 1917. С. 6-7. Один из пионеров языка эсперанто в России в 1894 г. организовал на общественных началах и возглавил издание научно-популярных брошюр для широких слоев населения о правах граждан, народовласти, государственном устройстве, земельном законодательстве, национальном вопросе, самоопределении народов

Шаскольская выступала за федеративное устройство России, за удовлетворение права гражданина участвовать в культурном развитии своей нации. Но из чего делать федеративные единицы? Каковы они должны быть – губернии ли, более крупные историко-культурные регионы? Может быть, за основу взять существующие единицы и их бюрократии?

Исходя из положений ее доклада, III съезд ПСР высказался за введение в России «формы федеративной демократической республики с территориально-национальной автономией *в пределах этнографического расселения народностей* и с обеспечением основными законами страны как прав национальных меньшинств в местностях со смешанным населением, так и вообще публичных прав для всех языков, на которых говорят трудящиеся массы в России»¹. В отношении народов, не заселяющих определенной территории, съезд заявил, что они «могут быть соединены в экстерриториальные персонально-автономные союзы со своими местными и общегосударственными представительными органами». Подобную схему государственного устройства ПСР собиралась отстаивать во Всероссийском Учредительном собрании.

Все изменения в национально-государственном устройстве России должны быть утверждены Учредительным собранием, кроме того, каждая национальность созывает свое Учредительное собрание. ЦК партии предлагалось создать комиссию по разработке «детального законопроекта конституции федеративной Российской республики». Резолюция призывала подготовить «приемлемую для революционных демократий всех народов платформу по национальному вопросу ко времени избирательной кампании в Учредительное собрание»².

В. М. Чернов на III съезде поддержал идею территориальной и экстерриториальной автономии, принцип «федерирования вовне и внутри страны... установления принципов равноправия наций, наделения полным суверенитетом отдельных единиц». Он предупреждал национальные партии, выступая против подмены лозунга национального освобождения во имя свободного развития человека лозунгом национального освобождения ради национального освобождения³. Много

и пр. В декабре 1917 – мае 1918 г. лидер (вместе с П. А. Кропоткиным) Московской лиги федералистов.

1 Протоколы Третьего съезда ПСР. С. 481.

2 Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. С. 157; Протоколы Третьего съезда ПСР. С. 300, 481.

3 Протоколы Третьего съезда ПСР. С. 406.

позже в мемуарах «Перед бурей», вспоминая о разговоре с лидером Polska Partia Socjalistyczna В. Иодко-Наркевичем, он писал: «Националист способен делать самую азартную ставку на всеобщее пришествие “труса, глада, огня, меча и нашествия иноплеменных”, лишь бы была достигнута его национальная цель; он не ставит вопроса, не слишком ли дорогой ценой обойдется она всему человечеству. Его лекарства всегда горше самой болезни». Чернов оставался сторонником решения вопроса о национально-государственном устройстве России Учредительным собранием и созыве Учредительных собраний в национальных регионах, таких как Польша, Литва, Финляндия и других¹.

Ю. Г. Фельштинский и Г. И. Чернявский, комментируя отношение В. М. Чернова к национальной проблеме, указали две причины, по которым для эсеров «коалиция с кадетской партией была невысказанной. Россия была при старом режиме “темницей народов”, и революция разбудила ее узников – т.н. “негосударственные национальности”. Или законные права этих национальностей революцией будут признаны, Россия станет преобразовываться в вольно-федеративный союз равных народов, или этого не будет, и тогда у них не будет иного выхода, кроме сепаратизма. Кадетская партия, со времен самодержавия привыкшая себя чувствовать и мыслить как “государственная”, т.е. глубоко централистическая партия, не может не бороться изо всех сил против всякого шага по пути к децентрализации России, производимой по национальному признаку. Для нее это есть ослабление государственного единства. Надо выбрать: или союз с ищущими своей эмансипации “негосударственными” национальностями, и тогда разрыв с кадетской партией, или сохранение коалиции с кадетской партией, и тогда – отчуждение и вражда с украинцами, белорусами, национальностями Прибалтийского края, Кавказа, Башкирии, Туркестана и т.д.»². Ф. Ф. Кокошкин охарактеризовал отделяющую от эсеров позицию: «Немедленно разорвать Россию на куски, а затем попробовать склеить эти куски в федерацию»³.

Как писал один из лидеров украинских левых эсеров Михаил Шелонин в 1918 г. о национальной проблеме, «на ее алтарь было

1 Чернов В. М. Перед бурей. М., 1993. С. 295. Учредительный сейм в Польше состоялся в 1919 г., он принял Конституцию Польской Республики, Учредительное собрание Эстонии создано в 1919 г., Литовское – в 1920 г., Латвийское – в 1919 г., в апреле 1920 г. Учредительное собрание в Верхнеудинске провозгласило создание независимой демократической Дальневосточной республики (ДВР).

2 См.: Вопросы истории. 2000. № 7–10.

3 Кокошкин Ф. Ф. Автономия и федерация. С. 3.

принесено столько человеческих жизней, во имя национального ренессанса было совершено столько героических подвигов, столько потоков народной крови было пролито по вине командующих классов, систематически вливавших в национальную проблему яд человеконенавистничества и звериного шовинизма, что трудящиеся массы всех стран кровно заинтересованы в ее благополучном разрешении»¹. Украинские левые эсеры (Я. Браун, М. Шелонин) полагали, что наряду с хозяйственными и политическими советами (выборы туда осуществляются по производственному или территориальному признаку без различия этничности, то есть совместно и смешанно трудящимися всех национальностей) необходимы советы по делам народностей, избранные представителями различных этнических общин трудящихся – евреями, украинцами, русскими, греками и т.д., что, по их мнению, особенно актуально для многонациональной Украины. Каждый человек получал право свободно «записаться» в любую общину по своему выбору – этничность считалась левыми эсерами делом свободного самоопределения человека, результатом его личного выбора, а не вопросом крови. Этнические советы трудящихся, образуя как бы третью палату власти Советов, должны были заниматься вопросами развития культуры, школ, учреждений, систем образования на местных языках и т.д.²

Возрожденные анархистские группы с новыми силами организовывали издательскую деятельность, выпуская брошюры, листовки, газеты и журналы, переиздавая работы М. Бакунина, П. Кропоткина и других теоретиков анархизма. За 1917 г. переиздано более 20 названий работ Кропоткина. В 1917 г. для пропаганды идей федерализма и децентрализма в Москве создана Лига федералистов – на базе тех, кто развивал идеи анархо-федерализма³.

В нее входили представители различных партий – сторонники федерализма, председателем был П. Кропоткин. В архиве Дмитровского историко-художественного музея хранится рукопись Кропоткина проспекта изданий Лиги федералистов. Предусматривалось издать три выпуска, посвященных проблемам переустройства России: выпуск 1 – «Очерки федеративного движения в России» (в 2-х частях), выпуск 2 – «Вопросы федеративного строительства» (в 2-х томах),

1 Шелонин М. Национальные проблемы. Одесса, 1919. С. 3.

2 Литвин А. Л. Левые эсеры: программа и тактика (некоторые вопросы) / А. Л. Литвин, Л. М. Овруцкий. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 1992. 143 с.

3 Кривенький В. В. Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. 1917–1935. СПб., 1998.

выпуск 3 – «Организация Великороссии – центральной России»¹. В числе предполагавшихся авторов разделов пяти томов были социолог П. А. Сорокин, последний генерал-губернатор Великого княжества Финляндского, известный работами по федерализму, С. А. Корф, юрист Б. А. Кистяковский, сын руководителя украинского национального движения А. Ф. Кистяковского, историк С. П. Мельгунов, специалист по политической арменистике А. К. Дживелегов и др.²

Анализ федерализма предполагалось провести в географическом, этнографическом, историческом, экономическом, политическом, юридическом и др. аспектах. Подготовлен был только первый том³. Летом, вернувшись в Россию, Кропоткин писал: «Братья украинцы, всякая федерация представляет договор между несколькими областями или народностями [выше Кропоткин ссылался на пример США и Швейцарии], и в данном случае договор не может быть заключен без согласия русского народа и других народностей, входящих в состав России. Но до созыва Учредительного собрания нет органа, который мог бы заключить такой договор. Поэтому правильным путем для украинского народа было бы – до окончания войны отложить разрешение коренного вопроса о федеративном союзе»⁴. Выступая на Государственном совещании, он заявил: «Мне кажется, нам, в этом Собрании русской земли, следовало бы уже объявить наше твердое желание, чтобы Россия гласно и открыто признала себя республикой... При этом, граждане, республикой федеративной!»⁵ В 1917 г. он признавал, что «русская федеративная демократическая республика» должна быть образована «из приблизительно равнозначущих единиц – без преобладания одной из них над остальными». «Только такая федерация будет полна жизненных сил»⁶. В одной из речей на заседании Лиги федералистов (январь 1918 г.) Кропоткин подтвердил необходимость федерации в России. Он подчеркнул, что «только путем федеративного договора и союза может установиться единение, без которого равнины России

1 Ударцев С. Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России. М.: Форум М, 1994. С. 201.

2 Кропоткин П. А. Федерация – путь к объединению // Голос минувшего. 1923. С. 16.

3 Лига распалась в мае 1918 г. После переезда в Дмитров Кропоткин отошел от работы, связанной с Лигой.

4 Полный текст документа опубликовал Е. А. Старостин. См.: Памятки. Археологический щорічник. Київ, 2003. Т. 4. С. 180–184.

5 Государственное совещание: Стеногр. отчет. М. – Л., 1930. С. 231.

6 Кропоткин П. А. Статьи «Федерация» и «К вопросу о федерации». Копии. 1917 г. ГАРФ. Ф. Р-1129. Оп. 1. Д. 744. Л. 52.

рискуют обратиться в яблоко раздора между ее воинственными соседями, настоящими и будущими»¹. На многих присутствовавших в зале речь Кропоткина произвела сильное впечатление именно благодаря призыву к единению. Историк Н. И. Кареев вспоминал: «Кропоткин, с большой белой бородой, говорил о необходимости братской любви, напомнив мне легенду об апостоле Иоанне, который, по преданию, в старости не уставал повторять: “Дети, любите друг друга”. По окончании его речи... мой сосед наивно сказал мне: “Вот кого бы сделать президентом республики”... Ничто вообще так мало не соответствовало миролюбивой речи Кропоткина, как та озлобленная атмосфера, которая наполняла зал Большого театра»².

Необходимость федерации в России Кропоткин доказывал различными аргументами: опытом исторического развития стран, определивших Россию; федералистской интерпретацией периода феодальной раздробленности; громадностью территории бывшей Российской империи; признанием федеративной организации наилучшей формой для прогрессивного общественного развития; разнообразием быта ее частей, национальными особенностями и необходимостью при этом единства всех частей для противостояния завоеванию, гибели; тенденцией развития общественно-политической мысли в России и др.

Кропоткин считал национальную политику царского правительства «безумием», разрушающим мощь страны³. Исходным началом федеративного устройства страны он считал «безусловный отказ» русского народа «от стремления к преобладанию над окружающими его народностями»⁴. При организации федерации, считал он, необходимо учитывать особенности и традиции политического развития, самоуправления различных народов, отдельных местностей. Разбирая книгу Б. Э. Нольде «Очерки русского государственного права», Кропоткин считал, что это исследование должно дополнить обзором «автономии мусульманских народов Европейской России, казачества русского и Сибирского, инородцев Кавказа, Сибири и Туркестана, а также отдельных областей, присоединенных к Российской империи в Туркестане и Закаспийском крае»⁵.

1 Документы Лиги федералистов см.: Вопросы философии. 1991. № 41.

2 Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 269–270.

3 См.: Кропоткин П. А. Федерация – путь к объединению // Голос минувшего. 1923. № 1. С. 15.

4 Кропоткин П. А. Статьи «Федерация» и «К вопросу о федерации». Л. 10.

5 Там же.

Лидер большевиков В. И. Ленин считал: усиление национальных движений в России и, как следствие, разрушение основ ее государственности способствуют созданию благоприятных условий для социалистического переворота. В марте 1917 г. И. Сталин обозначил курс РСДРП(б) на поддержку политической автономии отдельных национальных окраин, подразумевая, прежде всего, Украину, Закавказье и Прибалтику, а также предоставление права на самоопределение «провинциям» бывшей империи и Польше, геополитически не «вписывавшимся» в новое Российское государство. Теоретически Ленин был готов к подобному развитию событий. На Апрельской конференции он заявил: «Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны. Если Финляндия, если Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист»¹. В. В. Шульгин писал: «Ленин в своих ранних сочинениях писал “Малороссия”, “малорусский народ”. В апреле 1917 года он сдал эту позицию, плохо понимая, в чем тут дело... Ленин, приняв украинскую терминологию, отнял у русского народа целиком тридцать миллионов человек»².

Желая поощрить революционный распад многонациональных империй, Ленин в 1914 г. в работе «О праве наций на самоопределение» выдвинул идею: каждая национальная общность имеет полное право отделиться и образовать собственное независимое государство: «...раз возникли массовые национальные движения, отмахнуться от них, отказаться от поддержки прогрессивного в них – значит, на деле поддаться националистическим предрассудкам, именно: признать “свою” нацию “образцовой нацией” (или, добавим от себя, нацией, обладающей **исключительной привилегией на государственное строительство**)»³.

В апреле на VII Всероссийской конференции РСДРП(б) Ленин дополнил партийную установку на предоставление «областной автономии» отдельным регионам страны программным положением о признании за народами права на полное отделение⁴. Он высказался за сохранение многонационального Российского государства. Но на

1 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 435.

2 Шульгин В. В. 1917–1919 // Лица: Биографический альманах / Предисл. и публ. Р. Г. Красюкова; коммент. Б. И. Колоницкого. М. – СПб., 1994. Т. 5.

3 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 302.

4 Впервые напечатано в книге: Петроградская общегородская и Всероссийская конференции РСДРП(б) в апреле 1917 г. М. – Л., 1925; Сталин И. В. VII (апрельская) конференция РСДРП (большевиков), 24–29 апреля 1917 г. // Соч. Т. 3. С. 52.

новых началах – началах равноправия и братского союза всех народов, за предоставление им государственности в форме республик. «Если будет Украинская республика и Российская республика, между ними будет больше связи, больше доверия» – так пояснил Ленин свою позицию¹.

Сталин на конференции в докладе по национальному вопросу подчеркивал необходимость учета того, что дезинтеграция начала реально осуществляться. Финляндия с особыми правами внутренней автономии добивается у Временного правительства санкции на отделение. Другой вероятный кандидат – Польша; автономистские движения зрели на Украине, в Закавказье и в других местах. Следовало ли большевикам в данных условиях продолжать придерживаться предложенной Лениным формулы? Доклад Сталина и внесенный им проект резолюции отвечали на этот вопрос утвердительно, но с оговоркой. Право на отделение провозглашалось верным в принципе, признавалась и справедливость требования Финляндии. Проект резолюции Сталина содержал существенные дополнения, которые сводились к тому, что право наций на свободное отделение нельзя смешивать с вопросом о «целесообразности отделения той или другой нации в тот или иной момент». Этот вопрос партии пролетариата следовало решать в соответствии с интересами всего «общественного развития и интересами классовой борьбы». Короче говоря, право на самоопределение провозглашалось и подтверждалось для особых случаев, как Финляндия (или Ирландия, которую Сталин также взял в качестве примера), однако большевики не связывали себя обязательством проводить аналогичную политику в отношении ряда других входящих в империю наций, которые могли поставить вопрос об отделении. Сталин, осторожно обрисовав в общих чертах иную политику, заявил: «Я могу признать за нацией право отделиться, но это еще не значит, что я ее обязал это сделать... Я лично высказался бы, например, против отделения Закавказья, принимая во внимание общее развитие в Закавказье и в России, известные условия борьбы пролетариата и пр.»². Кроме того, продолжал он, теперь, когда царизм и его политика угнетения больше не существуют, должно ослабнуть недоверие и расти тяготение к России национальных меньшинств. По его мнению, 9/10 народностей не захотят отделиться. Поэтому партия готова предложить неотделившимся народностям, с их особенностями быта и собственным языком, областную автономию.

1 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 302.

2 Петроградская общегородская и Всероссийская конференции РСДРП(б) в апреле 1917 г. М. – Л., 1925.

Но, как подчеркнул Сталин, это не означало признание австромарксистского принципа культурно-национальной автономии, которую требовал Бунд и которая превратила бы Россию в «союз наций», не основанный на территориальности. Проницательные слушатели могли почувствовать, что автор аргументов, изложенных с грузинским акцентом, является прорусским централистом¹.

Содокладчик Георгий Пятаков, молодой большевик левых убеждений, доказывал, что партия вообще не должна поддерживать принцип права на национальное самоопределение. Пятаков был особо заинтересован в делах Украины, он провел юные годы в Киеве. Он, как поляк Феликс Дзержинский и грузин Филипп Махарадзе, считал, что сепаратистские движения меньшинств – в Польше ли, на Украине или где-нибудь еще – могут быть использованы местной буржуазией для сдерживания революции. Бороться за социализм социал-демократам нужно под лозунгом «Прочь границы». Отвечая Пятакову, Ленин считал, что с 1903 г. польские товарищи выступали против идеи национального самоопределения. По сути, заметил Ленин, они просили своих русских товарищей занять позицию русских шовинистов, отказывающих Польше, Украине и Финляндии в праве на отделение от России. Всякий русский социалист, не признающий финскую или украинскую самостоятельность, обязательно-де скатится в болото шовинизма. Но «если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся...»². Ленин настоял на принятии резолюции конференции в следующей редакции: «За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства. Отрицание такого права и непринятие мер, гарантирующих его практическую осуществимость, равносильно поддержке захватов или аннексий»³. Как показала дискуссия на конференции, национальный вопрос превращался для партии в одну из наиболее жгучих и трудных проблем. В конце концов, отвергнув предложения Пятакова, резолюцию Сталина приняли 56 голосами против 16 при 18 воздержавшихся. В июне 1917 г. Ленин, подыгрывая национальным движениям и надеясь использовать их для захвата власти, возмущался нежеланием Временного правительства выполнить «элементарный

1 *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879–1929. М.: Прогресс, 1991.

2 VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиком); Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиком). Апрель 1917 года: Протоколы / ИМЛ при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1958.

3 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 435, 439.

демократический долг» – предоставить Украине право на полное отделение. В речи на I Всероссийском съезде Советов Ленин выдвинул новый лозунг: «Пусть Россия будет союзом свободных республик»¹.

Хотя большевики уже раскидывали свои идеи по крупным городам, очагов истинного большевизма было немного. Один из лидеров украинского движения В. Винниченко замечал: «Никогда в этих тактических или принципиальных выступлениях большевизма в национальном вопросе не видно живого, активного, горячего чувства, которое бы делало эти принципы действенными, воплощенными в живую плоть и кровь, как это было у них в социальных вопросах. Русский большевизм, как и русский демократизм, не имел сильных, болезненных, жизненных импульсов для глубокого анализа сущности национального вопроса и действительного его решения. Во всей большевистской литературе, как до революции, так и во время нее, национальный вопрос трактовался или неохотно, с некоторой пренебрежительной вибачливостью, а то и брезгливостью, или, как и благосклонно и справедливо, но сухо, холодно, казенно. Во время революции появилась некоторая горячность в той привязанности. Но это была горячность тактического характера, горячность полемики. Большевикам нужно было расположить к себе симпатии национальных групп. И как тактический ход против своих врагов – меньшевиков, эсеров, Временного правительства – они употребляли острую критику позиций этих течений в национальном вопросе и тем самым сами себя пидпихали очень влево, «вплоть до отделения»². Впрочем, оценки представителей этнических элит все же были сдержаннее, чем оценки позиций общероссийскими партиями и их лидерами.

Таким образом, на общероссийском уровне представлен широкий спектр политических стратегий решения национального вопроса: от сохранения самодержавной Российской империи, в которой русские заняли бы главенствующее положение, до большевистского – «вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Предложены различные формы решения национального вопроса: от сохранения унитарного государства с широкой экстерриториальной национально-культурной автономией до полного выхода самоопределившихся наций из состава России и образования ими самостоятельных государств. Преобладали предложения различных форм децентрализации: от национально-культурного, экстерриториального

1 Там же. Т. 32. С. 286.

2 Винниченко В. Возрождение нации. Ч. II. Киев – Вена, 1920. С. 262–264.

самоопределения до федерации. Однако предложения носили умозрительный характер, не учитывавший реального положения вещей. По справедливому замечанию Н. Суханова, «ни одна партия не готовилась к великому перевороту. Все мечтали, раздумывали, предчувствовали, ощущали»¹. Мечта о революции была абстрактной, но революционные партии не забывали о дежурных «красных датах» календаря. 23 февраля по юлианскому календарю (8 марта – по григорианскому) Межрайонный комитет РСДРП с помощью подпольной группы эсеров напечатал листовки к Международному женскому дню. В них перечислялись основные проблемы дня, обличалось самодержавие и капиталисты: «Сотни тысяч рабочих убивают они на фронте и получают за это деньги. А в тылу заводчики и фабриканты под предлогом войны хотят обратить рабочих в своих крепостных. Страшная дороговизна растет во всех городах, голод стучится во все окна». И выводы: «Долой самодержавие! Да здравствует Революция! Да здравствует Временное Революционное Правительство! Долой войну! Да здравствует Демократическая Республика!»².

Взлом имперского социума сопровождался этническим размежеванием. Усилилось политическое структурирование партий по этническому принципу. Это предопределило и результат событий Февраля – общероссийским партиям пришлось столкнуться с лавинообразно возникающей массой «этнических» партий, с их позициями и намечаемыми стратегиями.

Если с 1905 по февраль 1917 г. количество партий составляло 205, из них 45 было общероссийских, то остальные 160 были национальными партиями и движениями. В период между февралем и октябрём 1917 г. в России образовалось 8 новых общероссийских партий и 46 национальных. Общее количество национальных партий в 3 раза превосходило количество общероссийских. В России в 1917 г. было 12 национальных социал-демократических партий (армянская, белорусская, еврейская, грузинская, латвийская, литовская, украинская, эстонская и др.). Надо сказать, что в их деятельности отложилось и в последнее время вводится (особенно на родных языках) в научный оборот большое количество интересных документов, которые при корректной интерпретации помогают уточнить картину событий.

Национальные партии в большинстве своем видели решение национального вопроса через различные формы децентрализации

1 Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1. С. 49.

2 Пролетарская революция. М., 1923. Т. 1. С. 283–284.

управления. Исключением являлась часть Польской партии социалистов во главе с Ю. Пилсудским. Она боролась за полную государственную самостоятельность Польши¹.

После Февральской революции активизировалась деятельность еврейских национальных политических организаций. Самой влиятельной политической силой в еврейской среде стало сионистское движение. Были созданы сотни местных сионистских организаций. Если в 1915 г. в стране насчитывалось не более 18 тыс. активных сионистов, то к маю 1917 г. их число увеличилось до 140 тыс. (при том, что значительная часть западных областей России, где до войны была сконцентрирована половина ее еврейского населения – 3 млн. человек из 6, – находилась к этому времени под контролем германских войск). В апреле 1917 г. религиозные сионисты образовали в Москве партию Масорет ве-херут («Традиция и свобода»), руководителем которой стал раввин из Митавы М. Нурок. Но многочисленные трудности обнаружились внутри самой еврейской общности. Антисионистские течения всех оттенков, справа и слева, старались по возможности «обкорнать» национальные требования, выдвинутые сионистами. Главным противником сионистов был социал-демократический Бунд, который наотрез отказывался включить в программу работы съезда вопрос о Палестине. *Вдобавок, между сионистами и членами Бунда имелись серьезные расхождения во взглядах на само понятие еврейской национальности.*

На Всероссийской (первой легальной, участвовало 83 делегата от 25 тыс. членов) конференции Бунда 14–19 апреля 1917 г. в Петрограде вновь выдвинуто требование национально-культурной автономии для еврейства в России. К концу 1917 г. в стране действовало почти 400 секций Бунда, объединявших около 40 тыс. человек. В мае 1917 г. состоялись съезды сионистов и бундовцев в Киеве и Екатеринбурге.

На обсуждение выдвигались два вопроса применительно к программе работы будущего общееврейского съезда. Основные разногласия выявились по двум центральным пунктам: национальная автономия – ее содержание и объем – и вопрос об Эрец-Исраэль.

Программа Бунда по национальному вопросу ограничивалась требованием «национальной культурной автономии» для русских

---

¹ Кривенький В. В. Новые данные сравнительно-количественного анализа политических партий России // История национальных политических партий России. Материалы международной конференции. М.: Росспэн, 1997. С. 126–129; Программные документы национальных политических партий и организаций России (Конец XIX в. – 1917 г.). М., 1996. Вып. 1–2.

евреев, причем содержание этой формулы было минималистским: оно сводилось к требованию признания идиш языком еврейской культуры и просвещения (в то время как иврит и основанная на иврите культура яростно отвергались).

Представители Бунда утверждали, что нет ни места, ни оправдания еврейской обособленности, поскольку в демократической России будет гражданское равноправие и государственные учреждения, заботящиеся обо всех гражданах России, позаботятся и о евреях. Бунд категорически отвергал точку зрения сионизма на единство еврейского народа во всех частях диаспоры, независимо от мест его проживания. Исходя из этого, бундовцы не принимали и предложения сионистов рассмотреть на съезде положение евреев в других странах для оказания им помощи (в Польше, фактически уже отрезанной от России, в Румынии и т.д.). Бундовцы считали, что евреи в своей гражданской и общественной жизни принадлежат странам их проживания и нет между ними никакой связи, поскольку не существует единого еврейского народа. Поэтому сионистская гипотеза о возрождении еврейского народа в Эрец-Исраэль лишена почвы и выражает реакционные устремления еврейской буржуазии. Судьба русских евреев связана с достижениями русской революции, все силы и энергия евреев должны быть направлены на укрепление революции. Попытка отвлечь евреев от этого их долга ложными фантазиями о создании еврейского государства в Палестине является контрреволюционной. Сионисты отвечали, что их положительное отношение к русской революции и к ее успехам не нуждается в доказательствах и не подлежит сомнению; они убеждены, что поражение революции приведет к крушению всех национальных надежд евреев России, поставив под угрозу также их гражданское равноправие. Нельзя ограничивать жизнь евреев одной только областью культуры. В еврейской национальной жизни много специфики, порождающей и специфические нужды. Эти нужды невозможно полностью удовлетворить с помощью только национальных еврейских учреждений автономного характера, таких как еврейские общины, сосредоточив в них вопросы просвещения и культуры, экономики, здравоохранения, социальной помощи, профессионального обучения, эмиграции и управления ею. Сионисты ставили целью осуществить двойную модернизацию: «погрязших» в традиции евреев и страны, которую они считали отсталой, но созревшей для возрождения с помощью европейских практик. Сионизм претендовал стать эффективным проектом массовой модернизации и европеизации.

В апреле 1917 г. в Петрограде состоялся VI съезд Сионистско-социалистической рабочей партии, на котором она приняла новое название – Еврейская территориалистическая рабочая партия (ЕТРП). В новой резолюции говорилось, что территориальное решение еврейского вопроса может быть достигнуто после того, как евреям по месту их проживания будет предоставлена национально-культурная автономия. В таких условиях создадутся культурные центры, содействующие консолидации еврейского народа.

В апреле 1917 г. от российской Социал-демократической партии По'алей-Цион отпочковалась Радикально-социалистическая партия По'алей-Цион с центром в Одессе. Она проводила культурно-воспитательную работу на иврите и решила вернуться во Всемирную сионистскую организацию на федеративных началах. 24 мая 1917 г. в Петрограде состоялась II конференция движения Це'ирей-Цион. Конференция объявила сионистское движение надклассовым и констатировала, что в создании еврейского государства в Эрец-Исраэль больше других заинтересованы еврейские трудящиеся. Решено просить Всероссийскую сионистскую организацию принять в свой состав Народную фракцию Це'ирей-Цион на федеративных началах. Вскоре после II конференции движения Це'ирей-Цион число его членов достигло 50 тыс. 24–30 мая 1917 г. под председательством Й. Членова и А.–М. Усышкина в Петрограде состоялся VII съезд Всероссийской сионистской организации. На нем присутствовало 552 делегата, представлявших около 140 тыс. членов партии. Ю. Бруцкус сформулировал основные задачи движения, выдвинув на первое место «культурное возрождение еврейского народа на основах его исторического прошлого»¹. От имени Государственной думы съезд приветствовал депутат Н. М. Фридман, от имени Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – Н. С. Чхедидзе, от имени Временного правительства оглашено приветственное послание министра иностранных дел М. Терещенко. В июне 1917 г. Сионистская социалистическая рабочая партия и Социалистическая еврейская рабочая партия образовали Объединенную еврейскую социалистическую рабочую партию (Фарейникте), которая выдвинула лозунг «национально-персональной» автономии российских евреев. Основные программные положения социалистического сионизма в 1917 г. во многом совпадали с требованиями леворадикального большевистского крыла РСДРП. При обсуждении национальной

1 Вольф Э. События на Украине в 1917–1920 гг. и евреи (Кн. 1) // http://samlib.ru/e/efraim_w/ukr1917_1.shtml

проблематики в их программных заявлениях характерна интернационалистская риторика. Будучи сторонниками активного сотрудничества с РСДРП, они пропагандировали лозунг «права наций на самоопределение», оставляя за собой право выражать национальные интересы своих сторонников. В августе 1917 г. Фарейникте рассталась с надеждами в пользу «экстерриториальной» еврейской нации, со своим сеймом и «национально-персональной» автономией. Она «обратилась к Временному правительству с призывом декларировать равенство языков и учредить совет по делам национальностей», он «финансировал бы еврейские школы и общественные учреждения». Фарейникте «тесно сотрудничала» с эсерами¹.

В Петрограде восстановлена Еврейская народная группа во главе с М. Винавером, действовала и группировка религиозных ортодоксов Нецах Исраэль, в Киеве и в ряде других мест – отделения партии Агуддат Исраэль. На состоявшихся во второй половине 1917 г. выборах в руководящие советы реорганизованных еврейских общин 29 городов России сионисты получили 446 мест (в том числе По'aley Цион – 44), ортодоксы – 139, Бунд – 124, Фарейникте – 78. Все социалистические еврейские партии воспринимали русскую революцию как часть международной революции, которая утвердит новые ценности в сознании людей. «Еврейский пролетариат будет по-прежнему черпать пафос для своей борьбы в светлом идеале еврейского социалистического общества в свободной еврейской стране... Великая Российская Революция знаменует собой начало превращения мировой войны в мировую революцию», – заявляла газета «Еврейский пролетариат»².

14 марта в Грозном состоялся чеченский съезд, на котором доклад о задачах национального движения сделал А.–М. О. (Тапа) Чермоев. На съезде наметились две политические группы. Одну группу составляла светская интеллигенция: А.–М. О. Чермоев, А. М. Мутушев, Д. Д. Шерипов, Т. Э. Эльдерханов и др., к ним примкнули предприниматели, часть офицерства. Представители этой группы считали, что в Чечне должна быть создана светская система национального самоуправления горской национально-территориальной автономии. Влиятельные шейхи и муллы из второй группы ратовали за установление теократического режима, основанного на шариате. Активные проповедники идеи шариата шейх Гайсумов, Дени Арсанов, Али Митаев, Абдул-Вагап-Хаджи

1 КЕЭ. Т. 6. С. 85; Т. 7. С. 379.

2 Анин М. Интернационал и война // Еврейский пролетариат. 1917. № 1. С. 9–11; Лапина И. А. Дискуссии о национально-государственном устройстве. С. 60–65.

Аксайский «со своими партиями мюридов ездили по Чечне и агитировали за себя без конца». Как отмечал будущий председатель Чеченского ревкома Х. Д. Ошаев: «Многие говорили шейхи, много хорошего обещали, но мнения всех сходились на одном – в Чечне нужен шариат»¹.

В мае 1917 г. имам Узун Гаджи (в свое время сосланный в Сибирь за пропаганду мюридизма и агитацию против власти царя) провозгласил создание Северо-Кавказского эмирата. Наджмутдин Гоцинский и Узун Гаджи установили через Саид-бея (внука Шамиля) прямую связь с младотурками, и Узун Гаджи получил от османского султана, как халифа, официальный фирман, объявлявший его главой светской и духовной власти на Северном Кавказе. В ходе кампании по выборам в Учредительное собрание России единомышленники имама строили свою полемику с усилившимися в Дагестане социалистами исключительно на обвинении их в отходе от ислама: «Они не верят... не молятся, не постятся, они дошли до того, что совершенно отрицают факт существования Бога». Социалисты Дагестана обвинялись в отказе от шариата и адата, в стремлении захватить земли, пастбища и леса ханов и беков.

Характерно, что в Дагестане (и в некоторых других мусульманских регионах России) вопрос о шариате и вообще о мусульманской догматике ставился разными политическими течениями весьма своеобразно. Р. Г. Ланда сравнивает Узуна Гаджи и Наджмутдина Гоцинского с политиками средневековой Европы, облакавшими свои идеи в более понятную массам религиозную форму. Гоцинскому принадлежат такие высказывания: «Я вью веревку для того, чтобы перевешать всех инженеров, студентов и вообще пишущих слева направо» – и такие: «Нация не может процветать и развиваться без знаний, медицины, техники, военного искусства и прочего»². С такими противоречивыми личностями (представлявшими феодально-клерикальный блок) и шла борьба социалистического блока. Но Гоцинский в глазах части мусульман был «носителем традиций Шамиля, блюстителем веры, поборником прав народа» (чему способствовал факт пребывания его в царской тюрьме и заявление, что он «не учился в русских школах, чтобы остаться верным шариату»). Важный для Дагестана вопрос о земле он хотел

1 Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.); Горская республика (1918–1920 гг.) (Документы и материалы). Махачкала, 1994. С. 17, 45–53.

2 Ланда Р. Г. Мусульманский мир и Первая мировая война // Восток. 2004. № 1. С. 57–72.

передать на «рассмотрение съезда алимов из Бухары, Казани, Крыма, Турции», а всякого противника этого решения объявлял «сошедшим с истинного пути и насильником, навлекавшим на себя Божий гнев и наказание». В августе 1917 г. Гоцинский провозглашен имамом Чечни и Дагестана при поддержке суфийского шейха Али Митаева и его шести тысяч чеченских и ингушских вооруженных сторонников. С ними соперничал председатель Чеченского национального совета Ахметхан Мутушев, опиравшийся на суфийскую группировку Кунта-Хаджи.

Однако социалисты сумели противопоставить религиозной аргументации Гоцинского и других клерикалов также религиозную аргументацию и во время крестьянского съезда Дагестана в августе 1917 г., и в период избирательной кампании в Учредительное собрание. «Шариат на съезде, – писал в 1927 г. видный революционер А. Тахо-Годи, – перевернули “вверх ногами”, так как к съезду были заготовлены специальные цитаты из шариатских же книг, где говорилось, что земля принадлежит тому, кто ее “оживляет”, т.е. крестьянину, так как помещики самолично не пахут. Воды также были объявлены достоянием общим, так что в итоге шариатисты со своим шариатом были побиты шариатом же социалистической группы и голодным, требующим земли желудком съехавшихся крестьян»¹.

Несмотря на серьезные идейные разногласия, грузинские меньшевики и большевики, к примеру, будущее России видели в унитарном государстве, считая, что идеи автономизации и федерализации тормозят социалистическую революцию. Это обстоятельство явилось причиной их противостояния представителям национальных движений разных поколений.

Грузинские социал-демократы придерживались российской ориентации, возражая против автономии не только Грузии, но и всего Закавказья. Они не отрицали завоеваний национального движения, возникшего в 1860-х годах, но считали неприемлемым формировать его новый этап на основе программы тогдашнего лидера движения И. Чавчавадзе. Они были убеждены: после установления социалистического строя национальный вопрос нормализуется сам собой. Судьба Грузии решится в Петрограде, не в Тифлисе. Л. Троцкий позже писал: «Мы знали этих господ раньше, и притом не как владык независимой демократической Грузии, о которой они сами никогда и не помышляли, а как русских политиков Петербурга и Москвы... В качестве

¹ *Абдуллаев М. А.* Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX в. М., 1987. С. 68.

идеологов буржуазной республики Церетели – Чхеидзе, как и все их единомышленники, непримиримо отстаивали единство и неделимость Республики в пределах старой царской империи. Притязания Финляндии на расширение ее автономии, домогательства украинской национальной демократии в области самоуправления встречали со стороны Церетели – Чхеидзе беспощадный отпор. Чхенкели громил на Съезде Советов сепаратистские тенденции некоторых окраин, хотя в ту пору даже Финляндия не требовала полной самостоятельности»¹. В воспоминаниях И. Церетели нет намека на важность национальных проблем в феврале – октябре. Правда, он подробно остановился на своем вкладе в составление текста (совместно с Некрасовым) заявления (ноты министра иностранных дел) от 27 марта: «Временное правительство считает своим правом и долгом ныне же заявить, что цель свободной России – не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достоинства, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение *прочного мира на основе самоопределения народов*. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов, он не ставит своей целью ничьего порабощения и унижения. Во имя высших начал справедливости им сняты оковы, лежавшие на польском народе. Но русский народ не допустит, чтобы родина его вышла из великой борьбы униженной и подорванной в жизненных своих силах»².

Социалисты-революционеры в Грузии представляли собой часть российской партии эсеров. До февраля 1917 г. их влияние было незначительным. Социал-демократы их считали псевдосоциалистами, исключая возможность создания с ними блока. Среди крестьянства были популярны социал-демократы. Компактно проживающие в Грузии армяне, азербайджанцы и евреи были во множестве представлены в социал-демократических организациях, особенно в Тифлисе. Но часть армян примкнула к партии «Дашнакцутюн», часть азербайджанцев – к партии «Мусават». В Тифлисе действовала местная организация Бунда. Грузинские социалисты-федералисты пытались слить воедино социальную и национальную идеологии. Они старались не терять связи с наследием национального движения и в то же время учитывать острую социальную обстановку. Революционная партия

1 Троцкий Л. Миф и действительность / Троцкий Л. Между империализмом и революцией. М.: Госиздат, 1922.

2 Церетели И. Г. Кризис власти. Воспоминания лидера меньшевиков, депутата II Государственной думы. 1917–1918. М.: Центрполиграф, 2007.

социалистов-федералистов Грузии поддерживала идею смены унитарного строя на федеративный. Грузия виделась в составе России федеративной единицей. Социал-демократы поддержку идеи федерализма считали предательством интересов социализма. Социалисты-федералисты упрекали Жордания в небрежении национальным вопросом.

Антироссийской позицией выделялись грузинские национал-демократы, впрочем, как и партия младофиннов, как национал-демократы польские, галицко-украинские, белорусские, молдавские и другие. До февраля 1917 г. идею восстановления государственной независимости Грузии грузинские национал-демократы не выдвигали, ограничиваясь требованием широкой политической автономии в составе России. Их идеи широко распространены в среде грузинской эмиграции, чьими силами в 1914 г. за границей создан Комитет освобождения Грузии прогерманской ориентации. С начала XX века возросла борьба грузинского духовенства за восстановление автокефалии Грузинской апостольской православной церкви. Автокефалисты поддерживали политические силы патриотической ориентации. Грузинские меньшевики, оставаясь пророссийской политической силой, начали формировать блок с национально-политическими силами.

Точная численность армянской партии «Дашнакцутюн» не установлена, но, по ориентировочным данным, она имела от 100 до 165 тыс. членов. После Февральской революции партия всячески подчеркивала приверженность социализму. 7 марта в резиденции главы Тифлисской армянской епархии состоялся ряд совместных заседаний армянских политических партий и течений, Армянского национального бюро, в которых участвовало 50 представителей различных организаций и групп. Возглавил бюро городской голова Тифлиса А. И. Хатисов. Серия из 6 собраний с многочисленными заседаниями названа «Совещанием армянских течений». Совещание действовало до 1 июня¹. Стимулом, по мнению редактора тифлисского журнала «Мшак» А. Аракеляна, была «проистекшая политическая и военная революция, дабы посоветаться о той позиции, которую... следует занять в нынешних обстоятельствах, дабы не быть не готовыми к насущным вопросам, которые затрагивают интересы граждан и наций»². 7 марта собрание постановило: «Необходимо безотлагательно создать временный орган, который будет руководить национальными делами, и в случае

1 ЦГИА РА. Ф. 222. Оп. 1. Д. 3. Л. 83; Меликян В. Армянский вопрос на съездах западных армян в 1917 и 1919 годах // Армянский вестник. М., 2002. № 1.

2 ЦГИА РА. Ф. 222. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-52.

необходимости будет выступать в роли выразителя чаяний армянского народа»¹. Генерал Андраник Озаян в апреле 1917 г. основал в Тифлисе общество, призванное заниматься вопросами, волнующими западных армян. Он и видный западно-армянский писатель, общественный деятель В. Тотовенц обратились к соотечественникам с призывом заниматься исключительно «нуждами истерзанного народа». Крупнейшие армянские партии при внешних различиях фактически разъединяли западных и восточных армян и старались повести армянский народ по своему «освободительному» пути². Межпартийные совещания преследовали цель объединить армянские политические течения, созвать Армянский национальный съезд. Сочтено целесообразным создать подобный орган при Национальном бюро, не отдавая предпочтения в нем какой-либо партии или течению.

Уже с 15 по 20 апреля 1917 г. сформулирована и утверждена на проходившем в Баку I Общекавказском мусульманском съезде первая политическая программа и Азербайджанского национального движения. В ней речь шла о создании национальной государственности в форме территориальной автономии. Накануне открытия съезда, говоря об основных его задачах и целях, М. Э. Расулзаде писал: «Этот съезд, вместе с выражением настроений и чувств кавказских мусульман по поводу текущих событий и их отношения к ним, должен открыто выставить их политические и национально-культурные стремления»³. А. М. Топчибашев на Первом съезде «Мусавата» (26–31 октября) заявил: «...вопросы, которые здесь разбираются, поставлены Национальным Комитетом. Желание и цели Национального Комитета полностью совпадают с желаниями и целями “Мусавата”. Национальный Комитет использует ваши постановления в своей деятельности»⁴.

Разумеется, демократическая революция сама по себе предполагала множество идейных взглядов, пробуждала многообразие зачастую противоположных и конфликтующих течений. Основные общенациональные цели зачастую уступали место узким интересам партий и деятелей, их амбициям, иной раз велась бессмысленная изнурительная борьба. Борьба Н. Михновского за освобождение Украины и его требования взятия Центральной радой всей полноты власти на украинской

1 Там же. Д. 1. Л. 1.

2 Подробно см.: Меликян В. Февральская революция и Армения. Ереван, 1997.

3 Каспий. 1917. 19 апреля.

4 Балаев А. Азербайджанское национально-демократическое движение. 1917–1918 гг. Баку, 1998.

территории вызвали откровенное раздражение самых многочисленных фракций социал-демократов в Центральной раде. Летом 1917 г. Михновский арестован по приказу В. Винниченко и отправлен на Румынский фронт. Осенью он вернулся на Полтавщину, где с ближайшими соратниками принял участие в создании Украинской Демократической Хлеборобской Партии (УДХП), в которую также вошли будущий идеолог украинского интегрального национализма Дмитрий Донцов и братья Шеметы. Партия Михновского оставалась верна его идеям национального освобождения, независимости Украины, составляла жесткую оппозицию социал-демократии.

Сходные проблемы возникли у общероссийских партий и в других национальных регионах. По политическим убеждениям в Крыму к партии социалистов-революционеров примыкали организации СЕРП в Севастополе, Керчи, Феодосии, армянской партии «Дашнакцутюн» (Симферополь, Керчь, Феодосия, Ялта), крымско-татарской объединенной соцпартии, насчитывавшей около 60 тыс. членов¹.

Крымский татарин Дж. Сейдамет вспоминал: «Основной нашей задачей было обеспечивать свободу нашего национального движения. И мы верили, что революция поможет нам в этом. Возможности, которые представились благодаря ей, мы хотели использовать в соответствии со своими интересами, для создания своей организации... во имя укрепления наших национальных прав и свобод». «...Главной проблемой для нас был выбор русской политической партии, программа которой более-менее соотносилась бы с нашими целями. Мы не верили, что большевики смогли бы за короткий срок взять власть в свои руки... даже не думали о каком-либо сотрудничестве с ними. В итоге мы пришли к выводу, что наиболее полезной политической силой для нас, силой, которая в ближайшем будущем могла бы стать господствующей в России, были социалисты-революционеры»². В Крыму оживились и мусульманские сепаратисты, выдвинувшие лозунг: «Крым для крымцев». Всекрымский мусульманский съезд избрал верховным муфтием Ч. Челебиева, который установил тесные контакты с единомышленниками (партией Шура) в Казани и Уфе. Создав в июле 1917 г. партию Милли-Фирка, Челебиев от ее имени направлял делегации в Турцию. За призывы против

1 Королев В. И. Политические партии Украины и Крыма. История и современность. Симферополь: Таврия, 2001. С. 67.

2 Seydahmet (Kirimer) Cafer. Bazi hatiralar [Из воспоминаний]. Istanbul, 1993. S. 166-167.

участия солдат-мусульман в войне с турками он на некоторое время был арестован Временным правительством. Партия Милли-Фирка создала Временный мусульманский исполком, который пытался повести за собой татарское крестьянство (требуя, в частности, изъятия в его пользу *вакуфных* земель) и молодежь, объединившуюся вокруг Союза учащих татар. Органом исполкома стала газета «Миллет». В Бахчисарае и Евпатории милли-фирковцами создан Союз молодежи, в Бахчисарае открыты художественная промышленная школа и учительская гимназия. Существовавшее ранее духовное училище преобразовано в Институт Менгли-Гирея (в честь знаменитого хана Крыма). На созданном в ноябре 1917 г. курултае создана Национальная директория из пяти министров во главе с Челебиевым. Став директором по военным делам, Джафер Сейдамет формировал из эскадронов конного крымско-татарского полка верные Директории части. Принятые курултаем в дальнейшем «крымско-татарские законы» носили националистический характер. Однако вследствие демографической ситуации монополизировать власть в Крыму Директории не удалось. В 1917 г. в Крыму русские составляли абсолютное большинство горожан (60,4 %) и значительную долю сельских жителей (35,9 %); татары были на втором месте (соответственно 11,3 % и 36,6 %); было также немало евреев (14,5 % горожан), греков (4,7 % и 2,4 %), армян, болгар и других, не склонных поддерживать Милли-Фирка.

Есть основание считать, что после февраля 1917 г. в Казахстане была создана национально-территориальная автономия Алаш, а не партия Алаш. О всеказахском мотиве в формировании партии говорит название предполагаемой партии – Алаш, мифического предка казахов, ставшего символом государственности. Решение о создании партии, которая защищала бы интересы всех казахов, должен был принять Всеказахский съезд, 21–26 июля 1917 г. он состоялся в Оренбурге и принял решение оформиться в самостоятельную политическую партию, которая выражала бы интересы всех казахов, поручив подготовку программно-организационных документов группе деятелей: А. Букейханову, М. Довлатову, Г. Гумарову, А. Байтурсынову, Г. Жундибаеву, А. Биримжанову. 21 ноября 1917 г. группа опубликовала в газете «Казах» проект программы. II Общеказахский съезд, состоявшийся 5–13 декабря, к вопросу о создании партии не возвращался, сосредоточив свою работу на проблемах государственного строительства. Съезд провозгласил образование казахской территориально-национальной автономии с названием Алаш.

Национальные партии по критерию отношения к конституционному переустройству страны можно разделить на три основные категории: автономистские партии; сепаратистские; эгалитаристские.

В группе автономистских партий имелись три подгруппы, рассматривавшие национальный вопрос с разных идейных позиций. К первой подгруппе отнесены партии, которые в теоретическом плане обосновывали необходимость введения института национально-культурной автономии для решения национального вопроса в России. К партиям этого типа относятся Бунд, Социалистическая еврейская рабочая партия и «Дашнакцутюн».

Ко второй подгруппе относились организации, которые считали возможным решить национальные проблемы только в рамках территориальной автономии. Она рассматривалась как возможность осуществления местного (краевого) законодательства (и, соответственно, создания местных законодательных органов в виде сейма, рады и т.п.) при соблюдении норм общероссийского законодательства, но с обязательным введением национального языка в административной и образовательной деятельности. Явный приоритет национального вопроса над общеполитической платформой наличествовал у Национально-демократической партии царства Польского, Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, Польской социалистической партии – Левицы, Украинской социал-демократической рабочей партии (бывшей Революционной украинской партии), Белорусской социалистической громады (БСГ), Партии социалистов-федералистов Грузии. Национальная программа БСГ включала требования «возможно большей независимости национальной» и автономии не для Белоруссии, а для всего Западного края с сеймом в Вильно: «Мы стоим за национальную автономию, но сейм мы требуем не для белорусов, а для всего края, – в сейме должны быть представители всех народностей Северо-Западного края»¹.

Наконец, к третьей подгруппе автономистских партий относились те организации, которые также выступали с автономистских позиций, однако с приоритетом классового принципа перед проблемами в национальной сфере: Союз армянских социал-демократов, «Гуммет», Латышская социал-демократическая рабочая партия и украинская «Спилка».

Среди сепаратистских политических объединений выделялись «латентные» и «открытые» сепаратисты. К первым относились

---

1 Турук Ф. Ф. Белорусское движение. Очерк национального и революционно-го движения белорусов. Мн., 1991; История рабочего класса Белорусской ССР. Мн., 1984. Т. 1.

Литовская социал-демократическая партия, Украинская демократическая партия, Украинская радикальная партия, Украинская демократическо-радикальная партия, Украинская партия социалистов-революционеров, «Гнчак». Они, с одной стороны, для внешней аудитории выступали с автономистских позиций, высказываясь в пользу территориально-культурной автономии, а, с другой, для внутреннего окружения выступали с откровенно сепаратистских позиций, прикрываясь демократическими фразами. Подобная тактика объяснялась стремлением использовать политическую конъюнктуру, иметь готовую позицию для обоих вариантов развития событий: и на случай эскалации революционных событий, и на случай официальной реакции на них.

К подгруппе «открытых» сепаратистов относились партии, которые связывали возможность общественного развития с неременным и предварительным условием обретения национальной независимости: Польская социалистическая партия, а затем Польская социалистическая партия – Революционная фракция, Украинская народная партия, Литовская демократическая партия. Сюда же отнесем различные партии – младофиннов, грузинских, украинских, польских, белорусских и других национал-демократов. Лидеры партий играли заметную роль в презентации национальных интересов своих этнических обществ, открыто выдвигали территориальные претензии не только к России, но и к соседним государствам с большими национальными диаспорами.

Идеалом Литовской демократической партии с 1905 г. была «свободная, никому не подчиняющаяся демократическая республика Литвы с правильным поделом имущества, соединенная федеративными связями с соседними демократическим<и> государствам<и> правительством»¹. Во втором разделе программы ближайшей целью партии определялась «широкая демократическая автономия этнографической Литвы», к которой причислялись вся Ковенская губерния, большинство уездов Виленской и Сувалкской губерний и часть уездов Курляндской и Гродненской губерний, пояснялось, что «границы автономной Литвы проведутся придерживаясь желания жителей»². Партия признавала, что «Литва может получить автономию через учредителей сейма всей России»³. Отличительной чертой Программы ЛДП была

1 Программы политических партий России... С. 318; Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001.

2 Программы политических партий России... С. 318.

3 Там же. С. 318, 324.

подробная проработка разделения полномочий центра (центральное правление всего государства) и региона (автономное правление Литвы). Центральная власть государства должна была состоять: а) из государственной власти; б) из сейма государства, выбранного всеобщим голосованием всех жителей государства; в) из делегаций автономных частей государства; г) из государственного суда; причем правительство государства должно было иметь наместника для связи с литовским сеймом, назначаемого из выбранных кандидатов сейма Литвы¹.

К компетенции центра причислены иностранные дела, чеканка денег, общегосударственное законодательство и надзор за его соблюдением, всеобщие платежи государства, безопасность и оборона, почта и телеграф, а к местному автономному ведению – местное самоуправление, местные налоги, земельные дела, гражданский и уголовный кодекс в Литве, народное образование, дороги и транспортные коммуникации, народная милиция.

Отмечалось, что «вероисповедания перед законом все равны», а «православная церковь не имеет никаких преимуществ перед другими вероисповеданиями»². Государственным языком автономной Литвы должен был стать литовский язык, но наряду с литовским мог употребляться и «другой местный язык (белорусский, польский, еврейский и др.)»³. Тактика ЛДП намечала способствовать развитию литовского школьного и книжного дела, повороту армии на сторону народа и соединению «с теми депутатами партий, наций и отдельных частей Русского государства, которые желают добиться автономии». Наиболее энергично продвигали национальные интересы лидеры Литовской демократической партии П. Вышинский (Вышинскис), Анджуляйтис, Яблонский, Й. Вилейшис⁴. Вилейшис в 1916 г. принимал участие в раз-

1 Программные документы национальных политических партий. Вып. 2. С. 38–39.

2 Там же. С. 39.

3 Там же. С. 43.

4 Й. Вилейшис (1872–1942) учился у деревенского учителя (даракторюса, в годы запрета на литовскую печать и литовские школы эти учителя тайком учили крестьянских детей литовской грамоте), в 1884 г. поступил в Шяуляйскую (Шавельскую) гимназию. С 1891 г. – студент физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, а с 1894 г. – юридического. После стажировок в Берлинском, Брюссельском и Сорбонском университете Й. Вилейшис в 1900 г. вернулся в Вильнюс, был одним из создателей программы Литовской демократической партии. В двух кабинетах министров, сформированных М. Слежявичюсом в 1918–1919 гг., он возглавлял Министерство внутренних дел и Министерство финансов. В 1919–1920 гг. принимал участие в переговорах с представителями

работке и подписал меморандумы о политических стремлениях Литвы, врученные президенту США Т. В. Вильсону и главнокомандующему Восточным фронтом германской армии¹. 18–22 сентября 1917 г. Й. Вилейшис участвовал в проходившей в Вильнюсе Литовской конференции, избран в Литовскую Тарибу (Совет Литвы).

Наконец, эгалитаристские партии в тактическом плане выдвигали исключительное требование правового равноправия всех наций, проживающих на территории России. При этом они не рассматривали ни территориальную, ни культурно-национальную автономии как способ решения своих национальных проблем в рамках Российской империи. К ним относятся Сионистско-социалистическая рабочая партия, Еврейская социал-демократическая рабочая партия «По'алей-Цион», Союз для достижения полноправия евреев в России, Общество распространения правильных сведений о евреях и еврействе в России, Балтийская конституционная партия, идеологически близкая к «Союзу 17 октября»².

После февраля 1917 г. наиболее популярной формой решения национального вопроса у национальных партий и движений стало утверждение принципа федерализма в основе государственности. Он преобладал в политическом дискурсе. Однако слабой стороной «федералистских» партий было то, что они в большинстве организовывались наспех, без четкой программы реализации идей федерализма.

Наблюдалось слияние партий в более широкие политические объединения, шло и обратное движение – внутрипартийное размежевание. И то и другое приводили к фрагментации партийных установок, к «дележу» и их, и партийных кадров, расколу партий. Парадокс заключался в том, что чем больше в партийных сообществах было жизненных сил, тем больше взаимной непримиримости было между разными надеждами на будущее.

Несомненным положительным моментом стало то, что многие политические объединения получили возможность легализоваться,

---

германских властей, позднее – в миссиях в США с целью добиться юридического признания Литвы и получить экономическую поддержку. В 1920–1921 гг. являлся генеральным представителем Литвы в Америке.

1 <http://www.lnm.lt/ru/exposition-locations/house-of-signatories/signatories-of-act-of-independence?task=view&id=141>

2 Цуунчук Р. А. Презентация этноконфессиональных и региональных интересов в политических программах и предвыборных платформах партий и общественно-политических объединений Российской империи 1905–1912 гг. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М.: МОНФ, 2001. С. 288–316.

уточнять свои политические платформы в прессе и партийной литературе. Отмечался рост членов Партии народной свободы (100 тыс. человек и 380 партийных комитетов), в мае 1917 г. партия издавала 20 газет, а к осени 1917 г. – 150, центральный орган – газета «Речь». Число организаций в мае – 183, а в сентябре – 370. У кадетов отсутствовало стремление форсировать численность партии. Это свидетельствовало об ограниченности ее массовой базы, особенно за пределами крупных городов, т.е. в местах проживания подавляющего числа нерусских этносов. Данная тенденция наглядно заметна на фоне колоссального усиления социалистических партий. «Чуть ли не вся политическая жизнь занята социалистами», – жаловались кадеты. Летом 1917 г. численность эсеров составляла до 1 млн. человек, объединенных в 436 организациях. РСДРП(б) в начале марта насчитывала 24 тыс. человек, в апреле – 100 тыс., в июле – 260 тыс., в октябре – 400 тыс. Самые радикальные из них грезил мировой революцией. В июле большевики имели 50 печатных органов, а к октябрю – 75. Численность партии меньшевиков в мае 1917 достигала 45 тыс., в августе – 200 тыс., осенью – 143 тыс. человек. Издавалось 20 газет. При выборах в Тифлисскую городскую думу 30 июля 1917 г. большевики получили 5,48% голосов (5,083), а в ноябре во время выборов в Учредительное собрание по Тифлису – 19,07% голосов (19,527). За меньшевиков голосовало соответственно 42 и 31,4%, за эсеров – 16,6 и 11,28%¹. На ноябрь 1917 года в Грузии насчитывалось 50 тысяч членов партии РСДРП(м), а во всей остальной России – 143 тысячи (т.е. 25% численности партии при 1,5% грузин относительно населения России).

В результате политического процесса отмечалась важная особенность трансформации бывшей империи: у общероссийских партий доминировали великодержавные намерения. Но если понимать идеологию как стратегию их поведения, общероссийские партии оказались не готовы к управлению страной в принципиально новых условиях.

Литовский общественный и политический деятель, адвокат, философ, побывавший комиссаром Временного правительства при Ставке, В.Б. Станкевич позже размышлял о действенности партийных стратегий в период февраля – октября 1917 г.: «И что же дали политические партии для борьбы с этими трудностями? Правительство, которому сами не доверяли и которое в минуту опасности предали? Демократическое совещание, не сумевшее дать даже теоретического ответа

¹ Жордания Н. Моя жизнь. Стэнфорд, 1968. С. 81; Городские средние слои в Октябрьской революции и Гражданской войне. М., 1984. С. 162.

на вопрос об организации власти? Исполнительный комитет прежнего состава, эту общественно-бюрократическую канцелярию, мнившую, что воззваниями можно управлять страной? Ни политической программы, ни организационных способностей не проявили правящие партии. Вот скорбный итог вчерашнему дню»¹.

Множились обвинения в неточности позиций, преследовании узкопартийных и вообще личных эгоистических целей и намерений и пр. Дж. Сейдамет писал: «...мы стремились к достижению самоуправления Крыма, но, к сожалению, собственническая националистическая психология русских, а также политические взгляды других крымских народностей, которые в таких вопросах всегда осторожно и с поиском выгоды предпочитали следовать за русскими, мешали воплощению в жизнь наших идеалов. Консерваторы, либералы, социал-демократы – меньшевики, социалисты-революционеры, несмотря на опасность распространения большевизма, продолжали разрозненно преследовать свои политические цели, и никто из них не собирался поддерживать с нами сотрудничество. Только большевики, определив, что нашей опорой является народ и армия, придавали нам более или менее какое-либо значение, выделяя среди других. Однако было понятно, что их действия по отношению к нам неискренни и несерьезны. Партия большевиков, захватившая власть в Петрограде с лозунгом “Вся власть советам!”, могла признать только волю советов. И, чтобы не позволить окрепнуть каким-либо силам, большевики как в центре, так и в губерниях, продолжали разжигать мятежи и бесчинства. То же самое они делали и в Крыму. Их целью было взять власть в свои руки. А поэтому принять программу большевиков, войти с ними в соглашение значило унижительно и беспрекословно гнуть шею на их власть...»²

С 26 по 31 октября 1917 г. в Баку Первый съезд партии «Мусават» принял новую программу в присутствии около 100 делегатов, представлявших почти все регионы Азербайджана. Открывая съезд, М.Э. Расулзаде сказал: «Наше желание не господство над другими нациями или подавление других наций. Наш идеал заключается в том, чтобы жить спокойно и счастливо совместно с другими нациями, быть равноправным членом мирового сообщества и стремиться быть культурной и прогрессивной нацией»³.

1 Два пути стоят перед нами... Письмо бывшего Верховного комиссара Временного правительства В. Б. Станкевича 1918 г. // Исторический архив. 1997. № 4. С. 77.

2 Seydahmet (Kirimer) Cafer. Bazi hatiralari [Из воспоминаний]. Istanbul, 1993. S. 236.

3 ЦГАНИ Азерб. Респ. Ф. 894. Оп. 10. Д. 60. Л. 1.

Расулзаде предупредил, что борьба за национальную свободу будет длинной и трудной – «даже у прогрессивных и культурных народов борьба за свободу продолжалась годами». Одновременно он выразил уверенность в том, что «партия сумеет создать сильную организацию, которая, не потеряв своей путеводительной звезды, дойдет до цели»¹.

Сердцевину новой программы партии составлял раздел, посвященный государственному строю страны. В нем утверждалось: «...самым нормальным и рациональным государством должно считаться государство национальное, ибо ни один народ, не располагающий ни самостоятельностью, ни национальной автономией не будет в состоянии отстаивать свою культуру и свободу»². Особо подчеркивалось – «национальное государство только тогда будет считаться истинно народным, когда оно будет защищать и отстаивать интересы не одного избранного класса, а всего народа»³.

Многим казалось, что политический процесс организуется вокруг людей, вызвавшихся быть лидерами и рискующих, что их за это убьют, реализующих свое лидерство исключительно своей харизмой. Более того. «Мы вообразили, что стали уже во главе движения всего передового человечества, одним тем, что отрешились от собственного отечества»⁴. Очутившись зачастую в плену собственных лозунгов, многие поддались революционно-разрушительной эйфории и не поняли специфической роли государственного аппарата, который своим вмешательством компенсировал «недоразвитость» и противоречивость общества, недостаток социально-политических и этнокультурных его взаимосвязей. В. Короленко волновало, что в России уменьшилось ощущение родины: она оказалась между двумя пропастями. Народ стоит на пути к «единому человечеству», но, вместе с тем, он, по словам писателя, совершает большой грех против собственной отчизны⁵. Оценка русского националиста отражена Д. В. Болдыревым: «Правые эсеры, левые эсеры, группа Маркова, группа Чернова, группа Плеханова, “трудовики”, народные социалисты, оборонцы и пораженцы – вся эта ртутная суета разбегается мурашами по всем направлениям, сли-

1 Там же. Л. 3.

2 Программа тюркской демократической партии федералистов «Мусават». Баку, 1919. С. 3.

3 Там же. С. 5.

4 Короленко В. Г. Война, отечество и человечество // Русские Ведомости. 1917. 15–27августа.

5 Короленко В. Г. Война, отечество и человечество (письма о вопросах нашего времени). М.: Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве», 1917. С. 53.

вается, дwoится, трoится, снова сливается и снова дробится. Какая-то Аравия до Ислама. Даже революционная Мекка – Циммервальд – с его “черным камнем” – интернационалом – бессильна объединить этих политических бедуинов – такова сила их фетишизма и глубина забвения целого. Наше несчастье в том, что этот “политический фетишизм” не ограничивается своими “революционными фразами”. Нет, эти звездные сферы, вернее бесформенный млечный путь, втягивает в себя каждого политика... А таких политиканов у нас сейчас не меньше, чем тараканов. Теперь только мы видим, какое безумие было приглашать эту тараканью силу к сознательному участию в политической жизни страны. В основе этого рокового для нас приглашения лежала одна, совершенно не общеобязательная аксиома, – что каждый в отдельности англичанин, француз, перс, русский, *есть и должен быть носителем государственности*. Относительно англичан эта аксиома, может быть, и верна. Но к нам она совершенно не применима, в чем, впрочем, нет решительно ничего для нас удивительного»¹. Короленко в письме С. Д. Протопопову, брату царского министра, признавал: «При всех несовершенствах и противоречиях – *крайние партии* все-таки организовали массу, и теперь она – *не человеческая пыль, а масса, пронизанная по разным направлениям организацией* и сознательными стремлениями. Это значит много, и это заслуга»². Но эти партии требовали буквальной реализации идеала. Всего исторически итогового в реальной и причудливой мультиэтнической композиции, с большой долей в ней иудаизма, мусульманства, буддизма, христианства, Ф. Ницше и К. Маркса. Всему этому надлежало стать отправной точкой зарождающегося кипучего эксперимента развития, в центре которого – «демократические стандарты», но с принципиально разным представлением об этих стандартах, отграничивающих не только *территории*, а универсальные и не слишком универсальные ценности. Политическая обстановка настоятельно требовала в первую очередь становления национальных институтов государства. Они развивались параллельно и даже обгоняли в своем развитии процесс формирования политических партий³. *Предлагаемые общероссийскими партиями политические демократические средства не могли подверстать под себя тип национального раз-*

1 Болдырев Д. В. Идеология русской интеллигенции и Церковь / Сибирская Речь. Омск. № 228. 19 октября 1919 г.; № 246. 9 ноября 1919 г.

2 Короленко В. Г. Собр. соч. в 10 т. Т. 10. Письма 1879–1921. М.: ГИХЛ. 1956. С. 285.

3 Политические партии России: история и современность / Под ред. проф. А. И. Зевелева, проф. Ю. П. Свириденко, проф. В. В. Шелохаева. М.: Росспэн, 2000. С. 276.

вития. Это развитие вращалось вокруг двух полюсов – вполне еще вероятных этактистских триумфов и не менее вероятных и прогнозируемых этактистских поражений – конечной обреченности (пусть не сейчас, а в будущем) непрichaстных к демократии партий, движений и лиц.

1.2. Съезды: «Заговорили вдруг все языки»

Весьма полезно внимательно рассмотреть публику, собиравшуюся на многочисленных съездах в феврале – октябре 1917 года. Она невольнo находилась в состоянии «исторического собеседования» с эпохой. Действительно, в российской истории не было места человеку, но... «Новая, великая жизнь идет, русские люди!»: «начальство ушло». Публика на съездах испытывала иллюзию историчности своей жизни, важности своей миссии в рамках неповторимого момента, который переживает свободный народ. Наметился радикальный психологический разрыв с прошлым¹. Прежние моральные и юридические поведенческие ограничения утратили свою силу. В этом заключалось понимание наступившей «воли». В качестве мессианского аргумента использовалось и особое сакральное знание предназначения нации. По сути, массам было предложено мистическое прикосновение к тому знанию, которым обладают посвященные. Публицисты прибегали к религиозным образам, монархию в шутку называли монахиней, ассоциируя свободу, эту энергию с «духом Божьим, носившимся в феврале над водами, животворя и воскрешая все, что было задушено старым режимом»².

«Мы, интеллигенты, писатели, художники и прочая шушера обрадовались, запели, увидели воочию сокровище наше, Федору. Нам, изгоям, духовным изгнанникам, словно подарили отечество, новое с иголки... Федора обозлилась всерьез, закрипела зубами, полезла, как медведица, примяла австрийца и попала на немецкую рогатину. Тогда повернулась назад, – уточнял внимательный этнограф В. Г. Богораз-Тан, – и в собственном лесу стала разметать и расчищать мусор и валежник перебитыми лапами. Стон поднялся, гам, топот. Попадали вековые деревья, щепки полетели за тысячу верст. Так расцвела, разгорелась после стосильной войны тысячесильная, стихийная, безграничная революция России»³.

1 Общественная психология петроградских обывателей в 1917 году // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 49–58.

2 Свободный народ. 1917. № 67. 19 августа. С. 1.

3 Тан-Богораз В. Г. Автобиография написана 20 мая 1926 г. в Ленинграде.

Среди пламенных агитаторов из многих партий на съездах, в большинстве, интеллигенция. Преобладали школьные учителя, студенты, но были и рабочие, немало и солдат. Много молодежи. И те, и другие, и третьи представляли свое видение будущего. На огромных просторах бывшей империи общественные мнения базировались на слухах, толках, настроениях различных слоев русского и других народов. Единого общероссийского общественного мнения не имелось, существовало, как правило, несколько локальных, региональных, которым находилось свое место на огромных просторах России¹. Февраль стал своеобразной точкой отсчета ее «новой истории».

По данным Военно-статистического ежегодника за 1912 год, в армии находилось 979 557 русских, 104 079 поляков, 23 790 литовцев и латышей, 18 874 немца, 50 237 евреев, 26 621 представитель кавказских народностей, 9 551 финн, мордвин, черемис, чуваш, 38 679 татар, мещеряков, башкир, тептярей². В 1914 г. из добровольцев комплектовались Дагестанский туземный кавалерийский полк, Осетинский кавалерийский дивизион (половина полка) и Туркменский кавалерийский дивизион. Первые два – из мусульманских племен Кавказа, последний – из племени текинцев Туркестана. В августе 1914 г. решено сформировать новую конную дивизию из 6 полков, набранных среди мусульман Кавказа; эта Кавказская туземная конная дивизия получила прозвище Дикой дивизии и снискала великолепную боевую репутацию³. Появились 2 латышские дивизии, Польский корпус легионеров (насчитывал уже до 700 тыс.), Чехословацкий корпус, Югославская дивизия и др. Попытки организовать воинские части из бурят-монголов оказались неудачными. О попытках создать отдельные еврейские части ничего не известно. После февральской мобилизации 1917 г. армию пополнили 700 тыс. новобранцев. Национальный состав этого призыва

1 *Борщукова Е. Д.* Эволюция общественных настроений в Петрограде в 1917 году: февраль как точка отсчета «новой истории» // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 114; *Гросул В. Я.* Общественное мнение в России XIX века. М.: АИРО–XXI, 2013. 560 с.

2 Военно-статистический ежегодник за 1912 год. СПб., 1914. С. 372–375.

3 *Звегинцов В. В.* Русская Армия. 1796–1800. Париж, 1970. Т. 7; *Марков О. Д.* Армия и флот России. 1914–1917 гг. (состав, организация, довольствие). СПб.: НИЦ Моринтех, 2011. С. 220–225; *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004; С. 304. *Копылов Н. А.* Польские военные формирования в составе русской армии (1914–1916): военные и политические проблемы формирования и боевого применения // histrf.ru...formirovaniia...russkoi-armii-1914-1916...

установить не удалось. В преддверии весны действующая армия насчитывала 6,8 млн. штыков и сабель, в большинстве своем прошедших воинское обучение¹.

В получаемой информации с Украины, например, в момент официальных мероприятий в честь новой российской власти не отмечались признаки шовинизма или национализма. Но в ночь с 18 на 19 июля 1917 г. полк им. Полуботка обезоружил российские отряды в Киеве, захватил штаб милиции, военную комендатуру, арсенал, банк, казну, интендантские составы и т.п. Восставшие призывали Центральную раду провозгласить полную независимость Украины, но Генеральный секретариат принял решение разоружить полк им. Полуботка, а позже под охраной российских частей восставших солдат отправили на фронт. Организаторы арестованы за «попытку отделения Украины от России» по ст. 100 Уголовного кодекса и освобождены только в 1918 г.

10 октября на заседании Временного совета Российской республики военный министр А. И. Верховский открыто признал важность этнического фактора в войсках. Он сказал, что помимо существующих польских частей в настоящее время «фактически осуществляется уже создание частей – украинских, эстонских, грузинских, татарских... Это даст возможность держать людей, вместе живших, в войсках, вместе же с этим точно так же поднять боеспособность армии». В общей сложности, по подсчетам Т. Н. Шевякова, «национализации» подвергнуты 53 пехотные и стрелковые дивизии, 6 кавалерийских дивизий, 3 отдельные пехотные и 5 отдельных кавалерийских полков и множество вспомогательных и технических частей. Мусульманскими из них стали примерно 16 % всех «национализированных» пехотных и стрелковых дивизий и 20 % кавалерийских частей. Среди мусульман стремились к образованию отдельных частей настойчивее других татары и башкиры, телеграфировал начальник Генштаба В. В. Марушевский в Ставку Н. Д. Духонину. И другие тюркские народы объединены общностью религии, которая у них, подчеркивает генерал, является «главным и сильнейшим связующим началом». На его взгляд, «розни и стремления к обособлению среди мусульманских народностей не замечается, а, напротив, наблюдается сильное стремление к слиянию на почве общности интересов. Все наиболее авторитетные мусульманские организации, какими являются Всероссийский мусульманский совет и Всероссийское мусульманское военное шуро, носят общенациональный

¹ Кузьмина Т. Революционное движение солдатских масс Центра России накануне Октября. М., 1978. С. 93.

характер и, как показывает самое их наименование, ставят задачей объединение мусульман без различия народности... В соответствии с изложенным Генштаб, мусульманизируя первоначально три пехотных запасных полка в Казани, Уфе и Симферополе, не нашел возможным разделить мусульман-воинов на отдельные народности, что только усложнило бы неизбежную ныне работу по национализации воинских частей». Со своей стороны Всероссийский мусульманский военный шуро (ВМВШ) отмечал: «...нет сомнений, что выделение войсковых частей по национальному признаку, что предвещено декретом о самоопределении народностей, производится без грубых нарушений, так сказать, безболезненно, как технически, так и морально. И боевая мощь армии, уровень ее сознания от этого вовсе не пострадают. Напротив, нужно надеяться на подъем и усиление этих качеств»¹.

«В принципе, послефевральскую Россию можно представить как гигантское открытое информационное пространство, которое требовало адекватного – в смысле соответствующего “языка”, своевременности и содержательности – наполнения... *Информационное пространство превращалось в настоящий кипящий котел всеобщей подозрительности*» – так считает В. П. Булдаков². «Начались бесконечные национальные военные съезды, – вспоминал А. И. Деникин. – Заговорили вдруг все языки: литовцы, эстонцы, грузины, белорусы, малороссы, мусульмане – требуя провозглашенного “самоопределения”, – от культурно-национальной автономии до полной независимости включительно»³.

Отношение к украинской идее у местного населения было разным. Интеллигенция выражала «горячее желание воскресить былую самостоятельность Украины, модернизировав ее сообразно с изменившимися условиями. Сквозь это желание нередко и невольно пробиваются нотки в отношении русского государства, даже в его новых правовых очертаниях»⁴. Характер настроений широких слоев населения тяготел к культурной самостоятельности, а не отчуждению от России. Так, крестьянский съезд в Полтаве прошел под флагом федеративной

1 Исхаков С. М. Вместе или порознь. Тюрки-мусульмане в российской армии в 1914–1918 годы // Татарский мир. 2004. № 15.

2 Булдаков В. П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., ИРИ РАН, 1997. С. 66.

3 Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии (Февраль – сентябрь 1917 г.). Вып. 1. Париж: Изд-во Поволоцкого, 1921.

4 Воронов С. Н. Национальный вопрос и Временное правительство // <http://etnokonf.astrobl.ru/>

республики с широкой автономией Украины¹. «По-настоящему, – уточняет В. П. Булдаков, – солдаты доверялись пропагандистам, лишь почувствовав себя обманутыми командованием и властью»².

Е. Брешковская во многих губерниях в ходе выборов в Учредительное собрание «насмотрелась на приемы большевистских агентов, не только демагогические, но и безгранично нахальные». Ошеломляла «ложь, подтасовка, наглая лесть и самая наглая инсинуация ... фальшь и корысть в речах псевдозащитников классово-борьбы и ее моментального применения». Часть слушателей сидела «понуриив головы, предчувствуя недобрые результаты подобного экстаза и треска... Доверия не было и откуда ему было взяться»³. М. Довнар-Запольский писал: «Недоверию и подозрительности нет пределов»⁴. Действительно, свидетельствует и Я. Лесик, «дошло до того, что на крестьянском съезде крестьяне перед всем миром отреклись от самих себя, и от языка своего, и от всего белорусского. “Не нужно нам белорусов, долой белорусов!” – кричали крестьяне и учителя-белорусы, сжимая кулаки и сверкая глазами. Достаточно было произнести слово белорус, чтобы все засуетились, заревели, как тот бык от красной тряпки. Особенно старались учителя, или, как их называют у нас, наставники. Нужно было заговорить об белорусчине, как они буквально начали реветь, как то неразумное быдло, унюхав кровь...»⁵. На съезде в Оргееве крестьяне произносили «речи о недоверии к Молдавской национальной партии, отказывались от автономии, видя в ней желание отделиться от России». В пределах Российской демократической республики, записано в резолюции крестьянского съезда в Бельцах, Бессарабии не нужно никакой автономии. «Молдавское население, – говорилось в телеграмме крестьян села Устье Криулянской волости Временному правительству, – считает гибельным для Бессарабии выделение ее в особую политическую единицу»⁶.

1 Красный Архив. 1926. № 2 (15). С. 37–38.

2 Булдаков В. П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем». С. 66.

3 Брешковская Е. К. Три анархиста: П. А. Кропоткин, Мост и Луиза Мишель (Воспоминания) / Литература русского зарубежья. Антология в 6 т. Т. 1. Кн. 2. 1920–1925. М.: Книга, 1990. С. 32.

4 Довнар-Запольский М. В. Исследования и статьи. Т. I. Этнография и социология, обычное право, статистика. Белорусская письменность. Издание А. П. Сапунова. Киев, 1909 // Русский Филологический Вестник. 1910. LXIII. № 1.

5 Вольная Беларусь. 1917. № 2. 11 чэрвеня.

6 История Молдавской ССР. Кишинев, 1987. Т. I. С. 337–338.

Но требования автономизации становились привлекательны по мере того, как массы уставали от политической смуты, от некомпетентности и неповоротливости Центра¹. Программные положения Молдавской народной партии формализовали их: предоставить Бессарабии «самую широкую административную, судебную, церковную, школьную и экономическую автономию», создать краевое законодательное собрание «Сфатул цэрий» («Совет страны»), чтобы «в школах всех ступеней языком преподавания был национальный язык», «чтобы администрацию и суд осуществляли сверху донизу служащие – выходцы из народа, на языке народа». Поддерживая их, партийные функционеры стремились к этническому доминированию в государственных структурах. К августу в Молдавии вели пропаганду более 800 учителей, священников и др. интеллигентов, имеющих опыт национальной борьбы в Трансильвании.

Действительно, на съездах ораторам внимали люди, не имевшие ни широкого горизонта для осмысления произошедшего, ни устремленных вдаль мыслей. Их практики, их стиль мышления оставались патриархально-деревенскими. Это люди, которые не мыслят в широких контекстах, критически. Их уровень социального развития и восприятия прогресса различался в зависимости от культурных и исторических условий. Процесс их осовременивания не шел по одной исторической магистрали, он следовал альтернативными путями и имел региональный, множественный или вообще другой характер. В массах развитие ценностей индивидуализма, близких кадетскому «сердцу», было связано не с развитием индустриализма. Немногим ранее известный либерал М. Ковалевский писал: «Представьте себе кавказского горца, обсуждающего те или другие статьи уголовного кодекса и проникнутого убеждением, что кровь надо смывать кровью или взамен этого требовать коров и баранов... Когда окружной суд приговаривает убийцу-черкеса к каторжным работам в Сибири, ближайший родственник жертвы спешит последовать за ссыльным, чтобы осуществить на нем долг мести. Такие факты не раз упоминаются судебными протоколами и административной перепиской»². Точку зрения Ковалевского, недооценившего с этой позиции массу этнических сообществ («чукчей, камчадалов и якутов» и др.) и их возможности равноправного участия в политических акциях, опроверг антрополог и географ Д. Анучин. Он указал, что

1 Шорников П. М. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007. С. 220.

2 Ковалевский М. Отношение России к окраинам // Русские ведомости. 1905. 9 октября. С. 2.

в основе мнения Ковалевского лежит неполное знание¹. На краевом съезде 25 июля 1917 г. в Иркутске с большим докладом по национальному вопросу выступил бурят Э.-Д. Ринчино. Кратко очертив исторический путь бурятского народа в составе России, Ринчино перешел к настоящему моменту. «...Сейчас революция поставила перед бурятами вопрос об устройстве их жизни. Численность интеллигенции в рядах бурят значительно увеличилась, и сейчас народ находится под ее влиянием. В этой революции образовалось два течения: революционное и национально-буржуазное. Национально-буржуазная партия выдвинула требование полного восстановления положения 1822 г., но революционная повела непримиримую борьбу против этого»².

Деникин характеризовал солдатские съезды поверхностно, крайне негативно и по старой привычке – свысока: «Не народные массы, а именно люди, вынесенные волною революции на мутную поверхность вскипевшей до дна народной жизни, принесли с собою... ненависть к России. Искажая перспективу и причинную связь исторических событий, порывая родственные связи, игнорируя тесные экономические взаимоотношения, мешая прошлое с настоящим и отождествляя русскую власть с русским народом, они приняли на себя роль суровых и пристрастных судей России, ее истории и народа. Их голоса раздавались громко в парламентах, радах, кругах, меджлисах, сфатул-цериях, курултаях»³. В. Г. Короленко 1 апреля 1917 г. писал из Полтавы сотруднику журнала «Русское богатство» С. Д. Протопопову: «Приходится выступать публично. Мне всего интереснее говорить с простыми людьми. Недавно говорил на митинге на одной из темных окраин города, откуда во все тревожные дни грозит выползти погром. Аудитория была внимательная. Я выбрал взглядом два-три лица с особенно малокультурными чертами и говорил так, как будто есть только они. И это меня завлекало. Когда я видел внимание, а потом и интерес, любопытство и признаки согласия по мере продолжения, – то это возбуждало мысль и воображение»⁴.

Вот голос марийца А. Н. Алаева, будущего сотрудника Наркомнаца, отраженный в его автобиографии уже в апреле 1923 г.: родился

1 См. *Мозильнер М.* Ното imperii. История физической антропологии в России. М., 2008.

2 Известия Верхнеудинского районного исполнительного комитета и Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1917. 25 июля.

3 *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май – октябрь 1918. Минск, 2002. С. 72.

4 *Короленко В. Г.* Собр. соч. в 10 т. Т. 10. С. 285.

«в бедной инородческой семье. Дома учился и кончил 2-х классное училище, потом ненасытная жажда знаний забросила меня, 14-летнего мальчика в Казань, где кончил образцовое городское училище при Учительском институте. Дальше полуголодное существование и хватание на лету знаний, служба по различным конторам, рабочим, матросом и сотни других профессий до рокового 1914 г. Осенью 14-го забрили в солдаты и вольноопределяющимся направили на Юго-западный фронт. Испытал юношеский националистический угар, молодой задор и “борьба до победы”. Окопная жизнь и жизнь тыловиков, кутеж офицеров с сестричками, ничем не прикрытый грабеж “серой скотинки” отрезвили меня. Потом случайный плен во время отступления и в Австрии окончательно отрезвился. Всеми силами старался избавиться от плена и попасть к русским эмигрантам в Швейцарию. Вместо Швейцарии попал в Баварию, жил там, потом как военнопленного из Австрии направили обратно туда и за дезертирство для отсидки посадили в крепость... Выехал... по фальшивым документам до Львова. Из Львова пешурой добрался до русской границы»¹.

Примеры характеризуют тип сознания, показывают, что оно само по себе свою историческую роль, строго говоря, с блеском отыграло в этом историческом акте российской драмы, но, как и всякое сознание, имело свой предел. И в данном случае этот предел оно ставило себе само – не только судьбоносным и наивным, как античный хор, утопизмом, нежданно-негаданно выплескивающимся в многочисленных документах-резолуциях. Идущая война заставила бывшую «массу» двигаться по большим дорогам, останавливаться на главных перекрестках, почувствовать ветры, дующие в разные стороны, жизнь как взаимообмен разных сил. От сшибок с ними вспыхивало странное пламя. Активировались наиболее архаические, непримиримые, опасные и дремучие чувства в обществе, не способном к самостоятельной экспертизе и рефлексии по отношению к своему и чужому выбору. Носителям этого выбора они казались правильными, нравственными, честными, а главное – идущими, так сказать, от души. Именно поэтому столь затруднительна была коммуникация между сторонниками разных политических мнений, неработающим оказывался основной корпус проверенной аргументации. Выбор становился психологичнее, эмоциональнее и культурно предопределеннее. Носители этого выбора уже видели, что Первая мировая война была не войной государств, а войной наций.

1 ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 21. Д. 374. Л. 285.

Лица слушателей выдавали их социальное происхождение, в основном крестьянское. Часто это люди, уже взявшие в руки оружие не только для отражения неприятеля, но для защиты семьи, земельного надела, пастбища и пр.¹ Их представления о жизни и их личной роли в ней весьма сильно расходились со складывавшимся положением вещей. Слушатели стремились отделить, по возможности, фантазии и обещания от фактического положения, понять, что их ожидает в будущем. Разум пребывал в смятении и беспокойстве. Особенно внимательно слушали тех, кого трудно представить в чиновничьем кресле. Такие ораторы созданы для того, чтобы, напротив, вытряхивать из кресел. Неважно, скольких слушателей они привлекут на свою сторону, важно, сколько сомнений они посеют в душах. Неважно, кто потом соберет урожай этих душ, важно, что он будет обилен. И ораторы, и слушатели – люди с трагически разорванным сознанием, спорившие часто с воображаемым оппонентом: «человеческое общество, народ, как стихия неизмеримо сильнейшая и обладающая неистребимым инстинктом жизни, к самоубийству не придет, но оно может вспыхнуть ужасающим кровавым пламенем, чтобы попытаться в нелепой жестокости найти выход из кошмарного настоящего», – писал в дневнике В. Г. Короленко². Для этого им самим следовало понять, кто они такие и что они в себе несут?

Ответ на этот вопрос, конечно, не прост и не краток. К счастью, вопрос все же неплохо исследован³. У Х. Арендт в ее «Истоках тоталитаризма» есть весьма важная характеристика той эпохи, когда на сцену истории выходит масса. Трудно объяснить, какие катаклизмы привели к ее появлению. Однако она есть. Масса – это множество атомизированных и фрустрированных индивидов, лишенных нормальной жизни в обществе. Они не взаимодействуют друг с другом по собственной инициативе, но легко отзываются на объединяющие призывы авторитарных лидеров. Они не приемлют никакой сложности и чужды желания размышлять, а потому падки на простые идеологические схемы. Чаще всего это схемы, разделяющие человечество на «своих» и «чужих». Главное чувство, консолидирующее массу, – обида. Многие мыслители рубежа XIX–XX вв. писали об этом разрушительном переживании (Ф. Ницше, М. Шелер, Н. Бердяев). В нем выражено ощущение своей никчемности, зависть к тому, кто лучше,

1 Булдаков В. П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем». С. 55–76.

2 Короленко В. Дневник. Письма. 1917–1921. М.: Советский писатель, 2001.

3 Булдаков В. П. Красная смута. М.: Росспэн, 2010.

ненависть к тому, кто умнее. Оно с легкостью плодит реальных и мнимых противников.

Что объединяет всех слушателей – это чувство уязвленного самоуважения. Удивительным образом такое мирозерцание анархично: оно восстает против государства, власти, права. Анархист Н. Махно, чей час уже наставал, почувствовал: «Политические партии серьезно не задумываются над последствиями своих действий и, увлекаясь сами, увлекают за собой и слепо доверяющие трудовые массы зачастую в омут такой сумятицы и неопределенности, глубину которого и сами они не в состоянии ни понять, ни разрешить»¹. Масса, обуянная обидой, может стать опасной для власти, если эта обида будет направлена на нее. Но она может стать опорой и инструментом власти, если последняя сумеет направить эту обиду на кого-нибудь другого. Масса тяготеет к однородности и не терпит разнообразия, по крайней мере в мыслях. И наконец, что немаловажно, человеку массы неинтересны разговоры о человеческом достоинстве, а выражение «права человека» вызывает усмешку или раздражение.

В «Записках из подполья»² Ф. Достоевского было важное наблюдение: «Человеку надо – одного только *самостоятельного* хотенья, чего бы эта самостоятельность ни стоила». Т.е. важен непосредственный опыт. Новое манило высвобождением энергии, которая еще не открыта, но всегда присутствует в обществе, в его старых ценностях³.

Война сильно обесценила человеческую жизнь, сделав привычной гибель миллионов людей. За всю историю России впервые по мобилизации через огромную армию прошли до 15 млн. человек (из них около 1 млн. только мусульман). 80–90 % их них – крестьяне, пришедшие в армию со своими представлениями о «земле и воле». Их замыкание на личные интересы обобщил А. И. Солженицын как право «каждому ехать с винтовкой, куда считаешь правильным. И с телеграфных столбов срезать проволоку для своих хозяйственных надобностей»⁴. «Лакейское требование “побарствовать”, – видел Д. С. Пасманик, – оно было характерно для всей нашей революции»⁵. Налицо

1 *Нестор Иванович Махно*. Воспоминания, материалы и документы. М., 1991. С. 39.

2 *Достоевский Ф. М.* Собр. соч. в 15 т. М., 1989. Т. 4. С. 470

3 *Коукер К.* Сумерки Запада. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 43.

4 *Солженицын А. И.* На возврате дыхания и сознания // Из-под глыб. М. – Париж, 1974. С. 25.

5 *Пасманик Д. С.* Революционные годы в Крыму. Париж, 1926. С. 49.

слияние, совмещение, одновременность и взаимосвязь образующихся потоков сомнений и размышлений, несущихся сквозь 1917 год, таких бурных в своих проявлениях, переменчивых и мятущихся, увлекающих за собой.

Важный аспект внимания будущих слушателей на съездах еще раньше наметил Шолом-Алейхем: «Город маленьких людей... забитый в уголок, в самую глушь, отрешенный от всего окружающего мира, сиротливо стоит этот город, заморожен, заколдован и погружен в себя, словно никакого касательства к нему не имеет весь этот тарарам с его кутерьмой, суетой, сумятицей, кипением страстей, стремлением подавить один другого и всеми прочими милыми вещами, которые люди удосужились создать, придумав для них всякие названия, вроде “культура”, “прогресс”, “цивилизация” и другие красивые слова, перед которыми порядочный человек с величайшим благоговением снимает шапку»¹. Читатели Шолом-Алейхема в 1917 г. оглядывались на такое местечко, как на музейный экспонат. Дети штетла, чтобы вернуть себе достоинство человеческого бытия, усваивали идеи нового мира, присоединяясь к нему или подражая ему, внедряясь в русскую культуру, овладевая ее языком, литературой, идеологией, системой поведения и наукой или становясь членом русского ли, украинского ли, польского ли языкового сообщества или же создавая параллельную культуру на еврейских языках, в которой присутствовали бы современные нормы, идеи, институты и достижения². Так достигалось присоединение к космополитичной в целом европейской культуре. Но и через десятки лет потомки жителей штетлов будут замирать, выискивая шагаловский Витебск на куполе парижской Гранд-Опера или на стенах Метрополитен Оперы, узнавая вызовы перед тогдашними его жителями, а ныне их потомками, уже парижанами или нью-йоркцами. Идеологический фон этих поисков обнаруживается в той готовности видеть мир в процессе перемен, овладевшем этническими элитами.

Сторонник независимости Белоруссии Я. Лесик с неприкрытым разочарованием писал: «Наши крестьяне на съездах высказывались в том смысле, что им не нужна автономия, но делали они это по неразумению и темноте своей, но более всего в результате обмана, так как вместе с этим они говорили, что и язык им не нужен. Никто в мире не отрекается от своего языка... а наши крестьяне отрекаются. Значит,

1 Шолом-Алейхем. В маленьком мире маленьких людей. Пер. М. Шамбадала / Собр. соч. в 6 т. Т. 2.

2 Харшав Б. Язык в революционное время. М.: Текст, 2008.

делают они это по неразумению и темноте... По тем или иным вопросам мы обращаемся к знатокам и специалистам, а вот при *государственном строительстве* удовлетворяемся мнениями таких специалистов, как темный и некультурный народ... Народ – вещь хорошая, но ему необходимо рассказать, разъяснить, его необходимо сначала просветить, научить, и только потом уже звать к себе на совет»¹.

В. Ленин 30 января 1917 г. в письме И. Арманд отразил важное понимание им «текущего момента» – историю, услышанную от бежавшего из германского плена солдата: *«Пробыл год в немецком плену... в лагере из 27 000 чел. украинцев. Немцы составляют лагерь по нациям и всеми силами откалывают их от России. Украинцам подослали ловких лекторов из Галиции. Результаты? Только-де 2 000 были за "самостоятельность"... Остальные-де впадали в ярость при мысли об отделении от России и переходе к немцам или австрийцам. Факт знаменательный! Не верить нельзя. 27 000 – число большое. Год – срок большой. Условия для галицийской пропаганды – архиблагоприятные. И все же близость к великорусам брала верх!»*²

Не только Ленин за рубежом, но и близкородственные элиты подчас плохо были информированы о результатах деятельности соседних этнических элит. Печатный орган татар газета «Ирек» писала: «Мы не имели представления о мощи и основах башкирского движения. Думалось, что это грезы, бред пятидесяти фамилий из башкир, не имеющих представления о положении текущего момента, и даже на ум не приходило, что оно представляет собой национальное движение. Побывав же на их съезде и ознакомившись с характером их учреждений, постановлениями, духом и организациями, мы взгляды на этот вопрос совершенно изменили и вынуждены объявить в категорической форме, что движение Башкирии – это не шуточное дело. Это сильная волна, вышедшая из недр жизни; мы, татары, сегодня или завтра будем обязаны с ним считаться»³.

«Почему массы во все лезут и всегда с насилем?»⁴ – недоумевал позже Х.-Д. Ортега. Но не насилие еще влекло людей на митинги, собрания и съезды. Революция для участников съездов была, прежде всего, внутренней, она происходила в умах и сердцах каждого индивида. Она направлена против властных структур и против господствующей

1 Лесік Я. Аўтаномія Беларусі. Мн., 1917. С. 5–6.

2 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 377.

3 Воля (Ирек). 1917. № 34.

4 Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Пер. А. М. Гелескула, М., 1991. Гл. VIII.

семиотики – набора верований, ценностей и поведенческих моделей – ради усвоения идеалов новой страны. Но возникло многоаспектное центробежное движение в разных направлениях и с множеством ответвлений. Кроме массы фронтовиков, среди участников съездов были и те, что заплатили огромную эмоциональную цену, покинув родные места, родительский дом, расставшись с языком детства, верой, манерой говорить ради усвоения новых моделей поведения, нового языка, новых черт, традиций и верований. Они противопоставили себя бывшей империи, но их попытка апелляции к непонятной большинству традиции «общечеловеческих» ценностей – относительно новая, слабая, неавторитетная тенденция. Фронтовики воочию видели хаос, разорение от войны, страдали от него, научились даже его уважать. А. Ф. Керенский признавал: «Как-то сразу оказалось, что вся реальная сила в государстве попала в руки солдат, крестьян и рабочих по преимуществу. Куда исчезло все остальное, но исчезло сразу...»¹ Но и в тылу уже столкнулись с социокультурными задачами более высокой сложности: усвоить новые социальные практики как жесткие нормы. Кончалось и терпение: когда же откроется их взгляду новый порядок, и каким он будет?

Происходящие перемены имели сложный противоречивый характер. С одной стороны, они утверждали силу общества и государства, распространяя их влияние и власть на громадные территории, включая в их орбиту народы и их ресурсы. Но, с другой стороны, они несли в себе потенциал отрицания этого государства, открывали возможность сохранения и наращивания сил, противостоящих ему. В христианской, исламской, иудейской антропологии становился очевидней разрыв основ традиционного общества с растущим спектром потребностей и возможностями их реализации. Нарушение границ формировало новые механизмы социальной безопасности, предлагало новые стратегии². Интенсивность социокультурной динамики (избирательное право, борьба за универсализацию прав граждан, институционализация социальных изменений, рационализация, светская культура) существенно модифицировала чувство онтологической опасности.

Настроение основной массы населения – крестьянского – еще было пассивно-выжидательным, но с определенной тенденцией

1 ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 725. Л. 68; Оп. 2. Д. 676. Л. 4.

2 См.: Фомичев П. Н. Дискурсы глобализации и тенденции развития социологии: Аналитический обзор // Социологические исследования на пороге XXI в. / М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 36.

к «охранению за народом свобод и завоеваний революции», как оно, конечно, понималось им. Сложна увязка их надежд с воззрениями и своих национальных лидеров, с их намерениями. «Вспыхнула и прокатилась по необъятным русским просторам какая-то удивительная психологическая волна, разрушившая все прежние, веками выработанные и выношенные мировоззрения, ступежавшая границы и рубежи нравственных понятий, уничтожившая чувства ценности и священности человеческой личности, жизни, труда.

– Я никому теперь не верю. Не могу верить!.. – с мучительной страстностью говорят некоторые солдаты.

– Я сам себе не верю, потому что душа у меня стала как каменная, – до нее ничего не доходит... – сказал мне в минуту откровенности один искренний, простой человек.

В горнило политической борьбы брошено все, чем до сих пор дорожил и мог гордиться человек. И ничто не осталось не оклеветанным, не оскверненным, не обруганным. Партия на партию, класс на класс, человек на человека выливают все худшее, что может подсказать слепая, непримиримая вражда, что может выдумать и измыслить недружелюбие, зависть, месть. Нет в России ни одного большого, уважаемого имени, которого бы сейчас кто-нибудь не пытался осквернить, унижить, обесчестить, ужалить отравленной стрелой позора и самого тягостного подозрения в измене, предательстве, подлости, лживости, криводушии...

Что даже в среде самой демократии ругательски ругают всех и вся: и Керенского, и Ленина, и Чернова, и Либера, и Дана, и Троцкого, и Плеханова, и Церетели, и Иорданского... Ругают с ненавистью, с жестокой злобностью, с остервенением, не останавливаясь в обвинениях, самых ужасных для честного человека», – записал в своем дневнике В. Г. Короленко¹.

Большая часть этносов не была готова к независимой государственной жизни, но в условиях острой социальной нестабильности этнос выступал в качестве аварийной группы поддержки, ведущей и определяющей направление социальной самоидентификации. I Караимский съезд (27 августа – 3 сентября, Феодосия) заявил: «Караимы, являясь коренными обитателями Крыма, представляют собой объединенную общностью веры, крови, языка и обычаев особую народность, издревле сохранившую неразрывную духовную связь

1 Голос фронта. 1917. 15 октября. № 38.

со своими Константинопольскими, Иерусалимскими и Египетскими единоверцами»¹. Председательствующий светский и духовный глава С. М. Шапшал², закрывая съезд, напомнил: «Лишь единение рождает силу, а сила побеждает все». В программе партии «Мусават» 1917 г., назвавшей себя Тюркской демократической партией федералистов, подчеркивалось: «Нация – это существо органическое, а не механическое соединение отдельных личностей. Она живет, мыслит, имеет свои цели и стремления. И поэтому каждая человеческая личность связана с нацией, а не с государством. Нация – это человеческое общество, связанное общностью языка, религии, традиции, литературы, культуры, истории и нравов»³. Настоящую овацию вызвала клятва запасных частей Казанского и Симбирского гарнизонов: «Солдаты-чуваши... в случае надобности костями лягут за свой народ»⁴.

Этнос выступал как группа обеспечения экономических и политических преимуществ, хотя и не был единственной, в осознании принадлежности к которой человек искал опору. Среди других групп можно назвать немногие: церковные организации, партии, профессиональные объединения, неформальные объединения (общества). Люди, конечно, «погружались» в одну из подобных групп, но с их помощью стремление к психологической стабильности не всегда могло быть реализовано. В таких ситуациях важно чувство принадлежности к целостной структуре, осознание человеком того, что он – ее часть, занимает в ней бесспорное положение.

1 Известия Караимского духовного правления. 1917. № 5–6. С. 8.

2 Шапшал Сергей Маркович (Серая Мордехаевич) (Хаджи Серая Хан Шапшал, 1873, Бахчисарай – 1961, Вильнюс) – караимский филолог, ориенталист, доктор филологических наук, профессор, уллу газзан (старший священнослужитель караимов), позднее гахам – верховный иерарх, глава караимских религиозных общин. С 1884 в С.-Петербурге учился в гимназии. В 1894 поступил в Петербургский университет на факультет восточных языков. В 1899 оставлен при университете. В 1901–1908 в Иране изучал азербайджанский и персидский языки, преподавал русский язык и общеобразовательные предметы в Тебризе. По возвращении работал в Петербургском университете лектором турецкого языка и переводчиком восточных языков в МИДе. В 1915 избран на пост главы (Гахама) Караимского духовного правления Таврического и Одесского в Евпатории. С 1920 в эмиграции в Турции, Литве (Архив востоковедов. СПб. ФИВ РАН. Ф. 152. Оп. 1. Д. 1563. Л. 39–41; Прохоров Д. А., Кизилов М. Б. Шапшал Серая Маркович (1873–1961) // Крым в лицах и биографиях. Симферополь, 2008. С. 396–400).

3 <http://www.ourbaku.com/index.php5>. Пер. с тюркского 1919 года.

4 ЦГА ЧР. Ф. 499. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

Идентичность помогала человеку найти свою нишу, избежать одиночества и сомнений. Хотя взаимосвязь идентичности с конкретными историческими условиями, а также связь между чувством свободы и чувством одиночества сложна, но определенный баланс между ними устанавливается в процессе идентификации. Опора оказывалась не слишком устойчивой: состав групп постоянно обновлялся, сроки их существования ограничены во времени, самого человека могли за какой-то проступок из группы исключить. Всех этих недостатков лишена этническая общность¹. Это межпоколенная группа, устойчивая во времени, для нее характерна стабильность состава. Человека невозможно «исключить» из этноса.

Благодаря своим качествам этнос являлся для человека надежной группой поддержки. А. А. Гольденвейзер вспоминал атмосферу национального съезда на Украине: «Помню этот зал, переполненный молодой, чужой мне по настроениям и говору толпой. Помню седую голову проф. М. С. Грушевского, занимавшего центральное место за столом президиума. Помню его волшебную власть над всей этой неотесанной аудиторией. Достаточно было ему поднять руку с цветком белой гвоздики, которой был украшен стол, и зал затихал...»²

Традиционная коллективистская ментальность большей части российского общества сохранилась. Хотя экономические, социальные и политические противоречия начала XX века уже не могли быть разрешены обществом в рамках этой ментальности, но социальная и политическая альтернатива в ее рамках не успела вызреть. На съездах и собраниях людей проще всего было убедить, подчеркнув национальный элемент, поскольку на национальный призыв большинство реагирует автоматически или почти автоматически. Но все эти и политические призывы, и им сопутствующие (или же прямо ими генерированные) попытки изменения традиционных способов познания – попытки, также зачастую принимавшие драматические формы, – отнюдь не следовали по каким-либо одним более или менее строго очерченным путям. Напротив, они характеризуются зигзагообразностью, отходами в ту или иную сторону, повторением казавшихся привычно-архаичными траекторий, тупиками, петлеобразными движениями, скрещиваниями

1 Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность в ситуации социальной нестабильности / Этническая психология и общество. М., 1997.

2 Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний (1917–1920 гг.) / Революция на Украине по мемуарам белых. Сост. С. А. Алексеев, ред. Н. Н. Попов. М. – Л.: Гос. изд-во, 1930.

всевозможных направлений «погони за истиной» и т.д. В Полтаве В. Короленко 23 марта отмечал в дневнике: «Всякий национализм имеет нечто отрицательное, даже и защитный национализм слишком легко переходит в агрессивный. В украинском есть еще и привкус национализма романтического и бутафорского. Среди черных сюртуков и кафтанов мелькали “червоны жупаны”, в которые нарядились распорядители... с лицом не то немца, не то англичанина, в бакенбардах. Говорилось много неосновательного, а один слишком уж “щирый” господин договорился до полной гнусности: по его словам, “Украина не одобряла войны, а так как ее не спрашивали (а кого спрашивали?), то она свой протест выражала тем, что будто бы украинцы дезертировали в количестве 80%”. Я при этом не был (ушел раньше); если бы был, то непременно горячо протестовал бы против клеветы: *узенькое кружковство навязывается целому народу и сквозь эти очки рассматривается и искажается действительность*. Никакого представления о необходимости “спрашивать у народа” его воли перед началом войны у украинцев, как и у русских, конечно, не было, и украинский дезертир уходил не потому, что у него не спросили, а по разным побуждениям, не исключая малодушия и трусости. И уверение, будто украинский народ дал 80% малодушных и трусов, есть клевета на родной народ “щирых украинцев”, психология которых очень похожа на психологию “истинно русских”»¹.

Всплеск эмоций, характерный для первых дней, даже когда он окрашен в национальные цвета, не имел ничего общего со стремлением к сепаратизму. К. Маннергейм отметил: «В Киев я тоже прибыл вместе с революцией. Проезжая мимо памятника Столыпину, я увидел, что он украшен красным шарфом»². В. Винниченко, называвший киевскую манифестацию «грандиозным взрывом национального чувства», писал: «Ни о каком сепаратизме, самостоятельности даже речи не могло быть, а когда слышались реденькие голоса, то это были голоса или схоластиков, чистых теоретиков, заядлых “самостийников” или людей, слишком уже болезненно проникнутых национальным чувством. На конференции укр. соц.-дем. раб. партии в апреле вопрос о самостоятельности встретил почти единодушное негативное отношение. За самостоятельность высказались... только два-три голоса»³.

1 Короленко В. Дневник. Письма.

2 Маннергейм К. Г. Мемуары. М.: Вагриус, 2000. С. 13.

3 Винниченко В. Відродження нації. Історія української революції. Марець 1917 р. – грудень 1919 р. Київ – Відень, 1920.

Программные социально-культурные и политические требования национальных движений можно подразделить на крестьянские и интеллигентские. И те и другие включали использование родного языка в образовании, делопроизводстве, официальном общении, богослужении.

На съезде молдавских учителей 25–28 мая эmissар отыскал молдавана И. Буздугана, готового огласить от своего имени написанный им проект резолюции. Однако добиться поддержки учителями тезиса о проведении под языковым предлогом этнической чистки в административных структурах МНП не удалось. Бессарабский губернский съезд учителей принял резолюцию о создании национальной школы, но постановил, что «Бессарабия должна быть в непрерывной общегосударственной связи с великой свободной демократической Россией, в которой права всех национальностей будут одинаково соблюдены»¹.

В сентябре 1917 г. А. Цаликов подчеркнул: «Русское общество и русская печать не в достаточной степени оценивают ту позицию, которую заняло в переживаемый момент мусульманское население России и какими чреватыми для государства последствиями могло бы сопровождаться изменение этой позиции»². Он отметил это обстоятельство: «Можно удивляться той беспримерной лояльности, тому тяготению к русской государственности, которое обнаружило мусульманское население... Можно удивляться тому отсутствию центробежных сил на мусульманских окраинах, которые, казалось бы, должны были получить огромное развитие».

М. В. Довнар-Запольский утверждал: «Вся Белоруссия была наполнена людом, выдвинувшим целый ряд политических деятелей, пользующихся крайними левыми лозунгами, но по существу проводивших централистические и империалистические идеи»³. Общеполитической ориентации кадетов придерживались в той или иной степени Могилевский белорусский национальный комитет, Гомельский союз белорусской демократии, Витебский союз белорусского народа, Оршанский

1 Цит. по: *Стати В. История Молдовы*. Кишинев, 2002. С. 214.

2 Известия Всероссийского Мусульманского Совета. 1917. 8 сентября.

3 *Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии*. Минск, 2005. Рукопись была готова не ранее 1920 г., свидетельствует реклама обложки «Курса белорусоведения» (Минск, 1920). См.: *Антанович Н. А. Историко-культурные условия национально-государственного строительства и политическое развитие республики Беларусь // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2010. Т. 6. № 2. С. 176–197.

белорусский народный комитет, Христианско-демократический союз, Белорусская партия народных социалистов, Белорусская партия автономистов. Демократические силы в Белоруссии были расколоты по национальному признаку: еврейская их часть шла за Бундом и сионистами, польская – за Польской партией социалистов, православная – за русскими эсерами и меньшевиками¹. Но крестьянские массы, рабочие, мелкий городской люд и городские средние пласты к вопросам национально-государственного самоопределения Беларуси относились без энтузиазма².

В феврале 1918 г. В. В. Розанов писал П. Б. Струве: «Тайная моя мысль, – а в сущности, 20-летняя мысль, – что только инородцы – латыши, литовцы (благороднейшая народность), финны, балты, евреи – умеют в России служить, умеют Россию любить и каким-то образом уважать, умеют привязываться к России...»³ В Ташкенте, получив текст универсала Рады об автономии Украины, размещенные на стенах объявления к утру вымарали черной краской⁴.

Конечно, обострены претензии к императорской России, не благоволившей национальному самовыражению составляющих ее народов, за исключением некоторых черт культурно-религиозной автономии. Никакой возможности создать собственные национально-территориальные структуры управления в царской России для них не существовало. Национальные окраины управлялись из центра, представители некоторых, евреи например, подвергались прямой дискриминации. Вспоминались застарелые противоречия из-за земельных, водных и прочих ресурсов, закоренелые территориальные конфликты, исторические счеты и обиды, нанесенные тем или иным народам в ходе политики русификаторства, которая проводилась в ряде регионов империи царским правительством, и друг другу при его попустительстве. Межнациональные отношения оставались сложными, степень их остроты еще повышали «резюльюции» трудящихся, осуждения противников как контрреволюционеров, рассказы

1 *Богданович Е. Г.* Национально-государственная идея в общественно-политическом движении Беларуси // *Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 3 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэдактар) [і інш.].* Мінск: БДУ, 2008. С. 3–12.

2 *Вернигоров В. И.* Политические партии России и Беларуси: страницы истории: пособие для студентов вузов. Мн.: Тесей, 2006.

3 *Розанов В. В.* О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990. С. 680.

4 *Исхаков С. М.* Мустафа Чокаев о революции 1917 года в Центральной Азии / *Acta Slavica Iaponica.* Т. 18. 2001.

о стычках, сотрясавших различные уголки страны, этнофобские расправы, подчас и этнические чистки¹.

Но демократические лозунги Февральской революции открыли такие возможности легитимации этничности, при которых имперский порядок уже был излишним. Делегаты многочисленных съездов хотели услышать, что у них будет место в новом мире и новом государстве. Но с конвертацией интересов плохо получалось даже в публичной риторике.

Солдат Чиненов так рассказывает об увиденном им в 1917 г.: «Первым выступил представитель партии кадетов. Он говорил красиво, но об окончании войны не упомянул. Ему все-таки аплодировали. Затем выступил меньшевик, он тоже увлекательно говорил, критиковал кадета, но сам ничего существенного не сказал. Ему тоже хлопали. После него выступил эсер, заявив, что он член той партии, которая защищает интересы трудового народа. Он пускал шпильки предыдущим ораторам, но сам тоже ни об окончании войны, ни о земле ничего определенного не сказал»².

Одна из важных тем – нужно ли согласиться с тем, что заметное число их земляков, согласно, например, большевистской теории, ближе связаны с рабочим классом в других землях, чем со своими же соседями, не являющимися «пролетариатом»? Но они не думают о себе как о пролетариате. То, что они так думают – одно из заблуждений питерских и московских ораторов. В мае 1917 г. «Голос Бунда» писал: «Россия только стала на путь капиталистического развития... и что если пролетариат захватит власть, он оттолкнет от себя все другие классы... настроит их против себя и погибнет в неравной борьбе»³.

По той же причине делегаты национальных съездов предпочли бы жить не в том государстве, управляемом рабочими, государстве, не знающем классовой дискриминации, не в том государстве, идеалы которого установил Маркс, в котором пролетариату принадлежит вся власть и где он задает тон. Именно по этим соображениям они хотят быть «автономистами». Это – рефлексия на риторiku большевиков. У «автономистов» нет ничего – так же как и у рабочего класса. Влияние

1 Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый Хронограф, 2010; Рынков В. М. Государство, личность, массы: террор и насилие в годы Гражданской войны // Государство и личность в истории России. Новосибирск, 2004. С. 63.

2 Чиненов И. Встречи с Лениным // За власть Советов. М., 1957. С. 31.

3 Рафес М. Очерки истории еврейского рабочего движения. М. – Л., 1929. С. 187.

капиталистической системы также тяготит их: капитализм интернационален по своей сути.

Но риторика и кадетских ораторов углубляла конфликт правового и потестарного типа культуры. Как писал И. Фирдевс, в этом направлении «работа среди национальных меньшинств почти отсутствовала»¹. П. Б. Струве еще до войны пророчествовал: «К национальным вопросам в настоящее время прикрепляются сильные, подчас бурные чувства. Чувства эти, поскольку они являются выражением сознания своей национальной личности, вполне законны, и принципиальное их подавление и угашение есть глубокая ошибка и великое уродство. Такое угашение загоняет эти чувства внутрь, и они могут тогда вырваться наружу действительно в искаженном и изуродованном виде и производить настоящие опустошения. *Разумное решение вопросов права этим угашением национального чувства не только не облегчается, а, наоборот, затрудняется*». Струве еще в 1909 г. заметил: П. Н. Милуков «"боятся", что "национальное лицо"... "будет больше походить на изнанку"... часть русской интеллигенции... "в поте лица своего ищет экзотических формул и гоняется за экзотическими чувствами"»².

Но вот как осмыслял задним числом национальные проблемы Февраля член Юридического совещания Временного правительства юрист и публицист М. В. Вишняк: «Конечно, ростом национального самосознания не исчерпываются все законы и пророки. Не с него начинается и не им кончается история человека, народа и человечества. В логическом и ценностном ряду общечеловеческое является и более высоким, и более универсальным и многомерным. *Но национальное и общечеловеческое не два разных мира или понятия, противостоящие друг другу. Здесь одно находится в другом (курсив мой. – Т.К.)*. Эмпирически данная нация светится и освящается в меру воплощения в ней общечеловеческого. Относительной, но необходимой формой восхождения человечества к абсолютному, к меж-, вне- и сверхнациональному является национальная форма бытия и самосознания. Ни один народ не может творить своей истории без того, чтобы не иметь в своем инвентаре национальную революцию. *До этого историю творят за него, вместо него, вопреки ему*»³. Риторика кадетов сводилась к тому, чтобы дать людям общую правовую платформу, предложить, по словам В. Б. Станкевича, нечто от «модернизированного

1 Революция в Крыму. 1923. № 2.

2 Струве П. Политические зигзаги и несвоевременная правда // Слово. 1909. 12 (25) марта. С. 1.

3 Вишняк М. В. Два пути: февраль и октябрь. Париж: Современные записки, 1931.

национализма», что казалось все же привлекательней того, что он же в призывах Струве обозначил беспощадной борьбой с украинством¹. Культурные различия не должны приводить к расколу между этносами. «Свои» ораторы поднимали тревогу, говоря о национальных интересах, о праве на собственную картину мира, на культуру.

Этнические элиты сумели придать неожиданный размах съездам, активно включить в них разные этнические сообщества, обострив тем самым проблемы управления всеми сферами общественной жизни. Национальные движения выступали под лозунгом ценности собственной конфессиональной, культурной и общественно-политической идентичности. Идея культурно-национальной автономии активно обсуждалась съездами представителей многих этносов, напрямую касаясь структур управления ими.

20–27 апреля в Казани прошел Всероссийский национальный съезд учителей-татар. Обсуждались вопросы совершенствования татарского школьного образования. Съезд избрал Центральное бюро мусульманских учителей. Председателем Бюро стал историк и общественный деятель Г. Губайдуллин². Съезд поддержал предложения

1 См.: Станкевич В. Б. Судьбы народов России. Берлин, 1921. С. 9.

2 Губайдуллин Газиз Салихович (псевд. Г. Газиз, 1887–1938). Татар. писатель, историк, литературовед. Род. в Казани. Ок. медресе, в молодости увлекался идеями Л. Н. Толстого и социализма. Учился на ЮФ, ИФФ Казанского ун-та (ок. в 1916), там же начал научную деятельность: в 1913 организовал комиссию по изд. юбилейного сб. в честь Марджани; служил по учебным заведениям Казани. Зам. предс. ОИАЭ при Казанском ун-те, чл. правления НОТ. Арестован 13 сент. 1921 за «созыв нелегального собрания комитета помощи голодающим». 27 сент. Коллегией Всетатарской ЧК освобожден. С 1925 работал в Баку: доцент, с 1928 проф., зав. каф. истории тюрко-татар. народов, декан востфака АзГУ; декан ист.-общ. отд. Тюркского пед. ин-та; уч. архивист, зав. орг. – изд. отделом Азерб. центр. гос. архива (1925–37, с перерывами). От изучения истории волжских татар и башкир обратился к истории и др. тюрк. народов. Чл. ВКП(б). Активно участвовал в работе ВНАВ; в 1926–27 выступал на заседаниях ее ист.-этнол. отдела с докладами «Программа и задачи Востфака Азерб. ун-та в связи с востоковедной и краеведческой работой в Азербайджане» и «Происхождение узбеков». Участник I Всесоюз. тюркологич. съезда в Баку (1926). В начале 1930-х в марксист. изд. начинается кампания против Г. как «бурж. историка» и «пантюркиста». Арестован повторно в 1937. Обвинен в участии в якобы созданном в 1934 Всесоюз. объединенном центре во главе с Т. Р. Рыскуловым (членами центра назывались также С. Д. Асфендиаров, А. Тахо-Годи, Б. В. Чобан-заде); шел по одному делу (№ 3404) с Х. Зейналлы, Г. Ш. Шарафом и Б. В. Чобан-заде. 20 мая 1938 ВК ВС СССР приговорен к ВМН. Расстрелян в подвале здания НКВД Казани (Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). Изд. подготовили Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб., 2003).

об изменении российского государственного устройства в направлении федерализации и предоставления татарскому народу национально-территориальной автономии. Будущее татарской нации волновало и делегатов Всероссийского съезда татарских женщин, проходившего в конце апреля в Казани. 12 мая 1917 г. в Уфе состоялся областной съезд учителей Уфимской и Оренбургской губерний. На съезде принято решение об организации обучения нерусских народов. В соответствии с ним начальное образование в государственной школе ведется на родном языке. Светские школы имеют единую программу. Мусульманская начальная школа имеет шесть классов. Русский язык вводится в мусульманских школах с третьего класса. При университетах и учительских школах открываются кафедры истории и этнографии нерусских народов, мужские и женские национальные учительские школы. Религиозное образование детей до шестнадцати лет вводится в соответствии с желаниями родителей. Учебные заведения переводятся на национальный язык с 1917–1918 учебного года.

С 10 по 16 июля 1917 г. во Владикавказе прошел Первый Всеосетинский учительский съезд, на который приехали делегаты из Южной Осетии и других регионов России. Рассматривались вопросы организации осетинской школы, программы преподавания. Утвержден алфавит, который в дальнейшем так и назывался – алфавит, принятый на учительском съезде в 1917 г. В обращении делегаты съезда подчеркивали: «Настало время строительства новой лучшей жизни... Теперь в этом направлении не встречается больше никакой помехи»¹. Школа должна быть национализирована, руководство ею поручалось избираемому Училищному совету. Е. Н. Косых установил, что только в Восточной Сибири вопросы образования обсуждались на съездах учителей, учащихся и родителей учеников 34 раза. В Иркутской губернии прошло 33, Забайкальской – 27, Енисейской – 26 съездов, конференций, совещаний. Одних учительских съездов в Забайкалье в марте 1917 – мае 1918 гг. состоялось 12². Съезд хакасов Ачинского и Минусинского уездов (6–7 апреля), общенациональный съезд бурят Забайкальской области и Иркутской губернии (23–25 апреля,

1 Труды 1-го Всеосетинского съезда, состоявшегося в г. Владикавказе с 10 по 16 июля 1917 года. Составлены М. Ю. Гадиным и Г. А. Дзагуровым. Б.г., б.м. С. 1–11.

2 Косых Е. Н. Вопросы образования и культуры на съездах, конференциях и совещаниях социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций, состоявшихся в Восточной Сибири в марте 1917 – мае 1918 гг. / Проблемы истории и исторического познания. Томск: ТГУ, 2001. С. 175.

Чита) под флагом культурно-национальной автономии выступали за создание национальных школ¹. 27 июля в Иркутске краевой съезд исполкомов общественных организаций Восточной Сибири заявил о «полном праве национальностей на самую широкую культурно-национальную автономию, которая может только укрепить силу государственного единства России, построенного на принципе демократической федерации»².

Состоявшиеся в 1917 г. многочисленные совещания и съезды начали выдвигать этатистские требования. Национальные съезды в 1917 г. считали необходимым создание федеративной демократической республики. Предлагался союзный тип федеративной власти, без жесткой вертикали. Составной частью вопроса явилось решение съездов о создании своих территориальных автономий. Выделяя общие черты национальных съездов, необходимо отметить: 1) схожесть механизма их созыва; 2) их явную антисепаратистскую тенденцию и схожесть характера резолюций, с первоочередностью требования реализации права наций на самоопределение; 3) требование создать центральный правительственный орган, ответственный за справедливое решение национального вопроса и реализацию реформы государственного устройства страны; 4) создание или наделение властными полномочиями национальных органов самоуправления, с попыткой определения этнографических границ автономий; 5) апеллирование к Всероссийскому Учредительному собранию и Временному правительству, как высшим политическим инстанциям, в адрес которых обращались резолюции съездов; 6) призыв к межнациональному сотрудничеству как основе новой федерации – союза равноправных национально-территориальных автономий; 7) и в то же время – отсутствие решений о конкретном политическом статусе и форме автономий, их компетенции, разграничении полномочий между будущим федеральным центром и местными национальными властями. Ни один из национальных съездов не ставил целью разрушить общероссийский территориальный комплекс, ни один из них не заявлял о национальной исключительности, но повсеместно выделялись проблемы развития культуры, родного языка, школы.

1 Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Иркутской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / Сост. В. Зыкова. Томск: ТГУ, 1991. С. 49.

2 Национальное движение в Бурятии. Документы и материалы. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ Сибирь, 1994. С. 43.

Обоснования постановлений фокусировались на политической сфере, напрямую связывались с распределением власти и борьбой за нее. Центр тяжести смещался от проблем общекультурной и этнокультурной антропологии, от оценки процессов, связанных с представлениями о трансляции ценностей, к формированию структур, ответственных за их укоренение в повседневной жизни этносов. Съезды стали опорой в установлении легитимности национальных структур управления. Набирала силу харизма отдельных лидеров, но усложнялись их отношения друг с другом. Г. П. Федотов, наблюдавший события 1917 г. из окон Публичной библиотеки на Невском проспекте, был уверен, что «первыми предали свободу не массы, а культурная элита, с конца XIX века увлекаемая потоком иррационализма... В безрелигиозной культуре, изверившейся в силе разума, чем может определяться живая активность? Инстинктом и слепой волей. Таково было трагическое мироощущение Ницше. Но задолго до него Маркс нанес сильнейший удар разуму в своем отрицании объективной, сверхклассовой истины. Маркс и Ницше царят над современностью как ее темные пророки, вызвавшие иррациональные бури сперва в царстве духа, потом в царстве политической воли. Их торжество в современном мире означает взрыв темного энтузиазма, и этот энтузиазм оказывается окончательно губительным для свободы, уже подточенной червем сомнения»¹. Наступила эпоха языческого безумия, безграничных диктатур, когда идея подменялась словом-заклятием, которое давало власть над вошедшими в историю массами. Этот магизм наступавшей эпохи чувствовали многие². Достаточно сослаться на Шпенглера, как он чувствовал магию: «Обратим теперь внимание на то, каким образом сознание отдельных культур духовно уплотняет первоначальные *numina*. Оно обкладывает их полными значениями словами, именами, и заколдовывает – понимает, ограничивает – их на этот лад. Тем самым они подчиняются духовной власти человека, который имеет в своем распоряжении имена. А уже было сказано, что вся философия, все естествознание, все так или иначе связанное с “познанием”, есть в глубочайшей своей основе не что иное, как бесконечно утонченный способ применять

1 Федотов Г. П. Восстание масс и свобода // Федотов Г. П. Защита России. Paris: YMCA-PRESS, 1988. С. 83.

2 Кантор В. Георгий Федотов: фашизм и большевизм как борьба с разумом // Вестник Европы. 2012. № 34.

к «чуждому» магию слова первобытного человека»¹. Магия обеспечивала внутреннюю, глубинную связь между носителями высокой духовности и массой, низводя элиту до массы.

1.3. Административные стратегии: «Недостаточное знание и недостаточная осведомленность правительства о местной жизни»

Утверждение о слабости и формальном характере правительственной власти в марте – октябре 1917 года нельзя назвать новым для науки. Меньше обращалось внимание на слабость конкретных механизмов функционирования Временного правительства в регионах. И тем более, не выделялась эта специфика в иноэтничных регионах в их совокупности. Но государство оставалось особой формой *самоорганизации* сложных обществ, основанных на легитимации *функции управления*. Общество *не может жить* без государственного управления. М. Вебер считал право на *легитимное насилие* родовым признаком *любого* государства. *Чувство легитимности, то есть справедливости и эффективности действий данной власти, разделяемое жителями страны, есть мандат на последующее управление*. Однако государства (в Веберовском понимании) уже ассоциировались с культурными общностями – «нациями» и становились высшим приоритетом «не только в политике, но также и в экономической, культурной и социальной стратегии»².

Вспоминая исторический момент формирования правительства, когда, писал племянник знаменитого М. Каткова историк Г. М. Катков, «люди задавали «ядовитый вопрос»: «А кто вас избрал?»», П. Н. Милюков «ответил: «Нас выбрала русская революция!». Эта простая ссылка на исторический процесс, приведший нас к власти, закрыла рот самым радикальным оппонентам»³. Представление о дальнейших путях развития структур управления должно было в значительной мере сформироваться уже в марте – апреле 1917 года, когда произошел пе-

1 Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. С. 591.

2 Taylor P. J. Embedded Statism and the Social Sciences: Opening Up to New Spaces // Environment and Planning. 28.11. 1996. P. 1919.

3 Катков Г. М. Февральская революция. Париж: YMCA-PRESS; переизд. М.: Русский путь, 1997.

ресмотр дореволюционных методов управления и отчетливо встала проблема *поиска новых путей реализации правительственной воли*. В. В. Шульгин же так оценил характер самих поисков: «На кончике стола, в этом диком водовороте полусумасшедших людей, родился этот список из головы Милюкова, причем и голову эту пришлось сжимать, чтобы она хоть что-то могла сообразить»¹.

А. В. Тыркова, близкая кадетским функционерам, искренне поражалась тому, что «новые министры, хорошо знающие все конституции и теорию государственного права, совершенно не понимали, что такое власть, ее авторитет и престиж»². Сходное ощущение отразил в своем дневнике П. Кропоткин 20 июля 1917 г.: «Приезжал А. Ф. К.». На полях добавлено: «НВ. Министерство. Отказ». Керенский убеждал Кропоткина войти во Временное правительство, предлагал на выбор любой пост министра, – вспоминала Эмма Гольдман. – Кропоткин заявил, что считает «ремесло чистильщика сапог более честным и полезным»³. «Вы, верно, уже знаете из газет, – писал сам Кропоткин в Лондон своему знакомому С. П. Тюрину 26 июля, – о сделанном мне предложении, я, конечно, моментально его отклонил, но, сколько мог, помогал людям согласиться на чем-нибудь и направить усилия на строительство внутренней жизни, доходящей до большой разрухи. При этом приходилось входить не только в общие «политические» соображения, а, главным образом, в подробности, мелкие частности *нового, повсюду слагающегося строя*, взаимного отношения различных органов общественной и хозяйственной жизни. – Вы знаете, как меня интересует именно эта часть, и со мной охотно об этом говорят; ну, и трения приходилось хоть сглаживать. Момент ведь ужасный мы переживаем»⁴.

«Старый порядок рухнул сразу и бесследно, как карточный домик», – писал каширский уездный предводитель дворянства В. В. Тараринов. Ему вторил и его политический противник А. Ф. Керенский: «Март, апрель 1917 года были главным образом периодом распада старых связей. Распалось все: старое представление о власти и отношении к ней, старые устои экономической, социальной и государственной

1 Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. С. 492.

2 Борман А. А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Вашингтон, 1964. С. 127–128.

3 Гольдман Э. П. А. Кропоткин // Былое. 1922. № 17. С. 102.

4 Труды Комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. М., 1992. Вып. 1. С. 151–170.

жизни, старый строй в армии, старое отношение к войне и миру, отношения между центром и окраинами»¹.

Прав был Н. К. Гредескул, отметивший еще в феврале 1916 г.: для руководства страной нужен «честный бюрократ», «нужны особые деловые качества в смысле организации жизненного процесса страны»².

В митинговой обстановке заседания и А. Ф. Керенский взывал к антиподу «честного бюрократа» – Петроградскому совету: «Товарищи, я должен сделать вам сообщение чрезвычайной важности. Товарищи, доверяете ли вы мне? (Возгласы: “Доверяем!”). В настоящий момент образовалось Временное правительство, в котором я занял пост министра юстиции. (Бурные аплодисменты, возгласы: “Браво!”). Товарищи, я должен был ответить в течение пяти минут и поэтому не имел возможности получить ваш мандат до решения моего вступления в состав Временного правительства. Товарищи, в моих руках находились представители старой власти, и я не решился выпустить их из своих рук. (Бурные аплодисменты и возгласы: “Правильно!”)»³.

В. Ленин сразу отнесся крайне враждебно к Временному правительству. В первом «Письме издалека» он писал: правительство, «в котором октябристы и “мирнообновленцы”, вчерашние пособники Столыпина-Вешателя, Львов и Гучков, занимают *действительно важные* посты, боевые посты, решающие посты... – это правительство, в котором Милюков и другие кадеты сидят больше для украшения, для вывески, для сладеньких профессорских речей, а “трудолик” Керенский играет роль балалайки для обмана рабочих и крестьян, – это правительство не случайное сборище лиц»⁴. Тем не менее, он выделил способность правительства (с «особенной быстротой») к «чрезвычайно быстрой» организации, чтобы забирать «в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов». Это и в самом деле был взгляд издалека, взгляд еще вовсе не фокусирующийся на управленческих реалиях, их механизмах и процедурах. В своих мемуарах В. Д. Набоков сильно принизит большевистские победы, дав реальную оценку силе, которой обладало Временное правительство: «Легкость, с которой Ленину и Троцкому удалось свергнуть

1 ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 725. Л. 68; Оп. 2. Д. 676. Л. 4.

2 Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М., 2000. Т. 3. С. 277.

3 Катков Г. М. Февральская революция; В-вий В. А. Ф. Керенский. Пг., 1917. С. 28; Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. С. 165.

4 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 19.

последнее коалиционное Правительство Керенского, обнаружила его *внутреннее бессилие. Степень этого бессилия изумила тогда даже хорошо осведомленных людей...*¹.

Для Временного правительства в его механизмах управления национальный вопрос, специфика культур народов России так и не стали играть самостоятельного значения. При всех изменениях в своем составе Министерство просвещения удерживали в своих руках кадеты, среди них, по оценке Н. Н. Суханова, «махровый Мануйлов». Но А. И. Гучков считал, что Мануйлова «совершенно не стеснялись и не дорожили». По словам и управляющего делами Временного правительства В. Д. Набокова, Мануйлов как министр имел исключительно «дурную прессу», хотя в способности на поступки ему трудно отказать. В 1905–1911 гг. он ректор Московского университета. Второй, как и его предшественник С. Н. Трубецкой, избранный ректор голосами либеральной профессуры. Мануйлов даже избирался в Государственный совет. Сторонник сохранения университетской автономии, он возглавлял университет в период революционных событий и последовавшей вслед за ними реакции. Неоднократно был вынужден закрывать университет в связи со студенческими забастовками. Однако в январе 1911 г. в университет из-за массовых студенческих сходок антиправительственного характера введена полиция, что противоречило студенческой автономии. В знак протеста против таких действий властей Мануйлов как ректор университета подал в отставку. Однако министр народного просвещения Л. А. Кассо не только принял отставку, но и уволил его из университета, что привело к демонстративному уходу еще около 130 профессоров и преподавателей. Но став министром, Мануйлов «как-то скорее других проникся безнадежностью в отношении деятельности Временного правительства вообще и чаще других говорил о невозможных условиях работы, создаваемых контролем и постоянной помехой со стороны Совета рабочих депутатов. По существу, он не был боевой натурой, борцом... На него нападали и справа и слева: справа – за бездеятельность и апатию перед растущей революционной волной... Слева его обвиняли в бюрократизме, в сохранении канцелярской рутины, в призыве деятелей старого режима... Мануйлов не умел отбиваться и огрызаться... Кадеты постоянно искали ему замену. Пост министра

---

1 Набоков В. Д. Временное правительство / Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. Сост., послеслов., примеч. С. М. Исхакова. М.: Книга, 1991.

неоднократно предлагался Ф. Ф. Кокоскину¹, в апреле – Милюкову. Замена Мануйлова С. Ф. Ольденбургом не только не вызвала ни с чьей стороны сожаления, но даже в симпатизирующих ему кругах оценивалась скорее положительно, чем отрицательно»². «Мало что можно сказать про первого министра народного просвещения Временного правительства профессора Мануйлова. Это был культурный человек с добрыми намерениями. Став министром по чувству гражданского долга, он одним из первых понял, как ничтожно влияние правительства на ход революционных событий»³, этнокультурного свойства тем более. Говорили, он считал, что правительство в полном составе должно отказаться от власти. Очевидно, он испытал большое облегчение, передав печати своего ведомства сменившему его востоковеду С. Ф. Ольденбургу. Действительно, Мануйлов в политическом отношении себя почти не проявлял.

В революционную эпоху Мануйлов, совсем не боец по складу характера, оказался малопригоден для высоких постов. «Как только миновали первые, самые острые дни революции и начала налаживаться регулярная работа, было организовано огромное собрание столичного учительства, на котором выступил со своей программной речью первый “революционный” министр нар[одного] образования А. А. Мануйлов, – вспоминал В. Чарнолусский, по инициативе и трудами его создан Государственный комитет по народному образованию, представлявший собой общественный мозговой центр при Министерстве просвещения. За пять месяцев работы комитет подготовил и рассмотрел свыше 40 законопроектов. – Выступление это произвело удручающее впечатление: перед учительством оказался человек, очевидно крайне слабо осведомленный в вопросах просвещения и собиравшийся строить его с узкой типично “профессорской” точки зрения. Шли дни за днями и никаких сколько-нибудь важных мер не принималось. Недоумение сменилось все нараставшим раздражением»⁴. Правда, на расширенном заседании ЦК кадетов 11–12 августа, где большинство склонялось к установлению военной диктатуры для «спасения страны от анархии», Мануйлов, уже в отставке, заявил: «Уговорами управлять нельзя... Остается утвер-

1 Шелохаев В. В. Федор Федорович Кокоскин: жизнь и деятельность // http://rusliberal.ru/full/publikacii_dokladi/fedor_fedorovich_kokoshkin_zhizn_i_deyatelnost/

2 Набоков В. Д. Временное правительство.

3 Катков Г. М. Февральская революция.

4 Чарнолуский В. И. От февраля к октябрю. Листки воспоминаний [1927–1930-х годов] // biblio.narod.ru/gyrnal/publicat/gyrn_arx_sod.htm

дить власть на физической силе»¹. Его заместителю – юристу, специалисту по классическому римскому праву ректору Петроградского университета Д. Д. Гримму и ему подобным из университета И. В. Гессен в своих мемуарах дал такую оценку: «Они были типичными добросовестными учеными немецкой выучки, образцово корректными людьми»². Д. Д. Гримм был и членом Юридического совещания, и его комиссий вместе с В. М. Гессеном, В. Д. Набоковым и бароном Б. Э. Нольде. Что до второго заместителя – О. П. Герасимова (1863–1920) – писателя, филолога, историка, педагога, учителя гимназии, домашнего воспитателя детей Толстого, то он занимал эту должность с перерывами и в 1917 г., будучи назначен на нее еще С. Ю. Витте в ноябре 1905 г.³

Выдающийся востоковед академик Ольденбург занимал должность министра с 25 июля по сентябрь 1917 г. 9 августа 1917 г. посты товарищей министра заняли академик В. И. Вернадский и графиня С. В. Панина. «Я не мог, – писал Вернадский в 1930-е гг., – отказаться от предложения С. Ф. Ольденбурга, хотя чувствовал всю непрочность положения дел. Можно было все-таки надеяться, что что-нибудь можно будет сделать, в чем я не ошибся... Поднят был и вопрос о создании новых академий наук... о Грузинской академии наук и об Академии наук на Украине и в Сибири»⁴. Понимание Вернадским украинских проблем не помешало кадетам выдвинуть его на пост министра просвещения. Украинские интересы и перспективы Вернадский начал осмысливать во многих работах, гневно обличая национальную политику самодержавия. «Украинский вопрос является вопросом древним – он ровесник появлению украинского этнографического элемента в составе Московского государства. В разные времена вопрос этот приобретал различные формы», – писал примерно в 1915 г. Вернадский в неопубликованном при жизни труде «Украинский вопрос и русское общество». «Сущность украинского вопроса заключается в том, что украинская (малороссийская) народность сложилась в четко очерченную этнографическую индивидуальность с национальным сознанием,

1 *Думова Н. Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 195.

2 *Гессен И. В.* В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. XXII. С. 301.

3 О нем см.: Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов (Из дневников Е. Я. Кизеветтер).

4 *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. Киев: Наукова думка, 1994. С. 209; *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Кн. 4. Первая коалиция против революции. 6 мая – 8 июля 1917 года; Александр Иванович Гучков рассказывает...; *Набоков В. Д.* Временное правительство.

благодаря которой попытки близких и дальних родственников превратить ее в простой этнографический материал для усиления господствующей народности остались и остаются бесполезными»¹.

В феврале 1917 г. В. И. Вернадский в докладе «Задачи науки в связи с государственной политикой в России» считал, что просчеты в политике в значительной мере обусловлены **«...недостаточным знанием и недостаточной осведомленностью... правительства о местной жизни, местных особенностях и национальной жизни составляющих Россию народностей»**. Он же впервые обратил внимание на то, что «лучшим спаивающим средством и лучшим источником единения является возможно широкое и возможно полное знание и связанное с ним понимание»². Полистный просмотр дневника Вернадского в период, когда он был товарищем Ольденбурга, свидетельствует о внимании к национальным аспектам культуры и образования. В этих заметках отражаются истоки сложной двойственности украинско-российской идентичности, которая характерна для личности и мировоззрения Вернадского в разные периоды. 4 июня 1917 в партийной газете «Свободный народ» он публикует статью «Об автономии», где обнаруживает свою точку зрения по национальному вопросу под псевдонимом «Властелин». В. Вернадский подчеркивал: «Сейчас в России нет автономных областей. Царское правительство ограничивало местное и национальное в жизни, и не давало им развиваться. Но новая Россия, и особенно республиканская Россия, вряд ли может найти формы жизни, совместимые со свободой ее граждан без широкого развития местной автономии отдельных областей Российской республики»³. Вернадский не исключал, что «государство с широкой местной автономией своих областей превратится в федерацию». Осуждая позицию российской интеллигенции, ученый считал, что прогрессисты своим пассивным отношением к украинскому вопросу сделали большую историческую и политическую ошибку. Они усиливали позицию правительства и националистически настроенных кругов вместо того, чтобы критиковать, разоблачать вредность такой политики. «Украинская интеллигенция ждет от России полного признания за украинской народностью прав на свободную национальную работу в сфере школ, науки, литера-

1 Вернадский В. И. Украинский вопрос и русское общество. Впервые опубликован: Дружба народов. 1990. № 3. С. 248.

2 Опубликовано в июне 1917 г. Цит. по: Вернадский В. И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1. С. 10.

3 Свободный народ. 1917. 4 июня.

туры, общественной жизни, считает, что в интересах не только местной украинской, но и общерусской культуры не препятствовать их влечению к украинизации местной общественной и церковно-религиозной жизни, а также местного самоуправления».

В. Вернадский предложил практическую программу действий, с помощью которой можно было изменить к лучшему отношение российского общества к украинскому вопросу. Предусматривались публичные речи, издание специальных брошюр от имени российских ученых и общественных деятелей, скорейшее решение школьного вопроса на основе родного языка в народной школе и освобождение от ограничений украинского языка, активизация действий по отмене всевозможных ограничений в области литературы, прессы и культурной работы, введение специальных дисциплин по украиноведению в высшей и средней школе и др.¹

Ставилась цель расширить область научного академического знания по всему пространству нового государства. Поддержал Вернадский и Н. Я. Марра с его идеей основания высшей школы в Закавказье. Фактически зачаток ее относится к 1917 г., к основанию Историко-филологического института в Тифлисе, откуда потом вышла и Грузинская академия наук.

Временное правительство использовало опыт ряда профессоров Петроградского университета в организации различных комиссий министерского уровня². Например, сын крупнейшего востоковеда академика Л. Ф. Радлова, историк философии Э. Л. Радлов получил в апреле 1917 г. от министра народного просвещения А. А. Мануйлова предложение принять на себя обязанности представителя комиссии по пересмотру положения о Совете Министерства народного просвещения. Мануйлов просил Э. Л. Радлова привлечь в комиссию людей компетентных³. В конце июня 1917 г. Министерство народного просвещения просило Э. Л. Радлова стать своим представителем и в комиссии по делам печати. Несколько ученых Петроградского университета вошли в созданную в марте 1917 г. комиссию по реформе высших учебных заведений, которая стала частью Государственного комитета по народному образованию⁴. Это были историк Э. Д. Grimm,

1 Об автономии // Свободный народ. 1917. 4 июня.

2 Беляева О. М. Эрвин Давидович Grimm в Петербургском университете... С. 244.

3 Официальные письма министра народного просвещения А. Мануйлова Э. Л. Радлову // ОР РНБ. Ф. 626. Д. 50. Л. 1.

4 Кулайгородская А. П. Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти (1917–1925). М., 1984. С. 25.

юрист Д. Д. Grimm, цивилист М. Я. Пергамент, В. М. Шимкевич, историк И. М. Гревс, что важно, все специалисты по античности, и особенно по Древнему Риму.

Поддержаны настойчивые требования украинских студентов и преподавателей, связанные с открытием украиноведческих кафедр и введением преподавания на украинском языке. 27 июня 1917 г. Министерство народного образования разработало положение об открытии в Университете Св. Владимира четырех кафедр: украинского языка, литературы, истории и истории западнорусского права. 5 сентября 1917 г. соответствующее представление министерство направило Временному правительству. 19 сентября 1917 г. принято постановление о создании вышеупомянутых кафедр в Киевском университете. 30 сентября 1917 г. руководство университета распорядилось в течение трех месяцев провести подготовительную работу и конкурс на замещение должностей для украиноведческих кафедр. Сам С. Ф. Ольденбург руководил комиссией по научным учреждениям. В комиссии по реформе высших учебных заведений рассматривались проекты создания университетов и ряда вузов, причем в большинстве в регионах, где преобладало нерусское население: в частности в Иркутске, Тифлисе, Ташкенте. Речь шла о создании Таврического, Тифлисского политехнического института, Киевского географического института, Екатеринославских высших женских курсов. При участии Ольденбурга в комиссии утвержден устав Еврейского института теологии, польских философско-религиозных курсов в Петрограде. Началась работа по передаче церковноприходских школ и учительских семинарий в ведение Министерства народного просвещения (закончившаяся при преемнике Ольденбурга на посту министра народного просвещения С. С. Салазкине). Было улучшено материальное положение профессорско-преподавательского состава. Под руководством Ольденбурга обсуждались проекты организации франко-русского института с техническим уклоном и обучением на французском языке и образования Украинской академии наук в Киеве.

Многие впечатления Вернадского от посетителей (например, Я. Х. Завриева – о напряженности армяно-грузинских отношений, хотя разговор шел о создании университета в Тифлисе) подытоживает запись от 3 ноября: «Много здорового в украинстве. Связь народа с интеллигенцией крепче?.. Меньше безумной эмиграции и евреев? Раса евреев антигосударственная и сильная. Неужели то же самое и русь в народной массе?» и др. Интересна запись от 13 октября: «Прием

отдельных лиц. Поразительное преобладание евреев. Большая настойчивость? Доходят до министра там, где русские махнули бы рукой?»¹. То, с чем Вернадский в эти дни заходил к тюркологу В. В. Радлову, в дневнике не раскрыто, но носит негативный подтекст: «Все его мелкие дела. Он настойчив и проводит свои делишки очень умно»². В моменты общественно-политических кризисов и катаклизмов, как в 1917 или 1918 годах, двойственность Вернадского стала и противоречивой, трагической, и в то же время созидательной, заинтересованной в укреплении начал государственности российской³.

При А. Ф. Керенском министром народного просвещения стал либерал и трудовик физиолог С. С. Салазкин. На Государственном совещании Салазкин возглавил «демократический блок» левых кадетов (он член ЦК партии кадетов), меньшевиков и эсеров. Его заместителями оставались В. Вернадский и графиня С. Панина, с 19 августа на этот пост назначен, наконец, украинский деятель Н. П. Василенко. Е. В. Спекторский описывал визит в осенний Петроград, откуда последний министр просвещения С. Салазкин не слишком успешно пытался уладить положение дел в Киеве: «Петербург производил зловещее впечатление. Днем по городу носились автомобили с вооруженными седоками более или менее ломбровского вида. Вечером город погрузился во мрак во избежание неприятельского воздушного нападения... На следующий день я отправился в министерство, где встретился с киевскими коллегами. Министр принял нас всех сразу. Выслушав наши жалобы, он бессильно развел руками, чтобы нас утешить, сказал, что чего доброго его самого вскоре заставят выйти с метлой подметать улицы. Служитель принес всем нам стаканы с пустым жидким чаем. Министр замялся. Вынул из жилетного кармана коробочку с крохотными кусочками сахара и протянул ее нам. Каждый из нас взял всего по кусочку, выбирая самый маленький»⁴.

1 Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. С. 17, 25–26, 29.

2 Там же. С. 14–15, 19.

3 См. Дмитриев А. Владимир Вернадский, «академическая революция» 1917–1918 годов и украинская эмиграция. Создание научной индустрии сразу после распада империи: парадокс украинской идентичности // Гефтер. 19.05.2014. См. также: книгу отца Вернадского с обширной вступительной статьей В. Д. Базилевича и В. А. Короткого: *Вернадський І.* Витоки. Творча спадщина у контексті історії економічної думки в Україні. Київ, 2009; см. также: *Круглашов А.* Драма інтелектуала: політичні ідеї Михайла Драгоманова. Чернівці, 2000.

4 Воспоминания Е. В. Спекторского. См.: публ. С. И. Михальченко. *Journal of Modern Russian History and Historiography.* 2010. № 3. С. 188.

При Министерстве народного просвещения постановлением Временного правительства от 20 мая 1917 г. образован Государственный комитет по народному образованию (ГКНО) как общественный орган для разработки законодательства. Руководители комитета: В. И. Чернулусский (председатель Бюро), Н. Н. Иорданский и А. П. Пинкевич (с августа В. А. Гердт и Я. Я. Гуревич). Многие свидетели отмечали резкое противостояние министра Мануйлова и руководителей Комитета. Набоков писал: «Он не импонировал никому. И вместе с тем его уравновешенной натуре духовного европейца глубоко претила та атмосфера безудержного демагогического радикализма, в которой орудовали всякие Чернулусские. Помню его отчаяние во время учительского съезда. Именно в области народного просвещения зловещие стороны нашего радикализма-якобинства выразились особенно рельефно и если, в конце концов, эта область получила в качестве руководителя г. Луначарского, то здесь, скорее всего, можно было сказать: *tu l'as voulu, Georges Dandin*»¹.

Однако в различных комиссиях работали свыше 100 известных педагогов и общественных деятелей, в т.ч. В. М. Бехтерев, В. П. Вахтеров. В формировании Госкомитета по народному образованию участвовало и 17 национальных организаций. Их представляли князь Авалов З. Д.^{2-а}, Намитоков А. А.^{2-б}, Урекас А., Бриевич Е. Д., Никифоров В. Г., Фиалков Х. Х.^{2-в}, Голоскевич Г. К.^{2-г}, Одын Г. М., Ханхасаев Н. А.^{2-д}, Каменецкий С. Л.^{2-е}, Пийп А. И.^{2-ж}, Хандрикеев Ш., Леманов И. Н.^{2-з}, Сагателян И. Я.^{2-и}, Ходжаев И. Х., Мацевич С. Г.^{2-к}, Таначев В. Х. Юристы, лингвисты, историки, ксендзы и мугаллимы, имевшие и опыт

1 Набоков В. Д. Временное правительство.

2-а. Кн. Авалов (Авалишвили) З. Д. – грузинский ученый-юрист, историк, литературовед и дипломат. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета (1900). В 1900–1903 гг. З. Д. Авалишвили прошел стажировку в Париже. С 1904 г. он приват-доцент кафедры государственного права Санкт-Петербургского университета, а с 1907 г. профессор Санкт-Петербургского Политехнического института и заведующий кафедрой административного права. В 1913–1917 гг. был юрисконсультом Министерства финансов. После Февральской революции стал сенатором. В течение ряда лет руководил международным отделом газеты «Русская молва» и был одним из руководителей издательства «Огни». В 1918 г. З. Д. Авалишвили вернулся в Грузию и стал главным консультантом правительства Демократической республики Грузии по вопросам международной политики. Он автор текста Декларации независимости Грузии (1918) и один из основных авторов Конституции Демократической республики Грузии (1921). Он участник

Батумской (1918) и Парижской (1919) мирных конференций, где успешно отстаивал интересы грузинского государства. После установления в 1921 г. советской власти в Грузии З.Д. Авалишвили эмигрировал. Жил во Франции и Германии. Скончался в 1944 г. В 1993 г. останки З. Д. Авалишвили были перенесены в Тбилиси, в Дидубийский пантеон общественных деятелей.

2-б. Намитоков (Намиток) Айтек Алиевич, род. ок. 1885 г., кубанский черкес, сторонник близкого сотрудничества с казаками, юрист. В 1916 г. окончил юридический ф-т Петерб. ун-та. Был членом Кубанской краевой рады созыва 29 сентября – 11 октября 1917 г. от Кубанских Горцев. Той же Радой избран членом Первой Кубанской законодательной рады – от горской фракции. От имени этой организации он участвовал во Всерос. демократическом совещании в сентябре 1917 г. За несколько дней до нач. совещания Намитоков совместно с др. мус. лидерами участвовал в переговорах с офицерами и солдатами Ингушского и Черкесского полков Кавказской туземной конной дивизии, которая по распоряжению генерала Корнилова готовилась захватить Петроград (см.: Наступление генерала Л. Г. Корнилова на Пг.: роль мусульман). В состав Комитета входил также кабардинец Измаил Алдатуков. В начале ноября 1917 г. вошел в состав Объединенного правительства Юго-Восточного Союза – от Горцев Северного Кавказа (вместе с Пшемахо Коцевым). При формировании первого Кубанского Краевого правительства Л.Л. Быча, с одобрения Законодательной рады, снова приглашен в состав этого правительства заведующим делами юстиции. Участвовал в первом и во втором Кубанских походах 1918 года. Был членом Кубанской краевой рады от Горцев в ноябре – декабре 1918 г. После избрания Войсковым атаманом А. П. Филимонова во второй раз, в декабре 1918 г. правительство Быча, в том числе и А. Намитоков, ушло в отставку. Тогда же Намитоков был избран Радой в состав Парижской делегации (от Горцев). В 1919 г., наряду с Кулабуховым, Бычем и Савицким, был ген. Деникиным предан военно-полевому суду, но оставаясь в эмиграции, избежал доли Кулабухова. После 1920 г., оставаясь за границей, отошел от казачьих дел и посвятил себя работам по истории горских народов Кавказа. Умер 26 июля 1965 г. в Стамбуле.

2-в. Фиалков Х. Х. – Школьный учитель в еврейском казенном училище в Николаеве на Украине.

2-г. Голоскевич Григорий Константинович (4 ноября 1884, Подольская губерния – 1935, Тобольск, РСФСР) – украинский языковед, общественный деятель, член украинской Центральной рады. Учился в 1906–1911 годах на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Ученик академика А. Шахматова, принадлежал к руководимой им лингвистической секции кружка украиноведения при университете. Исследовал говоры Подолья (опубликованы в академическом сборнике). Один из лидеров украинского национального движения в Петрограде. Голоскевич арестован 17 августа 1929. Приговором особого состава Верховного суда СССР от 19 апреля 1930 г. за участие в деятельности контрреволюционной организации «Союз освобождения Украины» приговорен к пяти годам лишения свободы. Заключение отбывал в Ярославской тюрьме, затем выслан в Тобольск, где погиб при невыясненных обстоятельствах, по некоторым данным, покончил с собой.

2-д. Ханхасаев Николай Алексеевич (1872, Шахтой улус, Эхирит-Булагатский аймак – 2 августа 1938), бурят, образование среднее, председатель Бурятско-Калмыцкого комитета.

2-е. Каменецкий Самуил Лазаревич (1876-1942) – юрист, сотрудник ОПЕ. В ОР РНБ хранится дневник С. Л. Каменецкого за 1917-1921 гг. Из купеч. семьи. Окончил юрид. ф-т Петерб. ун-та, пом. присяжного поверенного, занимался адвокатурой. С 1900 пом. делопроизводителя Об-ва распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ), затем секр. (до 1929). С 1912 чл. его к-та. Участвовал во всех мероприятиях, проводимых ОПЕ, с 1923, кроме того, зав. его б-кой. Чл. Евр ист.-этногр. об-ва, один из учредителей Евр. лит. об-ва (1908), разработал его устав, чл. пед. совета курсов востоковедения барона Ц. Т. Гинцбурга, занимался их реорганизацией в 1916-17. По заданию ОПЕ, изучая старинные евр. рукописи из б-ки об-ва, пер. на рус. яз. Хеттский законодательный кодекс. После 1929 работал в техн. б-ках Ленинграда, поддерживал контакты с евр. деятелями (И. Р. Ботвинником, Л. Т. Магидом), с известными востоковедами (В. В. Струве, И. Ю. Крачковским). Однако заниматься евр. тематикой не имел возможности. Умер от голода в блокаду. [Росс.еврейск.энциклопедия.М.,1994. Т. 1.]

2-ж. Пийп Антс (эст. Ants Piip; 28 февраля 1884, Лифляндская губерния – 1 октября 1942, Пермская область) – эстонский государственный деятель, юрист, дипломат; с 20 декабря 1920 года до 25 января 1921 года – государственный старейшина Эстонии (глава эстонского государства и правительства). Окончил учительскую семинарию в Голдингене (ныне Кулдига в Латвии) в 1903, гимназию в Аренсбурге (ныне Курессааре в Эстонии) в 1908, юридический факультет Петербургского университета (1913), оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию (1913-1916). В 1912 стажировался в Берлинском университете. В 1917 – член Временного земского совета Эстляндской губернии, его представитель на Государственном совещании в Москве и на Всероссийском демократическом совещании в Петрограде. В 1917 – приват-доцент международного права Петербургского университета; одновременно работал в Департаменте Национальности Министерства внутренних дел Временного правительства России. 6-й премьер-министр Эстонии (26 октября 1920-20 ноября 1921 гг.). 30 июня 1941 арестован органами НКВД и отправлен в Ныробский лагерь Молотовской области, где и умер.

2-з. Леманов Исмаил Номанович (1871-1942). Тюрколог-филолог, иранист и арабист. Окончил рус.-татар. школу в Симферополе и городскую учит. школу (1890), после чего начал преподавать. Летом 1896-97 изучал тур. яз. в Константинополе. В 1899-1903 учил в Каире перс. и араб. (филол. курсы при медресе Аль-Аз'ар). В 1904 вернулся в Крым; зав. частной татар. школой в Бахчисарае. За револ. и антиклерикальную деятельность уволен, подвергался преследованиям. В сент. 1907 поступил вольнослушателем на ФВЯ СпБУ; учился до 1908, не окончил. Работал корректором в Вост. типографии И. Бораганского. Делопроизводитель мусульм. фракции 4-й ГД, в течение нескольких месяцев ред. издававшуюся фракцией г. «Миллет». В нояб. 1917 – нояб. 1919 зав. мусульм. отд. нар. образования в Таврической губ. земской управе (Симферополь). При сов. власти на преп. и адм. работе в КрымГУ/КПИ (с нояб. 1920). Участник науч.-методических комиссий НКП Крыма. В КрымГУ преп. араб. яз. и лит-ру, историю арабов и ислама. С 1925 вел курсы татар. яз., методики его преп., истории татар. яз., араб. и перс. элементов в татар. яз.

практического руководства национальными образовательными структурами, составили комиссию по вопросам национальной школы, ее возглавил А. А. Намитоков.

Возникший конфликт ГКНО с Министерством народного просвещения совпал с кризисом всего кабинета, тот привел к выходу из состава Временного правительства всех министров, принадлежавших к партии Народной свободы, в том числе и А. А. Мануйлова. Одновременно с Мануйловым вышли в отставку и товарищи министра Д. Д. Grimm и О. П. Герасимов, вызывавший особое раздражение. Конфликт имел и собственную причину. Члены ГКНО упрекали МНП в медлительности и слабой заинтересованности их работой. В течение почти месяца МНП не имело во главе министра, обязанности

Участник 1 Всесоюз. тюркологич. съезда (Баку). Зав. каф. татар. яз. (1931–34), зав. высшими курсами Крым. НКП (1929–31). Летом 1934 обвинен местным коммун. руководством в национализме, вынужден бежать из Крыма. В 1934–35 преп. на курсах переводчиков-редакторов в составе ЛВИ, но после появления в ж. «Большевик» статьи, разоблачающей его как «крымско-татарского националиста и контрреволюционера», в июле 1935 уволен. Ему удалось, впрочем, сохранить за собой некоторые дог. работы в ИВ, которые он выполнял с апр. 1935. По заданию ИЯМ сост. словарь древнетюрк. яз. Затем в штате РО ИВ АН СССР занимался памятником XI в. – словарем Махмуда Кашгарского. Арестован 18 нояб. 1938. Обвинен в том, что являлся «одним из идеологов пантюрк. Движения» и агентом трех иностранных держав. Освобожден в июне 1939 в связи с арестами ежовских кадров – следователей НКВД. В предвоен. годы работал в составе большой группы арабистов ИВ над «Мат-лами по истории туркмен и Туркмении», а также вместе с Г. Г. Гульбиным описывал фонд тюрк. рукописей ИВ. Скончался во время блокады Ленинграда.

2-и. Сагателян Иоанес Яковлевич родился в 1871 г., сын священника. Окончив юридический факультет Московского университета и став кандидатом права, возвращается на родину, где служит судебным следователем в Сурмалинском уезде Эриванской губернии. Присяжный поверенный. Был назначен ректором духовной семинарии в Эчмиадзине, но за «неудобное направление» оказался смещенным. Член партии «Дашнакцутюн». Избран во II Думу от немусульманского населения Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерний. Входил во фракцию социалистов-революционеров (эсеров). Член комиссий – для разработки Наказа о местном суде, аграрной. Выступал в прениях об избрании продовольственной комиссии, об ассигновании 17,5 млн. руб. на продовольственную помощь населению, по аграрному вопросу. Депутат III Государственной думы от Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерний.

2-к. Мацеевич Станислав Гилярьевич (1869–1940), ксендз, литератор, депутат III, IV Государственной думы от Смоленской губ.

его принял на себя единственный оставшийся на своем посту товарищ министра по вопросам профессионального образования геолог П. И. Преображенский¹.

Отношения ГКНО и МНП сдвигались мало-помалу от взаимного непонимания и критики к конструктивному сотрудничеству, однако драгоценное время упускалось. Ни один из почти 40 подготовленных Комитетом законопроектов в области просвещения так и не дошел до утверждения правительством.

Принято упрекать Временное правительство за недостаток внимания к национально-культурным проблемам в части их законодательного обеспечения и тем более практического разрешения. Кое-какие меры все-таки были предприняты, и ниже мы их назовем. Но не отнять у правительства того, что оно, прежде чем принимать конкретные решения, старалось «разобраться» с масштабом проблемы.

В феврале 1917 г. петербургскими этнографами под председательством академика С. Ф. Ольденбурга учреждена Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС). В нее вошло шесть членов: академики А. А. Шахматов (зам. председателя), М. А. Дьяконов, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, В. Н. Перетц и Е. Ф. Карский. Первоначальный состав Комиссии включал 18 человек: кроме вышеуказанных – тех, кому имперские власти чинили препятствия в их научной и общественной деятельности. Назовем крупнейшего украинского антрополога, этнографа, археолога Ф. К. Волкова². Из-за преследования со стороны правительства в 1879 г. он был вынужден покинуть Россию. В эмиграции продолжал научную работу³. В Женеве, вместе с М. Драгомановым, организовал типографию для издания журнала «Громада». Приглашен был украинский этнограф и антрополог Н. М. Могилянский, литовский лингвист, этнограф, фольклорист, археолог Э. А. Воль-

1 С 19 ноября 1918 г. – товарищ министра, затем министр (после В. В. Сапожникова) народного просвещения Российского правительства, действовавшего при Верховном правителе адмирале А. В. Колчаке.

2 Волков Федор Кондратьевич (известен также под фамилией Вовк, укр. Федір Вовк, 5 февраля 1847–30 июня 1918, Гомель) – общественный деятель, доктор Сорбоннского университета, профессор Петербургского университета. Автор более 455 научных трудов. Принимал участие в украинском национальном движении и занимался вопросами этнографии, антропологии, археологии. В 1905 году получил разрешение вернуться в Россию. С конца 1905 года живет в Санкт-Петербурге. С 1911 года – председатель Русского антропологического общества, организовал украинский отдел в экспозиции Русского музея в Санкт-Петербурге.

3 Материалы по этнографии России / Под ред. Ф. К. Волкова. Т. 1. СПб., 1910.

тер¹, Д. А. Золотарев, ученик армянских монахов-мхитаристов Академии в Венеции С. К. Патканов, без знаний трудов которого, по словам А. Ферсмана, «совершенно невозможны были бы... работы, особенно по племенной карте Сибири». Активное участие принимали монголовед и фольклорист А. Д. Руднев, востоковед-тюрколог А. Н. Самойлович, этнограф, специализировавшийся по северным сибирским народам, Л. Я. Штернберг и ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ известный лингвист-славист Л. В. Щерба. Кавказской секцией Комиссии руководил Н. Я. Марр. Этнограф С. И. Руденко был секретарем Комиссии. Таким образом, инициатором создания КИПС фактически стала петербургская гуманитарная научная элита, которую серьезно обеспокоила организация немцами в 1916–1917 гг. этнографических исследований западных территорий (прежде называвшихся Западно-Русским краем): Литвы, Галиции, Буковины, Бессарабии, Польши. Последовало обращение в еще имперское МНП с предложением начать подробное изучение племенного состава приграничных частей Европейской и Азиатской России.

При обращении к Временному правительству в марте 1917 г. аргументы были основательно уточнены. Теперь справедливо подчеркивалась стратегическая и экономическая ценность этнографической

---

1 Вольтер Э. А. – из семьи латвийского пастора. В 1875–1877 годах учился в Лейпцигском, затем в Дерптском университете (1877–1880), с 1880 года сначала в Московском, затем в Харьковском университете. В 1885–1918 годах преподавал в Петербургском университете. При поддержке Русского географического общества в 1884–1887 годах собирал в Литве этнографические, диалектологические, фольклорные материалы и вместе с помощниками записал около 300 песен, тысячу сказок, две тысячи образцов малых фольклорных жанров. Подготовил и издал в 1886 году программу собирания фольклорных, этнографических, диалектологических материалов в Литве. В 1888–1889 годах собирал сведения об археологических памятниках южной части Литвы и проводил археологические раскопки. Подготовил новое издание «Катехизиса» М. Даушки (1886), в которое включил фрагменты старинных литовских рукописей, словарь, образцы литовского фольклора. Совместно с Ф. Ф. Фортуновым подготовил издание «По-стиллы» Даушки (три выпуска, 1904–1927). Составил «Литовскую хрестоматию» (1901–1904, 2 части), в которую включил отрывки из произведений Кристионаса Донелайтиса, Симонаса Даукантаса, Винцаса Кудирки, Юлии Жемайте, Пятраса Арминаса-Трупинелиса, памятников латышского и прусского языков, образцы литовских диалектов и фольклора. Издал на русском языке ряд этнографических очерков о Литве, Жмуди, Витебской и Сувалкской губерниях, а также статей о говорах Виленского края, литуанизмах в старобелорусском языке, литовских писателях XVI–XIX веков. В 1908–1909 годах записал на восковые валики литовские народные мелодии (первые записи такого рода).

информации для новой власти и формирующегося нового государственного уклада.

Уже 1 апреля 1917 г. состоялось заседание, и Комиссия по изучению племенного состава пограничных областей России была преобразована в Комиссию по изучению племенного состава населения России (КИПС)¹. Комиссия детально разработала основные положения деятельности. Члены Комиссии пришли к необходимости приступить к составлению племенных карт России, с объяснительными к ним записками, а второй задачей было составление очерков обо всех живущих в стране народах. К середине 1917 г. правительство одобрило бюджет для создания КИПС при Российской академии наук. Образованной особой подкомиссии (в составе С. К. Патканова, С. И. Руденко, А. А. Шахматова и присоединившихся позже Д. А. Золотарева и Л. Я. Штернберга) поручался проект инструкции к составлению племенных карт и описанию народностей, который и был утвержден КИПС. Таким образом, КИПС наметила две практические задачи: 1) составление этнических карт с объяснительными записками; 2) написание очерков о народах, проживающих в России. Но по причине военных действий на западных границах решено было ограничиться проверкой литературного и статистического материала и завершить работу составлением племенных карт с объяснительными к ним записками. Районами, подлежащими обследованию, намечались: Литва, Польша, Буковина, Галиция, Угорская Русь и уезды пограничной Бессарабии. В Азии же предполагалось обследовать шесть армянских вилайетов, прилегающих к российской границе и к части Северной Персии (Ирана). Здесь также имелось в виду привлечь специалистов и составить племенные карты с объяснительными записками².

Однако этнокартографическая работа членов КИПС осложнялась разногласиями относительно объективных критериев племенной и национальной идентичности. С. Ф. Ольденбург, председатель Комиссии, рекомендовал придерживаться языка и религии как основных показателей национальной принадлежности, информация о них стала доступна благодаря публикации результатов переписи 1897 г. Другие этнографы считали, что язык является ненадежным показателем этнографического типа и предлагали взять в качестве определяющих другие показатели. Представления о природе этнической идентичности

1 Постоянная Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран // Академия наук СССР. 1725–1925. Отд. отт. Л., 1925. С. 1.

2 Там же. С. 7.

оставались нестрогими. В Русском географическом обществе вообще ставили знак равенства между национальной принадлежностью, с одной стороны, и языковой и религиозной – с другой¹. Из практических результатов назовем «Этнографическую карту Самаркандской области в границах 1917 г.»² Ее составил и опубликовал, правда только в 1926 г., специалист по памирским и белуджскому языкам, участник ряда экспедиций по Средней Азии и Памиру И. И. Зарубин. В 1914 г. он участвовал с французским лингвистом, изучавшим в области сравнительной индоевропейистики германские, балтийские и финно-угорские языки, Р. Готье³ в экспедиции на Памир, организованной совместно русским и французским комитетами по изучению Средней Азии. И. И. Зарубин показал на карте не только однородные в этническом плане пространства, но отразил и смешанные этнические территории. Так, впервые на карте России появились каракалпаки, туркмены нуратинские, отуреченные иранцы, казахи, кыргызы, курама, таджики (в том числе ягнобцы), ирани, арабы, русские. По карте можно было судить о сложности этнических процессов, происходящих на данной территории⁴.

14 марта А. А. Мануйлов одобрил план введения в местностях с преобладанием украинского населения обучения на украинском языке в начальной школе. 20 марта принято постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений»⁵. Объявлялось равенство всех религий перед законом. Отменялись все ограничения граждан в правах в зависимости от вероисповедания и национальности.

1 Об учреждении Комиссии по изучению племенного состава населения России // Известия Комиссии по изучению племенного состава населения России. Петроград, 1917; *Патканов С. К.* Проект составления племенной карты России // Живая старина. 1924. Т. 24. № 3. С. 217–244; Петербургский филиал архива РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 30. Л. 40–42. Цит. по: *Соколовский С. В.* Этническая идентичность в переписях населения: классификационные принципы и подходы. М., 2002. Различия в специализациях (в комиссию, помимо этнографов, входили лингвисты, географы, специалисты по физической антропологии) не позволили выработать общего подхода к определению национальности вплоть до переписи 1926 г.

2 Этнографическая карта Самаркандской области в границах 1917 г. Сост. И. И. Зарубин. Л., 1926.

3 Погиб в 1916 г.

4 О сложности подсчета численности населения см.: *Исхаков С. М.* Русская революция 1917 года и турки Центральной Азии (http://conjuncture.ru/ischakov_27-11-2000/). Исхаков опирался, в том числе, и на данные И. Зарубина и противопоставлял их данным, получаемым мусульманскими элитами (М. Чокаевым): мусульмане намеренно давали заниженные сведения.

5 Временное правительство и его вероисповедная политика / Православная энциклопедия. Т. 9. С. 510–514.

Декларировалась свобода совести, право на получение начального образования на родном языке. 22 марта историк С. Дубнов записал в дневнике: «Знаменательный день: сегодня опубликован акт Временного правительства об отмене всех национальных и вероисповедальных ограничений, т.е. акт еврейской эмансипации в России. Осуществилась мечта целой жизни, цель страданий и борьбы четырех десятилетий»¹.

Действительно, 3 марта 1917 г. председатель Думы М. Родзянко и министр-председатель Временного правительства князь Г. Львов подписали декларацию, в которой говорилось, что главной целью новой власти является «отмена всех сословных, вероисповедальных и национальных ограничений». Поддержано и устное предложение министра народного просвещения отменить процентную норму для евреев при поступлении в учебные заведения. Предлагалось восстановить права на продолжение образования учащимся, уволенным из учебных заведений по причине политической неблагонадежности, а также процентную норму для евреев при поступлении их в учебные заведения².

20 марта Временное правительство приняло соответствующее постановление, подготовленное министром юстиции А. Ф. Керенским при участии Политического бюро при еврейских депутатах IV Думы. 21 марта отменены около 150 антиеврейских ограничений, действовавших при царском режиме. 24 марта еврейские депутаты IV Государственной думы и члены Политического бюро нанесли визит министру-председателю князю Г. В. Львову и лидерам Петроградского Совета рабочих депутатов А. Е. Скобелеву и Н. С. Чхеидзе и от имени российского еврейства выразили глубокое удовлетворение декларацией об отмене сословных, вероисповедальных и национальных ограничений³. После этого Политическое бюро при еврейских депутатах самораспустилось.

Местные языки допускались, хотя и в ограниченной мере, в суд и делопроизводство. При подготовке учительства разрешалось изучение украинского языка, литературы, истории и др., открытие

1 Дубнов С. М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. СПб: Петербургское востоковедение, 1998. С. 379.

2 Отметим, что в циркуляре министра народного просвещения попечителям учебных округов от 10 марта отмена процентной нормы для евреев не упоминается. См.: Вестник. 1917. № 8 (54). 14 (27) марта.

3 Вольф Э. События на Украине в 1917–1920 гг. и евреи. Кн. 1 // http://samlib.ru/e/efraim_w/ukr1917_1.shtml

украинских кафедр в вузах. Хотя подобные нововведения распространялись и на мусульманское население и евреев, а также Прибалтику, однако А. А. Мануйлов указал на отсутствие финансовых ресурсов и на важность общественной инициативы в организации развития родных культур. Представители этнических элит (в частности, А. Цаликов на II Всероссийском мусульманском съезде в Казани (июль – август)) заявили: национально-культурная автономия «должна быть гарантирована конституцией страны как *публично-правовой институт*»¹. Важную роль мог сыграть Всероссийский съезд союза учителей и деятелей по народному образованию. Согласно разосланному циркуляру Мануйлова, делегирование на съезд шло по прежним учебным округам². Возобновились упреки и подозрения в обрусительстве. Деятели национальной школы на съезде не попали.

1.4. Правовые стратегии: «Закон выше чувства»

Изучение этнокультурного фактора (национального вопроса) по материалам Юридического совещания положено публикацией П. Г. Галузо. Обратим внимание ненадолго на этого автора. В 1917 г. он фигура символическая: прапорщик царской армии и, по-видимому, один из участников национальных съездов, где бы они ни собирались, это не важно. Сам он деревенский, из Витебской губернии, ему 20 лет. В дальнейшем, видимо, сориентировался. В период публикации работы мы видим его уже руководителем бюро Истпарта при ЦК Компартии Туркестана, а затем и ректором Туркменской Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы³.

Понятно, почему в небольшой статье, предваряющей анализ национальной политики Временного правительства на Украине, в Финляндии и Хиве, П. Г. Галузо провел мысль, что Юридическое совещание, а за ним и Временное правительство, никак не стремились разрешить как межэтнические противоречия, так и противоречия между центром и национальными окраинами. Вопреки желаниям «50 % неравноправных народностей», населяющих территорию

1 Цаликов А. Мусульмане России и федерация. Речи, произнесенные на Всероссийском мусульманском съезде в Москве 1–11 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 24–25.

2 ГА РФ. Ф. Р-2315. Министерство просвещения Временного правительства. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

3 Галузо П. Из истории национальной политики Временного правительства (Украина, Финляндия, Хива) // Красный Архив. 1928. Т. 5 (30). С. 46–88.

России, Временное правительство решилось вступить «в конфликт со стремлением угнетенных народностей к освобождению от великорусского гнета». Такие историографические оценки, конечно, отражали и увязывали положение автора в советской иерархии новых этнических элит с его оценками в результате анализа проблемы. Но П. Г. Галузо заложил основательный «камень» в историографический фундамент проблемы.

В историографии 1930-х – 1980-х гг. правовой аспект деятельности Временного правительства затрагивался вскользь, сопровождался негативной в основном коннотацией. В 1947 г. опубликована статья С. Л. Ронина, в которой автор предпринял юридически-правовое исследование некоторых конституционных проектов Временного правительства, выработанных в Юридическом совещании и в образованной при нем Особой комиссии по составлению Основных государственных законов¹. Автор взял за основу публикацию документов Н. Л. Рубинштейном², рассматривая проект закона об организации временной исполнительной власти при Учредительном собрании. Проект автономии (федерации) носил, по мнению автора, «ярко выраженную печать великорусского шовинизма и империализма, полного игнорирования интересов и прав народов России». Эти утверждения должны были доказать также избранные цитаты из «Тезисов по вопросу о верхней палате» и «Декларации прав». Документы, подготовленные совещанием, были рассмотрены необъективно не только по причине невозможности вместиться в прокрустово ложе марксистско-ленинской методологии, но и потому, что были исследованы без необходимого для их понимания анализа современной законопроектной прагматики конституционно-демократической партии³.

Подготовительная работа юридического и экспертного характера проводилась совещанием товарищей министров (постановление о нем вышло 19 марта, первое заседание состоялось 29 марта, еще пять – в апреле). В его состав входило по два товарища министров внутренних дел, юстиции, путей сообщения, земледелия и финансов,

1 Ронин С. Л. Конституционные проекты Временного правительства // Советское государство и право. 1947. № 4. С. 45–53.

2 Рубинштейн Н. Л. Временное правительство и Учредительное собрание // Красный Архив. 1928. Т. 3 (28). С. 101–141; Рубинштейн Н. Л. К истории Учредительного собрания. М., 1931.

3 Стародубова А. Л. Юридическое совещание 1917 г.: Основные направления деятельности.

по одному – от других министерств и ведомств. Председателем совещания стал товарищ министра народного просвещения кадет Д. Д. Grimm. В обязанности совещания входило рассмотрение дел «малого Совета министров» – законодательных и распорядительных. Однако на первом же заседании поставлен вопрос о передаче второстепенных дел в министерства для разрешения в порядке управления. Но он так и не был решен, и совещание занялось подготовкой к заседаниям Временного правительства второстепенных дел, накопившихся с июня 1916 г. (той самой «вермишели», за которую либералы нещадно критиковали прежнюю власть). Оно проводило значительную работу в помощь правительству, но поток дел, проходящих через последнее, тем не менее, сократить не удалось¹.

Вместе с тем, правительство остро нуждалось в совещательном органе, который оказал бы ему содействие в подготовке важнейших законопроектов. 20 марта постановлено создать Юридическое совещание, в ведении которого должны были быть «вопросы публичного права, возникшие в связи с установлением нового государственного порядка»; совещание должно было давать «предварительные юридические заключения по мероприятиям Временного правительства, имеющим характер законодательных актов», а также иным, которые правительство вносило на его рассмотрение. В тексте постановления, утвержденного 22 марта, не уточнялось, обязательным ли было такое внесение для утверждения законодательных актов. На практике оно было необязательным, правительство направляло совещанию далеко не все законопроекты. Некоторые проходили экспертизу в юрисконсультской части Министерства юстиции под председательством В. А. Маклакова (занимал этот пост в марте – апреле).

До апреля через Минюст прошло лишь несколько незначительных дел. Изначально юрисконсультская часть должна была рассматривать изменения в законодательстве с целью ликвидации сословного, национального и религиозного неравенства, а также готовить изменения в Уголовном уложении и т.д. Реально четкого разделения функций при этом не было, дела иногда поступали из Юридического совещания в министерство и наоборот, иногда шли параллельно. Скорее всего, это было следствием неразберихи и, возможно, политической и ведомственной конкуренции: Министерство юстиции стало «вотчиной» социалистов, а в Юридическом совещании все важные посты были

1 ГА РФ. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 59. Л. 1–2; Ф. Р-1779. Оп. 1. Д. 67. Л. 3.

у кадетов. При этом нельзя сказать, что это оказывало существенное влияние на характер подготавливаемых документов¹.

Юридическое совещание (ЮС), или как оно названо в первом протоколе – Юридическая консультация при Совете министров, создано официально 20 марта 1917 г., а фактически открылось уже 8 марта. Первым фактическим председателем Юридического совещания стал В. А. Маклаков, избранный на этот пост 8 марта. Ф. Ф. Кокошкин, благодаря протекции князя Г. Е. Львова, сменил его на этой должности 20 марта. В состав, постепенно пополняемый путем кооптации «представителей науки государственного права и общественных деятелей», вошло около 30 человек. Преобладали кадетские правоведа (А. А. Боголепов, М. М. Винавер, В. М. Гессен, С. А. Котляревский, В. Д. Набоков, Б. Э. Нольде и др.). Левое крыло составляли эсеры и энесы А. А. Булат, М. В. Вишняк, В. В. Водовозов, Я. М. Магазинер, Э. Э. Понтович, И. В. Яшунский². Это были яркие публицисты с юридическим образованием, организующие общественные дискуссии о будущем государственном устройстве России. Я. М. Магазинер вместе с Э. Э. Понтовичем опубликовали ряд работ³. Для определения государственного устройства демократической России востребованы знания кадета А. М. Кулишера в области конституционного права. Он принял активное участие в обсуждении государственного устройства страны. В центре его научных интересов были государственный строй Англии и проблемы самоопределения тогда подвластной ей Ирландии⁴.

Литовец юрист А. А. Булат, только что вернувшийся из эмиграции в США и Канаду, на Первом съезде Советов избран членом ВЦИК

1 *Гайда Ф. А.* Механизм власти Временного правительства (март – апрель 1917 г.) // Отечественная история. 2001. № 1; ГА РФ. Ф. Р-1792. Оп. 1. Д. 11. Л. 1; РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1510. Л. 1–13; *Таганцев Н. Н.* Из моих воспоминаний / 1917 год в судьбах России... С. 247, 249; ГА РФ. Ф. Р-1792. Оп. 1. Д. 12. Л. 104–143 об.; РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1358. Л. 94–120; ГА РФ. Ф. Р-1792. Оп. 1. Д. 1. Л. 30–34; Д. 12. Л. 12–13, 43, 48; Д. 42. Л. 1–3.

2 Яшунский Иосиф Владимирович-Хаимович – литератор; род. в 1881 г., окончил курс СПб. университета. В 1903–12 гг. сотрудник газ. «Фрайнд» (статьи за подписью Бенхаим). Поместил статьи и заметки по вопросам государственного права в «Праве», Журнале мин. Юстиции и Новом энц. словаре Брокгауза – Ефрона.

3 См. *Магазинер Я. М., Понтович Э. Э.* Республика: ее сущность и важнейшие демократические формы. СПб: Изд. Юридического книжного склада «Право», 1917; они же. Положение о выборах в учредительное собрание. СПб: Тип. Николаевской военной академии, 1917.

4 *Тольц М.* Вклад семьи Кулишеров в мировую миграциологию // Демоскоп. 2014. 29 июня. № 603–604.

от объединенной фракции трудовиков и народных социалистов¹. Стал руководителем юридического отдела ВЦИК, председателем Комиссии по делам национальностей (секретарем которой был малоизвестный в то время Сталин). А. А. Булат возглавлял Комиссию по расследованию организованного большевиками Июльского восстания. В сентябре 1917 г. на Демократическом совещании он избран членом Предпарламента. Работал в Юридическом совещании и потомок старинной дворянской фамилии белорусского происхождения юрист В. Ф. Дерюжинский и др. известные кадетские правоведы.

Юридическое совещание предназначалось для обсуждения вопросов, связанных с установлением «нового государственного порядка», а также для экспертизы нормативных актов, издаваемых Временным правительством. Основное внимание уделялось определению правового статуса личности как фундамента разрешения всех остальных вопросов российского права. При Юридическом совещании под председательством профессора государственного права Н. И. Лазаревского и известного историка В. М. Гессена действовала Особая комиссия по составлению проекта основных государственных законов, проекта Конституции².

---

1 Булат Андрей Андреевич (Андрюс Булота; лит. Andrius Bulota, 16 ноября 1872, деревня Путришки, Сувалкская губерния – 16 августа 1941, Панеряй) – литовско-русский юрист, адвокат, политический деятель, публицист. В 1892–1897 гг. учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Некоторое время был председателем тайного литовского студенческого общества. В ноябре 1917 г. избран во Всероссийское учредительное собрание по Витебскому округу по списку эсеров (был единственным литовцем в Учредительном собрании). После разгона Учредительного собрания в 1918 г. возвратился в Литву. Работал адвокатом в Мариямполе. В 1920-е вместе с женой основал в городе реальную гимназию, занимался издательской деятельностью. Член ЦК Демократической партии Литвы и Социалистической партии Литвы. Его стараниями издано собрание Юлии Жемайте в 4-х т. (1924–1929). В 1929 г. арестован за участие родственников в покушении на А. Вольдемараса. Содержался в Варняйском концентрационном лагере, освобожден при условии выезда за границу. Некоторое время жил в Чехословакии, в 1930 г. вернулся в Мариямполе, занимался адвокатской практикой. В 1931 г. участвовал в конгрессе Второго интернационала в Вене («Венский интернационал»). Во время советизации Литвы в 1940 г. был членом Республиканской избирательной комиссии по выборам в Народный сейм. В 1940–1941 гг. заведующий юридическим отделом Президиума Верховного Совета Литовской ССР. В 1941 г. расстрелян вместе с женой немцами в поселке Панеряй (около Вильнюса).

2 Журналы заседаний Временного правительства. Март – октябрь 1917 года. В 4 т. Т. 1. Март – апрель 1917 года. М., 2001. С. 139, 163.

Юридическое совещание стремилось стать своего рода корректором кадетской программы, существенные изменения в нее вносились на основании докладов, сделанных на партийных съездах в марте – октябре 1917 г. Документы, прошедшие рассмотрение и выработанные в Юридическом совещании, представляли основу для проведения реформ в различных областях государственной системы. Они затрагивали вопросы устройства власти в новом государстве, проблему регулирования национального вопроса, отношений государства и церкви, местного самоуправления и другие. Материалы Совещания важны для воссоздания контуров той модели, которая должна быть положена в основу построения будущего государства и общества. Вместе с тем, заметила А. Л. Стародубова, «статус Юридического совещания, как особой подструктуры правительственного аппарата, не был до конца определен». Это объясняется тем, что Совещание не имело аналогов в старом административном аппарате. Из поля исследования Н. В. Белошапки выпала одна из основных задач Временного правительства – подготовка Учредительного собрания. Как представляется, роль Юридического совещания полностью коррелировала с выполнением этой важной задачи, а степенью участия Совещания в подготовке Учредительного собрания во многом объясняется и определяется его статус¹.

Действительно, с точки зрения правоведов Партии народной свободы важнее была не форма правления вообще, а вопрос об источнике власти². «В здании Министерства юстиции, во всех углах, и утром, и по вечерам, заседали комиссии, – вспоминал Н. П. Карабчевский³. – Либеральные профессора-юристы наслаждались в них своим собственным, долго сдерживаемым красноречием. Уголовники Чужбинский и Люблинский побивали в этом отношении все рекорды, не уступал им только все еще красноречивый А. Ф. Кони... Товарищ нового министра А. С. Зарудный... не отказыва[л] и себе в удовольствии высказывать свое мотивированное суждение по поводу каждого высказанного мне-

1 Стародубова А. Л. Юридическое совещание 1917 г.: Основные направления деятельности; Белошапка Н. В. Временное правительство в 1917 году: механизм формирования и функционирования. М., 1998.

2 См.: Юридическое совещание при Временном правительстве 22.03–25.10.1917 // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. В 4 т. Т. 1. Высшие государственные учреждения. СПб., 1998. С. 238–239; ГА РФ. Ф. Р-1792. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

3 Видный адвокат-криминалист, выступал в деле мултанских вотяков, обвинявшихся в убийстве крестьянина-нищего с целью приношения в жертву языческим богам, в процессе о Кишиневском погроме.

ния. Кто только в них не заседал. Тут были и вновь испеченные сенаторы, из адвокатов, и из бывших прежде в загоне либеральных судебных деятелей, и вновь назначенные прокуроры и председатели палат и окружных судов, и некоторые чины прежнего министерства, зарекомендовавшие себя, так или иначе, либерально»¹.

Член ЦК партии Б. Э. Нольде в докладе по национальному вопросу на IX съезде партии 24 июля 1917 г. предлагал в решении национального вопроса основываться на принципе «личном», а не «местном», без прикрепления национальностей к определенным территориям. От имени ЦК он предложил отвергнуть принцип национального самоопределения, поддержать идею национальных «союзов». Их ведению должно подлежать только решение проблем культуры этнографических групп. Юридическим совещанием рассматривались варианты лишь украинского и финляндского вопроса и «не территориальный способ решения национального вопроса»². В 1917 г. Б. Э. Нольде издал в Петрограде работу «Национальный вопрос в России»³.

В качестве сторонников единства выступили известные теоретики права. П. Н. Новгородцев утверждал: «Старый порядок приучил нас видеть в единстве цепи рабства, понимать под объединением суровость владычества, гнет централизации. Но не следует упускать из вида, что единство групп и частей государства имеет также и духовный, нравственный характер, что оно обозначает также взаимодействие в культурных достижениях и единство правового общения»⁴.

В. В. Шелохаев, выделяя специфику социальной среды, исторического момента, сущностных характеристик русского либерализма и его задач, подчеркивает: русский либерализм представлял собой тип мышления крайне узкого круга интеллектуалов. Он так и не стал образом действия для тех широких социально-политических сил, интересы

1 *Карабчевский Н. П.* Что глаза мои видели. Т. 2. Революция и Россия. Гл. 40. М.: Книга по требованию, 2011. Ч. 1–2 (Революция и Россия. Берлин, 1921). В 1917 г. изданы: *Кокошкин Ф. Ф.* Учредительное собрание, доклад 25 марта 1917 г.; *Нольде Б. Э.* Национальный вопрос в России, доклад 24 июля. Пг., 1917; *Гессен В. М.* Русское Учредительное собрание и выборы в него. Пг., 1917; *Кечекьян С. Ф.* Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. М., 1917; *Герасимов П. В.* Новый строй и права свободных граждан. Пг., 1917; *Кантор Р. М.* Какие бывают формы правления и какой строй нужен будущей России. 1917.

2 *Стародубова А. Л.* Юридическое совещание 1917 г.: Основные направления деятельности.

3 См. также: *Нольде Б. Э.* Партия народной свободы и национальный вопрос // Вестник народной свободы. 1917. № 20. С. 3–4.

4 Новгородцев П. И. Об общественном идеале. Киев, 1919. 343 с.

которых они пытались выразить на политической арене¹. Это обстоятельство и было по существу главной проблемой в восприятии правовой стороны дела этническими элитами. По свидетельству общавшегося с ним чиновника юрисконсультской части Г. Н. Михайловского, Милюков уже в марте – апреле признавал пассивную роль либералов в революции. «Говорил он также, что положение крайне серьезно, так как левые производят “большой напор”, и что единственная объективно возможная тактика заключается в том, чтобы “говорить левые слова” с целью удержаться у власти и затем при благоприятном случае “овладеть движением”... Революция должна быть стиснута, пока ее нельзя прекратить». Михайловский добавляет: «Милюков с его хитроумной тактикой не казался мне (да и другим моим старшим сослуживцам) человеком, могущим противостоять событиям»².

С философско-исторической точки зрения национальная тема была центральной для журнала «Русская свобода», редактируемого П. Б. Струве. Шел поиск новых форм национально-государственного существования в концепции Четвертого Рима, основанного на «внутреннем империализме», как первой ступени сверхгосударственного строительства. К всеобщему братству человечества должен привести «малый империализм» – союз российских народов, объединенных под эгидой русского³. Об этом говорил И. Гревс на открытии Академического союза деятелей высшей школы 1 мая 1917 г. Либералы обращались к опыту Британской империи, которая активно искала новое содержание и форму взаимодействия с бывшими колониями.

Милюков вспоминал: «Заключенное тремя министрами соглашение с Украинской радой вызвало в Петрограде сильнейший протест со стороны министров к. – д.». «Русские юристы, – писал знаток государственного права, профессор Б. Э. Нольде⁴, – привыкли после переворота читать множество правовых актов, которые, в первую минуту, их поражают своей новизной и смелостью. Но такого акта, как “декларация” с “универсалом”, им читать еще не приходилось. Действитель-

1 См. об этом подробнее: *Гончарик А. А.* Понятие мифа и его применение в исследованиях политики // *Политическая наука: Сб. науч. тр. / Ред. кол.: Ю. С. Пивоваров (гл. ред.) и др. М.: ИНИОН, 2009. № 4; Идеи и символы в политике: Методологические проблемы и современные исследования. С. 79–87.*

2 *Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. С. 261, 264.

3 *Муравьев В.* Рим Четвертый // *Русская свобода*. 1917. № 2. С. 8–11; он же. *Русский мессианиззм* // Там же. № 1. С. 18–122.

4 Речь. 1917. 7 июня.

но, министры-дилетанты, руководившиеся единственным желанием как-нибудь смягчить остроту борьбы, проявили чрезвычайную беззаботность в юридических вопросах. Не говоря уже о том, что их постановление узаконивало не существовавшие до сего в праве понятия “Украины” и “Рады”, юридическое содержание этих терминов оставалось совершенно неопределенным». «Неопределенному множеству русских граждан, живущих на неопределенной территории, – говорит Нольде, – предписывалось подчиниться государственной организации, которую они не выбирали и во власть которой их отдали без всяких серьезных оговорок. Русское Правительство не знает даже, кого оно передало в подданство новому политическому образованию... Над этими миллионами русских граждан поставлена власть, внутреннее устройство и компетенция которой внушают полное недоумение...» Рада «из своей среды» выбирает «ответственный перед нею» генеральный секретариат, который будет утверждаться Временным правительством, и будет считаться «носителем высшей краевой власти Временного Правительства». Так говорил «универсал». «Декларация» правительства делает попытку «несколько расширить смысл» и выражается иначе: «назначить в качестве высшего органа управления краевыми делами на Украине особый орган – секретариат, состав которого будет определен правительством по соглашению с центральной украинской Радой». «При определении *объема* власти нет даже фикций; в приведенных пожеланиях заключается безусловная передача Раде всей совокупности государственно-правовых полномочий, по крайней мере, в делах внутренних». «Какое правовое возражение противопоставит Временное Правительство украинской власти, если, ссылаясь на договор, последняя потребует передачи ей почты, или телеграфа, или поступлений от налогов, если она устроит земство по своему, если она на своей “морской границе” – ибо все возможно при неопределенности договора и слабости Временного Правительства – заведет свои таможни. Впрочем, даже войско стоит под некоторым сомнением, ибо Раде обещано “без нарушения боеспособности армии” комплектование отдельных частей исключительно украинцами» (Нольде). Надо прибавить, что даже и апелляция к Учредительному собранию теряла смысл, так как, по двусмысленным выражениям правительственного постановления, «правительство авансом обещало отнестись сочувственно» к разработке проекта украинской автономии «в том смысле, в котором сама Рада найдет это соответствующим интересам края», «для внесения в Учредительное Собрание». Единственными уступками, полученными

взамен всего этого, было обязательство пополнить Раду «на справедливых началах», предоставленных ее усмотрению, «представителями других народностей, живущих на Украине», и «решительное отвержение попыток самочинного осуществления автономии Украины (уже осуществлявшейся по соглашению) до Учредительного Собрания». 2 июля министры приехали в Петроград и сделали подробный доклад о переговорах в заседании Временного правительства. Тут же был прочтен заготовленный в Киеве проект правительственного постановления и указано, что текст этот *должен быть принят без всяких изменений*. Единственная возможная уступка – замена «постановления» «декларацией»¹.

В Средней Азии Временное правительство потрясений не ожидало. Эмир бухарский и хивинский хан присягнули Временному правительству, которое обещало сохранить обязательную силу договоров, заключенных ранее с русским царем. Вскоре Временное правительство предприняло попытку реформировать отношения с Хивой. Изучая опыт Британской империи по разработке и дарованию конституций для своих бывших колоний, ЮС приступило к разработке подобного акта для Хивинского ханства. В конце мая на основании полученных бюро *мусульманской фракции* Госдумы в апреле – мае 1917 г. телеграмм и писем от хивинского хана и представителей хивинского народа, обратившихся к Всероссийскому мусульманскому совету (ВМС) с просьбой направить в Хиву для устройства государственной жизни на конституционных началах, для организации суда, административных и духовных учреждений, школьного дела комиссию из знатоков государственного, финансового, административного, гражданского и уголовного права, а также востоковеда-богослова, исполком ВМС включил в состав хивинской комиссии товарища обер-прокурора Гражданского кассационного департамента Сената Александра Ахматовича (литовского татарина); магистра государственного права приват-доцента Петроградского университета Н. М. Тоцкого; доктора прав Парижского университета приват-доцента Петроградского университета Ф. А. Менькова и теолога-востоковеда М. Бигиева. Комиссия, получив поддержку со стороны Временного правительства, вскоре прибыла в Хиву и участвовала в подготовке проекта хивинской конституции. В фонде ГАРФ сохранился проект основных законов Хивинского ханства, обсуждавшийся на заседании ЮС 24 октября (6 ноября)

1 Милюков П. Н. История русской революции.

1917 г. В проекте предусматривалась политическая зависимость этого государства от России: хан должен получить признание российского правительства. Глава I Конституции Хивы не могла быть изменена без согласия правительства России. На территории Хивы учреждалась должность комиссара правительства России, который давал согласие на проведение выборов меджлиса, назначаемых по инициативе хана. Он также мог письменно потребовать проведения чрезвычайной сессии меджлиса.

Наряду с очевидными ограничениями суверенитета Хивинского ханства, проект конституции содержал главу о правах и обязанностях хивинских граждан. В ней формально закреплялись основные права человека и их юридические гарантии: свобода от необоснованного задержания, неприкосновенность жилища, свобода места жительства и занятия, свобода приобретения и отчуждения имущества, отмена смертной казни, физических наказаний, неприкосновенность собственности, право собираться мирно без оружия, свобода слова, свобода союзов. Меджлис должен формироваться путем всеобщих тайных выборов «гражданами» ханства. В проекте формулировались демократические принципы избирательного права¹.

«То, что переживает теперь Россия, может быть определено как мучительная ликвидация императорского, или петербургского, периода ее истории», – писал сотрудник «Русской свободы» Д. В. Болдырев. Он предлагал «оставить Петербург – сановный город бюрократического империализма ученым и поэтам» и перенести столицу в Киев. Он «мог бы стать единой общей столицей двух главных половин русского государства». Роль Четвертого Рима предстояло сыграть не Петербургу.

Только в Гражданскую войну Болдырев смог опубликовать изначально планируемую им для философского сборника «Новые вехи» (подготовлен к изданию в Москве в конце 1917 г. под редакцией П. Б. Струве, Е. Н. Трубецкого и С. Н. Булгакова) статью «Идеология русской интеллигенции и Церковь». В статье он, ученик Н. О. Лосского, объяснил сложность восприятия юридических основ нового российского государства. Вначале он выразил свое отношение к новым законодателям: «Целая серия... взрослых младенцев и экспериментаторов под именем государственных деятелей прошли и продолжают проходить перед нами, начиная с первых дней революции. “Сколько их, куда их гонит?” Ибо, сами того не замечая, они не шествуют и даже не идут,

1 ГАРФ. Ф. Р-1792. Оп. 1. Д. 5. Л. 175–178; Воронов С. Н. Национальный вопрос и Временное правительство // http://etnokonf.astrobl.ru/document/1512#_ftn17

а летят, гонимые вихрем, как отжившие листья, сорванные с древа истории. Как мало похож этот полет на твердую поступь государственных мужей! Государственные мужи – вот порода людей, которая стала редкостью на Руси». Далее следовал довольно традиционный вопрос: «Отчего бы могла случиться эта беда?.. Таков уж закон: кто чуждается плоти реальной, тот попадает в плен к фикциям вроде “прав человека и гражданина”, “Верховного Существа”, “Человечества”, “науки”, “прогресса”, “гуманности” и т.д. Русский ум, такой здравый, простой и ясный, ныне переживает это пленение. Он верит во “всеобщее избирательное право”, в “республику”, в “равноправие”, в “народ”, в “социализм”, в “международный пролетариат”, в “интернационал”, в “Циммервальд” и в прочие суеверия. Все эти химеры, которыми обсажен наш ум, истекают из одной главной – из мнения, что человек есть англоподобное существо – чистое, бесплотное, так сказать вполне спиритическое, и поэтому не требующее ни дисциплины, ни принуждения...

В самом деле, населяя умы фикциями, неспособными к воплощению, эта система отсекает *идеальное от реального, которое разом становится лишенным целостности и полноты, т.е. души. Такое бездушное реальное трудно любить. Еще труднее в нем разобратся, в нем жить и в нем действовать. Оно представляется смутным, безжизненным, непонятным. Так, с самого начала в душе закладывается как бы априорное недовольство всем окружающим, тягостное чувство разобщенности с ним, т.е. незрания»¹.*

Будучи носителем определенных культурных эталонов, русская интеллигенция не могла признать права «малых» народов на реализацию их организационных структур в соответствии с собственными культурными установками и представлениями². П. Н. Милюков иронизировал над такими «мистическими исканиями в стиле романтических гениев»³. Но и М. Вебер в 1917 г. видел в февральском режиме

1 Сибирская Речь. Омск. № 228. 19 октября 1919 г.; № 246. 9 ноября 1919 г.

2 Болдырев Д. В. Заливы и проливы // Русская свобода. 1917. № 14–15. С. 8–12. Болдырев Дмитрий Васильевич (1885–1920), философ. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Стажировался в Гейдельбергском и Марбургском университетах. С 1918 – приват-доцент Пермского университета. В 1919 – директор пресс-бюро Русского бюро печати при правительстве Колчака. Арестован большевиками. Умер в тюремном госпитале в Иркутске 12 мая 1920.

3 Милюков П. Н. Воспоминания. С. 68; Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. М.– Пг., 1918. С. 2–14; Лануна И. А. Дискуссии о национально-государственном устройстве... С. 60–65.

великодержавную централистическую инерцию, «псевдодемократию»: «В России сейчас нет и речи о “демократии”». «*Все что произошло до сих пор – не революция, а лишь устранение неспособного монарха*». На страницах его «русских» работ заметно отстранение от практики кадетов¹.

Оставаясь сторонником сохранения исторически сложившегося полиэтнического Российского государства, Временное правительство в Манифесте от 16 марта 1917 г. создало важный прецедент. Объявлено о признании независимости Польши². Уже весной 1917 г. в нормативные акты вводилось понятие «российский гражданин» вместо понятия «русский подданный». Либеральный вариант рассчитан на компромисс и взаимопонимание между различными национальностями, в надежде с их помощью избежать насильственного решения, а следовательно, и распада³.

Осмывая терминологические различия, ЮС в заседании 11 апреля пришло к выводу, что прежний термин основан на представлении о зависимости личности от чуждой ей правовой силы, которая уполномочена самостоятельно и по своему собственному произволу определять юридическое положение подданного. «Подданный (subjecti) всецело подчинен стоящей выше его власти. Указанное значение термина не соответствует началам нового свободного государственного строя. При перенесении всего суверенитета в полном его объеме на народ в его совокупности, отдельные лица приобретают иное положение: они из людей, подчиненных чужой правовой воле, обращаются в лиц, пользующихся свободой самоопределения и наделенных неотъемлемыми правами, совокупность которых обнимается общим термином гражданства (civitas)»⁴.

Латинское *civitas* равнозначно греческому *πόλις*. Российской жизни этот феномен не знаком. В стране харизматической политической культуры господствовал потестарный тип этнических культур, сохранявший консерватизм правовых отношений. Конфликт правового и потестарного типа культуры был неизбежен. В этом смысле

1 Вебер М. Переход России к псевдодемократии (1917 г.) // Космополис. 2005. № 3 (13).

2 См.: О признании независимости Польши // Сб. указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. Отд. VII. № 1.

3 Шелухов В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 113.

4 ГА РФ. Ф. Р-1792. Юридическое совещание при Временном правительстве. Оп. 1. Д. 2. Л. 86.

кадетская идеология была чужеродней общественному сознанию, чем большевистская утопия, которая подменила понятие «права», по оценке Л. фон Мизеса, произведя «семантическую революцию».

Российские праведы были легистами. В эпоху расцвета позитивизма единственным содержанием юриспруденции мог быть только закон как приказ верховной власти¹. Юриспруденцию подменяли легистикой (*jus, juris* подменили *lex* и *legis*). Легистику под флагом юриспруденции с ее правом государственного регулирования кадеты заменили публично-властным регулированием, оно могло казаться справедливым или несправедливым, но все равно это *lex*. Кадеты, по выражению Д. Мережковского, оставались «благородными иностранцами в России».

Но недаром А. Герцен называл литературу «вторым правительством», «истинной властью». С ревизией архивов и библиотек спецхранов, введением в научный оборот потока «возвращенной» литературы исследователю открылась полная трагизма картина размышлений, живой исторический диалог, интеллектуальный потенциал текстовой и смысловой целостности рассматриваемого периода². События февраля 1917 г. всколыхнули многомиллионную Россию. Публицисты соотносили злободневные проблемы с событиями прошлого, сформировавшими специфику национального характера, политику, культуру, психологию, религию, народное просвещение, семью, армию, войну, быт.

Как видно из содержания февральской публицистики, разочарование в произошедшей революции начало происходить в связи с тем, как быстро события, приобретающие черты всеобщей анархии, выявили во всех слоях российского общества отсутствие воли в проведении в жизнь декларированных революцией принципов и реформ, понимания их необходимости. Пронзительную, эмоционально-напряженную характеристику слов и их прагматику на протяжении чрезвычайно короткого промежутка времени (февраль – октябрь) дал Н. В. Устрялов:

1 Агамбен Дж. Что такое повелевать? / Пер. Б. Скуратова. М.: Грюндриссе, 2013.

2 Гиппиус З. Петербургские дневники // Литература русского зарубежья: Антология. Т. 1. Кн. 2. М.: Книга, 1990. С. 176–332; Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре / Вступ. ст., публ., подгот. текста и коммент. И. Вайнберга. М.: Советский писатель, 1990; Готье Ю. В. Мои заметки / Подготовили к изданию Т. Эммонс, С. Утехин. М.: ТЕРРА, 1997; Короленко В. Г. Земли! Земли! Мысли, воспоминания, картины. М.: Советский писатель, 1991; Розанов В. В. Черный огонь. 1917 год; Апокалипсис нашего времени // Розанов В. В. Собр. соч. Мимолетное. М.: Республика, 1994. С. 337–470 и др.

«После революции слово “товарищ” вошло, как известно, в государственный, общественный и даже частный обиход»; «“Гражданин” – символ демократической государственности»; «Государство граждан – высший тип государства»; «Революционная демократия решила “углубить” русскую революцию: и углубила “гражданина” до “товарища”»; «Товарищ – категория не правовая, а чисто моральная»; «Мы отказались от звания “гражданин”, чтобы стать “товарищами”»; «Мы стояли внизу, на низшей ступеньке. Мы были подданными, рабами. Мы захотели стать не гражданами свободного государства, а сразу товарищами... И в результате остались рабами»¹. С. Карцевский, талантливый социологист, эмигрировавший в 1920-е годы, утверждал, что больше преуспевали в появлении и распространении новых политических терминов социалистические партии².

Общественно-политическая лексика в тюркских языках в начале XX века сильно обновилась национальной терминологией в связи с потребностями времени. Советские филологические исследования не связывали идущие обновления с правовыми идеями и практикой Временного правительства³. М. С. Харланова (1965) изучала их в туркменском языке, А. Б. Исабекова (1971), В. И. Закирова и Т. А. Дуйшеналиева (1987) – в киргизском, М. И. Скворцов (1972) – в чувашском, Р. Барлыбаев (1978) – в казахском, М. Ш. Гасимов (1987), С. Н. Халилова (1989), Р. Я. Бабаев – в азербайджанском языке. Г. У. Алеева обратила внимание на важность роли исторических традиций, которые нашли фактическое выражение в источниках начиная с древнейших времен в татарском языке. Öffentlichно-политическая лексика его сформировалась в терминологическую систему еще с болгарских времен. В значительной части эта сфера политической коммуникации состояла из арабо-персидских наименований. Начиная со второй половины XIX века непонятные широким массам термины понемногу

1 Устрялов Н. В. «Товарищ» и «гражданин» // Народоуправство. 1917. № 12.

2 Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. М.: Языки русской культуры, 2000; Бантышева Л. Л. Öffentlichно-политическая лексика начала XX века: традиции изучения // Политическая лингвистика. Вып. (1) 21. Екатеринбург, 2007. С. 13–18.

3 Харланова М. С. Развитие общественно-политической терминологии туркменского языка в современный период: Дис... канд. филол. наук. Ашхабад, 1965; Скворцов М. И. Старочувашская общественно-политическая лексика: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1972; Кайдаров А. Т., Абдрахманов А. А. Казахская терминология / Развитие терминологии на языках союзных республик СССР: Сб. ст. М.: Наука, 1987. С. 29–49.

переводились на татарский язык. К началу XX в. процесс перевода настолько активизировался, что появилось множество новых терминов, образованных на базе татарского языка и относящихся ко многим областям общественной жизни (это подтверждает Р. Ф. Мухамметдинов, разбирая публицистику татарской элиты, касаясь наиболее частых терминов, таких как «народ», «население», «публика», «нация», «национальность», «патриотизм», «национализм»¹). После 1917 г. в татарский язык начинают проникать русские и западноевропейские заимствования².

Этнические элиты в большинстве настроены на реализацию социально-культурных проектов, базовых для любого народа – территории, веры, языка, школы, рассчитывая на признание своего статуса. Исходя из содержательной стороны дела – это абсолютно не тупиковые аспекты проблем.

Но «кто жил в интеллигентских кругах, хорошо знает это высокомерие и самомнение, сознание своей непогрешимости и пренебрежение к инакомыслящим, и этот отвлеченный догматизм»³. Это проявилось и в отношении министра А. Мануйлова к этнокультурному аспекту деятельности ведомства, и в тактике избрания делегатов на Всероссийский съезд учителей, и, особенно, в правовых формулах Юридического совещания, безупречных, как казалось только самим кадетам. Что поняли бы в этих формулах и какие условия их применения имелись для жителя горского аула, якутского наслега, украинской деревни? Кто бы читал текст выше цитируемого проекта конституции для Хивы? Да и в русском селе – где было набрать таких грамотеев, кто бы понял текст: «При перенесении всего суверенитета в полном его объеме на народ в его совокупности, отдельные лица приобретают иное положение: они из людей, подчиненных чужой правовой воле, обращаются в лиц, пользующихся свободой самоопределения и наделенных неотъемлемыми правами, совокупность которых обнимается общим термином гражданства (*civitas*)»⁴. Он был понятен только пиетерскому профессору.

1 См. Мухамметдинов Р. Ф. *Нация и революция (трансформация национальной идеи в татарском обществе первой трети XX века)*. Казань: Иман, 2000.

2 Алеева Г. У. *Общественно-политическая лексика татарского языка*. Автореф. дисс. канд. фил. наук. Казань, 2009.

3 Булгаков С. Н. *Героизм и подвижничество* // Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 41.

4 ГА РФ. Ф. Р-1792. Оп. 1. Д. 2. Л. 86.

I Мусульманский съезд предоставил Всероссийскому мусульманскому совету и Икомусу всю полноту национального представительства и руководства политической жизнью мусульман России, иметь своих представителей в этой структуре, быть в курсе событий в центре и получать возможность влияния на них. Главной задачей совета стало привлечение внимания правительства к нуждам и требованиям российских мусульман. С этой целью его представители направлялись в Особое совещание по подготовке выборов в Учредительное собрание, в комиссию по духовным делам при Департаменте духовных дел, в Государственный комитет по народному образованию. Потестарный тип этнических культур и их консерватизм не воспринимался элитами как нечто отрицательное. Он был органичен их существованию.

В. Чернов подчеркнул: «Кадетские лидеры и юристы сыграли важную роль в том, что все или почти все малые народы отвернулись от Временного правительства»¹. Кадетская правовая идеология если и контролировала политическое, то не справлялась с контекстом, включая структуры обыденности и весь ландшафт повседневных практик. В июле 1917 г. журнал «Рассвет» писал: «Кадеты, абстрактная государственная партия, воспринявшая из книжек все симпатичное, “хорошее”, имеющееся на Западе, на которое всегда так падают русский интеллигент. Нам, евреям, с ними не по дороге. Они стали для нас слишком правыми в национальном вопросе. Для нашего равноправия, для действительного проведения его в жизнь требуются более радикальные перемены в формах, во взглядах, во всем общественном строе»². Принцип национально-персональной автономии как «идея пленил кадетов не столько своей простотой и ясностью, сколько возможностью противопоставить централистическую тенденцию федералистическим тенденциям территориалистов, – комментировал «Голос Бунда». – Но универсальным принципом решения национального вопроса в России это уже не является»³.

Если Великая французская революция дала миру Декларацию прав человека, то «великая русская революция должна была дать такие же права национальностям – тем живым коллективным сущностям и агентам культурной истории человечества, которых ни один

1 Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920. М.: Центрполиграф, 2007.

2 Давидсон А. Кадеты и национальный вопрос // Рассвет. 1917. № 3. С. 3–6.

3 Кадеты и национально-персональная автономия // Голос Бунда. 1917. № 1. С. 3–4.

доктринер в мире не смог бы убедить отказаться от их основополагающей идеи: «не человек для субботы, а суббота для человека»», – писал Чернов¹.

М. Вебер, наблюдая за трансформацией идеи государства, особое внимание обращал на российские процессы еще с 1905 г. Он назвал ее в 1917 г. «расколдовыванием мира»², той рационализацией, секуляризацией и бюрократизацией, которые сопровождают возникновение всепроникающего европейского государства. Трансформация идеи требовала объемного зрения. «Расколдовывание» касалось, прежде всего, общества, которому еще многое было непонятно. Индивид как наблюдатель искал смысл новым идеям государства. Он носитель мистического «суверенитета народа», но живая политическая сила. В один и тот же момент он и объект государственной власти, и источник суверенной власти. Это «мирской» человек, чьи объективные интересы тяготели и к какому-то этносу. Конечно, новая реальность рождала новые культурные коды и смыслы. Но, заметим, в первоначальном проекте Временного правительства об отмене национальных и религиозных ограничений особым пунктом предусматривалась необходимость поручить министрам немедленно приступить к пересмотру действующих законов об употреблении местных языков в государственных и общественных учреждениях. В окончательном тексте закона этот пункт был исключен³. Представители, например, Бунда в Петроградском совете не только не внесли каких-либо дополнений в урезанную декларацию Временного правительства, но даже проголосовали против поправки о культурном и политическом самоопределении национальностей. Как объяснили бундовцы В. А. Канторович и Д. И. Заславский, неудобно было в тот момент, когда Временное правительство нуждалось в поддержке, ставить максимальные требования⁴.

Конечно, и время-то переживалось самое ненормальное, а требуемая придирчивыми законниками безупречная процедура оказывалась слишком громоздкой и потому необходимо отстающей от лихорадочного темпа жизни страны. Это зло было усугублено еще тем, что

1 Чернов В. Великая русская революция.

2 См.: Saler M. Modernity and Enchantment: A Historiographic Review // American Historical Review. 2006. № 3. P. 695.

3 См.: Рубин И. Местные языки в государственных и общественных учреждениях // Наша трибуна. Сб. 1. М., 1917. С. 17.

4 Канторович В. Национальный вопрос на Объединительном съезде // Голос Бунда. Пг., 1917. № 4.

с насаждением правильных демократических органов самоуправления правительство – т.е. руководящая им партия кадетов – не спешило. Закон о местном самоуправлении издан только вторым Временным правительством (коалиционного состава). При огромности России, плохих путях сообщения и слабой культурности населения все новые законы вообще очень туго входили в жизнь и воспринимались массовым сознанием. Когда же речь шла о законах, по которым должно организоваться на местах самоуправление, что предполагает самостоятельность и демократическую самоорганизацию населения, то здесь требуются очень большие промежутки времени. В ряде местностей России, кроме того, существовали совершенно специфические трудности для введения в жизнь самоуправления. В целом ряде мест аборигены, инородцы были трудно соединимы с пришлым, высшим по культуре русским населением. В некоторых, средних по культуре местах – или даже с культурой выше среднего уровня, как в Предкавказье – земские самоуправления долго не могли привиться вследствие непопулярности своего имени: «земское» самоуправление напоминало не только о старом, помещичьем земстве, но и о земском суде, о земском начальнике и т.п. учреждениях старого режима, нелюбимых населением.

Стремление превратить, например, Калмыцкую степь в автономную административную единицу не поддержал Астраханский совет. Не желая осложнять отношений с губернской властью, калмыцкий съезд решил поставить вопрос перед Временным правительством в осторожной форме. До решения вопроса о самоуправлении учреждались временные центральные и местные органы, заменявшие собой попечительскую администрацию. Намек на автономное самоуправление содержался в 7 пункте постановления съезда: «Центральный комитет... является учреждением самостоятельным в делах по управлению калмыцким народом, а по вопросам, связанным с делами общегубернскими, входит в сношение с губернским комиссаром»¹. Новая система временных органов управления должна была функционировать до Всероссийского учредительного собрания. Съезд обязал ЦК УКН представить проект неотложных мероприятий в областях самоуправления, суда, земельной, народно-хозяйственной и общекультурной. Замена попечительской системы выборными коллегиальными органами являлась для Калмыкии прогрессивной реформой, результатом революционного подъема масс. О праве избрания в исполнительные

1 РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 31. Л. 25 об.

комитеты лиц «без различия сословий и национальностей» свидетельствовал и факт созыва калмыцкого съезда. Однако предлагаемая форма земских органов в Калмыцкой степи не находила отклика, в ней трудовой народ не находил ответов на свои вопросы, мало веря в то, что они допускаются к самоуправлению.

В ЦК УКН оказались избранными наиболее влиятельные нойоны. Но на местах создаваемые исполкомы по своему составу были более демократичны, чем центральный орган. Поэтому съезд (п. 12) предоставил ЦК право утверждать или не утверждать членов улусных исполкомов «с точки зрения соответствия избранных лиц своему назначению» и назначать для перевыборов повторный сход. Ознакомившись с постановлениями съезда, Временное правительство обратило внимание на содержащийся в них ряд положений, связанных с порядком выборов должностных лиц. Они были квалифицированы как «нелепица и беззаконие», а созыв сходов для пересмотра вопроса о личном составе улусных комитетов и зарго¹ – как «стеснение свободы», «нарушение свободы выборов». Замена назначаемых членов зарго выборными лицами расценивалась как «самочинные действия, противные закону»². Но и Юридическое совещание также не поддержало эту идею. Временное правительство стремилось провести административные преобразования таким образом, чтобы предотвратить создание автономий. Со своей стороны, этнополитические движения воспринимали подобные меры как временные, переходные к этническому самоуправлению, и потому свои комитеты рассматривали как прообразы будущего политического самоопределения³.

Политически более зрелые партии, с лучшей «мобилизованными» ресурсами, в том числе и культурными, облекали свои цели в формулы отвлеченные и, тем самым, более гибкие. Национальные движения, с их худшей политической школой, стремились говорить языком более конкретным. Но и в тех и в других, сопоставляя как расшифровки отвлеченных формул, так и формулы конкретные, наблюдаются колебания и нащупывания, которые позволяют сказать, что *самыми*

1 Функционировало в Калмыцком ханстве как высшее судебное учреждение. Упразднено в 1848 г. *Цыкалова Н. А.* Местные органы государственной власти и местное самоуправление в Калмыкии в середине XIX–XX вв. (историко-правовой анализ). Канд. дисс. юрид. наук. Ставрополь, 2005.

2 РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 31. Л. 26–27.

3 *Тишков В. А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.

неустойчивыми в феврале–октябре – где все было неустойчиво – были цели. Понималось, например, что строительство новой России немислимо вне решения польского вопроса, мысль об этом решении, как о коренной части программы, работала неустанно.

Государственной думе, которая могла бы наладить непростой процесс осмысления новых правовых норм, тем более что многие этнические активисты были из ее рядов, в политическом процессе 1917 г. места не нашлось. Ее деятельность носила случайный и непредметный характер. В. А. Маклаков в начале мая заявил: «Я пеняю, что Временное правительство не поняло в свое время, какую поддержку ему могла бы оказать Государственная дума»¹. На самом деле никто не распускал Госдуму IV созыва. Ее полномочия истекали в конце октября 1917 г. Образовавшийся при Временном комитете Государственной думы (ВКГД) 10 марта 1917 г. Отдел сношений с провинцией среди проблем, волновавших население в начальный период революции, не выделял в качестве самостоятельного национальный вопрос. Сами думцы стремились в той или иной форме обеспечить участие Государственной думы в принятии управленческих решений. В составе IV Думы был 81 депутат нерусского происхождения: 18,3 % от общего числа депутатов. В том числе от Казанской губернии – 10, от Уфимской – 8, от Курляндской – 3, от Лифляндской – 6, от царства Польского – 13, от Кавказа и Закавказья – 6 депутатов. В дни апрельского кризиса Временного правительства, в ночь на 21 апреля, в Мариинском дворце состоялось «информационное» совещание членов Временного правительства, ВКГД и Исполкома Петросовета по вопросу о путях преодоления кризиса. На заседании ВКГД В. В. Шульгин предлагал «устройство какого-нибудь органа, который имел бы совещательный характер и дал бы возможность Временному правительству обмениваться мнениями с представителями различных политических партий»².

Вопрос не просто откладывался до Учредительного собрания, он был игнорирован российскими властными элитами. Даже «Русская воля», газета, заявлявшая себя «непримиримым врагом народного

1 См.: Буржуазия и помещики в 1917 году: Частные совещания членов Государственной думы / Под ред. А. К. Дрезена, с предислов. З. Б. Лозинского, подготовили к печати М. И. Ахун, Д. М. Зиневич и О. Б. Окунь. М. – Л.: Партиздат, 1932. С. 17.

2 Речь. 1917. 23 апреля. Подробнее см.: Николаев А. Б. «Парламентский» проект В. В. Шульгина // Россия в 1917 году: Новые подходы и взгляды. СПб., 1994. Вып. 2. С. 37–66.

бесправия, национального угнетения, безответственной власти и такой политики, которая от души презирает интересы трудящихся масс», в № 235 отмечала: «Самое тягостное и поистине трагическое впечатление производят не большевики, а представители национальностей. Характерно: все эти *великодержавные агенты малых народностей* выступают только с требованиями. Они не просят, они не жалуются – они требуют... “Мы требуем от Временного Правительства” – вот почти шаблонное начало всех косноязычных деклараций национальных представителей...» «Все эти латыши, эстонцы, литовцы, украинцы, латгалцы (есть и такие) назойливо выступают вперед и только требуют, требуют и требуют...» «Читая шершавые речи всех этих инородческих завоевателей, читая их требования, их вопли о правах, без единого указания на обязанности, невольно подумаешь, что это не представители России съехались, а полувраждебные государства послали своих делегатов на предмет объявления России войны...»¹ Но многие-то и были депутатами Думы. Речь у «этих инородческих завоевателей» и в самом деле шла главным образом о правах, из объема их и вытекают обязанности, однако у чиновников права вызывали негативную коннотацию. Лишь 14 июня правительство назначило выборы в Учредительное собрание на 17 сентября, а затем перенесло на 12 ноября.

Юрист С. А. Котляревский, давая в 1920 г. ВЧК показания, указал на записку «об украинской автономии, составленную при Временном правительстве, когда <...> был членом Юридического совещания, куда передан был этот вопрос». «Были и большие споры, – рассказывал он. – Я, например, решительно не думал, что единство России без оговорок – все равно, большевистских, меньшевистских, кадетских, – может сейчас быть плодотворным политическим лозунгом. Нельзя навязывать окраинам централизма. Больше того, когда все разрушается, не нужно ли, прежде всего, остановить это разрушение, не воевать друг с другом и воссоздаваться по частям?.. Я делал разные сообщения по этим вопросам и в других местах, особенно отстаивал важность федерализма в России»². Но «кадетская “юридическая комиссия”... хоронила все новшества. Решающий голос в ней принадлежал правоведам старой школы Кокошкину и барону Нольде»³.

1 Мирский Б. Русская воля. 1917. № 235. Мирский (Миркин-Гецевич) Борис Сергеевич (1892–1955) окончил юридический факультет Петербургского университета. До 1918 г. – приват-доцент университета, преподавал международное право.

2 Красная книга ВЧК. В 2 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1989.

3 Чернов В. Великая русская революция.

Разный уровень развития народов России, их консолидации вел к столкновению этнонационального и правового начал. 8–15 сентября в Киеве Центральная рада провела Съезд народов и областей России, представителей «народов-федералистов». Постановление о его созыве Рада приняла 27 июня. Участвовало 86 депутатов от 14 этнополитических (национально-религиозных и сословно-территориальных) объединений – украинцы, казаки, крымские татары, эстонцы, латыши, поляки, молдаване, евреи, грузины, азербайджанцы, литовцы, буряты, представители мусульманских организаций. Статус представителей и их правомочия были разными. В работе съезда участвовало 15 делегатов от мусульманских народов, в том числе из Закавказья М. Векилов, заместитель комиссара Бакинской губернии, назначенный Особым Закавказским комитетом¹, А. Адиебеков, Д. Садыков и Ш. Рустамбеков.

1 Векилов Мустафа бек Надир оглы (сентябрь 1896, село Салахлы Казахского уезда – 1 ноября 1965, Анкара) – общественно-политический деятель. Один из участников освободительного движения Азербайджана. Член парламента АДР. В 1912 г. окончил Бакинскую гимназию, а в 1917 г. – юридический факультет Московского университета. С марта 1917 г. участвовал в политической жизни, избирался делегатом на Кавказский и Всероссийский мусульманские съезды, съезд нерусских народов. Сотрудничал в органах печати. По рекомендации Алимардан бека Топчибашева Особый Закавказский комитет назначил М. Векилова заместителем комиссара Бакинской губернии. На I съезде партии «Мусават» (октябрь 1917 г.) избран членом ЦК партии. 15 ноября 1917 г. назначен советником комиссара внутренних дел А. И. Чхенкели в Закавказском комиссариате. После провозглашения независимости и создания Азербайджанской Демократической Республики работал в Министерстве внутренних дел. Он был членом редколлегии газеты «Азербайджан», экспертом делегации, отправившейся в июне 1918 г. во главе с Мамед Эмином Расуладе на Стамбульскую конференцию. Векилов был также секретарем чрезвычайного посланника и полномочного министра Алимардан бека Топчибашева. В декабре 1918 г. от партии «Мусават» избран депутатом в парламент, где он был членом финансово-бюджетной и редакционной комиссий. Мустафа бек также был членом Центральной комиссии по созыву парламента. В декабре 1919 г. на II съезде партии «Мусават» был вновь избран членом ЦК партии. В декабре 1919 г. был назначен заместителем министра внутренних дел, а феврале 1920 г. – министром внутренних дел. В апреле 1920 г. переезжает в Тифлис, затем – в Турцию. В Турции он продолжил освободительную борьбу в заграничном бюро партии «Мусават». Мустафа бек Векилов трудился в Национальном центре Азербайджана, в организации «Прометей». В 1929–1941 гг. он прожил в Польше, а затем во Франции и Швейцарии. В эмиграции занимался активной публицистической деятельностью. Свои статьи относительно истории и литературы Азербайджана публиковал в таких журналах, как «Йени Кавкасия», «Азери тюрк», «Одлу юрд», «Азербайджан юрд билгиси» (Турция), а также в издающихся

Литовцев на съезде представлял студент Санкт-Петербургского университета А. Волдемарас¹. А. Озенбашлы², член Мусульманского исполнительного комитета в Крыму, в своем докладе на съезде утверждал: «...крымские татары привыкли жить свободной жизнью... и вполне достойны свободного и самостоятельного строительства своей... жизни на своей же земле. Пусть знают все, что крымские татары не позволят никому установить какую бы то ни было гегемонию на крымском полуострове... Мы, свободные сыны отныне свободного татарского народа, протягиваем вам руку с лозунгом *демократической федеративной республики* для счастливого, дружеского сожителства, чтобы каждая народность в своеобразных национальных проявлениях могла свободно вносить свою каплю меда в соты человеческого гения и прогресса, дабы из отдельных национальных культур получилось одно гармоническое целое»³.

Открывая съезд, М. С. Грушевский обозначил Киев центром федералистского движения, а украинскую Центральную раду – его дирижером. Против такой оценки резко возражал Милюков. Он писал: «Характерно, что правительство, или лучше сказать Керенский (это было

в Париже журналах «Прометей» (на французском) и «Кавказ» (на русском). В конце Второй мировой войны жил в Турции, где работал юридическим консультантом в банке и продолжал политическую деятельность.

1 Волдемарас Аугустинас (1883–1942). В 1919 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Основал политические партии «Pazanga» («Прогресс», 1916); Союз литовских националистов (1924). В 1918 г. кооптирован в литовскую Тарибу. С ноября по декабрь 1918 г. – литовский премьер-министр, министр иностранных дел. См.: Кирчанов М. В. Литовский период деятельности Аугустинаса Волдемараса (1917–1939) // Современные научные исследования и инновации. № 4. Август 2011; Иванов-Виленский В. De jure и de facto. Документальная история Литвы и формирования государства литовцев в межвоенный период 1919–1941 гг. Т. I. AD REM. Вильнюс, 2005.

2 Озенбашлы Амет-эфенди Сеит-Абдулла-оглу (1893–1958). Родился в семье писателя-просветителя С. А. Озенбашлы в Бахчисарае. Некоторое время работал в типографии И. Гаспринского в качестве художника-оформителя и каллиграфа. Обучался на медицинском факультете Новороссийского университета (Одесса, 1915–1917). В 1917 г.: член Мусульманского исполнительного комитета, Совета народных представителей, делегат Курултая, кандидат в члены Учредительного собрания. Социалист, сторонник создания суверенного крымско-татарского государства.

3 Цит. по: *Сеитбекир Эльдар Адиль-оглу*. «...Мы достойны свободной и самостоятельной жизни...» // *Озенбашлы А. С. Къырым фаджиасы*. Сайлама эсерлер (Трагедия Крыма. Избранные произведения). Из истории трагической судьбы крымско-татарского народа / Сост.: Керим Исмаил Асан-оглу, Озенбашлы Мерьем Амет-кызы. Симферополь, 1997. С. 40–41.

при “директории”), – отнесся к съезду положительно и послал на него своего делегата, М. А. Славинского, – тогда еще умеренного украинца и сотрудника “Вестника Европы”. Славинский передал съезду, что правительство считается с “сильными и мощными ростками” автономии на Кавказе, в Сибири, Эстонии, Латвии, а также и среди казаков, но не считает себя вправе до Учредительного Собрания провозглашать федеративный строй, “не препятствуя, однако, работать на местах для создания этого строя”. Оно уже создало особое совещание по выработке областного самоуправления под председательством самого Славинского; последний сообщил, что это особое совещание “считает своей задачей войти в контакт со всеми народностями и областями России, чтобы учесть все их автономно-федералистические стремления” и внести соответственный законопроект в Учредительное Собрание. Избранный почетным председателем профессор Грушевский в своем вступительном слове связал автономно-федеративную идею с Киевом, как “очагом” этой идеи, и указал, что среди украинцев федеративная идея никогда не умирала. Петлюра, председатель украинского войскового комитета (“военный министр”), остановился на необходимости создания украинского национального войска как “для защиты своей земли”, так и для того, чтобы голос украинцев был услышан в Учредительном Собрании. В полном согласии с приведенной статьей “L’Ukraine”, Петлюра заявил в заключение, что Россия на краю пропасти и спасти ее может только обращение к живым источникам бодрой силы отдельных народностей. В принятых съездом резолюциях признавалась необходимость переустройства России на федеративных основаниях с разделением ее на автономно-федеративные штаты с общегосударственным органом, в задачи которого входит не только внешнее, но и внутреннее объединение. Для осуществления этого переустройства съезд указал два пути: внутренняя работа народов и решения местных Учредительных Собраний, с одной стороны, и объединенная работа в сотрудничестве с органами Временного Правительства, с участием в последних представителей народов, с другой»¹.

Главными решениями раздражавшего, конечно, Петроград форума стали следующие: «1. Признать единственно возможной формой государственного устройства России национально-федеративную республику. 2. Через местные национальные учредительные собрания определить конституцию и границы отдельных федеративных областей.

1 Миллюков П. Н. История русской революции. С. 515.

3. Добиваться участия заинтересованных народов России на будущем мирном конгрессе. 4. Считать неотложным образование при Временном правительстве из представителей отдельных народов особого совета по национальным вопросам и в том числе по образованию национальной армии». Съезд постановил: «Россия должна быть Федеративной Демократической Республикой», «построенной на национальном принципе»¹.

Лидер эсеров В. Чернов назвал съезд «грандиозным», объявившим «федеральную форму правления единственной, достойной новой России»². В восторге от принятых резолюций, Векилов писал в Баку: «Недавние пасынки России властно заявили, что больше в России нет и не должно быть народа “великодержавного” и народов “недержавных”. Судьба России находится в руках всех населяющих ее народов... И в этом многообразии – такая чарующая красота и сила!»³ Уже 19 сентября решения Киевского съезда публиковали бакинские газеты⁴.

Вместе с тем, параллельно, о чем и сообщал в Киеве Славинский, шла работа и в Петрограде. С определением даты созыва Учредительного собрания подготовка документов активизировалась. В еженедельной юридической газете «Право», в каждом из вышедших в 1917 г. 40 номеров, публиковались статьи тех, на кого будет возложена ответственная задача подготовки документов к Учредительному собранию. Выступая на собрании граждан г. Ранненбург Рязанской губернии 14 августа 1917 г., авторитетный член Юридической комиссии Б.Э. Нольде косвенно затронул абрис будущего управления в России: «...не федерация, не управление через комитеты парламента, а испытанная система ответственного министерства, с президентом во главе *Русского государства*»⁵. По мнению К.Н. Соколова, задача Учредительного собрания заключалась в том, что «с провозглашением той или иной формы государственного устройства и обеспечением начал гражданского равенства и гражданской свободы в конституции России

1 Программные документы национальных политических партий и организаций России (Конец XIX в. – 1917 г.). Вып. 2. С. 192; Попов А. Л. Из истории революции в Восточном Закавказье (1917–1918 гг.) // Пролетарская революция. 1924. № 7 (30). С. 143.

2 Чернов В. Великая русская революция.

3 Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 гг.). М., 2004. С. 330.

4 Каспий. 1917. 19 сентября.

5 Нольде Б. Э. Учредительное Собрание и его задачи: Речь в собрании граждан г. Ранненбург Рязанской губернии 14 августа 1917 г. Пг., 1917. С. 32.

должны быть... так или иначе установлены границы самостоятельности отдельных частей Российского государства как целого»¹.

В протоколе № 1 Особой «Конституционной комиссии», возглавляемой Н. И. Лазаревским², от 11 октября 1917 г. отмечалось: «...главной задачей является отнюдь не предрешение и не указание пути, которым пойдет Учредительное собрание, а исключительно освещение вопросов, которые предстоит разрешить Учредительному собранию»³. Предполагалось, что принятие Конституции произойдет на Учредительном собрании. Однако приступая к работе, Комиссия считала, что будущая Россия должна представлять буржуазную республику во главе с президентом и двухпалатным парламентом, избранными Учредительным собранием на один год. Необыкновенно широкими, по проекту, были права президента в деле управления государством. Он мог назначать и увольнять высших чиновников, руководить армией и внешней политикой, по сути дела, повторяя компетенцию императора по «Основным законам Российской империи» (в ред. от 23 апреля 1906 г.). По проекту конституции верхние и нижние палаты российского парламента схожи с Государственным советом и Государственной думой. Это была типичная президентская республика.

Говоря о будущем государственном строе России, В. М. Гессен указал на важность более точного и недвусмысленного изложения таких понятий, как автономия, федерация.

При рассмотрении положения о гражданах отмечалось, что иностранные законодательства по данному вопросу могут быть подразделены на три основные группы:

- популяционистскую, руководствующуюся стремлениями препятствовать выходу из гражданства и всячески содействовать приросту народонаселения;
- национальную, имеющую в виду привлечение возможно большего числа лиц той же национальности к инкорпорации в состав преобладающей в данном государстве национальности;
- интернациональную, руководствующуюся общностью интересов всех государств.

1 Соколов К. Н. Учредительное Собрание. Пг., 1917. С. 22–23.

2 Н. И. Лазаревский (1868–1921) – русский юрист, кадет. В 1921 г. расстрелян большевиками по т.н. «Таганцевскому делу» (См.: Мельгунов С. П. Красный террор в России (1918–1923). Чекистский Олимп / С. П. Мельгунов; [предисл. Ю. Н. Емельянова]. 2-е изд., дополненное. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 170).

3 Учредительное собрание. Россия. 1918. Стенограмма и другие документы / Составитель Т. Е. Новицкая. М.: Недра, 1991. С. 33.

При кратком обсуждении Особая комиссия единогласно приняла решение сосредоточиться на интернациональной группе. Комиссия распределила между ее членами различные направления работы. Разработка раздела I «Декларация прав гражданской свободы и гарантия их» поручалась В. М. Гессену. Разработка раздела II «Принципы федерализма, автономии и самоуправления. Компетенция законодательных учреждений» поручалась Н. И. Лазаревскому, профессору кафедры государственного права Санкт-Петербургского университета (в 1905 г. участвовал в комиссии А. Г. Булыгина по выработке учреждения Государственной думы). Профессор международного права в Новороссийском университете И. А. Ивановский также предпочел заняться компетенцией законодательных учреждений «в связи с началом автономии». Важный для нашей проблемы раздел III «Государственный и местные языки» поручался Н. А. Ленскому, либеральному юристу, более известному, правда, трудами по местному управлению и административной юстиции. За остальные IV–XIII разделы (в целом 200 статей) отвечали А. М. Кулишер, Б. Е. Шацкий, барон Б. Э. Нольде, Э. Г. Гинзберг, А. Н. Макаров, К. Н. Соколов и др. Историк В. М. Гессену поручалось подготовить основные титулы будущей конституции.

Особая комиссия при Временном правительстве по составлению проекта основных законов все-таки предложила проект решения национального вопроса в ходе конституционной реформы. Глава комиссии (из членов ЮС) Н. И. Лазаревский подготовил «Предварительный проект статей основных законов по вопросу об автономии (федерации)»¹. Предполагалось учредить конституционную федерацию, субъектами ее должны были стать Финляндия и другие образования (области)².

1 Смыкалин А. С. Конституция Российской демократической федеративной республики 1917 года // Чиновник. 2002. № 2 (18); ГА РФ. Ф. Р-1792. Оп. 1. Д. 5. Л. 131–132.

2 Любопытно, что один из лидеров Украинской центральной рады С. Петлюра выделял взгляды Лазаревского на правовые аспекты национальных проблем еще в его работе 1906 года. Петлюра писал: «Являясь вопросом государственно-юридическим, национальный вопрос требует, чтобы его рассматривали в конкретных обстоятельствах политически-юридического характера. К большому сожалению, специалисты-юристы мало осветили национальный вопрос с этой стороны. Кроме небольшой брошюры Г. Лазаревского, мы не находим почти ничего, что можно было бы рекомендовать читателям для ознакомления с юридическими компетенциями тех государственных институтов, которые стоят на страже национальных интересов определенной нации. Г. Лазаревский в своей брошюре вполне правильно анализирует такие понятия, как самоуправление, автономия, федерация, показывает, какие права принадлежат каждой из упомянутых

Подчеркивая государственное единство и неделимость России, автор выделил особый статус Финляндии в составе России. Хотя речь и шла о существенной децентрализации власти, Лазаревский, предлагая учреждение областной автономии, предусмотрел, что основы правового положения областей будут определяться центральной властью. Верховенство основных государственных законов должна обеспечивать центральная государственная власть. Губернские правительственные учреждения предполагалось подчинить областным органам государственной власти. В проекте не содержалось ни указания на предоставление права автономии по национальному признаку, ни слов о национально-территориальной автономии¹.

Представительство от автономных образований (областей) предполагалось в верхней палате двухпалатного парламента. В ней должны быть представлены и губернии. Раздел «Тезисы по вопросу о верхней палате» определял: формирование верхней палаты будут осуществлять местные автономные учреждения. Области наделены правом законодательства и управления, представительства в национальном парламенте. Их законы не должны противоречить основным законам России².

Разработчики других проектов основных законов допускали в России и автономию, и федерацию. В ходе заседаний Временного Совета Российской республики (Предпарламента) делегаты от социалистических партий и кадетов уже сходились в том, что самоопределение есть право выбирать между любой мерой автономии и самостоятельности, которое должно быть гарантировано и для оккупированных Германией территорий. Делегации «на разных языках» оперировали революционными обстоятельствами³. Аргументы носили скорее эмо-

---

государственных категорий, каковы их отношения к государству, к центральной власти, какова разница между ними в правах, обязанностях и т. д. Написана брошюра вполне живо, интересно и со знанием дела. Поэтому мы советуем познакомиться с ней каждому, кто интересуется государственно-юридической стороной национального вопроса». См.: Лазаревский Н. И. Автономия. СПб., 1906; Симон Петлюра. Главный атаман. В плену несбывшихся надежд. Под редакцией Мирослава Пововича и Виктора Мироненко. М. – СПб., 2008. С. 80–81.

1 ГАРФ. Ф. Р-1792. Оп. 1. Д. 5. Л. 131. Ранее Лазаревский допускал создание национальных автономий, считая это инструментом в борьбе с сепаратизмом. См.: Лазаревский Н. И. Автономия. СПб., 1906. С. 29–30.

2 «Тезисы по вопросу о верхней палате» разработаны членами Комиссии по разработке основных законов А. М. Кулишером и Б. Е. Шацким. См.: Красный Архив. 1928. Т. 3 (28). С. 139–142.

3 ГА РФ. Ф. Р-1799. Оп. 1. Д. 5. Л. 17–18.

циональный, чем рациональный характер. Но «кадетские профессора» предпочитали отстаивать юридические аспекты: географические пределы автономии, ее полномочия, взаимодействие центральной власти и автономии.

Созданный Особой комиссией проект продолжил унитаристские принципы Основных государственных законов Российской империи 1906 г. Конституция, которую Юридическое совещание хотело предложить Учредительному собранию, призвана закрепить в России государственный строй в форме «единой и нераздельной» унитарной республики с сильной президентской властью, обеспечивающей своим гражданам основные права и свободы. В преемственности многих полномочий монарха Временным правительством и Временным президентом России отразился характер политического и юридического мышления авторов конституции, сделавших ставку на правопреимственность конституционных принципов Основных государственных законов 1906 г. и конституционных проектов Временного правительства России 1917 г.

Петроград раздражали национальные партии и движения, которые пытались конвертировать свои интересы, отразить их в устройстве государственных структур. По отношению к этническим элитам преобладало ревнивое недоверие как к претендентам на соучастие в государственном управлении на разных уровнях. У новой власти не нашлось сил, способных оценить их возможности в положительном ключе, кое-какие робкие попытки запоздали.

В. Зеньковский¹ из Киева, превратившегося в новый политический центр, указывал на необходимость «выделить в сложном потоке событий... три момента, которые... имели решающее значение для путей России и ее *отдельных частей*... политический, социальный, национальный. Все они чрезвычайно связаны один с другим, хоть *основное значение принадлежало лишь двум последним*... Динамическая напряженность революционного процесса, неожиданно для всех его деятелей, начиная с <конституционных> д<емократов> до <социал>-д<емократов> и даже большевиков определялась *не отсутствием сопротивления (курсив автора. – Т.К.)*, а тем, что *история требовала*

¹ Зеньковский Василий Васильевич (1881, Проскуров – 1962, Париж) – русский религиозный философ и историк философии. Профессор психологии Киевского университета (с 1915). В 1918 министр вероисповеданий в правительстве гетмана Скоропадского. С 1919 белоэмигрант, профессор Русского православного института в Париже (с 1926).

разрешения двух первейших задач бывлой России – вопросов социального и национального (курсив мой. – Т.К.)»¹.

Важное значение имело и отношение к вероисповедной сфере. Партия народной свободы отстаивала собственную, отличную от других точку зрения на реформирование вероисповедной сферы. Если учесть эволюцию взглядов кадетов на характер и содержание государственной церковной политики, результатом ее стала принятая в июле 1917 г. на съезде партии программа по церковному вопросу. Анализ данной программы выявил ее противоречивый и непоследовательный характер. С одной стороны, в ней обосновывалась идея «внеконфессионального государства» и вытекающие из нее принципы равенства всех конфессий в государстве, автономности существования светской и религиозных сфер, материальной поддержки государством всех культов, снятия с духовенства выполнения функций государственных органов и т.д. Но с другой стороны – закреплялось и отстаивалось «первенствующее положение» православной церкви в российском государстве, сохранялся ряд прежних ее привилегий. Модель «внеконфессионального государства», разработанная теоретиками кадетской партии и начавшаяся претворяться в жизнь Временным правительством со второй половины лета 1917 г., была неким компромиссом между передовыми по тому времени взглядами на вопросы свободы совести и вероисповеданий и боязнью резкого слома традиционных государственно-церковных отношений. Компромиссность и противоречивость кадетской программы вероисповедных преобразований не позволила Временному правительству найти взаимопонимание с этническими элитами, вызвала сомнение среди неправославных религиозных организаций в правильности избранного правительством пути, что в конечном итоге существенно сузило социальную базу поддержки его реформ.

«Временное правительство, – писал А. С. Ахиезер, – оказалось во власти либеральной политики. Мощное давление активизирующего традиционализма... стало решающим фактором в обществе»². Людей, записал в дневник В. Г. Короленко, «одними учреждениями... сразу не изменишь. В социальной лаборатории должна еще долго происходить их перегруппировка. Народ неграмотный, забитый, не привыкший к первичным социальным группировкам

1 Зеньковский В. Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.). Воспоминания. М., 1995. С. 15.

2 Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Социокультурная динамика России. Т. 1. 2-е изд. Новосибирск, 1997. С. 337.

(организациям) – сколько ему ни предписывай сверху – не скристаллизуется в алмаз... Останется ли он и после революции аморфным угольным порошком, который ветер анархии или реакции будет еще долго взметать по произволу стихии, – вот роковой вопрос нашего времени... О социализме пока, конечно, нечего и думать. Но между социальной революцией и анархией революционной или царистской есть много промежутков. Мне кажется все-таки, что уже есть некоторые кристаллизационные оси и Россия не совсем аморфна». Следующая запись в его дневнике отмечена 15 ноября: «7 ноября Рада выпустила “универсал”. Украина объявлена республикой. Центральной власти в России нет»¹.

---

1 Короленко В. Г. Дневник. Письма.

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР В ПОСТИМПЕРСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

2.1. Этнические активисты – в структурах Временного правительства

У Российской империи имелось огромное количество разнообразных попыток совместить *универсализм с партикуляризмом-автономизмом*: разные культурные традиции и территории с разным уровнем развития – в едином политическом образовании. Трудность задачи заключалась в том, что она не имела единого средства разрешения и могла решаться только *опытным путем*, методом проб и ошибок, накопления удач и заблуждений. *Искусство поддержания баланса между партикуляризмом-автономизмом и универсализмом в государственном сообществе, по сути, оставалось имперским вариантом национальной политики*. Этот процесс, во-первых, жестко контролировался имперской бюрократией, а во-вторых, в специальные структуры управления этим процессом, как правило, аборигены не допускались. *Цель – поддержание гегемонии со стороны метрополии, а главный инструмент – сочетание прямого и косвенного управления*.

Но, понимая революцию как уничтожение старого и учреждение нового, в феврале – октябре 1917 г. развивался процесс *самоучреждения новых структур*. Учреждающая *новое* структура стремилась преодолеть парадокс по Гегелю: революция завершает линию формообразований чистым отрицанием и сама становится «возвышеннейшим образованием»¹.

Помимо идеологического и юридического осмысления проблемы во властных структурах, в партийных корпорациях и в других интеллектуальных собраниях, оставалась проблема практического управления. С этой стороны дело обстояло гораздо хуже.

Р. Пайпс отметил «соглашение о принятии программы... от имени новообразованного “Временного Совета министров” с одобрения

---

¹ См. об этом подробнее: *Магун А. Отрицательная революция. К деконструкции политического субъекта*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 416 с.

Исполкома, но без его подписи. Программа должна была служить основой, которой надлежало руководствоваться правительству в ближайший краткий период – до созыва Учредительного собрания». «Этот документ, плод ночного творчества вконец утомленных политиков, повлек самые плачевные последствия. Самыми пагубными были пункты 5 и 6, *которые единым махом сметали губернскую администрацию...* Никогда ни одна революция, ни до, ни после 1917 года, не производила *такого опустошительного разгрома административного аппарата*»¹. Речь шла о полной деградации легальных механизмов реализации государственных решений. Управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков писал о беспомощности правительства, которое за полгода довело Россию до почти полного развала: «В первое время была *какая-то* странная вера, что все *как-то* само собой образуется и пойдет правильным организованным путем... Имели, например, наивность думать, что огромная столица со своими подонками, со всегда готовыми к выступлению порочными и преступными элементами, может существовать без полиции или с такими безобразными и нелепыми суррогатами, как импровизированная, щедро оплачиваемая милиция, в которую записывались и профессиональные воры, и беглые арестанты. Аппарат, хоть кое-как, хоть слабо, но все же работавший, был разбит вдребезги»². З. Ю. Арбатов оценил: в Екатеринославе развал государственного аппарата занял три дня³.

Советский исследовательский энтузиазм долгие годы «топтался» на изучении роли Советов, хотя В. М. Чернов, не только лидер эсеров, но и товарищ председателя Петросовета, к совету относился с известной долей скепсиса. А. Ф. Керенский в воспоминаниях, незадолго до смерти, о них отзывался критически⁴. Его оценка совпала с более ранней оценкой Советов В. Д. Набокова⁵. Большую ставку на Советы делали только большевики, да и то из тактических соображений, правда, растянувших-

1 Имеются в виду п. 5. Замена полиции народной милицией выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления и п. 6. Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. См.: *Пайнс Р.* Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 327; *Титов Ю. П.* Хрестоматия по истории государства и права России. Учебное пособие. М., 1998. С. 292.

2 *Набоков В. Д.* Временное правительство / Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции

3 *Арбатов З. Ю.* Екатеринослав 1917–1922 гг. Воспоминания / Литература русского зарубежья. Антология в 6 т. Т. 1. Кн. 2. 1920–1925. М.: Книга, 1990. С. 88–89.

4 *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1990. № 12. С. 146.

5 *Набоков В. Д.* Временное правительство / Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции

ся на многие десятки лет. Французский историк Н. Верт отмечает: Советы 1917 г. находились под контролем политических активистов, считавших «всякое участие в управлении преждевременным и полагающих, что Советам следует ограничиться надзором за действиями правительства, с тем, чтобы оно на деле проводило демократические реформы»¹. В учебном пособии по истории отечества отмечается: Петросовет представлял «совершенно не организованную силу толпы... и был не в состоянии организовать управление государством»².

Но «люди забывали об опасности. Многие лица сияли воодушевлением, даже радостью... Толпы народа встречали и провожали мчавшиеся автомобили одушевленными криками “ура»!.. В Таврическом дворце в это время стряпали новую власть»³. 9 марта кн. Г.Е. Львов заявил: «Честь и слава всему русскому народу. Над Россией засияло солнце свободы и сразу осветило глубокое дно озера – гений русского народа». Характеризуя настроения Г.Е. Львова в дни переворота, его биограф писал: «“Родина-Мать” – на краю гибели... И неужели в этот час он усомнится в “глубокой мудрости” русского народа, в божественных началах, живущих в его душе, – в его доброжелательстве, мироотворстве, смиренстве?»⁴

Академик П. Г. Виноградов весной 1917 года писал: «Что касается премьера, князя Львова, он представляет самый могучий организованный успех, достигнутый современной Россией, – огромную работу Земского и Городского союзов, проделанную вопреки всякого рода мешающим действиям со стороны бюрократии»⁵.

Не только идеализация ситуации у одних, но и непонимание в принципе сути принятых решений у других влияли на восприятие, оценки, а в конечном счете – на характер и процесс принятия политических решений. В силу сложившихся обстоятельств Временное правительство сконцентрировало в своих руках не только исполнительную, но и законодательную власть. Но у Г.Е. Львова, занявшего место главы кабинета министров, «не оказалось даже готового списка новых губернаторов», – негодовал депутат IV Государственной думы

1 Верт Н. История советского государства. М.: Инфра, 1994. С. 82.

2 История отечества. Ростов-на-Дону, 2007, С. 406.

3 Полнер Т. И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова: Личность. Взгляды. Условия деятельности. Париж, 1932. С. 231–232, 244.

4 Полнер Т. И. Указ. соч.; Колоницкий Б. «Русская идея» и идеология Февральской революции // <http://www.utoronto.ca/tsq/18/kolonitsky18.shtml>

5 Виноградов П. Г. Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008. С. 385–386.

А. А. Бубликов¹. А. И. Гучков вспоминал: Львов «неисправимый непротвиленец, он крепко верил, что все это стихийное само собой уляжется, что известные добрые качества, здравый смысл заложен в русской народной массе, что он, в конце концов, возьмет верх, эксцессы связаны с бурным весенним потоком, а потом спокойно потечет»². Председатель комиссии по расследованию германских зверств во время Первой мировой войны Н. П. Карабчевский отмечал: «Очаровательное впечатление производила его личность и, вместе с тем, тревожные опасения, что он не на своем месте, проникали в сознание»³.

В некоторых речах Львова отражались революционно-мессианские идеи: «Великая русская революция поистине чудесна в своем величавом, спокойном шествии. Чудесна в ней не фееричность переворота, не колоссальность сдвига, не сила и быстрота натиска, штурма власти, а самая сущность ее руководящей идеи. Свобода русской революции проникнута элементами мирового, вселенского характера. Идея, возвращенная из мелких семян свободы и равноправия, брошенных на черноземную почву полвека тому назад, охватила не только интересы русского народа, а интересы всех народов всего мира. Душа русского народа оказалась мировой демократической душой по самой своей природе. Она готова не только слиться с демократией всего мира, но стать впереди ее и вести ее по пути развития человечества на великих началах свободы, равенства и братства»⁴. Они не содержали, однако, конкретных соображений о формировании правительства и его обязанностях.

Важнейшим достижением переворота многие считали создание *действительно национального правительства*: «Отныне в России нет грани между властью и страной. Отныне *русское правительство и русский народ* – едино, и это *единое есть русская нация*», – восхищался будущий идеолог «сменовеховства» Н. В. Устрялов. Но Н. А. Бердяев, признавая это, отмечал: «В этом правительстве... есть что-то *характерно-русское, русская нелюбовь к властвованию*»⁵. «Я считал и считаю русскую интеллигенцию, – писал В. Зеньковский, – непригодной для политического действия, для политического творчества. Быть может,

1 Бубликов А. А. Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 35.

2 Александр Иванович Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 7–12.

3 Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Т. 2.

4 Цит. по: Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции // От первого лица. М., 1992. С. 96.

5 Устрялов Н. Революция и война. М., 1917. С. 21; Бердяев Н. Власть и ответственность // Русская свобода. 1917. № 6. С. 4.

в этом виновата история, не давшая развития политическому искусству и необходимым для него качествам – но факт налицо. Даже поляки – которым, на мой взгляд, тоже не дан талант государственности, стояли и стоят несравнимо высоко в этом отношении»¹. Зинаида Гиппиус в дневниках сочувствовала «серому, честному, культурному и бессильному Временному правительству»².

Набокова возмущало: Львов «сидел на козлах, но даже не пробовал собрать вожжи»³. В непростых обстоятельствах, требующих способностей к сложной политической работе, возглавил страну человек без опыта государственной работы, «само воплощение прямоты». Четких инструкций он дать не мог, хотя, естественно, стал искать новых людей среди своих знакомых, к которым относился с доверием. Об этом напоминает Б. А. Бахметьеву 10 декабря 1921 г. В. А. Маклаков: «Около него завелась кружковщина, раздача мест друзьям и знакомым»⁴. Образ новой власти заимствовал у Набокова английский историк Лиддел Гарт, характеризуя ее как «умеренное Временное правительство», которое «взобралось в седло, но у него не было вожжей»⁵.

Тем не менее, вспоминал П. Н. Милюков, «приехали новые начальники, за инструкциями, что делать. Князь Львов застигнут врасплох. Через день (7 марта) он дал интервью печати: "Назначать никого правительство не будет... Это – вопрос старой психологии. Такие вопросы должны решаться не в центре, а самим населением... Пусть на местах сами выберут"»⁶. Те же слова Львова приводит и князь Н. Д. Жевахов: «Это – вопрос старой психологии. Временное правительство сместило старых губернаторов, и назначать никого не будет. На местах выберут. Такие вопросы должны разрешаться не из центра, а самим населением... Будущее принадлежит народу, выявившему в эти исторические дни свой гений»⁷. В Киеве беспокоился

1 Протопресвитер Василий Зеньковский. Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.). Воспоминания. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. С. 34.

2 Гиппиус З. Петербургские дневники 1914–1919 гг. М., 1990. С. 106.

3 Набоков В. Д. Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т. 1. С. 49.

4 «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметьев – В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 3 т. Т. 2. Сентябрь 1921 – май 1923 / Под ред. О. В. Будницкого. М.: Стэнфорд, 2002. С. 111–112.

5 Hart L. The Real War. Lnd., 1930. P. 304.

6 См.: Милюков П. Н. История второй русской революции. М.: Росспэн, 2001. С. 61.

7 Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. Т. 2. С. 325; Кн. Н. Д. Жевахов. Воспоминания. Т. 2. Март 1917 – январь 1920. 1993.

В. Зеньковский – «господин Львов, и все его сотрудники были своеобразными толстовцами, гнушавшимися власти...»¹. Любопытно, что в своих воспоминаниях Милюков остался верен своему восхищению умением Львова организовать «дело»: «К “политике” и ко всяким отвлеченным идеям он относился с недоверием; зато “дело” он знал с корней, с земли, с русской деревни – и делал его превосходно, не жалея сил и умея объединить около себя таких же деятельных сотрудников»². Однако управлять Россией оказалось много сложнее, чем Земгором. Другие свидетели этой драмы считали, что Милюков не раз сожалел о своей ставке на Львова взамен Родзянко. Член Совета по назначению А. Ф. Редигер вспоминал: «Мы вообще ничего не знали друг о друге... Единственным связующим нас звеном являлся артельщик Почаев, исправно развозивший нам жалование»³.

Сменивший Львова А. Керенский также начал суверения, что перед ними «не взбунтовавшиеся рабы, а сознательные граждане, творящие новое государство с увлеченностью, достойной русского народа»⁴. По свидетельству депутата Думы В. В. Шульгина, Керенский умел стремительно превращаться в чрезвычайно значительную фигуру: «Он говорил решительно, властно, как бы не растерявшись... Казалось, что это говорил “власть имеющий”... Он рос... на качавшемся революционном болоте, по которому он привык бегать и прыгать, в то время как мы не умели даже ходить»⁵. По словам В. Винниченко, он «был типично “национальным героем”. Он был как мяч – легкий, гибкий, податливый, он, налетая на какую-то твердую стену, и сам не разбивался и ничего не разбивал, он ломился той стороной, которой ударялся о стену, прикикая к ней и отскакивая в другую сторону, там тоже ломился, уравнивался со стеной, и снова отскакивая»⁶. При закрытии Государственного совещания 15 августа Керенский говорил: «...задача всякого Временного правительства, всякого вообще правительства в настоящее время в государстве русском, заключается в том, чтобы добросовестно, во имя единого, во имя целого государства все, что только мыслимо, примирить все, что только мыслимо,

1 Протопресвитер Василий Зеньковский. Пять месяцев у власти. С. 11.

2 Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2.

3 Редигер А. Ф. История моей жизни. Гл. «Мартовские события в Петрограде». Цит. по: Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 649.

4 Керенский А. Ф. Речи. Киев, 1917. С. 9; Архипов И. А. Ф. Керенский: Пьеро из революционной сказки // Звезда. 2007. № 11.

5 Шульгин В. В. Дни. 1920. М., 1989. С. 179–180.

6 Винниченко В. Возрождение нации. Ч. 2. Киев – Вена, 1920.

согласить...»¹ Но «то, что он говорил, не было спокойной и веской речью государственного человека, а сплошным истерическим воплем психопата, обуянного манией величия. Чувствовалось напряженное, доведенное до последней степени желание произвести впечатление, импонировать. Во второй – заключительной – речи он, по-видимому, совершенно потерял самообладание и наговорил такой чепухи, которую пришлось тщательно вытравлять из стенограммы»². «Керенский – вагон, сошедший с рельс. Вихляет, качается, болезненно и без красоты малейшей. Он близок к концу... Я помню, как он клялся быть с демократией, “умереть без нее” – и должен действовать без нее, даже как бы против нее»³. Никто из современников не позволил себе бранной риторики в адрес Керенского, как В. И. Ленин, сравнивая «изверга-идиота Романова или дурочка-хвастунишку Керенского»⁴. Странники кадетов по-своему с оценками соглашались.

В целом правительство исходило из «непредрешенности» устройства власти до Учредительного собрания. В этой связи, кстати, интересно замечание И. Ильина: «Государство по самому существу своему есть организация не частноправовая, наподобие кооператива, добровольно-свободная, а публично-правовая, властно-повелительная, обязательно-принудительная... В час смуты, революции, войны, стихийного бедствия, общей опасности, голода, заразы – самая демократическая, архифедеративная республика вспомнит о ведущей, повелевающей и принудительной опеке учреждения и не будет решать “все через народ”, как этого требовали наши русские сверхдемократические головотяпы в 1917 году»⁵.

Ряд министров был настроен решительней, нежели кн. Г. Е. Львов. Период *революционной романтики быстро закончился, и начался период управленческой институционализации*. «Нам нужна была во что бы то ни стало сильная власть. Этой власти князь Львов с собой не принес», – констатировал Милюков⁶. Министры Временного правительства пытались установить связь с территориями. Одну Донскую область с марта по октябрь 1917 г. посетили А. И. Шингарев (май), А. А. Мануй-

1 Государственное совещание 12–15 августа 1917 года. Стенографический отчет. Предисл. Я. А. Яковлева. М. – Л.: Гос.издательство, 1930. С. 301.

2 *Набоков В. Д.* Временное правительство. С. 393.

3 *Гиппиус З. Н.* Живые лица. Стихи. Дневники. Кн. 1. Тбилиси, 1991. Запись от 14 августа. С. 344–45.

4 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 362.

5 *Ильин И. А.* О грядущей России; Почему мы верим в Россию / Ильин И. А. Наши задачи. Т. 1. Статьи 1948–1954 гг. М., 2008. С. 29.

6 *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2.

лов (август), С. Н. Прокопович (сентябрь), М. М. Скобелев (сентябрь), видные государственные деятели М. С. Аджемов, Ф. И. Родичев, более десятка эмиссаров из центра. Но в ходе «командировок» проявлялась опасливость. Решительность действий заменяли призывы к гражданскому повиновению¹.

Официальный курс правительства в административной сфере был оглашен. Правительство отказывалось от «уродливого»² принципа централизации. Львов заявил: «Комиссары Временного правительства, посылаемые на места, имеют своей задачей не становиться поверх созданных органов в качестве высшей инстанции, но лишь служить посредствующим звеном между ними и центральной властью и облегчить вопрос их организации и оформления»³.

В то время как на местах велись разной степени успешности поиски – на какой основе формировать структуры управления: этнической, религиозной, этнорегиональной – в Петрограде придерживались линии на «назначенство» центром тех, кого на местах «сами выберут». Так, вполне в духе имперской логики и практики, стало назначение комиссаром Казанской губернии предводителя губернского дворянства С. С. Толстого-Милославского. Бывший член Государственного совета и бывший гофмейстер в телеграмме от 5 марта 1917 г., не разобравшись, похоже, в случившемся, приветствовал Временное правительство как «новое конституционное», «веря и надеясь», «что оно во главе с монархом приведет великую Россию к светлому будущему»⁴.

Но уже 6 марта 1917 г. казанский губернатор П. М. Боярский передал свои полномочия председателю Казанской губернской земской управы полковнику В. В. Молоствову. На проходившем в тот же день заседании Казанского губернского земского собрания оглашена телеграмма председателя Совета министров, министра внутренних дел князя Г. Е. Львова об упразднении губернаторской власти. «Немедленно за сим» полковник и крупный землевладелец В. В. Молостров получил сообщение П. М. Боярского о передаче ему полномочий, которое оглашено и принято «к сведению». В результате 6 марта 1917 г. Молостров автоматически вступил в исполнение обязанностей губернского

1 *Игнатов В. Г.* История государственного управления России. М., 2002. Гл. 12. «Государственное управление от февраля к октябрю 1917 г.: достижения и упущенные возможности».

2 ГА РФ. Ф. Р-1788. Оп. 2. Д. 69. Л. 10; Ф. Р-6977. Оп. 1. Д. 2. Л. 117.

3 *Милюков П. Н.* История русской революции. Киев, 1919. С. 27.

4 РГИА. Ф. 1278. Оп. 54. Д. 1272. Л. 12.

комиссара Временного правительства. Он обязывался в ближайшем времени сложить их с себя в пользу гласного Казанского губернского земского собрания, председателя Тетюшской уездной земской управы А. Н. Плотникова. В отправленной в тот же день в Петроград в МВД телеграмме Молоствов информировал о временном вступлении «в управление Казанской губернии» и просил утвердить «в срочном порядке» в должности А. Н. Плотникова. Дело тянулось до конца месяца. Согласно официальному сообщению, Плотников вступил в «исполнение обязанностей Казанского губернского комиссара Временного правительства» лишь 30 марта 1917 г., после утверждения его в данной должности министром внутренних дел. В этот день и завершена передача властных полномочий в Казанской губернии «легитимному» представителю «революционной» администрации. Сложив с себя губернаторские полномочия, П. М. Боярский 7 марта 1917 г. военной телеграммой отчитался об исполнении распоряжения председателю Совета министров Г. Е. Львову. Согласно газетному изложению, он просил разрешения отвезти «очень слабого после скарлатины ребенка» в Крым¹. После перевозки семьи Боярский должен прибыть в Петроград «для получения указаний». О том, как он поступил в дальнейшем, доподлинно неизвестно: бывший губернатор «исчез» из Казани без лишнего шума.

6 марта 1917 г. в 15 часов 10 минут на имя председателя Оренбургской земской управы Н. А. Холодовского поступила телеграмма министра внутренних дел князя Львова: «...в целях устройства порядка внутри страны и для успеха обороны государства... Временное правительство признало необходимым временно устранить губернатора и вице-губернатора от исполнения обязанностей. Управление губернией временно возложено на вас в качестве губернского комиссара Временного правительства... Прошу вас срочно телеграфировать мне подробно о положении на местах и принятых мерах».

Через час и пять минут генерал от кавалерии губернатор М. С. Тюлин передал власть заместителю председателя губернской земской управы Г. М. Базилеву (Холодовского в городе не было) и тогда же телеграфировал министру внутренних дел: «Докладываю Вашему сиятельству, что на основании телеграммы Вашей управление губернией сего числа временно передано мною председателю губернской земской управы». В конце июня 1917 г. Холодовский отправлен в отставку.

¹ См.: Камско-Волжская Речь. 1917. № 50 (4 марта); № 53 (8 марта); НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. Л. 131.

Какие-то назначения на местах правительством все-таки производились и не все они были неудачными. Лидер ялтинских к.-д. Д. С. Пасманик в воспоминаниях довольно подробно описал формирование новых механизмов власти в приморском провинциальном городе. Распоряжением Временного правительства, подписанным князем Львовым, председателем уездной земской управы назначен к.-д. Н. Н. Богданов, которому было подчинено и Ялтинское градоначальство. Пасманик дал ему лестную характеристику: «Кадет, бывший член Государственной думы по Рязанской губернии, он был общим любимцем, даже и среди левых. Как земец, он проявил кипучую деятельность. Как представитель исполнительной власти, он оказался добродушным интеллигентом, искавшим решения всех затруднений в компромиссах»¹.

Тем не менее, началась широкая и целенаправленная «демократизация управления». Правительство начало использовать новые инструменты власти и собственный авторитет в этом процессе. Первыми лицами в губерниях становились комиссары Временного правительства, как правило кадеты, бывшие депутаты Государственных дум и т.п. По сути, они были единственными представителями государственной власти на местах. Губернский комиссар назначался Временным правительством и являлся официальным и главным «носителем власти Временного правительства в губернии»; он не подчинялся какому-либо конкретному ведомству. Циркуляры предоставляли ему все права губернаторов «за исключением отпавших вследствие происшедших в государственном строе изменений». Комиссар должен был объединить все гражданское управление, имел право надзора за всеми отраслями гражданского управления и информировал уездных комиссаров о правительственных распоряжениях.

Все губернское управление заменялось советом при комиссаре, в составе которого были общее, административное, сельское и хозяйственное присутствия. В совет входили назначаемые по представлению помощники комиссара, а также инспектора милиции, строительные и врачебные инспектора, председатель окружного суда и прокурор.

Кандидатуру уездного комиссара должен был рекомендовать губернскому комиссару уездный исполком и по представлению назначать правительство. Уездные комиссары могли осуществлять не управление, а надзор и общую координацию; они не имели при себе совета. Комиссары должны были надзирать не за уездными органами (полностью

1 Пасманик Д. С. Революционные годы в Крыму. Париж: частное изд., 1926.

самоуправляемыми), а за волостными и поселковыми правлениями. Увольнение также происходило по представлению и при наличии замены¹.

Но в сфере образования сохранялась, в частности, попечительская система управления. В империи имелось 13 учебных округов и 3 главных управления гражданскими учебными заведениями. Их упразднит большевики в 1918 г. Большинство попечителей назначил в 1915 г. довольно либеральный министр просвещения П. Н. Игнатьев, у него были большие планы на реформу содержания образования. Новая власть же, прежде всего, сменила его назначенцев. Уже в марте началась замена попечителей (нередко ненавидимых из-за мелочной опеки над вверенными учреждениями). По сути, трудно выделить то, чем пришедшие управлять учебными округами в 1917 г. отличались от тех, кого они сменили². Очевидно лишь стремление заменить прежних попечителей кандидатурами из либерально-кадетской провинциальной профессуры. Попечителя Московского учебного округа тайного советника зоолога и антрополога А. А. Тихомирова с 15 марта 1917 г. сменил ординарный профессор Московского коммерческого института математик С. А. Чаплыгин, покидавший в связи с событиями 1911 г. с большой группой преподавателей Московский университет. Уволен попечитель Рижского учебного округа внепартийный бальнеолог доктор медицины А. И. Щербаков и др.³ Попечителем этого округа стал брат художника И. Э. Грабаря декан юридического факультета Юрьевского университета профессор В. Э. Грабарь. Его уволит специальным распоряжением 1 января 1918 г. уже А. Луначарский⁴. Попечитель Виленского учебного округа историк Н. Д. Чечулин ушел в отставку⁵ в мае 1917 г.

1 Россия. Временное правительство. Министерство внутренних дел. Циркуляры Министерства внутренних дел. Пг., 1917. С. 7–8; Революционное движение в России в апреле 1917 года. Апрельский кризис. Документы и материалы. Под ред. Л. С. Гапоненко. М., 1958. С. 311; ГА РФ. Ф. Р-1788. Оп. 2. Д. 6. Л. 12; Оп. 6. Д. 5. Л. 50–57.

2 *Дмитриев А.* По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) / http://www.hse.ru/data/2010/05/20/1217050408/Dmitriev_Univ_i_gorod.doc

3 ГА РФ. Ф. Р-1787. Оп. 1. Д. 288. Л. 139, 142, 209, 244; Журнал заседаний Временного правительства. Т. 1.

4 Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. 9 января. № 5.

5 *Платонов С. Д.* Шереметеву из Борисоглебска. 17 июня 1915 г. «Я считаю пост попечителя Виленского учебного округа весьма трудным, требующим знакомства с местными условиями, и потому в свое время от него отказался, да и теперь его не принял бы. Если Николаю Дмитриевичу с его удивительным трудолюбием удастся хорошо узнать край и войти в дело, он будет там полезен своею

Не удалось найти данных о том, кем он замещен. В 1917 г. попечителем Западно-Сибирского учебного округа был педагог Тартуского университета, получивший университетское образование в Императорском Петроградском историко-философском институте, в чине тайного советника Н. И. Тихомиров (из Оренбургского учебного округа)¹. Указом Временного правительства уволен попечитель Харьковского учебного округа с 1915 г. профессор физики и электротехники генерал-лейтенант А. Л. Корольков². Его заменил К. А. Красуский, профессор химии Харьковского университета.

Несмотря на занятие противником значительной территории Польши, Варшавский учебный округ не ликвидирован. В 1917 г. попечителем этого округа оставался действительный статский советник князь И. А. Куракин, бывший шталмейстер Императорского двора. Впрочем, он сумел успешно эвакуировать учебные заведения перед немецкой оккупацией. Казанский учебный округ до 29 апреля возглавлял бывший декан медицинского факультета Харьковского университета М. М. Ломиковский³, понимавший, что никакие мероприятия руководства Казанского учебного округа уже не могут уберечь округ от революционного влияния и последующей реорганизации всей системы.

Стремление учесть новые условия и обстоятельства можно усмотреть в замене в феврале 1917 г. попечителя Кавказского учебного округа тайного советника Н. Ф. Рудольфа⁴, крайне негативно относившегося к обучению закавказских тюрков на родном языке, активным участником революционного движения Л. А. Ишковым. С 1916 г. он преподавал всеобщую историю на Тифлиских женских курсах. Попечителя Киевского учебного округа доктора гражданского пра-

---

честностью и русским складом натуры. Но, конечно, его ждут там шипы. Было бы очень хорошо, если бы оттуда его взяли директором Публичной библиотеки. Теперь он по рангу будет вполне для этого подходить, а место его, конечно, в Публичной библиотеке, а не в Вильне». См.: Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. / Отв. ред. С. О. Шмидт; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2003. Т. 1: Письма С. Ф. Платонова, 1883–1930 / Сост. В. Г. Бухерт. М.: Наука, 2003. С. 211.

1 Галиуллина С. Д. Персональный состав попечителей Оренбургского учебного округа // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. № 356. С. 60.

2 В конце февраля 1918 г. в Харьковском учебном округе получено уведомление Народного Комиссара Донецкой области по делам просвещения от 19/II-1918 г. за № 1278 Макова об освобождении от обязанностей попечителя Харьковского учебного округа Красуского.

3 ГА РФ. Ф. Р-1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. 1. Л. 316–318.

4 Назарли А. Э. Народное образование в Азербайджанской Республике (1918–1920 гг.). Баку: Нурлан, 2008. С. 26–27.

ва крупнейшего цивилиста И. А. Базанова (до этого возглавлял Казанский округ)¹ 27 марта 1917 г. Временное правительство заменило украинским историком кадетом Н. П. Василенко. Последним попечителем Оренбургского учебного округа стал крупный востоковед-тюрколог В. А. Гордлевский, выпускник Лазаревского института и Московского университета, автор работ по истории тюркской литературы, языка, этнографии, назначенный в 1917 г.² Он сменил действительного статского советника Деревницкого Алексея Николаевича, крупнейшего филолога-античника, имевшего к тому же богатый опыт управления округами в многоэтничных регионах (Киевском и Казанском).

Казалось бы, прекрасное назначение, крупный специалист В. А. Гордлевский назначен в многоэтничный регион с тюркским населением, где только он и мог бы наладить дело. Но почему-то ни одна биографическая справка не упоминает о пребывании Гордлевского на этом важнейшем посту, лишь факт назначения упоминает С. Д. Галиуллина. В 1917 же году Гордлевский побывал в Западной Армении, довольно далеко отстоявшей от вверенного ему округа. Правда, в опубликованной в том же году статье «Армяне и война» Гордлевский поведал о резне армян в Муше, Битлисе³.

Выплеснулось наружу недовольство политикой свергнутого царского правительства в области национального образования и со стороны прогрессивной части мусульманской интеллигенции. 3 марта 1917 г. группа молодых интеллигентных мусульман Уфы образовала временное Бюро по распространению идей гражданственности среди мусульманского населения. 6 марта это Бюро направило в ГубКОО представителей с требованием «о немедленном удалении» со своих постов инспектора Оренбургского учебного округа М. А. Миропиева, инспекторов народных училищ: в Уфе – М. Н. Третьякова, в Белебее – Л. Н. Мендиярова, в Ново-Каргалах – Гринева и учительницы Уфимского башкирского пансиона «как лиц с явно русификаторскими идеями, тормозящих дело образования мусульман»⁴. Спешная замена одних попечителей другими никак не способствовала улучшению их работы, координации системы образования по вертикальной или по горизонтальной линии. Что ка-

1 Иван Александрович Базанов // Вестник образования и воспитания. 1914. № 9.

2 См.: Галиуллина С. Д. Персональный состав попечителей Оренбургского учебного округа. С. 60.

3 Гордлевский В. А. Избр. соч. Т. 3. 1962. С. 130.

4 Уфимский вестник. 1917. 9 марта.

сается многоэтничного состава населения практически всех учебных округов, замена попечителей и вынесла на поверхность многие проблемы управления, примеры их решения приведем ниже. Ликвидация системы попечителей, например в Калмыцкой степи, обсуждалась на I съезде представителей калмыцкого народа (26–31 марта). Первый пункт принятого съездом постановления гласил: «Упразднить институт попечительской власти». По мысли съезда, ее следует заменить местным самоуправлением «на началах общего, равного, тайного и прямого избирательного права»¹. Что собой будет представлять это самоуправление, съезд не определил. В Оренбурге 28 марта вопрос об отношении Союза учителей Уфимской губернии к деятельности Управления учебным округом вынесен на рассмотрение третьего общего собрания членов Союза. Часть выступавших высказалась за необходимость особенно осторожного подхода в вопросе о реорганизации округа. Однако большинство из присутствующих (184 против 43 при 2 воздержавшихся) поддержали мнение Президиума о полнейшей бездеятельности администрации округа. Было постановлено: «Учебно-окружное руководство в настоящем составе не может соответствовать широким задачам народного просвещения данного момента». К этому решению присоединились и другие учебные заведения округа в Перми, Кустанае, Мензелинске, Актюбинске, Златоусте, Белебее, Троицке, Красноуфимске².

Разграничивая формальный (юридический, декларативный) и реальный аспекты нового властного механизма функционирования, способность новых властей адекватно реагировать на происходившие изменения, следует принять во внимание, что, конечно, новая государственная система не могла возникнуть и заработать в одночасье. События и даже эксцессы в том или ином регионе увязываются с непосредственным восприятием власти, политического курса правительства, его конкретных поступков. Как замечает У. Розенберг, «слабость правительства усиливалась... в связи с растущей неспособностью контролировать те самые институты, которым полагалось быть инструментом управления»³.

1 РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 31. Л. 25.

2 *Ергин Ю. В.* Союз учителей Уфимской губернии: хроника деятельности в марте – апреле 1917 года // Педагогический журнал Башкортостана. 2006. № 2–3. С. 130–133.

3 *Розенберг У.* Государственная администрация и проблема управления в Февральской революции / 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция.

Комиссары, возглавившие на местах новый механизм реализации правительственной воли, отвечали за исполнение указаний центрального правительства. Особо сложным оказалось их положение на этнических окраинах. 3 марта 1917 г. комиссаром Временного правительства Эстляндской губернии назначен бывший Ревельский городской голова юрист Яан Поска¹. Губернским комиссаром Временного правительства Уфимской губернии избран председатель Уфимской губернской земской управы либеральный кадетский деятель П. Ф. Коропачинский, которого в июне заменил земский учитель Ф. Г. Герасимов. В Оренбургской губернии комиссаром назначен дворянин Н. А. Холодовский, окончивший Оренбургский Неплюевский кадетский, затем Пажеский корпус, с сентября 1913 г. – председатель Оренбургской губернской земской управы. 27 июня его сменил назначенный новым комиссаром эсер Н. В. Архангельский. На Дону, например, областным комиссаром стал учитель М. С. Воронков, на Кубани – помещик К. Л. Бардиж (сложил свои полномочия и был избран Кубанской радой представителем Кубани при Временном правительстве, но не успел занять этот пост из-за произошедшей новой революции), на Тереке – областной атаман М. А. Караулов – все они депутаты Государственной думы. В Ростове – комиссаром назначен председатель Доно-Кубано-Терского союза земств и с 1910 г. председатель Ростовско-Нахичеванского-на-Дону

От новых источников к новому осмыслению. Под ред. П. В. Волобуева. М., 1997. С. 129.

1 Поска Яан (1866–1920). Окончил Рижскую духовную семинарию (1886), где помимо изучения церковных дисциплин и философии получил среднее образование. В 1890 г. окончил юридический факультет Императорского Юрьевского университета. Присяжный поверенный (адвокат) в Ревеле. С 1904 г. – гласный Ревельской городской думы, в 1905 – ее председатель. В 1913–1917 гг. – городской голова Ревеля. В 1914–1915 гг. провел медицинскую реформу, в 1915 г. учредил Женское коммерческое училище, в 1916 – Художественно-промышленное училище. Стал первым эстонцем, занимавшим пост председателя Ревельской городской думы, и вторым эстонцем, бывшим городским головой (мэром) Ревеля. После получения Эстонией статуса автономии, в марте 1917 г. назначен комиссаром Временного правительства России в Эстляндской губернии (до ноября). Осенью 1917 г. избран депутатом Всероссийского учредительного собрания. 24 февраля 1918 Комитетом спасения Эстонии назначен министром иностранных дел новообразованного государства. Затем Поска входил в состав Временного правительства Эстонии в качестве заместителя премьер-министра и министра юстиции. В 1919 г. добился признания независимой Эстонии в Западной Европе, участвовал в работе Парижской мирной конференции. По возвращении в Эстонию назначен руководителем эстонской делегации на мирных переговорах с Советской Россией, завершившихся 2 февраля 1920 подписанием Тартуского мирного договора.

общества изящных искусств кадет В. Ф. Зеелер. Об отношении к новому начальству свидетельствует 5 апреля 1917 г. известный археолог Н. И. Веселовский. Он получил ответ от местного археолога И. Е. Гладкого о положении дел в Екатеринодаре: «Сейчас власть раздвоена... Во главе стоят комиссары – члены Государственной думы Николаев и Бардиж, последний собственно большевиками распоряжается. Кто будет через месяц, а может и через день, сказать невозможно»¹.

На заседании Временного правительства 2 марта обсуждалось заявление министра-председателя о желательности образования комиссариата от Временного правительства из 5 лиц при управлении наместника на Кавказе. Министр юстиции предложил включить в состав комиссариата представителей от населяющих Кавказ народностей. Постановили просить министра юстиции войти в переговоры с членами Государственной думы от Кавказа для выяснения кандидатов. До их выяснения обсуждение вопроса отложили². 9 марта постановлением Временного правительства образован не комиссариат, а Особый Закавказский комитет, в составе членов Государственной думы В. А. Харламова, М. И. Пападжанова, М. Ю. Джафарова, князя Кита Абашидзе и П. Н. Переверзева³.

Манифест «Об утверждении конституции Великого княжества Финляндского и применении ее в полном объеме» подписан 6 марта и уже 7 марта 1917 г. издан. Отменялись все нарушения финляндской конституции, даровалась полная амнистия лицам, боровшимся с русским правительством за права Финляндии, и давалось обещание в возможно краткий срок созвать сейм, которому «будут переданы проекты новой формы правления для Великого Княжества Финляндского и, если того потребуют обстоятельства, предварительно будут переданы проекты отдельных основных законоположений в развитие конституции Финляндии. В них «будут выяснены и расширены права сейма... своевременное движение подлежащих утверждению законов, принятых сеймом». Далее, будут внесены проекты «о предоставлении сейму права поверять служебные распоряжения членов финляндского

1 Золотарева Н. А. Письма Н. И. Веселовского в коллекции Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына. http://www.museum-felicina.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=103:2010-07-26-07-53-18&catid=58:collection&Itemid=13

2 ГА РФ. Ф. Р-1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. 1. Л. 7 об. – 8.

3 См.: Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. Март – апрель 1917 года. Отв. ред. Б. Ф. Додонов. Сост.: Е. Д. Гринько, О. В. Лавинская. М.: Росспэн, 2001. С. 35–36.

правительства», о «независимом высшем суде, о свободе печати и о союзах». Финляндскому народу торжественно подтверждалось, «на основе его конституции, сохранение его внутренней самостоятельности, прав его национальных – культуры и языков», и высказывалась «твердая уверенность, что Россия и Финляндия будут отныне связаны уважением к закону, ради взаимной дружбы и благоденствия обоих свободных народов». Уверенность эта основывалась как на самом существе манифеста, которым вполне осуществлялись стремления финляндских конституционалистов-патриотов, составлявшие предмет борьбы в течение многих десятилетий, так и на том обстоятельстве, что акт издан по предварительному соглашению с представителями финляндских политических партий. Архаический, полный пробелов и умолчаний, государственный строй Финляндии, считал Милюков, превращался манифестом в конституционное государство новейшего типа, связанное с Россией единством высшей власти и важнейшими общеимперскими делами. Он сожалел, что уже во время первого Временного правительства желания финляндцев пошли дальше. Даже с нарушением строго конституционных отношений между сеймом и сенатом, они стали добиваться расширения власти сената¹. На повестку дня стал вопрос формирования финляндского сената. 13 марта 1917 г. Временное правительство утвердило его состав. Генерал-губернатору либералу М. Стаховичу при открытии сейма 29 марта финны намекнули: «Финляндия так же, как и Россия, перестала быть монархической страной. Этот факт требует кроме установления в Финляндии, как и в России, нового, более демократического образа правления – также и определения государственного положения нашей страны по отношению к России на новых началах»². 8 апреля глава профсоюзов сенатор А. О. Токой произнес в сейме: «Долг финляндцев... обеспечить в ближайшем будущем действительную независимость». Свободная Россия является лишь «уважаемым соседом», быть может, «высокопочтимым союзником»; «но свободный народ не должен терпеть поработенных соседей и союзников»; «народам, которые дозрели до способности самоопределения», должен быть предоставлен «тот путь, по которому пойдет свободная Россия», – путь не только «политической», но и «социальной революции»³.

1 Милюков П. История второй русской революции.

2 Там же.

3 Милюков П. Н. История русской революции. Ч. III.

Беспокоила тенденция, выразившаяся в том, что после выступления Токоя, отмечал П. Н. Милюков, на другой день в Гельсингфорсе и в Выборгской глуши стали отказываться брать русские деньги. Милюков с негодованием реагировал на суть подобных процессов. Кадет Ф. И. Родичев, назначенный министром (комиссаром) по делам Финляндии, выступал против ее свободного отделения от России. Упущалась инициатива в регионах (на окраинах тем более).

Временное правительство не сумело привлечь к себе тех этнических активистов, коих к весне 1917 г. в столице обосновалось немало. Существенными были намерения формировать этнорегиональные структуры. Депутаты Думы, издатели газет, руководители культурных и религиозных обществ, работники разных ведомств, студенты образовали общественные организации, пытались установить контакт с новой властью. Таковым был Украинский национальный совет, возглавляемый П. Я. Стебническим. «Первоначальные задачи местного движения, по формулировке *наскоро сложившегося Петроградского украинского комитета (курсив мой. – Т.К.)*, – признавал П. Н. Милюков, – были весьма умеренны и не шли дальше требований, удовлетворяющих реальной потребности культурного самоопределения».

Временное правительство первого состава «охотно пошло на встречу этим стремлениям, назначив попечителем Киевского округа известного украинского деятеля Н. П. Василенко»¹. В Украинский национальный совет вошли умеренные автономисты А. И. Лотоцкий² –

1 Там же.

2 Лотоцкий А. И. с 1900 г. в Петербурге издавал произведения украинских писателей; боролся за отмену указа 1896 г. о запрете украинского языка; помогал в подготовке документов украинской фракции Государственной думы; выступал с докладами в украинском клубе «Общество». С 1908 г. – член Общества украинских прогрессистов (в 1912 г. возглавил его), организовал при нем нелегальный Украинский свободный университет, который действовал до 1917 г. После Февральской революции – делегат Украинского национального конгресса. С сентября – член Украинской партии социалистов-федералистов. В январе 1918 г. – генеральный писарь, затем государственный контролер в правительстве Центральной рады; в правительстве Скоропадского – министр вероисповеданий, отстаивал автокефалию Украинской православной церкви. Во времена Директории – посол в Турции. После оккупации Турции войсками Антанты в марте 1920 г. выехал в Вену, затем в Прагу и Варшаву. В Украинском свободном и Варшавском университетах преподавал церковное право и историю православной церкви. Писал статьи по истории украинской церкви и церковного права, очерки об украинских политических деятелях и т.д. С 1929 г. – профессор Варшавского университета, с 1930 г. – организатор и директор Украинского научного института. Издал 13-томное Собрание сочинений Т. Шевченко, работы по экономике, демографии, истории Украины. См.: Верстюк В. Центральная рада

«единственный, глубокий и трезвый, творческий и серьезный, политический ум» (по оценке Зеньковского) – и М. А. Славинский. Правда, премьер-министр Г. Е. Львов во время встречи с делегацией неудачно «шутит» со Славинским¹: «Михаил Антонович, голубчик, тридцать лет знаком с Вами, не знал, что Вы украинец»². В мае П. Я. Стебницкий³ назначен комиссаром по делам Украины при Временном правительстве (между Вторым и Третьим универсалами). Специалист по национальным вопросам, писатель и издатель украинской литературы галичанин А. И. Лотоцкий назначен губернатором Буковины и Покутья. Он побывал дважды в марте у Львова с просьбой не останавливаться на ликвидации национальных ограничений, предоставить украинскому языку равные права в государственных, судебных и учебных учреждениях на Украине. С февраля 1917 г. еврейский общественный деятель С. И. Гольдельман из Киева заведовал украинским отделом Министерства труда Временного правительства (по шести губерниям Украины).

В марте 1917 г. Временное правительство разрешило в Казанской губернии национальный язык в торговых книгах, делопроизводстве, в частных учебных заведениях⁴. Тем не менее, 15–17 марта 1917 г. в Петрограде состоялось совещание мусульман. На нем по инициативе мусульманских депутатов IV Государственной думы решено организовать Временное центральное бюро российских мусульман для созыва Всероссийского мусульманского съезда.

В числе основных вопросов, подлежащих рассмотрению на съезде, указывались образ государственного управления и культурно-национальное самоопределение. В бюро вошли, в первую очередь, юристы-кадеты: казах С. С. Джантюрин, один из лидеров мусульманских либералов татарин С.–Г. Ш. Алкин, татарин С. Н. Максуди, председатель

и Временное правительство (к истории украинско-российских отношений в 1917 году) / Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 216–217.

1 Славинский М. А. – специалист по национальным проблемам. Близок к Грушевскому. См. его: Национальная структура России и великороссы. В кн.: *Формы национального движения в современных государствах*. СПб., 1910.

2 *Грушевский М.* Спомяни // Київ. 1989. № 9. С. 115.

3 Стебницкий Петр Януарьевич (1862–1923) – писатель и публицист. После февраля 1917 г. – член УПСФ. После октября 1917 гг. переехал в Киев, при Скоропадском заместитель председателя украинской делегации на мирных переговорах с Советской Россией, сенатор административного суда Госсената, министр образования в кабине Ф. Лизогуба (с 19 октября 1918 г.). С 1919 г. – руководитель постоянной комиссии биографического словаря при УАН.

4 *Абдулатипов Р., Болтенкова Л., Яров Ю.* Федерализм в истории России. В 3 кн. Кн. 1. М., 1992. С. 138.

парламентских фракций III и IV Думы татарин К.–М. Б. Тевкелев и близкий трудовикам башкир педагог К. Г. Хасанов. Возглавил бюро осетин меньшевик А. Т. Цаликов. Обратим внимание, что лишь после этого, 5 апреля, бывший лидер мусульманской фракции Думы, юрист, получивший образование в Сорбонне, С. Максуди назначен членом Туркестанского комитета. Кадет и лидер движения Алаш-орда экономист А. Букейханов назначен комиссаром Временного правительства Тургайской области, инженер-путеец кадет М. Тынышпаев – комиссаром Семиреченской области. Комиссаром по делам мусульман Уфимской губернии назначен кадет Ибн. Ахтямов. Как видим, в новые исполнительные органы власти назначены представители местных элит, при этом в большинстве однопартийцы с кадетами. «Назначенцы» Максуди, Букейханов, Тынышпаев больше внимания уделили созданию новых автономных институтов управления, что будет показано ниже.

На Первом Всероссийском мусульманском съезде 11 мая создан Всероссийский мусульманский совет (ВМС, Милли Шуро, Национальный совет) – высший политический орган самоуправления мусульманских народов Российской империи / Российской республики. Он состоял из 30 человек: от мусульман Внутренней России и Сибири – 10 (Ибн. Ахтямов, И. Алкин, М. Бигиев, Г. Исхаки, Ф. Каримов, С. Максуди, Ш. Мухамедьяров, М. Тюменев, А. Цаликов, З. Шамиль); от Туркестана – 7 (К. Абдулхаликов, А.–З. Валиди, И. Джайнаков, мулла К. Рахманбирдиев, К. Тогусов, мулла С. Урунбаев, У. Ходжаев¹); от Ка-

1 Ходжаев Убайдулла Асадулла (1886, Ташкент – 1942). Из семьи ремесленника. Окончил Саратовский ун-т (по др. данным, имел незаконченное образование). Работал адвокатом в Ташкенте. С 1913 под рук. Ходжаева стала выходить на узб. яз. газ. «Садои Туркестан» («Голос Туркестана»), к-рая носила ярко выраженный джадидский (либерально-реформистское нац. движение) характер (по приказанию ген.-губернатора издание прекращено). Боролся против местной администрации. Сотрудничал в газ. «Туркестанский Голос» (на рус. яз.), участвовал в создании в Андижане подпольной орг-ции «Таракий-парварлар» («Сторонники прогресса»), вел работу среди мусульм. населения, войдя в тесный контакт с эсерами. После Февр. рев-ции 1917 делегат 1 Всерос. мусульм. съезда (май, Москва), избран чл. Всерос. мусульм. Совета (Милли Шуро). В мае избран в Гор. думу Ташкента, в сент. член президиума объединенного Туркест. Совета солд., рабочих, кирг., крест. и общемусульм. делегатов. Окт. рев-цию не принял. Делегат и член президиума 4-го Чрезв. краевого мусульм. съезда Туркестана (26–28 нояб.) в Коканде, мин. внутр. дел Туркест. автоном. пр-ва, которое в кон. февр. 1918 было разгромлено сов. войсками: с этого времени Ходжаев ушел с политической арены, занимался просветит., лит. деятельностью. В 1929 осужден за «халатное отношение к служебным обязанностям» на 1 год принудит. работ. В 1931 по обвинению в контррев. деятельности осужден на 10 лет лишения свободы, замененных высылкой на Север.

захстана – 5 (Дж. Досмухамедов, А. Душанова, К. Кушчилов, К. Уразаев, В.–Х. Таначев); от Крыма – 2 (И. Леманов, У. Боданинский¹); от Кавказа – 5 и от литовских татар – 1.

Крымскую делегацию на съезде возглавил Дж. Сейдамет. Он изложил основные политические цели крымских татар: создание федеративной России, провозглашение суверенитета народа, справедливое распределение земли между крестьянами, предоставление женщинам социальных и политических прав, реализация культурно-просветительных задач, установление более тесных контактов со всеми мусульманами России и др. Совету и его Исполкому съездом предоставлена «вся полнота национального представительства и руководство политической жизнью мусульманского населения России».

По окончании съезда 12 мая в Москве состоялось первое заседание 19 членов ВМС. В члены Исполкома выбраны 10 чел.: от мусульман Внутренней России и Сибири – 3 (Мухамедьяров, Цаликов, З. Шамиль), от Туркестана – 3 (Валиди, Тогусов², Ходжаев), от Казахстана – 2 (До-

---

После досрочного освобождения в 1937 проживал в Ташкенте, где 20 февр. 1938 вновь арестован, обвинен в шпионаже и принадлежности к антисов. националистич. орг-ции и 14 мая 1939 Особым совещанием при НКВД СССР приговорен к 8 годам заключения в лагере. Реабилитирован посмертно.

1 Боданинский Усеин Абдрефиевич (1877–1938) – крымско-татар. художник, искусствовед, этнограф. Род. в д. Бадана Симферопольского у., в семье преп. татар. нар. училища. Ок. нар. школу (1888), учился в татар. учит. школе в Симферополе (1888–95), затем в Строгановском худ.–пром. уч-ще в Москве (1895–1905). В 1905–07 преп. графику в Коммерч. уч-ще в Симферополе. С 1907 рук. худ.–пром. школой филиала Строгановского уч-ща, затем преп. там же рисование, зав. учеб. мастерской. В 1911–17 художник-декоратор в СПб. По возвращении в Крым в 1917 возглавил новосозданный Бахчисарайский музей. С начала 1920-х зав. Бахчисарайским отд. КрымОХРИС, чл. Уч. совещания КрымОХРИС. Один из организаторов, рук. и активнейших участников этногр. и археол. экспедиций в Кырк-Азизлер, Эски-Юрт, Ст. Крым, Чуфут-Кале и др. (1924–29). Чл. ЦБК, обл. бюро краеведения, рук. Российского общ-ва по изучению Крыма, Бахчисарайского краеведческого кружка. Оpubл. более 20 науч. работ (и еще многие до сих пор остаются неопубл.). В 1934 отстранен от зав. Бахчисарайским музеем. В 1935–37 художник-декоратор на различных стройках в Москве и Грузии. Арестован в 1937 в Тбилиси по обвинению в националист. деятельности. Приговорен к ВМН. Расстрелян 17 апр. 1938 в Симферополе.

2 Тогусов (Туленгутов) Кольбай – адвокат. Создал партию социалистической ориентации «Уш-Жуз»: «Группа киргиз, не удовлетворенных программой национальной киргизской партии «Алаш», организованной известным кадетом Букейхановым, организовала особую социалистическую партию «Уш-Жуз», цель партии – объединение тюрко-татарского племени в России и требование федеративного устройства Российской Республики. Партия выставляет свой особый список в Учредительное собрание». В марте 1919 г. расстрелян как советский деятель.

смухамедов, Таначев), от Кавказа – 1 (Садыков) и от Крыма – 1 (Леманов). 13 мая на заседании ВМС Цаликов избран председателем ВМС и его Исполкома, замом – Досмухамедов, секретарем – Мухамедьяров, пом. секретаря – Садыков, казначеем – Леманов, зав. хозяйственной частью – З. Шамиль. Постоянной резиденцией Исполкома (Икомуса, Искомуса) был определен Петроград, где первое заседание состоялось 22 мая.

Во второй половине мая Исполком *Всероссийского мусульманского Совета* (ВМС) предложил Временному правительству контактировать с ним по всем вопросам, касающимся мусульман, как с «*единственным политическим центром всего мусульманского мира России*». Это предложение свидетельствовало о претензиях Икомуса на управленческие функции общероссийского уровня.

Взаимоотношения Временного правительства и ВМС стали напряженными. В конце июня разгорелся конфликт из-за кандидатуры на должность муфтия ОмДС. 24 июня А. Цаликов обратился к комиссару Временного правительства по инославным исповеданиям, товарищу обер-прокурора Синода и министра вероисповеданий С. А. Котляревскому. Цаликов требовал отстранить и.о. директора Департамента духовных дел МВД Г. Н. Тарановского по причине «вредного» направления его деятельности для мусульман. 26 июня Котляревский отказался выполнить требование, ВМС в тот же день принял решение прервать отношения с департаментом до увольнения Тарановского.

Однако не было единства и между членами Икомуса. Стоит, например, сравнить данные о том, какие свидетельства оставили его члены, споря между собой, какие должности требовать от Временного правительства и кто лично их займет. Так, характеризуя попытки Икомуса войти в состав коалиционного правительства, И. Терегулов¹ указал: «...даже были ведены переговоры с Временным правительством и Центральным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов... Хотя сперва кн. Львов и наше[л] требование мусульман неприемле-

---

1 Терегулов Ибрагим Валиуллович (1852–1921) – татарский педагог, переводчик, общественный деятель. Начальное образование получил в медресе. В 1878 г. окончил Казанский ветеринарный институт, был вольнослушателем Казанского университета. Автор переводов на татарский язык Пушкина, Лермонтова, Крылова, книг по сельскому хозяйству и естествознанию. Терегулов – один из организаторов и председатель правления Общества мусульман Казани, собиравшегося в Восточном клубе (Шарык клубы). В 1915 г. Терегулов переехал в Москву, где стал инспектором татарских школ. Затем на педагогической работе в Оренбурге, за которую в 1921 г. удостоен звания Героя Труда. Впоследствии перебрался в Самарканд и преподавал в педагогическом институте.

мым, но когда делегация Икомуса стала объяснять о справедливости этого требования, кн. Львов заявил, что он принципиально согласен и что возбудит вопрос об этом. В Совете министров по этому поводу даже состоялось специальное заседание Икомуса, ночью 4-го июля, где после долгих прений было решено большинством, что надо занять место министра с портфелем потому, что министр без портфеля не будет участвовать в управлении, а потому никакого значения не будет иметь. Были выдвинуты места: министра общественного призрения и “если же это не пройдет” (по выражению Г. Исхакова) товарища министра внутренних дел, земледелия или юстиции. После долгих дебатов было вынесено постановление: настаивать на предоставлении поста министра общественного призрения и постов тов[арища] министра народного просвещения и земледелия... На пост министра общественного призрения была выдвинута кандидатура И. Ахтямова, тов[арища] министра народ[ного] просвещения – С. Максудова и тов[арища] министра земледелия – А. Букейханова. “Конечно, эта попытка вхождения в коалиционное правительство не прошла”... и этот вопрос “принципиально решенный Временным правительством” остался без последствий... Причиной такого быстрого согласия правительства, конечно, было усилившееся в то время антиправительственное движение в широких слоях населения, когда правительству приходилось искать опору в буржуазных слоях других национальностей, и ему было невыгодно обострять отношения и с мусульманской буржуазией. Конечно, правительство, почувствовав кажущуюся твердую почву под своими ногами, быстро забывало все свои обещания и продолжало вести национальную политику а-ля П. Н. Милюков»¹. Обсуждалась и кандидатура Максуди, против нее возражал Керенский. Выдвижение С. Ганиева и А. Топчибашева² от бакинских мусульман свидетельствует о конкуренции этнических элит за возможность занять должности в центральных структурах власти. По другим данным, это была попытка, о чем глухо намекает и Терезулов, давления: использовать вооруженную демонстрацию 3–4 июля в Петрограде. Икомус призвал мусульман не допустить свержения Временного правительства. В связи с этим он и поднял вопрос о включении в состав правительства представителей различных народов, в том числе мусуль-

1 Терезулов И. Очерки по истории революционного и общественного движения мусульман России. ОРК научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского. № 3881, см.: Эхо веков. 2002. № 3/4.

2 Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М.: Европа, 2007.

ман. Делегация вела переговоры с кн. Г. Е. Львовым, рассчитывая получить 2 министерских поста (Цаликов намечался министром без портфеля¹) в новом коалиционном правительстве. С урегулированием острой ситуации предложение было отклонено.

С. М. Исхаков передает этот процесс по-другому. Во время очередного правительственного кризиса и событий 3–5 июля в Петрограде, когда в столице произошли массовые демонстрации с требованием отставки Временного правительства и передачи всей власти Советам, вечером 3 июля состоялось частное совещание. На нем член ВМС С. Максуди поднял вопрос о необходимости добиваться включения в реорганизуемое коалиционное правительство и представителей мусульманских народов России в целях установления «непосредственной и живой» связи между ними и Временным правительством. Утром 4 июля состоялось заседание Исполкома ВМС с участием членов ВМС (Дж. Досмухамедов, Г. Исхаки, С. Максуди, Ш. Мухамедьяров, В.–Х. Таначев, У. Ходжаев, А. Цаликов, Ш. Шагиахметов и З. Шамиль). При обсуждении среди участников выявились разные подходы. Предложение Максуди поддержал Мухамедьяров, практическое разрешение вопроса он видел в создании министерства по мусульманским делам. По мнению Шагиахметова, участие мусульман в коалиционном правительстве стало необходимым, т.к. требовалось поддержать и укрепить правительство. Он предлагал добиваться должности министра без портфеля; задача этого министра от мусульман состояла бы в политической и тактической работе. Против этого предложения выступил Таначев, полагая, что данное требование встретит отказ, т.к. правительство формируется по партийному признаку. Этот мотив, заметил Мухамедьяров, несколько не ослабит основательности требований. Мусульманские проблемы могли решаться, по его мнению, только в том случае, если мусульмане примут непосредственное участие в управлении страной. Исхаки предложил сначала принципиально решить вопрос о том, следует ли поднимать вопрос перед правительством. В итоге Исхаки, Максуди, Мухамедьяров, Шагиахметов и Шамиль проголосовали за то, чтобы немедленно возбудить перед Временным правительством вопрос о включении в состав коалиционного правительства представителей от мусульман.

Против выступили Досмухамедов, Таначев, Ходжаев. Цаликов воздержался. После голосования Максуди предложил выбрать делегацию

1 Исхаков С. М. Статья о А. Цаликове / Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М.: Росспэн, 1993.

для ведения переговоров, оставив открытым вопрос о том, какой пост министра требовать у правительства. В состав делегации избраны Исхаки, Максуди, Мухамедьяров и Шагиахметов, которым поручено вести переговоры не только с членами Временного правительства, но и ВЦИК. В тот же день на состоявшемся поздно вечером заседании Исполкома ВМС с участием членов ВМС (к присутствовавшим на утреннем заседании присоединились С. Мамлеев и И. Леманов) заслушан отчет Максуди о проведенных переговорах с правительством и ВЦИКом. Во время почти часовой встречи с членами делегации глава Временного правительства кн. Львов заявил им, что он в принципе согласен с их предложением, поинтересовался, какие кандидатуры выдвигаются. Участники вечернего заседания решили обсудить кандидатуры. Таначев выразил сомнение в том, что на Львова можно надеяться, поскольку положение его было шатким, а потому он предложил вести переговоры с министрами-социалистами. По мнению Исхаки, прежде нужно определить, на какую должность в правительстве мусульмане могли рассчитывать. Шагиахметов высказался за министра без портфеля, поскольку, по его мнению, остальные министерские должности трудно получить. Министр без портфеля из мусульман хотя и не примет активного участия в «созидательной работе», но будет участвовать в принятии общеполитических решений. Шагиахметова поддержали Леманов и Досмухамедов. Пессимистическую позицию сначала занял Максуди. Он думал, что вопрос о кандидатурах надо временно снять, но позднее решил, что следует все же добиваться, помимо поста министра, также должностей двух заместителей – в МВД и МНП. На взгляд Цаликова, самым подходящим на первое время требованием для мусульман было место министра государственного призрения. Досмухамедов предложил бороться за пост заместителя министра внутренних дел, а не заместителя министра земледелия, Таначев же выступил за пост заместителя министра юстиции. В конце концов решено было добиваться предоставления должностей министра государственного призрения (2 июля глава этого ведомства кн. Д. И. Шаховской вместе с другими министрами-кадетами ушел в отставку) и товарищей министров просвещения и земледелия¹.

Обращает на себя внимание «разброс» претензий на должности в разных министерствах, что свидетельствует о внимании к разным сферам государственного управления. Назывались, как видим, министерства и юстиции, и просвещения, и государственного призрения,

1 Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М.: Социально-политическая мысль, 2004.

и земледелия. Конструктивных предложений Временного правительства об органах, созданных по религиозному признаку, однако, не получалось. Отметим и то, что по характеру обсуждений вопросов Икомус напоминал партийный дискуссионный клуб.

У тех, кто сорганизовался в столице, можно усмотреть стремление «встроить» свой этнический и региональный компонент в новые общественные структуры в области культурно-просветительной – как на структурном, так и личностном уровне. Благотворительное и просветительское общество в марте – мае 1917 г. было переформатировано в *Петроградский комитет горцев Северного Кавказа* как представительство ЦК Союза горцев. Активное участие в его организации принимал А. Намитоков¹, одновременно занимая, как выше указывалось, место председателя комиссии по делам национальной школы Государственного комитета по народному образованию (ГКНО). В создании *Бурятско-калмыцкого комитета* в Петрограде, объявившего себя Центральным органом по делам государственного строительства Бурят-Монголии и Калмыкии, активно участвовал близкий эсерам буддийский религиозный и общественный деятель А. Доржиев. В данном случае именно буддизм выступил интегрирующим и организующим фактором. С этим комитетом в Петрограде дело не пошло из-за назначения его представителем выпускника юридического факультета Санкт-Петербургского университета Е. Ч. Чонова. На местах его восприняли негативно за «близость к царскому министру внутренних дел Протопопову». На самом деле он был служащим в одной из структур МВД. Председателем стал Н. А. Ханхасаев. Кроме него, от Бурятии в комитет входили Б. Барадин, А. Доржиев, ширетуй² Петроградского буддийского храма Жигжитов и др. Они выступали с требованиями перед Временным правительством в коалиции с калмыками. Возглавляя этот комитет, Ханхасаев (как и Намитоков) входил в состав членов ГКНО среди других 17 национальных организаций³.

1 Намиток Айтек (Намитоков, 1892–1963) – юрист, один из участников Всероссийских мусульманских съездов. В сентябре 1917 г. вместе с делегацией Милли Шуру (Цаликов и др.) участвовал в «уговорах» Дикой дивизии – не идти с Корниловым на Петроград. Осенью 1917 – член Временного совета Российской Республики и Предпарламента России. С ноября или декабря 1917 г. – в Екатеринодаре, министр юстиции Кубанского краевого правительства. После победы большевиков – в эмиграции. Жил в Турции, затем во Франции.

2 Ширетуй, ширету – должность в дацанах «кафедрального» или «престольного» ламы.

3 http://biblio.narod.ru/gyrnal/publicat/o_komit_dop.html

Летом в Петрограде возник и *Белорусский областной комитет* (БОК). Он состоял в большинстве из представителей войсковых комитетов фронтов и флотов, губернских и других Советов. Возглавил его Е. С. Канчер, с 1906 по 1908 г. побывавший в заключении в Метехском тюремном замке за участие в революционном движении. Освободившись, с 1908 по 1910 г. он обучался на Высших курсах по кавказоведению в Тифлисе. В БОК входили М. В. Гольман^{1-а} (товарищ председателя), бывший учитель Ф. М. Короткевич^{1-б} (товарищ председателя), А. Я. Кюссе-Тюз (секретарь), Л. С. Колядко^{1-в}, В. С. Селиванов, Д. М. Соболевский^{1-г}. Политическая платформа БОК направлена

1-а. Гольман М. В. (1894–1938). Из крещеных евреев. В 1914 г. поступил в Харьковский университет, где учился до 1916 г. В этот период связан с группой максималистов. В 1916 г. мобилизован и отправлен в Царицынский студенческий батальон, а затем в студенческую школу прапорщиков в Одессе, в январе 1917 г. служил в Екатеринбургском комзвода. По прибытии в полк арестован за антиправительственную агитацию, отправлен в дисциплинарный батальон г. Осташкова. По дороге туда его застала Февральская революция. Гольман остался работать в Петроградском исполкоме. В марте примкнул к эсерам-максималистам. Одним из первых его боевых заданий стал арест генералов в Осташкове. До 5 мая 1917 г. работал в иногороднем отделе и солдатской секции Петроградского совета, после чего делегирован в Могилевскую губернию. В Могилеве избран председателем губернского Совета и занимался организацией Советов по всей губернии. Во время Корниловского мятежа арестован наряду с несколькими большевиками, хотя большевиком еще не был. После предъявления обвинения в измене содержался под стражей до Октябрьского восстания. Освобожден 27 октября 1917 г., после чего уехал в Петроград. В ноябре вернулся в Могилев, принимал активное участие в организации Красной гвардии и деятельности Советов. В ноябре 1917 г. делегирован от Могилева на Всебелорусский съезд в Минск, который разогнан военно-революционным комитетом Минска после того, как большинством голосов принята резолюция о независимости Беларуси. В 1921 г. откомандирован в распоряжение ЦК РКП(б) для работы в Восточном отделе Коминтерна. Гольман владел латинским, греческим, французским, английским, немецким, итальянским языками и был направлен представителем Коминтерна для работы в Турцию, где им составлен проект программы Турецкой компартии. После 9 месяцев раскрыт турецким правительством и выслан из страны. После IV Конгресса Коминтерна с аналогичной миссией послан в Персию. В ноябре 1923 г. вольнослушатель Института красной профессуры (окончил в 1927 г.). В 1927 г. назначен в Минск. До 1929 г. доцент, затем руководитель кафедры мирового хозяйства Белорусского университета. В 1929 г. арестован, обвинен в контрреволюционной агитации

на создание «краевой власти и общественно-политического уклада, отвечающего интересам белорусских трудовых масс». В Петрограде члены белорусских землячеств, работавшие на Путиловском и артиллерийском заводах, откололись от Белорусской социалистической

и пропаганде. Расстрелян в 1938 г. (Полещиков В. От Воркуты до Сыктывкара. Судьбы евреев в Республике Коми. Сыктывкар, 2003).

1-б. Короткевич Филипп Матвеевич (1881–1921). Окончив Несвижскую учительскую семинарию (1901), работал учителем. Участник Первой мировой войны. После Февральской революции 1917 – член исполкома Бобруйского совета. На I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов поддержал резолюцию, предложенную В. И. Лениным. В 1917–18 зампредседателя Белорусского областного комитета при Всероссийском Совете крестьянских депутатов, делегирован комитетом для организации Белнацкома Наркомнаца и подготовки создания Белорусской республики. Во время контрреволюционного мятежа Довбор-Мусницкого участвовал в организации партизанских отрядов. Во время оккупации Белоруссии кайзеровскими войсками арестован за большевистскую агитацию немецких солдат. Восстанавливал Советскую власть, заведовал школьным подотделом. Во время польской оккупации в августе 1919 арестован, но по состоянию здоровья освобождён под надзор полиции. Бежал через фронт на советскую территорию. С 1920 – инструктор школ в отделе народного образования в Бобруйске, зав. школой в д. Любоничи Бобруйского уезда. Похоронен в Бобруйске.

1-в. Колядко Лука Семенович (1887–1966). В 1907 г. окончил Молодечненскую учительскую семинарию. В русской армии с 1910 по 1917 г., батальонный писарь. Адьютант М. В. Фрунзе, оставил воспоминания о сопровождении его в поездке для заключения секретных договоренностей, которые Фрунзе должен был заключить с М. Кемалем лично в преддверии объединения советских республик в Союз ССР. С мая 1928 г. служил в квартирно-эксплуатационных органах и строительно-квартирном отделе Украинского военного округа. 4 июля 1940 г. ему присвоено воинское звание генерал-майора интендантской службы.

1-г. Соболевский Д. М. – член Особого совещания по областной реформе для Учредительного собрания при Временном правительстве. 13 октября 1918 г. на первом заседании Белорусского вольного экономического общества в Петрограде, созданного по инициативе Белорусского отдела Комнаца СКСО, выступал с докладом вместе с заведующим отделом Г. Ковшилло, сотрудниками отдела – Е. Канчером, А. Вазилло, профессором П. Жуковичем, И. Овсяным. Избран в правление общества (состояло из агронома Е. Канчера, инженера И. Овсяного, сотрудника белорусского комиссариата А. Вазилло, ветврача Миклашевского, юриста Д. Соболевского и заведующего культурно-просветительным отделом белорусского комиссариата М. Соболевского, профессором Е. Карского и П. Жуковича, а также П. Бывалькевича. Одним из направлений деятельности общества должна была стать разработка орфографии и грамматики белорусского языка (Чырвоны шлях. 1918. № 7–8. С. 26, 32; № 10. С. 26).

громады¹ и стали на сторону большевиков (А. Червяков², А. Устилович, И. Лагун и др.)³.

Но большая активность проявлялась, конечно, в местах проживания того или иного этноса, причем в близлежащих городах. С учетом этого, 7 марта в Большом театре Казани прошло общее собрание мусульман. Приветствуя Временное правительство, оно приняло решение об организации Временного Казанского мусульманского комитета (КМК). Возглавил его Ф. Туктаров (лидер Казанского губернского Милли Шура). Основными задачами Комитета провозглашено исследование потребностей мусульман, организация их сил на единых позициях и подготовка к Учредительному собранию. К 12 марта

1 Первая белорусская национальная политическая партия левого толка, ставшая вместе с требованиями социалистических преобразований вопрос о национально-культурной автономии (позднее – собственной государственности) для белорусов. Образована на базе Белорусской революционной громады (включившей в себя национально-культурные кружки белорусской молодежи) в декабре 1903 г. Большую роль в БСГ играли представители белорусских землячеств в Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Украине, на фронтах Первой мировой войны. 14–25 октября 1917 г. в Минске на III съезде партии из-за серьезных разногласий между различными группами от БСГ откололись три самостоятельных партии – Белорусская партия социалистов-революционеров, Белорусская партия социалистов-федералистов и Белорусская социал-демократическая партия. Летом 1918 г. БСГ прекратила существование.

2 Червяков А. Г. (1892–1937). Окончил Виленский учительский институт (1915) и Александровское военное училище (1916). Служил в армии (1915–1917). Вступил в ряды РКП(б) в мае 1917 г. Принимал активное участие в большевистском восстании в Петрограде, позднее – один из основателей и руководителей Белорусской СДРП. С 13 февраля 1918 г. – комиссар по белорусским делам при Наркомате. 1 января 1919 г. Червяков вместе с другими членами Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Белоруссии подписал Манифест о провозглашении Белорусской ССР. Во время недолгого существования Советской власти в Белоруссии в 1919 г. занимал должность наркома просвещения ССР Литвы и Белоруссии (январь 1919–31 июля 1920). 30 декабря 1922 г. I сессия ЦИК СССР избрала Червякова сопредседателем ЦИК СССР. Член Центрального бюро ЦК КП(б) Белоруссии (1920–1924), Временного Белорусского бюро ЦК РКП(б) (4 февраля 1924–14 мая 1924), ЦК КП(б) Белоруссии (1924–1937), Бюро ЦК КП(б) Белоруссии (1927–1937). На XVI съезде КП(б) Белоруссии (июнь 1937) подвергнут резкой критике за недостаточную работу по уничтожению «врагов народа». По официальной версии, покончил жизнь самоубийством «на личной семейной почве».

3 См. подробнее о взаимоотношениях белорусских элит: Синяк С. А. Деятельность белорусов Москвы и Петрограда по решению белорусского вопроса: согласованность или соперничество? Взгляд сквозь призму лидеров (1918–1919). // <https://docs.google.com/document/d/1H3TJFtc9f06631Na9EZbFgwPLVA8cP9xnOVDt05yago/edit?hl=en&pli=1>

1917 г. завершено складывание руководства Комитета. Заместителями председателя избрали Г. Апаная и В. Таначева. От военных вошли И. Алкин и С. Вахидов, от буржуазии В. Ибрагимов, от Общества учителей Р. Даминов, от учительниц А. Мухетдинова, от духовенства К. Тарджемани и А. Мустафа. В Петроград, в Бюро мусульманской фракции, командированы С. Максуди, С.–Г. Алкин и Г. Казаков. 19 марта Комитет образовал комиссии: финансовую, юридическую, информационную и газетную, начал рассылку агитаторов по уездам. В апреле 1917 г. Первый съезд учителей в Казани создал «Русия тюрек-татар укытучылары берлеге» («Союз российских тюрко-татарских учителей»), который ставил целью объединение всей образовательной и просветительной жизни татарского общества. Съезд объявил главной целью «сохранение национальной целостности» в религиозных и национальных вопросах. Союз объединял учителей независимо от пола и типа учебных заведений, создал и отдельную секцию для учительниц. Председателем центрального бюро Союза избран Г. Губайдуллин, член Казанского мусульманского комитета. Бюро разослало предписания городским и земским учреждениям о преобразовании с начала 1917/1918 учебного года государственных, городских и земских школ для мусульман, а также мектебов в «один тип, то есть *национальные школы на родном языке*». Руководство ими должно быть передано создаваемым «при земских и городских самоуправлениях *особым отделам национального образования* для заведования культурно-просветительскими делами мусульман». 5 сентября 1917 г. заведующие отделом народного образования и отделом по мусульманским делам Оренбургской городской думы сообщали, что «все мусульманские школы города приняты в ведение города с включением их в школьную сеть»¹.

12 мая 1917 г. в Уфе состоялся областной съезд учителей, объединивший педагогов Уфимской и Оренбургской губерний. На съезде принято решение об организации обучения нерусских народов. В соответствии с ним, начальное образование в государственной школе ведется на родном языке. Учебные заведения переводятся на национальный язык с 1917/1918 учебного года. Светские школы имеют единую программу. Мусульманская начальная школа имеет шесть классов. Русский язык вводится в мусульманских школах с третьего класса. При университетах и учительских школах открываются кафедры истории

¹ Хабутдинов А. Органы национальной автономии тюрко-татар мусульман внутренней России и Сибири в 1917–1918 гг. Вологда, 2001.

и этнографии нерусских народов. Немедленно открываются мужские и женские национальные учительские школы. Религиозное образование детей до шестнадцати лет вводится в соответствии с желаниями родителей.

Стоит сопоставить энергичность формирования новых структур на местах и результаты их деятельности. Как вспоминал известный земский деятель Н. А. Мельников об А. Н. Плотникове, который «автоматически, по известному декрету Врем<енного> правительства, устранившему всех губернаторов... сделался начальником губернии...»: «Я как-то посетил А<лександра> Н<иколаевича> в его новом служебном кабинете, помещавшемся в одной из зал б<ывшего> губернаторского дворца (...весь второй его этаж всегда оставался незанятым и предназначался для приезда Высочайших особ). Я застал А<лександра> Н<иколаевича> заметно угнетенным. Поместившийся рядом с ним “Совдеп”, в течение одного месяца обративший огромный прекрасно обставленный дворец в вонючий и грязный кабак, парализовал все его усилия сохранить хотя бы тень порядка в губернии»¹.

Несмотря на очевидную прогрессивность создания национальной школы на родном языке, преподавание по единой программе выявило разный уровень развития исламских этносов и поставило вопрос о том, на каком, собственно, языке вести обучение? На I Всероссийском мусульманском съезде в мае 1917 г. резолюция Закира Кадыри по культурно-просветительным делам предусматривала, что «заведование просветительными и культурными делами должно быть в руках *отдельных наций*, осуществляющих это свое право через *особые выборные органы каждой нации*. “В средних школах преподавание общетюркского языка должно быть обязательно. В высших школах языком преподавания является общетюркский язык”». Решение уфимского съезда оставляло нерешенным вопрос о языке и о *существовании средней и высшей национальной школы*. Наряду со школами «учительские школы, семинарии и курсы, открытые для мусульман, должны быть переданы в руки нации». Резолюцией предусматривалось повсеместное открытие средних

1 Мельников Н. А. 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания). Йошкар-Ола, 2008. С. 229; См. о мемуаристе подробнее: Димитриев В. Д. Помещик Н. А. Мельников: «Чувашской культуры не бывало и не будет» // <http://xn-80ad7bbk5c.xn-p1ai/ru/content/pomeshchik-n-melnikov-chuvashskoy-kultury-ne-byvalo-i-ne-budet>

и профессиональных школ. Вместо кафедр по изучению истории и этнографии нерусских народов, «для подготовки педагогического персонала в среднеучебные заведения должны быть открыты при русских высших школах и курсах особые тюркские кафедры». Таким образом, уже в мае 1917 г. от органов местного самоуправления получено согласие на создание начальной государственной школы на родном языке и открытие мусульманских учительских школ в соответствии с решениями III Всероссийского мусульманского съезда 1906 г. и совещания при Уфимском губернском земстве 1911 г.¹ Осмыслена сложность формирования общенациональной системы просвещения. Работники образования создали профессиональный корпоративный орган.

Беспокойство и тревога выражены в телеграмме министру-председателю кн. Львову: «Явилась настойчивая нужда в срочном порядке образовать выборные органы самоуправления Калмыцкой степью, заменив ими утратившую всякий авторитет административную власть»².

Из-за специфики земства в казачьих Донской, Кубанской и Терской областях высшая власть передана гражданским исполнительным комитетам. Терский казак М. А. Караулов, депутат Думы, как свидетельствовал монархист В. В. Шульгин, видел себя диктатором и вынашивал план ареста всех членов Временного комитета Думы, но, обратившись за помощью к одному из «надежных полков», понял, что в Петроградском гарнизоне царит революционный хаос. Временное правительство назначило его чрезвычайным комиссаром Терской области. Караулов вскоре выехал во Владикавказ³. Но там уже существовал Временный Центральный комитет объединенных горцев, созданный 5–6 марта. Караулов стал одним из организаторов образованного 20 октября Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, объясняя такую необходимость «развалом центральной государственной власти» и необходимостью «оздоровления России с окраин». В Донской области до 8 марта действовал наказной атаман гр.

1 Хабутдинов А. Органы национальной автономии тюрко-татар мусульман внутренней России и Сибири в 1917–1918 гг.

2 ГА РФ. Ф. Р-398. Оп. 2. Д. 81. Л. 110.

3 Бурда Э. Терское казачество в период революций и гражданской войны 1917–1921 гг. // <http://osetia.kvaisa.ru/ibrannoe/izbrannye-publikacii/terskoe-kazachestvo-v-period-revolycij-i-grazhdanskoj-vojny-1917-1921-gg-chast-pervaya/>

М. В. Граббе, полномочия которого в связи с Февральской революцией прекратились.

21 апреля проект положения о комиссарах вынесен на открывшийся съезд губернских комиссаров. На съезде присутствовало лишь 36 губернских комиссаров и их помощников, 2 уездных, 2 городских. Кн. Г. Е. Львов, отмечая «величавость» происшедшего «переворота», выразил радость по поводу освобождения от «бюрократических оков». Но уже звучали опасения, вызванные ростом анархии («внутренний враг» «хуже внешнего»). Съезд рассмотрел правительственный проект, отметив невозможность в сложившихся условиях унифицировать систему местного управления: «Не следует забывать, что без активной поддержки [Советов] власть комиссара сводится к нулю»¹. Существенно ограничены полномочия губернского комиссара: административных функций он не имел. Мог только издавать постановления и надзирать за «законностью и целесообразностью» действий органов местного самоуправления через информирование правительства и опротестование их в местном суде (!). В его ведении также было землеустройство, «общий надзор за милицией» и право вызова войск².

Однако назначения комиссаров продолжались. К маю 1917 г. было 57 губернских и 353 уездных комиссара, в основном кадеты и октябристы. Очень высокой оказалась их сменяемость: за март сменилось 22 из 55 губернских и 262 из 439 уездных комиссаров. В Пермской губернии за два месяца сменилось 3 губернских комиссара. Из уездных не сменился до 1 июня только один. Далек не всех их даже успевало утверждать правительство. Зачастую место комиссара могло оставаться незамещенным или этот пост вообще отсутствовал. Наконец, комиссары нередко арестовывались или отстранялись от должности. Институт комиссаров, назначенных Временным правительством, дискредитировался³. Все это позволяет поставить под со-

1 ГА РФ. Ф. Р-1788. Оп. 2. Д. 5. Л. 6–6 об., 10–33; Д. 6. Л. 25.

2 Россия. Временное правительство. Министерство внутренних дел. Циркуляры Министерства внутренних дел. Пг., 1917. С. 7; Революционное движение в России в апреле 1917 года. Апрельский кризис. Документы и материалы. Под ред. Л. С. Гапоненко. М., 1958. С. 311; ГА РФ. Ф. Р-1788. Оп. 2. Д. 6. Л. 12; Оп. 6. Д. 5. Л. 50.

3 ГА РФ. Ф. Р-1788. Оп. 2. Д. 64. Л. 235–272; *Белашанка Н.* Временное правительство в 1917 году: механизм формирования и функционирования. М.: Диалог-МГУ, 1998; *Баженова Т. М.* Институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства / Сб. уч. трудов Свердл. юрид. ин-та. Вып. 44. Свердловск, 1975. С. 76; *Бурджалов Э.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 165; *Гайда Ф.* Механизм власти Временного правительства (март – апрель 1917 г.) // Отечественная история. 2001. № 2. С. 141–153.

мнение сам факт того, что комиссары реально стали представителями центральной власти на местах. Будущего главу Кокандской автономии юриста М. Чокаева уполномоченным по Туркестанскому краю назначил только А. Керенский, хотя Чокаев уже возглавлял *Туркестанский краевой мусульманский совет (Тукрамус)*. Помощник генерального комиссара по гражданской власти кадет граф Г. И. Доррер открыто поддерживал идею автономии Туркестана. В. И. Вернадский, член ЦК кадетов и товарищ министра просвещения, идеальным устройством Украины считал ее автономию в составе демократической Российской республики.

В расшатывание власти комиссаров внесли лепту местные советы, прежде всего меньшевики и эсеры в них. С весны до осени 1917 г. Советы вели кампанию против «назначенных», способствуя ослаблению и распылению власти на местах. Они заменяли назначенных комиссаров на избранных «правильно» (т.е. на основании всеобщего избирательного права). Немаловажную роль играли слова главы правительства о том, что «Временное Правительство... назначать никого не будет. На местах сами выберут»: «такие вопросы должны разрешаться не из центра». И констатация им же, что «власть комиссара сводится к нулю». Что ж, сами, так сами, время, однако, не терпит. «Все государство топталось на месте, – вспоминал А. Керенский, – зацепившись за кадетский пень»¹.

На этом «переток» национальных элит в официальные структуры власти, кажется, и остановился. В целом этими акциями процесс и завершился. Отметим поначалу *выделяющуюся тягу нерусских элит не только к кадетам как партии, имевшей большинство в новом правительстве*, но и к центральному правительству как таковому. Но эта тенденция исчерпывается к лету. Как видим, никаких ни представительских, ни «исполнительских» позиций в столице в центральном аппарате нерусским элитам завоевать не удалось. Так «неожиданно и невидимо – мантия имперского наследия тяжело осенила плечи либерального профессора Милюкова» – иронизировал позже А. Солженицын².

Отношения не складывались у многих назначенцев из центра. Их стали заменять местные лидеры. Озаком, орган Временного правительства по управлению Закавказьем, сформированный

1 Керенский А. Февраль и Октябрь / Литература русского зарубежья. Антология в 6 т. Т. 1. Кн. 2. 1920–1925. М.: Книга, 1990. С. 81.

2 Солженицын А. Красное колесо. Узел IV – Апрель Семнадцатого. М., 2012.

в Тифлисе 9 марта из членов IV Государственной думы, возглавил кадет В. А. Харламов. Из семьи казачьего офицера, он до 1920 г. был монархистом. Выпускник Московской духовной академии и историко-филологического факультета Московского университета, интересовался историей и этнографией Донского края, в должности председателя Озакома никак себя не проявил. Харламов лично близок с Милюковым и на VIII съезде избран в состав ЦК кадетской партии. Назначен Временным правительством в Озаком и талантливый адвокат П. Н. Переверзев. По словам его заместителя в Министерстве юстиции А. Демьянова, «чистый и честный человек», но «большой фантазер, беспрограммный и неумелый администратор»¹. Вскоре он вернулся в Петроград. Его заменил лидер грузинских меньшевиков, юрист и литератор А. И. Чхенкели, обучавшийся в Киевском университете, затем – в Берлине и Лондоне. Еще в 1912 г., выступая с трибуны IV Думы, Чхенкели утверждал: *«Каждая нация, проживающая в России, должна получить право на создание собственных исполнительных органов»*². Армянские политики также не забыли адвокатские выступления Переверзева против активистов «Дашнакцутюн». У Озакома сразу осложнились отношения с меньшевиками, преобладавшими в Тифлисском совете. Их лидер Н. Жордания вообще считал Озаком «националистическим органом», хотя этнический баланс в нем соблюден³. В Азербайджане 25 июня 1917 г. состоялась межрайонная конференция бакинской организации РСДРП (большевиков и интернационалистов). Учитывая, что разногласия между большевиками и меньшевиками «по всем вопросам, выдвинутым современной жизнью носят глубокий и непримиримый характер», конференция постановила «совместную работу в одной организации невозможной»⁴. От азербайджанцев в Озаком вошел мусаватист М.–Ю. Г. Джафаров. От армян был дашнак М. И. Пападжанов, «мой школьный товарищ и друг», характеризовал его

1 Переверзев П. Н. – после Озакома министр юстиции в первом коалиционном Временном правительстве, в июле 1917 г. обвинил В. И. Ленина в шпионаже в пользу Германии.

2 В апреле 1918 г. Закавказским сеймом утвержден главой Закавказского Временного правительства; затем министр иностранных дел меньшевистского правительства Грузии.

3 Буржуазия накануне Февральской революции. М. – Л., 1927. С. 92; Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: Росспэн, 2008.

4 Бакинский рабочий. 1917. 28 июня.

В. И. Вернадскому М. С. Грушевский¹, выпускник юридического факультета Новороссийского университета, кадет, состоявший в комиссии по народному образованию в Озакоме. Он был попечителем совета армянских школ в Баку и школ Человеколюбивого общества во имя просветителя Армении Св. Григория. 28 сентября 1916 г. он писал председателю Совета министров Б. В. Штюрмеру: «Армяне... не изменили своим вековым традициям и решительно ориентировались в сторону России, несмотря на последние возбуждающие сомнения угрозы. В решении вопроса – на чьей стороне быть в этой войне народов, армяне не колебались, не лукавили, не играли двойственной роли. Перед чудовишной опасностью для физического существования армяне рыцарски бесстрашно и честно держались одной лишь русофильской тактики»².

В Озакоме уполномоченным от армян работал и Г. С. Айкуни³, будущий член президиума ЦИК Северо-Кавказской советской республики и нарком по делам национальностей. Джафаров от закавказских мусульман имел солидный политический опыт. Он входил в Мусульманскую фракцию Думы и сотрудничал с фракцией кадетов. Этот выпускник юридического факультета Московского университета был единственным депутатом-мусульманином с Южного Кавказа. В Думе он выступал с обличением равнодушия властей к школьному образованию местных мусульман.

Грузинским членом Озакома, кроме Чхенкели, стал социалист-федералист К. Г. Абашидзе⁴, сын наследницы последнего правителя Гурии С. Гуриели, выпускник юридического факультета Новороссийского университета, критик и публицист. Его партия социалистов-федералистов после февраля 1917 г. намечала территориальную

1 Вибрані наукові праці академіка В. І. Вернадського. Т. 2: Володимир Іванович Вернадський. Листування з українськими вченими. Кн. 1: Листування: А-Г / Ред. кол. тому: А. Г. Загородній, О. С. Онищенко, (голова)... НАН України. Комісія з наукової спадщини академіка В. І. Вернадського; Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського; Інститут історії України; РАН. Архів Російської академії наук. К., 2011. С. 753.

2 АВПР. Политархив. Д. 3517. Л. 3–4.

3 Айкуни Г. С. (1889–1966). Учился в Эчмиадзинской семинарии (1896–1906), исключен за революционную деятельность, потом в Московском торговом институте. Январь 1919 – июнь 1920 г. – Наркомнац, заместитель комиссара по армянским делам; ноябрь 1920 – июль 1922 гг. – Коминтерн, отдел международных связей; с 1926 г. в распоряжении ЦК ВКП(б). См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 1590. Л. 164–164 об.

4 Абашидзе умер 17 декабря 1917 г.

автономию Грузии в составе Российской Федерации. Упрекая Озаком в «национализме», социалисты-федералисты требовали создать грузинский парламент¹. Они поддерживали Грузинскую церковь в вопросе об автокефалии.

Озаком, как и поволжские мусульманские комитеты Казани и Оренбурга, на практике продвинулся намного дальше Министерства народного просвещения. Национальные советы объединяли вокруг себя этнические элиты и брали на местах дело в свои руки. Так, 10 сентября 1917 г. он утвердил Положение о национализации учебных заведений Министерства народного просвещения в Кавказском учебном округе. Правила Положения гласили, что преподавание в государственных национальных школах ведется на родном языке, т.е. на тюркском, грузинском, армянском и других, в его литературной форме; в случае несогласия населения, оно определяет язык преподавания. Усиливалось преподавание национальных предметов, под которыми подразумевались: родной язык, литература, история литературы, история народа и география. Преподавание вероучения велось на родном языке. Педагогическая коллегия национальных отделений учебных заведений получала автономию в решении учебных вопросов. Преподаватели вероучений и национальных предметов уравнивались в правах с преподавателями других предметов. В местах со смешанным составом населения для учащихся национального меньшинства должны были открыться новые начальные училища или же параллельные отделения при классах в существующих училищах. Преподавателям предлагалось составить на национальных языках программы по всем предметам: по языку, арифметике, истории, географии и истории литературы. В гимназиях число уроков по латинскому языку и некоторым другим предметам было сокращено, вместо них вводились национальные предметы. Под национальными предметами подразумевались родной язык в его литературной форме, национальная литература и ее история, история нации, национальная география, а для мусульман, кроме того, и шариат. Например, в расписание недельных уроков Бакинской Мариинской женской гимназии с 1 октября 1917 г. вводились 12 уроков тюркского языка вместо шести и 6 уроков шариата вместо двух. В связи с нехваткой в школах учителей по национальным

1 День. 1917. 16 марта; Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый Хронограф, 2010. С. 192.

предметам, Бакинская городская управа постановила ассигновать открытие специальных вечерних курсов для подготовки учителей. С 21 октября в Баку начали функционировать курсы для подготовки тюркских учителей. В Гори, где готовились кадры учителей, также открыты курсы тюркского языка и шариа¹.

Как видим, параллельно формированию новых управленческих структур вблизи новой власти или по согласованию с нею развивались и другие, более энергичные. Усилия властей проводить новую, демократическую политику им казались недостаточными. Однако эти структуры не видели всей полноты и сложности проблемы: не учитывали, что на языках народов окраин нет соответствующих учебников и учебных пособий. Учителя литературы, истории в тюркских, например, отделениях не имели стабильных программ, в результате чего часто не знали, какие темы проходить на уроках. Учителя в большинстве случаев действовали в зависимости от уровня собственного кругозора. Они сами составляли программы, планы уроков, проявляя подвижность в проведении реформы в жизнь.

Один из первых органов национального самоуправления в Баку – Комитет мусульманских общественных организаций – «путем создания соответствующих организаций» нацелен на «выяснение и популяризацию национально-политических идеалов»². Для этого принят ряд организационных мер. Если в Баку главным препятствием в деятельности мусульманских организаций была конкуренция со стороны социалистических партий, то в самих Бакинской и Елисаветпольской губерниях они столкнулись с другими проблемами. Главной трудностью при формировании мусульманских нацсоветов были неграмотность и полное незнание населения с политической жизнью страны. Несмотря на это, с июня в уездах один за другим создавались мусульманские национальные комитеты, где основной движущей силой были студенты-мусульмане.

К концу мая 1917 г. ясно определился характер Озакома как краевой власти. Он оказался достаточно независим от Петрограда и в то же время зависим от местных этнополитических сил. Исторически сложные межконфессиональные отношения в Закавказье не оставляли надежды на успехи деятельности Озакома.

1 Назарли А. Э. Народное образование в Азербайджанской Республике (1918–1920 гг.). Баку: Нурлан, 2008. С. 35–37.

2 Бельский С., Манвелов А. Революция 1917 г. в Азербайджане: Документы из периодической печати. Баку, 1927. С. 27.

В 1917 г. Армянское национальное бюро возглавил председатель Кавказского отдела Земгора, городской голова Тифлиса А. И. Хатисов¹. Заседание Бюро уже 26 марта было полностью посвящено вопросам управления Западной Арменией. Среди разнообразных мнений выделялась идея представителя «Дашнакцутюна» Р. Зоряна: вопросы управления Западной Арменией следует решать в отрыве от властей Кавказа и связать напрямую с Петроградом. Необходимо создать Генеральный комиссариат в Западной Армении. А. Завриян (Завриев), обладая широкими связями среди видных членов Временного правительства (Керенский, Львов, Набоков, Милуков), приступил к изысканию путей для создания будущей администрации Западной Армении. В результате обнародовано постановление Временного правительства от 26 апреля 1917 г. «Об управлении Турецкой Арменией». Оно заложило законодательную основу административного управления Западной Арменией. Это было первое признание факта ее существования. Она передана из юрисдикции властей Кавказа и командования Кавказского фронта в прямое подчинение Временному правительству и непосредственно подчинена российскому правительству². Национальные армянские советы созданы в Западной Армении, например в Ване. В городе Ерзнка совет получил название Армянский национальный совет Ерзнка. Члены совета должны были заниматься улучшением национальной, общественной и культурной жизни области. Подчеркивалось, что «в тот момент, когда будет

1 После Февральской революции Хатисов вступил в партию «Дашнакцутюн». В марте – апреле 1917 председательствовал на Совещании армянских политических партий. В июне 1917 принял участие в Закавказском крестьянском съезде в Тифлисе. Участвовал в созыве Армянского национального совещания (съезд восточных армян) и в создании Армянского национального совета (сентябрь – октябрь 1917 года). В апреле 1918, с образованием Закавказской Демократической Федеративной Республики, назначен министром финансов и продовольствия, а также министром призрения правительства Закавказского сейма. В феврале – мае 1918 принимал участие в мирных переговорах с Турцией в Трапезунде и Батуме. После провозглашения независимой Республики Армении (28 мая) Хатисов с Ованесом Качазнуни подписал Батумский мирный договор (4 июня). С октября 1919 – министр иностранных дел, с августа 1919 по май 1920 – премьер-министр Республики Армении. Летом 1920 в составе Бюро правительства отправился за границу с целью организации в армянской диаспоре внутреннего займа и «Золотого фонда» для Армении. 2 декабря от имени правительства подписал Александропольский договор, передав власть армянскому большевистскому Ревкому. См.: Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993.

2 ГАРФ. Ф. Р-1779. Оп. 1. Д. 1470. Л. 8.

поднят армянский вопрос, они не будут застигнуты врасплох»¹. Уже в мае член Озакома Чхенкели организовал специальный совет из 7 человек для разрешения разногласий и конфликтов между закавказскими народами. В одной из докладных записок на имя А. Ф. Керенского говорилось о тяжелом положении мусульман в Закавказье. Документ отражал довольно сложную ситуацию в межнациональных отношениях, сложившуюся к лету 1917 г. Страницы местных газет пестрели заметками с описанием разбоев, грабежей, вооруженных нападений и межнациональных столкновений. Особо часто муссировалась тема самовооружения мусульманского населения.

В конце сентября – начале октября 1917 г. в Тифлисе Армянским национальным съездом (свыше 200 делегатов, большинство – от партии «Дашнакцутюн») создан Армянский национальный совет. В него вошли 15 членов: Арам Манукян, Аветис Агаронян, Никол Агбальян, Х. О. Карджикян (Карчикян), Рубен Тер-Минасян и А. Бабалян («Дашнакцутюн»); А. Стамболцян и А. Тер-Оганян (эсеры); М. Гарабекян и Г. Тер-Газарян (социал-демократы); С. Арутюнян и М. Бабаджанян (Армянская народная партия); С. Мамиконян, Т. Бегзадян и П. Закарян (беспартийные)². Представители Армянского национального совета вошли в состав Закавказского комиссариата – коалиционного правительства Закавказья, созданного в Тифлисе 15 ноября 1917 г. с участием грузинских меньшевиков, эсеров, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов. В правительство вошли Х. О. Карджикян – комиссар финансов, Г. Тер-Газарян – комиссар продовольствия. Армянский национальный совет фактически стал органом гражданской власти, правительством Восточной Армении.

2.2. Некоторые штрихи к «генезису» этнических элит: новые политики в новом политическом пространстве

Социолог Сьюзен Келлер считала «весьма впечатляющим зрелищем – наблюдать за процессом, когда новые элиты возникают, как феникс из пепла, из коллапса системы»³. В переходные периоды истории появляются личности, выносящие на первый план проблемы далеко не слу-

1 Армянский вестник. 1917. 14 марта.

2 Лео. Идеология революции турецких армян. Париж, 1935. С.195 (на арм. яз.).

3 Keller S. Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. New Brunswick, 1991. P. 25.

чайные. На взгляд из столицы они не обязательны к сиюминутному разрешению на фоне других, кажущихся куда более «глобальными». Сами проблемы с их, казалось бы, невесомостью на весах судьбы бывшей империи, с их слабой персональностью (по оценке новых общероссийских лидеров) сигнализируют о неумолимости и безальтернативности идущих процессов.

Сохранившиеся психологические характеристики элит погружают нас в атмосферу ссор, взаимных обвинений, интриганства, во-первых, этнорегиональных элит с центром, во-вторых, между собой, из-за идейных разногласий, из-за лихорадочных поисков сложившейся и час от часу становящейся все более грозной ситуации в стране, в-третьих, внутри самих себя, раскрывают особенности контактов, симпатий и антипатий.

Наиболее щедро на свидетельства украинская мемуарная литература, сравнить ее можно только с русскими мемуарами этого периода. Использование их, конечно, требует осторожного подхода в силу того, что авторы активно включены в отношения «Петроград – этническая периферия» и многие оценки продиктованы авторской позицией. В данном случае объективность источника – дело второстепенное. Суть проблемы как раз и кроется в обилии несправедливых и обидных оценок с обеих сторон.

Понятна оценка Милюкова, который спустя годы называл Грушевского «фанатиком украинского движения»¹. Он сам был таким же фанатиком в политике. Милюков и Грушевский – ведущие фигуры в Петрограде и Киеве весной 1917 года – в чем-то похожи, учитывая их академическую подготовку и жизненный опыт, присущий историкам, их профессиональную способность расшифровывать политические стратегии друг друга и скрываемую долгосрочную цель. Оба были людьми одного поколения, эрудитами, квалифицированными политиками, оба очарованы идеями позитивизма, движущей силой идей и культуры. Они оба разделяли веру историков XIX века в объективное знание прошлого нации, убеждены, что это знание как основа национального сознания способствует консолидации нации.

Когда в № 1 «Новой Рады» (в марте) Грушевский написал статью установочного характера и определил будущую деятельность: «Мы должны держать руку на пульсе народной жизни и идти в ритм[e] его биения. Оно только нам закон, ему только должны мы подчиняться,

1 Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 278.

его провозглашать всем, невзирая на то, будет ли это нам приятно или нет», он весьма походил на Милюкова месяцем ранее. М. Грушевский подчеркнул: наступила новая эра в отношениях между центральным правительством и национальностями бывшей империи. Это изменение отношений возникло не только из-за расширения гражданских прав и свобод, полученных населением бывшей Российской империи. С падением Романовых украинский вопрос формально перестал существовать. Поэтому «ничего более ошибочного не может быть теперь, как извлечь старые украинские петиции и подавать их заново правительству как наши притязания в данный момент... То, чего мы добивались пять, четыре, три, даже год назад... никак не может считаться удовлетворением украинских потребностей, “решением украинского вопроса” для данного момента».

А. Дмитриев в «Гефтере» писал о Грушевском: «Главное суммирующее впечатление, неизбежно субъективное и “ненаучное”: Грушевский, неизменно бывший мотором самых разных идейных и организационных начинаний, отнюдь не чуждавшийся хорошей компании, в конечном счете, всегда оставался одиночкой. Его серьезность, целеустремленность и исключительная сосредоточенность на работе, явные лидерские качества нередко оборачивались нетерпимостью и разрывом со многими прежними соратниками. Мемуаристы или исследователи практически никогда не называют кого-то из близких ему людей друзьями: рядом с ним могли быть только союзники или ученики-помощники (многие из них обретут самостоятельность только ценой разрыва с учителем – научного или идеологического). В политике Грушевский на протяжении своей жизни нередко менял лозунги и идеи, руководствуясь идеалом утверждения национальных прав украинского народа; и этот собственно народнический элемент его мировоззрения реально воплощался в самые разные тактические комбинации, которые порой весьма разочаровывали его недавних сподвижников. Кредо “за народ” – и против чужой власти – вопреки позиции всегда готовых к предательству элит, часто склоняло Грушевского к выбору скорее левой политической ориентации, и что еще важнее – к готовности выступать против недавних единомышленников, оставаться в изоляции (но еще и учитывать необходимость “временных” компромиссов с более сильными контрагентами: австрийскими, петербургскими или советскими, во имя главной цели – блага Украины)»¹.

¹ Дмитриев А. Три лета Михаила Грушевского: нация как выбор. Строительство нации – вызов для ратующих за нее. Имперская наука перед

Грушевский «был, – пишет и А. Гольденвейзер, наблюдавший его вблизи, – действительно, главой и ментором всего собрания депутатов. Он стоял неизмеримо выше их по своему образованию, европейскому такту и умению руководить заседаниями. Отношение членов Рады к Грушевскому было чрезвычайно почтительное; его называли “профессором”, “батькой” и даже “дедом”. Он и по возрасту годился в деды большинству депутатов. Низкорослый, подвижный, с большой седой бородой, в очках, с блестящим взглядом из-под нависших густых ресниц, он напоминал на своем председательском кресле сказочного деда Черномора»¹. Однако на Дж. Сейдамета Грушевский произвел двойное впечатление. Встреча с ним стала основой якобы взаимовыгодного сотрудничества украинских и крымско-татарских национальных движений в борьбе за «искоренение русского централизма». Однако сотрудничество носило поверхностный характер, где каждая из сторон стремилась осуществить только свои планы.

В 1914 г. писатель В. Винниченко, склонный к патетике и эмоциональным «перехлестам», писал о себе: *«В мені є багато поганих і шкідливих якостей моєї природи, характеру і ще гірші звички. Я сам себе руйную... Я мушу внести якусь організацію, систему... А для цього насамперед потрібна воля, яка в мене зовсім не вихована, дика, як бур'ян. Вона може кинутись на перепону диким кабаном і зараз же зламатись, як суха билинка»*².

лицом национального вызова // Гефтер. <http://gefeter.ru/archive/11630>; См. также: Prymak T. Mychailo Hrushevsky: The Politics of National Culture. Toronto – Buffalo – London, 1987.

1 Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний (1917–1920 гг.) / Революция на Украине по мемуарам белых. Сост. С. А. Алексеев, ред. Н. Н. Попов. М. – Л.: Гос. изд-во, 1930. Репринт – Киев: Изд-во полит. литературы Украины, 1990. Впервые: Архив русской революции. Т. VI. Берлин, 1922. С. 30; Сохань П., Ульяновский В., Кіржаєв С. М. С. Грушевський і Academia. Київ, 1993; Шаповал Ю., Верба І. Михайло Грушевський. Київ: Альтернативи, 2005; Тельвак В. Творча спадщина Михайла Грушевського в оцінках сучасників (кінець XIX – 30-ті роки XX століття). К. – Дрогобич: Вимір, 2008; Малик Я. Михайло Грушевський: війна, революція, еміграція: монографія. Львів: ЛРІДУ НАДУ, 2011; он же. Михайло Грушевський: в умовах більшовицького режиму. Львів: ЛРІДУ НАДУ, 2012. См. библиографию: Грановський Б. Михайло Грушевський – перший президент України, академик. Біобібліографія (1885–2000 рр.). К., 2001. Наиболее детальный обзор научной и политической ипостасей деятельности историка: Плохий С. Великий переділ: незвичайна історія Михайла Грушевського. К.: Критика, 2011 (авторизованный перевод англоязычного издания 2005 года).

2 См.: Шаповал Ю., Верба І. Михайло Грушевський. К.: Видавничий дім «Альтернативи», 2005. 352 с.

Как видим, непростые личности выдвинулись на первый план. Но в данном случае нас интересуют оценки их социальной и интеллектуальной зрелости. Вряд ли оправданной является позиция тех исследователей, которые подыскивают как можно более хлесткие пренебрежительно-унизительные эпитеты, национальных лидеров считают психически неуравновешенными, «жуликами», а выработанные документы «смесью вранья и несуразиц» и т.п. Разброс оценок в среде украинской элиты не преодолен до настоящего времени¹.

Выделим три поколения этнических элит, лидирующих на разных этапах исследуемого периода.

Первую группу 40–60-летних политиков назовем людьми, сложившимися в XIX веке. В конце XIX в. прошла их молодость, определились политические интересы. Многие прошли школу легальной культурно-просветительной работы. Интересную характеристику дает им бывший Верховный комиссар Временного правительства при Ставке Верховного главнокомандующего В. Б. Станкевич (Владас Станка, из обедневших литовских дворян): «Все народы во имя своих святейших интересов вынуждены были создать свои “Пьемонты” за рубежом России. Духовный огонь Польши горел в австрийском Кракове, украинцы жили своим Львовом, литовцы печатали книги и закладывали фундамент в восточной Пруссии, Финляндия имела свои очаги в Швеции. **Это не было сепаратизмом, это было жизненной и технической необходимостью.** При первой возможности все готовы были перенести свои национальные ковчег в Россию»². Эти политики к 1917 г. являлись сторонниками парламентаризма, выступали за осторожные социальные реформы и ограниченную автономию. Из общероссийских партий поначалу ближе им были кадеты и народные социалисты. Наиболее известны фигуры этой группы на Украине, например кадет Ф. Штейнгель, подписавший Выборгское воззвание, М. Грушевский, В. Науменко, Н. П. Василенко, Б. А. Кистяковский, в Белоруссии – Р. Скирмунт, у мусульман – С. Максуди, Г. Исхаки, А. Цаликов, А. Букейханов, А. Байтурсынов,

1 См., напр.: Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 142, 149; он же. Семнадцатый век и семнадцатый год. С. 107; он же. Феномен революционного национализма в России. С. 214; Дикий А. Красная свитка: неизвращенная история Украины-Руси от запорожцев до коммунистов. М., 2007. С. 71, 73, 86, 99; Широкоград А. Россия и Украина. Когда заговорят пушки. М., 2007. С. 266–269, 277–279 и др.

2 Станкевич В. Судьбы народов России. Берлин: Изд-во И. П. Ладыжникова, 1921. С. 6.

М. Тынышпаев, Ф. Хан-Хойский, у калмыков – С. Баянов и др. Ряд историков относит их к «поколению Гаспринского», украинцев – к поколению Драгоманова, в целом к «людям XIX века». Подобное поколение выделял у евреев и С. М. Дубнов, рисуя яркие портреты «нового российского еврейства» – Я. Розенфельда, М. Варшавского, С. Фруга, С. Лурье, М. Кагана, С. Гурвича, М. Кулишера, Г. Лившица, Л. Кантора, А. Ландау. Их занятия наукой, первые литературные опыты отразили споры о проблемах еврейского национального движения – диаспорности, палестинофильстве, ассимиляторстве. Российские реалии уточняли и самому Дубнову важность взаимодействия национального и общечеловеческого в истории и культуре евреев: «Все яснее обозначается поворот к эволюционному методу исследования истории и современности»¹. Биография Б. А. Кистяковского и его окружения дает основание вести речь и о новом украинстве. Он, сын известного киевского юриста, криминалиста, профессора Киевского университета и руководителя украинского национального движения А. Ф. Кистяковского, арестован и исключен из Киевского университета. В начале 1890 г. он отправился в Харьков. Жандармерия не возражала против поступления его в Харьковский университет, но были некоторые препятствия со стороны инспектора студентов. На помощь Кистяковскому пришли профессора Харьковского университета, ученики и друзья покойного отца (А. И. Загоровский, Н. Ф. Толочинов), которые ходатайствовали перед попечителем. Б. А. Кистяковский продолжил изучение русской и украинской истории на историко-философском факультете под руководством Д. И. Багалея, старейшего ученика школы В. Б. Антоновича. В Харькове вскоре произошла опять какая-то студенческая история и Б. А. Кистяковского, как уже зарекомендовавшего себя в качестве «неблагонадежного», исключили в первую очередь. После этого он поехал в Дерпт, где в интересах русификации немецкого до тех пор университета принимали исключенных из других университетов. В августе 1890 г. он поступил уже на юридический факультет. В Дерпте Б. А. начал серьезно заниматься наукой. Он плохо знал иностранные языки, что сказывалось на его работе. По этой причине в Дерпте Б. А. особое внимание уделял изучению языков. Он изучил не только немецкий, французский и английский, но занимался и славянскими языками. «Теперь я совершенно здоров, – пишет он

¹ Кельнер В. Е. С. М. Дубнов – мемуарист. biblio.com/biblio/archive/dubnov_kniga/00.aspx

матери из Дерпта 15–27 сентября 1891 г., – ревматизм и все болезни окончательно прошли, на меня опять нашла горячка работы, и я работаю по целым дням, побуждаемый завистью. А завидовать мне, к счастью, есть кому. Недавно, например, сюда перебрался некто Водовозов, сын педагога и автора “Жизни европейских народов” и пасынок Семевского. Он двумя годами моложе меня, вполне свободно владеет тремя языками и кроме того очень начитан и образован... Кроме того я продолжаю свои занятия славянскими языками. Это мне необходимо для моей специальности, т. е. для правоведения (как способ добывать исторический правовой материал). Между тем я знаю вполне хорошо только два славянских языка, из которых польский лучше, а болгарский – хуже. В этом году я принялся за сербский и чешский, которые я очень плохо знаю. Курс сербского языка вместе с народными сербскими песнями я слушаю на лекциях. Курс этот я слушаю у своего любимого профессора (И. А. Бодуэна де Куртенэ). Я его называю своим, так как вот уже второй год я являюсь у него единственным слушателем. Час этот для меня самый приятный из всех университетских занятий и представляет для меня скорее отдых, чем работу. Мы целый час проводим в философской беседе о славянских языках, так как маленькая аудитория, состоящая только из профессора и студента, не позволяет торжественно вести лекцию». Кистяковский аккуратно посещал юридические лекции, изучал также эстонский язык. В Дерпте он сблизился с кружком польских студентов и его приняли в польское землячество. С некоторыми членами польского кружка у него сохранились тесные связи до самой смерти, как например с Натансоном, С. Г. Стемповским (который был министром земледелия УНР при поляках) и др.¹

Среди мусульманских народов России особое место занимали татары. В совокупности они представляли собой наиболее втянутый в новые общественные отношения этнос, примеряя на себя роль духовного неформального лидера не только тюркских, но всех мусульманских народов России. Процесс переоценки ценностей у татар происходил, с одной стороны, при почти поголовно грамотном в отношении родного языка населении, а с другой – наиболее остро. Противостояние людей с разными представлениями о мире и о себе было особенно напряженным среди людей разных поколений, традиционный конфликт между отцами и детьми становился громким.

1 *Василенко Н. П.* Академик Богдан Александрович Кистяковский // Социологические исследования. 1994. № 4. С. 139.

Фатих Амирхан посвятил борьбе отцов и детей в татарских семьях начала XX века пьесу «Яшляр» («Молодые»). Прототипами героев пьесы была семья казанского купца Салиха Губайдуллина, был показан конфликт отцов и детей этой семьи. Выделяя главное в конфликте поколений, Ф. Султанов пишет: «Один из героев пьесы Ф. Амирхана “Яшляр” (“Молодые”), показав себя знатоком идей и мыслей, которые нашли отражение в русской литературе, говорит: “Если мы можем стать Рудинскими или Базаровскими, будем неустанно внушать народу идею разрушения старого, тогда в будущем у нас появятся люди, способные совершить настоящие дела. Или же сами приобретем к тому времени достаточный опыт”»¹.

Выходцы из семей национальной элиты, особенно духовенства, имевшие, как правило, высшее светское образование, в 1917 г. доминировали в большинстве еврейских обществ, в органах национально-культурной автономии УЦР, в Миллет Меджлисе, Милли Идарэ, в местных Милли Шуру до лета 1917 г., но быстро уступили позиции второй группе (30-летним политикам)². Крымский татарин Дж. Сейдамет на юридическом факультете Парижского университета брал уроки политических и социальных наук, слушал Ж. Жореса. Получив звание «бакалавра прав Французской Республики», он вернулся в Крым: «...мы даже не думали в то время о полном развале России. Мы желали нашей Родине благоденствия, а нашему народу развития цивилизации, поэтому, прежде всего, считали своим долгом ускорить революцию в России... Мы думали только о народе Крыма и о спасении его от деспотизма и тирании... Я говорил о реформации власти, об усилении просветительских и идеологических течений, об уничтожении царизма во имя осуществления революции»³.

Вторая группа – 30-летних политиков – объединена экстремальными переживаниями революционной борьбы. Ее лидерами на Украине в 1917 г. стали В. Винниченко, Н. Порш, С. Петлюра,

1 Цит. по: Султанов Ф. М. Ислам и татарское национальное движение в российском и мировом мусульманском контексте: история и современность. Казань: РИЦ «Школа», 1999. С. 62.

2 Любопытно, что сходного деления придерживается и А. Хабутдинов. См. его учебник: Российские мусульмане-татары: от общины к нации (конец XVIII – начало XX в.). Казань: Татарское кн. изд-во, 2008. Гл. 3. Формирование татарской общности и создание автономных национальных институтов (1908–1918 гг.).

3 Зарубин В. Г., Зарубина А. А. Джафер Сейдамет. Штрихи к портрету // <http://www.commonuments.crimea-portal.gov.ua/rus/index.php?v=1&tek=92&par=74&l=&a rt=406>

у мусульман – А.–З. Валидов, у бурят – Ц. Жамцарано, Богданов. В отличие от группы «людей XIX века», эти деятели переживали влияние марксизма. Как вспоминала меньшевичка Лидия Дан, сестра Мартова, в 1890-е годы для студента было «почти неприличным» не стать марксистом. Анализируя ее воспоминания, Л. Хеймсон выделял этот тип «из Санкт-Петербургских кругов ассимилированной высокой еврейской культуры». Они настроены радикальной. Хеймсон подчеркивал их «отношение превосходства к крестьянству» (при одновременном незнании его и деревни вообще), их глубоко городской взгляд на мир, «книжный» характер знаний («мы мало знали о жизни, у нас уже был сложившийся взгляд, заимствованный из книг») и «превышающую все остальное их интеллектуальную элитарность». Л. Хеймсон отмечал особую роль в формировании их мировоззрения марксистских произведений Г. В. Плеханова. В них «молодежь, пришедшая в социал-демократию, нашла опору для своего бескомпромиссного отождествления с Западом и для своего не менее бескомпромиссного отвержения любых форм российской самобытности»¹. В. Зеньковский таких отнес к «среднему типу украинской интеллигенции – это тип учителя, журналиста, адвоката». Он писал: «Подполье украинской интеллигенции жило в России, и разве можно сравнивать по технике, по образованности, по выдержке и революционной настойчивости деятелей русской революции (Ленин, Троцкий и др.), которые в Западной Европе прошли превосходную школу государственного мышления, – с теми мечтателями, литераторами (Винниченко), учителями, которых Украина в свой неповторимый исторический час могла выставить в качестве своих вождей?.. Какие чудачки бесталанные, хоть и “милые”, бескрылые, хоть и фантасты, бессильные, хоть и страстные, были все эти люди. Если бы история в тысячу раз больше дала им в руки, что она фактически им дала – они все равно не могли бы ничего сделать. Украина вышла на путь революции фактически без вождей, без сильных, опытных и способных властвовать лидеров»².

Третья группа – 20–25-летние, совсем юные политики – вчерашние студенты. За их плечами ни опыта подполья, ни опыта политической борьбы. Это были «люди революции 1917 года» – не знающие жизни, но они не только были *готовы* видеть мир в процессе перемен.

1 Хеймсон Л. Большевик и эволюция российской интеллигенции // Россия-XXI. 1995. № 7–8.

2 Зеньковский В. В. Пять месяцев у власти.

они надеялись получить от этих перемен «все и немедленно». «...Это психология буржуазной демократии, – заметил журналист газеты «Студенческая жизнь» в 1910 г., – со всеми ее достоинствами и недостатками; благодаря своему положению меж двух «миров» и психология [студента] раздваивается: широкий альтруизм, что заламливается сквозь призму эгоизма; аскетизм с большей долей позы, геройство с донкихотством, жажда дела и труда рядом с красивой, но бесплодной фразой, атеизм, связанный с глубокой религиозностью, критицизм, от которого далеко пахнет догмой, безверье, которое тесно срослось с верой...». И все же ни в коей мере не стоит преуменьшать роли студенчества в общественно-политической жизни Российской империи, и Украины в частности. Заметим, что студенты Харьковского университета в 1900 г. основали первое в Надднепрянской Украине политическое формирование – РУП (Революционную украинскую партию), киевская молодежь влилась в ряды Украинской социалистической партии и других общественных организаций.

Полезные данные, характеризующие это поколение элит, можно выявить из анкет студентов-евреев, опубликованных А. Е. Ивановым. Из 140 одесских студентов лишь 1 учился на филологическом факультете и 20 – на юридическом. Правда, 30 человек «не поступили на желательный факультет», один из них прямо ответил, что «мечтал о филологическом факультете... но принужден считаться с еврейской действительностью». На вопрос «интересуетесь ли Вы еврейской жизнью?», 70,8% ответили «интересуюсь всегда». На вопрос о получении «еврейского образования» 116 человек (88,2%) ответили, что обучались «еврейским предметам»: 36 человек (31,5%) только в хедере, 47 человек (40,5%) у частного учителя, остальные и там и там. Они дорожили этими знаниями, навыками, привычками, «от которых даже в зрелом возрасте уже было не так легко отказаться». На вопрос «знают ли еврейскую историю?», из 967 киевских студентов 831 ответил утвердительно. Подавляющее большинство знали ее «по Дубнову» и «по Грецу» или и по тому и другому, и лишь 20 человек знали ее «по Библии». 421 человек из них (43,6%) умели читать, писать и говорить на иврите¹. Оценивая это поколение, В. Винниченко писал: «С социализмом они имели еще меньше общего, чем “федералисты”. Они также ни среди крестьянства, ни среди рабочих не имели

1 Иванов А. Е. Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. М.: Новый Хронограф, 2007. С. 273–274.

ни малейшего влияния, да, кажется, и не очень сожалели об этом». Однако он отметил их сосуществование со своими ровесниками «преимущественно военного “атаманского” элемента, без выразительной социальной программы, без всякого политического образования, но с выразительным националистическим темпераментом, который служил им и программой, и тактикой, и аргументами. Роль этой группы во всем движении... достаточно печальная»¹. «Центральная рада, – пояснял В. Винниченко, – не могла сформировать Правительство просто из-за отсутствия соответствующих людей и то... смешно сказать, из-за отсутствия взрослых людей. Самая многочисленная в тот момент украинская партия (партия социалистов-революционеров) не могла выставить кандидатов в министры старше возрастом 25 лет... И мне, как главе Правительства и Центрального Комитета Партии для престижа ее нужно было хвататься за каждого, кто заявлял себя сторонником или членом социал-демократии»². Поддержав большевиков, они помогут им в борьбе с теми, кого мы отнесли к предыдущим поколениям, но в итоге окажутся среди тех, кого большевики назовут «буржуазными националистами».

Представители разных поколений элит критически оценивали идущие перемены. «Выпускники наших медресе... не могут понять ни жизни внешней, ни жизни духовной», – отмечала газета «Кояш» 29 сентября 1913 г. Х. Атласи утверждал: «От того, что у нас число посещающих школы равняется числу в Австро-Венгрии, далеко не следует, к сожалению, что мы – нация столь же передовая, как и австрийцы; от того, что число посещающих школы у нас выше, чем у русских, еще не следует, что мы опередили русских»³.

Конечно, данная дифференциация достаточно условна, все «поколенческие» группы этнических элит в феврале – октябре металась между разными партийными лагерями, и каждая по-своему становилась все более радикальной. В целом это разношерстная смесь типов из прошлого, настоящего, но часть из них уже была из будущего. В конце декабря 1918 г. на одном из совещаний в Москве под председательством Ленина, где решался вопрос о создании БССР, в ходе дискуссии о том, кто бы мог возглавить правительство, как позже вспоминали белорусы – участники совещания, Д. Ф. Жилунович (поэт

1 Цит. по: <http://www.politforums.ru/ukraine/1283089528.html>

2 Винниченко В. Відродження нації. Історія української революції. Марець 1917 р. – грудень 1919 р. Київ – Відень, 1920.

3 Кояш. 1913. 29 сентября.

Тишка Гартный) без всяких колебаний поднялся и твердо заявил: «Такой человек есть! Я могу сформировать и возглавить правительство!» С октября 1917 г. он работал в Петербурге на заводе. После октября 1917 г. – секретарь Белорусского национального комиссариата. Через несколько дней в Минске один из номеров центральной городской гостиницы «Европа» стал рабочим кабинетом главы правительства Тишки Гартного. Он любил «работать при народе»¹. Через два месяца после пребывания на посту председателя СНК БССР большевики направят Д. Ф. Жилуновича политработником 14-й армии в штаб Западного фронта. «Идейная гегемония стала чаще переходить не к национал-народникам, а к национал-марксистам. Это заметно на примере не только все более воинственного украинского движения, в котором организующую роль взяли на себя пылкие социал-демократы, подобные В. Винниченко и С. Петлюре, но и сравнительно сдержанного мусульманского»².

И первая, и вторая, и третья группы несли в себе качество, полностью соответствующее вызовам времени, – возможность распада социального порядка, когда-то казавшегося стабильным. И одними из первых были втянуты в одно из самых глубоких изменений в истории – в изменение сознания, которое отразилось в том, как они стали смотреть на себя и на окружающий мир.

Для понимания глубины этого изменения при рассмотрении «генезиса» этнических элит полезны некоторые представления об их образовательных и иных ресурсах. Весной 1917 г. на авансцену вышло поколение, рожденное в демографическом всплеске 1860–1890-х годов. Активные и опытные активисты национальных движений уже в сознательном возрасте пережили атмосферу контрреформ 1880-х годов. Их мотивация отражена во Всероссийской переписи населения 1896 г. По ее данным, в стране насчитывалось 140 тыс. лиц, имевших высшее образование или обучавшихся в вузах, и 172,3 тыс., получивших среднее специальное образование или обучавшихся в подобных учебных заведениях. Сюда же входили 1073 тыс. человек с общим средним образованием³.

1 Бурсов И. Два века белорусской поэзии: Тишка Гартный (1887–1937) // Литературная газета. 2006. № 44.

2 Булдаков В. П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29–45.

3 Определить их численность к 1917 г. чрезвычайно сложно. Разные оценки высказывали Л. К. Ерман, С. А. Федюкин, Б. Ц. Урланис, О. Н. Знаменский и др.

Среди них немало тех, кто уверенно чувствовал себя в столичной среде и в зарубежных поездках, в контактах с общероссийскими и зарубежными институтами (образовательными в первую очередь). Если в первой половине XIX века этнический состав студентов ограничивался российскими немцами (преобладавшими), великороссами и малороссами¹, то во второй половине XIX – начале XX века он был куда как разнообразнее.

У тех, кто был озабочен поиском знаний, новых профессий, технические новшества, множество новых возможностей воспринимались уже не как нечто экзотическое. Как писал в дневнике сын историка А. Я. Садовского литературовед Серебряного века Б. А. Садовский: «Я ездил в чичиковской бричке, останавливался в тех же гостиницах, на тех же станциях, что и Гоголь, едал те же блюда, видел те же вывески, слышал те же речи. Конец 1-го тома «Мертвых душ» для меня живая, близкая современность. И я же застаю аэропланы. Первые автомобили, кинематографы, радио – все это появлялось одно за другим на моих глазах... Люди теперь из другого теста, с другой душой»². Их новаторство состояло в той функции, которую они выполняли в культурном движении: они несли в себе *готовность* видеть мир в процессе перемен.

Л. К. Ерман полагал, что общая численность интеллигенции составляла 1,5 млн. человек. С. А. Федюкин уменьшил цифру до 1 млн. человек, не включив в ее состав лиц, чей труд или профессия не могут быть отнесены к традиционно интеллигентским. Б. Ц. Урланис, основываясь на переписи 1897 года, подсчитал, что профессиональная интеллигенция составляла всего 200 тыс. человек. О. Н. Знаменский, исследовав профессиональные группы непролетарской интеллигенции, предположил, что ее численность к 1917 г. была примерно 500 тыс. человек. Ее структуру он представлял как совокупность крупных профессиональных групп: учителей (195 тыс.), студентов высших учебных заведений (127 тыс.), врачей (33 тыс.), инженеров и адвокатов (по 20–30 тыс.), научных работников и научно-педагогического персонала (10,2 тыс.), деятелей литературы и искусства (не более 15 тыс.). Он подчеркивает, что средоточием творческой интеллигенции были Петроград и Москва, где, по переписи 1897 года, трудилось 45,8 % ученых и литераторов, 30,7 % художников и музыкантов, 26 % учителей искусств и ремесел, 30,5 % инженеров и технологов, 16 % врачей, 14,3 % адвокатов и нотариусов. См.: Федюкин С. А. Партия и интеллигенция. М., 1983. С.10–11.

1 Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М.: Знак, 2005; Красовицкая Т. Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века – 1920-е годы). М.: Новый Хронограф, 2011.

2 Знамя. 1992. № 7. С. 177.

Традиционный взгляд, существовавший до недавнего времени, на последнее двадцатилетие XIX столетия как на культурно-исторический феномен связан с восприятием этого периода как времени стагнации, застоя. Если иметь в виду отношение к либеральным реформам 1860-х годов, это верно. Но молодые люди сумели использовать в своих интересах правительственный курс Александра III на интеграцию национальных окраин в состав Российской империи: поколение 1860–1890-х годов интенсивно обучалось в университетах (отечественных и зарубежных). Когда молодые люди вступили во взрослую жизнь, общественно-политическая жизнь вобрала в себя критицизм 1880–1890-х годов, это уточнял М. Винавер С. Дубнову в 1923 г., оценивая его книгу о российском еврействе времен Николая II¹. Уходило в прошлое доверие к тактике общественного либерализма в целом. Набирал силу профессиональный активизм как средство переустройства общества. Отдавалось предпочтение одному из двух путей приобретения общественного признания.

Первый путь предполагал длительную и кропотливую работу над собой, приобретение профессии в естественнонаучном и техническом направлениях – со строгими критериями профессиональной пригодности. Эти критерии определяли для самого индивида его место в общественной иерархии. Далеко не всякий выбирал роль безвестного труженика, которую объективно определяли его личные данные. Р. Дарендорф считал, что в индустриальном обществе определяющим социальным механизмом становится образовательная система и о профессиях можно говорить как о приобретенных позициях². Овладение техническими и естественнонаучными профессиями могло не совпасть с жизненными личными обстоятельствами, с возможностью применить их среди сородичей.

Большинство предпочло второй путь – участие в политической жизни страны. Выбираются гуманитарные направления деятельности, не имеющие жесткой профессиональной иерархии – в основном, юриспруденция, история, филология, чуть менее – экономика. Очевиден в этом выборе интерес элит к восприятию в отечественных

1 Дубнов С. М. Евреи в царствование Николая II (1884–1914). Пг., 1922; См.: В полсе ликвидации (Переписка между С. М. Дубновым и М. М. Винавером) // Вестник Еврейского университета. 2000 (5760). № 3 (21). Вступительная статья, публикация и комментарии В. Кельнера.

2 См. об этом: Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. М.: Праксис, 2002. С. 223.

и зарубежных университетах ответов на вопрос о власти: должна ли воля личности подчиниться коллективной воле или наоборот? Французский ответ сводился к тому, что власть не принадлежит никому, важно не государство, а равенство всех. Английский вел к решению: власть принадлежит личности. Не нужно больше государства. Если каждый борется за себя, в конечном итоге это идет на пользу всем. И то, и другое называлось демократией, но в совершенно разном значении этого слова. Немецкий говорил: власть принадлежит целому. Отдельное лицо ему служит. Каждому отводится предназначенное ему место. В разных странах на этот вопрос давались разные ответы с твердым намерением навязать всему свету свой. В разных этнокультурных группах были и взаимоисключающие представления как о праве повелевать, так и о справедливости, и не только объединить их в одном понятии было невозможно, но и некому из кадетских юристов и их этнических активистов было осмыслить это отличие.

Этнические элиты были достаточно неплохо образованны в российских, восточных и европейских университетах. За рубежом в большинстве российские «инородцы» обучались в Германии. *В меньшинстве – в университетах Великобритании.* Трудно оценить успехи в освоении профессии, которую они выбирали в том или ином университете. Куда важнее то, что они знакомились с Европой, которая была полна своих проблем и противоречий, но для них она была полем новых практик¹. В равной степени, во-первых, историческим и географическим понятием, во-вторых, эпохой и континентом². В университетских аудиториях они впитывали то, как европейские государства формировали себе цели, которых они добивались, и задачи, которые они ставили перед собой, опираясь на собственные умения и импульсы. Особые проблемы стояли и перед Оттоманской империей, и в университетах Стамбула российские студенты тюркских этносов не только постигали практические реформы младотурков, в некоторых они принимали непосредственное участие. Важен и аспект профессиональный: многие мусульмане, например, учившиеся в новометодных и нерусских

---

1 Красовицкая Т. Ю., Тишков В. А. Этнические элиты рубежа XIX–XX веков: между традицией и модерностью / Историко-культурное наследие и духовные ценности России / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков; Отд. ист.- филол. наук РАН. М.: Росспэн, 2012.

2 См. также: Красовицкая Т. Ю., Филина Ю. С. Н. А. Прахов. Арест Анатолия Васильевича Луначарского берлинской полицией // Альманах «Россия, XX век». <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1024540>

школах МНП, предпочли педагогическую и писательскую деятельность духовным обязанностям в условиях неустойчивой экономики махаллы. Сферу их деятельности расширило появление мусульманской журналистики. Таким образом, появилась *отдельная от духовенства мусульманская интеллигенция*.

По возвращении студенты вызывали подозрение из-за своих идеологических связей (пока больше надуманных ими самими, чем реальных)¹. Они проявляли активность в студенческих движениях, за что бывало, наказывались ссылками и заключением в тюрьму. Важным итогом их обучения было активное участие в избирательных кампаниях в Государственную думу, в земские структуры, в создании собственных культурно-просветительных и подобных им обществ.

Это обостряло их интерес к проблемам функционирования империи и взаимоотношениям имперского механизма управления с их родными окраинами. В рамках новой оптики им виделись угрозы ассимиляторских проектов имперского центра: касалось ли дело русско-православного проекта Н. Ильминского для Поволжья или проекта общей русской нации в Западном крае. Реализацией этих проектов Петербург надеялся предотвратить формирование отдельных идентичностей². Но Ильминского раздражала образованность и стремление к «европейскости» волжских татар: «...фанатик без русского образования и языка сравнительно лучше, чем по-русски цивилизованный татарин, а еще хуже аристократ, а еще хуже – человек университетского образования»³. «Запечатлеть открыто и нелицемерно, что Западный край есть и должен остаться русским. Защитить русское население от меньшинства польских помещиков»⁴, – напутствовал П. А. Столыпин Думу при обсуждении законопроекта о земствах

1 См. Красовицкая Т. Ю. Модернизация российского образовательного пространства.

2 Грушевський М. Звичайна схема «русскої» історії і справа раціонального укладу історії східного слов'янства. СПб., 1904; Slocum J. W. Who and When, Were the inorodtsy? The Evolution of Category of «Aliens» in Imperial Russia // The Russian Review. April 1998. P. 173–190; Горизонтов Л. Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001.

3 Письма Николая Ивановича Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву. Казань, 1895. С. 178.

4 Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / П. А. Столыпин; сост.: Ю. Г. Фельштинский (коммент.). М.: Мол. гвардия, 1991. С. 123.

в западных губерниях, имея в виду проект общей русской нации в Западном крае.

Проекты ставили препоны иерархии элит по этническим критериям. Предпочтение отдавалось критерию образованности, легальности, имущества на общероссийском пространстве. Вчерашних студентов притягивали административные центры России с определенным уровнем конкуренции, хотя и с повышенной для них степенью дискомфорта в инокультурной среде. Борьба за должности бывала одним из факторов конфликтов. Однако при подобном алгоритме действий появлялось и больше шансов на карьерный успех. Такая цель не постулировалась специально, но без труда выявляется в высказываниях и свидетельствах по другим поводам. Важные данные обнаруживаем в тетради по педагогике 17-летнего бурятского гимназиста Ц. Жамцарано (1899 г.), одного из ярких энтузиастов 1917 г. В ней изложен результат анализа Ц. Жамцарано работы «Самодетельность и ее значение по Смайлсу», раскрыто значение самодетельности для человека. Неизвестный учитель поставил ему оценку 4+, добавив: «Лучше других»¹.

Что интересовало подростка из традиционной бурятской семьи? Сэмюэл Смайлс (1812–1904), шотландский писатель и реформатор, известен книгами нравственно-философского характера, изобилующими фактами биографий великих людей. Главная книга Смайлса «Self-help» (в русском переводе «Самодетельность») издавалась с 1866 по 1903 год десять раз². Большой интерес привлекла поднятая Смайлсом проблема роли трудностей в жизни: их преодоление играет благотворную роль в развитии людей. Особое внимание Смайлс уделял влиянию характера, нравственных принципов человека на его жизненный путь, на достигнутое им положение и успехи в том роде деятельности, который он избрал. На страницах книги 17-летний бурятский юноша встретил европейцев, чей характер и жизненный путь достойны подражания. Среди них – полководцы А. Македонский, Ю. Цезарь, герцог Веллингтон, писатели и мыслители Монтень, Шекспир, Сервантес, художники Леонардо, Тициан, Микеланджело, гуманисты и религиозные деятели Э. Роттердамский, Кальвин, Т. Мор, Лютер. Другие энтузиасты

1 Описание личного архива Ц. Ж. Жамцарано. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 26. Ссылка на: Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 9а-20а.

2 Смайлс С. Самостоятельная деятельность. М., 1888; он же. Долг = Duty. 2-е издание. М. – СПб.: Тов-во М. О. Вольфа, 1914.

искали сходные примеры в родной среде. Номто Очиров в 1908 г. записал песни ойратского эпоса «Джангар» в исполнении джангарчи Эльян Овла и в 1910 г. издал отдельной книгой¹, тем самым сделав героический эпос достоянием мировой культуры. Очиров писал в предисловии: «...чтобы их читали люди нынешнего поколения, их дети и далекие потомки, чтобы песни эти служили предметом душевного восторга и воодушевления».

Немало примеров подобных кругосветному путешествию будущего чрезвычайного комиссара Тургайской степи Алиби Джангильдина. Стремление к новому, желание увидеть другую жизнь увлекло за собой в неповторимый поход вокруг света казахского молодого парня. Целью путешествия было не только уйти от обыденной суеты и несправедливой, на его взгляд, жизни в то время, но и раскрыть себя как личность. «Я провел в жизнь задуманное мною кругосветное путешествие, – писал он, – и пешком прошел Польшу, Австро-Венгрию, Сербию, Болгарию, Турцию, Палестину, Африку, Египет, Абиссинию. На жизнь зарабатывал, делая фотоснимки проходимых мест и продавая их за хорошую цену. Обрато прошел через Аравийский полуостров, Месопотамию, Персию, Индию, остров Цейлон, Малайский архипелаг, Индостан, Сиамское королевство, Анаму, южную часть Китая, остров Формоза, в 1912 году прибыл в Японию. Таким образом, за пять лет я прошел 12 тысяч верст»². С. Х. Агурский из Гродненского хедера из-за участия в революции 1905 г. оказался в эмиграции (сначала в Великобритании, затем в США). Он начинал портным, сотрудничал в еврейских социалистических изданиях на идиш и стал одним из создателей Чикагского еврейского рабочего института, в котором эмигранты из Восточной Европы получали образование³.

Туркестанский генерал-губернатор А. Самсонов выделял «страсть к европейскому образованию» местной элиты. В 1913 г. он писал: «В высокой степени честолюбивые от природы, с необычайной жадностью возвыситься до положения русского чиновника, офицера или человека свободной профессии (вроде врача, адвоката и пр.), киргизы стремятся

1 В Петербурге при содействии профессора В. Л. Котвича.

2 *Джангильдин Ч. А.* (сост.). Алиби Джангильдин. Документы и материалы. Алматы, 2009.

3 Подробнее см.: *Красовицкая Т. Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности. Октябрь 1917–1924. М., ИРИ РАН, 2005; *Агурский М.* Пепел Клааса. Иерусалим, 1996. http://krotov.info/library/01_a/gu/rsky_05.htm

всеми фибрами своей души выйти из своей веками сложившейся патриархальной среды и приобщиться, хотя бы наружно, к среде своих господ – русских». Но, подчеркнул он, образованная часть «противится» «введению русского языка в школах и здесь же культивируется противодействие всем начинаниям правительства, клонящимся к ассимиляции... обособленного мусульманского мира»¹.

Сохранились и данные о той цене, которую платили за свою «страсть» представители элит. Приведем письмо к Н. Усуббекову его отца: «Дорогой сыночек, я долго терпел, но наконец-то выскажусь. Нуждаясь, залезая в долги, я смог дать тебе хорошее образование. Завершив учебу, ты вернулся домой и стал начальником городского управления по провианту. Опять я заботился о тебе. От меня ты требовал только денег. Потом ты стал министром просвещения Сейма в Тифлисе. Твоей зарплаты снова не хватало. Несколько раз просил денег, и я отправлял. Затем вы провозгласили независимость Азербайджана, и ты стал министром просвещения нашей республики. Работал в столице – Баку. Снова твоя зарплата не покрывала твои расходы. Просил денег, и я всегда отправлял. Продал часть принадлежавшей мне земли. Сегодня ты премьер-министр, руководитель государства. Неужели и сейчас камыш для забора твоей дачи я должен купить?»²

Д. А. Батиев, лидер движения среди коми-зырян, позднее писал А. С. Енукидзе: «Я учился один коми среди русских и постоянно вызывал среди них смех и издевательство своим незнанием русского языка и обычаев и до 20-ти лет я был среди русских “диким”, что породило во мне вражду ко всему русскому, и я стал страшным националистом и все свои знания решил употребить на освобождение своего народа от национального гнета»³.

1 Аманжолова Д. А. Казахское общество в 1-й четверти XX века: проблемы этноидентификации // <http://www.kyrgyz.ru/?page=300/>

2 Шейхзаманлы Н. Воспоминания о борьбе за независимость Азербайджана. Баку, 1997. С. 112-113 (на азерб. яз.). Усуббеков Насиб-бек (1881-1920). Окончил гимназию в Елисаветполе, поступил на юридический факультет Новороссийского университета. В июне 1918 г. занял пост министра народного просвещения и по делам вероисповеданий Азербайджанской республики. Эту должность он занимал и при образовании третьего кабинета в декабре 1918 г. Премьер с апреля 1919 до марта 1920 г., возглавлял четвертый и пятый кабинеты, в составе которых по совместительству исполнял и обязанности министра внутренних дел.

3 Жеребцов И. Л. Создатели Коми автономии / Жеребцов И.Л., Сметанин А. Ф., Таскаев М. В., Жданов Л. А. Сыктывкар, 2006.

Беглый абрис состава национальных комитетов показывает: «кадровые» ресурсы у многих этносов имелись, в каждом были представители и первой, и второй, и третьей из выделенных нами групп. В подавляющем большинстве оказалось, как уже показано выше, что в состав национальных комитетов вошли люди не случайные. Членами УЦР, Икомуса, Милли Идарэ и т.п. стали известные историки, писатели, юристы. Но они сильно отличались уровнем и наличием политического опыта. Среди них разворачивалась борьба за личное лидерство, опыта же у тех, кто ввязывался в нее, в конкретных исторических условиях не было. Тем интереснее их личности, ставшие героическими для своих этносов.

С. В. Яров признал важную особенность 1917 г., ее тщательно «обходили» в советский период исследователи: «Националисты не воспользовались Советами, подозревая их как проводников русского влияния»¹. А. Т. Цаликов от Всероссийского мусульманского совета особо отметил, что мусульманские народы не участвуют в Советах: на окраинах они состоят из «пришлого элемента»². Передавать им дела он считал невозможным. 10 апреля 1917 г. М. Чокаева (делегата от Перовского уезда Сырдарьинской области) на заседании Туркестанского краевого съезда представителей исполкомов общественных организаций уязвила первая сказанная фраза: «Мусульмане должны довольствоваться тем, что дадим им мы, русские», «туземцы» не должны предъявлять чрезмерных требований. Это заявил с трибуны съезда тамошний социалист-учитель. Официальная советская историография замалчивала общероссийскую ориентацию социалистов³.

Со стороны Советов уровень управленческого контроля был низким. Исходя из численности национальных комитетов, созданных активистами этнических сообществ, они вполне конкурировали как связующее звено между имперским прошлым и новой демократической государственностью, для нее писались новые законы, формулировались новые правила жизни. Но признавалось между тем подобное тому,

1 Яров С. В. Новейшая история России 1917–1991. СПб., 1998. С. 51. Это подтверждает и С. М. Исхаков. См. его: Русская революция 1917 года и тюрки Центральной Азии / www.tatar-history.narod.ru/azia-tyrk.htm; Pipes R. The Russian Revolution. New York, 1991. P. 275, 281; Янов А. Русская идея и 2000-й год. New York: Liberty Publ. House, 1988.

2 Речь. 1917. 19 сентября; Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 414.

3 Исхаков С. М. Русская революция 1917 года и тюрки Центральной Азии. <http://www.analitika.org/ca/history/2288-20050608021244516.html>. Ссылка на: ЦХИДК. Ф. 461. Оп. 1. Д. 417. Л. 128–129; Ф. 1358. Оп. 3. Д. 456. Л. 12; Злоказов Г. И. Большевикско-эсеровский ВЦИК советов в 1917 г. М., 1997.

что: «Русский народ, – заявили студенты-молдаване в Киеве 28 апреля 1917 г., – кладет и перед нами [...] на стол белую бумагу, чтобы мы записали на ней все наши желания»¹.

Культура сама по себе – *инструментальный механизм*, система объектов, действий и установок. Составляющие ее институты – средства для некоей цели. Появление национальных комитетов дает основание, конечно, выделить претензии этнических элит на правовой статус для реализации управленческих функций. При анализе локальной ситуации внимание исследователей на таком «вертикальном» конфликте и сосредоточивается, как наиболее очевидном.

Но рассмотрим проблему и с психологической точки зрения, памятуя, что самые черные страницы политической истории человеческого общества писаны с учетом психологических особенностей политиков. С таких позиций не стоит ограничиваться только вниманием к противостоянию «центр – этнические элиты». В учет войдет и болезненная реакция научных элит, имевших большое влияние во Временном правительстве. Это не только правоведы Юридического совещания, но известные историки, филологи, востоковеды. Они были связаны и профессиональными связями с учеными в российской провинции, в тех местах, где начинали активничать те или иные национальные комитеты.

Во-первых, многие этнические активисты стремились попасть в центральные структуры власти. Их не удовлетворяли отказы и отложенные обещания новой власти. Они считали, что у каждой культуры есть своя судьба или предопределенная жизнь. Многие активисты умело перемещались в центр событий, усиливая пафос идеологических лозунгов для продвижения собственного политического, символического, информационного продукта. Они стремились выразить себя в различных формах, способах, масштабах деятельности уже не только в ракурсе «центр – этническая периферия» (пример С. Максуди и др.). Это поле ширилось благодаря деятельности различных этнических антрепренеров и политиков. Они сталкивали соперничающие этноцентристские версии². «Буйными днями восторга» называл этот период известный еврейский политик М. М. Винавер. Очевиден «энергичный разлив национальной активности! – разделяет такую оценку А. Солженицын. – Все это особенно впечатляет на фоне общероссийской государственной, хозяйственной и культурной растерянности

1 Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С. 367.

2 Селевич Ю. Л. Грушевский. Мифы // Наука и техника. 2007. № 7 (14).

1917 года»¹. Дочь С. М. Дубнова выделяет другие записи в отцовском дневнике: «Что-то странное в этой революции: как в погоде нынешней – весеннее солнце и суровый зимний холод. *Есть свет, но нет тепла*»². Сам по себе процесс был, как заметил один из наиболее тонких современных российских историков А. Я. Гуревич, «не складом фактов, а творческим процессом»³.

Во-вторых, важна и «сочетанность» конфликтов (по вертикали и по горизонтали), «облучающих» друг друга с разных аспектов, не «продюсируемых» кем-то извне, и реакция на них в общероссийском масштабе.

В-третьих, изложенных выше фактов достаточно, чтобы задаться вопросом: что в событиях 1917 года оказалось важнее: конфликт национальных комитетов с Временным правительством или конфликты между этническими элитами? Другими словами, *конфликт структур власти разного уровня (назовем его конфликтом по вертикали), конфликт между разными этническими элитами (назовем его конфликтом по горизонтали)? Или конфликт личностный (плоскость развития которого трудно определить и, тем более, предугадать направление его развития)?* Важно рассмотреть смысловую и человеческую историю российских национализмов, вывести само это слово из-под инерций его привычного прочтения. Они неминуемо идеологичны, а следственно, неглубоки, пристрастны, однобоки и в конечном счете обречены на искажение своего предмета⁴.

Один из первых социопсихологов В. Макдугалл обратил внимание на «инстинкт драчливости» элит. Для исследователя это означает: людям авторитарного типа характерно завышать оценки собственной группы. Социологи, политологи и этнологи, стремясь выделить конфликт из близких к нему социальных феноменов, часто рассматривают его исключительно как столкновение несовместимых интересов. Поиск «козлов отпущения» в ходе конфликтов осуществляется с помощью механизма социальной каузальной атрибуции⁵. Но внимание

1 Солженицын А. И. Двести лет вместе (1795–1995). В 2-х т. Т. 1. М.: Русский путь, 2001.

2 Дубнова-Эрлих С. Жизнь и творчество С. М. Дубнова.

3 Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2/3. С. 31. См. также об этом: Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003.

4 Тесля А. Первый русский национализм... и другие. М.: Европа, 2014. 280 с.

5 Каузальная атрибуция заключается в интерпретации, приписывании причин действий другого человека в условиях дефицита информации о действительных причинах.

к пересечению личных и политических границ позволяет нам смотреть на историю без националистических или империалистических шор. Правда в истории никогда не сосредоточена на какой бы то ни было одной стороне. У оппонентов, даже непримиримых, всегда отыщутся общие культурные основания. Их спорящие стороны слишком часто склонны не замечать.

Подходы этнопсихологов подтверждают мемуаристы – очевидцы событий. Известны конфликты за личное лидерство в украинской Центральной раде, в тюркских сообществах – С. Максуди и А.–З. Валидова, А.–З. Валидова и Ш. Манатова, и не только их, – имевшие далеко идущие последствия уже в советской практике. С. Максуди строил систему управления исламским сообществом тюркских этносов. Модель государства, разработанная А. Валидовым, предусматривала создание в России многонационального федеративного светского государства, построенного на широкой демократической основе. Федерализм в его политико-правовых воззрениях рассматривался как идеал государственного устройства России и как протест против национальной и социальной несправедливости. К важнейшим компонентам государства А. Валидов относил республиканскую форму правления, разделение властей, отделение государства от церкви, многообразие форм собственности, местное самоуправление. В качестве признаков демократического режима он рассматривал: многопартийность; наличие избирательных прав, основанных на принципах равенства, гласности, независимости от социального и имущественного положения, пола; участие представителей различных национальностей в управлении государством; независимость печати. Даже в 1934 г. Валидов продолжал возмущаться «господами Садри Максуди и Гаязом Исхаки». Они «в России в начале революции 1917 года от всей души оказали сопротивление движению Азербайджана, Туркестана, киргизов и башкир за автономию и независимость и превратились в их врагов... Садри Максуди на мартовском съезде кадетской партии Милюкова, где он состоял членом, выступил с речью, уверяя собравшихся от имени российских мусульман в верности и послушании, обещал отговорить тюрков Туркестана от движения за автономию, и, несмотря на то, что представители российских мусульман, находящиеся в Петербурге, в ответ на такое заявление опубликовали в газетах протест, в числе представителей кадетской партии Садри-бей был послан в Туркестан и до его отъезда оттуда среди местных тюрков занимался

бесполезными уговорами о том, что следует ограничиваться лишь вопросами религиозного управления, благотворительных фондов и медресе, а других “опасных” вопросов не касаться»¹.

В ходе подготовки и проведения I Всероссийского мусульманского съезда 1917 г. в Москве А.–З. Валиди называл Г. Исхаки нечестным человеком, ведущим политическую борьбу закулисными методами: «Только из Башкортостана прибыло около 50 делегатов. Были представлены и многие другие регионы. Ахмет Цаликов, Шакир Мухаммедьяров, Гаяз Исхаки постарались вызвать из Казани людей сверх нормы представительства и надеялись, что они выступят против федерализма. Сообразив, что казанцы, как и туркестанцы, представители Азербайджана и крымских татар, будут также отстаивать идею федерализма, Гаяз Исхаки и его сторонники затеяли встречи с делегациями регионов по группам, попытались дискредитировать Мухаммад-Амина Расул-заде, меня и других противников унитаризма»².

Гаяз Исхаки же считал, что А.–З. Валиди – очень амбициозный человек и очень недалекий политик. Мотивы конфликтов Валиди с другими деятелями, как он считал, в стремлении занять руководящий пост: «Заки Валиди, сформировавшийся благодаря материальной и духовной поддержке Гумера Терегулова, ставший человеком, которому уже не стыдно появиться на людях, вместе с провокатором Шарифом Манатовым, обидевшись на то, что их не избрали в Центральный комитет I Всероссийского съезда, подбрасывает на политическую арену “башкирский вопрос”. Чтобы воспитать в башкирах вражду к татарам и разрушить не только национальное единство, но и даже религиозное единство, он пытается организовать нечто наподобие башкирского муфтията... Гумер в этом вопросе очень твердо стоял на позициях сохранения национального единства. Гумер своей твердой позицией вызвал к себе ненависть Заки Валиди и Манатова. Хотя Гумер получал от этих остолопов (жюлярляр) множество писем с угрозами убийства, тем не менее, он не отказался от своей позиции»³.

«Невежды, поднявшиеся выше уровня своей неграмотной стихии... почитают себя призванными учить весь мир», – вторил

1 См: *Валиди Ахмед-Заки*. Семнадцать занесенных песком городов и Садри Максуди-бей. Пер. Амира Юлдашбаева (Отрывки из статьи, написанной в Турции в 1934 году). <http://bp01.ru/public.php?public=931>

2 *Валиди Тоган Заки*. Воспоминания. Кн. 1. Уфа, 1994. С. 181.

3 *Исхакий Гаяз*. Гомэр бэк Тэнгриколый вафат // Эхо веков. 1997. № 3/4. С. 191–192.

Исхаки М. Чокаев об А.–З. Валидове. Он отмечал его склонность ко «лжи, коварству, лицемерию и провокации»¹.

Сторонник Максуди Г. Исхаки в 1917 г. публично назвал Валидова молодым амбициозным человеком, раскалывающим тюркское единство². М. Чокаев считал Тынышпаева «исключительно бездейтельным»³.

Башкиру Валидову казалось, что татарин Максуди с помощью языка, культуры, религии, кадров новой формации преследует цель укрепить посредническую роль лишь состоятельных татар в жизни нового российского государства. В этом неверном ракурсе серьезные опасения элитам и других национальных окраин внушал вопрос о направлении деятельности Всероссийского мусульманского совета. На заседании совета 28 июня представитель Северного Кавказа председатель Ингушского национального совета В.–Г. Джабагиев⁴ открыто

1 Из истории российской эмиграции. М., 1999. С. 91; *Булдаков В. П.* Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29–45.

2 Лишь незадолго до смерти Г. Исхаки А.–З. Валидов признал ошибку (Ергин Ю. В. Аллабирде Ягафаров – первый нарком просвещения малой Башкирии // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 6).

3 *Исхаков С. М.* Русская революция 1917 года и тюрки Центральной Азии.

4 Джабагиев Вассан-Гирей (1882–1961), учился в Дерптском политехническом институте, затем в сельскохозяйственном институте в Йене, в Германии. Служил в департаменте земледелия Министерства земледелия. Джабагиев в статье «Что нужно Кавказу?» писал: «Все зло, все аномалии и недочеты кавказской жизни, в конечном результате должны быть сведены к одной причине: к административно-правовому неустройству управления краем. Только при коренных преобразованиях в этом заколдованном кругу возможно приступить к созидательной, мирной, культурной работе... Против нашей хронической болезни ... имеется только одно средство – это дарование Кавказу автономного самоуправления. Конечно, последнее должно быть построено на таких началах, чтобы не повредить принципу целостности и единства нашего великого отечества. Кавказ не хочет окончательно разрываться с Россией, которая дала ему уже начатки культуры и промышленного прогресса, да он и не способен к отдельному политическому существованию. Тысячи причин заставляют да и заставят его в будущем держаться за метрополию. Он хочет только освободиться от русского чиновничества, чуждого ему по духу, воспитанию, крови и симпатиям: он... хочет свободно развиваться... и свободно же принять участие в общей культурной работе человечества... Без этого условия заглухнут моральные силы и Кавказа, а у него их много, очень много, более чем у какой-либо другой страны в мире». Во временный ЦК (Горское правительство), избранный съездом, вошли вместе с Джабагиевым Тапа Чермоев, Басят Шаханов, Пшемахо Коцев, Рашидхан Капланов, Нажмутдин Гоцинский, Башир и Абдусалам Далгаты и др. Важно отметить, что эта северокавказская политическая элита (за исключением Н. Гоцинского) в качестве

заявил: «Мы, горцы Северного Кавказа, признаем только чистых националистов. Основное стремление наше – федеративная республика... Нас больше интересуют вопросы национальные, вопросы же социальные мы решим сами, когда получим федерацию». Джабагиева поддержал от азербайджанской делегации Ф. Хойский, заявив: «Разрешение национальных политических вопросов является основной задачей Всероссийского совета»¹. Представители нацокраин стремились подчинить деятельность совета решению вопросов, связанных с созданием национально-территориальных автономий, но не встречали полного понимания со стороны мусульман внутренних губерний. Джабагиев «продвигал» межэтнический общекавказский интегризм, долгое время питавший северокавказскую элиту.

Ш. Манатов, избранный вопреки желанию Валидова председателем Центрального башкирского шуро, не обладал должным опытом и собственными представлениями на этот счет в отличие от поддерживаемого Валидовым адвоката Ю. Бикбова. В трактовке типологии государства А.-З. Валидов – сторонник цивилизационного подхода. По его мнению, основными критериями разделения государств на типы являются духовные, исторические, культурные признаки (наука, нравственность, право, религия).

Н. Н. Козьмин в 1926 г. считал, что М. Богданов – автор многих документов об автономии Бурятии – «не был человек толпы с ее стихийными интересами и влечениями. Он всегда сохранял свою индивидуальность... самостоятельность. В своих поисках знания он также имел собственную цель, собственную программу». Это – крупный общественный деятель, интересовавшийся не только проблемами бурятской жизни, но вопросами сибирского, российского и мирового значения, личность «с практическим уклоном

объединительной платформы всех народов Северного Кавказа и Дагестана провозгласила не ислам, а политико-экономические интересы и устремления кавказских народов и общность их исторических судеб и традиций (Санкт-Петербургские ведомости. 1905. № 236). В Союзе горцев Северного Кавказа Джабагиев готовил проект школьной реформы с всеобщим, бесплатным, обязательным начальным образованием, особенно женщин; с изучением сразу нескольких языков. В 1917 г. в Петрограде участвовал в работе комиссии по реализации инициативы Временного правительства по введению земства (т.н. Комиссия Веселовского). С 1920 г. в эмиграции. Жил во Франции, в Польше, с 1938 г. осел в Турции.

¹ Муханов В., Волхонский М. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М.: Европа, 2007.

и активным темпераментом». Т. М. Михайлов считал Богданова «блестяще образованным и воспитанным человеком, знавшим многие европейские и восточные языки... с мнением которого считались по всей Сибири»¹. Богданов противился выдвигаемому Ц. Жамцарано «монгольскому» аспекту бурятского наследия. Г. В. Оглезнева пишет – Ц. Жамцарано считал, что европеизация необходима и полезна, но следует сохранять лучшее из национального наследия, в частности религию (буддизм) и старо-монгольскую письменность. Богданов не возражал против такой перспективы, но не верил в ее возможность. Их полемику наиболее емко охарактеризовал Н. Н. Козьмин в 1920-х гг., сравнив с расколом русской интеллигенции на славянофилов и западников и определив одно течение как монголофильское, а другое – как западническое². Из членов Бурнацкома Барадин вместе с Гомбоевым и Ринчино создал в Агинском аймаке общество национального культурно-политического самоопределения бурятского народа (Бурнацкульт). Еще во время учебы Ринчино собирал материалы по бурятскому языку и фольклору и вместе с учителем Н. Амагаевым совершенствовал бурятский алфавит, созданный в 1905 г. А. Доржиевым. Они же издали Новый монголо-бурятский алфавит. В 1915–1916 гг. Ринчино, после экспедиции в Монголию, написал ряд работ³, заведовал статистическим отделом в Чите.

Во многих этнических элитах сформировалось разделение, напрямую зависящее, во-первых, от политического самосознания поколений элит. По убеждениям большинство были автономистами-федералистами, сторонниками автономии в составе России. Гораздо меньшей частью были самостийники – сторонники немедленного провозглашения независимости.

Пограничные области, «не смешивающиеся», а скорее «сколачивающиеся» из разных социокультурных кусков империи, вызывали «культурные столкновения». Они «высекали искры» и «создавали высокую температуру».

---

1 В 1919 г. Богданова сожгли в паровозной топке заживо.

2 Оглезнева Г. В. М. Н. Богданов – личность на перекрестке культур рубежа XIX–XX вв. / Культура и интеллигенция России между рубежами веков: Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX в. – начало XXI в.). Омск: ОмГУ, 2003.

3 Например, «Шаманство в Монголии» и «Экономические районы Монголии».

2.3. Стихийный федерализм национальных комитетов

Как бы ни складывался курс трансформации Российского государства, стороной конфликта по поводу власти на этнических территориях выступили этнические элиты. Участились случаи отстранения, замены или неприятия посланцев из центра. Часто губернские комиссары действовали без назначения правительства, уездные комиссары – без назначения губернских. Иногда они избирались раньше назначения, и правительству приходилось признавать их. При этом они далеко не всегда являлись председателями земских управ, среди них нередко встречались судебные следователи, присяжные поверенные, преподаватели гимназий, лица свободных профессий или даже студенты. «Создание института губернских комиссаров шло как-то помимо правительства», – пишет Т. М. Баженова. Никакой четкой системы управления не было, а о существующей комиссары не всегда сообщали правительству. С апреля оно предприняло анкетирование губернских и уездных комиссаров, которое не завершилось и в августе, охватило далеко не все губернии. Материалы анкет крайне скудны и свидетельствуют не только о малой осведомленности правительства, но также и о чрезвычайно слабой и неоформленной власти комиссаров¹.

Национальные комитеты начали образовываться, по сути, как *исполнительные*, что важно подчеркнуть, *органы власти*, также не имевшие «рамочных» установок о формах своего устройства, характере и нормах деятельности. Таким образом, они не имели четких форм устройства и сами определяли характер, нормы и сферы деятельности. В большинстве своем это были *реактивные импровизации в сложной, постоянно меняющейся ситуации, в стихийно складывающемся российском федерализме*. В формировании комитетов преобладала *демократия как одна из форм правления элит*. Но лидерские позиции занимали те, кто начинал активно выдвигать практические проекты взаимодействия с центром.

1 Гайда Ф. Механизм власти Временного правительства (март – апрель 1917 г.) // Отечественная история. 2001. № 2. С. 141–153; Баженова Т. М. Институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства / Сб. уч. трудов Свердл. юрид. ин-та. Вып. 44. Свердловск, 1975. С. 75; ГА РФ. Ф. Р-1788. Оп. 2. Д. 64. Всего существуют анкеты 19 губерний (в основном европейской части империи; материалы по некоторым уездам отсутствуют) и 3 областей.

В отличие от дискуссий на зарубежных форумах¹, носивших радикальный характер, внутрироссийский процесс изначально не имел характера отторжения инокультурных территорий. В фокусе его – поиск форм управления ими, установления границ расселения того или иного этноса для инициации созревших в какой-то мере в качестве в лучшем случае автономного образования. Процесс совмещался с поиском консенсуса в отношении будущего направления развития, идентичности страны либо в качестве демократического национального государства, либо в качестве неоимперского образования.

Федеральный характер межэтнической солидарности и поддержки носил процесс формирования национальных комитетов на Северном Кавказе. Казалось бы, он должен был привлечь особое внимание Временного правительства в аспекте выстраивания некоего баланса отношений центра с периферией.

Уже в апреле созданы национальные советы горских народов. Кабардинцы и балкарцы в Нальчике создали свой исполнительный комитет, в котором работал П. Коцев². Карачаевский исполнительный комитет возглавил Ахмат Байрамуков³, сын учителя и директора высшего начального училища кадия М. Байрамукова. Вскоре его место занял представитель духовенства Хамзат-Хаджи Урусов. В Теберде в комитет вошел С. Байчоров⁴, из круга известного карачаевского просветителя, энтузиаста народного просвещения И. Крымшамхалова, в Учкулане – М. Кочкаров. Сформирован орган национального

---

1 О них см. гл. 3.

2 Коцев Пшемахо (1887–1962) – кабардинец, предприниматель, из знатной семьи. Учился в Санкт-Петербурге на востоковедческом, потом – на юридическом факультете, окончил в 1910 г. С марта 1917 – член Временного ЦК горцев и член Нальчикского исполнительного комитета. С мая 1917 – заместитель председателя ЦК Союза горцев, председатель Терского областного исполнительного комитета. С 1 декабря 1917 – министр общественного спокойствия Терско-Дагестанского правительства. С мая 1918 г. – министр внутренних дел Горского правительства. С осени 1918 – премьер-министр и министр внутренних дел. С 1919 – в эмиграции в Турции и Франции. В 1960 г. выпустил в Стамбуле книгу «Страницы из истории революции и гражданской войны на Северном Кавказе». Умер в 1962 г. в Стамбуле.

3 Байрамуков Ахмат Магомедович (1867–1918), общественный деятель, старшина аула Хурзук, возглавлял (апрель – август 1917 г.) гражданскую администрацию Карачая.

4 Байчоров Солтан-Хаджи – общественный деятель Карачая, за участие в аграрных волнениях в Теберде находился в ссылке в Сибири.

самоуправления – Чеченский народный исполнительный комитет из 45 человек. Председателем исполкома стал известный адвокат и публицист А. М. Мутушев¹, его заместителем – предприниматель М. К. Абдулкадыров, комиссаром Грозненского округа – бывший депутат I и II Государственной думы Т. Э. Эльдерханов, помощниками председателя – журналист и адвокат Д. Д. Шерипов, юристы И. Д. Арсанукаев и З. Гисаев².

Северокавказский пример оказался не единственным. В апреле в Баку для участия в I Общекавказском мусульманском съезде отбыл чеченский адвокат А. М. Мутушев. Там он возглавил специальную секцию «по организации сил кавказских мусульман». Мутушев выступил с докладом, по которому принято постановление о *создании двух центральных комитетов кавказских народов: для Северного Кавказа и Дагестана и для Закавказья*.

Формирование северокавказской структуры продолжил Первый Горский съезд во Владикавказе, объявив 1 мая 1917 г. о создании Временного Центрального комитета объединенных горцев Северного Кавказа.

Председательствовал на съезде Б. Шаханов. В состав президиума съезда вошли: Магомет Абуков (от кубанских черкесов и караеуцев), Басият Шаханов (от балкарцев), Пшемахо Коцев (от кабардинцев), Ахметхан Мутушев, Тапа (Абдул Меджид) Чермоев и генерал Тонта Укуров (от чеченцев и ингушей), князь Рашидхан Капланов (от кумыков, караногайцев и туркмен Ставропольской губернии), Бек-Мурза Исаев (от ставропольских ногайцев), Константин Борукаев и Николай Джюев (от осетин), Башир Далгат, Магомет Далгат, Абдулкадыр Эфендиев, Саид Габиев и Зубаир Темирханов (от дагестанцев).

С основными докладами выступили Б. Шаханов, Р. Капланов (по организационному вопросу), В.-Г. Джабагиев, М. Абдулкадыров (по религиозному вопросу), А. Эфендиев (по земельному вопросу) и С. Габиев (по вопросу развития просвещения и образования). 5 мая съезд одобрил доклад Капланова о создании Союза объединенных

1 Мутушев Ахмад Магомедович (1879–1943). Политический и общественный деятель, публицист. Умер в лагере от легочной болезни (См.: Он вырван был из жизни тесной... / Знаменитые чеченцы: исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 2 / Автор-сост. М. Гешаев. М.: Мусаиздат, 2005. С. 277–303).

2 Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.); Горская республика (1918–1920 гг.) (Документы и материалы). Махачкала, 1994. С. 17.

горцев Северного Кавказа и Дагестана и утвердил представленный им проект организации Союза. 6 мая 1917 г. приняты резолюции об отношении к Временному правительству, к войне, по земельному вопросу, о представительстве в Учредительном собрании и пр. На съезде проблема автономии не стояла в плоскости немедленной практической реализации или хотя бы провозглашения. Эта проблема напрямую связывалась с решением будущего Учредительного собрания. Один из основателей Союза Б. А. Шаханов¹ говорил: «Мы пойдем теперь рука об руку с великим русским народом, который провозгласил свободу и равенство всех народностей России. Различные народности России, объединенные в одно государственное целое, имеют свои культурные и национально-духовные особенности. Свободное государство даст возможность всем входящим в нее народностям устроить свою жизнь на началах полного самоуправления, самоопределения и автономии. Но пределы и характер этой автономии определяются Учредительным собранием, и расширение этих границ до желательных для отдельных народностей пределов дается не без борьбы с элементами, стремящимися к сохранению наибольшей власти за Центральным правительством в ущерб окраинам. Поэтому мы, горцы, должны явиться в Учредительное собрание во всеоружии как объединенная мощная организация для того, чтобы отстоять такую форму республики, которая даст нам наиболее широкое самоуправление, широкую автономию».

7 мая 1917 г. съезд утвердил Конституцию, Политическую платформу и программу Союза. В этот же день состоялись выборы его Центрального комитета и Духовного совета. ЦК Союза возглавил чеченский нефтепромышленник Т. Чермоев, воевавший в Кавказской туземной конной дивизии в чине штабс-ротмистра в должности

1 Шаханов Басият Абаевич (1879–1919). В 1889 г. учился в Александровском кадетском корпусе, в Военно-юридической академии. С 1910 по 1916 гг. – юриконсульт «Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ Балкарии». Занимался юридическим обеспечением различных сделок между жителями Кабарды, Балкарии, представлял их интересы в судебных структурах. Он преобразовал Нальчикскую горскую школу в реальное училище. Избран председателем I съезда горцев Северного Кавказа и Дагестана в начале мая 1917 г. Позже отошел от Союза горцев, который в декабре 1917 г. пошел на альянс с контрреволюционными верхами терского казачества. В конце 1917 г. Шаханов по рекомендации Дагестанского социалистического блока избран комиссаром Дагестана. В феврале – марте 1918 г. Б. Шаханов – участник II съезда народов Терека, провозгласившего Советскую власть в области. В феврале 1919 г. в Екатеринодаре скончался от тифа. См.: Исторический очерк о горских народах Кавказа в период мировой войны. Нальчик, 2006. С. 46.

адъютанта Чеченского конного полка. Союз объединенных горцев Кавказа с санкции съезда обрел фактически статус местного национального правительства. Союз действовал как высший представительный и исполнительный орган власти народов Северного Кавказа с мая по конец ноября 1917 г. Хотя он декларировал лояльность Временному правительству, начали проявляться тенденции к сепаратизму с исламистскими идеями. На первых порах ведущую роль играла интеллигенция¹. В Комитет вошли влиятельные представители этнических северокавказских элит, мусульманских, при этом не только тюркских – карачаевцев, балкарцев, кумыков, караногайцев, туркменов Ставропольской губернии, ставропольских ногайцев, но и кубанских черкесов, чеченцев и ингушей, осетин и дагестанцев.

Заместителями председателя ЦК Союза объединенных горцев избраны Рашидхан Капланов (Кумыкия), Пшемахо Коцев (Кабарда), Башир Далгат (Дагестан), управляющим делами ЦК был Вассан-Гирей Джабагиев (Ингушетия). Дагестанскую секцию ЦК возглавил полковник князь Нух-Бек Тарковский (Дагестан). Комиссаром ЦК по делам горцев Кубани избран Султан Каплан-Гирей (Кубань), главным редактором газеты «Горская жизнь» – Ельбаздуко Бритаев (Осетия).

В административно-территориальном отношении ЦК Союза объединенных горцев непосредственно подчинил себе Дагестанскую область, горские округа Терской области (Назрановский, Нальчикский, Владикавказский, Грозненский, Веденский, Хасавюртовский), Ногайский участок Терской области, Кубанский Горский областной комитет и Кубанский Горский областной совет, исполнительные комитеты ногайцев и караногайцев Ставропольской губернии. Были избраны члены и кандидаты в члены ЦК. Так, по Дагестанской области членами ЦК избраны присяжный поверенный Башир Далгат из Владикавказа, из Темир-Хан-Шуры – инженер Магомед-Али Дахадаев, полковник, князь Нух-Бек Тарковский, инженер из Темир-Хан-Шуры Зубаир Темирханов, из Дербента – податный инспектор Али Гасанов,

1 См.: Первый горский съезд 1 мая 1917 года. Сост. Б. К. Далгат. Владикавказ, 1917; Владикавказская конференция Юго-Восточных областей 16–21 октября 1917 года. Владикавказ, 1917; Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.). Сборник документов. Вып. 2. Сост. В. М. Фомин. М., 1996; Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская Республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Отв. ред. А. И. Османов. Махачкала, 1994; Музаев Т. М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа. М.: Патрия, 2007.

инженер из Порт-Петровска Асад-Бек Абдулаев. Первые кандидаты в члены ЦК Тахо-Годи Алибек, помощник присяжного поверенного, Даидбеков Адиль-Гирей, инженер, Зульпугаров Абдулмежид, инженер, Гаитов Казанбий, инженер, с. Ботлих, Далгат Абдусалам, юрист, с. Маджалис, Куваршалов Сайпуддин, инженер (все, за исключением Гаитова и Далгата, из Темир-Хан-Шуры). Вторые кандидаты в члены ЦК: Шахсуваров Нур-Мамед, инспектор народных училищ, Темир-Хан-Шура, Габиев Саид, с. Кумух, Алкадарский Абдулкадыр, учитель, Порт-Петровск, Султанов Тагир, чиновник, с. Касумкент. По Терской области от кабардинского народа член ЦК Коцев Пшемахо, присяжный поверенный, Владикавказ, кандидат в члены ЦК Сохов Гузеир, судебный следователь, Нальчик; от балкарского народа члены ЦК Шаханов Басят Абаевич, присяжный поверенный, Владикавказ, Шакманов Таусултан, помощник присяжного поверенного, Владикавказ, кандидаты в члены ЦК Муллаев Магомет, инженер Владикавказской железной дороги, Урусбиев Ибрагим, капитан, Пятигорск; от кумыков, салатаевцев¹, ногойцев и ауховцев член ЦК Капланов Рашидхан, помощник присяжного поверенного, Владикавказ, кандидаты в члены ЦК Альбергоев Рауф, с. Хасавюрт, Селимханов Абдулатиф, с. Косрек; от чеченского народа член ЦК Тапа (Абдул Меджид) Чермоев, Владикавказ, кандидаты в члены ЦК Абдулкадыров Магомет, предприниматель, Грозный, Курумов Муса [инженер], Грозный; от ингушского народа член ЦК Джабагиев Васан-Гирей, агроном, Владикавказ, кандидаты в члены ЦК Альдиев Султан, прапорщик, Владикавказ, Темиев Садулла, землевладелец, Владикавказ; от осетинского народа член ЦК Бритаев Ельбаздуко, юрист, Владикавказ, кандидаты в члены ЦК Бутаев Асланбек, юрист, Владикавказ, Джиев Николай, педагог, Тифлис; по Кубанской области и Черноморской губернии от черкесов, абазинцев и горцев член ЦК Султан Каплан-Гирей, Баталпашинск, кандидаты в члены ЦК Нур-Бей, Яшев Эльдар, Кисловодск; от карачаевского народа член ЦК Эркенов Халит-Хаджи, с. Хираули Учкулан, кандидаты в члены ЦК Алиев Шахим, Хубиев Абдул, аул Карт-Джурт; по Ставропольской губернии от туркменского и ногойского народов член ЦК Муслимов Менгли-Булат, ставка Ачикулак, кандидаты в члены ЦК Ниязикеев Эреджей Али, с. Туркмен, Кенжемуратов Омар Эфенди, ставка Ачикулак.

1 Проживали на северной покатои Андийского хребта, соседи ауховцев (См.: Перечень последних военных событий в Дагестане (1843 год) // Военный сборник. 1859. № 2).

Духовный совет Северного Кавказа возглавил муфтий мусульман Северного Кавказа шейх Нажмутдин Гоцинский; членами Духовного совета по Дагестанской области избраны, помимо Гоцинского, Абдул Бассир-Кади Дадаев Казанищенский и Джамалуддин-Кади Карабудахкентский; по Терской области *от осетинского народа* Цаликов Абу-Бекир, *от ингушского народа* Актолиев Ильяс, *от чеченского народа* Хасан-Хаджи, *от мусульман Хасавюртовского округа* Абдул-Кагар-Хаджи, *от кабардинского народа* Шогенов Алихан (военный мулла Дикой дивизии); по Ставропольской губернии *от ногайского и туркменского народов* Тангатаров Абдусалык.

В сентябре 1917 г. на Втором горском съезде, который состоялся в ауле Анди (Дагестан), в состав Союза вошла Абхазия. Изменилось официальное название организации – *Союз объединенных горцев Северного Кавказа, Дагестана и Абхазии*. В октябре 1917 г. Союз объединенных горцев вошёл в состав Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, который объединил Войско Донское, Кубанское казачье войско, Терское казачье войско, Астраханское казачье войско, Союз объединенных горцев Северного Кавказа, Дагестана и Абхазии и Калмыцкий народ (в лице ЦИК по управлению Калмыцким народом). В ноябре 1917 г. ЦК Союза объединенных горцев принял решение о создании Горской автономии (Горской республики) на территории Дагестана и горских округов Терской области и о преобразовании ЦК в Горское правительство. Председателем правительства стал Тапа (Абдул Меджид) Чермоев. Одновременно заключен союз между Горским правительством Союза объединенных горцев и Войсковым правительством Терского казачьего войска и создано объединенное Терско-Дагестанское правительство, в которое вошла большая часть членов Горского правительства.

Согласно Д. А. Батиеву¹, «общество “Коми котыр” фактически было детищем П. А. Сорокина². Последний составил

1 Батиев Дмитрий Александрович (1896–1941). Инициатор создания в 1921 г. Автономной области коми (зырян). До июля 1917 г. левый эсер, в июне 1919 г. примкнул к РКП(б). В 1920 г. Батиев назначен заведующим Зырянским отделом Наркомнаца.

2 Сорокин (Sorokin) Питирим Александрович (1889, Турья, СССР – 1968, Уинчестер, штат Массачусетс, США), русско-американский социолог. Окончил Петербургский университет. Лидер правого крыла партии эсеров. После Февральской революции 1917 секретарь А. Ф. Керенского и главный редактор газеты «Воля народа» (1917). С 1919 профессор Петроградского университета. С 1922

и программу этого общества, которая впоследствии легла в основу программы Общества изучения Коми края». П. А. Сорокин считал необходимой автономию национальностей в пределах России. Он отмечал: «Народности культурные, достаточно многочисленные... должны получить... более полную автономию», а «малочисленные, неразвитые народы... начав с более ограниченных форм автономии, по мере культурного и политического созревания, будут расширять свои автономные права до тех пор, пока не установят их в полном объеме»¹. Эту позицию разделяли представители финно-угорских элит: Г. Е. Верещагин и К. П. Герд, занимавшиеся изучением удмуртов, В. П. Налимов, К. Ф. Жаков и А. С. Сидоров, писавшие о коми, М. Е. Евсевьев, изучавший этнографию и фольклор мордвы², В. М. Васильев, много сделавший для становления марийской этнографии. Марийцы В. Васильев и П. Глезденев, удмурты И. Михеев и Г. Верещагин, коми Г. Лыткин, мордвин М. Евсевьев и другие представители интеллигенции объединились в Общество малых (мелких) народностей Поволжья. Это был еще один (как и на Северном Кавказе) пример межэтнической солидарности элит. В Обществе активно работали 150 чувашей, 43 марийца, 26 крышен, 7 удмуртов, 2 мокши³. Один из активистов Общества педагог И. С. Михеев⁴ вспоминал: «Многие инородцы,

---

в эмиграции. С 1923 в США, в 1930 принял американское гражданство. В 1930–64 профессор, а затем заслуженный профессор Гарвардского университета, где организовал и возглавлял факультет социологии.

1 Сорокин П. А. Автономия национальностей и единство государства. Пг., 1917. См. также его дневник в: Питирим Сорокин. Грани жизни и творчества (Неизвестный Сорокин). М.: МИИС, 2009.

2 Шахматов А. А. О работах М. Е. Евсевьева // Отчет Императорского Русского Географического общества за 1915 г. М., 1916. С. 72–74; Осовский Е. Г., Зеткина И. А. Макарьев Евсевьевич Евсевьев: просветитель, ученый, педагог / Мордовск. гос. пед. ин-т. Саранск: Красный Октябрь, 2003.

3 Леонтьев А. П. Хыпар: Минувшее и настоящее. Факты. События. Личности. Судьбы. Чебоксары, 2011.

4 Михеев Иван Степанович (1876 – по разным сведениям, 1937, 1941 или 1944) – удмуртский писатель и педагог, методист по родному и русскому языкам в школе. Преподавал в педагогических учебных заведениях Казани, Душанбе, Йошкар-Олы. Разработал систему обучения нерусских народов грамоте на родном и русском языках. Курс обучения строился в форме «разговорных» уроков, которые начинались на родном и продолжались на русском языке. Свои приемы обучения Михеев назвал «методом целых предложений». Система Михеева широко применялась в школах Поволжья, Средней Азии, Сибири и Кавказа. Серия учебников и учебных пособий по обучению русскому языку. Необоснованно

работавшие до сих пор у других народов, вернулись для работ к своим собратьям, многие доселе скрывавшие свое инородческое происхождение, превратились в деятельных работников среди инородцев»¹. Удмуртскую секцию возглавил И. В. Яковлев. 15–22 мая в Казани состоялся I съезд Общества. От удмуртов по вопросу о власти выступил Т. К. Борисов², сторонник федеративного устройства Российского государства. К. П. Герд позже признавался: «Я мечтал о культурной, образованной удмуртской нации, какими бы путями это ни достигалось. Я был на стороне того правительства, той власти, которая бы создала условия для расцвета и возрождения моей народности»³. Организаторами Общества мари выступило марийское учительство и наиболее грамотные крестьяне. Всего образовано около 20 обществ, в основном в Царевококшайском уезде. Общества мари занимались культурно-просветительской работой, пытались присвоить себе функции органов местной государственной власти. К лету 1917 г. эти общества приняли активное участие в выдвижении посланцев

репрессирован (Бим-Бад Б. М. Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 382–383).

1 Цит. по: Павлов Н. П. Самоопределение, автономия: идеи, реалии. Ижевск: Удмуртия, 2000. С. 19–20. Подробнее о работе Общества в культурно-образовательной сфере в 1917 г. см.: Загребин А. Е. Казань: общественные инициативы по развитию этнографии удмуртов в первые советские десятилетия // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 3. С. 69–75.

2 Борисов Т. К. (1891–1943). Врач-венеролог, публицист, филолог. В 1912 г. поступил учиться на историко-филологический факультет Петербургского университета. Участвовал в студенческих подпольных кружках. В июне 1917 г. вступил в партию большевиков. Октябрьскую революцию встретил в Белоруссии. Участвовал в организации советской власти на Смоленщине. После разгрома колчаковских войск на территории Удмуртии организатор Всеудмуртского рабоче-крестьянского съезда в Сарапуле, на котором избран комиссаром по делам удмуртов при Наркомнаце. В 1920 г. организовал комиссариат по делам удмуртов в Сарапуле и был инициатором созыва Всеудмуртской конференции коммунистов-удмуртов, на которой принято решение об организации автономной области. Будучи заместителем председателя облревкома, занимал должность заведующего облоно, с 1923 по 1925 г. работал секретарем Калмыцкого обкома ВКП(б). 14 января 1933 г. арестован, осужден по т. н. «делу Герда». Сидел в Иркутском центральном, с 1936 г. отбывал заключение в Алма-Ате, с 1938 г. – в Кустанае. В 1940 г. вновь осужден. Отбывал наказание на Малгобекском свинцовом руднике. Умер 4 июня 1943 г. в Чимкенте. См.: Удмуртское национальное движение: связь времен. К 85-летию I Всероссийского съезда удмуртов. Ижевск, 2003; Павлов Н. П. Трофим Борисов. Ижевск, 1994. С. 304.

3 Как молния в ночи... К. Герд. Жизнь. Творчество. Эпоха. Ижевск, 1998. С. 181.

на первый съезд «Мелких народностей Поволжья» (более 500 человек). Он состоялся в Казани в мае 1917 г. и задал направление съездам отдельных народностей Поволжья. Съезд высказался за установление единой демократической республики с предоставлением самой широкой автономии: политической – тем народам, которые «имеют обособленное историческое прошлое», культурной – всем народностям; за переход к судопроизводству на «местном языке». Принято решение о формировании местного самоуправления и суда из выборных представителей «народностей данной местности»; о переходе к богослужению на родном языке и избрании церковнослужителей из представителей народностей. Съезд принял обширную программу культурно-просветительных мероприятий для народов региона, она включала развитие школ всех типов и профессиональных образовательных учреждений с преподаванием на родном языке, издание учебников на родных языках, самоуправление национальных школ, создание дошкольного и внешкольного образования для нерусских детей, меры по развитию литературы и искусства народов края¹. С 15 по 25 июля 1917 г. в Бирске состоялся Первый Всероссийский съезд мари. Председателем съезда избран солдат, бывший учитель И. Н. Коведяев (известный затем как публицист Умшар), член партии социалистов-революционеров. Большинство делегатов тоже были членами этой партии или придерживались эсеровской ориентации; среди участников съезда не было ни одного большевика или близкого к ним по политическим взглядам. В течение 11 дней на съезде шло обсуждение важнейших вопросов жизни марийского народа. При этом 6 дней заняли пленарные заседания, а 5 дней работа шла в 4 секциях (комиссиях). По предложению председателя Бирского общества мари В. М. Иванова решено создать в местах проживания мари национальные организации с целью проведения культурно-просветительской работы, для руководства ими образовать в Казани центральный орган (бюро). В организационную группу вошли П. П. Глезденев, С. Г. Гаврилов, В. М. Васильев.

1 Чувашская энциклопедия. Ст. о съезде В. Н. Клементьева. Протоколы I общего собрания представителей мелких народностей Поволжья. Казань, 1917. С. 11-13; Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским национальным съездом, состоявшимся в г. Симбирске с 20 по 28 июня 1917 г. Симбирск, 1917. С. 2-3.

Второй съезд мелких народностей Поволжья прошел 1–4 августа 1917 в Казани¹. По решению съезда общество преобразовано в Союз мелких народностей Поволжья, принят его устав. Председателем избран приват-доцент Казанского университета этнограф Н. В. Никольский². Форум принял решение о реорганизации ряда учебных заведений в национальные учительские семинарии, о включении в комитеты по народному образованию представителей национальностей. Съезд завершил работу принятием воззвания «Свободным гражданам Великого Отечества – братьям чувашам, мари, эрзе, мокше, вотякам, зырянам, пермякам и др.», в котором призвал к совместным действиям для сохранения и развития национальной самобытности; избрал от Союза мелких народностей Поволжья делегатом на Всероссийское государственное совещание Г. Ф. Алюнова³.

В силу того, что в марийском народе сохранялись языческие традиции внутренней самоорганизации этноса, большинство участников съезда настаивали на организационном оформлении издавна существовавшего механизма. В резолюции I съезда намечено формирование религиозной структуры, вплоть до создания Центрального духовного правления марийского народа в Бирске Уфимской губернии, и выборы жрецов в каждой марийской деревне⁴.

1 Корбут М. К. Марийское национальное движение на переломе // Мари Илыш. 1929. Вып.1.

2 Димитриев В. Д. Н. В. Никольский – чувашский ученый, просветитель, общественный деятель. Чебоксары, 1993.

3 Алюнов (Федоров) Гавриил Федорович (1876–1921) – чуваш, родился в крестьянской семье, окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу и симбирскую духовную семинарию. В 1905 г. вступил в партию эсеров, на съезде в Симбирске избран председателем комитета Союза чувашских учителей. Был членом редколлегии газеты «Волжский вестник» и чувашской газеты «Хыпар». В 1906 г. арестован, сослан в Тюмень, затем выслан за границу. В 1906–1909 гг. учился в Германии. По амнистии в 1909 г. вернулся в Россию, окончил Демидовский лицей, работал присяжным поверенным. С началом войны призван в армию, закончил Александровское военное училище, служил в запасном полку в Ярославле. В 1917 – председатель Ярославского Совета рабочих и солдатских депутатов, глава чувашского комитета ПСР в Казани. Организовал I общечувашский национальный съезд в Симбирске. Избран делегатом Учредительного собрания по Казанскому округу от съезда чувашских военных комитетов. После разгона собрания вошёл в состав Комуча, назначен особоуполномоченным по делам Чувашии. Принимал участие в Уфимском совещании. После упразднения уфимского правительства арестован колчаковцами, освобожден по просьбе руководителей Чехословацкого корпуса. В 1920 арестован ВЧК в Тобольске, доставлен в Казань. Умер в заключении от чахотки (Александров Г. А. Чувашские интеллигенты. Биографии и судьбы. Чебоксары, 2002).

4 Корбут М. К. Марийское национальное движение на переломе.

2.4. Религиозные аспекты федерализма

Важнейшей парадигмой национального дискурса оставалась включенность этноса в ту или иную религиозную систему. После Февральской революции в политическую жизнь включилась и мусульманская, и иудаистская, и буддийская общественность. На празднике Навруз-байрам в Баку оглашен текст телеграммы 30 мусульманских общественных организаций в Петроград Родзянко и председателю Мусульманской фракции К.–М. Б. Тевкелеву¹. В ней выражалась уверенность: «Возвещенные Временным правительством основы гражданской, политической, национальной и религиозной свободы и равенства всех граждан государства Российского будут отныне незыблемы, и мусульмане, освободившись от вековых гонений низвергнутого в прах режима, возродятся к новой светлой созидательной жизни в свободной России»². Телеграмму подписали главы будущих национальных правительств Ф. Х. Хойский, М. Э. Расулзаде и др.

Религиозный аспект включал в себя идеи панисламизма, панбуддизма, но соперничал с этнорегиональным или этноязыковым – с идеями, в свою очередь, пантюркизма или панмонголизма, финно-угорского единства и пр. Весомость того или иного концепта обосновывалась тесной привязанностью к общеисторическому контексту. В социальном пространстве идеи феноменизировались в политической форме. Это отражалось на формировании национальных структур, их целях, задачах, этническом составе (у мусульман) и пр. Чем более непохожими на Центр были формируемые в этнических регионах органы управления, чем разнообразнее были они по своей структуре, тем больше сочетали в своей форме различные традиции, уклады, ментальности.

Хотя этничность и становилась ведущей в процессах идентификации, а основными каналами – язык и культура, большое значение для этнической интеграции бурятская национальная элита придавала буддизму, с которым связывала надежды на возрождение, видя залог

1 Тевкелев Кутлу-Мухаммед Батыргиреевич (1850 – после 1917) – мусульманский общественный деятель, крупный землевладелец, полковник. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1889 г. гласный земского собрания Белебеевского уезда Уфимской губернии. Предводитель дворян Белебеевского уезда (1905–10, 1914–17). Депутат I–IV Государственных дум, председатель мусульманских фракций в III–IV Думах. В марте 1917 г. избран в Петрограде членом Временного центрального бюро мусульман России.

2 Баку. 1917. 10 марта.

успеха в приспособлении института буддийской церкви к изменившимся условиям. Изменения поддержала и новая власть, понимая его реальную силу в бурятском обществе. Так, в марте 1917 г. Временное правительство отменило Положение 1890 г. «Об изъятии духовных дел ламаистов Иркутской губернии из ведения хамбо-ламы» и постановило именовать ламаистов буддистами¹. Предпринимается попытка создания автокефальной буддийской церкви на всей территории проживания бурят. На II Общебурятском съезде в Гусиноозерском дацане принято решение, что во главе всего буддийского духовенства бурят Иркутской и Забайкальской области стоит выборный бандидо-хамбо-лама, общие вопросы духовенства и мирян обсуждаются на съездах, а между ними все вопросы решаются исполнительным коллегиальным органом – Центральным комитетом по религиозным делам в резиденции хамбо-ламы. О значении буддизма в этнокультурных процессах февраля – октября свидетельствует то, что из четырех общебурятских съездов, состоявшихся в 1917 г., три посвящены проблемам места и роли буддизма и его институтов в новых обстоятельствах жизни.

В Москве образовалась близкая к сионистскому движению «Мизрахи», основанному в начале XX века, партия «Масорет ве-Херут» («Традиция и свобода») во главе с будущим министром почт Государства Израиль М. Нуруком. В 1915 г. русское военное командование изгнало его вместе с другими евреями как «германских шпионов» из Курляндии. После Февральской революции 1917 г. М. Нурок в Москве занимал пост заместителя председателя еврейской общины города и принимал активное участие в помощи еврейским беженцам. В апреле состоялся учредительный съезд. Партия придерживалась идей религиозного сионизма. В мае состоялся съезд Общества любителей древнееврейского языка. В Петрограде образована близкая к «Агудат Исраэл» («Союз Израиля») партия «Нэцех Исраэл» («Вечность Израиля»). В разных местах России возникли группы, близкие «Агудат Исраэл», всемирному еврейскому религиозному движению ортодоксальных евреев, объединенных в политическую партию. Целью являлось стремление сохранить устои еврейской религии и традиции на основе Галахи. Партия обрела приверженцев главным образом в центрах ашкеназской диаспоры в Восточной и Западной Европе в начале XX века. В июле 1917 г. они провели конференцию в Москве. На Украине группы,

¹ Герасимова К. М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. С. 24.

близкие к «Агудат Исраэл», объединились в партию «Ахдут» («Единство»). Ортодоксальные объединения пользовались популярностью, уступая в этом лишь сионистам и опережая социалистические партии. 24–31 мая 1917 г. в Петрограде прошла VII Всероссийская сионистская конференция, где были представлены все сионистские партии, движения и группировки, большая часть которых до революции действовала нелегально: Це'ирей Цион (их 2-я конференция состоялась 18–24 мая 1917 г.), отколовшееся от них объединение Эт ливнот, Мизрахи, студенческое общество Хе-Хавер, а также небольшая группа «активистов-легионеров», поддерживавших выдвинутый В. Жаботинским план создания Еврейского легиона. Конференция избрала новое руководство Сионистской организации России, определила цели и методы ее деятельности в условиях легальности. Летом и осенью 1917 г. сионистское движение России продолжало крепнуть: в сентябре число его участников достигло 300 тыс. человек. Важную роль в развитии движения стали играть группы Хе-Халуц (молодежного движения, целью которого была подготовка еврейских юношей и девушек к поселению в Эрец-Исраэль), создававшиеся сначала стихийно, а затем под эгидой Це'ирей Цион в Крыму, на Украине и в некоторых других местах. Сионисты выдвинули требование более обширной национально-персональной автономии для евреев России, в противовес национальной программе Бунда, сводившейся к требованию в пользу языка идиш¹.

Если в еврейской религиозной общине проблема сводилась к содержательному наполнению идеи новой национальной культуры, носящей светский и демократический характер, и сохранению в ней традиционных культурных средств и их инструментов, то в мусульманской общине, помимо этих проблем, возникли и другие проблемы, уже институционального характера.

3 марта московские мусульмане после торжественной молитвы в мечети организовали митинг, в нем участвовало около 15 тыс. татар, узбеков и казахов. В Москве создан Мусульманский народный комитет (МНКМ), татарский писатель, публицист, издатель Г. Исхаки избран его представителем во Временном комитете общественных организаций Москвы. Помощниками избраны публицисты Ф. Агеев и Д. Александрович. В Казани 7 марта на собрании под председательством юриста В. Таначева председателем Казанского комитета избран гласный городской думы журналист Ф. Туктаров. Мусульманские комитеты

1 Маор И. Сионистское движение в России. Иерусалим: Библиотека Алия, 1977.

возникли в Петрограде, Оренбурге, Уфе, ряде других городов. Стали появляться уездные, волостные мусульманские комитеты, мусульманские комитеты на предприятиях. В Уфе организован *Комитет по распространению гражданских идей* среди мусульман, возглавляемый комиссаром Временного правительства по делам мусульман Уфимской губернии адвокатом, выпускником физико-математического факультета Петербургского университета депутатом Государственной думы кадетом Ибн. Ахтямовым и бывшим чиновником по особым поручениям при уфимском губернаторе, заведующим отделом образования в Уфимском губернском земстве Г. Терегуловым¹. В Екатеринбурге создан мусульманский гарнизонный комитет (председатель С. Саидгалиев²). В Азербайджане на открывшемся в Баку 28 апреля съезде (около 300 делегатов – представители мусульман Азербайджана, Грузии и Армении) принято постановление об организации мусульманских комитетов на Кавказе и создании двух временных центральных бюро для Северного Кавказа и Закавказья.

В Петрограде на совещании мусульманской фракции IV Государственной думы и бюро при ней с приехавшими с мест делегатами 15–16 марта обсуждался процесс упорядочения создания местных структур. Председательствовал Ибн. Ахтямов. Участвовали делегаты из Москвы, Уфы, Екатеринбурга, Петропавловска, Туркестана, Троицка, представители киргизов, туркмен, различных мусульманских газет, флота, студенчества. Совещание постановило организовать

1 Терегулов Г. Х. (1883–1938). Из дворян. Окончил татарскую учительскую школу в Казани, учился в Лондоне. Юрист. В 1917 меньшевик, депутат Милли-меджлиса. В 1918 член Комуча, участник Уфимского совещания. Эмигрант, жил в Японии, Франции.

2 Саидгалиев Сахиб-Гирей (1894–1938). Член РКП(б) с марта 1917. Из семьи рабочего. В 1915 призван в армию, в 1916 агитатор комитета РСДРП Екатеринбурга. После Февральской революции – член полкового комитета и Екатеринбургского совета, председатель гарнизонного комитета воинов-мусульман. С июля 1917 председатель Уральского областного мусульманского совета. В 1918–1919 комиссар по делам национальностей Казанского совета, член татаро-башкирского бюро Уфимского губкома, преподаватель мусульманских военно-политических курсов при Политотделе Центральной мусульманской военной коллегии. В ноябре 1919 делегат II Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока (КОНВ), избран председателем Центрального бюро КОНВ при ЦК РКП(б). В 1920–21 председатель Ревкома Татарской АССР, член Казанского губкома РКП(б), председатель СНК Татарской АССР. В 1921–1924 председатель СНК Крымской АССР. С 1924 на ответственной партийной и государственной работе. Делегат IX–X, XII–XIII съездов партии; на XIII съезде избирался членом ЦКК РКП(б). Делегат II и III конгрессов Коминтерна. Избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР. В 1938 г. репрессирован.

в Петрограде Временное центральное бюро российских мусульман, возложив на него созыв Всероссийского мусульманского съезда, привлечение к участию всех мусульманских народностей, их общественных организаций: культурно-просветительных, благотворительных обществ, кооперативов, студенческих организаций и т.д. Довольно успешно началось обсуждение по регламенту работы этих комитетов. По положению о Башкирском шуру, его члены должны трудиться исключительно в нем. Служба в других учреждениях не допускалась. Предусматривались ежемесячные совещания Шуру. Во всех башкирских волостях предстояло образовать отделы Центрального шуру, которые, в свою очередь, могли создать районные шуру. В местные шуру избирались от 3 до 5 членов.

На обсуждение съезда выдвинут, в первую очередь, «образ государства[нного] правления». Выделены вопросы «культурно-национального[ального] характера: культурно-национальное самоопределение, просвещение, организация суда, религиозная организация, местных самоуправлений, право языка и др.»¹.

В марте – апреле прошли национальные собрания, оформившие мусульманские комитеты. 25 марта 1917 г. в Симферополе Всекрымский мусульманский съезд (1500 представителей) избрал Временный Крымско-мусульманский исполнительный комитет (Мусисполком, ВКМИК). Его возглавил Ч. Челебиев². В начале апреля казый Г. Сулей-

1 Терезулов И. Очерк по истории общественного и революционного движения мусульман России. См. Тагиров И. Запоздалое издание // Эхо веков. 2002. № 3/4.

2 Челебиев Челеби (1885–1918). Учился в Стамбульском университете, за пропаганду революционных идей арестован. Затем вернулся в Россию. В годы Первой мировой войны вольноопределяющийся на фронте. После Февральской революции вместе с Д. Сейдаметом и др. возглавил национальное движение крымских татар. 25 марта избран муфтием Таврического мусульманского духовного управления и председателем Мусульманского исполкома (ВКМИК). Организовывал манифестации крымских татар в поддержку республиканского строя в России. Руководимый им ВКМИК с 5 апреля ведал всеми делами крымских татар, действовал как орган Временного правительства, подчиненный МВД. 2 окт. на II съезде крымских татар избран в Учредительное собрание после того, как изложил свою программу: «1) объединение крымскотат. народа, организация местных комитетов и подготовка татар к Учредительному собранию, 2) реорганизация духовного правления и управления вакуфами и 3) коренная реформа школьно-воспитательного дела крымских татар». Осудил Октябрьское восстание в Петрограде, приветствовал провозглашение Украинской Народной Республики Центральной радой. Челебиев склонялся к созданию на полуострове многонациональной демократической республики, выдвинув лозунг «Крым для крымцев» независимо от национальной принадлежности: «Недопущение

мани¹ в Канавине возглавил Нижегородский губернский мусульманский комитет.

Но в правительстве наметившееся соперничество религиозных элит с этнорегиональными элитами или межэтнические разногласия перекрывались содержанием поступающих с мест успокаивающих телеграмм. «Собрание якутов города Якутска, приветствуя обновление государственного строя в лице избранников народов, выражает непоколебимую надежду, что наступил великий момент освобождения угнетенных национальностей и осуществления их вековых чаяний»². В Крыму командированный Временным правительством кн. В. А. Оболенский³ в марте наблюдал «медовый месяц революции». Люди разных национальностей «объединены общим порывом к новой свободной жизни». А татарское движение – это движение «молодой демократической интеллигенции, крайне неопытной и легкомысленной». Оно «скорее культурное, чем политическое»⁴. 4 марта Таврический и Одесский караимский гахам С. М. Шапшал караимским общинам России разослал телеграмму с призывом «всецело подчиниться Временному правительству»⁵.

главенства в Крыму какого-либо одного народа, недопущение подчинения Крыма какому-либо государству». В начале ноября образовал в Симферополе Крымский революционный штаб, противостоявший органам Временного правительства и большевикам. На крымско-татарском курултае в Бахчисарае (10–13 дек.) избран его главой, председателем Крымско-татарского правительства – Совета директоров, директором юстиции. 4 января 1918 г. ушел в отставку. На заседании Курултая 10 января по его предложению создана комиссия для переговоров с большевиками и Советом народных представителей об организации коалиционной власти. До 14 января вел переговоры с Симферопольским ВРК. 14 января арестован большевиками, доставлен в Севастополь и расстрелян без суда. (Южные ведомости. 1917. 6 ноября; Бочагов А. К. Милли Фирка. Симферополь. Крымгосиздат, 1930. С. 38).

1 Погиб во время процесса над руководством ЦДУМ в 1937 г. См.: *Сенюткина О. Н. Габдулла Сулеймани – делегат Всероссийских мусульманских съездов // Форумы российских мусульман. Ежегодный научно-аналитический бюллетень. 2008. № 3. С. 54–56.*

2 Вестник Исполнительного комитета общественной безопасности. Якутск. 5 марта 1917 г. № 3.

3 С марта 1917 г. секретарь ЦК партии кадетов.

4 См.: Оболенский В. А. и его воспоминания «Крым в 1917–1920 гг.» // Крымский архив. 1994. № 1.

5 Прохоров Д. А. Общественные, национально-культурные объединения и органы конфессионального самоуправления крымских караимов в 1917–1920 гг. / Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XV. Симферополь, 2009.

Однако и в мусульманском, и в еврейском социуме проявились и стали заявлять себя как самостоятельные объединения и организации левого социалистического толка. В апреле 1917 г. в Казани по инициативе М. Вахитова (левое крыло татарского национального движения) возникла новая организация – Мусульманский социалистический комитет (МСК) – объединение различных социалистических групп и рабочих организаций. Радикал-социалистическая партия По'алей Цион отделилась в апреле 1917 г. от Социал-демократической партии По'алей Цион и вернулась во Всемирную сионистскую организацию.

25 марта на VII съезде кадетской партии авторитетный активист тюркского единства С. Максуди заявил, что мусульмане России стоят за демократическую республику: «30-миллионное мусульманское население России шло в прошлом с Партией Народной Свободы, и впредь будет идти вместе с ней»¹. Максуди был сторонником создания большой политической нации российских тюркских этносов. Тюркизм не был «турецким импортом», как казалось многим, но им еще П. Столыпин запугивал как перспективой «отуречивания». Правда, рамки идеологического тюркизма выходили за пределы российского социокультурного пространства, это-то и беспокоило на самом деле. Российские сторонники тюркизма не были чужды усложнению форм жизни мирового сообщества начала XX века, активизации цивилизационных взаимодействий. Противник его А.–З. Валидов отмечал: несогласие Максуди «с уничтожением самостоятельной Турции не мешает нам быть патриотами России»². Но он осудил С. Максуди за поддержку кадетов от имени всех российских мусульман. Общая позиция сводилась к тому, что мусульмане России не пойдут за лозунгом войны о захвате Константинополя и проливов. «Такой лозунг показывает, что партия к.–д. применяет разные мерки для народов России и Азии»³. Петроград же раззадоривал турок, у которых уже захватил ряд вилайетов с армянским населением. Самим же кадетам поддержка со стороны Максуди (едва не лишившая его поддержки в других этнических мусульманских средах), интеллектуальный и политический ресурс С. Максуди казались более полезными в Туркеста-

1 Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX в. Под ред. С. М. Диманштейна. Т. 3. М.: Изд. Ком. Академии, 1930. С. 287–288.

2 Валиди Тоган Заки. Воспоминания. Кн. I. С. 151–152.

3 Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по национальному вопросу в России и в СССР в XX в. С. 288.

не. Сторонники Максуди – либералы-тюркисты – утрачивали контроль и над ситуацией в центре, и на I Всероссийском мусульманском съезде в Москве (май 1917 г.). Мало кто обращает внимание на то, что поражение, которое потерпел на I съезде С. Максуди и его сторонники, в мусульманской среде больше отразилось на авторитете Временного правительства как центральной власти, чем самого С. Максуди. Мало кто увидел в его позиции попытку *деэтатизации сферы межнациональных отношений*. Именно ее отстаивали представители территорий. Национально-культурная автономия превращалась у Максуди в важный элемент формирования гражданского общества¹. А.–З. Валидов упрекал С. Максуди и Г. Исхаки на начальном этапе в решительном сопротивлении против движения Азербайджана, Туркестана, киргизских и башкирских областей за автономию и самостоятельность. «Садри Максуди на мартовском съезде 1917 года кадетской партии Милюкова, в которой состоял членом, от имени всех мусульман России высказал слова преданности и верноподданничества и обещал, что они сумеют *убедить тюрков Туркестана отказаться от движения за автономию*»². Обратим внимание на важный упрек Максуди за его кадетизм в тот период, когда кадетская партия была безусловным фаворитом новой власти.

I Всероссийский съезд мусульман (к нему придется не раз возвращаться) проходил на деньги и во многом под контролем татар. Преобладание татар (как и на других всероссийских мусульманских съездах 1905–1906 и 1914 годов) вызывало раздражение представителей других этнических элит, выступавших за преобладание интересов каждой из этнических групп над общими интересами мусульман России³. Представители окраин, выступавшие за федерирование своих областей, усилили позиции, чем воспользовался глава башкирских автономистов А.–З. Валидов. Позже он признавал: «Тогда я еще не мог предположить, что башкиры вскоре сами будут вести самостоятельную политическую борьбу, считая, что *политическое движение башкир пойдет в русле общетюркского*»⁴. В мае 1917 г. на I Всероссийском

1 Нам И. В. Национально-культурная автономия в России: исторический опыт и современные проблемы // <http://federalism.soros.ksu.ru/conference/seminar3/nam.htm>

2 http://www.hrono.info/text/2006/yul10_06.html

3 Хабутдинов А. 1917-й год и российские мусульмане – от революции к распаду / <http://www.islamsng.com/rus/pastfuture/4799>

4 Тоған З. В. Воспоминания. Борьба народов Туркестана. С. 160.

мусульманском съезде была принята резолюция о государственном управлении. Она гласила: «Признать, что формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика, построенная на национально-территориально-федеративных началах; причем национальности, не имеющие определенной территории, пользуются культурной автономией».

Меньшевик Ш. Манатов¹ теснил организатора башкирского движения за автономию Валидова. 20 июля 1917 г. в Оренбурге не Валидов, а Манатов избран председателем Башкирского курултая и членом исполкома Башкирского центрального шура. В августе 1917 г. Всебашкирский курултай избрал его председателем Шура, Валидов стал лишь его заместителем. Он считал Манатова человеком с авантюристическими наклонностями и недолюбливал. С приходом большевиков их пути резко разойдутся².

Острота дискуссии Валидова с Максуди, продолжавшаяся и в эмиграции³, выявила расхождение интересов мусульман внутренних губерний и окраин. Представители окраин заявили, что не смогут участвовать во II Всероссийском мусульманском съезде, для них

---

1 Манатов Ш. (1892 (по другим данным 1887) – 1936). Из семьи башкирского муллы. Учился в уфимском медресе «Галия». С 1911 г. учился на педагогическом факультете Петербургского психоневрологического института по специальности «Всеобщая история». В октябре 1914 г. бросил учебу. Работал журналистом в уфимской газете «Тормош» («Жизнь»). С 1914 по 1917 гг. в эмиграции. Учился в Стамбульском университете. В Швейцарии встречался с В. Лениным. С января 1917 г. – меньшевик-интернационалист. В феврале 1917 г. возвратился в Оренбург, стал одним из организаторов движения за создание автономии Башкортостана. В ноябре 1917 г. Манатов подписал постановление Шура о провозглашении автономии. В декабре 1917 г. избран членом, позже председателем Башкирского правительства, получил полномочия вести переговоры с СНК РСФСР об автономии. В 1918 г. вступил в РКП(б), член Учредительного собрания по списку башкир-федералистов Оренбургской губернии. В 1918–1919 гг. – заместитель председателя Комиссариата по делам мусульман внутренней России при Наркомнаце. В 1919 г. послан в Турцию для оказания помощи в создании коммунистической партии. Позднее работал ректором Высшего педагогического института в Баку, трудился в Закавказском коммунистическом университете, Закавказском крайкоме РКП(б), преподавал в Киргизском педагогическом институте во Фрунзе. В 1935 г. исключен из ВКП(б) как участник буржуазно-националистического движения в Башкортостане, снят с работы. Несколько раз пытался добиться пересмотра своего дела. В 1936 г. скончался от болезни. В 1962 г. реабилитирован.

2 Тоған З. В. Указ. соч. С. 197.

3 См. З. Валиди Тоған. Семнадцать занесенных песком городов и Садри Максуди Бей.

важнее провести свои национальные собрания и принять решение о национально-территориальных автономиях. Исключение составили делегаты от Закавказья – М. Расулзаде, С. Аджалов, Н. Велиев и Х. Каибов, демонстрировавшие заинтересованность в общероссийских мусульманских структурах.

Идеям Гаспринского о политическом, административном и экономическом единстве мусульман России в мае 1917 г. положен конец. Фактически большинство съезда возражало против создания *общероссийских мусульманских органов*. Вопрос об их власти изъят из повестки дня российской уммы. На съезде победила идея создания *автономии конкретных территорий для отдельных наций*¹. Все резолюции съезда, за исключением резолюции о типе автономии, на съезде превратились в декларации, не имеющие конкретного механизма реализации. Г. Ибрагимов призывал создать пять отдельных штатов: Казахстан, Кавказ, Туркестан, Татарстан и Крым. На II Башкирском курултае (25–29 августа, Уфа) татарский историк Х. Атласов, указывая на специфику расселения башкир, говорил: «Ваши рассуждения об автономии и т.д. лишь вызывают усмешку. По возможности нужно идти вместе, ведь до этого действовали сообща. От всякого развода нет ничего, кроме беды. Эти слова я вам говорю из-за любви к башкирам, я вас действительно люблю». З. Кадыри тоже пытался убедить башкир, объявив самостоятельное движение башкир за автономию «невиданной в истории трагедией»².

Попытки мусульманских либералов синтезировать «ценности европейской цивилизации с религиозно-культурными традициями мусульманского мира», готовность творить культурные нововведения подвергались обструкции со стороны этнических элит, культурных ресурсов.

Шел поиск собственного места в новых политических реалиях. Каждая сторона видела и оценивала процессы по-своему. I Башкирский съезд объявил Караван-Сарай «национальным зданием, построенным на силы и средства башкир и мещеряков Башкурдистана и в 1865 г. изъятым со стороны правительства». По нему «полвека ныло сердце башкир». В Караван-Сарае намечалось разместить Центральное шуро и другие башкирские учреждения³. II Башкирский ку-

1 Хабутдинов А. 1917-й год и российские мусульмане – от революции к распаду.

2 Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки, документы, хроника. Т. 2. Башкирское национальное движение. Сост. отв. редактор М. Н. Губогло. М., 1992.

3 Национально-государственное устройство Башкортостана. Документы и материалы. Т. 1. Уфа, 2002. С. 148.

рултай принял специальную резолюцию по вопросу Караван-Сарая, согласно которой здание подлежало немедленному освобождению и передаче Центральному шуро. Президиуму съезда было поручено заявить об этом Керенскому и Оренбургскому комиссару Временного правительства¹. Курултай образовал областные секретариаты Шуро в Уфе и Челябинске, их возглавили Ф. Ахмадуллин² и Н. Тагиров³. 30 августа состоялось первое заседание нового состава Центрального шуро, на котором были распределены обязанности между его членами. Пост председателя Шуро сохранил за собой Ш. Манатов, его заместителем стал З. Валиди, секретарем Шуро – башкирский поэт Ш. Бабич. Заведующими отделами были избраны: по делам финансов – Ф. Давлетшин, издательским отделом – С. Мрясов, экономическим – С. Атнагулов, отделом статистики – М. Смаков. На этом

1 *Тоган З. В.* Воспоминания. Кн. 1. С. 199.

2 Ахмадуллин Фатхи Ахмадеевич (1895–1938). Учился в медресе Касимия в Казани. В 1917 г. вошел в партию большевиков. Поддерживал идею о национально-территориальной автономии Башкурдистана. Был избран членом Всероссийского учредительного собрания по спискам башкир-федералистов. Участвовал во Всебашкирских курултаях (съездах). В 1921 г. назначен народным комиссаром Башнаркомпроса. Далее работал начальником транспортного отдела, заместителем наркома по соцобеспечению АБСР. Долгое время занимал должность заместителя председателя республиканского Госплана. 4 августа 1937 г. арестован по обвинению «за участие в национально-буржуазном движении». Расстрелян 10 июля 1938 г.

3 Тагиров Нуриагзам Тагирович (1888–1937) – член Башкирского Правительства, общественный и государственный деятель, юрист, башкирский языковед. После окончания русско-башкирской приходской школы в 1906 г. начинает учиться в медресе Расулия в Троицке, а затем в медресе Галия в Уфе. С 1911 г. Н. Тагиров учительствовал в Челябинском уезде. В июне 1920 г., считая неприемлемым постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О государственном устройстве Автономной Советской Башкирской республики» от 19 мая 1920 г., в знак протеста члены Башкирского правительства, в том числе и Нуриагзам Тагиров, ушли в отставку. С начала 1921 года Тагиров возвращается в государственную и общественную деятельность и становится членом коллегии Башнаркомпроса, председателем Научного общества по изучению быта, истории, языка и культуры башкир. Он является автором научных работ по башкирскому языку. Тагиров в 1926 году опубликовал «Словарь башкирского языка», который был составлен на основе народно-разговорного материала, и краткий орфографический словарь. Нуриагзам Тагиров также является соавтором первой грамматики башкирского языка. Репрессирован 12 июля 1929 г. за активное участие в башкирском национальном движении («общественно-политическом движении националистической интеллигенции»). Вмешательство М. И. Калинина помогло сохранить ему жизнь, заключив его на десятилетний срок в концлагерь на Соловецких островах. После 1937 г. его судьба неизвестна.

заседании также было решено направить во все башкирские волости представителей Центрального шура для сбора взносов и «пожертвований в пользу фонда башкирского национального движения». Как пишут очевидцы, за счет этих пожертвований и народных взносов существовал руководящий орган башкирского движения – Шура, издавалась его газета «Башкорт», а также покрывались другие расходы¹.

Другая тенденция проявилась в процессе формирования национальных комитетов на Северном Кавказе. Казалось бы, и она должна была привлечь внимание Временного правительства как иной аспект выстраивания отношений периферии с центром. В апреле в Баку на I Общекавказском мусульманском съезде работала специальная секция «по организации сил кавказских мусульман». Принято постановление о *создании двух центральных комитетов кавказских народов: для Северного Кавказа и Дагестана* и для Закавказья. Что касается *Северного Кавказа и Дагестана*, то в апреле же созданы национальные советы горских народов. Начало формированию общей структуры положено на Первом Горском съезде во Владикавказе, объявившем о создании Временного центрального комитета объединенных горцев Северного Кавказа 1 мая 1917 г.

Глава (с марта) Азербайджанского национального комитета А. М. Топчибашев на съезде мусульман Кавказа (Баку, 15–20 апреля) заявил: «Политика старого русского правительства в отношении к населяющим Россию нерусским народностям была политикой разъединения, политикой натравливания этих народов друг против друга. Столкновение между армянами и азербайджанцами объясняется именно этой зловерной политикой человеконенавистничества. И если азербайджанцы, а за ними и другие народы Кавказа, хотят встать на действительный путь обновления и освобождения, то они должны пойти в Учредительное собрание объединенными, связанными общими стремлениями и идеалами»². Армянский политический деятель

1 Хабутдинов А. Органы национальной автономии тюрко-татар мусульман внутренней России и Сибири в 1917–1918 гг.

2 Каспий. 1917. 18 апреля. Топчибашев Алимардан-бек Алекпер оглы (1862–1934), депутат Государственной думы, участвовал в I Всероссийском мусульманском съезде (май 1917, Москва), выступал за федеративное устройство России. Избран во Всероссийское учредительное собрание. После провозглашения Азербайджанской демократической республики (АДР) 28 мая 1918 г. – чрезвычайный представитель в Грузии, Армении и Османской империи. Министр иностранных дел АДР (октябрь – декабрь 1918). 7 декабря 1918 избран председателем азербайджанского парламента. Возглавлял делегацию АДР на Парижской мирной конференции.

Х. Вермишянц¹, понимая сложность конфессионального и языкового соседства азербайджанцев и армян, отмечал, что порядок в регионе еще обеспечивался находившейся в Закавказье армией. Он считал: «Нападки на так называемый русский империализм совершенно непонятны. На Кавказе этот империализм установил закон и порядок и обеспечил безопасность жизни армян, чего раньше никогда не было. Русский империализм имел свои отрицательные стороны, но, в общем, он был прогрессивной силой. И когда я вижу, что русские боятся этого слова и каждый отказывается от него, мне, как армянину, становится больно... Вы, русские, несете народам освобождение, вы несете безопасность жизни тех, кто стонет под игом мусульман, и ваше отрицание империализма, как вы его понимаете ныне, было бы роковой ошибкой по отношению к Востоку. В течение многих лет Армения ждала, чтобы русский империализм сказал свое внушительное слово в Турецкой Армении и вывел армян из-под турецкого гнета, и ваше отрицание империализма было бы встречено величайшим отчаянием в армянских трущобах Турции»². Понятно, что эта позиция вызвала резкую реакцию других представителей азербайджанских элит, стоявших прежде всего за размежевание этнических территорий. В сентябре 1917 г. на съезде в Тифлисе избран Армянский Национальный совет – впервые появившийся у армян верховный политический орган с тех пор, как в 1375 г. пала Малая Армения.

Что касается поволжских мусульман, среди них в наиболее острой форме развернулась борьба за доминирование светских тюркистских лидеров (джадидов, их поддерживала часть религиозных, преимущественно прогрессистски настроенных лидеров и даже часть кадимистов) с лидерами этнорегионального толка. В кругу первых находились и последователи И. Гаспринского, возглавляемые С. Максуди и его окружением, и авторитетный исламский педагог А. Баруди, основатель крупнейшего медресе «Мухаммадия», избранный муфтием на Всероссийском мусульманском съезде. В кругу вторых – молодые джадиды, в большинстве эсеровских настроений. Редактор журнала «Сююмбака» Якуб Халил дал им общую характеристику: «Трехсотлетние старания властвующих над нами не уменьшили наш героизм.

1 Вермишянц (Вермишев) Х. (1863–1933). Министр финансов и продовольствия в первом правительстве независимой Армении.

2 Цит. по: *Наджафов Б.* Лицо врага. История армянского национализма в Закавказье в конце XIX – начале XX века. Ч. 2. Баку: Шарг-Гарб, 1994. С. 10; Речь. 1917. 11 мая.

Как бы они не старались уничтожить нас – мы не погибли. На первый план мы ставили то, что мы – татары, мусульмане. Мы не стыдились жить, будучи татарами и мусульманами. У нас [есть] *национальный, религиозный фанатизм*. Мы гордились *религиозным, национальным фанатизмом*. Из каких только страшных шквальных волн не выносил нас этот *национальный, религиозный фанатизм*. И мы, живые-здоровые, оставаясь мусульманами и татарами, вступили в мир свободы»¹. Как видим, проблема идентификации стояла остро и в среде татарской элиты.

Находившийся в Петрограде башкирский лидер А.–З. Валидов негативно воспринимал планы «казанских татар», представляя их как стремление ограничиться рассмотрением проблем «религии и просвещения, вопросом о муфтиях и шейхулисламах». Но ирония истории заключалась в том, что С. Максуди боролся за концентрацию родственных культурных ресурсов перед лицом неопределенности, сближая свои планы с вестернизаторски-кодификаторской логикой кадетов. Его ставки на религию, один из самых эффективных связующих факторов, в таком контексте вполне понятны. Максуди, в отличие от Валидова, без малейших колебаний отринет большевиков. Созданный весной 1917 г. Тукрамус (Туркестанский краевой мусульманский совет) во главе с М. Чокаевым был организацией младотуркестанцев – радикалов, подвергшихся влиянию русской культуры. Их энергия направлялась на борьбу за переустройство жизни местных народов на европейских началах². В подходах оппонентов Максуди проявился азиатский традиционализм: башкиры настаивали на том, что сделало их именно башкирами, казахи – казахами, акцентируя свои различия, а не сходства.

Вернемся еще раз к событиям, предшествующим и происходящим на I Всероссийском мусульманском съезде. На нем присутствовало 900 делегатов, английские и американские журналисты. На съезде единство джадидов стало жертвой этой борьбы³: они раскололись,

1 Сеембикэ. 1917. № 13. На тат. языке. Цит. по пер.: Сафиуллина Р. История преподавания основ мусульманского вероучения в религиозных учебных заведениях татар / Исламоведческие исследования в современной России и СНГ: достижения, проблемы, перспективы. Материалы I Международного научно-практического симпозиума (19–20 февраля 2009 г.): в 2 т. Казань: Intelpress+, 2009. Т. 2. С. 68.

2 Исхаков С. М. Указ. соч.; ЦХИДК. Ф. 461. Оп. 1. Д. 416. Л. 95; Ф. 1358. Оп. 3. Д. 456. Л. 11.

3 Там же. С. 182.

этот раскол используют вскоре большевики. А.–З. Валидов связался с представителями башкир, Кавказа, побывал в Ташкенте для вербовки сторонников *территориальной* автономии на московский съезд. Организация I Всероссийского мусульманского съезда (май 1917 г.) сосредоточилась в руках меньшевика осетина А. Т. Цаликова из Петроградского совета, А.–З. Валидова и лидера Московского мусульманского комитета Г. Исхаки. По сути, все они были политическими противниками С. Максуди.

Доклад о национально-культурной автономии в первоначальном варианте должен был представить С. Максуди. После отъезда Максуди в Туркестан доклад готовил А. Т. Цаликов. Попытки Цаликова объяснить, что «стремление к централизации идет не от того, что Центр хочет угнетать малые народы, а от требований более рациональной и прогрессивной системы» и требования федерализма есть «результат... накопившейся враждебности» к старому режиму, не убеждали¹. Сосредоточившись на ключевых проблемах съезда, брат С. Максуди – Х. Максуди сообщил о поступивших 200 предложениях. Среди них 150 о национально-культурной автономии, 34 – о федеративном устройстве, 16 – об унитарной парламентской республике².

По воспоминаниям Валидова, для него лично было важно расколоть сторонников экстерриториальной автономии, возглавляемых Максуди, и по-своему разделявшего эту позицию Цаликова. Представитель казахской делегации Д. Досмухамедов поддержал Валидова: «Цаликов пытается создать единую мусульманскую нацию, объединив мусульманские народы... Но возможно ли это? Безусловно, нет! Господин Цаликов не знает, что означает нация»³. Бакинский журналист, соединявший в своем мировоззрении пантюркистские, панисламистские и социалистические идеи, один из основателей «Мусавата» М. Э. Расулзаде отделял понятие нации от религии. «Вопрос, который нужно задать, таков: что есть нация? Я уверен, что

1 Цит. по: Мухамметдинов Р. Ф. *Нация и революция*. Казань: Иман, 2000. С. 74.

2 Давлетшин Т. *Советский Татарстан*. Лондон, 1974. С. 73.

3 Rusya'da birinci Musluman kongresi. Ankara, 1990. С. 246. На заседании исполкома Муссовета 24 июня 1917 г. Досмухамедов подчеркнул: «Перед киргизским народом стоят такие основные вопросы их существования, как государственное управление и т.д. Если же мы в коренных вопросах о нашей жизни не сойдемся с поволжанами, то нам придется разойтись». Аналогичную позицию занял и представитель Туркестана У. Ходжаев. См.: Д. А. Аманжолова, В. В. Рыскулов. Председатель западного отделения Алаш-орды Д. Досмухамедов и судьбы казахской интеллигенции в период сталинских репрессий // www.kyrgyz.ru/?page=194

наиболее важные черты нации состоят из языковых и исторических связей, из общности обычаев и традиций. Иногда можно услышать, что Ислам является олицетворением нации, поскольку, если тюрко-татарина спрашивают о его национальности, он отвечает: я мусульманин. Но это ошибочная точка зрения... Не существует христианской национальности и точно так же не существует и исламской национальности. В этом большом мусульманском доме должны иметься отдельные комнаты для тюрков и арабов». В этом понятии, как видим, сохранялись сильные религиозные коннотации. Сложная комбинаторика этнического и конфессионального обуславливала и гетерогенность социального пространства. Этноконфессиональная модель, которой придерживалась сторона, противная идеям С. Максуди, мультиплицировалась, генерируя множественность моделей, адекватных социокультурным ситуациям в обществе. Строительство национальных структур на Северном Кавказе – яркий тому пример. Аналогичная практика могла развиваться и в Средней Азии, на Памире в частности.

Далее Расулзаде отделил понятие «единой тюркской нации» (его придерживался и Д. Досмухамедов), на которую делал ставку С. Максуди, от понятия реальных тюркских народов: «Тюрко-татарские нации имеют общие корни. Вместе с тем, неопровержим и тот факт, что они говорят на отдельных диалектах и отличаются своими особенностями. У поволжских татар сегодня имеется собственная литература, печать, свои писатели и поэты. Узбеки также имеют свою богатую литературу. Начинает развиваться казахская и киргизская пресса. Ни один из этих народов не согласится отказаться от своей сущности. Азербайджанские тюрки также не откажутся от своего языка, литературы и обычаев»¹. В эмиграции Расулзаде признал свою позицию как поддержку «азербайджанского революционного национализма, сыгравшего решающую роль на Московском съезде», того «молодого азербайджанского поколения, которое во времена первой русской революции, вопреки старшему поколению, симпатизировало революционному крылу российской общественности. В борьбе с царизмом революционный социализм им казался, если не совсем верным, то более подходящим союзником»².

1 Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики.

2 Цит. по: М. Э. Расулзаде. Национальное движение в Азербайджане. Баку: Элм, 2009.

В результате большинством голосов – 446 против 271 – принято решение о федеративном устройстве России, основанном на принципе *территориальных автономий*. Зафиксирована компромиссная его редакция: «Признать, что формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориальных началах; причем национальности, не имеющие определенной территории, пользуются национально-культурной автономией»¹. Формулировка, по сути, означала двойную автономию: территориальную с элементами национально-культурной автономии. От имени Временного правительства с приветствием к съезду обратился глава Департамента инославных и иноверных исповеданий Министерства внутренних дел С. А. Котляревский, подчеркнувший, что решение вопросов о внутреннем государственном устройстве России относится к компетенции Учредительного собрания, что Россия должна оставаться единой.

Горячие дискуссии не помешали создать на I Всероссийском мусульманском съезде два органа: представительный Мэргэз Милли Шуро – центральный ((Всероссийский) национальный совет – ВМС) и исполнительный (Исполнительный комитет, Икомус). Их возглавили сторонники *экстерриториальной* автономии А. Цаликов и Г. Исхаки. Милли Шуро призвано для руководства и координации действий мусульман. В Милли Шуро (местонахождение – Москва) от мусульман Внутренней России и Сибири, Туркестана и Крыма избраны 30 членов во главе с Цаликовым. Из них избран Исполнительный комитет (местонахождение – Петроград), состав его менялся. В разное время в него входили: А.–З. Валиди (Туркестан), Д. Досмухамедов (Уральская область), Г. Исхаки (Москва), И. Леманов (Крым), С. Мамлеев (Уфа), Ш. Мухамедьяров (Петроград), В. Таначев, представитель Букеевской орды (Астраханская губерния), Ф. Хан-Хойский (Баку), У. Ходжаев (Ташкент), А. Цаликов (Петроград), И. Шагиахметов (Туркестан), З. Шамиль (Петроград, представитель Кавказа). Делегаты от Кавказа и литовских татар отложили выборы представителей до возвращения домой. 13 июня Временный закавказский исполком направил в ВМС от Баку, кроме Ф. Хан-Хойского, помощника присяжного поверенного М. Векилова. Он, прибыв в Петроград только в октябре, писал

1 Революция и национальный вопрос / Ред. С. М. Диманштейн. М., 1930. Т. 3. С. 294–296.

А. М. Топчибашеву в Баку: «Вы... бесконечно правы... во всероссийском комитете работать трудно... Настроение тут отчаянное»¹.

Принятая на съезде резолюция по культурно-просветительским делам предусматривала, что эта сфера должна быть «в руках отдельных наций, осуществляющих это свое право через особые выборные органы каждой нации». Образование в школах всех уровней должно вестись на родном языке, «для подготовки педагогического персонала в средне-учебные заведения должны быть открыты при русских высших школах и курсах особые тюркские кафедры».

Икомус начал заседать в Петрограде уже через день после закрытия I съезда, с 13 мая. Он постановил, вспоминая в начале 1921 г. И. Тергулов, что «берет на себя всю полноту руководства национально-политическими делами мусульман». Перед Икомусом сразу встал вопрос: ограничиваться ли рассмотрением исключительно политических проблем или взять на себя управление также и культурно-просветительскими и религиозными делами. После обсуждения Икомус постановил, что берет на себя контроль и руководство всем кругом проблем российских мусульман.

25 июня 1917 г. на заседании Милли Шура С. Максуди призвал его членов «подчиняться постановлениям образовавшего его мусульманского съезда»: встать над интересами отдельных этнических групп во имя общих интересов мусульман России. 20 июля в Казани открылся съезд духовенства. Максуди, представляя светское крыло, заявил, что деятельность духовенства следует ограничить тремя вопросами: обеспечение потребностей культа; обеспечение нужд духовенства, использование его духовной силы. Объединенное заседание съездов (духовенства и Всероссийского) 22 июля наметило включить муфтият как один из будущих назаратов (министерств) в структуру органов власти национально-культурной автономии, фактически поставить духовную власть под контроль светской.

Однако до II Всероссийского мусульманского съезда вопросы структурирования этих органов не были решены. Тем более в важном для мусульман вопросе о религиозной и светской автономии.

22 июля на II Всероссийском мусульманском съезде провозглашена национально-культурная автономия мусульман Внутренней России и Сибири и объявлено о ее немедленном осуществлении. 24 июля в ходе дискуссии об участии мусульман во всероссийской политической

¹ Топчибаши А. М. Документы из личных архивов. 1903–1934 гг. М.: Социально-политическая мысль, 2012. С. 171–172.

деятельности Г. Исхаки требовал, чтобы «правительство рассматривало своим долгом сотрудничество с центральными национальными организациями народов России». Даже в заключительный день съезда не прекращались споры о порядке введения национально-культурной автономии. Г. Шнаси призвал к немедленному ее введению. Основными оппонентами выступали председатели Уфимского и Казанского Милли Шуро Г. Терегулов и Ф. Туктаров и председатель Харби Шуро И. Алкин. Г. Шнаси поддержали С. Максуди и Х.-Г. Габяши. Решение принято абсолютным большинством и увязано с тактикой участия в выборах в Учредительное собрание¹. Из трех вариантов: единый мусульманский список, блок с социалистами и отдельный список в каждой губернии, формируемый губернским Милли Шуро, – принят последний.

В июле 1917 г. С. Максуди, несмотря на сопротивление лидеров Казанского и Уфимского Милли Шуро, *добился создания единой структуры автономных органов мусульман Внутренней России и Сибири*. Создание этой структуры было попыткой вписать ислам в институциональный дизайн новой России. Проблемой оставалось то, что в *единой структуре автономных органов* мусульман Внутренней России и Сибири хотя и реализована идея исламской морали как соционормативной системы, но доминировала татарская элита². Структура и характер отношений с Духовным собранием разработаны С. Максуди. 18 августа он писал в газете «Ил» («Страна»): «Такие светлые исторические дни, которые открыли сейчас перед нашей нацией чрезвычайно большие возможности, не повторятся еще раз. Если наша нация желает устроить свою жизнь по своему усмотрению, то это возможно только теперь»³.

Административный талант Максуди заключался в том, что он использовал имеющиеся органы для решения управленческих задач и ставил их под контроль единой структуры. Путем создания Милли Идарэ удалось поставить и духовную власть под контроль светской. Тем самым администрация опиралась на имеющиеся корпорации и коллегиальные формы. С. Максуди возглавил Милли Идарэ, заместителем стал Ибн. Ахтямов.

1 *Набиев Р., Хабутдинов А.* Всероссийские мусульманские съезды / Ислам на европейском Востоке. Энциклопедический словарь. Казань, 2004. С. 63.

2 *Хабутдинов А.* Начальные этапы формирования татарского управленческого аппарата // Вестник Евразии. 1999. № 1/2. С. 66–67.

3 *Политические деятели России 1917.* Биографический словарь. Москва, 1993. Статья С. М. Исхакова о С. Максуди.

Проект Милли Идарэ в тюркском мире отличался от других проектов соотношения религиозной и светской власти. Три будущих министерства автономии, образовавшие Вақытлы Милли Идарэ (Временное национальное правительство), представляли собой три управленческих назарата: Магариф (просвещения), Маляя (финансового) и Диния (религиозного). Диния назарат сохранял свою структуру, Маляя состоял из буржуазии, представлявшей местные национальные фонды.

Председателем Маляя стал С.–Г.Ш. Алкин, подписавший «Выборгское воззвание» 1906 г., присяжный поверенный, специалист по земельным отношениям, окончивший юридический институт Казанского университета¹. Членами – один из организаторов из ЦК Иттифак аль-муслимин, филолог, окончивший физико-математический факультет Московского университета, потомок казахских ханов Букевской орды, чингизид казах С. Джантюрин. Либерал, близкий к кадетам, он также в 1906 г. подписал «Выборгское воззвание»; назовем и основателя знаменитого медресе «Буби», получившего образование в Стамбуле, Г. Буби и Г. Курмая.

Магариф комплектовался из представителей Бютен Русия Укытучылар жэмгыяте (Всероссийского общества учителей). Возглавил Магариф татарский филолог и педагог М. Курбангалиев². Членами назарата были: Гумер Терегулов, выпускник Оренбургской инородческой учительской семинарии, учитель, главный распорядитель учебно-воспитательных учреждений, основанных на капиталы миллионера А. Г. Хусаинова; назовем богослова, журналиста, обучавшегося в Бейруте и Каире, преподавателя медресе Хусаиния и Галия, с 1914 г. главного редактора газеты «Тормыш» З. Кадыри, депутата III–IV созывов Государственной думы Г. Еникеева³, одного из лидеров движения

1 Алкин Сеид-Гирей Шагиахтарович Алкин (1867–1919) – присяжный поверенный, депутат Государственной думы I созыва. В апреле 1919 уволен из Общего подотдела Казанского губернского отдела юстиции.

2 Курбангалиев Мухитдин Хафизитдинович (1873–1941) – татарский филолог и педагог, профессор (1930). Один из организаторов системы народного образования в Татарии. Пропагандировал изучение русского языка татарами, разработал дидактические основы начального обучения в татарской школе и в системе образования взрослых, а также методику изучения татарского языка учащимися иных национальностей. Составил «Татарский букварь» (1912), который многократно переиздавался.

3 Еникеев Г. Х. (1864–1931). Окончил Оренбургскую учительскую семинарию. Работал учителем, сторонник новых методов обучения в башкирских и татарских школах. Депутат 4-х созывов Государственной думы, требовал обучения башкир на родном

«Ислах» («Реформа») татарской учащейся молодежи И. Биккулова¹ и др.

Диния возглавил крупнейший татарский богослов и просветитель, издатель научно-религиозного и литературного журнала «Дин вэ эдэб» («Религия и нравственность») Г. Баруди, среди членов – писатель-просветитель, востоковед, религиозный деятель казый Р. Фахретдин, член совета улемов К. Тарджеманов, первая в истории ислама женщина – шариатский судья, известная просветительница и общественный деятель Мухлиса Буби. Состав членов Диния назарата указывает на уровень цивилизованности российского мусульманского общества того времени.

При Милли Идарэ работала коллегия по осуществлению автономии. В нее избраны С. Максуди (председатель), Ибн. Ахтямов, Г. Ша-раф (студент Института инженеров путей сообщения и одновременно историко-филологического отделения Петроградского университета),

---

языке. В предреволюционные годы участвовал в работе Ученой архивной комиссии Оренб. отделения Рус. геогр. общества, после Октябрьской революции был чл. Науч. об-ва по изучению быта, истории и культуры Башкирии. С 19 лет собирал нар. песни. До Окт. рев-ции Еникеев собрал около 500 баш. и тат. нар. песен, 114 из них в 1929 г. приобрел Башнаркомпрос. Коллекция хранится в фольклорном фонде Уфимского института искусств. В годы Гражданской войны жил в Вятке, работал в губернском отделе народного образования. В 1923 переехал в Уфу.

1 Биккулов Ибрагим Зямалетдинович (1885 –?). Татарин, педагог, переводчик, место проживания: Самарканд. Арестован 14.07.1930. Осужден 11.05.1932 Коллегией ОГПУ ТАССР. Обвинен по ст. 58–10, 58–11. («националистическая деятельность»). Приговорен к 5 годам концлагерей. Реабилитирован 29.09.1959. См.: Книга памяти Республики Татарстан. Из показаний Валиди: «Биккулова Ибрагима я знаю с 1905 года. Он был один из видных деятелей ислахистского движения среди казанских шакирдов и имел связь с революционными политическими организациями. После этого, как я слышал, он был председателем в г. Томске. Во время войны он работал в газете «Кояш» (в Казани), я тогда еще был в Оренбурге. После революции мы его находим в Симбирске, где он работает, кажется, в Милли шуру. Вновь я его увидел в Казани в 1921 или 22 году, уже после 16–17 лет после первого знакомства с ним, он приехал, кажется, из Томска, где он ... преподавал татарский язык. Он советовался со мной насчет методов преподавания татарского языка, я ему дал свою “Грамматику тат. языка”. Мне помнится, он говорил об отступлении колчаковской армии и выражал свое неудовольствие от политики Колчака, главным образом, по вопросу национальной политики. Через некоторое время он совсем приехал в Казань (точно не знаю, в каком году), и мы изредка встречались. Он был националист и человек традиций, но о его политической ориентации я ничего не могу говорить, и едва ли он имел таковую» (Центр хранения и изучения документов новейшей истории Татарстана. Ф. 8233. Оп. 1. Д. 2–10024. Т. 4. Л. 150–151).

Амина Мухетдинова, писатель-публицист Ф. Карими, К. Каримов, Н. Л. Хальфин из рода известных татарских просветителей, Х. Атласи, историк и педагог. Коллегия объединяла как либералов, так и умеренных и левых социалистов.

Национальное собрание (Миллет мэджлисе) работало в Уфе с 22 ноября 1917 г. по 11 февраля 1918 г. В работе Собрания обычно участвовало более 80 человек. Председателем Национального собрания избран С. Максуди; его заместителями – И. Ахтямов, И. Алкин, секретарями – Г. Фахретдинов и Г. Акчурин. Вскоре последних двух, оставивших посты по объективным обстоятельствам, заменили – Ф. Мухамедьяров и Х. Бакеев. 22 ноября 1917 года Национальное собрание приняло «Основы национально-культурной автономии мусульман внутренней России» в виде законодательного акта в форме Конституции. 16 января 1918 года Конституция была опубликована в официальном органе Национального управления в журнале «Мухтариат»¹.

В других исламских регионах реализованы два других проекта. В первом, более позднем крымском правительстве Челебиева духовный лидер (муфтий) являлся и лидером светским. Во втором случае – горском (Н. Гоцинского), духовная и светская власть существовали параллельно, как в башкирском правительстве Валидова, Алаш-Орде, Кокандском правительстве Туркестана и правительстве Азербайджана. И в том и в другом случае «победителем» оказался этнический эгоцентризм.

2.5. Автономистские структуры

Как исполнительные органы уже 5 марта на местах образованы Белорусский национальный комитет и Киргизский областной комитет. Белорусский национальный комитет возглавил Р. Скирмунт.

Председателем временного Киргизского областного комитета стал выпускник Уральской семинарии, писарь Лбищенской управы, поднадзорный с 1914 г. Г. А. Алибеков². В апреле 1917 г. он направил выпускнику Московского университета, юристу Д. Досмухамедову телеграфное приглашение немедленно прибыть в Уральск «для работы

1 *Исхаков С. М.* Российские мусульмане и революция 1917–18 гг. М.: Мысль, 2004. С. 505.

2 *Протасов Л. Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: Росспэн, 2008.

среди своего народа». Возможность принять участие в революционных преобразованиях на родине воодушевила Досмухамедова. Он приехал в Уральск на областной казахский съезд и был избран председателем съезда.

Казахские комитеты формировались сверху вниз. Кандидатов в Уральский областной киргизский комитет наметил съезд, состоялись их выборы. Аналогичным образом в марте – апреле образованы казахские комитеты в Верном, Акмолинске, Семипалатинске, Аулие-Ате и т.д. В Семипалатинске казахский исполнительный комитет возглавил сотрудник окружного суда Р. М. Марсеков, окончивший в 1902 г. Петербургский университет¹. 7 марта 1917 в Верном общемульманский комитет – курултай возглавил З. Тазетденов, в Тургайской области – А. Б. Масанов². Комитеты создавались для поддержки Временного правительства. По оценке В. К. Григорьева, общая численность актива казахских съездов и комитетов составляла свыше 500 человек³. Первоначально они создавались в городах, где была сосредоточена интеллигенция, казахские чиновники и служащие. Для создания общей сети казахских комитетов в уезды и волости направлялись специальные комиссии, в их задачу входил контроль над выборами. Структурно казахские комитеты подразделялись на аульные, волостные, уездные и областные. Они одновременно подчинялись комиссарам Временного правительства и казахским съездам. По ряду вопросов они брали на себя prerogatives центральной власти на местах, где преобладало коренное население. Взаимоотношения с органами Временного правительства носили двоякий характер, как и их отношения с Советами. Поддержка центральной власти ограничивалась мероприятиями, которые, по их мнению, были необходимы. Являясь организационной предтечей

1 Марсеков Раимжан Марсекович (1879 –?). В 1902–1911 гг. – член Западносибирского отделения Русского Географического общества; 1908–1912 гг. – адвокат Омской адвокатуры; с 1912 г. – сотрудник Семипалатинского окружного суда; в 1920-х гг. эмигрировал.

2 Масанов Айдарбек Баймухамедович (1895–1937), учитель, в 1920-е годы работал в органах народного просвещения и Наркомзема, в 1929–1931 гг. – управляющий делами СНК КАССР. В 1937 г. репрессирован. См.: *Абылхожин Ж., Масанов Н. Эдиге Масанов: судьба человека, судьба семьи, судьба страны // Вестник Евразии. 2007. № 2.*

3 *Абылгазина А. Казахские комитеты в 1917 г. // Мысль. 1998. № 3. С. 84–87; Алаш-Орда. Сборник документов. Сост. Н. Мартыненко. Алма-Ата, 1992. С. 18; Григорьев В., Панфилов А. Областные казахские съезды весны 1917 г. // Науч. тр. «Адилет». 1999. № 1 (5).*

партии Алаш и правительства Алаш-Орды, казахские комитеты выступали с рядом требований, которые расходились с политикой Временного правительства, касающейся казахского населения. В первую очередь это проявилось в отношении системы управления. Во многих случаях казахские комитеты выступали против назначаемых сверху лиц и явочным порядком проводили своих выдвиженцев на должности комиссаров.

Крымско-татарское национальное движение к лету 1917 г. структурировано в более чем 120 комитетах в селах, городах и уездах Крыма, подконтрольных временному Крымско-мусульманскому исполнительному комитету. Как утверждал в докладе на Съезде народов в Киеве А. С. Озенбашлы, «со спокойным сердцем можно сказать, что в настоящее время крымские татары вполне организованы и целую сетью волостных, уездных и земельных комитетов неразрывно связаны с Центральным комитетом [Мусисполкомом] и по мановению руки последнего все татарское население Крыма не замедлит выступить как один человек в течение какого-нибудь часа...»¹. Кадет кн. В. А. Оболенский отмечал, что в Крыму вопрос о конструировании власти осложнен «разраставшимся татарским националистическим движением»: «Идея Крымской автономии с гегемонией татарской нации стала одним из боевых лозунгов на митингах и собраниях... Идеей создания отдельной Крымской государственности под национально-татарской гегемонией была проникнута вся молодая татарская интеллигенция»². Представитель крымских татар Мухарский на земско-городском собрании 20 ноября утверждал: «Татары не добиваются гегемонии власти над другими народностями, они желают жить с ними в мире»³. Но в данном случае важнее оказывались не факты, а подозрения в них, становящиеся фактами. Так проявлялось постимперское ностальгическое восприятие многими кадетами процессов на окраинах, видевших, например, в «молодой татарской интеллигенции», и не только в ней, некую сущность,

1 Доклад, прочитанный на Съезде народов в Киеве делегатом Крыма А. Озенбашлы / *Озенбашлы А. С. Къырым фаджиасы. Сайлама эсерлер. (Трагедия Крыма. Избранные произведения)*. Из истории трагической судьбы крымско-татарского народа / Сост.: Керим Исмаил Асан-оглу, Озенбашлы Мерьем Амет-кызы. Симферополь, 1997. С. 61.

2 *Оболенский В. А. Мои воспоминания и мои современники*. Париж, 1926 // *Таврические ведомости*. 1994. № 32. 19 августа; В. А. Оболенский и его воспоминания «Крым в 1917–1920-е годы» // *Крымский архив*. 1994. № 1.

3 *Татарский голос*. 1917. 17, 23–24 ноября; Королев В. И. Крым 1917 года в мемуарах лидеров кадетской партии // *Историческое наследие Крыма*. 2006. № 15.

неспособную развиваться, увязшую в упадке и отсталости нескончаемого прошлого.

Идею Э. Хара-Давана¹ (февраль 1917 г.) об автономных калмыцких органах Временное правительство не поддержало. Тогда в избранный в марте Центральный комитет по управлению калмыцким народом (ЦК УКН) вошли представители калмыцкой элиты из числа тех, кто учился в Петроградском университете. В Астрахани создавался Центральный комитет по управлению калмыцким народом (ЦК УКН) из 5 членов и 5 кандидатов; на местах – улусные исполнительные комитеты в составе от 3 до 6 членов и двух кандидатов; аймачные – не менее 3 членов и 2 кандидатов. Центральный исполнительный комитет избирался съездом, а местные исполкомы – улусными и аймачными сходами в соответствии с дореволюционным составом этих сходов (аймачные старшины, хотонные старосты и выборные от кибиток). Номто Очиров² избран товарищем (т.е. заместителем) председателя ЦК. Юрист Санджи Баянов возглавил Совет интеллигенции по организации и проведению земских выборов в улусах. Съезд, сосредоточившись на вопросах просвещения и здравоохранения, подчеркнул в своем решении, что ЦК УКН – «*учреждение самостоятельное в делах по управлению калмыцким народом*»³.

Практически в то же время, 9 марта 1917 г., в Петрограде образован Бурятско-Калмыцкий комитет, председателем которого избран Н. А. Ханхасаев, уполномоченный Бурятского общества по сбору пожертвований на нужды войны и заведующий бурятским лазаретом в Петрограде. В принятом в день создания комитета постановлении он провозгласил создать на местах общественные организации бурят и калмыков взамен старой системы управления, уничтожить институты крестьянских начальников, уездную полицию. Новый порядок

1 Хара-Даван Эрэнджэн (1883–1942, Белград) – калмыцкий историк, политический публицист, общественный деятель, представитель движения евразийства. См.: Алексеева П. Э. Эрэнджэн Хара-Даван и его наследие: сборник статей и материалов. Элиста: Изд. дом Герел, 2012. С. 350.

2 НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 7. Л. 50, 50 об. Протокол съезда представителей калмыцкого населения Астраханской губернии в связи с предстоящим введением земства в Калмыцкой степи. председатель – комиссар Б. Э. Криштафович, товарищ председателя – Н. О. Очиров и члены: князь Д. Д. Тундутов, князь Т. Б. Тюмень, О. Б. Босхомджиев и Э. А. Сарангов. Съезд открыл правительственный комиссар – председатель Центрального комитета Б. Э. Криштафович.

3 *Наберухин А. И.* Калмыкия в трех революциях. Элиста, 1987. С. 78; *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. С. 195.

предполагалось осуществлять на началах национально-культурного самоопределения; а также учредить народную милицию вместо полиции; осуществлять подготовку к созыву Учредительного собрания. Для выполнения этих задач комитет планировал избрать комиссаров¹. Но Бурятско-Калмыцкий комитет выступал перед представителями Временного правительства от имени всех бурят и калмыков, не имея на то полномочий от этих народов.

К апрелю 1917 г. из Временного организационного комитета по делам автономии бурят-монголов в Чите образован *Центральный национальный комитет бурят-монголов Восточной Сибири* (Бурнацком) как высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти бурят. Предполагалось учредить сейм с законодательными функциями в культурно-автономистской сфере. В Иркутске создан региональный отдел Бурнацкома – Иркутский национальный комитет. Основной задачей созданного в далекой Сибири Бурнацкома, помимо организации выборов в Учредительное собрание и подготовки бурятского населения к введению земского самоуправления, стало развертывание национальных культурно-просветительных учреждений, издательств и т.п. Председателями Бурнацкома – Бурнардумы (с ноября 1918 г.) были Э.–Д. Ринчино (апр. – дек. 1917), Ц. Жамцарано (дек. 1917 – март 1918), М. Н. Богданов (март – апр. 1918), Д. Сампилон (апр. 1918 – осень 1919)². В состав Бурнацкома, возглавляемого Ринчино в апреле – декабре 1917 г., вошли бурятские интеллигенты М. Богданов, Ц. Жамцарано, Б. Барадин, Б.–Д. Гомбоев и др. Съезд представителей 11 родов хоринских бурят нашел «крайне необходимым... обратиться к правительству с петицией от лица всех бурят о немедленном восстановлении особым актом национальной автономии бурят с учреждением постоянно функционирующего выборного общенационального бурятского собрания... которое и должно заняться немедленно реформированием управления и суда бурят на началах широкого демократизма и народовластия»³. Декларацию об автономии принял и съезд

1 Национальное движение в Бурятии в 1917-1919 гг. С. 9.

2 Очиров С. Бурятский национальный комитет // Байкал. 1994. № 2; Бабаков В. В. Бурнацком – Бурнардума: Первый опыт национального строительства в Бурятии. Новосибирск, 1997; Варнавский П. К., Дырхеева Г. А., Скрынникова Т. Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX – первая треть XX веков). Иркутск, 2003.

3 Хаттаев П. Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Улан-Удэ, 1964. С. 155.

бурят Агинского аймака, заявив «о необходимости установления бурятской национальной автономии в области внутреннего законодательства, суда, администрации, народного здоровья, ветеринарии, школы, охраны порядка, духовной и материальной культуры, с правом пропорционального участия в государственном и местном бюджетах»¹. Съезд иркутских бурят решил, чтобы «автономия распространялась на всех бурят, не исключая казаков и тунгусов, говорящих на монголо-бурятском языке, если они пожелают присоединиться к требованию национальной автономии»².

Председатель Временного Бурятского национального комитета М. Н. Богданов составил проект бурятской национальной автономии. «В области национальной автономии буряты Иркутской губернии и Забайкальской области объединяются в одно целое. Основной территориальной единицей автономии является обособленная земельная единица (сомон). Он, объединяясь с соседним, организуется в хошун, а хошуны, объединяясь, организуют аймак. Верховным органом бурятской национальной автономии, объединяющим все части бурятского народа в одно целое, является Бурятская национальная дума»³. Предполагалось «этнополитическое структурно-организационное объединение всех бурят без включения в состав органов управления представителей других национальностей»⁴. Проект Богданова рассмотрел Первый общепурятский съезд в Чите 23–25 апреля 1917 г. С некоторыми изменениями он назван «Статутом о временных органах по управлению культурно-национальными делами бурят-монголов и тунгусов Забайкальской области и Иркутской губернии». На краевом съезде 25 июля в Иркутске с докладом по национальному вопросу выступил Э.–Д. Ринчино: «Сейчас революция поставила перед бурятами вопрос об устройстве их жизни. Численность интеллигенции в рядах бурят значительно увеличилась, и сейчас народ находится под ее влиянием. В этой революции образовалось 2 течения: революционное и национально-буржуазное. Национально-буржуазная партия выставила требование полного восстановления положения 1822 г., но революционная повела непримиримую борьбу против

1 Национальное движение... 1994. С. 15.

2 Хиптаев П. Т. Октябрьская социалистическая революция... С. 156.

3 Там же.

4 Скрынникова Т. Д. Традиционная потестарно-политическая культура и современная самоидентификация бурят // Сибирь: этносы и культуры. Вып. 5. М.–Улан-Удэ, 1999. С. 4–29.

этого. На почве неосведомленности и глубокого незнания бурятских нужд центральное правительство в особом совещании министерства внутренних дел решило восстановить степные думы». В октябре 1917 г. в Верхнеудинске на III Общебурятском съезде утвержден богдановский «Статут»¹.

Из Калмыкии по поручению Центрального комитета по управлению калмыцким народом (ЦК УКН) Н. Очиров и Д. Тундутов срочно выехали в Петроград для протеста Временному правительству. Проект Комиссии по реформе местного управления и самоуправления МВД они назвали «совершенно недопустимым», противоречащим «желаниям калмыцкого народа». Они обращали внимание на то, что ЦК УКН создавался как орган, независимый от губернской власти, и настаивали, чтобы он и впредь подчинялся непосредственно центру. В противном случае, подчеркивали они, «интерес калмыцкого народа всегда будет на втором месте, так же, как было до сего времени».

9 марта в Ревеле образован Таллинский эстонский союз (Эстонская лига), потребовавший от Временного правительства введения автономии и присоединения к Эстляндской губернии северных уездов Лифляндии². В апреле в Петрограде организована 40-тыс. демонстрация эстонцев. Избран Временный земский совет Эстляндской губернии – Маапяэв (*Festimaa Kubermangu Ajutine Maanõukogu Maapäev*) как законодательный орган Эстляндской губернии³.

5 марта создан Якутский областной комитет общественной безопасности (ЯКОБ) во главе с большевиком Г. И. Петровским. 6 марта образован Литовский национальный совет.

Отметим попытку создать «инородческий политический блок». Вначале предполагалось созвать общеинородческий съезд. П. Н. Миллюков положительно относился к такому проекту, что сближает его со Сталиным. По сути дела, это был бы аналог советского Наркомнаца. Идея возникла на заседании комитета бурят, тунгусов, якутов, где было решено провести инородческую конференцию для подготовки общеинородческого съезда. Но потом «решили объединить вначале

1 Цит. по: *Цыпышева Н. В.* Деятельность национальных демократов и бурятский вопрос на страницах краевых изданий 1917–1922 гг. / Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в XX в. Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. С. 85–94.

2 Эстония. Энциклопедический справочник / Гл. ред. А. Раускас. Таллинн: Изд-во эст. энциклопедии, 2008.

3 *Miljan Toivo.* Исторический словарь Эстонии. 2004.

народности монгольского племени, т.к. они скорее поймут друг друга». На специальном заседании Икомуса 3 июня 1917 г. с представителями якутов, бурят и калмыков Н.Н. и Г.Н. Бадмаевыми¹ и Г.В. Никифоровым² этот вопрос обсуждался в такой редакции: следует ли образовать блок монгольских и тюркских народностей или же созвать общенородческую конференцию? Задачей блока должна стать защита интересов *азиатских* народностей. Заседание постановило образовать смешанную комиссию в составе четырех представителей – по два от Икомуса и Комитета бурят и якутов. Постановление осталось на бумаге. Временное правительство опасалось разделения России «на Азиатскую и Европейскую и того антагонизма, который может развиваться между ними»³.

Энергия этнических активистов концентрировалась в регионах. Оттуда уже с марта тянулись национальные делегации к Временному правительству с просьбами «даровать» культурно-политическую автономию «эстонцам, латышам, литовцам, грузинам и другим мелким народностям»⁴. 17 марта в ходе визита к премьеру Г.Е. Львову членов Украинского национального совета в Петрограде подняты вопросы украинизации просвещения, суда, церкви. 18 марта появилась литовская депутация. В нее входил депутат Думы от Ковенской губернии кадет М.М. Ичас, Янушкявичюс и Бельскис посетили Львова и передали ему пожелания «литовской демократии». Российский премьер-министр заявил, что он приветствует их инициативу и внесет вопрос о будущем литовских территорий на обсуждение ближайшего заседания правительства⁵. Однако каких-либо существенных действий в этом направлении не последовало. Российские власти не имели реальной возможности влиять на события в Неманском крае, где тогда хозяйничали немцы⁶.

1 Бадмаев Николай Николаевич (? – 26.2.1939), востоковед, врач, специалист по тибетской медицине.

2 Никифоров Г.В., якут, купец, меценат, вложил много средств в образование якутов. Его стипендиаты – будущие руководители Якутской АССР П. Слепцов-Ойунский, М. Амосов, С. Аржаков, И. Барахов и др.

3 Тагиров И. Запоздалое издание: И. Терегулов. Очерк по истории общественного и революционного движения мусульман России // Эхо веков. 2002. № 1/2. С. 30–41.

4 Булдаков В.П. Хаос и этнос. С. 174–179.

5 Андреев А.М. Борьба литовского народа за Советскую власть. М., 1954. С. 20.

6 В конце марта 1917 г. в Берлине принимали литовскую делегацию во главе с А. Сметоной, которая привезла меморандум, обосновывавший потребность создания самостоятельного литовского государства, как противовеса Польше, и указывавший на ту пользу, которую получают немцы от этого. В ответ делегации было

Правда, Ичасу¹ предложили на правах товарища министра народного просвещения заняться реформированием учреждений ведомства императрицы Марии: призрением больниц, учреждений для детей-сирот, инвалидов, закрытых женских институтов, включить их в структуру МНП. Проблема, конечно, требовала срочного решения². Но связь Ичаса с литовскими проблемами, в силу переключения на указанные дела, прерывалась. Он оставался на предложенном посту до 4 июля 1917 г.

Впервые в истории России евреи заняли высокие посты в центральной и местной администрации. Так, кадет С. Лурье стал товарищем министра торговли и промышленности, меньшевики С. Шварц и А. Гинзбург-Наумов – товарищами министра труда, эсер П. Рутенберг – помощником заместителя министра-председателя, А. Гальпер[и]н – управляющим делами Совета министров. Г. Шрейдер стал городским головой в Петрограде, эсер О. Минор возглавил городскую думу в Москве, член ЦК Бунда А. Вайнштейн (Рахмиэль) – в Минске, меньшевик И. Полонский – в Екатеринославе, бундовец Д. Чертков – в Саратове. Евреи также принимали активное участие в работе Советов рабочих и солдатских депутатов. В Петроградском совете работали меньшевики Ф. Дан, М. Либер, Л. Мартов, Р. Абрамович, эсер А. Гоц. I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов избрал А. Гоца председателем Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК). В сентябре 1917 г. председателем Петроградского совета стал Л. Троцкий. В провинциальных советах, особенно в бывшей черте оседлости, участие евреев, которые представляли как еврейские, так и общероссийские партии, было еще более заметным.

рассказано о будущих огромных успехах Германского рейха и возможности некоторой автономии для литовцев (Historia Polski. T. III. Cz.3. PWN. Warszawa, 1974. S. 372.). 30 мая 1917 г. администрация Обер Оста издала распоряжение о созыве на подвластной ей территории Ковенской и Виленской губерний т.н. Земского совета. См.: Иванов В. De jure и de facto. Документальная история Литвы и формирования государства литовцев в межвоенный период 1919–1941 гг. Т. I. Ad rem. Вильнюс, 2005.

1 ГА РФ. Ф. Р-1779. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–2; Ичас Мартин Мартинович (1885–1941). Литовский общественный и политический деятель, журналист, юрист, кадет. Чл. ЦК к.-д. (1916–1917). Его упоминает П. Милуков в воспоминаниях о приеме Георгом V думской делегации и словах короля о том, что «литовский народ возродится». В первом составе Временного правительства Литвы (ноябрь–декабрь 1918 г.) – министр торговли и промышленности. См.: Кирьянов И. К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006. С. 241, 276.

2 Фруменкова Т. Г. Изменение системы управления Мариинским ведомством и Петроградским воспитательным домом в марте – октябре 1917 г. // Вестник Герценовского института. 2011. № 9. С. 69–73.

В 1917 г. наблюдался расцвет еврейских культурно-просветительских, здравоохранительных и спортивных организаций, еврейской печати. Учрежденная идишистами Культур-лиге открывала учебные заведения, где преподавание велось на идиш. Признанием равноправия и национальной значимости идиш обозначились самостоятельное направление и модель модернизации еврейской культуры – идишизм. Ему придано социокультурное измерение, вышедшее за рамки породивших его конкретных проблем. Идишизм выступил как национальная идеология. Концепция основывалась на возможности модернизации еврейства в диаспоре на базе национальной автономии, созидая «современную еврейскую культуру» на разговорном языке восточноевропейских ашкеназов. Идишизм стал важнейшей альтернативой сионизму, одним из факторов, способствующих сотрудничеству малосовместимых идеологий. В его российском варианте, «культур-лигизме», центральное место заняла идея новой национальной культуры, опирающейся на народный язык, носящей светский и демократический характер. «Культур-лигизм» рассматривал язык не просто как средство коммуникации, но видел в нем целостный культурный феномен, результат непрерывного коллективного творчества народа (М. Зильберфарб и Н. Майзель¹). «Народные массы» («чернозем нации») живут «органической» жизнью, «стихийно» создают культурные ценности на «народном» языке. Секулярный характер «новой еврейской культуры» придаст ей динамичность, устремленность в будущее, демократизм ее обеспечит связь с социальными идеалами. Такой механизм предполагал культурный синтез старого и нового, национального и универсального, творческое превращение разных элементов в органический сплав, в нем они образуют нечто новое и оригинальное. Устранится дихотомия «национального» и «общечеловеческого», еврейский народ полноправно войдет во «всемирную семью народов», не утратив национального характера².

1 Зильберфарб М. (1876, Ровно – 1934, Варшава), один из основателей СЕРП (1906) в России. После революции 1917 г. лидер Фарейникте. Министр по еврейским делам Центральной рады (январь – февраль 1918). Автор книги «Еврейское министерство и еврейская национальная автономия на Украине» (1919); Майзель Нахман (1887, Киев – 1966, кибуц Аллоним), редактор и критик идиш литературы, литературовед.

2 КЕЭ. Т. доп. 3. Кол. 245–251.

Но сторонники иврита не уступали. После Февральской революции 1917 г., в соответствии с решениями Второй конференции Це'ирей Цион (социалистов-сионистов) и Петроградской конференции сионистов (24–31 мая 1917 г.) о национальных учебных заведениях, возникли общества Тарбут и Иврис. В центре дебатов на Петроградской конференции российских сионистов находились стратегия и тактика движения в новых условиях. Ю. Бруцкус и другие участники подчеркнули, что в стране возникли благоприятные условия для реализации Гельсингфорсской программы, прежде всего, для обретения еврейским народом в России автономных прав. В марте 1917 г. сионисты восстановили в Москве центральное бюро всероссийского отделения Еврейского национального фонда, которое возглавил И. Членов.

Сионистское общество Тарбут создало около 250 учебных заведений (детских садов, начальных и средних школ, педагогических училищ), где преподавание велось на иврите. Тарбут принял план Жаботинского. Сначала кампания велась под лозунгом «две пятых», т.е. две пятых предметов программы еврейской школы должны преподаваться только на иврите. Вторая конференция Це'ирей Цион, обсуждая доклад Х. Гринберга, постановила: «Только иврит является национальным языком, объединяющим в диаспоре еврейство... народным языком в Эрец-Исраэль может и должен быть лишь иврит; но... учитывая, что подавляющее большинство народных масс в странах Восточной Европы и Северной Америки пользуется для повседневных нужд языком идиш». Таким образом, «в национальных учебных заведениях преподавание должно вестись на иврите, что должно заложить основы образования и культуры на языке иврит; 2) должное место должно быть уделено и языку идиш». Но писавший на иврите известный публицист сионист Е. Сыркин опубликовал в 1917 г. в журнале «Сфатену» («Наш язык») статью «Уродства языка». Он писал: «Некоторые полагают, что мы должны говорить только на иврите даже на публичных собраниях и все предметы в школе проходить на этом языке. Пришло ли для этого время? Достаточно ли мы владеем ивритом, чтобы говорить, понимать и выражать на нашем священном языке все понятия новейшего времени? Отнюдь нет, друзья и братья»¹.

В Москве начал работать театр «Габима» – первый в мире профессиональный театр на иврите. Продолжало свою работу и Общество для распространения просвещения между евреями в России;

¹ Цит. по: *Крюков А.* Иврит, идиш и «языковые войны» // Евр. обозреватель. 2005. № 21/112.

в мае 1917 г. в Москве под председательством Х. Н. Бялика прошел съезд Агуддат ховевей сфат эвер¹. Только на русском языке в 1917 г. выходило свыше 50 еврейских периодических изданий, а на идиш одни лишь сионисты выпускали 39 газет, листов и бюллетеней. Яркие события на национально-культурной почве состоялись и в других этнокультурных средах.

В середине апреля 1917 г. Минский БНК направил в Петроград делегацию во главе с Р. Скирмунтом. Делегация встретила с Г. Е. Львовым и передала ему меморандум с изложением требований минского съезда (провозглашение России федеративной республикой, демократизация органов местного самоуправления, разрешение на создание белорусских школ, выплата компенсации белорусскому населению за ущерб, причиненный в годы войны, объединение этнически белорусских земель).

2.6. Украинская центральная рада

Любопытно, что резкие дискуссии в еврейском социуме, строительство мусульманскими элитами автономных структур, внутренние разногласия насчет их устройства не вызвали у Временного правительства такой негативной реакции, как строительство автономных структур Украинской центральной радой. Казалось бы, этот процесс из-за этноязыковой и этноконфессиональной близости элит Петрограда и Киева, да и близости их друг другу в профессиональном и политическом отношении, должен был помочь перенастроить внутреннюю ситуацию, которая у Временного правительства не складывалась и не клеивалась. УЦР, создавая себя, отчасти подсказывала новую схему устройства власти. Что схема должна быть простой, этого требовал язык новой геополитики, отодвигая дискурсивную нищету старой имперской политики. Новый политический язык был необходим как новое политическое эсперанто. Но мировосприятие и Временного правительства, да и УЦР, оказалось ближе к устаревшему имперскому дискурсу, ненавистному в национальных регионах. Эта, в общем, примитивная дихотомия не давала возможности реально истолковать ситуацию. Зато «требовала» простые решения: эти – «свой», эти – «чужие», пренебрегая тем, что М. П. Драгоманов в конце жизни подвел черту под полемикой с тем сортом малообразованных украинских националистов, которые, по его мнению,

¹ Общество любителей языка иврит.

дискредитировали и дезориентировали проблему тенденциозностью и примитивизмом своих писаний. Сравнивая русификаторскую политику с политикой крупных европейских государств, Драгоманов признал: «Русификация не является системой, которая вытекает из национального духа великоруссов или из именно российской государственной почвы. Она, по крайней мере, в значительной своей части, есть следствие определенной фазы общеевропейской государственной политики. Особенным российским элементом в теперешней системе русификации можно считать определенную брутальность, которая проявляется, например, в возвращении униатов в православие или запрете украинской литературы. Но и эта брутальность представляется российской особенностью только для нашего XIX в., потому что в XVII–XVIII вв. отношение Людовика XIV к гугенотам или англичан к шотландцам-горцам было еще более брутально. Даже теперь, если сравнить отношение российского самодержавного, то есть архаичного, правительства к униатам и украинцам с отношением конституционного венгерского правительства к словакам, еще неизвестно, кому надо будет отдать пальму первенства на этом конкурсе брутальности»¹. Но в феврале 1917 г. эта конкуренция уже мало кого интересовала на Украине. Тем более что отношения центра с УЦР складывались особенно конфликтно.

Конечно, Петроград заботила близость фронта, «влияние внешнего фактора». Война с центральными державами и союзной им Турцией оставалась реальностью и влияла на понятие патриотизма и особенно российской идентичности и среди прежних имперских элит, и среди нерусских элитных слоев. Раздражало и то, что традиционные ценностные категории имперского общества замещались национальными в непростой период военного противостояния, причем, как казалось в Петрограде, под влиянием зарубежных, прежде всего европейских, идеологий и социальных движений. Причем тех, с кем и велась война.

Конечно, на остроту восприятия образуемых национальных комитетов могли оказывать влияние культурно близкие государства, диаспоры, например, очевидно турецкое влияние в Закавказье на азербайджанцев². Мусульмане на своих съездах вообще отказались поддерживать Временное правительство по вопросу о завоевании проливов.

1 Драгоманов М. Чудацькі думки про українську національну справу // М. П. Драгоманов. Вибране. Київ: Либідь, 1991. С. 533–534.

2 Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. С. 70.

Однако это обстоятельство не стало основанием для обвинений их в предательстве. Ни к каким национальным структурам не предъявлялось таких резких обвинений, как к Украинской раде и ее лидерам. Только украинским политикам пришлось активно отрицать эти обвинения. Данный аспект до сих пор остается дискуссионным¹.

Известия о смене центральной власти достигли Киева 3 марта и в тот же день попали в местные газеты. На политическую арену вышла Украинская центральная рада (УЦР). В приветственной телеграмме князю Г. Львову и министру юстиции А. Керенскому от 4 марта и в «Обращении к украинскому народу» 9 марта Рада заявила о поддержке Временного правительства. Выражалась надежда, что «недалеко уже время полного осуществления наших давнишних стремлений к свободной федерации свободных народов»². Петроградские визитеры, да и местные назначенцы не выказывали особых опасений в момент официальных мероприятий в честь новой российской власти³.

Как оценивал лидер эсеров В. Чернов, УЦР вначале не привлекла к себе большого внимания: «Организация – на первый взгляд, очень скромная»⁴. Это была, описывал свои впечатления А. А. Гольденвейзер, «первая встреча украинской и русской общественности после революции. И приветствия, и поцелуи – все это было прекрасно и даже трогательно». Н. Д. Полонская-Василенко отмечает: в первые месяцы «устремления украинских деятелей всех партий ограничивались автономией Украины в федеративной Российской державе. Про

---

1 См.: Греков Б. И. Национальный аспект внешней политики Германии в годы Первой мировой войны (Лига нерусских народов России) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 419–431). Автор считает, что германская политика оказала на нее мощное воздействие, равно как и на рост межнациональных конфликтов, и заслуживает глубокого анализа. Именно тогда ярко проявились центробежные тенденции, которые получили политическое и юридическое оформление. Используя материалы посольства Германии в Швейцарии, германских архивов и имеющиеся исследования, он не упоминает ни одного из лидеров УЦР (см. также: «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871–1918 гг. Отв. ред. В. К. Волков. М., 1977).

2 Киевская мысль. 1917. 5 марта; Соколова М. В. Великодержавность против национализма: Временное правительство и Украинская центральная рада (февраль – октябрь 1917) // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. 1. М., 1995.

3 Воронов С. Н. Национальный вопрос и Временное правительство // <http://etnokonf.astrobi.ru/document/1512>

4 Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920.

самостийность, про создание независимого государства думали только единицы»¹.

Но последовали и мелкие, неприятные уколы. С. Гольдельман писал: «Русские в Петрограде, а евреи в Киеве не верили своим глазам, просто не могли поверить, что действительно существует большая нация, которую люди носят, и великая страна, которая называется Украина»². «Первоначально мы смотрели на Раду как на чисто национальное объединение, наподобие нашего “совета объединенных еврейских организаций” и “Польского исполнительного комитета”», считал А. Гольденвейзер³.

6–8 апреля состоялся Украинский национальный конгресс, способствовавший повышению авторитета и легитимации Рады. Состоялось более 300 публичных выступлений. Конгресс постановил: «Признавая за российским Учредительным собранием право санкции нового государственного устройства Российской республики, [Конгресс] считает, однако, что до созыва российского Учредительного собрания сторонники нового порядка на Украине не могут оставаться пассивными и должны, по соглашению с меньшими народностями, безотлагательно создавать основы ее автономной жизни». Грушевский на конгрессе подчеркнул: «Украинцы не имеют намерения отрывать Украину от России. Если бы они имели такое намерение – они бы выступили искренно и открыто с таким лозунгом. Ведь теперь за это они ничем бы не рисковали»⁴. Он отвергал выдвинутые против УЦР обвинения в сепаратизме и шовинизме. В статье «Чи Україна тільки для українців?» («Только ли для украинцев Украина?»⁵) писал: «Мы думаем как раз, что Украина не только для украинцев, а для всех, кто живет на Украине, а живя, любит ее, а любя, хочет трудиться на благо края и его жителей. И всякий, кто разделяет подобные взгляды, дорогой согражданин для

1 Полонська-Василенко Н. Д. Історія України. Київ, 1992. С. 462.

2 Гольдельман С. Еврейская национальная автономия в Украине. 1917–1920, Мюнхен, 1963.

3 Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний (1917–1920 гг.). Гольденвейзер по окончании Киевского университета занимался адвокатской практикой. С 1917 г. читал в вузах Киева курсы лекций по общей теории права, государственному праву и политической истории Запада. В 1918 г. – член Малой рады, законодательного органа УНР, избран как представитель еврейского меньшинства.

4 Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. Т. 2. Нью-Йорк: Изд-во «Правда о России», 1961.

5 Нова Рада. 1917. № 15. См. также: Грушевский М. С. Хто такі українці і чого вони хочуть. К.: Товариство «Знання» України, 1991.

нас, независимо от того, кто бы он ни был – великоросс, еврей, поляк, чех». В июне 1917 г. профессор Харьковского университета историк Людвик Яновский, подчеркивавший роль этого учебного заведения как культурного аванпоста в Восточной Европе и духовного стимула, усилившего и развившего интерес к украинскому языку, к малорусской истории и этнографии, в Киеве стал директором польской женской гимназии и профессором открытых при гимназии Высших польских научных курсов. Курсы затем преобразуются в Польский университетский коллегиум. Оказавшись на украинской земле, ученый с новыми силами продолжал напряженно работать.

Конгресс высказался за провозглашение автономии Украины в составе демократической федеративной Российской республики и поручил Центральной раде начать переговоры по этому вопросу с Временным правительством.

Первая сессия обновленной Рады избрала Малую раду в составе 20 человек для постоянной работы между ежемесячными сессиями Центральной рады. В Киеве вопреки запрету Временного правительства прошел II Всеукраинский военный съезд. 7 июня В. Винниченко, выступая на нем, заявил: «Мы свою национальную революцию творим сами. Отпор нас еще больше воодушевляет»¹. Тогда же состоялся Всеукраинский крестьянский съезд. Продолжалась очередная сессия Центральной рады. Ее основной задачей была подготовка и провозглашение I Универсала. Временное правительство, уклонившись от ответа об учреждении автономии, «отослало нас к будущему Учредительному собранию», «принудив самим творить свою судьбу»². «Одновременно, – отмечал М. Грушевский, – дебатировалось дело... национального украинского правительства». Член ЦК УПСР И. Маевский настаивал: «Время внести ясность и раздельность в функции нашего украинского центра. Центральная Рада должна функционировать как временный украинский парламент; но должно возле нее быть или ею организовываться украинское правительство». Возглавить правительство предлагалось М. Грушевскому. Он заявил, что «не имеет охоты переходить на экзекутиву и лучше бы остался в Центральной Раде». Колебались и другие члены Рады: эсеры, вспоминая Грушевский позднее, не проявили энтузиазма, социал-демократы и социал-федералисты отнеслись «неблагосклонно, считая этот шаг преждевременным и слишком ответственным».

1 Киевская мысль. 1917. 8 июня.

2 Конституційні акти України. 1917–1920. Київ, 1992. С. 58–59.

Во время дискуссии А. Шульгин заявил: «Мы создаем лишь автономный строй и своего правительства создавать не можем». Его беспокоили взаимоотношения с центром: «Как мы должны отнестись к Временному правительству?» Он считал, что следует ограничиться требованием права вето на постановления центра, которые касаются Украины. Против создания правительства выступил эсер Н. Григорьев. Его также беспокоило установление взаимоотношений «с национальными меньшинствами на Украине»: «до достижения согласия мы не должны утверждать Генеральный секретариат как правительство, а лишь как свое национальное представительство», – считал он.

Большинство ораторов отстаивали создание Генерального секретариата. Г. Ковалевский утверждал: «Генеральный секретариат является ребенком революции, а фракция с[оциалистов]-р[еволюционеров] считает его правомочным правительством, которое должно организовать Украину и вести ее к лучшей жизни». Он призывал «не вертеть назад колеса украинской революции». Его поддержали эсер лингвист Н. Любинский¹, эсдеки М. Еремиев, Н. Ковальский², З. Высоцкий, а также Д. Личко, который выступал от крестьян. Сразу решение не одобрили. Согласились на формулу перехода: «Приветствуя в принципе идею учреждения Генерального секретариата, утверждая его состав, ожидая скорейшего оглашения декларации Секретариата, Центральная рада переходит к очередным делам». В ответ на просьбу А. Шульгина заменили слово «правительство» словами «высший революционный орган украинского народа».

1 Любинский Николай Михайлович (1891–1938, урочище Сандармох, Карелия) – украинский языковед. Член УЦР. Окончил Каменец-Подольскую гимназию с особым отличием в словесных науках и поступил на филологический факультет Киевского университета. Был членом совета Украинской студенческой общины, старостой факультета. На Всеукраинском национальном конгрессе 5 апреля 1917 г. избран в УЦР, в сентябре – делегатом Всероссийского съезда народов в Киеве (секретарем Совета народов), а в ноябре – представителем от Подолья на Всероссийском учредительном собрании. В Брест-Литовске – в составе делегации от Украинской Народной Республики.

2 Ковальский Николай (1885–1944) – украинский общественный и политический деятель. Родился на Волыни. Был членом Украинской революционной партии, позднее – Украинской социал-демократической рабочей партии. С апреля 1917 входил в состав Украинской центральной рады. В 1918–1920 возглавлял Департамент государственного контроля УНР. В эмиграции жил в Польше. Во время Второй мировой войны сотрудничал с украинском движением сопротивления, за это был арестован гитлеровцами. Погиб в концлагере Дахау (Германия).

Таким образом, создание правительства вошло в фазу практической реализации. 23 июня Комитет УЦР решил «сформировать орган под названием Генеральный секретариат, не ожидая начала новой сессии, так как неделя между тем моментом и очередной сессией в нынешних обстоятельствах – большой промежуток (времени)»¹. Рекомендовалось утвердить решение Комитета и состав Генерального секретариата, а его программу обсудить через несколько дней. Отметим яркую декларативность универсалов, деклараций, постановлений съездов и пр. и их безусловную ценность для историков. Эти документы важны тем, что объясняют мотивацию этого национального движения, и очень полезно вчитаться в эти тексты (несмотря на то, что практически не было сделано ничего, чтобы провести все декларации в жизнь)². В своей декларации от 27 июня, за подписью генерального писаря П. Христюка, Генеральный секретариат сообщал: «Уважаемые коллеги! Верховная Рада достигла в своей национально-политической деятельности серьезного, ответственного момента. Из исполнительного органа объединенных партийных и общественных групп, которым она была в начале революции, она стала не только *высшим исполнительным, но и законодательным* органом всего организованного Украинского народа. Мы в своем лице, в лице Украинской Верховной Рады, представляем картину формации власти, но власти вполне *новой, современной*, опирающейся на совсем иные фундаменты, нежели *старая европейская и особенно российская дореволюционная власть*. Не физическое и экономическое насилие; не темнота, забитость и экономическая зависимость поработенных классов; не страхование и гипнотизация религией; не натравливание одной части угнетаемых на другую – не такие средства дали нам, собравшимся здесь, право и силу решать нормы жизни, обязательные для каждого, кто признает себя Украинцем. Это право родилось и выросло из одного чистого доверия, не подмешанного никаким законным или незаконным принуждением. И Верховная Рада, принимая на себя эту волю и доверие народа, стала неотделимой, органически слитной частью этого большого целого. Каждый день распространяет и углубляет эту сконцентрированную волю. Разные формации Украинской демократии подливают в общий резервуар могучей силы, сами в то же время черпая из него. И в сей момент мы находимся как

1 Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. Т. I. Київ, 1996. С. 127.

2 Христюк П. Записки і матеріали до історії української революції. 1917–1920 рр. У 4-х т. Нью-Йорк: Изд-во Чарторийських, 1921.

раз в самой важной, но в то же время и в самой критической поре нашего формирования. Мы вступили в ту зону, где стираются границы двух властей – моральной и публично-правовой. Мы уже не можем сказать, какой половины больше или меньше. Размер и сила нашей моральной власти настолько разрослись, что она сама собой, под натиском логического хода событий без боли и без мятежа превращается в настоящее народоправие. Народ своим разумом лучше всего понимает идею настоящего народоправия, идею демократической власти, которая идет снизу, а не сверху, которая существует для народа, а не народ для нее. Украинская демократия сконцентрировала свою волю в Верховной Раде, на нее возложила лучшую оборону своих интересов и только поэтому ей и можно верить. А отсюда уже вытекает логический вывод: когда доверие, то доверие до конца, во всех сферах как национальной, так и экономической, политической и государственной жизни.

Здесь *нет вражды к Петрограду, но есть полнейшее равнодушие к нему*, так как Украинская демократия имеет свою собственную власть, которую сама создала и которой целиком доверяет. Но легче довериться, чем оправдать чье-то доверие. А особенно, когда это доверие происходит отчасти во имя интересов целого, ибо мы пока еще представители доверия не всего целого, а только определенной части его. Мы знаем, что эта часть больше, мы знаем, что вторая часть естественным путем скоро придет к тому же. Но пока она не дошла, пока эти части не слились в одно целое, процесс нашего формирования, значит, тоже не окончился. А поэтому не закончился и процесс превращения нравственной власти в публично-правовую, полноценную, со всеми свойственными ей компетенциями, функциями и аппаратами. И вот заданием Верховной Рады в сей критический, переходный момент является ускорение этого процесса, помощь ему. Генеральный секретариат как исполнительный орган Верховной Рады, которому она передает в сей сфере свою полную власть, только так и понимает свое назначение. Главным заданием Верховной Рады до недавнего времени было объединение Украинской демократии на почве только национально-политических взглядов. Но жизнь понемногу раздвинула эти узкие рамки. Одних национально-политических взглядов стало мало, время требует большего: народ хочет объединиться для решения всех вопросов, которые выдвигает ему и экономическая, и социальная обстановка. И поэтому Верховная Рада должна была расширить свою платформу, должна была стать национальным Сеймом,

в котором должны освещаться и решаться все те вопросы, которые ставит перед нами жизнь. И поэтому-то образование Генерального секретариата стало необходимой ступенью развития другого представительского органа. Институт Генерального секретариата должен охватывать все потребности Украинского народа. Согласно этим требованиям, работа разделена между отдельными секретарями: *секретарем внутренних дел, финансовых, судебных, продовольственных, земельных, образовательных, иностранных дел, по вопросам труда, дорог, торга, промышленности, секретарем военных дел*. Самым первым препятствием планомерного перевода этой работы является недостаток политико-социального и национального сознания и малая организованность народных масс. В этом кроется наибольшая угроза и для общих достижений революции, организации автономного строя на Украине, который станет наилучшим закреплением этих достижений. Этой стороной жизни нашего народа должен заниматься Генеральный секретариат по вопросам внутренних дел. В его концепции должно быть все дело организации, агитации, пропаганды. В Секретариате внутренних дел должны быть сконцентрированы *разные общественно-административные аппараты, созданные Украинской демократией* до этого времени. *Они до сих пор существовали и работали отдельно, оторвано друг от друга, не соединенные одним планом, одной системой*. Теперь это должен быть один аппарат, состоящий из разных частей, но под руководством генерального секретаря внутренних дел. Организация и осознание масс – это первый, необходимый, самый главный фундамент дальнейшего строительства. А следующей ступенью сего строительства, основанного на сознании и организованности, является перестройка местной и общерегиональной административной власти. Сельские, местечковые и волостные административные органы, земские управы, уездные комиссары, городские думы, губернские комиссары, словом, вся организация власти может быть органически связана с Верховной Радой только тогда, когда демократия, которая образует эти органы, состоит также в тесной связи с Верховной Радой. И это является вторым заданием Секретариата во внутренних делах, то есть приспособление всего административного механизма к потребностям организованной, осознанной демократии и подготовка посредством этого самого аппарата следующей ступени – *организации единой краевой автономной власти с уважением к демократиям других национальностей на Украине*. Имея в виду, что эта позиция, которую заняла Верховная Рада, является позицией

построения новой политической жизни на Украине... В деле народного образования Секретариат ставит своей целью, в первую очередь, соединить в своих руках все управление школьным образованием, а именно: контроль над проведением на местах украинизации школы, организацию издания учебников, нахождения и подготовки учителей для школ и в помощь сплочению их в профессиональные союзы. В вопросе внешкольного образования Секретариат ставит своей целью помощь культурным учреждениям. Для осуществления своих заданий в школьном деле Секретариат должен подумать о создании Всеукраинского школьного совета, который будет носить территориальный характер, а на данный момент должен воспользоваться существующим органом власти – школьными округами или общественными институтами, с которыми завяжет наиболее тесные отношения. Для постоянной связи с местами Секретариат должен учредить своих специальных комиссаров по народному образованию»¹. Это важный документ, и мы его цитируем практически полностью. Как видим, никакого поощрения сепаратистским настроениям данная декларация не содержит. Но важны и другие свидетельства. «Умеренные» автономисты В. Винниченко, Д. Дорошенко, как вспоминает А. Гольденвейзер, шли на «спасительный компромисс»: «После нескольких довольно бесплодных заседаний с украинскими представителями, Лепарский внес довольно неожиданное предложение – устроить следующую встречу на пароходе. И вот, в один из прекрасных июньских вечеров состоялось катанье по Днепру, в котором приняли участие все революционные властители города Киева. Были приглашены и украинцы, причем сам Грушевский нас не удостоил, но явился Винниченко и целый ряд *deorum minorum* (младших богов). Больше всех был доволен катаньем его инициатор Лепарский... Но остальные участники, менее поддавшиеся действию вина и свежего воздуха, чувствовали некоторую натянутость. Украинцы и за столом сидели отдельно, и на шутивно-примирительные тосты отвечали довольно угрюмо. Помню, как тот же Лепарский, с комическим азартом, взывал к украинским социал-демократам: “Покажите мне, какие тексты у Маркса оправдывают национальный сепаратизм!”... В конце концов из всего сказанного и спетого в эту ночь имели политическое значение только некоторые слова из речи Винниченко, которого чарующая обстановка заставила немного разоткровенничаться... После неизбежных рассуждений

¹ Вести из Украинской Верховной Рады. 1917. № 10. Июнь; Киевская мысль. 1917. 27 июня.

на тему о классовом составе украинского народа... он перешел к характеристике отдельных течений среди украинских националистов. Тут-то с его слов мы узнали, что среди украинцев имеется течение, – и притом довольно значительное, – которое рекомендует вместо длинных переговоров с Временным правительством оголеть фронт, отозвав украинцев из воинских частей. Жуткое впечатление произвели на нас эти слова... “Если Временное правительство будет продолжать упорствовать, – сказал Винниченко, – умеренные элементы украинства окажутся бессильными в борьбе против этого течения”¹.

Формирование Генерального секретариата во главе с В. Винниченко началось после оглашения I Универсала². 25 июня в Петрограде состоялась демонстрация и митинг на Марсовом поле в поддержку УЦР, организованные левыми фракциями Первого съезда Советов при участии воинских частей Петроградского гарнизона³.

Декларация Генерального секретариата, оглашенная В. Винниченко 27 июня, подтверждала создание «власти целиком новой, современной, которая опирается на совершенно другие устои, чем старая европейская и в особенности дореволюционная русская власть». В Декларации объяснялась правомерность действий: создание Генерального секретариата было необходимой ступенью развития. Институт Генерального секретариата должен охватывать все потребности украинского народа. Разъяснялось и отношение к Временному правительству, оговаривалось, что украинское руководство «вступило в ту зону, где стираются границы двух властей – нравственной и публично-правовой».

1 Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний (1917–1920 гг.). С. 12.

2 I Универсал УЦР провозглашен 10 июня на II Всеукраинском военном съезде. Основные положения: предоставить Украине автономию в рамках демократической и федеративной России; избрание на основе всеобщего прямого тайного голосования Украинского Учредительного собрания; УЦР провозглашала себя выразителем всенародной воли и брала на себя всю полноту политической ответственности; Универсал призвал к согласию и взаимопониманию с демократическими силами других наций; в Универсале содержалось требование устранения на местах отдельных лиц и организаций, которые «враждебно относились к идее украинской независимости» путем их переизбрания; провозглашалась необходимость создания украинской казны за счет организации сбора налогов с населения; содержался призыв к населению создавать органы власти на местах, которые бы находились в ведении УЦР; осуждалась политика Временного правительства на переговорах с представителями УЦР.

3 Революция 1917 года / Под ред. А. А. Поливанова и В. В. Старцева. СПб.: Третья Россия, 1995. С. 65.

Правительство создано на основах «коалиционного распределения между партиями». Четверо его членов состояло в украинской СДРП, двое – в украинской партии эсеров, один – независимый социал-демократ, двое – социал-федералисты. Временное правительство осудило Универсал как документ «преступный и сепаратистский».

Структура первого Генерального секретариата состояла из ведомств внутренних дел (его возглавлял глава правительства), финансов, межнациональных, военных, земельных, судебных, продовольственных дел, образования. В директивах, адресованных ведомствам, Секретариат межнациональных дел должен «объединить работу всех национальностей России для борьбы за автономно-федеративный порядок Российской республики», созвать съезд «представителей народов и областей России», с одной стороны, и наладить сотрудничество «с демократией национальных меньшинств в Украине – с другой». Перед секретариатом образования стояли задачи украинизации школы, помощи культурным обществам, ряд организационных решений¹.

Переход к Генеральному секретариату управленческих функций, жесткое реагирование на попытки центральных министерств в обход его взаимодействовать с местными органами власти на Украине усилили напряженность в отношениях между Петроградом и Киевом. Переход обозначил новый этап в формировании национальных исполнительных структур. С 28 июня по 2 июля в Киеве состоялись переговоры с делегацией Временного правительства, возглавляемой министрами А. Ф. Керенским, М. И. Терещенко и И. Г. Церетели, о разграничении полномочий УЦР и Исполнительного комитета киевской городской Думы, игравшей роль представительства Временного правительства в Киеве. О том, насколько нервно в Петрограде воспринимали эти переговоры в Киеве, свидетельствует тот факт, что «Временное правительство специально перенесло свои заседания в здание главного телеграфа, чтобы постоянно быть на связи с Киевом. Накануне отъезда Церетели и Терещенко правительство приняло специальное решение – делегация не должна подписывать никаких документов без одобрения всех членов кабинета»². Переговоры закончились соглашением, в котором Временное правительство признало

1 Украинская Центральная Рада. В 2-х т. К., 1996; Винниченко В. Возрождение нации. В 3-х т. К., 1990; Дорошенко Д. История Украины. 1917-1923 гг. Ужгород, 1932.

2 Федюк В. Керенский. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2009.

право на самоопределение за «каждым народом» и законодательные полномочия УЦР. По соглашению, заключенному 3 июля 1917 г., 30 % мест в Малой раде предоставлено национальным меньшинствам (великороссам, евреям и полякам); они должны также быть представлены в Генеральном секретариате. Делегация без согласования с правительством очертила территориальные рамки юрисдикции Рады, включив в них несколько юго-западных губерний России. Наблюдавший ситуацию вблизи В. С. Войтинский считал, что в последовавшей за событиями отставке всех министров-кадетов «украинский вопрос был не причиной, а поводом разрыва кадетами майской коалиции... поводом, а не причиной бурных событий следующих дней»¹. Второй универсал 3 июля гласил: «Граждане земли Украинской! Представители Временного правительства сообщили нам о тех определенных мероприятиях, которые Временное правительство должно употребить в деле управления на Украине к Учредительному собранию. Временное правительство, стоя на страже завоеванной революционным народом воли, признавая за каждым народом право на самоопределение и относя окончательное установление формы его к Учредительному собранию, протягивает руку представителям украинской демократии – Центральному совету и призывает в согласии с ним создавать новую жизнь Украины на добро всей революционной России.

Мы, Центральный совет, который всегда стоял за то, чтобы не отделять Украину от России, чтобы вместе со всеми народами ее направлять к развитию и благосостоянию всей России и к единству демократических сил ее, с удовлетворением принимаем призыв правительства к единению и оповещаем всех граждан Украины»².

Перед поездкой в Петроград украинская делегация объяснила цель поездки: «В последнее время вокруг украинского дела произошло столько шума, столько враждебных Украине возгласов слышно в разных лагерях “общерусского” общества, что невольно кажется, что то “самоопределение” народов, которым хотят всякие российские партии удовлетворить национальные требования наши, это только ничего не значащее слово... Нам необходимо ясное заявление правительства, в котором мы бы видели, что Временное правительство действительно не пренебрегает интересами украинского народа, что оно дает согласие на тот общественный порядок, без которого народ наш не может

1 *Войтинский В. С.* 1917-й. Год побед и поражений. Под ред. Ю. Г. Фельштинского. М.: Терра – Книжный клуб, 1999.

2 Конституційні акти України. 1917–1920. Київ, 1992.

и не будет жить. Нам необходимо признание правительством при всем народе наших политических прав, так как именно оно будет основой братского согласия великих народов»¹.

В. Винниченко так вспоминал поездку в Петроград для утверждения состава Генерального секретариата и его статута: в течение нескольких дней он и члены делегации Х. Барановский² и М. Рафес ожидали аудиенции в приемной премьер-министра. В конце концов, их принял заместитель премьера Н. В. Некрасов и министр внутренних дел Н. Д. Авксентьев в присутствии двух юристов-консультантов. «Позиция правительства стала понятной на первом заседании. Петроград не скрывал, что хочет отменить соглашение от 3 июля и ограничить украинские достижения до наименьшего минимума». Категоричное возражение вызвал Устав Генерального секретариата, утвержденный УЦР. Временное правительство отклонило его, заменив документом под названием: «Временная инструкция Генеральному секретариату Временного правительства в Украине». Количество секретарств сокращалось. Из компетенции Генерального секретариата изымались военные, продовольственные и судебные дела, пути сообщения, почта и телеграф. В соответствии с инструкцией УЦР могла лишь выдвигать кандидатов на должности генеральных секретарей, назначало их Временное правительство. Полномочия значительно ограничивались и распространялись лишь на Киевскую, Волынскую, Полтавскую, Подольскую и частично Черниговскую губернии. После первых заседаний члены делегации хотели прервать переговоры. Учитывая взрывной характер В. Винниченко, продолжение переговоров давалось нелегко. «Почему я должен на себе переносить самые плохие стороны социального существа сих людей? – писал он. – Понятно, если бы речь шла о моем личном деле, мои отношения с этими людьми кончились бы совершенно иначе, так же как и отношения других членов делегации. Но речь шла не об интересах того или иного человека. Таким образом, не личные чувства и вообще не чувства должны были решать наше отношение. Мы видели, что нас провоцировали, что нас нарочно, грубо и цинично высмеивали, унижали и вызывали негодование»³.

1 Чого їде делегація в Петроград? // Народна воля. 1917. 14 травня. С. 1.

2 Барановский Христофор Антонович (1874–1941) входил в состав Генерального секретариата Центральной рады в качестве генерального секретаря финансов, в 1920 г. – министр финансов УНР в правительстве Вячеслава Прокоповича. С 1920 г. – в эмиграции в Южной Америке, где и умер.

3 <http://proekt-wms.narod.ru/states/vinnichenko-vk.htm>

Наконец, премьер А. Керенский подписал «Инструкцию Генерального секретариата Временного правительства в Украине», скрепленную подписью министра юстиции. Это предоставляло ей статус нормативно-правового акта, обязательного для выполнения местными органами в Украине. Но Керенский не принял В. Винниченко, избегал встречи с ним. Винниченко позднее с горечью напишет: «Вместо конституции – инструкцию получила Украина от Временного правительства». В. Зеньковский неодобрительно отметил: «Уже лето 1917 г. привело к необходимости создания особого русского “секретаря” или министра (для защиты русских), каковым был назначен из Петрограда прив. – доц. (ныне проф.) Д. М. Одинец¹. Растолковать *политически*, что значило создание этого особого органа “русского секретариата” – положительно невозможно. По существу это был *посол* России в Украине – призванный защищать интересы многочисленного русского населения... Но ведь Украина не только еще не отделилась от России, но даже не имела никакой автономии... И все же, при всей неопределенности своего политического смысла, “генеральный секретарь” (одно название чего стоит!) по русским делам оказался живым и деятельным центром собирания русских культурных сил»².

Еще острее стал конфликт относительно постановления УЦР о созыве Украинского учредительного собрания с целью определения государственного строя Украины. В. Винниченко в газете «Народная воля» 12 октября заявил: «Украинское Учредительное собрание будет решать, что для нашего народа лучше всего: федерация, конфедерация или полная самостоятельность». Узнав об отрицательной реакции Временного правительства на постановление о созыве собрания, на заседании Генерального секретариата 17 октября он уточнил: «Генеральный секретариат, признавая вместе со всей демократией

---

1 Одинец Дмитрий Михайлович (1883–1950) – историк. Член ЦК Трудовой группы (1906–1917), министр великорусских дел в правительстве УНР (1917–1918), председатель киевского комитета «Союза возрождения России» (1918–1919), профессор русской истории и истории русского права в Сорбонне (1922–1948), председатель «Союза советских граждан во Франции» (1947–1948), профессор Казанского университета (1948–1950). По заданию Временного правительства в августе 1917 г. переехал в Киев и был назначен (как сам впоследствии писал в автобиографии, «в целях защиты русских людей от возможного проявления украинского шовинизма») заместителем генерального секретаря национальных дел, а затем – министром великорусских дел в правительстве УНР. Покинул этот пост после прихода к власти гетмана Скоропадского.

2 Зеньковский В. В. Пять месяцев у власти.

Российского государства право каждой нации на полное самоопределение, признает и за украинским народом право проявить свою волю на Украинском учредительном собрании. Но Генеральный секретариат будет вести работу в *направлении единства* Российской Федеративной республики»¹.

2.7. «Различие национальностей... принципиально отрицалось в нашем политическом круге... Мы сообща делали русское политическое дело»

Отношение к УЦР наиболее наглядно демонстрировало, как Временное правительство упускало настройку механизмов регулирования возникавших управленческих структур, сотрудничества с их активистами, пусть и выходящими из формируемого правового поля, но сохранявшими лояльность. Оно предпочитало опираться на «проверенных» деятелей. На местах же «проверенных» воспринимали как «прислужников старого режима». Кадетские правоведаы (несмотря на разные составы правительства, они продолжали разработку новых законов) не намечали правил взаимодействия с новыми механизмами функционирования многоэтничного сообщества. Но число национальных комитетов увеличивалось, особенно в связи с ухудшением социальной обстановки, возникающими очагами конфликтов².

Что проявилось в создании национальных комитетов? Намечались три, по крайней мере, типа национальных управленческих структур:

1. для своего этноса,
2. для разных этносов, проживавших на конкретной территории (Северный Кавказ, Закавказье, Поволжье, в Сибири для бурят, якутов и др.),
3. для этносов, исповедующих одну религию, прежде всего, ислам. То же, по сути, относилось бы и к еврейским комитетам, не будь они столь активны в сотрудничестве с известными общероссийскими партиями (эсерами, меньшевиками и пр.).

1 <http://proekt-wms.narod.ru/states/vinnichenko-vk.htm>; <http://www.kmu.gov.ua>

2 Перечень конфликтов, отраженных в периодической печати, см.: *Булдаков В. П.* Хаос и этнос.

4. предложения (кстати, от центра) организовать комитеты, отделившие русских от «инородцев», Россию «Азиатскую [от] Европейск[ой]» не встретили поддержки.

Поразительна быстрота и одновременность создания этих структур, типичность, проявившаяся, в первую очередь, в том, что в название включен этнический компонент. До летнего конфликта с Украинской радой они воспринимались скорее как политические или партийные клубы. По характеру одни из национальных комитетов действительно были похожи на общественные органы, другие начинали формировать исполнительные органы. Те или иные проекты или уже созданные структуры не воспринимались в Петрограде «всерьез» как новые механизмы власти. Но то, что обижало «сидельцев» в коридорах Таврического дворца, обрастало на местах дополнительными «эмоциями» и весомыми аргументами в пользу правильности взятого курса. Но комитеты все же шли по пути создания каналов связи этнических элит с центром.

Подобная рефлексия центра, как верно отмечает В. П. Булдаков относительно этнических конфликтов (но, уточним, и относительно национальных структур), вела к «выталкиванию» общероссийских, добавим, и без того слабых, структур из пространства власти¹. Но и у национальных структур опыта обустройства в новом для них правовом пространстве еще не было. Тем не менее, процесс создания национальных комитетов на местах развивался активнее, чем процесс взаимодействия с властными структурами в центре и его представителями на местах. Национальные комитеты и их активисты, опираясь на резолюции съездов, становились источником легитимности и даже политической идентичности власти. 25–27 марта 1917 г. в Минске съезд представителей белорусских национальных организаций (150 делегатов) высказался за «республиканский демократический строй и за присоединение к Российской Федеративной Демократической Республике на правах автономного государства». Делегаты признали необходимым создание в Минске Белорусской краевой рады. До ее выборов съезд, объявив себя «высшей краевой инстанцией», *исполнительным органом* постановил считать БНК. Р. Скирмунт стал председателем, избранным съездом.

Реакция Временного правительства на инициативы Украинской рады и характер их взаимоотношений был, конечно, замечен. В июне

1 Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 152.

1917 г. БНК преобразован в Центральную раду белорусских организаций и с октября 1917 г. она стала называться Великой белорусской радой, в состав которой вошли представители от партий и организаций национальной ориентации. Право посылать делегатов в Раду имели только те организации, которые признавали автономию Беларуси в составе Российской федеративной демократической республики, передачу земли крестьянам без выкупа и развитие белорусской культуры. Председателем Рады стал один из лидеров БСГ И. Лесик. Перед Радой поставлена задача объединить национальное движение. 19 сентября 1917 г. проведено собрание учителей средних учебных заведений Западного края. Участники приняли резолюцию «О необходимости преподавания в народных классах белорусских губерний на белорусском языке». В высших начальных и средних учебных заведениях предлагалось ввести в качестве учебных предметов белорусский язык, историю Белоруссии, этнографию и географию края. Местные элиты добивались свободного развития национального образования и культуры, «белорусизации» администрации, автокефалии местной православной церкви.

15 ноября вместо Озакома образован Закавказский комиссариат. Председателем его стал меньшевик Е. Гегечкори. 18 ноября 1917 г. Закавказский комиссариат принял декларацию «К закавказским народам». В ней он отмежевывался от советской России, отметив временный характер советского правительства, «только до созыва Всероссийского учредительного собрания, в случае невозможности его созыва оно сохраняло свои полномочия до съезда членов Учредительного собрания из Закавказья». Так давалось понять: Закавказье не провозглашает независимость от «демократической» России.

Но преобладали «мелочные споры с каждой национальностью... постоянный страх совершить невыгодную сделку, упрямое стремление отложить или избежать оплаты по векселям, предъявленным историей... Национальной политике не хватало широты взгляда». В лице Временного правительства народы России увидели лишь «упрямого, холодного и лицемерного защитника исторических привилегий “преобладающей” великорусской нации»¹.

В эмиграции историк Февральской революции Г. М. Катков характеризовал поведение Милюкова первых дней революции «грубо-бестактным»². Милюков позднее признал: «Различие национальностей...

1 Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920.

2 Катков Г. М. Февральская революция. Париж: YMCA-Press, 1984.

принципиально отрицалось в нашем политическом круге... Мы сообща делали *русское политическое дело*, одинаково нам близкое и одинаково нужное для достижения общих целей»¹. Но вотум недоверия на местах распространялся не только на правительство, но и на все общероссийские управленческие структуры. Милюков же воображал себя в «качестве подлинного героя, потерпевшего от презренных и дерзких врагов родины, государственности и порядка»². Но даже чиновнику юрисконсультской части Г. Н. Михайловскому уже в марте – апреле Милюков «не казался... (да и другим... старшим сослуживцам) человеком, могущим противостоять событиям»³.

Этническая недоверчивость, постоянно усугубляемая личной неприязнью правящих верхов, упиралась в стену непонимания и высокомерия. Керенский в воспоминаниях уколол кадетов, подчеркнув: «Милюков... ежеминутно, как аптекарь, взвешивал меняющуюся ситуацию, и каждый раз обвешивал самого себя»⁴. Чхеидзе, после выступления Милюкова о проливах, вызвавшего уход мусульманских элит из кадетских структур, назвал его «злым духом революции»⁵, А. И. Гучков – «толстокожим»⁶. Милюков не ошибался в наличии таких оценок, но сохранял самообладание. «Отсюда, вероятно, и вытекало то отношение ко мне Керенского, – пишет он, – о котором свидетельствует Набоков: “Милюков был его *bete noire* (объект ненависти) в полном смысле слова. Он не пропускал случая отозваться о нем с недоброжелательством, иронией, иногда с настоящей ненавистью”»⁷. Милюков и сам не упускал своего: «Что касается моего отношения к Керенскому, я скоро научился считать его показное величие, его диктаторскую позу величайшим несчастьем для русской революции. Но В. Д. Набоков прав, что “личные (мои) чувства и отношения в ничтожнейшей степени отражались на (моем) политическом поведении; оно ими никогда

1 Милюков П. Мои сношения с А. И. Браудо / Александр Исаевич Браудо. 1864–1924 (к десятилетию со дня смерти). Изд. Кружка русско-еврейской интеллигенции. Париж, 1937.

2 Суханов Н. Н. Записки о революции. Кн. 4. Первая коалиция против революции. 6 мая – 8 июля 1917 года. М.: Республика, 1992.

3 Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. С. 261, 264.

4 Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары: Пер. с англ. М.: Республика, 1993.

5 Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Т. 1–2.

6 Александр Иванович Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 7–12.

7 Набоков В. Временное правительство. С. 35.

не определялось. Совсем наоборот – у Керенского. Он весь был соткан из личных импульсов»¹.

Временное правительство и его Юридическое совещание столкнулись со стремительно нараставшими автономными структурами, иницируемыми этническими активистами. В их формах активности можно вполне усмотреть не только способ легитимации власти в том или ином более или менее этнически однородном регионе («сами выбрали»), но и некий концептуальный абрис *реального, а не воображаемого* кадетскими теоретиками права, *политического процесса*.

2.8. «Не нам отстаивать ушедший в пропасть старый порядок»

Юридическое признание Временным правительством Генерального секретариата высшим исполнительным органом власти в Украине, пусть и с двойным подчинением, создавало новое правовое поле деятельности. Генеральный секретарь образования и науки педагог и литературовед И. Стешенко² занял свой пост в июне 1917 г. и начал активную украинизацию школ. Еще летом 1917 г. создан Секретариат по национальным вопросам, возглавляемый А. Я. Шульгиным³. Учреждались три помощника

1 Миллюков П. Воспоминания. Т. 2. С. 338.

2 Убит 30 июля 1918 г. в Полтаве неизвестными преступниками. 20 декабря 1923 г. С. Ефремов записал в дневнике: «Узнал... страшные подробности об убийстве Стешенко. Осудила его на смерть большевистская организация Зеньковского уезда; приговор исполнил один из членов той организации... Почему осуждение упало на Стешенко – не понять» (Ефремов С. Щоденники. 1923–1929. К., 1997. С. 45).

3 Шульгин Александр Яковлевич (1889–1960) – двоюродный брат известного русского историка и монархиста В. В. Шульгина. В 1908 г. после окончания Киевской гимназии поступил на естественный факультет Петербургского университета, через два года перешел на историко-филологический факультет. В дни Февральской революции 1917 г. – депутат Украинской рады в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Участвовал в съезде ТУП (25–26.03.1917, Киев), избран в раду «Союза украинских автономистов-федералистов». В составе делегации Петроградской громады (А. И. Лотоцкий, Г. К. Голоскевич) вел переговоры с М. С. Грушевским и другими деятелями Центральной рады о тактике поведения по отношению к Временному правительству. 19–21.04.1917 г. на Всеукраинском национальном конгрессе избран членом Центральной рады от Украинской демократическо-радикальной партии (УДРП), вошел в состав Малой рады. Заместитель (15.06–01.07.1917), затем генеральный секретарь межнациональных дел (позднее министр иностранных дел) (1.07.1917–26.01.1918) в кабинете В. К. Винниченко. В начале сентября 1917 г. вместе с Д. И. Дорошенко, М. И. Туган-Барановским и другими членами Генерального секретариата совершил поездку в Петроград. Как генеральный секретарь межнациональных дел стремился

к взаимопониманию с национальными меньшинствами на Украине, к контактам с их лидерами. Выступал на конгрессе народов (10.09.1917, Киев). Кандидат УПСФ на выборах во Всероссийское учредительное собрание по Полтавскому избирательному округу. После провозглашения Украинской Народной Республики (УНР) предпринял ряд шагов по утверждению нового правового статуса Украины, добивался ее признания со стороны государств Антанты и новых национально-государственных образований бывшей Российской империи, заключил соглашение с Национальным советом Чехословакии о пребывании чехословацких частей на территории Украины. Участвовал в разрешении конфликта с Советской Россией, разработав и подписав вместе с Винниченко ряд дипломатических документов (ответ от 17.12.1917 г. на ультиматум СНК; нота правительствам новообразованных республик и краев от 18.12.1917 г.; ответ на ноту СНК от 3.01.1918 г. с предложением переговоров о мире; нота от 22.01.1918 г. ко всем нейтральным и воюющим государствам с разъяснением позиции УНР в вопросе о мире). В конце марта – начале апреля возглавил оппозицию эсеров правящему эсеровскому кабинету В. А. Голубовича; доказывал, что выход – в создании коалиционного правительства, в «синтезе всех персонально крепких элементов, без деления на партии и нации»; «национальная идея» в опасности. В период гетманата – член Совета министров, председатель политической комиссии украинской мирной делегации на переговорах с Советской Россией. С 16.07.1918 по январь 1919 г. – посол гетмана, затем Директории УНР в Болгарии. С января 1919 по март 1921 г. – член дипломатической секции мирной делегации УНР в Париже, стремившейся добиться признания Украины Западом и оказания помощи в борьбе с большевиками. С 1921 г. – глава чрезвычайной миссии УНР в Париже. Как признавал Шульгин, активность миссии практических результатов не дала и не могла дать, ввиду нежелания Франции и Европы в целом вмешиваться в восточные дела; полученный им ответ был краток: «Ни одного солдата, ни одного сантима, пока вы сами не овладеете снова хотя бы частью своей территории». Председатель украинской делегации на 1-й ассамблее Лиги Наций (осень 1920 г., Женева), член делегации УНР на мирной конференции в Генуе (апрель 1922 г.), постоянный представитель УНР при Лиге Наций (с 1921), председатель Головной рады УНР (1930-е гг.) и украинского общества при Лиге Наций. Как представитель УНР при Лиге Наций активизировал с 1927 г. борьбу за национальное имя, отстаивание прав украинских эмигрантов в Комитете по делам беженцев при Лиге Наций; постановку украинской проблемы в связи с основными мировыми проблемами (проект об образовании Европейской федерации, разоружение, экономическая конфронтация); протесты против насильственно-репрессивных действий большевистского режима на Украине. Шульгин занимался защитой прав украинских меньшинств Польши, Румынии, Чехословакии. В его компетенцию входил также «восточный вопрос» в СССР (контакты в эмиграции с представителями крымских татар, кубанских казаков, Азербайджана, Грузии, Северного Кавказа, Туркестана, т.е. с «прометейцами»). Сотрудник, с 1938 г. – редактор журнала, председатель Комитета для взаимного сближения Украины с народами Кавказа и Туркестана (Париж). Председатель Комитета украинской эмиграции для помощи голодающим на Украине (с 1929). Член Международной дипломатической академии во Франции (с 1930). В 1934 г. выступил с докладом о проблемах Украины в Королевском международном институте международных дел в Великобритании.

руководителя по великорусским, польским и еврейским делам. Вице-секретарем по еврейским делам стал один из основателей СЕРП доктор права социалист М. Зильберфарб¹, который развил бурную деятельность, о чем свидетельствовало обращение к еврейскому народу в конце сентября 1917 г. На первом заседании еврейского Национального совета гарантировалась защита прав еврейского населения. Это содействовало «возрождению еврейской автономной жизни». В ноябре вице-секретариат преобразован в Генеральный секретариат, а в начале января 1918 г. – в Министерство по еврейским делам². М. Зильберфарб назначил

Историко-аналитический обзор деятельности руководства УНР в изгнании Шульгин сделал в книге «Без территории» (Париж, 1934, на укр. яз.). Одновременно вел научную и преподавательскую деятельность. С 1923 г. – профессор всеобщей истории Украинского вольного университета (УВУ), в 1924–1929 гг. – профессор всеобщей истории Украинского высшего педагогического института им. М. П. Драгоманова в Праге. В 1924–1925 гг. – основатель и генеральный секретарь Украинского академического комитета (УАК) – координационного органа украинских высших и научных обществ в эмиграции; в 1926 г. добился включения УАК в состав Комиссии международного интеллектуального сотрудничества при Лиге Наций (до 1934). Член Историко-филологического общества в Праге. Опубликовал ряд работ: «Очерки по новой истории Европы» (на укр. яз., Прага, 1925), «L'Ukraine contre Moscou, 1917» (Paris, 1935) и др.

¹ Зильберфарб Мойше (Моисей) (1876, Ровно Волынской губ. – 1934, Польша), публицист, полит, и обществ., деятель. Писал под пс. М. Базин. В 1898 окончил житомирскую г-зию, затем изучал химию в Киевском политехникуме. В 1902–04 учился на мед. ф-те Берлинского ун-та, позже изучал юриспруденцию в Киеве и Берне (Швейцария), где получил науч. степень д-ра. Еще в Ровно втянулся в обществ. – полит. деятельность, стремился теоретически обосновать отношение социалистов к евр. вопросу. В 1905 написал (вместе с В. Дининым) работы «Принцип национал-полит. автономии», «Нац. и терр. автономия и интересы евр. пролетариата», основал гр. «Возрождение» в разн. городах России и Германии. В 1906 стал одним из основателей Социалист. евр. рабочей партии (СЕРП), неоднократно подвергался аресту и высылался из России. После Февр. рев-ции 1917 приехал в Киев, возглавил Объедин. евр. социалист. рабочую партию, был назначен мин. по евр. делам при Центр. раде. Автор первого закона о национально-персональной автономии, принятого Радой 10 янв. 1918, но вскоре подал в отставку. В авг. 1918 при гетмане П. П. Скоропадском арестован. Был дир. Евр. нар. ун-та в Киеве, выступал со ст. в евр. изд., возглавлял Культур-лигу. В 1919 при А. И. Деникине подвергался арестам. В 1921 переехал в Варшаву, продолжал работу в культ. – просвет. орг-циях и уч. заведениях, был пред. Об-ва ремесл. и земледел. труда среди евреев в России, занимался журналистикой. В последние годы близок к Бунду, печатался в его органах. Из лит. наследия наибольшую ценность представляет работа «Евр. мин-во и евр. автономия на Украине», изданная в Киеве в 1919 на евр. яз. В 1935–37 в Париже и Варшаве вышли избр. произв. в 2-х т.

² В ходе занятия большевиками Киева в январе 1918 г. «подали в отставку министр по еврейским делам Зильберфарб, его помощник Хургин и почти все

своим заместителем И. Хургина¹. Создан легитимный орган с соответствующим юридическим статусом. Временное правительство 1 сентября утвердило состав Генерального секретариата во главе с Винниченко.

Лидер Алаш-Орды А. Букейханов заявлял, что среди алашординцев «нет стремлений к сепаратизму. Мы едины с великой демократической Федеративной Россией», «мы – западники... приобщить народ к культуре мы сможем... через Россию, при посредстве русских»². В Программе якутского Союза свободы (Конул) – или Партии народной свободы в апреле 1917 г. относительно сферы культуры намечалось: «Стремясь к развитию культурных сил Родины... поставить на твердую почву печатное дело и провести в жизнь *всеобщее национальное образование*... преподавание на материнском языке... Русский язык, как язык государственный, должен остаться одним из предметов образования». Подчеркивалась важность «всестороннего изучения исторических и современных условий быта, природы и культуры... пробуждение среди населения любви к родным местам и стремления к принесению им посильной пользы... устройство публичных лекций, чтений, выставок, курсов, обсуждений и т.п., сбор коллекций местной литературы, планов, снимков для создания будущего якутского национального музея, издание материалов по родиноведению... научного и популярного характера... сохранение памятников древности и красот природы»³.

В июне название союза изменено на Якутский трудовой союз федералистов. В него избраны из специальной якутской фракции Якутского

ответственные работники министерства по еврейским делам». См.: Зильберфарб М. Еврейское министерство и еврейская национальная автономия на Украине. Киев, 1919; Гольдельман С. Жидівська національна автономія на Україні. Мюнхен, 1963. С. 38; Гусев В. Бунд, Комфарбанд, Евсекция КП/б/У: страницы политический биографии / 1917–1921 гг. М.: Еврейское наследие, 1994.

1 Хургин Исая Яковлевич (1887, Прилуки Полтавской губ. – 1925, Лонг-Лейк, США), дипломат. Окончил физ.-матем. ф-т ун-та в Киеве (1911). Чл. СЕРП, неоднократно подвергался арестам, состоял под негласным надзором полиции. В 1917 чл. Укр. центр. рады и ее исполнит. орг. – Малой рады, в 1917–18 пом. М. И. Зильберфарба в Ген. секретариате (пр-ве Укр. Нар. Республики). Участвовал в разработке законопроектов еврейской автономии на Украине. С 1920 – в РКП(б). С сент. 1921–1-й советник посольства и торгпред Украины в Польше. С 1923 в США фактически выполнял функции полпреда. По предложению Хургина создано сов.-амер. об-во Амторг, он его первый председатель. В 1925 добился для В. В. Маяковского въездной визы в США и поселил его в своем доме. Погиб вместе с Э. М. Склянским.

2 Букейханов А. Киргизы / Формы национального движения в современных государствах (Под ред. А. И. Костелянского). СПб, 1910. С. 599.

3 Вольная Сибирь. 1918. 7–14, IV; Клиорина И. С. В. В. Никифоров – наш современник // Илин. 1995. № 6.

областного комитета известные якутские общественные деятели – писатель и адвокат В. В. Никифоров, окончивший юридический факультет Томского университета, лидер федералистов Г. В. Ксенофонтов, выпускник арабско-персидско-турецкого разряда восточного факультета Петербургского университета С. А. Новгородов и народный учитель А. Д. Широких. В. В. Никифоров возглавил крестьянско-инородческую комиссию, в задачу которой входило социально-экономическое и культурное возрождение края.

Якутский национальный комитет образован лишь 30 августа, после получения известий о корниловском мятеже. Возглавил его якутский писатель и адвокат В. В. Никифоров¹. Только что окончивший Якутскую учительскую семинарию и опубликовавший свое первое стихотворение П. А. Ойунский² писал 13 октября 1917 г. М. К. Амосову: «Нам необходима автономия территориально-национальная и культурная, полная, вплоть до федеративного устройства... Заложим фундамент национального самоопределения... На волнах великой свободы выкуем прелесть своего языка и своей литературы... Наша история в том, чтобы свою литературу сделать общечеловеческим достоянием»³.

Центральный национальный комитет бурят-монголов Восточной Сибири (Бурнацком) в апреле – декабре 1917 г. возглавил выпускник юридического факультета Петербургского университета Э.–Д. Ринчино. В 1917 г. лидерство в Бурнацкоме интеллигенции, ориентированной на демократические ценности, очевидно. Влияние большевиков было ничтожным. Ринчино считал: «Их взгляды не выражают интересы широких масс бурятского народа»⁴. Злободневный вопрос о форме и характере национальной автономии вплотную увязывался с правами

1 Илин. 1995. № 6.

2 Ойунский (Слепцов) Платон Алексеевич (1893–1939). Член РКП(б) с 1918 г. В 1921 г. – председатель Губревкома Якутии, в 1922 – председатель СНК, в 1923 – председатель ЦИК Якутской АССР. В 1928–31 гг. – нарком просвещения и здравоохранения Якутии. В 1935 г. по его инициативе создан НИИ языка и культуры при СНК Якутской АССР, где он был первым директором. В этом же году защитил в Институте национальностей (Москва) диссертацию. Член правления Союза писателей СССР в (1934–38) гг. Депутат Верховного Совета СССР I созыва. 3 февраля 1938 г. арестован, а 31 октября 1939 г. умер в тюрьме.

3 Национальный архив РС (Я). Ф. 182. Оп. 1. Д. 31а. Л. 23 об.

4 Жабеева Л. Б. Э.–Д. Ринчино и формирование государственности монгольских народов в первой четверти XX в. Улан-Удэ, 2001. Автореф. докт. дисс.; она же. Буряты – студенты Петербургского университета – будущие лидеры нации // Материалы междунар. науч. – практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1999. С. 58–63.

и компетенциями местных органов власти. Его горячо обсуждали на съездах 1917 г.

На III Общебурятском съезде в октябре 1917 г. утверждалось – раньше «дух преподавания предметов был явно русификаторский: в них не было и помину о родном для учащихся народе, природе его родной страны, его языке, литературе и истории, его материальной и духовной культуре. В результате такой политики дети-буряты и весь бурятский народ лишены были возможности получать свет знания на родном общепонятном языке»¹. Отметим, что 10 октября 1917 г. товарищ министра просвещения академик В. И. Вернадский отметил: «Совещание с Котвичем и Рудневым (Иорданский, я, временно Василенко, Салазкин, Смирнов) о бурятском вопросе... Сейчас как будто вырисовывается такая картина – *проведение русского влияния и нашей культуры через национально организованную бурятскую народность*. Издание учебников, строительство школ, учительских семинарий с бурятским языком (хотя бы на фоне монгольского языка) может явиться одним из способов воздействия на зарубежных монголов. Серьезного значения японскому влиянию Котвич и Руднев не придают»². Нет возможности увязать конкретную связь этих фактов, но *различие мотиваций* как будто бы налицо.

Как бы то ни было, в числе мер национализации школ бурятский съезд наметил: «1) с начала 1917/18 учебного года ввести в бурятских начальных школах преподавание на родном языке; 2) включить в программу преподавания как обязательные предметы: монголо-бурятский язык, историю бурят и монголов, историю монгольской литературы и бурятоведение»³.

13 октября Вернадский вновь отмечает: «Совещание товарищей министра. Обсуждение прав польских (и иных) школ с польским языком. В общем, у нас всех взгляд один: равноправие с русскими»⁴.

В Предпарламент от национальных групп предполагалось вхождение 15 делегатов. Осенью 1917 г. предпоследний министр просвещения Временного правительства кадет С. Ф. Ольденбург вошел

1 Сушко А. В. Особенности бурято-русских межэтнических конфликтов на почве землепользования в годы революции и Гражданской войны в Сибири // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009. № 4–2. С. 202–205.

2 Вернадский В. И. Дневники. 1917–1921. В 2 т. Т. 1. Октябрь 1917 – январь 1920. Киев: Наукова думка, 1994. С. 13.

3 Гирченко В. П. Этапы революционного движения в Бурятии в 1917–1918 гг. (Хроника). Верхнеудинск, 1927. С. 9.

4 Вернадский В. И. Дневники. С. 17.

в Предпарламент товарищем председателя комиссии по национальным делам (вместе с Р. А. Абрамовичем). Возглавил комиссию трудовик из Литвы А. А. Булат. Созданная комиссия 19 октября планировала обсуждать вопрос «самоопределения наций».

Подведем предварительные итоги. Юридическое совещание к концу сентября предполагало, что «в состав Временного совета Российской республики войдет около 500 человек... 15 мест различным национальным группам (в дополнение к тем местам, которые предоставило некоторым национальным группам Демократическое совещание)», которое А. Ф. Керенский назвал «несчастной затеей»¹. Предложения А. Цаликова на Демократическом совещании создать при Временном правительстве должность статс-секретаря, других – создать Особый совет по национальным делам – не встретили поддержки².

На самом Демократическом совещании (14–22 сентября) в Петрограде работала национальная секция, которую вел «сутулый Чхеидзе, не спеша вытащивший из кармана половину России», как заметил А. Толстой³. На совещание прибыли представители национальных комитетов. Они с возмущением указывали на «отсутствие кворума», «полупустой театр»: «Такое отношение к национальному вопросу для нас не новость... Когда в Москве устраивалось Государственное совещание, было предложено, чтобы национальностям дать говорить... во время перерывов, как дивертисмент»⁴. Украинский эсер, член УЦР К. П. Величко⁵ говорил: «В области разрешения национальных проблем в России... мы констатируем тяжелые ошибки российской революционной демократии... Российская революционная демократия своим равноду-

1 Речь. 1917. 28 сент.; Керенский А. Февраль и Октябрь. / Литература русского зарубежья. Антология в 6 т. Т. 1. Кн. 2. 1920–1925. М.: Книга, 1990. С. 79.

2 Идею Особого совета по национальным делам уже 26 октября большевики трансформируют в практику Народного комиссариата по национальным делам. А. Цаликову Ленин предлагал в нем должность. См.: Речь. 1917. 19 сентября, Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 25 октября 1917 – июль 1918 гг. Т. 5. М.: Политиздат, 1974; Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 413–414.

3 <http://do.gendocs.ru/docs/index-362433.html>; Его пригласил М. Горький работать корреспондентом «Новой жизни», но Толстой предпочел «Русское слово» и «Народоправство».

4 Физиономия российской революционной демократии до сих пор остается неопределенной: Стенограмма заседания Демократического совещания по национальному вопросу. Сентябрь 1917 г. Публ. Т. Ю. Красовицкой и А. П. Ненарокова // www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah

5 Величко Константин Петрович (1895 (1896) –?), с конца 1917 комиссар УЦР при штабе Кавказского фронта, затем в Добровольческой армии.

шим и чаще враждебным отношением... не поддержала нас... предоставив решать судьбу наших взаимоотношений баронам Нольде... Во всем этом мы видим недоверие к нам, фатальное непонимание наших нужд, или нежелание понять, что в эти грозные минуты все спасение страны мыслимо лишь в организации всей России на новых началах, совершенно исключающих все то, что связано с бюрократическим централизмом. Мало того, в этом усматриваем воскрешение тени Петра I, которому принадлежит крылатая фраза: "Народ украинский зело умен, но от этого мы не в авантаже"¹. Со сходными оценками выступал и член Белорусской социалистической громады И. Я. Воронко².

Представители украинской и белорусской делегаций свои упреки Временному правительству концентрировали на *бюрократическом централизме*, под которым несложно увидеть сохранение имперских традиций управления окраинами и недоверие к ним. Представитель от мусульман А. Цаликов, говоря от «имени того населения, которое равняется одной седьмой части всего населения России... которое занимает половину азиатской и часть европейской России, одна часть которой – Туркестан со степными областями – равняется по своему пространству Германии, Австрии, Франции», обращал внимание на территории и ресурсы. И изменившиеся интересы и мотивы: «Когда-то русский поэт сказал про Восток: "Все, что здесь доступно оку, спит в спокойном сне". Эти времена отошли в область преданий. Русская революция – тот пожар, который загорелся здесь на улицах Петрограда... докатилась до глухих степей Туркестана, до гор Кавказа. Все эти спящие народы просыпаются, все эти народы тянутся к тому маяку свободы, который загорелся в России...

Я должен констатировать, что те задачи, которые поставлены перед революционной демократией по отношению к этому русскому

---

1 Физиономия российской революционной демократии до сих пор остается неопределенной...

2 Воронко И. Я. (Язэп Варонка, 1891–1952). Представлял белорусские организации в Государственном совещании, входил в Предпарламент, затем комиссар юстиции и внутренних дел Великой белорусской рады (1917), председатель Народного секретариата Белоруссии (1918); один из инициаторов провозглашения Белорусской Народной Республики. Иосиф Воронко – председатель (премьер-министр) и народный секретарь (министр) международных дел, Алесь Смолич – проsvещения, Мойша Гутман – первый товарищ председателя и секретарь еврейских дел. В 1923 г. выехал в США. Возглавлял Белорусско-американскую национальную ассоциацию, входил в руководство Белорусско-американской национальной рады.

Востоку, не были выполнены... Я знаю, как тяжела была шапка Мономаха, как тяжело было им в этой обстановке российской действительности. Трудно было перенестись на далекий Восток, понять чужие народы. Но... по отношению к этим народам был совершен целый ряд ошибок... *Физиономия российской революционной демократии для народов Востока до сих пор остается неопределенной...* Эта физиономия в значительной степени становится определенной, но определенной очень часто в отрицательную сторону... Мне кажется, что здесь сказывается то старинное пренебрежительное отношение к народам Востока, воспитанное, может быть, учебником Иловайского. Может быть, по инерции мы продолжаем считать их людьми низшей расы»¹.

Выступавший от горской фракции Кубанской законодательной рады черкес А. Намитоков отмечал: «Сейчас Россия переживает такие тяжелые минуты, сейчас мы наблюдаем такое гнетущее зрелище, такую до политического садизма вивисекцию над изнемогающим телом страны, что говорить о тех или иных требованиях – это нужно потерять, я бы прямо сказал, совесть и чувство гражданского долга... С великим прискорбием приходится констатировать, что в результате, [в] итоге шести месяцев революции, мы стоим сейчас перед той же задачей, перед задачей организации всей той и той же власти. Это поистине роковая, фатальная задача – какая-то сизифовая»². П. Сорокин, ставший секретарем по научным делам у А. Керенского, в эти дни записал в своем дневнике: «Распад России начинается нештучный. Финляндия, Украина и Кавказ объявили о своей независимости. <...> Моя бедная страна распадается на куски. Вчера пришли ко мне зыряне и предложили нашей газете объявить независимую Зырянскую республику, а мне стать президентом нового государства! Сумасшествие охватило все умы»³.

Приват-доцент Петроградского университета Ш.И. Нуцубидзе на совещании выступал от имени Совета национальных социалистических партий⁴ России, указывая, что «для многих... является полной

1 Физиономия российской революционной демократии до сих пор остается неопределенной...

2 Там же.

3 Sorokin, Pitirim. *Leaves from a Russian Diary*. 1950. p.57–58; Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2 (1922–1968 годы). Архангельск. 2009. С.370.

4 Входили Белорусская социалистическая громада, Партия социалистов-народников Литвы, Латгальская социалистическая партия трудового народа, Объединенная еврейская социалистическая партия, Еврейская социал-демократическая рабочая партия, Эстонская трудовая партия, Партия польских социалистов, Осетинская социалистическая группа, Грузинская революционная партия

новостью и неожиданностью его существование». Но «необходимость того, чтобы представители различных наций протянули друг другу руки для осуществления своих национальных задач... не приходится обосновывать после того, что вы видите здесь... К сожалению и со скорбью приходится констатировать, что отныне в политическую технику дебоша и срыва собрания войдет еще один пункт: *если в Российском государстве вы хотите положить какому-нибудь собранию конец, возбудите национальный вопрос – все разойдется*»¹.

Член Озакома А. И. Чхенкели, выступая от «грузинской нации», заявил, что «вся она к услугам великой российской революции», что вокруг «национальной программы объединена вся нация, и [главное] заключается в том, чтобы нам было предоставлено национально-территориальное самоуправление Грузии». На совещании он «почувствовал... один из... самых печальных актов российской трагедии... существование какого-то разномыслия, разногласия между демократиями различных национальностей России. Между тем... Россия есть интернациональное государство, и, стало быть, разрешение тех вопросов, которые стоят перед Россией, немыслимо без согласованного выступления, без согласованных действий представителей демократии всех национальностей России». Он, единственный из выступавших, сказал: «Хотел [бы] послушать хоть одного представителя русской нации... *(Продолжительные рукоплескания. Голоса: «Браво».)* ...чтобы представители русской нации высказали свое мнение по русскому национальному вопросу. *(Рукоплескания. Голоса: «Браво».)* Вопрос, из-за которого вы тут сошлись, вопрос роковой для всей страны и для русской нации...

социалистов-федералистов, Бурятская социалистическая группа, Белорусская социал-демократическая рабочая партия, Социал-демократический рабочий союз Эстляндии и Украинская партия социалистов-революционеров. Нуцубидзе Шалва Исакович (1888–1969). Окончил историко-филологический ф-т СПбУ (1910), Магистр философии. С 1917 приват-доцент ПГУ. В том же году возвращается в Грузию, где принимает участие в основании ТифлисГУ. Преп., проф. и проректор ТифлисГУ (1920–29); одновременно зав. кафедрой философии. Член ЦИК ЗСФСР и ЦИК ГрузССР (1923–29). Руководил Обществом культ. связей с заруб. странами при НКП ГрузССР. В 1925 и 1928 командирован в Германию, работал в Берлинском ун-те. С середины 1930-х занимался изучением истории груз. философии и груз. культуры. В 1936 участвовал в организации выставки груз. искусства в Германии. Арестован в окт. 1938. 29 апр. 1939 по распоряжению Л. П. Берии освобожден. В начале 1940-х выступил с теорией «Вост. Ренессанса» (нашедшей признание и развитие у ряда ученых, в частности – В. М. Жирмунского и Н. И. Конрада).
1 Физиономия российской революционной демократии до сих пор остается неопределенной...

Я прямо скажу: в нас грузинах бьется национальное чувство, и это национальное чувство очень трудно отличить от общегосударственного российского чувства (*Рукоплескания. Голоса: «Браво».*)¹.

Впрочем, оценка русского националиста отражена русским философом, ставшим участником Белого движения на Востоке России, Д. В. Болдыревым: «Правые эсеры, левые эсеры, группа Маркова, группа Чернова, группа Плеханова, “трудовики”, народные социалисты, оборонцы и пораженцы – вся эта ртутная суeta разбегается мурашами по всем направлениям, сливается, двоится, троится, снова сливается и снова дробится. Какая-то Аравия до Ислама. Даже революционная Мекка – Циммервальд – с его “черным камнем” – интернационалом – бессильна объединить этих политических бедуинов – такова сила их фетишизма и глубина забвения целого. Наше несчастье в том, что этот “политический фетишизм” не ограничивается своими “революционными фразами”. Нет, эти звездные сферы, вернее бесформенный млечный путь, втягивает в себя каждого политика... А таких политиканов у нас сейчас не меньше, чем тараканов. Теперь только мы видим, какое безумие было приглашать эту тараканью силу к сознательному участию в политической жизни страны. В основе этого рокового для нас приглашения лежала одна, совершенно необщезначительная аксиома, – что каждый в отдельности англичанин, француз, перс, русский, *есть и должен быть носителем государственности*. Относительно англичан эта аксиома, может быть, и верна. Но к нам она совершенно не применима, в чем, впрочем, нет решительно ничего для нас удивительного»².

С лета 1917 г. многие представители национальных элит стали порывать с кадетами. В первой речи Максуди на VII съезде кадетов приветствовал их политику децентрализации. Он заявил о готовности мусульман поддержать контролируемое кадетами правительство, но сформулировал условия, оказавшиеся неприемлемыми. Основным являлось признание за каждым народом права жить по собственной воле и исключить решения о захвате Стамбула и проливов. А. Букейханов, «назначенный» в казахские степи Временным правительством, также вышел из партии кадетов. М. Чокаев писал о них и о себе, что прошедшие «через русские и мусульманские же новые школы... были материалистами и вольтерьянцами», выдвигали на первый план «моменты политических свобод и социальной правды». Лично он

1 Там же.

2 Болдырев Д. В. Идеология русской интеллигенции и Церковь / Сибирская Речь, Омск, № 228, 19 октября 1919 г.; № 246, 9 ноября 1919 г.

не принадлежал «к числу хулителей Февральской революции». «Наоборот, был ее энтузиастом и остаюсь ее защитником против старой, для нас всех одинаково неприемлемой российской монархии»¹. А Байтурсынов позднее писал: «Первая революция была правильно понята и с радостью встречена казахами потому, что... подкрепила у них надежду осуществить свою заветную мечту – управлять самостоятельно»². На Северном Кавказе, наблюдая ухудшение отношения к кадетам со стороны горской интеллигенции, Г. Бамматов после июльских событий 1917 г. заявил, что линия кадетов в области внутренней и внешней политики грозит совершенно дезорганизовать демократию, лишит революцию опоры³.

И в самом деле, считал В. Чернов, «в первый период революции вожди пробуждавшихся угнетенных народов в целом были далеки от перехлестов сепаратизма, к которому они пришли позже». Теперь же «давление со стороны национальных меньшинств, которое могло стать мощным побудительным стимулом к дальнейшей совместной работе, превратилось в разрушительную силу»⁴. Тем не менее, делегаты национальных комитетов оставались на позиции непредрешиения национального вопроса до Учредительного собрания. И ранее, на Государственном совещании (12–15 августа, на нем присутствовал и С. Максуди), созванном Временным правительством «ввиду исключительных переживаемых событий и в целях единения государственной власти со всеми организованными силами страны», А. Топчибашев говорил: «Обычно молчаливое, но всегда кричавшее в своем молчании, многомиллионное мусульманство России находит нужным быть услышанным в настоящем высоком собрании не для того, чтобы заговорить о вопивших о себе веками и вопиющих и ныне нуждах своих, не для того, чтобы сетовать на несоответствие роли мусульман в государственно-общественной жизни страны, а в полном сознании своего

1 Исхаков С. М. Мустафа Чокаев о революции 1917 года в Центральной Азии / Acta Slavica Japonica. 2001. № 18.

2 Аманжолова Д. Казахский автономизм и Россия. История движения «Алаш». М., 1994; Нурпеисов К. Алаш и Алаш-Орда. Алматы, 1995.

3 Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). (Документы и материалы.) Махачкала, 1994. С. 29, 63–66; Кажаров А. Г. Союз объединенных горцев и проблема автономии народов Северного Кавказа в 1917–1920 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. № 3. Т. 13.

4 Чернов В. М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920. Гл. 14. Тупик в национальной политике.

гражданского долга перед родиной. Мусульмане возвышают свой голос, чтобы идти навстречу призывам гражданина министра-председателя и на вопрос его: “Где же вы?” – ответить: “Мы, мусульмане, были и остаемся на своем посту, на посту многомиллионной части государства Российского, не уклоняющейся от выполнения своих обязанностей и требований государства”»¹. Такие заверения не исключали требований признать политические права национальных меньшинств: «Лозунг – самоопределение народов – мусульмане кладут в основание форм государственного устройства, оставляя разрешение самого вопроса до Учредительного собрания, на котором они будут отстаивать для окраин федеративное устройство. Теперь же... мусульмане выставляют необходимость осуществления национально-культурной автономии, провозглашенной на Всероссийском мусульманском съезде»².

14 сентября, в первый день работы Всероссийского демократического совещания, делегаты от Белорусской военной организации, Украинской центральной рады требовали «признать неограниченное право наций на самоопределение»³. Представитель мусульман Токумбетов напомнил: «Мы... так называемые инородцы, всегда стояли на страже как нашей общей родины, так и на страже дорогой нам свободы, но нас... не хотели знать... И, конечно, не нам вернуться, не нам отстаивать ушедший в пропасть старый порядок»⁴. Меншевик В. С. Войтинский делился «глубоко запечатлевшимися в памяти впечатлениями»: «Выступали представители национальностей – поляков, литовцев, латышей, украинцев, белорусов, эстонцев... Из большевистских рядов их встречали аплодисментами и сочувственными криками: социальный экстремизм бунтарей протягивал руку национальному экстремизму сепаратистов. И в хоре этих речей диссонансом прозвучали лишь две речи – представителя евреев и представителя грузин: они не отрекались от русской революции»⁵.

Используя политическую конъюнктуру, финская элита вела переговоры о будущем финляндско-российских отношений. Мятеж генерала Корнилова показал, к чему может вести развитие революции. Сенат

1 ГА РФ. Ф. Р-3529. Оп.1. Д. 5. Л. 38–49; Д. 31. Л. 1–5.

2 Государственное совещание (Стенографический отчет). С предисловием Я. А. Яковлева. М. – Л.: Гос. изд-во, 1930. С. 185–188.

3 ГА РФ. Ф. Р-1798. Оп.1. Д. 7. Л. 3–4, 20.

4 Физиономия российской революционной демократии до сих пор остается неопределенной...

5 Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений.

Сетяля торопился обеспечить себе право издания административных постановлений, создания государственных учреждений и назначения должностных лиц. Предложение об этом Энкель изложил Керенскому в тот момент, когда войска Корнилова двинулись на Петроград. Керенский подписал манифест, названный открытым письмом. Он опубликован в Хельсинки и сохранял силу вплоть до установления в 1919 г. в Финляндии республиканской формы правления. СДПФ энергично протестовала против передачи финских прав правительству России и генерал-губернатору¹. Переговоры о расширении прав Финляндии на самоопределение возобновились в октябре в Петрограде. Энкель предложил передать царские полномочия избранной сеймом директории из трех лиц. Эту идею Керенский и генерал-губернатор Н. В. Некрасов не одобрили. Тогда речь пошла о том, что Временное правительство своим манифестом и с некоторыми оговорками передаст власть финляндскому сенату. Это не коснулось бы внешней политики, военных дел и положения российских граждан. Должность генерал-губернатора и его канцелярия упразднились. Вечерним поездом 25 октября (7 ноября) Некрасов и Энкель выехали в Петроград, чтобы изложить новое предложение Временному правительству. Его осуществление предотвратило бы раздел власти с парламентскими социалистами в сейме. Но решение было найдено драматически поздно. Утром 26 октября (8 ноября) на вокзале русской пограничной станции Белоостров Некрасов и Энкель узнали, что Временного правительства больше нет.

Съезд представителей нерусских народов России в Киеве в сентябре 1917 г. – рубеж, от которого следовало бы вести отсчет. Проблема национально-культурной автономии отходит на второй план, на первый же план выдвигаются вопросы национально-государственного устройства России с ориентацией на формирование новых демократических отношений «центра» и национальных мусульманских окраин. «Прошло пять... бурных месяцев революции, – писал А. Цаликов 20 сентября, – и приходится с грустью констатировать, что революционная демократия в проблеме устройства народов России далеко не стала на путь, гарантирующий за народами право полного национально-культурного и *политического* самоопределения»².

Одно из консолидированных, по верной оценке сибирского этнолога И. В. Нам, мусульманское движение (и его общетюркское

1 Кеттла Э. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 6.

2 Цаликов А. Мусульмане России и федерация. М.: Заря Востока, 1917. С. 3.

сознание), чью идеологию и практику определяли либералы-реформаторы, уступает место отдельным национальным лидерам. Амет Озенбашлы¹ на съезде представителей нерусских народов России в Киеве в сентябре 1917 г. говорил: «Пусть знают все, что крымские татары не позволят никому установить какую бы то ни было гегемонию на Крымском полуострове. И на этот раз крымские татары уже не покинут своего края без упорной защиты своих прав и добытой свободы. Если когда-то наши ханы заключали союзы с украинцами, поляками, русскими и другими народностями для покорения и угнетения других народностей, то свободные сыны отныне свободного татарского народа протягивают вам руку с лозунгом демократической федеративной республики для счастливой дружеской жизни в будущем»².

На Съезде народов в Киеве и белорусскими делегатами принята резолюция «Про белорусов», с обращением к Временному правительству о немедленном издании декрета об автономии Беларуси в Российской Федеративной республике в этнографических границах расселения белорусского народа, с включением в ее состав захваченных Германией территорий³.

1 Озенбашлы Амет Сеидабдуллаевич (псев. Индемез) (1893, Бахчисарай – 1958, Ленинабад, теперь Худжанд, Таджикистан) – врач, публицист, общественный деятель. Род. в семье писателя-просветителя С. Озенбашлы. Окончил с медалью гимназию в Симферополе, поступил на мед. ф-т Новороссийского ун-та в Одессе (1915). С победой Февральской революции возвращается в Крым, становится членом Временного крым. мусульманского исполкома. Ближайший соратник Н. Челеби-Джихана и Д. Сейдамета. В составе крым. делегации принимал участие во Всероссийском мусульманском съезде в Москве и Всероссийском съезде народов в Киеве. Как представитель от крым. татар входил в коллегия комиссаров Таврической губернии и Совет народных представителей. Был одним из организаторов Курултая кр.- тат. народа. Странник построения независимого крым. государства. В период Гражданской войны редактор газеты «Миллет», зав.отделом народного образования пр-ва Директории. За выступления против мобилизации кр.- тат. молодежи в денкинскую армию подвергался преследованиям, перешел на нелегальное положение. Один из руководящих деятелей партии «Милли Фирка». В 1920, отвергнув эмиграцию, вынужден признать сов.власть и в ее рамках вести борьбу за восстановление прав кр.- тат.народа на свою землю и волю. В 1921 Озенбашлы назначен директором Тотайкойского пед.техникума. В 1922 завершает высшее образование, окончив мед. ф-т Крым. гос. ун-та и получив диплом врача-невропатолога. В 1924–1927 занимал должность зам. наркома финансов Крым.АССР, затем работал по специальности.

2 Крым 1917-го: март – декабрь // Авдет. 1991. 14 июня.

3 *Брыгадзін П., Ладысеў У.* Фарміраванне ідэі беларускай дзяржаўнасці ў 1917–1918 гг. // Беларусазнаўства. Мн., 1998. С. 70; Павлова Т. К вопросу о границах БНР // Белорусский журнал международного права и международных отношений.

Непросто складывалось управление новой Россией – гигантским анизотропным¹ пространством, составленным из разных по социокультурным, а теперь и политическим практикам территорий. Различные территории конструировали «себя» для осуществления конкретных функций. Этнические элиты формировали административные структуры, ограничиваясь требованием их автономии как местных органов власти. Местное этническое «разнообразие» ими воспринималось вполне терпимым.

Попытки выстроить такие структуры были в разной степени успешными. Наиболее болезнен был «административный торг» с центром. Он допускал к политической сфере довольно узкий круг этнических лидеров, стремясь доминировать в остальных сферах общества – правовой, культурной и т.д. Большую роль играли «доктринеры единого Государства с большой буквы, идолопоклонники централизации власти – единственной, которая могла определять весь спектр местного самоуправления “по своей милости”», подытоживал В. Чернов.

Многоязычная Россия, становясь институционально новым государством, пыталась осмыслить новый политический феномен, по большей части, как «бывшая империя»: «У коалиционного правительства просто не хватило сил отказаться от этого наследства»². Фантомные боли империи оставались слишком сильными. В такой ситуации практически невозможно ничего ни с кем обсуждать. Лишь А. Ф. Керенский решил объявить Россию республикой. На Московском государственном совещании представители различных партий, классов, городских и земских учреждений высказались в ее пользу. А. Ф. Керенский обратился к присутствовавшим на Совещании министрам с просьбой дать ему возможность провозгласить Россию республикой, но получил отказ³. Корниловский мятеж ускорил *формальное провозглашение* республики в России. После подавления мятежа «ни у кого в демократических кругах, – писал А. Ф. Керенский, – не осталось и капли сомнения в необходимости формального подтверждения существования в России республиканской формы правления». На заседании Совета министров 31 августа утвержден окончательный проект «Провозглашения

1999. № 1.

1 Анизотропный – имеющий неодинаковые свойства по отношению к каким-либо воздействиям.

2 Чернов В. Великая русская революция. Гл. 14. Тупик в национальной политике.

3 Изрицкая М. Р. Образование Российской республики (февраль 1917 г. – январь 1918 г.). Канд. дисс. М., 2001. С. 89.

республики»¹. 1 сентября 1917 г. актом Временного правительства Россия объявлялась республикой. Акт подписан А. Ф. Керенским и министром юстиции А. С. Зарудным. Он начинался с указания на мятеж Корнилова, на «смуту» в армии и стране, на опасность, угрожающую судьбе родины и свободе, и заканчивался словами: «Считая нужным положить *предел внешней неопределенности государственного строя*, памятуя единодушие и восторженное признание республиканской идеи, которое сказалось на Московском государственном совещании, Временное правительство объявляет, что *государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский*, и провозглашает Российскую Республику»².

Провозглашение республиканского строя имело огромное моральное значение. В сентябре 1917 г. Э.-Д. Ринчино, оценивая работу Бурнацкова, писал: «Национальный комитет верен русской революции и разделит ее победу или поражение, ибо спасение монголо-бурят как нации и народности только в революции, в ее победе: вымирание народа, его угасание прекратит лишь свободный и здоровый режим трудовой федеративно-демократической республики Российской», понимая, как мы видим, перспективы развития бурят только в общероссийском контексте³.

В. Б. Станкевич отметил, что ни руководители национальных движений и национальных структур, ни сами деятели Временного правительства не обладали «широтой государственного масштаба, ни, тем более, опытностью в делах государственного управления»⁴. Управ-

1 Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 287.

2 Речь. 1917. 3 сентября.

3 Ринчино Э.-Д. Документы, статьи, письма. Улан-Удэ, 1994. С. 104. Лишь в 1918 г. он станет больше подчеркивать негативные черты русско-монгольского взаимодействия: «Борьба с вымиранием инородцев, конечно, ляжет всей тяжестью на организующиеся ныне органы земства и главным образом на уездные земства. И эта борьба будет тогда лишь плодотворной, когда за нее возьмутся сами инородцы, организованные в отдельные уездные (аймачные) земства. Смешанные уездные земства с русско-крестьянским большинством никогда с этой задачей не справятся: при тех слишком ненормальных взаимоотношениях, которые существуют между русским и инородческим населением Сибири» (С. 45). Автор объясняет справедливость требования восстановления бурятского самоуправления: «Бурят-монголы, настаивая на создании аймачного земства, ничего не требуют, а требуют лишь в форме земских учреждений восстановления их национального самоуправления, уничтоженного насильственно, путем применения репрессий, самодержавным правительством Плеве» (С. 53).

4 Станкевич В. Б. Судьбы народов России. С. 14.

ленческие структуры, в которых множился политический компонент, оказались в категории «неконсолидированной демократии». В некотором смысле обреченные на демократию, они были неспособны воспользоваться ее плодами и преимуществами, ибо общепринятых правил игры для регулирования поведения не имелось¹. Формальные правила рассматриваются как условные нормы, которые будут изменены или отвергнуты при первой же возможности. Потому-то само по себе провозглашение республики уже не решало ни одну из проблем. По-прежнему слишком многие созданные структуры центральной власти казались этническим активистам лишними или ненадежными, не умерили их претензий на включенность во властные структуры разного уровня. Возникла реакция на то, что позднее Ш. Айзенштадт отметил как избыточную креативность вариантов будущего развития. Он концентрировал внимание на *«анализе харизматического призыва и природы социальной ситуации»*².

Налицо конфликты, сугубо функциональные. Культурно-языковые и конфессиональные, оставшиеся от прежнего режима. Затрагивая проблемы сохранения или возрождения функций языка, культуры, религии, они трансформировались в конфликты политические. Этничность – форма их проявления.

Весной – летом 1917 г. заложены основания к переходу понятий «нация» и «национализм» в руки левых радикалов. Главный просчет Временного правительства состоял в том, что оно не воспринимало национальные комитеты в качестве местных субъектов управления. Политическая ситуация, с ее нестабильностью власти, позволяла этническим элитам постоянно корректировать дискурс национально-культурного возрождения, в котором парадигма этничности стала наделяться наивысшей ценностью. Например, у того же Э.–Д. Ринчино появился мотив «единоверной и единокровной Монголии»³.

1 Шмиттер Ф. Размышления о «транзитологии»: раньше и теперь // Отечественные записки. 2013. № 6.

2 Айзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций / Под ред. Б. С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 14.

3 Ринчино Э.–Д. Документы, статьи, письма. С. 107.

ИСТОРИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС «ИДЕАЛЬНОГО ОТЕЧЕСТВА»

3.1. Исторические знания, их символика и прагматика

Правовые стратегии нацеливались на унификацию культур, обычаев, социальных институтов, нередко даже и родного языка. Народы же, чего бы они ни добивались в феврале – октябре 1917 г., осознавали себя как отличные от других общности. В эмиграции в 1923 г. в прениях по докладу П. Н. Милюкова «Современная Россия и задачи эмиграции» социолог П. А. Сорокин, коми по происхождению, напомнил: «Я существенно отличаю свои взгляды от взглядов Милюкова... вместо национализма П. Н. Милюков проводит водораздел по линии республики. Я на первый план выставил бы принцип национальный. Я республиканец, но не боюсь принципа национализма. Тот пафос, то основное чувство, которым объята Россия и которое гораздо более важно, чем республика, – это принцип национализма»¹. Позиция социолога (в недалеком будущем с мировым именем) заставляет ставить вопрос о том, обеспечивала ли русская наука новую российскую политику достаточным потенциалом понимания для государственного переустройства? Как были использованы исторические знания для нового государственного устройства?

Крайне важно, что память об истоках идентичности становится одним из проявлений феномена времени. Как заметил В. В. Розанов, опасность в том, что «наши иллюзии творят жизнь не меньше, чем самые заправские факты». Это он еще пока о России в гоголевских «Мертвых душах». Но осмысляя гоголевский портрет страны как «небытие», он закончил тем, что в результате «явился взрыв такой деятельности, такого подъема... в довольно спокойной и эпической России. Вот что значат иллюзии...»². Субъективность времени становится очевидней. Оказывалось, что пространство человеческого общества отличается от физического, оно размечено традициями, предписывающими

1 Дни. 1923. 15 марта; Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2 (1922–1968 годы). Архангельск, 2009. С.16.

2 Розанов В. В. Сочинения. М.: Советская Россия, 1990. С. 337–338.

должное поведение, символами, предписаниями, запретами. Из двух властных субъектов – имперской администрации и церкви, деливших монополию, один потерял свои полномочия, РПЦ же – важный субъект историзации сознания – занялась обустройством собственных давно назревших проблем¹.

Открывается весьма интересная лаборатория слияния интеллектуальной истории и политической практики, широких возможностей осмысления самых неожиданных хитросплетений национальных и имперских идентичностей.

Переломные моменты истории всегда сопровождаются заметными изменениями историко-географических названий. Явление обычное и неизбежное на крутых поворотах истории. Не стали исключением революционные события февраля 1917 г. Первая волна переименований началась сразу после низвержения самодержавия. Уже 3 марта городская дума Екатеринослава решила установить памятник М. Родзянко, его именем названа одна из площадей города. Не обидели и другого вождя Февраля – А. Керенского, в его честь назван солдатский клуб. Во многих городах необъятной Российской империи сразу, незамедлительно переименованы все Романовские и Николаевские улицы. Появились улицы и площади А. Гучкова, П. Милюкова, Г. Львова и др. Быстро переименованы военные корабли. «Император Александр III» получил название «Воля», «Император Николай» – «Демократия». На просторах России началась борьба с памятниками. Зачинателем ее выступила радикальная интеллигенция. «Революционные публицисты спровоцировали кампанию борьбы с “бронзовым идолопоклонничеством”. Российская интеллигенция весьма своеобразно распорядилась властью, создав комиссии по низвержению идолов самодержавия. По всей стране разрушали памятники царям и царским сановникам, многие из которых являлись памятниками архитектуры и истории. «Идолы самодержавия» низвергались с гиком и свистом. Во Владимире разбили памятник Александру II, заодно сорвали голову с памятника Пушкину. Практически все сколько-нибудь значительные города России к лету 1917 г. обзавелись улицами и площадями Свободы, Революции. В Томске, тогдашних «Сибирских Афинах», с мая 1917 г. за Новособорной площадью закрепилось наименование – Революции, поскольку на ней произошли главные события 1917 г., как, впрочем,

1 См. подробнее: Историческая разметка пространства и времени: Материалы семинара, проведенного ВолГУ при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 года / Под ред. И. И. Куриллы. Вып. 5. Волгоград, 2014.

и 1905 г. «Эта площадь связана со всеми российскими революциями XX столетия и по справедливости должна носить имя Революции», – отмечает томский историк В. П. Зиновьев¹. Но у новых властей не доставало ни времени, ни должного реагирования на предложения новой топонимики со стороны этнических элит.

Для выигрывающей стороны время ползло. Для проигрывающей – летело. Наряду с этнокультурными проблемами на повестку дня национальных комитетов встал вопрос, в котором не усматривалось сепаратистских от общего государственного тела устремлений. Вслед проблемам «вертикальных» связей со структурами центра обозначились проблемы «горизонтальных» связей с соседями. Требовалась ясность в том, на какой территории будут они действовать, если разрушены старые системы управления и их границы и компетенции?

В сумятице 1917 г. региональное историописание занимало позиции на поле борьбы за территориальные границы той или иной этничности. В первую очередь выдвигались вопросы административных границ неоформленных юрисдикций, их законодательное, управленческое, институциональное и иное наполнение. Обозначилось начало территориальных споров, связанных, по А. И. Миллеру, с проблемой реализации плана «идеального отечества»². Вдохнувший воздуха свободы прежде не игравший особой роли субъект историзации сознания – этническая элита – спешно завоевывал опустевшие позиции, рассматривая их как базу для укрепления новых структур власти.

Историческое пространство является одновременно историей общества в ее временном измерении, в категориях цивилизации, но и также особым образом построенной и воспринимаемой общественным сознанием исторической средой. В ее пределах совершается скооперированная деятельность людей; системой экономических, социальных, политических и духовных координат они объединяются либо конфликтуют. Основные вехи исторического процесса фиксируют эволюцию государств и обществ, совокупность условий и показателей, обозначают пределы творческих и интеллектуальных возможностей человека, эффективность созданных им социальных институтов и т.п. С введением этносоциологом В. Мюльманом (считал себя последователем русского

1 Андреев В. П. Топонимика и идеология в советской России (1917–1941 гг.) // URL: <http://sib-subethnos.narod.ru/p2005/andreev2.htm>

2 Миллер А. И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 12; он же. Конфликт «идеальных отечеств» // Родина. 1999. № 8. С. 79–82.

этнолога С. М. Широкогорова) понятия *этноцентра* (осознания этносом самого себя в рамках пространства, где этнос обитает) эта форма этнического мышления стала важной для понимания изменения жизни народа¹. В нее включается все, что окружает этнос: от рельефа местности (горы, реки, леса) до высокодифференцированных понятий (государственная идея, войны, союзы, культурные контакты и пр.).

Одним словом, имелось достаточно оснований, чтобы понятие исторического пространства привлекало внимание как этнических активистов в 1917 г., так и будущих аналитиков их мотивов и действий. Во-первых, этнических активистов привлекала преемственность, универсальность, целостность исторического и социального процесса в рамках родного этноса. Конечно, меньше обращалось внимание на многомерность исторического пространства, на единство позитивных и негативных его сторон; на кооперационный эффект человеческой деятельности и роль исторических личностей, на неразрывность судеб различных государств и возглавляющих их политиков. Больше внимание отводилось идеологическим и партийно-клановым установкам в трактовке исторических событий, несмотря на их ограниченность и субъективизм. Но механизмы реализации этнически окрашенных требований представлялись довольно смутно. Кадеты, доминирующие в интеллектуальном сообществе, отстаивали необходимость выдвижения на первый план универсальных индикаторов и параметров социального процесса: свободы, прав человека, демократии, социального и национального достоинства личности и т.п. Человек мыслился одновременно и как макрокосм исторического пространства, но и как неабсолютная самодостаточная ценность. Как писал авторитетный кадет Н. Бердяев, личность перестает быть личностью, если превышает ее нет ничего².

Обращенность к истории диктовалась уже не просто интересом к прошлому, как в предыдущие годы, а нацеленностью в будущее. Историческая наука становилась ядром национальных культур, интегратором национальной идентификации. Вопросы этнической истории оказались полезными для сбрасывания с себя комплексов национально-исторической неполноценности, для обоснования перспективы собственного будущего в новом государстве. Репрезентирующая

1 *Mühlmann Wilhelm Emil*. Rassen, Ethnien, Kulturen. Neuwied, Berlin: Luchterhand, 1964. See more at: http://www.4pt.su/hy/node/170#_ftn21

2 Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности: Сборник статей. М.: 2001.

функция национальной истории, представляющая свой народ внешнему наблюдателю, превращалась в важный фактор, влияющий на планы государственного переустройства. Но прежде всего, эта функция национальной истории важна для себя самих, что когда-то имел в виду двоюродный брат Н. Г. Чернышевского, историк и литературовед академик А. Н. Пыпин. Его вклад в русскую этнографию еще ждет заслуженной оценки¹. А. И. Миллер приводит подробно большую статью Пыпина «Волга и Киев»² о важности опоры на «демографические изменения... на символические изменения, на символическую географию, на какие-то образы, искусство, культуру». «Пыпин спрашивает Тургенева: “А Вы вот на Волге бывали?” – “Нет, не бывал”. – “Очень жаль, – говорит Пыпин. – Вот, посмотрите: Волга, такая типичная русская территория, а в литературе нашей совсем не описана. А надо, надо, потому что у нас же пространства большие...” Пыпин – образованный человек, дальше он начинает пересказывать, как строят нацию соседи: “...мы же не можем учеников школ, гимназий на экскурсии возить, как это делают немцы в Германии”. В России это начнут делать в начале XX века. Дальше он начнет говорить, что и Киев тоже русской литературой и русскими художниками не освоен. “А вместо этого русские художники отправляются на этюды в какую-нибудь Эстонию – мельницы писать. Или напишут груды бурых камней и назовут это крымским пейзажем”. Крым для Пыпина тоже не русская территория. Интересно, что когда русский национализм стремился освоить и присвоить Волгу, то здесь менялся дискурс, рассказ о том, как и почему эта территория русская. На западных окраинах подчеркивается славянская общность – общность восточных славян. Здесь поляки стремятся подорвать эту концепцию, эту идеологию с помощью того, что называлось теорией о туранском происхождении великороссов. Что, мол, мы славяне – поляки, украинцы и белорусы – вместе против каких-то неславянских туранцев-москалей, великороссов, против Московии. Когда русский национализм переходит к Волге, этот дискурс вдруг совершенно меняется. Здесь пишут о том, что, конечно, русские совсем не только славяне, что, конечно, есть угро-финская и тюркская составляющие. И в этом нет ничего плохого, и эти малые народы отлично совмещаются с русскими, есть смешанные браки – все замечательно. Мы готовы их при-

1 Пыпин А. Н. История русской этнографии. В 4-х т. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1890–1892.

2 Пыпин А. Н. Волга и Киев. Впечатления двух поездок. Вестник Европы. Т. IV. СПб., 1885. С. 188–215.

нять»¹. Ш. Марджани, современник Пыпина, работая над концепцией татарской национальной идентичности, считал татарами автохтонное население Поволжья и Приуралья, имеющее характерные культурные, этнические и лингвистические особенности.

Продолжим после А. Миллера. Пыпин считал: «Надо, напротив, желать, чтобы местные силы естественно и спокойно входили в это общее течение государственной жизни, без принуждения и насилия, совершенно ненужного, но способного оскорблять местное чувство, а кроме того, способного подавлять живые ростки местной оригинальности и талантливости: следствием гонения и насилия будет только обеднение целого умственного запаса нации. Опасения, что украинофильство может быть ущербом для русской литературы, свидетельствуют *только о слишком низкой оценке самой этой литературы*: она имеет достаточно богатое прошедшее и достаточно данных дальнейшего роста, чтобы нуждаться в полицейской защите от начатков местной литературы»².

До появления самостоятельного национального дискурса в имперских обществах не существовало комплексного языка описания империи. Оценил этот «итог» имперского национализма в контексте 1917 года (к сожалению, уже в эмиграции, где мало кто услышал его) Г. П. Федотов: «Почему русская интеллигенция в XIX веке забыла, что живет не в Руси, а в империи?.. После Пушкина, рассорившись с царями, [она] потеряла вкус к имперским проблемам... Темы политического освобождения и социальной справедливости завладели ею всецело, до умоисступления. [В результате] почти все крупные исследования национальных и имперских проблем оказались **предоставленными историкам националистического направления**. Те, конечно, строили тенденциозную схему русской истории, смягчавшую все темные стороны исторической государственности. Эта схема вошла в официальные учебники, презираемые, но поневоле затверженные и не встречавшие коррективы... Так укрепилось в умах не только либеральной, но отчасти и революционной интеллигенции наивное представление о том, что русское государство, в отличие от государств Запада, строилось не насилием, не завоеванием, а колонизацией»³. Однако региональный подход оставался настолько неопределенным в своих методологических

1 Миллер А. Империя и нация в воображении русского национализма. Взгляд историка. <http://polit.ru/article/2005/04/14/miller/>

2 Пыпин А. Н. Волга и Киев. С. 188–215.

3 Федотов Г. П. Судьба империй // Новый журнал. Нью-Йорк, 1947. № 17.

основаниях, что о наличии его в историографии можно говорить лишь условно. По сути дела, на звание региона претендуют любые территории, а принципы их вычленения бесконечно многообразны. О том, что регионы воображаются в соответствии с теми же механизмами, по которым воображаются нации, хорошо написал Ивер Нойманн¹.

А. Н. Сахаров назвал процесс, когда «верхи российского общества обратились к рычагам национализма как к панацее против поднимающих голову национальных движений народов страны», «складыванием русской самодержавной националистической идеологии»². Причем речь шла не только о производном от сложившихся ситуаций феномене, но и об его упреждающей функции. Это свойственно сложным механизмам управления полиэтническими конструкциями. Но только большевики сразу после октября 1917 г. сделают русский национализм главным своим врагом.

В феврале 1917 г. сложные отношения русского национализма с империей перенаправлены пока на русских либералов и в их лице на Временное правительство³. Либералы порицали национализм за архаизм, стихийность, пережиток племенных инстинктов – полную противоположность духу и разуму эпохи Просвещения. Но деятели национальных движений, во что бы то ни стало желавшие отсчитывать историю своих наций с древнейших времен, как и либералы (и в tomto и проблема!), о чем свидетельствуют факты, сами высоко ценили идеи Просвещения. По сути, они и реализовались-то преимущественно на этом поле деятельности. Националисты считали, что чем «древнее» нация, тем лучше. Каждая «уважающая себя нация» спешила обзавестись историей, уходящей в глубь веков. Важной частью идеологии национализма был тезис о «естественности наций», изображавшихся едва ли не предвечными компонентами Божьего замысла и воспринимавшихся в качестве необходимых продуктов длительного, измеряемого многими столетиями исторического развития, в ходе которого сформировались отличительные особенности национального характера. В итоге даже противники национализма верили в «естественность»

1 Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., Новое изд-во, 2004.

2 Сахаров А. Н. Основные этапы и особенности русского национализма // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М.: Наука, 1999. С. 23–24.

3 Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии (в 2-х т.). М.: ОГИ, 2002–2004.

наций, только делали из нее выводы о враждебном прогрессу и цивилизации характере национального начала.

Проявление проблемы «этнографических» границ с правовой точки зрения явно противоречило представлениям Временного правительства о правах человека, закладываемых в конституционные основания Российской республики. Но и до 1917 г. этнические сообщества отстаивали свои позиции, доказывали культурную состоятельность: история народа становилась мерилем их зрелости, а их будущее во многом зависело от презентации их культурных достижений.

3.2. Национальные мифы и эпосы, их роль в процессах этноинтеграции и этнодифференциации

Управление границами между разными этносами в Российской империи не было однолинейным процессом. Воздействие этих, пока воображаемых, границ, и возникавших на их основе результатов на социокультурные и политические процессы только начинает изучаться систематически. Сами границы подверглись, особенно на Западе, серьезным испытаниям в ходе Первой мировой войны. Именно они встали в повестку дня этнических элит и создаваемых ими структур в разных формах¹. Началось «присвоение» средствами воображаемой географии той или иной национальной территории, лавирование, модификация границ, столкновения с претензиями соседей. Отношения различались в зависимости от ситуации и вызовов².

Вокруг множились энтузиасты, собиратели старых документов, рукописных книг, коллекционеры раритетов, исследователи-любители.

1 *Рибер А.* Сравнивая континентальные империи / Российская империя в сравнительной перспективе. М.: Новое изд-во, 2004. С. 57; *Маловичко С. И.* Провинциальная историография второй половины XVIII–XIX вв.: выработка черт эрудитского типа исторического знания // Источниковедческая компаративистика и историческое построение: Тез. докл. и сообщений XV науч. конф. Москва, 30 янв.– 1 февр. / Отв. ред. В. А. Муравьев. М., 2003. С.199–202; *он же.* Эрудитский тип исторического знания в российской провинциальной историографии XIX века // <<http://nlh.stavsu.ru/inetconf/doclads/malovichko.asp>>; *Румянцева М. Ф.* Локальная история в актуальном социокультурном пространстве // Ставрополь – врата Кавказа... С. 28–34; *она же.* Субъект исторического действия: к вопросу о предмете новой локальной истории // <http://newlocalhistory.com/inetconf/doclads/rumyanceva.php>; Тюпа В. И. Историческая реальность и проблемы современной компаративистики. М.: Изд-во РГГУ, 2002.

2 *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый Хронограф, 2010.

На территории Средней Азии существовали крупные книгохранилища, основанные еще до арабского завоевания. «В Бухаре, например, – отмечал известный знаток рукописей А. А. Семенов, – с начала XV в. существовала большая библиотека общественного пользования, основанная известным шейхом Мухаммедом Парса (умер в 1419 г.). Она заключала множество рукописей разнообразного содержания, среди них было немало драгоценных по своей древности и редкости... Рукописи продавались, – продолжает А. А. Семенов, – во всех городах Средней Азии, но самые обширные книготорговли были в Бухаре и Карши, где на базарах существовали специальные ряды продавцов рукописей и печатных изданий. Здесь у книготорговцев можно было найти немало рукописей, высокохудожественно оформленных, украшенных чудесными миниатюрами, рукописи разнообразного сочинения и различных эпох». Значение этих рукописей было огромно, так как «помимо памятников письменности местного происхождения существовало огромное количество рукописей иноземного происхождения: из Аравии и Египта, из Турции и Ирана, из Афганистана и Индии, из Кашгара и Поволжья. Оживленные торговые, политические и религиозные связи со всеми этими странами весьма способствовали притоку в Среднюю Азию самой разнообразной литературы. При этом нередко случалось, что именно в Средней Азии оказывались списки совершенно уникальные, нигде больше не встречающиеся или собственноручно переписанные разными знаменитостями не только в области литературы и истории, но и в области восточной каллиграфии»¹. А. –З. Валиди имел собственную историческую библиотеку. История ее трагична. Во время Гражданской войны библиотека отправлена из Уфы в Оренбург в 17 сундуках. До сих пор нет сведений о ее местонахождении и полного ее научного описания².

Пополнялись библиотеки медресе, иешив, раввинских семинарий, дацанов. К началу XX века количество рукописных и печатных книг библиотеки при Стерлибашском медресе (открыта с 1720 г.) достигло 14 тысяч экземпляров. Особенно бурно стали возникать публичные библиотеки. Основная их масса организована частными лицами и содержалась за счет их личных средств. В 1908 г. мулла Мухамметнаджиб открыл бесплатную сельскую татарскую библиотеку в Вятской губернии. В 1910 г. стараниями Н. Исакова подобная библиотека появилась

1 Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана. I. Куляб; II. От Куляба до Сарая. (Путевые заметки 1898 г.) // Исторический вестник. 1902. № 3–4.

2 Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Уфа, 1994. С. 160.

в Сарапуле, в 1913 г. усилиями Наджип-муллы – в Кургане. Начали работать татарские библиотеки в Оренбурге, Троицке, Москве, образовалось мусульманское отделение в Казанской публичной библиотеке. В 1913 г. здесь выписывали более 40 газет и журналов из Москвы, С. – Петербурга, Баку, Стамбула, Каира. Татарское население довольно активно посещало их. К примеру, Челябинскую татарскую библиотеку в 1911 г. посетило более 14 тысяч читателей.

Значительное собрание рукописей имелось у еврейского просветителя и исследователя караимов С. Пинскера (1801–1864). Известным собирателем был И. М. Вязинский (И. Вязинер). Наибольшим размахом отличалась собирательская деятельность петербургского купца, мецената и общественного деятеля М. А.–Л. Фридланда (1826–1899), который составил огромную библиотеку, скупив книги у своих предшественников, а затем привел ее в порядок, поручив каталогизацию профессиональному библиографу Ш. Винеру (1860–1929). В 1892 г. собрание Фридланда, одно из самых крупных в Европе, передано им в дар Азиатскому музею, и Винер начал публикацию каталога библиотеки Фридланда, оставшуюся незаконченной. Самые значительные из частных библиотек принадлежали барону Г. Гинцбургу, семье Шнеерсон. Среди библиотек, принадлежавших организациям, самой значительной была сеть библиотек Общества для распространения просвещения между евреями в России, главное собрание – в Санкт-Петербурге, более скромные – в Одессе, Киеве и Риге¹.

И. Иремашвили, впоследствии меньшевик, эмигрировавший в начале 20-х годов из СССР, вспоминал, что И. Сталин в годы учебы в семинарии читал много исторической литературы: «Одним из любимых произведений была грузинская эпическая поэма “Витязь в тигровой шкуре” Шота Руставели». Другой семинарист, С. Девдариани, подтверждает: «Для того чтобы достать легальные, но запрещенные в семинарии книги, мы обращались к книжнику (букинисту) Захару Чичинадзе. У него была хорошая библиотека»². Богатейшая личная библиотека с массой источников по истории украинской культуры М. Грушевского погибла в пожаре 1918 г.³

1 КЕЭ. Т. доп. 2. Кол. 189–190.

2 *Iremaschwili Joseph*. Stalin und die Tragödie Georgiens. Berlin: Verfasser, 1932. 95 S.; Сеит Девдариани преподавал в Горийском духовном училище. Расстрелян в 1938 г. 3. Чичинадзе – известный грузинский историк.

3 Обзор погибшей коллекции (вместе с другими пострадавшими памятниками) тогда же издал молодой искусствовед Федор Эрнст (1891–1942), которому многое

Краеведческий вид описания территорий как специфический жанр провинциальной историографии¹ дал возможность элитам поднять проблему этнических ментальностей, их отображения в местном историописании. Издательские, эрудитские и библиофильские практики² в разных этносоциальных слоях отображали различные типы знания о прошлом в историческом сознании современников. Занятия становились перспективным направлением и интеллектуальной победой в борьбе за гражданские права. Особенно важное значение приобретали региональные истории в многослойных контактных зонах. Редактор исторического отдела Нового энциклопедического словаря Брокгауза – Ефрона Н. И. Кареев предложил Грушевскому написать общий очерк истории Украины. Подготовленный вскоре текст очерка едва ли не превысил по объему целый том словаря, и издание не состоялось.

Любители интеллектуальных занятий были весьма озабочены общественно-политическим звучанием своих работ, их значением и последствиями в будущих культурно-духовных процессах. Набирался опыт публичных выступлений, обсуждались и развивались понятия «государство», «закон», «конституция», «гражданин», «гражданские права», «свобода», «рабство», «собственность», «революция», «просвещение» для выражения позиции по актуальным политическим проблемам, для обоснования практических действий. Уточнялась концептуальная «нагрузка» понятий при осмыслении принципов свободы личности, верховенства закона, конституционного правления. Возрастала общеизвестность и многократность употребления понятий для описания окружающей социально-политической реальности. Социально-политический контекст позволял использовать основные социально-политические понятия при осмыслении возможных перспектив развития обществ в будущем. Эти практики, предполагалось, должны

предстояло сделать для охраны и изучения украинского искусства: Білокінь С. В обороні української спадщини: Історик мистецтва Федір Ернст. К., 2006. С. 40–41 (с обзором откликов). См. также: Дмитриев А. Три лета Михаила Грушевского: нация как выбор // Гефтер. 2014. 12 марта.

1 Репина Л. П. История исторического знания: пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2006. Конечно, исследования в области «mental mapping» приобрели широкую популярность среди историков и политологов с заметным опозданием. Понятие «ментальная карта» (mental map, cognitive Landkarte) впервые введено Е. С. Толманом в 1948 г. См. об этом подробнее: Миллер А. И. История Российской империи в поисках масштаба и парадигмы. www.timeandspace.lviv.ua/files/session/Miller1454cb5ba879fb.doc

2 Эльсгольц Ф. К. Частные библиотеки в России // Российский библиограф. 1880. № 53 (1), № 55 (3).

стимулировать творческую активность, вдохновлять людей на великие свершения. Беспроигрышный путь – обращение к славному прошлому, призванному быть залогом славного будущего¹.

Однако у многих народов никогда не было своей письменности, их древняя история покрыта мраком. Даже если письменные источники имелись, их изучение и интерпретация требовали высокого профессионализма, а он чаще всего отсутствовал. Лишь в редких случаях существовали школы профессиональных историков (на Украине, в Грузии, Армении, Польше); во многих местах такой традиции не было, и роль историков брали на себя краеведы, среди которых было немало энтузиастов-дилетантов. Поиском предков занялись священники, учителя, писатели, обеспокоенные настоящим и будущим своего народа. Они не имели необходимой подготовки, и их единственным достоянием была вера в свой народ и великие деяния его предков. При этом, как правило, используемые источники не были подвергнуты профессиональной оценке. В. Шнирельман подчеркивает важность свидетельств о том, «откуда у “инородцев” такая болезненная тяга к истории и такое непреодолимое желание “хотя бы с помощью исторических мифов выйти из состояния народов, “не помнящих родства”»². Две темы в этих свидетельствах, добавим, были в фокусе внимания: героические (часто мифологические) личности и проблема территорий. Герои эпосов и исторических драм вбирали в себя характер того или иного народа.

Накануне 1917 г. М. С. Грушевский написал исторические драмы «Хмельницкий в Переяславі» и «Ярослав Осмомисл», наполненные подлинным драматизмом происхождения и развития государственности Киевской Руси. Продолжал триумфальное шествие по книжным прилавкам, не только российским, но и европейским, «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели. В 1917 г. в Москве выпущен отдельной книгой неполный перевод поэмы К. Бальмонтом³. Осуществилась давно намечавшаяся и все откладывавшаяся из-за недостатка средств археологическая экспедиция в Ван (Турецкая Армения), руководство которой Русское археологическое общество поручило Н. Я. Марру. Одна из столиц древней Армении Ани подверглась беспрецедентному по масштабам изучению. Итоги многолетних раскопок Марр периоди-

1 См. об этом: гл. 1.4. Правовые стратегии: «Закон выше чувства».

2 Шнирельман В. В поисках самобытности: у истоков советского мультикультурализма // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78).

3 «Носящий барсову шкуру». Грузинская поэма XII в. Пер. К. Бальмонта. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1917.

чески публиковал в виде отчетов. К 1934 г. они обобщены в монографии «Ани»¹. «Вряд ли я ошибусь, – писал В. Я. Брюсов в 1916 г., – если скажу, что армянская поэзия, особенно поэзия прошлых веков, составляет для большинства русских читателей то самое, что на старинных географических картах обозначалось белым местом с лаконической надписью: “terra incognita” – область неведомая». В сборнике «Поэзия Армении» напечатан впервые и перевод Брюсова большого фрагмента «Давида Сасунского», средневекового армянского эпоса, повествующего о борьбе богатырей из Сасуна (область в исторической Армении, ныне в Турции) против арабских захватчиков². В 1917 г. под редакцией М. Горького и В. Брюсова вышел «Сборник финляндской литературы». Он включал пять песен «Кантелетар» («сестры» «Калевалы») в переводе Брюсова. М. Гафури записал и опубликовал в 1909 г. башкирский эпос «Заятуляк и Хухухулу». До 1917 г. эпос распространялся в рукописном варианте, трактуя личности героев в возвышенно-романтическом плане. Публиковались и фрагменты «Манаса», «Джунгара», в собирательстве последнего большую роль сыграл один из калмыцких активистов Н. Очиров. Ему помогал известный востоковед В. Л. Котвич. В 1917 г. в пропаганде эпосов актуальнее было, перефразируя позднего переводчика «Манаса» С. Липкина, «стремление народа, рассеянного порабителами, сплотиться». Но в границах одной традиции (эпоса) имелись и разные версии группировки этносов по происхождению: дифференциации в далекой древности, маркирования и разделения общностей. В этногенетических мифах представлены тенденции как этнодифференциации, так и этноинтеграции. Попытки элит утвердить общее этническое происхождение древними этногенетическими легендами в общем мейнстриме, как и издание других документов, русских переводов, во многом определялись политическими и конъюнктурными обстоятельствами.

Создавались работы, инспирированные национальными темами. Жанр исторических драм был достаточно популярным у этнических элит. Он позволял актуализировать «полезные» страницы истории, героизировать или драматизировать их в зависимости от решаемых задач.

1 Март Н. Я. Ани: Книжная история города и раскопки на месте городища. Л. – М., 1934.

2 См.: сборник «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» в переводе русских поэтов, под редакцией, со вступительным очерком и примечаниями Валерия Брюсова (М., 1916).

Незадолго до 1917 г. татарский писатель Г. Исхаки в повести «Исчезновение через двести лет» в форме фантастического повествования представил мифологизированное видение национальной истории¹. Стержневым в ней стал эсхатологический миф, в котором художественная идея раскрывалась через столкновение различных мифологических кодов. В качестве эсхатологической основы выступал миф о казанской царице Сююмбеки. Для татарской культуры этот образ символичен. В начале XX века в прозе и в поэзии образ Сююмбеки становится одним из наиболее частых мифологических образов. Эсхатологическая семантика мифа обнаруживалась в судьбе главного героя – историка Джагфара, у которого при родах умирает жена Сююмбеки, а также в сновидениях героя, в которых он видит разрушение башни Сююмбеки. Символичным оказывается и финал повести: Джагфар умирает на развалинах древних Булгар, месте, сакральном для татар². Отмечается процесс постепенного растворения татар среди других народов, падение нравственности молодежи, отсутствие условий для получения образования на европейском уровне. Для спасения некогда имевшей государственность нации, по мнению Джагфара, необходимо, во-первых, открыть новые учебные заведения и перестроить ныне действующие, убрав из них схоластику. Образование должно отвечать потребностям времени, в школах, медресе должны изучаться научно-практические дисциплины (как и в Европе). Во-вторых, следует распространять научную литературу, издавать книги, которые бы побуждали татар к деятельности по изменению нынешней ситуации.

Определенную почву для размышлений давали и русские писатели. Д. Н. Мамин-Сибиряк в рассказе «Байгуш», повествуя о мелодии, сыгранной стариком-башкиром на домбре, писал: «Для меня теперь сделалось ясным: народ умер, и эта песня была последним блуждающим огоньком, вспыхивающим на его могиле. Жизненная энергия иссякла, и будущего не было»³. В 1914 г. рассказ переиздан в Дешевой

1 *Зарипов М., Амирханов Р.* Гаяз Исхаки (1878–1954) / Татарские интеллектуалы: исторические портреты / Сост. Р. Мухаметшин. 2-е изд. Казань: Магариф, 2005.

2 См. *Ибрагимов М. И.* «Исчезновение через двести лет» Гаяза Исхаки и «неомифологические» тексты русской прозы начала XX века / Литературоведение. Межкультурная коммуникация. Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 848–849. Любопытны авторские параллели о русско-татарском литературном диалоге с произведениями Д. Мережковского «Петр и Алексей» и А. Белого «Петербург».

3 *Байгуш*: Из путешествий по Южному Уралу / Д. Мамин-Сибиряк. Москва: Юная Россия, 1914.

библиотеке для семьи и школы. Другой русский писатель, А.М. Федоров, написавший в 1897 г. роман о башкирах, полный сочувствия к ним, показал (в образе и делах Арсланова – выпускника Петербургского университета) обреченность попыток исправить бедственное положение народа. Однако через год он пишет о «Башкирской степи»:

Я опьянен. Иль вижу въяве диво?
Иль грезит степь былым передо мной?
Арабский конь промчался горделиво:
То Зюлькарнейн¹ ведет полки спесиво, –
Но мирный скиф отхлынул пред войной.
Войска прошли. Опять игра тумана:
Чудь... Половцы... Биармии орда...
Как сонмы туч, как волны океана,
Колышутся обозы Тамерлана,
Звенят мечи, кровь льется, как вода.
Кричат орлы. Зловещий ворон стонет...
Туман исчез, и даль опять светла.
Но кто там вновь? Иль ветер тучу гонит?
Иль снова степь кого-нибудь хоронит?
То Русь идет... Гудят колокола...
Очнулся я... Волшебств исчезла сила.
Передо мной беспечно степь цветет.
Немой курган, безвестная могила...
Лишь о минувшей вольности уныло
Башкир-ямщик тоскует и поет.

С большим интересом изучал фольклор тюрков М. Горький. В июне 1912 г. он писал В.И. Анучину: «Г.Н. Потанину почтеннейший поклон. Недавно прочитал его “Восточные мотивы” – с наслаждением! Не найдется ли у кого книжки “Легенды минусинских татар”?»²

Конечно, как при использовании эпосов, на содержание литературных произведений также влияли политические и конъюнктурные обстоятельства, но очевидна болезненная тяга к истории, использование склонности народного воображения к идеализации образов эпических и литературных героев. Энтони Смит в книге «Национализм и модернизм» писал: «Преднамеренное производство интеллигенцией

1 Александр Македонский.

2 Рахимкулов М. Максим Горький: «На Белой места такой красоты – ахнешь...» // Бельские просторы. 2007.

мифов и символов является частью **объективного процесса** национальной консолидации. Национальные идеи могут найти отклик у образованной публики, если за ними стоит авторитет науки. Поэтому история, филология, антропология придают «научность» мифам об этническом прошлом, как бы систематизируют поэтические метафоры. Чаще всего происходит так, что некоторые сознательно творимые погрешности против исторической истины обнаруживаются уже поздно. Спустя некоторое время, когда исторические мифы, выдуманные истории или фальшивые святые бывают раскрыты, **они уже выполнили свою роль** – добились пробуждения тех национальных чувств, которых требовала интеллигенция». Учитывая распространенность и укорененность мифов в общественной психологии, их охотно использует советская власть после октября 1917 г., задвинув на «опасные» задворки наработки профессиональных историков¹.

Бурятские летописцы А. Очирой, А. Сахьяев, С. Ванданов, Д. Дарбаев, Ж. Галсанов, Р. Санжиев, Ц.-Д. Бадмацэрэнов, Ю. Лумбунов, Эрхэтуев, Лубсанов и др. – авторы содержательных летописных произведений, ценнейших источников по истории и традиционной культуре бурят-монгольского народа². Для Бурнацкова, например, оказалась важной не только история и традиционная культура, проблема границ, но и содержательное наполнение внутри границ национальных административно-территориальных образований (аймака, хошуна, сомона), которые строились бы по принципу земства. Председатель Временного бурятского национального комитета М. Н. Богданов составил проект объединения разрозненных частей бурятского этноса: «В области национальной автономии буряты Иркутской губернии и Забайкальской области объединяются в одно целое»³.

Взятый ЦК УКН курс на самоопределение калмыцкого народа с первых же дней вступил в противоречие с собственными идеями Комиссии по реформе местного управления и самоуправления МВД. Она 16 мая выдвинула проект, согласно которому Калмыцкая степь Астраханской губернии расчленялась на дербетские и торгутские улусы. Проект не способствовал консолидации калмыков. В Петрограде Очиров

1 См.: *Жирмунский В.* Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.: ГИХЛ, 1962.

2 *Чимитдоржиев Ш. Б.* Бурятские летописцы – первые историки Бурятии. М.: Наука, 2004.

3 *Хаптаев П. Т.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Ч. 1 и 2. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. С. 156.

и Тундутов встретились с представителем Большедербетовского улуса Ставропольской губернии Ефимом Чоновым и втроем они заявили еще один протест Временному правительству. В заявлении указывалось, что «калмыцкие земли должны оставаться в полной неприкосновенности и не должны иметь места самовольные захваты калмыцких земель крестьянами самоуправно и насильно». Очирова и Тундутова в конце мая и начале июня 1917 г. принял министр-председатель кн. Г. Е. Львов. В это время в Астрахани проходил съезд представителей калмыцкого населения Астраханской, Ставропольской губерний и Терской области, обсуждавший возможные формы и пути объединения калмыков этих административно-территориальных единиц, а также области войска Донского. Съезд склонялся к тому, чтобы осуществить *«полное объединение калмыков всех мест, так как желательно образовать одну административно-судебную единицу»*, надеялся, что *«правительство даст калмыкам автономию»*. Н. Очиров и Д. Тундутов, явившиеся на съезд прямо с вокзала 6 июня 1917 г., разочаровали делегатов. В ходе беседы князь Львов, «узнав о желании калмыков получить автономию, отнесся к этому весьма не сочувственно, видимо, боясь автономий вообще»¹.

Временное правительство пошло навстречу ходатайству ЦК УКН о признании Калмыцкой степи областной единицей с введением в ней земства. В докладной записке начальнику отдела местного управления Министерства внутренних дел члены ЦК князь Д. Тундутов и Н. Очиров, основываясь на решении I съезда представителей калмыцкого народа о праве «на непосредственное и независимое от губернского комиссара и общегубернского исполнительного комитета» существование ЦК, писали: «Необходимо и в дальнейшем сохранение такой независимой от губернской власти органов управления, а также совместительства органов управления и самоуправления калмыков. Посему образование из Калмыцкой степи Астраханской губернии по проекту комиссии по реформе местного управления и самоуправления в неземских губерниях, подведомственных Астраханскому губернскому земству, уездных земских единиц, как несоответствующее возмещенным Временным правительством началам и противоречащее желаниям калмыцкого народа, является совершенно недопустимым. При таком зависимом положении от губернского земства интерес калмыцкого народа всегда будет на втором месте...» Комиссия по реформе местного управления и самоуправления в земских губерниях, рассматривая

¹ Номто Очиров: жизнь и судьба. Элиста: Мин-во образования, культуры и науки РК, 2009.

данное ходатайство, нашла возможным заявить 3 июня: вопрос о земском преобразовании Калмыцкой степи в самостоятельную единицу можно решить положительно¹.

1 июля 1917 г. Временное правительство постановило: 1) Положение о губернских уездных земских учреждениях и временное положение о волостном земском управлении ввести в действие в местностях, занятых в Астраханской губернии кочующими калмыками. 2) Выделить из Терской области один аймак и присоединить его к территории, отведенной астраханским калмыкам. 6 июля 1917 г. ЦК получил телеграмму от командированного в Петроград Б. Э. Криштафовича: «Издан закон об образовании областного земства с правами губернского и присоединением терских (кумских) калмыков»².

На Востоке последствия экспансии, организованной или спонтанной, кочевий и переселений усложняли многообразие этносов и их культур, отсутствие демаркационных линий. Такие территории находились вдалеке от военных действий, они влияли на позиции сторон. Другими словами, границы перестали носить отвлеченный научно-кабинетный характер, но сами-то исследования были не близки к завершению. Во многих регионах они еще и не начинались. На территории бывшей Российской империи проживали социокультурные сообщества, скомбинированные из горских, степных, земледельческих этносов и полиэтнических групп христиан, мусульман, буддистов и пр. Постоянные культурные столкновения влияли на восприятие пограничных областей далеко не в узко географическом смысле. Многократные культурные и иные заимствования создавали высокую напряженность в межэтнических «швах».

3.3. Этнографические карты и этнические границы: к проблеме «идеального отечества» в 1917 году

Мультикультурное разнообразие, политическая, экономическая, культурная и социальная жизнь полиэтнических областей была далека от картографической простоты. В академических кругах имела успех роскошно изданная на русском языке книга Ф. Ратцеля (1844–1904 гг.), родоначальника науки о взаимосвязи природного ландшафта

1 ГАРФ. Ф. Р-398. Оп. 2. Д. 81. Л. 126.

2 Плюнов Ф. Калмыкия и Октябрьская революция. Рукопись. Ч. 11. 1926.

и человеческого поведения¹. Актуальным в ней оказалось положение о взаимосвязи территории («почвы») и населения («народа»), из которой рождаются государства. Это была серьезная интеллектуальная посылка, рожденная на стыке академической науки и практической политики. География модерна, вдохновленная Великими географическими открытиями и успехами физической географии, постулировала существование мира как единого целого, своим когнитивным усилием создавала его картину, подчиненную принципам универсальности познания, взаимной дополнительности рационально-логического и эмпирического методов, адекватности картографических проекций этнографическим реалиям. Налицо проявлялся поворот, обусловленный модерном, с одной стороны, к проблеме, обусловленной развитием самого научного знания, с другой стороны, общественный поворот, детерминированный характером социальных изменений. Карты получили в наши дни большое распространение в виде ментальных карт.

Вплоть до начала XX в. «Этнографическая карта Европейской России» 1875 г. А. Ф. Риттиха служила основным пособием для изучения расселения народов России. Огромный картографический материал собран Г. Е. Грум-Гржимайло, Н. М. Пржевальским и будущим активистом Белого движения П. Н. Красновым². В сентябре 1910 г. образована Постоянная комиссия по составлению этнических карт России. Председателем Комиссии стал академик С. Ф. Ольденбург. В конце 1913 г. в ее составе работали два отдела: 1) Европейской России и Кавказа и 2) Сибири и Туркестана.

Постоянная комиссия по составлению этнографических карт России из-за политических событий (Первая мировая война, революция) не сумела завершить планы по составлению этнических карт, изучению населения и др. Но даже то, что Комиссия стала привлекать для сбора этнографического материала людей на местах, понимание важности составления этнических карт на всю обширную территорию страны, издание библиографического указателя Д. К. Зеленина³, поездки членов Комиссии по стране – все это усилило внимание к этнической картографии в 1917 г. Постоянная комиссия по составлению этнографических карт России явилась предвестником другого крупного учреж-

1 Ратцель Ф. Народоведение. СПб.: Книгоиздат. т-во «Просвещение», 1904.

2 Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. Авт. – сост. М. К. Басханов. М.: 2005, С. 129.

3 Зеленин Д. К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700–1910 гг. Типография А. В. Орлова, 1913. 776 с.

дения – Комиссии по изучению племенного состава населения России, в которую вошли многие члены Постоянной комиссии¹.

Особого внимания требовали многослойные зоны контактов, различия и континуитет во внешности и привычках людей, в их воззрениях и отношении к истории формирования пограничных областей². Созданием карт увлекались многие российские гуманитарии (М. Грушевский, М. Довнар-Запольский, Е. Карский, В. Бартольд и др.).

Подходы к восприятию проблем, связанных с этническими границами, в немалой степени зависели от состава национальных комитетов, политических взглядов и ориентаций их членов, их образования, уровня развития тех или иных этносов, научного авторитета и политического опыта привлеченных экспертов. Потеря политической независимости тюркских государственных образований, отсутствие мусульманского двора как социального заказчика исторических произведений были основной причиной забвения картографических жанров исламской историографии в Поволжье и Приуралье³. Отношение украинских политических элит к идеям федерализма питала мощная интеллектуальная традиция, которая вела отсчет от Кирилло-Мефодиевского братства, и реальный уровень включения части местной элиты в национальный проект. Вывод и у них напрашивался сам собой – усиливать работу в этом направлении. Февральская революция явилась переломным этапом в развитии идеи национальной государственности. Решимость УЦР добиваться своих правомочий другим национальным комитетам казалась перспективной.

Когда под воздействием февральских событий 1917 г. встал вопрос о самоопределении Беларуси, проблема этнических, а впоследствии

1 Псянчин А. Развитие русской этнической картографии в XVII–XIX вв. // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 2–23 сентября 2001. Доклады. М.: Ассоциация этнографов и антропологов России, Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. С. 42–43; он же. Комиссия по изучению племенного состава населения России от этнокартографии к идентичности и комплексному изучению человека / V Конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 9–12 июня 2003 г. Тез. докл. М.: Ассоциация этнографов и антропологов России, Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2003.

2 Маловичко С. И., Покотилова Т. Е. Исследовательское поле Центра «Новая локальная история» // Источниковедческая компаративистика и историческое построение: Тез. докл. и сообщений XV науч. конф. Москва, 30 янв. – 1 февр. / Отв. ред. В. А. Муравьев. М., 2003. С. 201; Ермоленко Т. Ф., Морозова О. М. Погоны и буденовки: Гражданская война глазами белых офицеров и красноармейцев. Б.м., б.и., 2013.

3 Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2009.

и государственных границ стала одной из важнейших. Соседям белорусов – полякам «идеальное отечество» представлялось в границах 1772 года. С этим вряд ли могли согласиться деятели Белоруссии, Украины, да и Литвы, при обсуждении территории юрисдикции¹. Но Могилевский белорусский национальный комитет требовал включить в «свои земли» Белосток, Двинск и Вильно, что вызывало противоречия с Польшей, Латвией и Литвой². Для уточнения этнографических границ комитет создал специальную комиссию из известных ученых, в чьих работах пространству отводилось внимание как некоему потенциалу саморазвития, фактору политического развития государств, народов, индивидов. В комиссию вошли историк, этнолог, специалист по истории западных славян ректор Московского университета октябрист М. Любавский, филолог и историк академик А. Шахматов. Любавскому была близка идея поиска белорусского государства в Великом княжестве Литовском, которое перетекало в Речь Посполитую. Приглашен исследователь национальной и культурной самобытности белорусов, белорусской этнографии М. Довнар-Запольский, автор крупных научных работ по языкознанию, филологии, этнографии академик Е. Ф. Карский, сторонник идей западнорусизма, историко-идеологического направления научной, общественно-политической, этноконфессиональной и культурной жизни. Вышеупомянутые поиски белорусского государства, возникшего в Северо-Западном крае, основывались на постулате, что Белоруссия является культурной и государственной частью России, а белорусы – самобытным ответвлением русского этноса. Карский возглавлял Варшавский университет, в 1917 г. он профессор Петроградского университета, занимался теоретической разработкой вопроса. Работы Карского положили начало белорусоведению как исследовательскому направлению, впервые подняв проблему этнических границ. Карский даже составил этнографическую карту Беларуси в 1903 г.³

1 Грушевский М. С. Движение политической и общественной украинской мысли в XIX столетии. СПб., 1907; Костомаров Н. И. Укратиофильство. Б. м., 1880.

2 Хотя подавляющее большинство белорусов в это время говорило на белорусском языке, парадокс заключался в том, что во время выборов в Учредительное собрание в 1917 г. за местные партии, с четко выраженной национальной ориентацией, проголосовало менее 1 %. Чернявская Ю. Пять парадоксов национального самосознания белорусов / www.index.org.ru/journal/15/15-chern.html

3 Карский Е. Ф. Этнографическая карта белорусского племени. 1903. См. также: Карский Е. Ф. К вопросу о разработке старого западнорусского наречия. Вильна, 1893; Что такое древнее западнорусское наречие? Труды Девятого

Используя первую «Этнографическую карту Европейской России» (еще Русского географического общества 1851 г., составитель П. И. Кеппен), Карский обозначил этническую территорию, в которой белорусы составляют абсолютное или относительное большинство. Эта область расположена по обе стороны Балтийско-Черноморского водораздела в бассейне верхнего Днепра, верхнего Немана и верхней и средней Западной Двины; охватывала, кроме нынешней территории республики, также некоторые районы Брянской, Смоленской, Псковской губерний. На западе Карский относил к Беларуси Виленскую и большую часть Белостокской губернии; на северо-западе – уезды Двинский, Люцинский и Режицкий Лифляндской губернии (Латгалии)¹. Карта напечатана по разрешению неперменного секретаря Императорской академии наук академика В. Дубровина². Карта переиздана в Петрограде в 1917 г. трудами Комиссии по изучению племенного состава населения России³.

Правду сказать, Карский не мог предугадать, какую роль эта карта будет играть в руках большинства политиков первой половины XX века! Вспоминают, что первый руководитель Белорусской ССР А. Г. Червяков всегда носил эту карту в кармане⁴ и извлекал ее оттуда при первой же надобности. Карский же лишь утверждал, что белорусы являются самобытной, но неотъемлемой частью русского этноса. Среди ученых не было единства в этом вопросе.

М. К. Любавский располагал большим документальным материалом по истории Белоруссии XIV–XVI вв. Он не связывал образование Литовского государства с немецким влиянием, в отличие от историков юридической школы, а считал его результатом развития внутренних экономических и социальных отношений. Тема еще магистерской диссертации будущего ректора Московского университета М. Любавского

археологического съезда в Вильне, 1893; О языке так называемых литовских летописей. Варшава, 1894; Особенности письма и языка Мстиславова Евангелия / Русский филологический вестник 1895; Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII век. Варшава, 1901; Очерк славянской кирилловской палеографии. Варшава, 1901.

1 Брыгадзін П., Ладысеў У. Фарміраванне ідэі беларускай дзяржаўнасці ў 1917–1918 гг. // Беларусазнаўства. Мн., 1998. С. 70; Павлова Т. К вопросу о границах БНР // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 1.

2 В документе опечатка. Имеется в виду военный историк академик Н. Ф. Дубровин.

3 Карский Е. Ф. Этнографическая карта белорусского племени. Пг., 1917.

4 Речь идет об академике Гаврииле Горецком. См.: Зинова Р. А., Швецов А. А. Г. И. Горецкий. К 100-летию со дня рождения. http://nasb.gov.by/rus/publications/natres/nr00_1b.php

«Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания литовского статута» удостоена Малой премии графа Уварова (1894). Тема его докторской диссертации посвящена «Литовско-русскому сейму» (1900).

К исследованиям М. В. Довнар-Запольского сложно относиться часть профессоров Московского университета¹. «Я совершенно правильно поступил, заняв пустую, за уходом Кизеветтера, кафедру, и очень хорошо сделал, – записал в дневнике 12 марта 1917 г. М. В. Богословский, узнав, что министр Мануйлов приказал уволить всех, кто остался в университете после событий 1905 г. – Если бы я ее не занял, был бы на нее посажен Довнар-Запольский или кто-либо еще хуже и расплодил бы здесь свою школу. Я же сохранил для московской кафедры традиции главы нашей школы В. О. Ключевского, оберег их в чистоте и этим имею право гордиться»².

Любопытно, что и два «патриарха» исторической науки – украинской и белорусской – Грушевский и Довнар-Запольский – стали двумя антиподами, не нашедшими общего языка. Одну из ярких их дуэлей подробно описал В. Ульяновский³. М. Грушевский рассчитывал на нового соратника по украинской национальной идее или, по крайней мере, на внимательного рецензента украинских национальных и исторических проблем. Но у М. Довнар-Запольского уже сложились национально-белорусские убеждения, он опробовал их в этнографических и историографических исследованиях Беларуси, в публикации памятников национальной литературы, организации исследовательских

---

1 *Довнар-Запольский М. В.* Белорусское Полесье: Сборник этнографических материалов. Вып. 1. К., 1895; Польшко-Литовская уния на сеймах до 1569 г.: Исторический очерк. М., 1897; Акты Литовско-Русского государства. М., 1899; Спорные вопросы в истории Литовско-Русского сейма. СПб., 1901; Исследования и статьи. Т. 1. Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. Изд. А. П. Сапунова. Киев, 1909.

2 *Богословский М.* Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011. В 1918 г., после провозглашения Белорусской народной республики (БНР) Довнар-Запольский активно поддержал ее и уже в апреле 1918 г. поступил на дипломатическую службу Рады БНР: был членом «Киевской миссии БНР», в сферу деятельности которой, кроме Украины, входили и другие страны юго-восточной Европы.

3 *Ульяновский В.* Справа кафедри історії України в Університеті св. Володимира: Довнар-Запольский і Грушевский // Трєція Международня Доунароускія чытанні. Мінск, 2002; *Киштымов А., Лебедева В. М.* Довнар-Запольский и М. Грушевский: Встреча на страницах «Записок наукового товариства імені Шевченка» / Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. 2007. № 91. С. 35.

и просветительных структур. М. Грушевский же упрекал его в «российско-центризме». Вместе с тем, Довнар-Запольский признавал особую сложность в формулировании окончательных оценок, отмечая: *«Нет ничего труднее, как разбирать чужую душу и выворачивать ее наизнанку, особенно же трудно проследить за душой нашего крестьянина, вообще, как известно, весьма скрытного в беседах с интеллигентом, да еще приехавшего издалека, с какой-то ему непонятной целью, кажущейся ему смешной и подозрительной... Поэтому-то, как только дело дойдет до сведений, нужных этнографу, так полещук своим скептическим отношением к науке разбивает всякие надежды»*¹.

К работе в комиссии привлечен эсер В. Игнатовский. Разработкой истории Белоруссии он занимался с 1905 г., будучи сосланным из Петербурга, где учился в Историко-филологическом институте. Окончил в 1911 г. Дерптский университет, затем преподавал историю в средних школах Вильно, в Минском учительском институте². Приглашен и литературовед М. Богданович, впрочем, это была скорее психологическая поддержка умирающего молодого поэта³. Приглашен профессор Императорской римско-католической духовной академии в Петербурге Б. И. Эпимах-Шипило⁴, сторонник национальной ориентации белорусских католиков, объединитель и воспитатель крупных деятелей. Усилиями его учеников была образована Белорусская ССР. Среди них Я. Купала, Т. Гриб, Я. Воронка, Б. Тарашкевич, З. Жилунович.

Отдельным периодам и событиям применительно к пространствам и территориям придавалось преувеличенное значение, в то

1 Довнар-Запольский М. В. Исследования и статьи // Русский Филологический Вестник. 1910. LXIII. № 1.

2 Игнатовский Всеволод Макарович (1881–1931). Сыграл важную роль в проведении политики белорусизации, активный сторонник увеличения территории БССР, содействовал возвращению некоторых белорусских эмигрантов на родину. В 1926 г. глава, с 1927 г. первый президент Института белорусской культуры, с декабря 1928 г. президент Академии наук БССР, директор Института истории АН БССР. Во время кампании против т. н. национал-демократизма в 1930 г. освобожден от должности президента АН БССР. Как «кулацкий агент» вызывался на допросы в ОГПУ, исключен из партии. В ходе допросов по т. н. «делу Союза освобождения Беларуси» после критики его исторических взглядов в 1931 г. покончил жизнь самоубийством.

3 Умер в мае 1917 г.

4 Эпимах-Шипило Бронислав Игнатьевич (1859–1934). С 1907 по 1917 г. преподавал в частной мужской гимназии при католическом приходе Св. Екатерины в Петербурге. 18 июля 1930 г. арестован в Минске по «делу Союза вызваленья Беларусі». 12 сентября 1930 г. судебное дело закрыто, ученому запрещено жить и работать в Минске. Осенью 1930 г. вернулся в Ленинград.

время как рассмотрение общей истории народов в цельном виде требовало изучения всей противоречивой сложности русско-польских, русско-литовских, русско-немецких или русско-турецких отношений.

В Закавказье проблема размежевания этнических территорий была еще острее, прошла несколько этапов завоеваний разными государствами, начиная с античности, и имела свою специфику. Достижения в отечественном кавказоведении этого периода представлены исследованиями, которые не утратили научного значения. На начальной стадии формирования имперского влияния на Кавказ академик Императорской академии наук Н. Ф. Дубровин заметил, что об этом крае написано такое обширное количество литературы, какое не имеет «ни один уголок... отечества»¹. Даже те, кто этого не хотел бы, признают, что царские генералы создали самые лучшие труды о Кавказе. Данная оценка применима к фундаментальным обобщениям В. А. Потто, Р. А. Фадеева, П. И. Ковалевского и др. Событийные обобщения военной истории, связанные с вхождением Кавказа и его северных частей в состав России, освещались Н. Романовским, М. Острогорским, Б. Эсадзе и др. Некоторые труды неоднократно переиздавались². Информационные достоинства трудов кавказоведов несомненны, несмотря на преобладавший эмпирический характер повествования. Немало изданий появилось и в начале XX в.

К 1917 г. в сложившемся на Кавказе региональном контексте прослеживалось наличие «целостного историко-культурного облика», имевшего «внутри одного государства» ряд отличительных черт. Для корифеев русского кавказоведения было очевидно, что при разноплеменности и разноразноязычности Кавказа, при сложности этнической истории региона, включавшей массовые передвижения народов, процессы ассимиляции, интеграции, этнокультурного взаимодействия, народы Кавказа сохраняли генетическую общность и конвергентность (сближение) этнокультурного развития. Это делало необходимым изучение пространства кавказоведческих проблем, не ограничиваясь контекстом одной этнической среды. В сопоставительном ряду прослеживалась этнокультурная вариативность явлений или субъектов, допускалась

1 Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Спб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 14.

2 См. об этом: Матвеев В. А. Россия и Кавказ в объективе исторических познаний: от державности к «тюрьме народов», национализму, евразийству и российскости. Под ред. и с пред. В. Б. Виноградова. Армавир – Ростов-на-Дону, 1998. С. 7-36.

возможность объяснения явления одной этнической культуры через однотипные явления другой.

Еще одна черта дореволюционного русского кавказоведения – это комплексность, междисциплинарный подход к исследуемой проблеме. Особую роль играли этносоциологические труды М. М. Ковалевского на Кавказе, продвигавшие разработку проблем этнографии в кавказоведении¹. Ему удалось на основе полученных данных ввести и обосновать российский вариант генетической социологии и антропологии. Интегральность стала естественным качеством научной теории М. М. Ковалевского². Во время поездок большую помощь ему оказали местные кавказские интеллигенты, среди них известный этнограф И. С. Хатисов, сопровождавший ученого по Хевсуретии, Пшавии и Тушетии³. М. О. Косвен высоко ценил деятельность дореволюционных этнографов-осетин. Он писал: «Особую черту дореволюционного этнографического кавказоведения по Осетии составляет активное участие в нем весьма большого числа авторов-осетин... В результате эта этнография оказывается одной из наиболее развитых отраслей всего дореволюционного кавказоведения»⁴. Большое значение имело издание первой на азербайджанском языке работы Р. Исмаилова «Краткая история Кавказа и литература азербайджанских татар». В работе значительное место уделяется древним обитателям страны (отдельный раздел так и назван – «Древнее население Азербайджана», с. 9–24) и вопросам древней истории края (раздел «Древняя история Азербайджана», с. 25). Однако оба раздела состоят из бессистемно подобранных, разнородных и разнохарактерных, неодинаковой ценности сведений, начиная от легендарно-сказочных и кончая данными, почерпнутыми из трудов современников автора. Ответ на вопрос: использовалась ли работа Р. Исмаилова в дискуссиях 1917 года, требует специального рассмотрения. В 1917 г. Р. Исмаилов переехал из Тегерана, где был директором русской прогимназии, в Баку. В 1919 г. он работал начальником

1 Страницы отечественного кавказоведения (II). Становление советского кавказоведения: традиции и эпоха (1917–1930-е годы) // kavkazoved.info/news/2011/11/10/stranicy...html

2 *Миронов Д. В.* Социально-антропологическая концепция М. М. Ковалевского. Авт. канд. дисс. СПб., 2006.

3 *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1890. Т. 2. С. VIII; Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М.: Наука, 1979.

4 *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. III // Кавказский этнографический сборник. М. – Л., 1962. С. 270.

канцелярии премьер-министра АДР Ф. Хойского. Был членом парламента Араз-Тюркской Республики.

Этнографические границы рассматривались на фоне истории, археологии, фольклористики; археологическое решение вопроса всегда подкреплялось живыми данными этнографии и лингвистики, а языковые штудии опирались на понимание того, что физические носители данного языка жили в определенной этнокультурной среде.

Поэтому дореволюционные кавказоведческие труды практически невозможно отнести к какой-либо одной отрасли гуманитарного кавказоведения. С. А. Панарин указывает, что четкое ограничение региона морями с Севера и Запада, разделение Большим Кавказским хребтом, сделало Кавказ мостом между Севером и Югом. Мост этот ориентировался первоначально на контакт с Югом, однако приход на Кавказ России привел к переориентации его на Север¹. Однако «ошибочно было бы думать, – говорилось в передовице газеты «Ачыг Сез»² от 9 июля 1917 г., – что народы Кавказа не стремятся к национальному самоопределению. Только работы в этой области отличаются пассивностью, что является продуктом инертного отношения к данному вопросу нашей интеллигенции. Нам, конечно, не приходится брать примеры с Польши или с Украины в смысле самоопределения, но, тем не менее, работа в этом направлении нужна»³. На Северном Кавказе возникли резкие территориальные споры и с местным казачеством. Мусисполком в Крыму, готовя изменения в сфере образования, устанавливал связи с рядом северокавказских национальных движений.

Проблема территориального разграничения национальностей на Южном Кавказе стала объектом обсуждений партий на заседаниях Озакома под председательством В. А. Харламова и с участием депутатов от Южного Кавказа бывшей IV Государственной думы. 16 апреля 1917 г. в Тифлисе на совещании национал-демократов, меньшевиков и социалистов-федералистов, обсудив вопрос о границах Грузии, приняли тезис о бесспорных и спорных территориях. Бесспорной решили считать территорию, где грузины составляли большинство населения.

1 Панарин С. А. Позиционно-исторические предпосылки современной политической ситуации в Кавказско-Закавказском регионе / Россия и Кавказ – сквозь два столетия: Исторические чтения. СПб., 2001. С. 35–46.

2 «Ачыг Сез» («Ясное Слово») – орган партии «Мусават».

3 Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М.: Европа, 2007; Кипкеева З. Б. Российский фактор в миграциях и расселении закубанских аулов XIX века. Армавир, 2002.

Спорные территории – окраинные районы, где они не составляли большинства¹. Вопрос об их будущем устройстве должен решаться опросом и референдумом местного населения. Такой принцип, считает А. Ментешавили, «не давал возможности при размежевании между Грузией, Арменией и Азербайджаном исходить из принципа исторической принадлежности, а ведь известно, что в результате Русско-турецких войн на территории Грузии осело много армян и греков»². В июне 1917 г. VI съезд меньшевиков Южного Кавказа принял резолюцию по национальному вопросу. В ней говорилось, что границы территориального самоуправления должны быть установлены по принципу реального расселения национальностей. При изменении национальных границ должен быть проведен референдум в тех местностях, которые являлись спорными при определении границ³.

Упомянутая в первой главе кавказская секция КИПС, возглавляемая Н. Я. Марром, начала работу в апреле 1917 г. и должна была на исторической основе готовить новую реформу административно-территориального устройства демократической России.

Н. Я. Марр умел охватить своими исследованиями целый комплекс кавказоведческих проблем и, главное, подойти к их рассмотрению с новых методологических и концептуальных позиций. На кавказском направлении КИПС исходила из устоявшихся в научной мысли представлений о Кавказе как едином регионе, несмотря на фактор его «разноплеменности и разноязычности». Считалось, что при всей сложности этнической истории региона, включавшей массовые передвижения и даже переселения народов, процессы ассимиляции, интеграции, этнокультурного взаимодействия, народы Кавказа сохраняли близость и генетическую общность, способность к конвергентности этнокультурного развития. При этом этнографические аспекты границ рассматривались на фоне истории, археологии, фольклористики, а археологическое решение вопроса, как правило, подкреплялось данными этнографии и лингвистики. Комиссия работала, используя научный инструментарий того времени, решала практические политические задачи: разработку основ административного деления страны, исходя

1 История Азербайджана: В 3-х т. Т. 2. Баку: АН АССР, 1960. С. 776; Ментешавили А. Из истории взаимоотношений Грузинской Демократической Республики с советской Россией и Антантой. 1918–1921 гг. /www/infospace.narod.ru./public/

2 См. Ментешавили А. Указ. соч.

3 Мустафаева С. Проблема территориального разграничения национальностей на Южном Кавказе в 1917 году // Tarix vƏ onun problemləri. 2013. № 2. С. 375–380.

из задач, поставленных новой властью, а также готовила этнографические карты отдельных регионов бывшей Российской империи, включая, конечно, и Кавказ. Как отмечал секретарь КИПС С. И. Руденко: «Моя деятельность в АН началась с 1917 года, когда я в качестве представителя Русского Антропологического общества при Университете вошел членом в КИПС, на первых же заседаниях мне было поручено совместно с покойным статистиком Паткановым С. К. разработать инструкцию к составлению племенных карт. Инструкция эта была напечатана в первом выпуске Трудов КИПС и Комиссия до последнего времени ею руководилась в своих картографических работах». Инструкция, опубликованная в декабре 1917 г., стала важнейшим шагом в развитии этнической картографии. Согласно Инструкции, «все работы по составлению племенных карт были централизованы и совершались по одному общему плану, одними и теми же методами». Руденко подчеркнул, что «Кавказский отдел занимался вопросами топонимики и племенных названий» и положил основу развитию этнической картографии на Кавказе¹.

Работы членов комиссии привлекли внимание закавказских элит. Большое возмущение азербайджанских элит вызвала готовящаяся к публикации работа тогда еще молодого доцента кафедры армяно-грузинской филологии Петроградского университета И. А. Орбели по надписям, выявленным им во время посещения Гандзасарского монастыря в Нагорном Карабахе в 1909 г. Тираж книги пролежал до 1922 г. Известен лишь отдельный оттиск². Данные из него до сих пор влияют на напряженность армяно-азербайджанских отношений в Закавказье.

В Закавказье у азербайджанцев сложилась особая ситуация с их соседями-армянами – народом древней и оригинальной культуры (их религия – особая ветвь христианства), с сильным ощущением своей уникальности, но одновременно – с тяжелой судьбой. Существование в древности относительно больших армянских царств, воспоминания о которых одновременно и грели, и растравляли душу армян в години невзгод, разукрашивалось грезами о будущем. Многие столетия история армян – это история народа без государства, окруженного культурно чуждыми мусульманскими народами, испытавшего

1 Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 43; Псянчин А. В. История этнической картографии в России (до 30-х гг. XX в.). М., 2004.

2 Орбели И. А. Надписи Гандзасара и Авоцпука, отд. оттиск. Пг., 1919.

множество страданий и унижений. Кто только не топтал армян, даже не борясь с ними, а грабя и сгоняя с места «мимоходом», чтобы «не путались под ногами», как это сделал шах Аббас во время войны с турками. Кульминацией стал зверский погром, устроенный армянам турками в 1915 г. Естественно ощущение трагичности «армянской судьбы», комплекс культурного превосходства над соседями и одновременно – страх перед их многочисленностью, острое ощущение униженности своего положения, сложное и амбивалентное отношение к будущему. И смутные надежды на то, что, может быть, судьбу рано или поздно удастся переломить и стать народом, которого соседи будут побаиваться. Азербайджанцы не переживали того, что довелось пережить армянам. Азербайджанцы – люди с иной психологией и культурой. Они обладают значительно меньшим ощущением национально-культурной уникальности, которая девальвируется в их сознании ценностью принадлежности к громадным общностям – мусульманской и тюркской. У них нет ощущения, никогда не покидающего армян, что ты окружен врагами, которые могут тебя уничтожить. У азербайджанцев нет и «великого имперского прошлого», нет и компенсаторных мечтаний о такой империи.

Отметим слабые стороны использования исторического ресурса: доминировали стереотипы восприятия инструментов власти, понимание их сквозь призму русификации, имперства и т.п. От них отталкивались планы создания современных институтов культуры, намечаемые практики «социального конструирования реальности», кладущие в основу разные философские традиции о взаимодействии с миром, человеком и вообще любым партнером по диалогу. Вместе с тем, ситуация рассматривалась как подготовительный этап вызревания управленческих конструкций, отвергающих имперскую унификацию¹. Группы нерусских элит проявили высокий уровень интеграции внутри себя и жесткое противостояние имперским структурам.

3.4. Этнокультурные ресурсы периодической печати 1917 года

Большую роль играла пресса, подробно освещающая политический аспект этнокультурных проблем на местах и за рубежом. В редкой

1 См.: Красовицкая Т. Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века – 1920-е годы). М.: Новый Хронограф, 2011.

«мусульманской» газете или журнале нельзя было встретить имя Г. Исхаки. Политическая публицистика Ю. Акчуры, выпускника Школы политических наук при Сорбонне, Г. Исхаки и др. вызывала у читателей и критиков много откликов, в том числе и за рубежом, споров, противоречивых оценок¹. В Петрограде выходила газета «Миллят» («Нация», 1913–1915) на татарском языке. Издателями были депутат Госдумы 1-го созыва С. С. Джантюрин и депутат Госдумы 4-го созыва И. Ахтямов. С 1905 г. ежегодно выходило около 20 татарских газет и журналов (всего – больше 100)². Названия периодических изданий (например, татарских) содержали призыв к новому: «Ак юл» («Светлый путь»), «Мәктәп» («Школа»), «Йолдыз» («Звезда»), «Таң йолдызы» («Утренняя звезда»), «Ил» («Страна»), «Сүз» («Слово»), «Вақыт» («Время»), «Кояш» («Солнце»), «Безнең ил» («Наша страна»), «Тормыш» («Жизнь») и др. Ту же мотивацию отражают названия армянских газет, выходивших в 1917 г. в Баку: «Ашхатанки дрошов» («Рабочее знамя»), «Арогдж кянк» («Здоровая жизнь»), «Банвор» («Рабочий»), «Кянк» («Жизнь»), «Арадж» («Вперед»), «Мер горц» («Наше дело»), «Мер орег» («Наши дни»), «Социал-демократ», «Верацнунд» («Возрождение»). 16 апреля 1917 г. в Тифлисе вышел в свет первый номер газеты «Айастан» с титульной надписью «Орган Андраника». Газета была беспартийной и выражала интересы западно-армянских беженцев, нашедших прибежище на Кавказе. Она фактически стала официальным органом Западно-армянского совета, созданного на состоявшемся в мае в Ереване съезде западных армян.

Узбекские джадиды взрастали на чтении газет, издаваемых в Стамбуле «Сарвати фунун» («Прекрасное ремесло»), в Калькутте «Хабл ул-матин» («Крепкие узы»), в Александрии «Чехранамо» («Зеркало»), в Каире «Парвариш» («Воспитание»), распространявшихся в Туркестане после 1905 г., а также газет «Икбал» («Счастье», Баку), «Молла Насретдин» (Тифлис), «Вакт» («Время», Оренбург), «Шуро» («Совет», Уфа) и др.

В 1913 г. в Дагестане впервые вышла газета «Джаридату Дагестан» на арабском языке. Внучка имама Шамиля Н. Дахадаева издавала газету «Замана» («Время») на аварском и кумыкском

1 Лапина И. А. Дискуссии о национально-государственном устройстве и положении этнических меньшинств в периодической печати революционной эпохи. 1917 г. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 1. С. 60–65.

2 Исхаков Д. М. Татары. Краткая этническая история. Казань: Магариф, 2002.

языке. В Баку между 1905 и 1917 гг. выходило около 60 газет и других периодических изданий. После Февральской революции 1917 г. издавались газеты: «Мусават» («Равенство») на кумыкском языке, «Аваристан» на аварском языке, «Чанка цуну» («Утренняя звезда») на лакском языке. Издателем и редактором этих газет был, по инициативе ученого, педагога и просветителя А. Акаева, М.–М. Мавраев. В журнале «Мир ислама» печатались объемные статьи с обзорами и современных проблем¹. Обзор публицистики по национальному вопросу сделал Н. А. Рубакин².

Ведущими сионистскими органами были ежедневные газеты «Ха-`Ам» (на иврите, М., июль 1917 – июль 1918) и «Тогблат» (на идиш, Пг., май 1917 – август 1918). О динамике развития политической публицистики на идиш на этнических окраинах, например в Латвии, свидетельствует подробный указатель изданий Г. Смирин³.

В военные годы активизировалось издание за рубежом украинских газет на немецком языке: еженедельника «Ukrainisches Korrespondenzblatt» в Вене и еженедельной газеты «Ukrainische Nachrichten» (тоже Вена, с октября 1914 г.) в количестве 4000 экземпляров, распространяемых среди парламентариев, ученых и политических деятелей Австрии, Германии и нейтральных держав. На французском языке с июля 1915 г. в Лозанне под редакцией А. Зелиба выходил журнал «La Revue Ukrainienne», иллюстрированный ежемесячник в количестве 7000 экземпляров. Сначала журнал доходил до России, но с 1916 г. стало труднее преодолевать цензурные препоны. Здесь же, в Лозанне, в 1916 г. В. Я. Степанковский (игравший активную роль в Лиге нерусских народов России) начал издавать на английском языке журнал «The Ukraine». Степанковский создал и украинское пресс-бюро, с варшавским, венским, стокгольмским и берлинским отделением, вел переписку с агентами бюро в Швейцарии, Италии и других странах (1919), с Центральным польским издательским агентством в Лозанне об обмене изданиями (1917), с типографией «Reunies» (тоже Лозанна) и другими организациями и учреждениями⁴.

1 Мир ислама / под ред. Дм. Позднеева. Вып. 3. Издание Императорского общества востоковедения, 1913. Т. 2.

2 Рубакин Н. А. Национальный вопрос // Рубакин Н. А. Среди книг. Т. 3, полутом 1. Пг., 1915. С. 100–198.

3 Смирин Г. Еврейская периодика в Латвии за 60 лет (1881–1941). Материалы к указателю / Евреи в меняющемся мире. Вып. V. Рига: Изд-во Фонд «Шамир» им. М. Дубина, 2003. С. 113–139.

4 См.: ГА РФ. Ф. Р-7050. В 2-х описях фонда хранится 2011 дел.

С начала 1916 г. в Будапеште под редакцией русина Г. Стрипско-го, одного из противников великорусской идеи, утверждавшего: «мы – русины-западники», начал выходить журнал «Україна», посвященный вопросам украинско-венгерских взаимоотношений и идее угрорусинизма. После февраля 1917 г. в России на протяжении первых месяцев украинская пресса, насчитывавшая 6 наименований, выходявших накануне революции, увеличилась до 106¹.

Сходные процессы развивались и в других этнических средах. Эмоциональный подъем после Февральской революции, нашедший отражение в журналистике или оставшийся в интимной сфере переживания, сменился к лету 1917 года тревожными предчувствиями.

Статья «Умирает ли нация?» появилась в 1917 г. в журнале «Анг»². Ее автору Г. Губайдуллину было 20 лет, но за плечами поставившего непростой вопрос – обучение в медресе «Халидия», Казанский императорский университет. Толчком к написанию статьи стал выход в свет произведения Гаяза Исхаки «Исчезновение через двести лет». Он взбудоражил татарскую общественность.

Уже в начале статьи вопрос, поставленный в ее заголовок, разделен на две части.

Первая часть сформулирована автором следующим образом: «Если со временем люди перестанут делиться на нации, народ, объединенный в образование под названием “нация”, исчезнет, люди будут разниться между собой как-то иначе или нет?» Выдвигаются следующие аргументы – тысячелетний опыт истории демонстрирует этнические формы существования культуры: «Если бы не было наций, то не было бы истории как предмета изучения». Хотя общий вывод Г. Губайдуллина – «жизнь вне наций невозможна», он не делил народы по «национальным квартирам». Нации, по его мнению, «прививают другим» свою культуру или «заимствуют, обновляют ее по-своему»: «мировая культура – сумма национальных культур».

Отвечая на вторую часть вопроса «Может ли погибнуть отдельно взятая нация?», Г. Губайдуллин утверждал, что «не сумевшая приспособиться к жизни нация терпит поражение в борьбе с другими

1 Животко А. Історія української преси. К: Наша культура і наука, 1999.

2 Губайдуллин Г. Умирает ли нация? / Анг. 1917. № 11/12. С. 164–167. В пер. С. Г. Губайдуллина с тат. яз. на русс. опубл. в: Газиз Губайдуллин. Научно-биографический сборник. Казань: Рухият, 2002. С. 82–86.

и исчезает», добавляя: «в истории таких примеров множество»¹. Публицистику наводнили трактовки кризиса, задач преодоления чувства катастрофы, новых жизнеощущений, глубочайших потрясений в тысячелетних основах истории. Авторы разрывали идеи раскрытия сил и склонностей до «максимального напряжения и проявления», до произведения над собой суда и переживания поворотного пункта, а затем преодоления всего и крушения, умирания того человеческого дела, которое достигнуто кризисом.

3.5. Лига нерусских народов России в Швейцарии

В этнические регионы из разных концов империи, столиц и крупных городов съезжались этнические элиты. Часть их возвращалась из-за границы, часть – из ссылки (например, амнистированные финны, участники егерского восстания). Продолжала активную деятельность Лига нерусских народов России в Швейцарии. Важной фигурой, способствовавшей ее образованию (апрель 1916 г.), был эстонский социалист и германский агент Александр Кескюла². Работал Польский национальный комитет. Он основан 15 августа 1917 года в Лозанне (с местопребыванием в Париже) лидерами польских буржуазных партий (прежде всего, Национально-демократической партии – эндеками). В нем преобладающим влиянием пользовались национальные демократы – Р. Дмовский, Ст. Грабский и близкий к ним И. Падеревский. Правительства Франции, Англии, Италии и США признали комитет «официальной политической организацией».

В Комитет защиты прав тюрко-татарских мусульман России, организованный в Стамбуле, входили азербайджанцы А. Агаев, А. Гусейн-заде и татары Ю. Акчура и А. Ибрагимов³. Одна из программ Комитета разработана на состоявшейся в Будапеште в декабре

1 Сенюткина О. Н. Актуальность творческого наследия Газиза Губайдуллина (к 125-летию со дня рождения) // Бюллетень Общества востоковедов. Прил. 7: Газиз Губайдуллин и становление советского востоковедения в 1920–1930 гг.: Материалы конференции. Москва, 2012 г. / Сост. Э. С. Кульпин-Губайдуллин, А. Д. Васильев, Д. Д. Васильев. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 31–34.

2 Греков Б. И. Национальный аспект внешней политики Германии в годы Первой мировой войны (Лига нерусских народов России) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 419–431.

3 Исхаков С. М. Европа и мусульмане из России: первый опыт сотрудничества в начале XX века // Европа. Журнал Польского института международных дел. 2003. № 3 (8). Т. 3. С. 108–110.

1915 года встрече членов Комитета – представителей тюркских народов Туркестана, азербайджанцев, волжских и крымских татар. Также в декабре 1915 г. делегация Комитета побывала в столицах держав Четверного согласия и была принята премьер-министрами Австрии, Венгрии и Болгарии, а также министром иностранных дел Германии. От имени Комитета она обратилась в генштабы стран Антанты и к президенту США В. Вильсону для защиты прав российских тюрков. В 1916 г. Ю. Акчура искал сочувствующих идее самоопределения тюркских народов у Европы на Третьем конгрессе угнетенных наций в Лозанне. Он составил меморандум Комитета с требованием независимости тюрко-татарских народов, также использовалась карта Казанского ханства¹. Правительствам европейских стран был представлен ряд материалов, в том числе и вышеупомянутый меморандум под названием «Denkschrift des Komitees zum Schutze der Rechte der mohammedanischen turkish-tatarischen Völker Russlands» («Меморандум Комитета по защите прав мусульманских тюрко-татарских народов в России»). В документе содержались требования восстановить государственность этих народов. Кроме того, европейцам был представлен документ под названием «Die gegenwärtige Lage der mohammedanischen Turko-Tataren Russlands und ihre Bestrebungen» («Настоящее положение мусульман тюрко-татар в России и их усилия»). В ходе визитов делегаты получали заверения, что Германия и Австро-Венгрия окажут им всяческую помощь².

В Швейцарии активизировались члены Лиги освобождения Грузии во главе с князем Г. В. Мачабели, пылким автором идеи восстановления независимости Грузии при поддержке Германии. Этой идеей он настолько заинтересовал немецких сподвижников, что вскоре был оформлен договор, согласно которому Германия выступала гарантом независимости Грузии. Комитет «Независимость Грузии» претендовал на роль ее революционного правительства. Во время посещения Грузии Мачабели встречался с Шалвой Амирэджиби, Ревазом Габашвили³, от партии социал-демократов с Ноем Жорданием и Евге-

1 Хабутдинов А. Ю. Лидеры нации. Казань: Тат. кн. изд-во, 2003. С. 84.

2 Червоная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Отечественные записки. 2003. № 5.

3 Реваз Габашвили (1882–1969), грузинский политик и писатель, участник движения за независимость. Родился в княжеской семье в Тифлисе. Его мать – популярная писательница Екатерина Габашвили. Бросил учебу в институте Монтефиоре в Льеже (Бельгия), учился в Петроградском университете.

нием Гегечкори, от социал-федералистов с Самсоном Пирцхалавой и Георгием Рцхиладзе. Любопытно, что противник сепаратизма Ной Жордания выступал против того, чтобы называть сторонников Мачабели «авантюристами и подкупленными», считая, что они «занимаются патриотическими делами»¹. Для публициста С. Пирцхалавы идеалом была возрожденная, просвещенная и обновленная Грузия. Царице Тамар посвящены его работы, изданные уже в 1920-е годы². В Вене организуется в 1914 г. Союз освобождения Украины. В своих воспоминаниях П. Н. Врангель утверждал, что работа на данном направлении Австрией велась усиленно на протяжении многих лет и ее «плоды... значительны»³.

Многие эмигранты оставались на крайних позициях, они мечтали о великой Эстонии, Грузии, Польше «от можа до можа» и пр. Их объединял Союз национальностей (*Union des Nationalités*, учрежден в 1911 г. бельгийцем П. Отлетом и литовцем Ю. Габрисом)⁴. Эрнестас Галванаускас и Винцас Креве-Мицкявичус отмечали в своих воспоминаниях: «Оскар Милош⁵, В. Мастаускас (приехавший из США), священник Вилимас Вилимавичус (из Литвы) и я организовали в Париже скромное литовское информационное агентство. Позже, уже во время... конференции, наша работа была поддержана приехавшей делегацией Литвы. Вскоре в Париже появился и юрист проф. Юозас Габрис, прервавший на время свою работу в литовском информбюро в Лозанне, Швейцария. Здесь он начал, после восстановления своего знакомства с Пелисьером, Франклин-Бульоном⁶ и другими французами, по собственной инициативе пропагандировать идею восстановления Литвы. Благодаря его стараниям, в «Ле Темп» и других французских газетах появились заметки, поднимающие «литовский вопрос». Очень большое значение имело для Литвы опубликование *созданной им в Швейцарии этнографической карты Европы* (оригинал этой карты находится в картографическом отделе государственной библиотеки в Берлине на Унтер-ден-Линден). Она произвела огромное впечатление на участников мирной конференции. Эта карта, показывающая

1 Свободная Грузия. 2013. 18 июля.

2 Пирцхалава С. Исторические призраки царицы Тамар. Тбилиси: Мерани, 1990.

3 Врангель П. Н. Воспоминания. В 2-х ч. Южный фронт. Ч. 1. М., 1992. С. 101.

4 Габрис-Паршайтис Юозас (Gabrys-Parsaitis Juozas, 1880–1951).

5 Milasius Oskaras – французский поэт и литовский дипломат; родственник (дядя) и наставник лауреата Нобелевской премии по литературе 1980 Чеслава Милоша.

6 Оба – французские политики правого толка, прим. переводчика.

литовское происхождение пруссов, стала неожиданным сюрпризом. К ней проявили интерес не только члены делегаций, политики и журналисты, но и ученые»¹.

Союз национальностей представлял неправительственную организацию, «ставившую своей целью изучение проблем и защиту интересов лишенных собственной государственности либо аннексированных народов и стран». Представители, выступавшие от «зависимых народов» Российской империи, составляли едва ли не большинство Союза. Помимо северокавказцев, были делегаты из Польши, Украины, Прибалтики, Поволжья, Закавказья, Средней Азии и других регионов империи. В. Ластовский представил «Меморандум представителей Беларуси», в котором отстаивал право белорусского народа (он характеризовал его как пребывавшего в положении жертвы) на национально-государственное развитие на Международной конференции в Лозанне².

На III Конгрессе союза народов в Лозанне (Швейцария) 29 июня 1916 г. от казанских татар в состав делегации входил Юсуф Акчура, от узбеков – Мукимиддин Бекжан, от киргизов – Ахмет Сафа,

---

1 Из воспоминаний: Борьба за Мемель. Два политика вспоминают: Эрнестас Галванаускас и Винцас Креве-Мицкявичус. «Сразу с окончанием войны после 11 ноября 1918 г. к объявленной мирной конференции в Париж начали стекаться делегации и журналисты из разных стран. Сам Ю. Габрис оценивал состав делегации критически, считая, что включение в состав его самого, даже не в качестве председателя, а простого участника, принесло бы несомненную пользу. Позже я много переписывался с Габрисом и имел возможность узнать его лучше. Он постоянно создавал великие проекты, "спотыкаясь", однако, при их реализации. Уже во время Первой мировой войны он, вместе с немцами и французами, созвал совещание угнетенных народов в Швейцарии, что отнюдь не повредило делу литовской независимости. На ниве политической пропаганды и информации во время войны вклад его в дело независимости был так велик, что мне не с кем сравнить его до сегодняшнего дня. Однако его бурная деятельность была тесно переплетена с его невероятными амбициями, в которых первую скрипку всегда играла политика». Прим. переводчика. Вообще этот Юозас Габрис очень интересная фигура, националист самого радикального толка, пропаганду за независимость начал задолго до 1914 г. См.: Eberhard Demm. Nationalistische Propaganda und Protodiplomatie als ethnisches Geschaefit; Juozas Gabrys. Die Union des Nationalitas und die Befreiung Litauens (1911-1919) - Эберхард Демм. Националистическая пропаганда и протодипломатия - этнический бизнес; Юозас Габрис. Союз националистов и освобождение Литвы (1911-1919) // <http://p-w-w.ru/index.php?topic=4025.msg80087#msg80087>

2 Гронский А. Д. «Краткая история Белоруссии» В. Ластовского как катехизис белорусского национализма: между русской и польской традицией // Традиции в контексте русской культуры: Межвузовский сборник научных работ. Вып. XIII. Череповец: ЧГУ, 2006. С.141-148.

от кумыков – Ахмед Саиб Каплан¹, от черкесов – Азиз Мекер², от азербайджанцев – Ахмед-бек Агаев и Али-бек Гусейнзаде. Кроме общих документов, подготовлены и отдельные меморандумы от каждого народа, которые оглашены и изданы в ходе Конгресса отдельной брошюрой. Кроме того, издан и распространен Меморандум Комитета защиты прав тюрко-татарского мусульманского населения России (*Memorandum du Comite de la Defence des droits des peuples Turco-tatares Musulmans en Russie*)³. Во всех документах содержались общие и согласованные требования «полного равноправия тюрко-мусульман с русскими», «культурной автономии, невмешательства в их религиозную, культурно-языковую жизнь». В начале 1916 г. Обществом защиты прав угнетенных народов России (*Ligue des Allogeus de Russie*) направлена декларация на имя Президента США В. Вильсона, под декларацией стояли подписи татарина Ю. Акчуры, крымского татарина Кади Абдурашида Ибрагима, азербайджанцев А. Агаева, А. Гусейнзаде. В выработке текста декларации принимал участие и А. С. Капланов. Она опубликована в журнале «Мусульманское обозрение»⁴, выходящем в Париже. Декларация составлена от имени «русских мусульман (т.е. татар, башкир, киргиз[ов], сартов (узбеков), таджиков, туркмен, племен Дагестана

1 Капланов Ахмед Саиб (1859–1920), отпрыск знатного кумыкского феодально-аристократического рода, сын офицера свиты Кавказского наместника, полковника А.–М. Капанова. Первоначальное образование, скорее всего, получил в кадетском корпусе Санкт-Петербурга. Свободно владел турецким, русским, арабским, английским, французским языками. В 1888 г. эмигрировал в Османскую империю, поступил на службу к султану Абдул Хамиду, сблизился с османскими либералами. Знакомится с работами французских историков и социологов Ф. Ле Пле, Э. Демолена и родоначальника философии позитивизма О. Конта, с идеями социальной гармонии и ненасильственного мира. В 1902 г. принял участие в 1-м Всеосманском конгрессе оппозиционных партий, организаций и групп в Париже, где произошел раскол в рядах османских либералов. Он стоял у истоков создания в Турции Общества защиты прав угнетенных тюрко-мусульманских народов России, основателями которого были эмигранты из России. Общество в 1915–1916 гг. развернуло деятельность по защите прав мусульман России (Алиев К. Ахмед Саиб Каплан. Общественно-политический деятель и интеллектуал XX века // Кумыкский мир. 2014. 29 ноября).

2 Азиз (Махара) Мекер-бей (1877–1941), абазинец, окончил сельхозинститут во Франции, преподаватель, профессор. В 1922 г. – 1-й секретарь турецкого посольства в Москве, где встречался с Лениным, Сталиным, Чичериним.

3 Les Exposes des Delegations des Nationalites Tatare, Tchagatai et Kirghize-Kaissak. Lausanne, 1916. 18 s. См. также: Исхаков С. М. Европа и мусульмане из России: первый опыт сотрудничества в начале XX века / Европа. Журнал Польского института международных дел. 2003. № 3 (8). Т. 3. С. 107–118.

4 Revue du Monde Musulman. Vol. LVI. P.146–147.

и др.), составляющих двадцатимиллионную общность». «Спасите нас от уничтожения и исчезновения (*Venez a notre secours! Sauvez-nous de la destruction*)», – говорилось в декларации¹.

Вице-президент Лиги нерусских народов России Исмаил Беданок говорил: «Черкесский народ требует от Англии, уже интересовавшейся его судьбой в 1856 и 1864 годах; от Франции, имевшей честь провозгласить права человека; от Соединенных Штатов Америки, позволяющей свободное развитие всех личностей; от Швейцарской конфедерации, оказавшей нам сегодня столь щедрое гостеприимство, которая, по целому ряду причин, похожа на нашу страну; от всех их, в конечном итоге, черкесский народ требует справедливой оценки мучений, которым он подвергается в течение века, а также того, чтобы он был освобожден от московского ига, стремящегося к его полному уничтожению». Аналогичные просьбы высказал кумыкский представитель Ахмед-бей Каплан-заде, Сеид Тахир Эль Хуссейни от дагестанцев². Их позиция выражала феноменологию черкесского (как у И. Беданок), польского, грузинского и др. вопросов. Они затронули темы, формирующие концептуальное пространство дискурса о любом «национальном вопросе». На Конгрессе принята Декларация прав народов³, в которой сформулированы их права на свободное волеизъявление, на признание юридическим лицом и субъектом международного права. Деятельность Конгресса широко освещалась в печати Германии, Франции, Венгрии, Турции, Швеции и вызвала бурный резонанс в самой России, где эта тема стала предметом дискуссий в Госдуме. Из феноменологии любого «вопроса» нельзя устранить контекст, в котором он актуализируется. Доминирующим фактором его восприятия российским государственным сознанием являлся именно контекст.

Польский национальный комитет (ПНК) ставил целью с помощью Антанты создать независимое Польское государство с включением в его состав литовских, белорусских и украинских земель (без предоставления им автономии). Председатель ПНК Р. Дмовский в воспоминаниях подтверждает: пути окончательно начали расходиться после февраля 1917 г. С образованием 28 августа Польского комитета

1 Алиев К. Ахмед Саиб Каплан. Общественно-политический деятель и интеллектуал XX века.

2 Публикацию докладов см.: *Compte rendu de la IIIème Conférence des Nationalités réunie a Lausanne 27–29 juin 1916*. Publié par l'Office centrale de l'Union des Nationalités, Lausanne, 1917. P. 89–96.

3 Там же.

создаются формальные основания для окончательного перехода Дмовского и его соратников на независимое направление движения, чисто польское¹. Логика приводит бывшего председателя Польского коло в Государственной думе к выводам, «которые для нас не неожиданны, как бы далеко мы от них ни находились», как писал Б. Э. Нольде². ПНК объявил о своем образовании и обратился к союзным правительствам с просьбой признать его официальной польской организацией. Первой, уже 20 сентября 1917 года, Польский национальный комитет в качестве официальной политической организации признала Франция, 15 октября это сделала Великобритания, 30 числа того же месяца – Италия, а 1 декабря – США. С просьбой о признании к Временному правительству России ПНК не обращался.

На оккупированных немцами белорусских территориях создан Центральный союз белорусских национальных общественных организаций во главе с Белорусским народным комитетом (БНК) в Вильно. Под его руководством в 1916–1917 гг. возникла значительная сеть белорусских школ. Началось издание учебников, газеты «Гомон». Белорусскому национальному движению способствовала политика немецких оккупационных властей, в январе 1916 г. они признали право белорусского языка наравне с другими языками.

В апреле и июне 1916 г. представители Белорусского народного комитета участвовали в конференциях народов России, проходивших в Стокгольме и Лозанне. Там они обращались к народам Европы и президенту США Вильсону с просьбой поддержать выход Беларуси из состава России, помочь белорусскому народу самостоятельно развивать свой интеллектуальный и экономический потенциал, стать хозяином на своей земле. В меморандуме белорусской делегации на Конгрессе в Лозанне впервые выдвинута идея создания государства *Соединенные штаты Беларуси, Литвы, Латвии, Украины от Балтийского до Черного морей*.

Представители Белорусского народного комитета в Вильно (действовал до 1938 г.) в Стокгольме и Лозанне в 1916 г. пытались договориться с Литовским национальным комитетом о создании общего литовско-белорусского государства. Литовский комитет отказался от переговоров, разорвал связь не только с Белорусским народным комитетом, но и с польским и еврейским комитетами и образовал в Вильно Литовскую государственную раду (Тарибу) как верховный

1 *Dmowski R. Politika Polska i odbudowanie Panstwa. Warszawa, 1925.*

2 *Нольде Б. Э. Далекое и близкое.*

государственный орган Литвы. В ее юрисдикцию включались оккупированные Германией белорусские земли. Беларусь получила в Тарибе 2 места. Это вынудило представителей белорусской элиты пересмотреть свои взгляды на союз Литвы и Беларуси. Летом 1917 г. часть из них во главе с В. У. Ластовским основала тайную организацию «Связь независимости и неделимости Беларуси», ставившую целью создать независимую Беларусь в ее этнографических границах¹. Активность соседней УЦР добавляла надежд на благоприятный исход дела.

Еще свежа и память о славянофильстве с его имперским национализмом и утопическим мифом. Сохранялся преумноженный Первой мировой войной и мессианский синдром избранничества, и имперская ментальность. Российское общество оставалось далеко не свободным от ностальгии по державному соблазну. Возьмем далее из Федотова его трактовку событий: «Московское вероломство не забыто до сих пор... Бессмысленные преследования украинской литературы перенесли центр национального движения из Киева во Львов, в Галицию, которая никогда не была связана ни с Москвой, ни с Петербургом. Это имело двойные последствия. Во-первых, литературный язык вырабатывался на основе галицийского наречия, а не полтавского или киевского, то есть гораздо более далекого от великорусских говоров.

Польский, а не русский язык стал источником новых отвлеченных и научных словообразований. Русский мог без труда понимать Шевченко, но язык Грушевского был ему непонятен, казался искусственным. Как будто не все литературные языки были искусственными при своем создании – русский язык Ломоносова или латинский Энниа! Но мы по-прежнему упрямо продолжали считать малороссийский язык лишь областным наречием русского, хотя слависты всего мира, включая Российскую Академию наук, давно признали это наречие за самостоятельный язык. То, что этот язык из языка фольклорной поэзии сделался языком отвлеченной мысли, на котором уже существует большая научная литература, окончательно решает вопрос об украинской нации. Грушевский может быть назван ее создателем.

На наших глазах рождалась на свет новая нация, но мы закрывали на это глаза. Мы были как будто убеждены, что нации существуют извечно и неизменно, как виды природы для доэволюционного естествознания. Мы видели вздорность украинских мифов, которые творили

¹ Гронский А. Д. Белорусское национальное движение начала XX в. и его влияние на массы / Романовские чтения-2: сб. трудов Международной науч. конференции / Под ред. О. В. Дьяченко. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2006. С. 14-16.

для киевской эпохи особую украинскую нацию, отличную от русской. Но мы забывали, что историческая мифология служила для объяснения настоящей реальности.

Нации не было, но она рождалась – рождалась веками, но в уско-ряющемся темпе в наши дни. 1917 год был актом ее официального рождения...

Было еще одно движение среди народов России, центр которого оказался за рубежом и которое мы совершенно проглядели. Это было пантюркское движение, связывавшее литературное и политическое пробуждение русских татар с возрождением молодой Турции.

Русские националисты первые заметили опасность, угрожающую Империи. Они ответили на нее усилением русификации, травлей инородцев, издевательством над украинцами и еврейскими погромами. Они старательно раздували искры сепаратизмов. Два последних императора, **ученики и жертвы реакционного славянофильства, игнорируя имперский стиль России, рубили ее под самый корень.** Революционная интеллигенция лишь накануне первой революции пошла навстречу национальным движениям меньшинств. Некоторые из левых партий (не большевики) включили в свою программу федеративный строй Российской республики. С этим и застал нас 1917 год.

Трудно возразить что-либо против идеи федерации. Это прекрасная, разумная программа. Для малых народов она обещает и свободу, и преимущества жизни в великом, веками сложившемся организме. Экономические блага имперской кооперации бесспорны, так же как и преимущества военной защиты. Может быть, если бы федеративный строй России осуществился в 1905 году с победой освободительного движения, он продлил бы существование Империи на несколько поколений. Но, к сожалению, народы – по крайней мере, в наше время – живут не разумом, а страстями»¹.

Безболезненно определились географические границы только Эстонии: из Эстляндской и северной части Лифляндской губерний с эстонским населением. Хотя точная граница между губерниями не установлена, 30 марта 1917 г. Временное правительство издало постановление «О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии».

1 Федотов Г. Судьба империй / Федотов Г. П. Новый град. Сб. статей. Нью-Йорк, 1952.

3.6. Востоковедение: антропологизация Востока

В 1917 г. страстей было в избытке, но Г. Федотов ошибается, утверждая, что рассорившись с царями, *русская интеллигенция потеряла вкус к имперским проблемам, для которых внутренние границы мало того что не важны, они подлежали эффективному уничтожению*. Интересно проследить, какие интересы «продвигала» научная гуманитарная интеллигенция, например *теоретики-востоковеды*. Среди специалистов востоковеды преобладали почти абсолютно в том, что им больше чем другим приходилось осваивать взаимосвязи стран и народов мира, выявлять стандартизацию их культур, реагировать на нарастание культурной дифференциации и дезинтеграции, связанных с этнической и религиозной феноменологией. Это было особенно плодотворно для понимания некоторых механизмов в поздней истории Российской империи, если фиксировать внимание на их роли в процессах строительства наций в имперском ядре. Выявляя национальный дискурс в имперском обществе, востоковеды использовали научные связи и традиции, уже наработанные в Западной Европе, общаясь с ней в прямом и переносном смысле на одном языке в едином западноевропейском научном сообществе¹. Российское востоковедение признавалось одной из сильнейших мировых национальных школ, получив мощную прививку немецкой классической ориенталистики. Такие российские исследователи, как В. В. Бартольд, В. В. Жуковский, В. Ф. Минорский, В. А. Иванов, А. Э. Шмидт, И. Ю. Крачковский, Е. Э. Бертельс и многие другие, сыграли ключевую роль в становлении российской науки об исламе. Их труды, получив международное признание, послужили фундаментом формирования мирового исламоведения.

С учетом психологизма периода отметим общую готовность к теоретичности, к большей системности, структурности, стремление к теоретической модели, которая не только позволяет описывать другой материал, но преобразует упорядоченность основного материала, представляет его в иной, структурной ипостаси. Конечно, кардинальные политические изменения в стране влияли на востоковедные взгляды. Но многое сделано еще до февраля 1917 г. Ученые нащупали когнитивные параллели и разработали механизмы их изучения. Выход

¹ См.: Красовицкая Т. Ю. Об одном этапе дискуссии православных миссионеров с исламскими модернистами на рубеже XIX–XX веков / Историк и художник. Сб. воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского. М., 2013.

из старого порядка вещей и комплекса убеждений предполагал занятия концептуальной рефлексией и социально-историческим анализом проблем самопонимания общества и взаимопонимания его членов. В замечательной публикации В. Д. Есакова указывается, что А. С. Лаппо-Данилевский в июне 1917 г. в плане сборника «Русская наука» выделил на эту работу 61,5 п.л. Возглавлял направление акад. С. Ф. Ольденбург. Далее перечислялись проблемные зоны и авторы, за них отвечающие: «а) Христианский Восток – акад. Н. Я. Марр; б) Мусульманский мир – акад. В. В. Бартольд; в) Кавказ – акад. Н. Я. Марр; д) Иран – акад. С. Ф. Ольденбург; е) Турецкие народы – акад. В. В. Бартольд; ф) Буддийский мир – акад. С. Ф. Ольденбург. г) Дальний Восток, Индия, немусульманская Средняя Азия – акад. С. Ф. Ольденбург; и) Сибирские народы – Л. Я. Штернберг; к) Финны – акад. А. А. Шахматов»¹. В Петрограде готовились к выходу важные рукописи В. Бартольда и О. Розенберга². Обширную исследовательскую программу изучения живой традиции буддийского образования выдвинули Ф. И. Щербацкой и его ученик О. Розенберг в 1917 г.

Востоковеды подчеркивали, что у изучаемых сообществ есть собственная многовековая история. Возможность «возвращения» в «лоно матери-родины» влияла на политико-психологический климат. Востоковеды не оставляли без внимания религии и их трансграничный характер. Вопреки усиливающемуся диктату «современности» и ее оптике, ученые считали, что к религии, которая тысячелетиями господствовала над значительной частью цивилизованного человечества, нельзя подойти как к бессмыслице, состряпанной обманщиками.

К 1917 г. проявились тенденции, когда накопленные и часто разнородные факты начали складываться исследователями в системные образования нового порядка. Ряд понятий «мигрировал» из одного профессионального сообщества в иные, попутно меняя прагматику и обретая новые функции. Представления о «восточных историях» как о равномерном и прямолинейном процессе востоковедов-теоретиков не удовлетворяли. Они продолжали углублять изучение религиозной проблематики. По сути, они работали в рамках культурного детерминизма, предполагающего существование относительно замкнутых

1 Неосуществленный проект Академии наук. Публ. В. Д. Есакова // Вестник Российской академии наук. 1997. Т. 67. № 12.

2 Бартольд В. В. Культура мусульманства. Общий очерк. Пг.: Огни, 1918. 112 с.; Розенберг О. О. Проблемы буддийской философии. Пг., 1918. 368 с.

цивилизационных систем, подчиняющих своему влиянию современную политику и экономику¹.

Углублялась линия исследований, заложенная недавно умершим В. Р. Розеном: создать фундаментальную теорию взаимодействия ислама и христианства как двух религиокультурных систем. Розен считал, что в России это – специфическая система, со своими законами, не сводимыми ни к законам развития ислама, ни к законам развития христианства. Розен рассматривал этот исторический феномен в его развитии и в обусловленности многообразием факторов, короче, в сложившейся конфигурации. Этот феномен выступал как сложное многоуровневое образование, обретшее *собственные законы функционирования и изменения*. Научные интересы специалистов по исламу ощутимо пересекались с интересами кавказоведов, индологов, семитологов и даже славистов. Изучение ислама и христианства как относительно самостоятельных и, вместе с тем, внутренне зависимых друг от друга феноменов позволило избежать противопоставления одного компонента другому. Их единство предстало как единство многообразия, в принципе способного обеспечивать гомеостатическое равновесие². Но 1917 год опровергал это единство.

Лютеранский здравый смысл и своеобразный прагматизм либерал-державника В. В. Бартольда связали его с изучением тюрков Средней Азии, положили начало среднеазиатоведению. Подлинный новатор, он структурировал гигантские массивы неизвестной информации о специфических аспектах истории Средней Азии. Британский дипломат Генри Ланселл выявил в библиотеке Британского музея 12 шкафов, заполненных книгами о русской Центральной Азии. В каждом из шкафов было 18 полок, общая длина которых составляла свыше 180 метров. Составленная им библиография насчитывала 702 названия, включая 34 карты³. Позднее Бартольд с горечью заметит, что Россия «довольствуется чтением плохих западных книг о Востоке» вместо того, чтобы изучать его непосредственно. Эти слова справедливы и по отношению к исламу, представляющему для русского общества свой «внутренний» Восток.

1 Бартольд В. В. Ислам. Пг.: Огни, 1918; Бартольд В. В. Культура мусульманства.

2 Батунский М. А. Россия и ислам. Гл. 2. У истоков светского профессионального исламоведения. М., 2003.

3 Lansdell H. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. V. 1–2. L., 1885; Постников А. В. Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII–XIX вв.). М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 5.

В. В. Бартольд внес огромный вклад в изучение исторической географии и топографии Центральной и Средней Азии. Истолковывая драматические изменения, надвигающиеся на Европу и на мир ислама, критически относился к европоцентризму¹. Он утверждал: «Едва ли кто-нибудь был введен в заблуждение воззваниями о борьбе креста с полумесяцем или кощунственной рекламой завода Крезю, что его пушки содействовали окончательному торжеству христианства над исламом»². Бартольд способствовал развитию исследовательских программ изучения различных аспектов мусульманских территорий в составе Российской империи. С его именем связаны существенные проблемные сдвиги не только в исламоведении, но и в целом ряде востоковедческих дисциплин: филологии, эпиграфике, археологии, этнографии.

М. Батунский выделял В. Бартольда, утверждая, что его «многочисленные изыскания... были самой внушительной визитной карточкой совокупного интеллекта российской исламоведения, ее как реального, так и перспективного творческого и даже, если угодно, морального облика, открывая перед ней двери в круги наиболее авторитетных и рафинированных западных научных сообществ. С именем Бартольда прямо связаны если и не радикальные, то, во всяком случае, существенные сдвиги в изучении проблем не только в исламоведении, но и в целом ряде других функционировавших в России востоковедческих дисциплин»³. *Главная заслуга Бартольда заключалась в том, что он показал: процесс сосуществования и изменения этноконфессиональных сообществ шел, идет и будет идти не в рамках одной-единственной линейной, таксономической модели, а в пределах нескольких («традиционно-исламская»; «русско-христианская»; «западноевропейская» или – отождествляемая с ней – «глобально-цивилизационная») моделей. Они нередко реализуются одновременно, одни и те же части каждой из таких общностей могут входить в разные модели. По его словам, в силу того, что большинство мусульман России (около 12 миллионов человек) принадлежало к «одному и тому же турецко-татарскому племени», для них «религиозные стремления» «тождественны» «национальным»⁴.*

1 Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Спб., 1911. С. 221.

2 Бартольд В. В. Турция, ислам и христианство // Журнал для всех. Пг., 1915. № 2. С. 69–78.

3 Батунский М. Россия и ислам. Гл. 3. Стратегия исламоведческого познания В. Бартольда.

4 Батунский М. А. Россия и ислам. Т. 3.

Классикам отечественного востоковедения удалось заложить конкурентоспособную научную традицию мирового уровня. Поддержанная этой традицией, по словам В. В. Бартольда, возможно только через обеспечение доступа к знаниям о Востоке достаточно большому числу людей. Этой необходимостью и текущими событиями продиктовано возобновление Бартольдом в 1917 г. выпуска научного журнала об исламе под названием «Мусульманский мир» при Академии наук. Однако жизнь журнала по понятным причинам была недолгой¹. Первый (и единственный) номер содержал статьи В. Гордлевского о результатах его поездки на Кавказский фронт, самого Бартольда и А. Самойловича об истории тюркских сообществ.

В канцелярии Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД сохранилась записка этнографа С. Г. Рыбакова² «К вопросу об устройстве духовного быта мусульман России», составленная в апреле 1917 г. Она отражала взгляд уже другой политической системы. Записка имела значение и для проблемы этнографических границ, так остро, как на западе, в восточных регионах еще не стоявшей. Рыбаков констатировал развитие в российской мусульманской среде «разобщающих национальных начал». Он, однако, подчеркнул наличие и «объединяющего начала: все мусульманские народности стали создавать новую образовательную культуру на почве общей для них религии – ислама»³.

По мнению Рыбакова, вопрос о преобразовании духовного управления являлся важным ввиду, во-первых, изменения государственного строя, а во-вторых, возможных «выступлений мусульманских

1 Хайруллина Г. Х. Роль мусульманской печати в общественно-политической жизни Уфимской губернии начала XX века / Инновационные ресурсы мусульманского образования и культуры: Вторые Фахретдиновские чтения. Уфа, 2011.

2 Рыбаков Сергей Гаврилович (27.09.1867, Самара – 28.12.1921) – этнограф, фольклорист, музыковед, коллежский советник (1912). В 1913–17 гг. – чиновник ДДДИИ, эксперт-референт по нехристианским конфессиям, в т. ч. по исламу. В своих воззрениях придерживался официальной доктрины православного традиционализма. Как и глубоко почитаемый им казанский ученый и педагог Н. И. Ильминский, Рыбаков искренне надеялся, что «христианское культуртрегерство», «русские просветительные усилия» смогут постепенно «одержать верх над мус. культурой и образованностью». С января 1917 г. – чиновник по особым поручениям при МВД Российской империи. После Февральской революции 1917 г. работал в МВД и Министерстве исповеданий. Дальнейшая его судьба, начиная с осени 1917 г., неясна. Скончался по пути в Москву, похоронен в Риге.

3 Арапов Д. Ю., Ларина Е. И. С. Г. Рыбаков и его «обзор» организации духовной жизни мусульман России (апрель 1917 г.). М., 2006.

народностей в сторону *политического и культурно-национального самоопределения*¹. Рыбаков предлагал создать на автономных началах общую систему управления духовными делами, распространив ее на все регионы империи с мусульманским населением. При формировании округов Рыбаков считал необходимым использовать областной, а не «племенной» принцип. Теперь, по его мнению, пришло время взять за основу некоторые идеи мусульманского съезда 1914 г. в Петербурге (проект «Пожелания об управлении духовными делами мусульман», в основу которого положен соответствующий проект Всероссийского мусульманского съезда 1906 г.). В новых политических условиях государство, полагал Рыбаков, не должно покровительствовать какой-либо религии и, следовательно, духовные управления не могут больше являться органами государственной власти². *Стремление к культурно-национальному самоопределению, по мнению автора «Записки», не являлось угрозой для целостности государства, а прогрессивные элементы русского мусульманства содействовали сближению с русской государственностью*³.

Отметим и востоковеда, тюрколога и семитолога А. Е. Крымского, считавшего своим главным занятием исламские проблемы. В значительной степени благодаря исследованиям Крымского историю и культуру народов Востока в отечественной и мировой науке начали рассматривать как органическую часть всемирного социокультурного процесса. М. Батунский, оценивая А. Крымского, писал, что он «вследствие особенностей своей природы... смог острее других ощутить очарование мощной и полиморфной динамики той истории, в *центре которой стоит Человек, вне зависимости от его этнических и конфессиональных одеяний* – Истории, – где есть... и такие принципиально непредсказуемые, с изначально амбивалентной онтологией, потенции, которые, реализуясь, способны неожиданно и фундаментально изменить судьбы всего земного шара».

Февраль 1917 года застал Крымского в Москве, где он занимал должность профессора и секретаря профессорского совета Лазаревского института восточных языков. Крымский горячо приветствовал начавшиеся демократические перемены. Его тянуло в родной Киев, где многие друзья и коллеги, ведущие украинские ученые и общественно-культурные деятели вошли в Центральную раду, возглавляемую

1 Записка С. Г. Рыбакова, 1917 г. (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 567. Л. 2).

2 РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 567. Л. 25 об.

3 Там же. Л. 13–14.

Грушевским. Вопросами просвещения, науки и культуры занимался известный историк Н. П. Василенко, с которым Крымский был близко знаком. Все эти порывы, деяния и потенции хорошо вписывались в атмосферу февраля 1917 г.

К 1917 г. Крымский оставался на позиции, что «...сама по себе исламская религия настолько же не должна считаться помехой прогрессу и цивилизации, насколько и всякая другая религия. Вопрос о том, способны ли мусульманские народы к прогрессированию и к восприятию нашей, европейской, цивилизации, не может решаться огулом, применительно раз и навсегда ко всем народам, исповедующим ислам, а, наоборот, должен решаться частным образом, применительно к каждому отдельному народу»¹.

Для Крымского оставалось ключевым представление о самодостаточности и замкнутости внутреннего мира мусульман, их наиболее интеллектуально и психологически рафинированных единоверцев, «с неординарной интенсивностью переживающих уникальность своего духовного опыта, своего бытия, своей судьбы»². Он выделял и то, что способствует объективному выражению спонтанно обновляющейся актуальности духа времени. Крымский твердо верил в необходимость для мусульман политического и особенно культурного владычества Запада, стремился свести «многое к единому». М. Батунский назвал это «эпистемологической стратегией, обусловленной верой... в наличие универсально-мистической субстанции». «Эта вера позволила Крымскому не только понять многие аспекты ее мусульманской разновидности». Его эпистемологическая стратегия сосредоточена на том позитивном, что внесла этика ислама в социокультурную жизнь «совсем грубых народов». Крымский усилил разъяснения И. Гаспринского русским тонкости психологии, верований, религии, истории мусульман, тюрков, лучшего понимания их стремлений и мотиваций. Он не сомневался в искренности стремлений ислама к «великой реформе» в сфере нравственности.

А. Крымский выделил из мусульманской общности мощный отряд – тюркские народы, из джадидизма, целостного феномена, – отдельные

1 Крымский А. Е. Мусульманство и его будущность. Прошлое ислама, современное состояние мусульманских народов, их умственные способности, их отношение к европейской цивилизации. М., 1899; Густерин П. В. Коран как объект изучения. Саарбрюккен: Lap Lambert Academic Publishing, 2014. С. 13.

2 Батунский М. А. Россия и ислам. Т. 3. Гл. 2. Агафангел Крымский, или Блеск и нищета эклектизма.

его компоненты (среднеазиатский, например). Но соотношение понятий «тюркизм» и «джадидизм» не разъяснил. Этнические истории отдельных групп тюрков, истоки политического тюркизма, опыт государственного строительства тюркских народов в древности и Средневековье, преемственность в развитии тюркских общин в исторической ретроспекции, вхождение отдельных тюркских народов в российскую цивилизацию, взаимодействие Российского государства и тюрков, мусульманский и татарский либерализм – эти темы ожидали исследования академическим сообществом¹. Член-корреспондент Петербургской академии наук Ф. А. Щербина уже занимался изучением киргизских (казахских) поселений².

Применительно к атмосфере 1917 года важным было то, что и у Крымского мусульманский Восток исполнял преимущественно функцию зеркала, фокусирующего в себе все российско-генные страхи, все чужое и чуждое европейско-русской ментальности как таковой. Поэтому его «психограмма» исламского мира не только *не преодолела эвристический разброд в российской исламистике, но, напротив, ему значительно способствовала*³.

В реальности ученые были продуктом своего общества. Профессиональные востоковеды оставили в наследство Временному правительству идеологически нейтральное знание. Понятийный и методологический арсенал оставался детерминированным позитивизмом, мировоззрением, *казавшимся имманентным либерализму* – или антиклерикализму, антифеодализму, бюрократизму, эгалитаризму. Методология позитивизма стимулировала изучение историко-культурологической проблематики. Но расширение ее влекло к серьезным политическим импликациям, к ревизии политических следствий реликтов традиционной картины мира, полной деформаций и искажений. М. Дж. Бигиев собрал богатейший архив политических документов тюркской общественности с 1900 по 1915 г. К 1917 г. он обобщил их как теоретико-практический материал для «взвешивания» модернистских амбиций христианского Запада и традиционалистской медлительности мусульманского Востока⁴.

1 Сенюткина О. Н. Российский политический тюркизм: истоки и закономерности развития (1905–1916 гг.). Автореф. докт. дисс. Н. – Новгород, 2007.

2 Щербина Ф. Киргизская народность в местах крестьянских переселений. СПб., 1905. 48 с.

3 Батунский М. А. Россия и ислам. Т. 3. Гл. 2.

4 Бигиев М. Ислахат асаслары (Основы реформ). Пг., 1917 / См.: Муса Джаруллах Бигиев. Избранные труды. В 2-х т. Т. 1. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005.

Научная исламистика отражала плюрализм политических движений. Востоковеды, продолжив активную деятельность, внимательно относились к возникшим проблемам, извлекая из арабских, ивритских, санскритских, тибетских словарей эквиваленты философским, научным и новым политическим терминам. На смену представлению об изоморфном однообразном социуме под названием «Восток» пришел образ *совокупности сгруппированных «разнокалиберных» и разнокачественных субъектов*. Разрушались бывшие стандарты, даже ценой потери опробованных аналитических стратегий. Позитивисты, ломая догматические схемы, имманентно присущие бытию Homo Islamicus, в бесчисленных этнокультурных вариантах нащупывали пути взаимодействия с социумами и культурами посредством введения новых категорий, типизаций, понятий. В. Бартольд интенсивно работал над фундаментальной «Историей изучения Востока в Европе и России», она выйдет в свет в 1924 г. Первая глава представляет собой краткое изложение курса лекций по методологии истории, его В. Бартольд читал в Петроградском и ряде зарубежных университетов.

Буддизм, представлявшийся бессистемным собранием мифов, практик и доктрин, привлек востоковедов загадочностью и необычностью. Религия без Бога, эта идея Пробуждения путем самосовершенствования бросала вызов иным представлениям о духовной жизни, говорила о «другом типе сознания, поставившем целью переделку и даже уничтожение собственного “я”», отличалась от рационализма и индивидуализма европейской личности нового времени¹. События 1917 года внесут новые нюансы в содержание важной работы Ф. И. Щербацкого «Философское учение буддизма» (Пг., 1919). Споры о характере нирваны стали тестом на герменевтическую открытость. О. О. Розенберг снимет вопрос о том, является ли буддизм религией или философией: буддийская система включает и религию, и философию².

Иврит, например, вступал в контакт с внешним миром, развивалась светская словесность на этом языке, были созданы объективные предпосылки для дальнейшей секуляризации иврита, вывода его из исключительно духовно-религиозной сферы, облегчения тяжеловесно-архаичного стиля языка и расширения словарного запаса.

1 Лысенко В. Г. Ранняя буддийская философия. М.: Восточная литература, 1994. С. 29.

2 Розенберг О. О. Введение в изучение буддизма. Ч. 2: Проблемы буддийской философии. Пг., 1918. С. X.

Наблюдаемые процессы не снизили, однако, языковой конфликт в еврейской среде. Нормы и каноны обозначали историческую эволюцию любых языков. Интерес к другим религиям и образу жизни проявлялся в объяснении строя мыслей и чувств, основанных на совершенно других системах ценностей.

Исследования, конечно, несли политическую нагрузку. Объединял многие историко-этнографические исследования их русоцентризм. Важной целью оставалось приобщение «инородцев» к русской государственности и русской культуре, изучение темпов обрусения, успехов или неудач ассимиляционной практики¹.

Сохраняло влияние миссионерское востоковедение. Для него главными врагами оставались западные ориенталисты, философы, социологи, которые идеализировали ислам, буддизм или иудаизм – или отдельные компоненты их теологии, этики, права, те или иные моменты их прошлого и особенно их роль в будущих судьбах человечества. Немалый задел был сделан до 1917 г. Гнев миссионеров продолжал изливаться на русских единомышленников западных авторов, у которых первые заимствовали теоретическую экипировку, пополняя фактологический резервуар своими открытиями. Гносеологический блок миссионерского востоковедения и академической науки – это различия в концептуальных сетках, стратегиях идеологического и политологического поиска².

Совсем, казалось, проблема этнических границ не коснулась российского еврейства. Она, в какой-то степени олицетворявшая политический аспект этой проблемы, давала основание С. Дубнову записать в дневнике: «Сущность историзма в том, чтобы прошлое воспринимать с живостью текущего момента, а современность мыслить исторически». Концепция Дубнова заключалась в том, что еврейскую историю следует воспринимать как поступательный процесс, в ходе которого польско-литовское еврейство постепенно начинало осознавать себя еврейством именно российским, с особыми культурными, общественными и политическими задачами. Осваивая новые источники, Дубнов

1 См.: Исторический вестник. 1892. Т. 47. № 3; Харузин Н. Н. К вопросу об ассимиляционной способности русского народа // Этнографическое обозрение. 1894. Т. 23. № 4 и др.

2 Красовицкая Т. Ю. Об одном этапе дискуссии православных миссионеров с исламскими модернистами на рубеже XIX–XX веков; Колесова Е. В. Востоковедение в синодальных учебных заведениях Казани, середина XIX – начало XX века. Автореф. канд. дисс. Казань, 2000.

спрашивал – «что же должен делать наступивший XX век, который по всем признакам будет веком синтеза?». И далее утверждал, что задача XX века – «установить гармонию между гуманизмом и национализмом, между требованиями современного еврейского человека и требованиями национального коллектива»¹.

Усилили свою деятельность новые структуры, собиравшие новые источники о современном еврействе. Предметом исследования, организованного Обществом еврейской народной музыки, стало еврейское искусство. Одним из блестящих образцов обсуждения проблемы «свое – чужое» стала знаменитая полемика о ценности бытовой еврейской мелодии композиторов Ю. Энгеля и Л. Саминского, разразившаяся на страницах русско-еврейских газет в 1915–1917 годах². В серии полемических статей Энгель отстаивал «научную» точку зрения, а Саминский – «национальную». В изучение современного еврейства включились ранее игнорируемые исследования о культуре на идиш, документирование ее. Наиболее значительны изданные Обществом содействия науке о еврействе на французском и русском языках в 1902–1908 гг. в Париже «Материалы об экономическом положении евреев России» и на немецком языке в 1909–1910 гг. в Кельне двухтомный труд «Еврейские погромы в России» под редакцией Л. Моцкина. Они содержали факты, собранные специальной комиссией по расследованию октябрьских погромов 1905 г. В Петербурге выделяется Историко-этнографическая комиссия при Обществе для распространения просвещения между евреями в России.

Обществом распространения правильных сведений о евреях и еврействе вместе с Обществом для научных еврейских изданий подготовлена 16-томная Еврейская энциклопедия на русском языке. Этот свод знаний о прошлом и настоящем еврейского народа включал в себя все, что имеет отношение к еврейству, начиная от ТаНаХа и Талмуда и кончая сведениями об участии евреев в революции. Сам факт издания Еврейской энциклопедии³ указывал на глубокие изменения, шедшие в науке изучения русского еврейства. В 1915 г. по инициативе П. Милюкова, Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба возникло Российское

1 Дубнов С. М. Книга жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени. 1998 Гл. 37. Культурная борьба (1901).

2 Саминский Л. Спор о ценности бытовой еврейской мелодии // Евр. неделя. 1916. № 11.

3 Еврейская энциклопедия. Т. 1–16. СПб: Тип. Акц. общ. Брокгауз – Ефрон, 1906–1913.

общество по изучению еврейской жизни, председателем которого стал бывший министр просвещения граф И. И. Толстой. В него вошли лингвист и историк культуры, один из зачинателей этнической психологии академик Д. Н. Овсяннико-Куликовский, профессора А. В. Карташев (историк церкви, с марта 1917 г. товарищ обер-прокурора Синода, а с 25 июля – обер-прокурор), историк либерально-народнического направления В. И. Семевский, экономист, министр финансов в последнем составе Временного правительства М. В. Бернадский. В Вильно Еврейское общество истории и этнографии имени Ш. Ан-ского собрало огромную документацию, на основе которой уже в 1922 г. издан «Пинкос» – большая историческая «Летопись». В ней проанализирована жизнь евреев Вильно в годы войны, оккупации и первые послевоенные годы.

Идеология еврейского национализма была важным аспектом февраля 1917 г. Работы, посвященные текущим событиям, возбуждали яростные дискуссии¹. Сионизм, отказываясь от Устной Торы, переселяясь в Библию, осваивал и оживлял библейский ландшафт и библейский язык, мечтал об осуществлении идеала в государстве Израиль. Он круто развернул изучение традиций евреев к исследованиям проблем их современной жизни, духовно-национальной эмансипации. Большое значение придавалось изучению социального расслоения, образа жизни, культуры, нравов еврейских масс.

В формировании финно-угроведения как комплекса научных направлений, изучающих родственные народы, большую роль сыграли труды лингвиста и этнографа, составителя первого чувашско-венгерского словаря, переводчика на венгерский язык «Калевалы» венгра А. Регули, финнов А. М. Шегрена (русского академика) и профессора на первой кафедре финской филологии Хельсинкского университета М. А. Кастрена. Примечательная черта их научного творчества относительно финно-угров России – лингвистические наблюдения фольклора, этнографии, истории. Чуть позже начались археологические исследования (основатель направления – финн Й. Аспелин). Расширяя свои функции, финно-угроведение в начале XX века обрело системный, комплексный характер, переходя от научного романтизма к позитивизму².

1 Локшин А. Споры о сионизме в России начала XX века // Лехаим. 2010. Октябрь.

2 Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910; Мельников П. И. Очерки мордвы // Полн. собр. соч. Т. 7. СПб., 1909; Харузин Н. Н. К вопросу об ассимиляционной способности русского народа // Этнографическое обозрение. 1894. Т. 23. № 4.

«Новый век, – подытоживал А. Тойнби, – очертил свое поле исследования, не ограниченное рамками одной национальности, и ученые вынуждены будут приспособить свой метод к интеллектуальным операциям более широкого масштаба»¹.

3.7. Востоковедные практики «местных деятелей»

Восприятие в академической «ойкумене» местных исследователей было непростым. После революции 1905–1907 гг. царское правительство, напуганное интегралистским и модернистским движением тюрко-мусульманских народов Российской империи, собирало особые совещания для выработки комплекса мер по борьбе с ним. В них принимали участие, далеко не второстепенное, известные востоковеды и этнографы. А. Н. Харузин² – практически правая рука П. А. Столыпина и как директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД – организовывал и руководил 12–29 января 1910 г. очередным Особым совещанием по выработке мер для противодействия татаро-мусульманскому влиянию в Приволжском крае. Многие ученые

1 Тойнби А. Постигание истории. Ч. 1. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991.

2 Брат известных русских этнографов Н. Н. Харузина (автора лекционного курса «Этнография» (См.: Харузин Н. Этнография. СПб., 1901), читанного в Московском университете) и В. Н. Харузиной. А. Н. Харузин – камергер, действительный статский советник в должности гофмейстера, гофмейстер. В 1904–1908 годах занимал должность Бессарабского губернатора. С 1911 г. – товарищ министра внутренних дел. Крупный этнолог и антрополог, полагал, что имперским властям «не следует потакать враждебному нашим государственным началам направлению магометанско-татарскому». В ближнем круге Харузина были М. М. Ковалевский, организатор востоковедческого образования, В. Ф. Миллер, основоположник научного изучения географии, антропологии и этнографии в Московском университете, Д. Н. Анучин, академик А. Н. Пыпин, профессор Нежинского историко-филологического института М. Н. Сперанский, А. А. Шахматов. (См.: Харузин А. Н. Киргизы Букеевской Орды. Антрополого-этнографический очерк. М., тип. А. Левенсона, 1889. Вып. 1. С. 101; Красовицкая Т. Ю. Модернизация российского образовательного пространства.) Уже в 1920-е годы представитель казахов Н. Т. Тюрякулов также высказался в этом же духе: «Татарский национализм страшнее для нас, казахов, чем русский национализм: с ним мы можем еще бороться, т.к. он не знает нас и боится нас, а вы, татары, нас и не боитесь, и вы сумеете проникнуть во все наши поры, не позволяя нам даже дохнуть... И если мы, казахи, когда-нибудь решим выступить против русских, то, прежде всего, постараемся избавиться от вас – татар – и первый нож вонзим в Вашу спину...» (Мирсаид Султангалиев. Избранные труды. Казань, 1998. С.124).

занимали высокие статусные позиции в Императорской академии наук и в высшей школе.

Февраль 1917 г. дал тюркским авторам возможность выйти на политическую арену. Тюркское интегралистское реформистское движение делало далеко не первые шаги в идеологии. Оно было в состоянии вступить в борьбу за свои национальные права. Но идеологи и политтехнологи Временного правительства оставались в плену имперских оценок, окрестивших тюркский интегрализм одновременно «пантюркизмом» и «панисламом», и всерьез опасались и интегралистских проектов С. Максуди, и проектов, отстаивавших полигенетичность тюрков, т.е. происхождение их от разных этнических предков. «Интегралистам» приписывали агрессивно-ассимиляторские цели – «татаризацию» («тюркизацию») всех мусульманских (нетюркских) народов России. Их подозревали, конечно, в сепаратизме и сотрудничестве с турками¹.

В период Первой мировой войны, когда России пришлось еще раз столкнуться с внутренними и с внешними «мусульманскими проблемами», востоковед В. В. Бартольд и С. М. Граменицкий сумели удержаться от эмоций, кои овладели многими. Бартольд назвал панисламизм утопией: попытки использовать его «для определенных целей не имеют... ничего общего ни с исламом как религией, ни с прошлым мусульманских народов»². Бартольд, даже после разрыва З.-А. Валидова с большевиками, пытался в 1923 г. продвинуть в академические журналы результаты его изысканий новых источников. Он и позже не рвал связей с ним, уже эмигрировавшим, но продолжавшим серьезно заниматься тюркской историей. Тексты Бартольда «Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии» публиковались по рукописи, принадлежащей Валидову в бытность того уже профессором Стамбульского университета³.

Работы «местных» историков если и привлекали внимание петербургских и московских коллег, то скорее как источники по проблеме. Этногенетические концепции, извлекаемые из них, возрастали на соседних с российским имперским востоковедением полях.

1 Красовицкая Т. Ю. Модернизация российского образовательного пространства.

2 См. Бартольд В. Панисламизм // Биржевые новости. 1914. 24 октября; Бартольд В. Соч. Т. VI. С. 402.

3 Бартольд В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Т. 5. М.: Наука, 1968. С. 6.

Барон В. Р. Розен и первый профессиональный татарский историк Ш. Марджани сотрудничали на одной кафедре Казанского университета. Свидетельств же, читал ли Розен труды Марджани, притом, что они были в приятельских отношениях, обнаружить не удалось. Лишь профессор Казанского университета тюрколог Н. Ф. Катанов отмечал, что работы Ш. Марджани «по богатству этнографического и исторического содержания достойны перевода не только на русский, но и на европейские языки»¹.

Связующим звеном между Марджани и русской, европейской наукой выступал Х. Фаизханов. Он составил картотеку арабских рукописей Азиатского музея². Карточки описанных им рукописей частично использовал Розен при составлении каталога арабских рукописей Азиатского музея. Фаизханов был в курсе творческих планов Марджани, делал ему выписки из различных источников. Он старался через знакомства в Петербурге сделать имя Марджани известным в Европе, поскольку на Востоке в то время его труды уже знали. В Поволжье татарская элита усилила внимание к работам Ш. Марджани, его трудам «Вафийат ал-аслаф» и «Мустафад ал-ахбар». В первой работе на арабском языке (в 7 томах) Марджани описывал деятельность великих личностей, живших в VI – конце XIX века, давал разностороннюю оценку их наследия. В двухтомнике «Мустафад» он освещал историю Булгар и Казани, этнокультурные аспекты развития татар. В 1915 г. в связи со столетием со дня рождения Ш. Марджани выпущен сборник. В нем Г. Губайдуллин оценил заслуги Марджани в татарской историографии³. Другой историк и археограф Г. Ахмеров (1864–1911) опубликовал «Историю Булгарии» (1909 г.), «Историю Казани» (1910 г.), «Этнические группы и традиции татар».

Любопытно, что в 1926 г. на Первом Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку Г. Губайдуллин пытался возратить внимание к вкладу местных историков в изучение этнокультурных проблем

1 Катанов Н. Ф. Выступление на общем собрании Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете // Известия ОАИЭ. Казань, 1898. Т. XIV. Вып. 4. С. 470.

2 Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974. С. 277.

3 *Мэджани*. Шиъабетдин Моржани хэзрэтлэрэнэц вилядэтэнэ йез ел тулу (1233–1333) менасэбэте нлэ нэшерителде (Сб. «Марджани»). Издан в связи со столетием (1233–1333 по хиджре) со дня рождения Ш. Марджани). Казан: Мэгариф, 1915. С. 325. В развернутом виде оценки татарским историкам даны на заседании Первого Всесоюзного тюркологического съезда только в 1926 г.

в докладе «Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов»¹. Доклад издан после съезда отдельной брошюрой². Губайдуллин представил обзорный очерк практически не известных академическим тюркологам исторических работ Ш. Марджани, И. Хальфина, М. М. Рамзи, А. К. Бакиханова, К. Насыри, Р. Фахретдинова, Мунира Гади и др. – серьезных попыток осмысления истории тюркских этносов, основных путей развития народов и их духовной культуры³.

Правда, еще В. И. Даль, серьезно занимаясь «восточными историями», считал, что в них – не история. Мешали восприятию как собственно научных и формы сочинений, написанных на арабском языке, часто в трудной для понимания, но принятой в то время в ученых кругах Востока изысканной рифмованной прозе. Он называл их «баснословными преданиями», разукрашенными «небывальщиною разного рода» и искаженными «странностями уносчивого восточного воображения». Ряд источников в Собрании сочинений В. Даля считались «переложениями» – авторскими пересказами, характерными для устной, фольклорной и литературной традиций сюжетов «восточных» легенд, преданий, притч, анекдотов.

1 Губайдуллин Г. Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов // Первый Всесоюзный тюркологический съезд: Стенографический отчет. Баку, 1926. С. 39–57.

2 Резолюции Всероссийского мусульманского съезда, состоявшегося в Москве 1–11 мая 1917 г. Пг.: Трудолюбие, 1917. 32 с.

3 Исторические произведения Ш. Марджани: «Мунтахаб ал-вафиййа» (1879 г.), «Мукаддимат китаб вафиййат ал-аслаф» (1883 г.), «Рихлат ал-Марджани» (1898 г.) и «Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва-Булгар» (1900 г.). Первые два труда написаны полностью на арабском языке, остальные – на старотатарском. Являясь редактором и цензором Азиатской типографии, И. Хальфин способствовал изданию таких сочинений, как «Родословное древо турок» («Шәжәрәит-терек») Абулгази Багадур-хана, «История Абуль-гази Багадур-хана о монголах и татарах», «История семи планет Сеида Мухамеда Ризы», «Жизнь Чингисхана и Аксак-Тимура, с присовокуплениями разных отрывков, до истории касающихся, кои все слова для обучающихся расположены по алфавиту» (Казань, 1822) и ряда других. В 1846 г. в петербургской газете «Русский инвалид» опубликована часть сочинения А. К. Бакиханова – «О походах Надир-шаха в Дагестан» за подписью Кудси. Это глава под названием «О походах Шах-Надира в Дагестан. Из истории восточной части Кавказа». Сочинение Кудси Аббас-кули Бакинского напечатано в газете «Кавказ» и в том же 1846 г. перепечатано в Сборнике газеты «Кавказ». Мурад Мекки Рамзи написал «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи Казан ва Булгар ва мулюк ат-татар» («Собрание сведений из прошлых событий Казани, Булгара и татарских царей». Оренбург, 1908), который был запрещен царской цензурой, а тираж уничтожен.

Но, так или иначе, в работах Х. Атласи, З. Валиди, Х. Габяши, Р. Фахретдина, Р. Измайлова обосновывалась концепция, согласно которой основным звеном тысячелетней истории татарского народа является утверждение преемственности культурно-исторической цивилизации тюрко-татар с древнейших времен. Авторы описывали культуру древнетюркских государств (Тюркский и Хазарский каганаты, Великая Болгария), тюрко-татарских государств эпохи раннего (Волжская Булгария, Дешт-и-Кипчак), развитого (Золотая Орда) и позднего (Казанское, Крымское, Астраханское, Сибирские ханства) Средневековья.

Авторы доказывали связи с древними тюркскими народами Азии и Европы (булгары, хазары, кипчаки), которые и приняли участие в этногенезе. Ученые, продолжая традиции Ш. Марджани, подчеркивали, что тюрко-татары впитали достижения цивилизаций названных выше народов, а именно: государственность, письменность, городскую культуру, духовность; доказывали ценность каждого отрезка истории народа и рассматривали историю тюрко-татар в динамике.

Новометодист Х.-Г. Габяши в «Истории тюркского племени» делил историю тюркских племен, подобно истории европейских народов, на три периода: на древний (от древнейших времен до падения Монгольской империи), средний (от падения Монгольской империи до падения Казани), новый (от падения Казани до наших дней)¹. Автор задался целью написать всю историю тюркских племен, и том посвящен древнему периоду истории. Автор настолько увлекся, что многие, не принадлежащие к тюркам, народы (например, сарматы, скифы, ясы, касоги, аланы и все народы Восточной Европы, описываемые греко-римскими авторами) причислил к тюркам. Габяши большое внимание уделил не только истории тюрков, но и «родственным им», как выражается автор, «туранцам», к которым, по его мнению, относятся японцы, китайцы, финны и др. Вообще, история Габяши скорее являлась собранием сведений по истории и этнографии разнообразнейших тюркских и «туранских» народов.

Важными трудами по истории Казанского государства являются книги действительного члена Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, депутата II Государственной думы Хади Атласи (1876–1938) «Соен-бикэ» («Сююмбике», 1914) и «Казан ханлыгы» («Казанское ханство», т. 1, 1914)², получившие высокую

1 Габяши Х.-Г. М. Всеобщая история тюркских народов. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009; ранее на татарском издана в Казани в 1899 г.

2 См., например: Атласи Н. Себер тарихы. Соенбикэ. Казан ханлыгы. Казан, 1993.

оценку в упоминаемом выше выступлении Г. Губайдуллина. Он назвал их «новым явлением в тюрко-татарской историографии»¹. Книги охватывают период со времени основания Казани до потери Казанским ханством независимости. Свое обращение к историческим изысканиям Х. Атласи мотивировал так: «Если молодежи одной нации будут известны древнейшие события из жизни своих предков и совершенные ими дела, то этой нации суждено будет жить и впредь <...> Мы, дети татар, если хотим уцелеть как нация, то должны знать свою богатую литературу, яркую, светлую историю, где описаны величественные деяния наших могучих предков»².

В своих исторических исследованиях Х. Атласи провозглашал идею преемственности евразийских тюркских государств по цепочке «государства скифов и хуннов – тюркские каганаты – государства хазар и болгар – Монгольская империя – Золотая Орда – Казанское, Сибирское и другие ханства». Он использовал широкий круг источников (отдавая предпочтение современным описываемым событиям), но упор делал на русские летописи и российскую исследовательскую литературу. Первым из татарских историков он активно ввел в научный оборот данные из русских исторических памятников XV–XVI вв., из работ П. И. Рычкова, В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, Н. И. Новикова, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева³. Хади Атласи описывал в гораздо большей степени политическую историю татарских ханств, нежели их внутреннее устройство.

У Ю. Акчуры был своеобразный взгляд на русскую историю, заимствованный из французских исторических концепций. Он опирался на идеи Ж. Мишле о том, что во Франции дворянство и «третье сословие» имели различное этническое происхождение: дворяне произошли от завоевателей-франков, а «третье сословие» – от покоренных галлов. В России, по словам Акчуры, полностью сохранились порядки времен Золотой Орды, только московский царь заменил хана в Сарае. Однако

Х. Атласи было задумано издание и последующих томов «Казанского ханства» – об этом он сообщал в одном из писем татарскому писателю Фатыху Карими.

1 Губайдуллин Г. С. Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов. С. 48.

2 Атласи Х. Борынгы эш нәм борынгы сузләр // Шура. 1910. № 18. С. 557–558.; Хамидуллин Б. Л. История Казанского ханства в трудах татарских историков конца XIX – начала XX в.

3 Атласи Х. считал, что работами С. М. Соловьева следует пользоваться очень осторожно, т.к. они отличаются религиозным фанатизмом, резко критиковал и русских, и татарских историков, в частности Ш. Марджани.

права простых людей, находящихся под гнетом чужеземного дворянства, не изменились.

Губайдуллин отмечал, что появление у российских тюрков исторических произведений (под влиянием европейской или русской историографии) связано с влиянием европейской цивилизации. В первую очередь возрождение началось у тех тюркских племен, у которых раньше всех начал развиваться капитализм и господствующим классом сделалась национальная буржуазия. Таким народом среди российских тюрков являются приволжские татары, этому способствовало их нахождение на старинном торговом волжском пути и раннее соприкосновение с европейской культурой через русских¹.

Башкирский историк М. Рамзи изучал историю российских тюрков и ислама в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири. В 1896–1914 гг. он неоднократно приезжал в Россию для сбора материалов в библиотеках и архивах Санкт-Петербурга. Свой «Труд по истории Казани, болгар и татарских царей» М. Рамзи завершил в 1907 г. В 1908 г. издание книги финансировал ректор медресе «Расулия» г. Троицка З. Расулев². Она представляла собой изложение истории гуннов, тюрков, славян, мадьяр, готов с древнейших времен до Средневековья. Затем автор суживал внимание исключительно на истории Золотой Орды, ее культуры и народов, населявших ее, изучая взаимоотношения татарских ханств с растущим Русским государством. В заключительной части исследуется история завоевания Россией Поволжья, Урала и Западной Сибири. Особую ценность представляет собой библиографический материал о более чем 150 видных деятелях, в основном татарских и башкирских (в т. ч., о некоторых ученых Дагестана), осуществлявших культурно-просветительскую деятельность в XVIII–XIX вв. М. Рамзи писал на арабском языке, используя опыт русских и западноевропейских историков. Текст разделен на главы, параграфы, имеется список

1 Васильев А. Д., Васильев Д. Д. (ИВ РАН). Особая позиция Газиза Губайдуллина на I Всесоюзном тюркологическом съезде в 1926 г. / Бюллетень Общества востоковедов. Прил. 7: Газиз Губайдуллин и становление советского востоковедения в 1920–1930 гг.: Материалы конференции. Москва, 2012 г. / Сост. Э. С. Кульпин-Губайдуллин, А. Д. Васильев, Д. Д. Васильев. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 31–34.

2 Хранится в коллекции библиотеки Венгерской академии наук в Будапеште. Описывается как экземпляр двухтомного труда Мурада Рамзи «Талфик аль-ахбар ва талких аль-асар фи вакаи Казан ва Булгар ва мулук ат-Татар» («Собрание известий и памятников в событиях Казани, Булгара и татарских царей»), опубликованного в Оренбурге в типографии издательства «Каримов, Хусаинов и К°» в 1908 г.

использованных трудов. Книга снабжена рисунками, схемами, таблицами и планами исторических мест, статистическими данными и другими историческими источниками. Выход в свет книги М. Рамзи вызвал большой резонанс. Структура книги, способ освещения им истории тюркских народов, методы привлечения письменных источников других историков – как мусульманских, так и русских и западноевропейских – все это отражает тип ученого из «образованного меньшинства», дерзнувшего на свободный диалог с общемусульманской, русской, татарской, западноевропейской культурой. Царская цензура расценила книгу как «открытое оскорбление православной церкви и прямое подстрекательство российских мусульман против русских». Большая часть тиража изъята¹.

Представители этнических элит активно интересовались этими работами, часть из них (яркий пример – А.–З. Валидов) сами были авторами. Отстаивание М. Рамзи идеи национальной независимости тюрков, открытое осуждение политики насильственной христианизации народов Поволжья и Урала, критика местных чиновников оказали влияние на Валидова. В своих «Воспоминаниях» он пишет, что книгу М. Рамзи прочел еще в рукописи. «О прошлом тюрков здесь рассказывалось с гордостью, а о гнете русских с большой горечью»; «Мурад Рамзи и Кене-Сары давали нам идею освобождения от русского плена», – описывал он свое восприятие книги². В 1912 г. 22-летний Валидов публикует свою первую научную книгу «История тюрко-татар» (Казань). Она по структуре почти совпадает со структурой книги М. Рамзи.

В. В. Бартольд обнаружил хранившийся русский перевод работы основоположника азербайджанской научной историографии А. К. Бакиханова «*Гюлистан-и-Ирам*», сделанный А. Золотуниным в 1875 г. в Дагестане. В этой работе А. Бакиханов излагал получившую в первой половине XIX века в русской исторической литературе широкое распространение норманнскую теорию, по которой Русское государство образовали варяги – Рюрик и его братья. В 1879 г. экземпляр прислан в редакцию газеты «*Каспий*». Позднее он найден среди книг ее редактора, активного участника политических событий 1917 г. А. М. Топчибашева³.

1 Каримуллин А. Г. Татарская книга начала XX века. Казань, 1974. С. 145–146.

2 Тоган З. В. Воспоминания. М., 1997. С. 40–41.

3 См. о роли А. М. Топчибашева в строительстве национальных структур в 1917 г. подробнее в гл. 2 и: Бартольд В. В. Собрания восточных рукописей в Баку. Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С. 440; Бакиханов А. К. Сочинения, записки,

Туркские либералы начинают менять взгляды на концепцию национального движения. Вплоть до конца 1917 года концептуальными проблемами для местных элит оставались проблемы развития национальной культуры, духовности, образования, истории, политической традиции, которые могли быть реализованы в рамках Российского государства¹. Российские востоковеды гораздо большее внимание уделяли выявлению и анализу древних манускриптов и артефактов. Известный востоковед Н. Ф. Катанов, критикуя «пристрастные и лживые суждения Рамзия», признавал, что книга представляет некоторую научную ценность в качестве сырого материала (например, сведения об ученых – русских мусульманах). Но она крайне тенденциозна, лишена научного значения². В. А. Гордлевский считал Рамзи просто компилятором Ш. Марджани³. А. –З. Валидов, напротив, ставил его работу в один ряд с Ш. Марджани и К. Халиди, а Р. Фахретдинов анонсировал книгу как «составляющую наследие нации»: «Наконец-то наша нация в лице этого сочинения получила достойное отражение своей истории»⁴.

Но интерес к периферийным («местным») ориенталистам усиливался. В туркестанском мусульманстве Бартольд выделял «прогрессистов», с которыми «совместная работа отнюдь не невозможна». Он называл их «местными деятелями», «работающими большей частью без необходимых для всякой исторической работы книжных пособий». Но им «достается благородная задача *точного, беспристрастного описания современного местного состояния умов* и течения религиозной мысли»⁵. О непростых проблемах такого сотрудничества напомнил А. Цаликов, уже будучи в эмиграции в Праге, на торжественном

письма / Вступительная статья, составление и подготовка текстов, а также примечания и указания Э. М. Ахмедова. Баку: Элм, 1983.

1 Фахрутдинов Р. Р. Татарское общественно-политическое движение в конце XIX – начале XX вв. как фактор конструирования национальной идентичности. Авт. реф. докт. дисс. СПб., 2007.

2 Катанов Н. Ф. Краткий обзор татарских исторических книг // Известия Общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете. Казань, 1912. Т. 28. Вып. 4–5. С. 500–501.

3 Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. IV. М., 1968. С. 190.

4 Цит. по: Гараева Н. Г. Традиции татарской историографии XIX века и «Талфик ал-ахбар...» М. Рамзи // Проблема преемственности в татарской общественной мысли. Казань, 1985. С. 86.

5 См. подробно: Бартольд В. В. В. Р. Розен и русский провинциальный ориентализм // ЗВО. Т. XVIII. Прил.; Бартольд В. В. От редакции // Мир ислама. Т. I. 1912. С. 2–3.

заседании Пражской группы Народной партии вольных горцев Кавказа 28 апреля 1927 г., посвященном 50-летию восстания в Чечне и Дагестане против колониальной политики царизма. Он акцентировал внимание на том, что «профессор П. И. Ковалевский немало написа[л] о Кавказе (кто знаком с произведениями этого ученого, тот хорошо знает, что особой любви этот профессор к кавказским народам не питает)»¹. С другой же стороны, из протоколов Туркестанского кружка любителей археологии узнаем, что уже 17 марта 1914 г. на заседании, проходившем под председательством известного ориенталиста, историка и этнографа Н. П. Остроумова, в присутствии 72 членов кружка и гостей выступал А. Валидов, подробно рассказавший о результатах своей научной командировки в Ферганскую область. В результате «по предложению председательствующего» А. Валидов избран в действительные члены кружка. Н. П. Остроумов – фигура сложная и противоречивая. Он возглавлял миссионерскую деятельность в Туркестанском крае. Тем более его предложение – не только подтверждение признания научной деятельности тогда еще молодого человека, но и факт, свидетельствующий об отношении профессионального сообщества к местным энтузиастам². О тесном общении Г. Исхаки с тюркологом В. А. Гордлевским (в Первую мировую войну, будучи корреспондентом «Русских ведомостей» и военным переводчиком на Кавказском фронте, он спас немало ценных турецких и курдских рукописных материалов) писала Г. Х. Якупова³.

«Местные деятели», непрофессионалы, вынужденные «в силу своей неподготовленности ограничиваться собиранием сырого

1 Ковалевский П. И., известный психиатр, публицист и общественный деятель, ректор Варшавского университета, являлся старшиной Русского национального клуба, членом Совета Всероссийского национального союза и членом Русского собрания. Ковалевский П. И. Завоевание Кавказа Россией. Исторические очерки. СПб., 1911; он же. История России с национальной точки зрения. СПб., 1912; он же. Основы русского национализма. СПб., 1912; он же. История Малороссии. СПб., 1914; он же. Психология русской нации. СПб., 1915. См.: Речь Ахмеда Цаликова, произнесенная 28 апреля 1927 года на торжественном заседании в Праге, посвященном 50-летию восстания // Наш Дагестан. 2007. 28 апреля.

2 Шигабдинов Р. Н. О некоторых материалах, связанных с деятельностью Ахметзаки Валиди Тогана, в архивах Республики Узбекистан // Ватандаш. 2001. № 9. С. 62–63.

3 Якупова Г. Х. Дискуссии писателей в контексте татарской духовной жизни начала XX века (на примере Г. Исхаки, Ф. Карими и др.). Канд. дисс. Тобольск, 2006; Гордлевский В. А. Мехэмэтгаз Исхаков (Йегерек язмалар). В. А. Гордлевский // Эсэрлэр. Гаяз Исхакий. 15 томда. Казан. Татар. кит. нәшр., 2001. Т. 8. С. 446.

материала», чувствовали «неудобство» многих академических концептуальных рамок. К анализу того, что Бартольд назвал «благородной задачей», обратились мусульманские политики и публицисты революционного времени.

Первой специальной работой, описавшей отношение мусульман к падению самодержавия, новым веяниям, переменам в российском обществе, стала содержательная книга журналиста, военного корреспондента крымского татарина из ханской династии Гиреев А. Тамарина. Он подробно остановился на значении для российского общества его граждан-мусульман. В книге показано, что мусульмане России в условиях революции не проявили тяготения к сепаратизму. Он выделил «голос Востока, протянувшего Западу братскую руку. – Страна, бывшая для нас мачехой, страна, где каждодневно оскорблялись униженные и угнетенные мусульмане, граждане третьего сорта, – ныне стала родиной нашей, матерью. Эта страна находится в настоящей опасности, и это положение страны требует от нас особой мудрости. И мы, мусульмане... должны показать, что умеем разумно сочетать безграничную преданность интересам народа, к которому принадлежим, с любовной заботливостью о благе того дорогого нам целого, имя которому – свободная Россия!.. Эти люди никогда не посягнут на русскую свободу, ибо сознают, что свобода России – их свобода, несущая осуществление их самых заветных дум и грез»¹. Лидер мусульман меньшевик А. Цаликов (из осетин) в публикациях пытался осмыслить цели и задачи мусульман страны в условиях революции, рассмотреть особенности их социальной психологии применительно к политической обстановке².

В журнале «Мир ислама», который издавал Бартольд, писали о джадидах: «Образ жизни этих “новых людей”, их одежда, разговор, их мысли ничем не напоминали “старые” сословия. Они употребляли слова, до сих пор неизвестные, и писали вещи, которые доселе у нас не писаны»³. Для востоковедов становилась очевидной энергичность

1 Тамарин А. Мусульмане на Руси. Издание Д. Я. Маковского. М., 1917.

2 Цаликов А. Мусульманская фракция в Учредительном собрании. Казань, 1917; он же. Мусульмане России и война. Речь, произнесенная на Всероссийском мусульманском съезде в Москве 1–11 мая 1917 г. Пг., 1917; Цаликов А. Мусульмане России и федерация. Речь, произнесенные на Всероссийском мусульманском съезде в Москве 1–11 мая 1917 г. Пг., 1917.

3 Бичиева И. С. Кабардинская интеллигенция в конце XIX – начале XX в. Канд. дисс. Нальчик, 2006.

интеллектуалов из нерусских сред, стремившихся сопрягать уникальный духовный опыт с новыми вызовами¹.

Ю. Акчура, С. Максуди, М. Ю. Джафаров, А. Н. Букейханов, А.-З. Валиди, Х. Атласи, М. С. Шахтактинский и др. тянулись к профессиональным востоковедам. Изучались и новые исследования русских лингвистов, историков культуры. В круге чтения были работы Н. Данилевского, В. Р. Розена, В. В. Бартольда, П. Н. Милюкова, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, Г. В. Плеханова. Многие разделяли либеральные взгляды кадетов. Особую роль в судьбе А.-З. Валиди играл профессор Казанского университета известный тюрколог Н. Ф. Катанов, он помог ему подготовиться к поступлению в университет и издать первую книгу. С помощью Катанова Валидов заказывал историческую литературу из Лондона, Лейдена, Ташкента, Баку. В 1913 г. Катанов предложил Казанскому университету командировать его в Фергану для проведения историко-археологических исследований и сбора книг, документов, рукописей, представляющих интерес для ориенталистики. В 1914 г. Российская академия наук по рекомендации В. Бартольда направила Валидова в Среднюю Азию изучить, а по возможности и приобрести ценные рукописи. Поездка была настолько успешной, что ею заинтересовались востоковеды Петербурга. Задание Валидов выполнил отлично, и рукописи, привезенные им в Петербург из Средней Азии, которые он искал и находил не только в больших и малых городах, но и в кишлаках, у мулл, любящих собирать книги, поныне известны востоковедам как «собрание Валидова». В Фергане, Самарканде и Бухаре он приобрел неизвестные документы, важные для исследования экономики, истории, этнографии и географии страны, рукописи, относящиеся к истории и литературе. Отчет о поездках опубликован². С 1909 г. Валидов начал писать первую крупную работу (учебник), которая по его замыслу должна была носить название «История тюрков». Ознакомившийся с книгой Г. Ибрагимов предложил назвать ее «История

1 Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1893. Т. XI. Вып. 5. С. 217–221; *Ахмеров Г.* Болгар тарихы. Казань, 1909; *Ахмеров Г.* Казан тарихы. Казань, 1909; *Биккулов К.* Татар ханнары. Казань, 1911; *Баттал Г.* Татар тарихы. Казань, 1912; *Валиди А.-З.* Тюркк өз татар тарихы. 1 нче жозья. Казань, 1912; *Габяши Х.-Г.* Мохтасар тарих кауме тюрки. Казань, 1907; *он же.* Муфассал тарихы кауме тюрки. Казань, 1909; Тюркк ыруглары. Казань, 1912.

2 *Валидов А.* Восточные рукописи в Ферганской области // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XXII. СПб., 1915; *он же.* О собраниях рукописей в Бухарском ханстве // Там же. Т. XXIII. СПб., 1916.

татар» или «История тюрков-татар». Однако А. Валидов назвал книгу «История тюрков и татар». Она опубликована в 1912 г. в типографии «Миллят». В 1915 г. выпущен переработанный вариант, он переиздан в 1917 г. Задумывалось, что книга будет состоять из двух томов. В первом должна быть освещена история тюркских народов с древнейших времен до падения Казанского ханства. Во втором томе предполагалось описать период от падения Казанского ханства до современного автору положения тюркских народов. Однако вышел только первый том. Позже А. Кестлер называл Валидова «настоящим ученым, человеком обширной эрудиции, всегда готовым учиться, сотрудничество с которым всегда было очень плодотворным»¹.

Отмечается повышение внимания нерусских интеллектуалов к западной востоковедной литературе. Трудно усмотреть в нем системный интерес, но оно помогло им выделить проблему национальной и культурной идентичности. Ю. Акчура увлекался французскими историками времен Реставрации Ф. Гизо, О. Тьерри, О. Минье, изучал работы Ф. де Куланжа, представителей классической английской школы политической экономики А. Смита и Д. Рикардо. А. – З. Валидов знакомился с взглядами известного голландского ориенталиста В. Дрепера². Читал он и арабиста, члена-корреспондента Петербургской академии наук Р. Дози. Тот возмущался, что исследователями в исламе «неподвижность возведена в принцип»³. Немецкий специалист А. Мюллер мог вдохновить его тем, что культурный синтез искусства, религии и философии должен примирить дух и чувственность, природу и свободу, француз Л. Каэн – углублением в историю тюркских и монгольских народов. Публикации в академических журналах обследований старых городов его современниками Г. Ахмаровым⁴, К. Д. Биккуловым,

1 Кестлер А. Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие. СПб: Евразия, 2001. С. 214–215.

2 Дрепер В. История умственного развития Европы, пер. с англ. под ред. А. Н. Пыпина. 4-е изд. СПб., 1885.

3 Dozy R. Essai sur l'histoire de l'islamisme. Leiden, 1879.

4 Ахмаров Г. Отчет о поездке с археологической целью летом 1909 года в Свияжский и Тетюшский уезды Казанской губернии // ИОАИЭ. 1910. Т. XVI. Вып. 4. С. 398–408; он же. О поездке 1894 и 1895 годов в Тетюшский и Спасский уезды Казанской губернии с археологической и этнографической целью 21 сентября 1895 года // ИОАИЭ: Протоколы общих собраний Общества археологии, истории и этнографии. 1899. Т. XV. Вып. 4. С. 446–447; он же. История Булгарского царства до времени нашествия Тимура // Там же. С. 450; он же. Разбор татарских сказаний о нашествии Тимура на Болгарские города // Там же. С. 454; он же. Разбор татарских сочинений о Болгарском царстве // Там же. С. 459.

Г. Батталом, Х.-Г. Габяши и др., расшифровка и введение ими в научный оборот новых источников зачастую выливались в собственные монографии. Такие издания охотно спонсировала местная буржуазия. В 1917 г. миссионер и педагог Я. Д. Коблов, выступавший за Н. Ф. Катановым на собрании (при Управлении Казанского округа), посвященном обзору книг, использовавшихся в учебном процессе в татарских мектебах и медресе за 1911–1913 гг., охарактеризовал работы Г. Н. Ахмарова в качестве выдающихся исторических сочинений последнего времени¹.

Анализ изменений, произошедших в национальном самосознании татар при оценке исторических исследований, дал основания Н. Ф. Катанову в 1912 г. констатировать, что новометодным «татарам нужна... история новая, основанная на точных и беспристрастных данных, какие [есть] только в Западной Европе». Я. Д. Коблов писал, что казанские авторы активно пишут и переводят «труды по общей истории, истории русского государства, национальной истории казанских татар (Казанского и Болгарского царств). Наибольшее внимание вызывает история местного края, татарской национальности, Болгарского и Казанского царств». Я. Д. Коблов выделил два мотива: 1) попытка самостоятельной научной разработки; 2) подъем национального чувства.

В зависимости от политической ситуации, особенностей межэтнических взаимоотношений, демографических тенденций и пр. выдвигались и пропагандировались разные этноцентрические аспекты и версии. Они были очень подвижны, конструировались и нередко пересматривались в зависимости от существующих в данный момент обстоятельств. Важным отличием в них (от академических работ) было то, что события древности «увязывались» с вызовами, выдвинутыми в феврале – октябре. Основной целью является исследование «прошлого, какое значение... имело в прежнее время, и что ожидается в будущем, наметить вехи для этого будущего, чтобы не затеряться среди других народностей и сохранить свою самостоятельность»².

А.-З. Валидов использовал методологические работы Э. Бернхайма и Ш. Сеньбоса, а также востоковедческие труды В. Бартольда, Г. Потанина, Г. Говарда, Л. Каэна (им увлекся позже и Л. Н. Гумилев). Структура первого тома представлена пятью главами: 1) Тюркские

1 Салахова Э. К. Научно-историческое наследие Г. Н. Ахмарова, 1864–1911 гг.: Дис. канд. ист. наук. Казань, 2003.

2 Обзор учебников, принятых к употреблению в татарских конфессиональных школах (мектебах и медресах) и изданных большей частью за последние три года. Казань, 1917. С. 11–15, 31–32, 38, 52.

народы в древности; 2) Ислам и тюрки (до Чингиса); 3) Чингисхан. Великое тюркское правительство (страна, престол в руках монголов); 4) Дешт-и-Кипчак или государство Золотая Орда; 5) Булгария после татар. Казанское ханство (татары в Булгарском ханстве)¹.

По сравнению с историей Ш. Марджани, начинающей историю татар с эпохи хазар и Булгара, основное внимание концентрировалось на истории единства тюркских народов, которое существовало в доисламскую эпоху тюркских каганатов. Вторым периодом тюркского единства считалась история империи Чингисхана. Из книги Л. Каэна «Введение в историю Азии» (издана в Париже на французском языке в 1896 г.) во многом заимствована идея священной Родины в лице единой тюркской родины – Турана, ставшая ключевым образом сознания сторонников тюркского единства.

В 1915 г. Ю. Акчура под влиянием трудов Л. Каэна выдвинул свою периодизацию тюркской истории: 1) древний период: древняя тюркская цивилизация до монгольского завоевания; 2) средний период: объединение тюркских народов в империю Чингисхана и его преемников; 3) новый период: государства, возникшие при распаде империи Чингисхана; 4) современный период: национальное пробуждение тюркских народов².

Культурно-цивилизационными ориентациями казахов занимался А. Букейханов. Им в соавторстве написана вторая часть книги «Население», посвященная истории казахов, развитию просвещения и издательского дела в крае³. Бакинский философ А. Гусейнзаде конкретизировал и уточнял термин «нация», который использовался в расплывчатом

1 См.: Тэрк уэ татар тарихы. Казань, 1912; Хабутдинов А. Ю. Проблема исторической самоидентификации татарского социума в начале XX века / А. Ю. Хабутдинов // Социально-историческое знание в Татарстане: Исследовательские традиции и современность. Казань, 1995. С. 63–65; он же. Преподавание истории в татарских конфессиональных школах в начале XX века // Историческая наука в Татарстане: Исследовательские и педагогические традиции. Казань, 1996. С. 119–120.

2 *Georgon F. Aux origines du nationalisme Turc: Yusuf Akcura (1876–1935)*. Paris, 1980. P. 51–52.

3 См.: Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей: [В 19 т.] / Под ред. В. П. Семенова и под общ. руководством П. П. Семенова, вице-пред. Русского геогр. о-ва и проф. В. И. Ламанского, пред. Отделения этнографии Русского геогр. о-ва; предисл. – В. Семенов. СПб.: А. Ф. Девриен, 1899–1914; Т. 18: Киргизский край: [Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская обл.] / Сост. А. Н. Седельников, Л. П. Осипова, А. Н. Букейханов [и др.]. 1903; *Букейханов А.* Киргизы. Формы национального движения в современных государствах. (Под ред. А. И. Костелянского). СПб., 1910.

и абстрактном понимании для обозначения всех мусульман мира, т.е. фактически в качестве синонима понятия «умма». В работах «Кто такие тюрки и из кого они состоят?», «Культура тюркского языка» и др. А. Гусейнзаде доказывал тюркское происхождение азербайджанского народа, единство тюркских народов, их языков, культур, акцентируя внимание на их общих исторических традициях¹. В начале XX века А. Гусейнзаде возглавил идейное движение, направленное на пробуждение национального самосознания азербайджанских тюрков. Он возражал против поверхностного подхода: «Проблема тюрков и татар – это жизненная и национальная проблема. Тюрки не должны проявлять безразличие к данной проблеме. Если мы, называя себя “татарами”, начнем изучать свою историю, тогда мы повергнем свою национальную историю во мрак и хаос»². А. Гусейнзаде, говоря о том, кто есть тюрки, требовал: «Прежде всего, мы должны знать сами себя, т.е. кто такие тюрки и кто является тюрком»³. Он писал: «Этой проблемой следовало заниматься не сегодня, а несколько веков тому назад. Эту проблему, которой не придавали значения в прошлом, нельзя оставлять на будущее, ею следует заняться хотя бы сейчас»⁴. Употребление фразы «мы, т.е. мусульманская нация» воспринималось им уже невежеством, отсталостью.

В начале XX века пантюркизм как идеология окончательно сформировался и в связи с этим мог уже рассматриваться как аналог панславизма или пангерманизма. В 1908 г. Гусейнзаде в статье «Тюркизация, Исламизация, Модернизация» («Turkuleshmek, Islamlashmak, Zamanlashmak») изложил свое представление о них как естественном следствии процессов глобализации, которые ведут к утрате традиционными государствами своей прежней политической субъектности. Политические элиты чувствуют угрозу суверенитету своих стран. Эти процессы подталкивают к работе над построением надгосударственных институтов, которые могли бы гарантированно обеспечивать политические, экономические и культурные интересы стран и народов, входящих в эту «политическую корпорацию». По сути, его позиция

1 Гусейнзаде А. Кто такие тюрки и из кого они состоят? Баку, 1997, 291 с.; Байрамлы О. Первый глашатай национальной независимости – Али-бек Гусейнзаде // Республика. 2001. 21 октября; Мирза Р. Отец тюркизма. Баку, 2000, 171 с.; Фарзалиева У. Ф. Проблемы национального самосознания в творчестве Али бека Гусейнзаде // Вестник КазНУ. 2011. № 2. С. 94–97.

2 Гусейнзаде А. Кто такие тюрки и из кого они состоят? Баку, 1997. С. 38.

3 Гусейнзаде А. Избранные труды. В 2-х т. Т. 1. Баку, 2008. С. 124.

4 Там же. С. 215.

поддержана конструкцией исполнительных органов, предложенных в 1917 г. и реализуемых С. Максуди.

К 1917 г. в контексте азербайджанских реалий М.Э. Расулзаде поднял ряд исторических проблем в серии статей под общим названием «Национальное бытие». Начиная с 1914 г. в журнале «Дирилик», в книгах «Народовластие» (Баку, 1917), «Какое нам полезно правительство?» (Баку, 1917) Расулзаде уделял большое внимание проблеме азербайджанской индивидуальности, языковому аспекту. Серия статей под названием «Национальное бытие» стала, по существу, первой попыткой систематизации представлений о нации в соответствии с требованиями современной науки. Значимость работ Расулзаде состоит в том, что в момент их публикации азербайджанцы не имели даже общепринятого этнонима и лингвонима. Расулзаде отвергал отождествление религиозной и национальной общностей, терминов «умма» и «миллет» (нация). Он утверждал, что понятие «миллет» не должно употребляться для обозначения религиозной группы, оно имеет секулярное значение. «Умма» же несет чисто религиозное содержание, означает объединение всех мусульман мира независимо от их этнической и культурной принадлежности, т.е. конфессиональную общность. Понятие же «нация» относится к этническим общностям, основывающимся на общем языке, культуре, территории и истории, равно как и на религии. Расулзаде отводил религии второстепенную роль и придавал большое значение поиску путей и способов формирования национальной идеологии: в сердцах и мыслях каждого представителя нации могут быть определенные идеи относительно ее будущего. Однако четко сформулировать их под силу только узкому кругу интеллектуальной элиты, призванной стать конструктором и проводником национальной идеи¹.

Заметные процессы развивались и в буддийской среде. Обратим внимание на данные из архива Ц. Жамцарано, отражающие вектор его интересов. Среди изученных им книг значатся: выписки из Конституции Японии, заметки о путешествии бурятского пилигрима – ламы к святыням Тибета, Непала, Индии; краткие заметки о паломничестве бурятского паломника – рабжамба-ламы Лудуба Андагаева к святым местам Тибета, Непала и Индии. В 1906 г. академические «Записки Восточного отделения» публиковали его статью, посвященную

1 *Расулзаде М. Э.* Произведения. Т. 2. С. 468–469 (на азерб. яз.). Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде (1884–1955). М.: Флинта, 2009.

результатам изучения устной литературы монгольских племен, правда, неточно указывая фамилию автора¹.

В списке книг была и «Вагиндара. Краткая история о том, откуда первоначально отошел монголо-бурятский народ, от какой страны, в какое время, с каким ханом существовал и другое. Сочинение Агвана Доржиева по истории бурят-монгольского народа»². Отметим и сочинения Ц. Онгодова, содержащие сведения о бурятах, способах их хозяйствования, интеграции в российское государство; об образовании инородцев³. В других сочинениях Онгодова Жамцарано интересовали данные о жизни бурят: описание игр, увеселений, свадебных обрядов, брачных отношений и семьи, обряда милангуд⁴, сведения об опеке и попечительстве, найме работников, торговле, смертности, похоронах, о состоянии медицины и пр.

Что же интересовало Жамцарано в истории России? Любопытно, что интерес к истории Боярской думы у него сочетался с интересом к истории складывания единой державы. Интерес к истории крестьянства на Руси отражен в списке литературы по аграрному вопросу (проблемы землепользования, права на землю, покупки и аренды земли) из 29 наименований. Что же, вполне целеустремленное направление

1 Жалецаранов Ц. Материалы к изучению устной литературы монгольских племен. ЗВО. 1906. Т. 17. Вып. 2-3.

2 Вагиндара – санскритский эквивалент имени Агван Доржиев. Он просветитель, дипломат, политический деятель, автор и переводчик буддистских трактатов. См.: Описание личного архива Ц. Ж. Жамцарано. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 67.

3 Онгодов Убаши-Цыбик (1831-1910), учитель, просветитель, переводчик. Обучался в Нерчинском уездном уч-ще, первый бурят в рус. учеб. заведении. По окончании сдавал экзамены по монг. (бур.) яз. Направлен на работу в Агинское уч-ще, по его инициативе введены новые курсы: «Рус.- монг. разговоры», «Нравоучительные беседы», «Работа с именованными числами», «Работа на канцелярских счетах», «Уроки чистописания». С 1852 ст. учитель, преподаватель монг. яз. Перевел на бур. яз. «Родное слово» К. Д. Ушинского. Автор публикаций «Рассказ об Агинских бурятах», «К современному вопросу: Обзор и характеристика нар. жизни, экон. быта и нар. нужды по Заб. кр.», «Словарь рус.- монг.», «Тибет. алфавит», «Тибет.- монг. глоссы», «Упражнения в рус. разговоре с монг. переводчиком», статей о религии бурят, записал тексты 23 нар. песен агинских бурят. В 1861 разработал и представил губернатору Заб. обл. Е. М. Жуковскому проект реформирования Агинского уч-ща. В 1865-69 работал в Читинском мужском пансионе переводчиком и воспитателем бур. мальчиков. Позднее – 2-м учителем в Читинском Михайловском приходском уч-ще. В 1872-77 переводчик монг. яз. в Семипалатинском обл. правлении. Вернувшись в Агу, занимался переводами рус. и тибет. лит-ры. Внештатный корреспондент Томского статистического управления.

4 Праздник первого дня рождения.

поиска ответов молодого бурятского интеллектуала на исторический генезис российской природы власти и причины ее краха.

Вклад в основание калмыцкой историографии внесли представители калмыцкой элиты Н. Б. Бадмаев и Н. Э. Уланов¹. Еще активнее интересовались прошлым выпускники Санкт-Петербургского университета: юридического факультета Бадма Уланов², Санджи Баянов, Дорджи Манджиев и Ноха Очиров³ с востоковедческого факультета. Эрэнджэн Хара-Даван, вольный слушатель Военно-медицинской академии, после встречи с финским исследователем Г. Рамстедтом, в сотрудничестве с монголоведом А. Д. Рудневым собирал калмыцкий фольклор. «Летом 1911 года, желая продолжать записи по калмыцкой народной словесности, на этот раз среди торгутов, я решил отправиться в Багацохуровский улус» – так начинает Н. Очиров отчет о поездке в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков, опубликованный в 1913 г. во втором номере «Известий Русского комитета». Н. Очиров также прибыл в Хошутровский улус, богатый письменной литературой. Князя Тюмени, как и дербетские князя Тундутовы, прилагали немалые усилия для просвещения и развития словесности, художественной иконописи. «Я видел, – пишет Н. Очиров, – у одного калмыка сохранившуюся с того времени четко и красиво написанную азбуку». Н. Очиров свидетельствует, что у хошутов⁴ были две большие библиотеки – богатые коллекции тибетских, монгольских и калмыцких рукописей (книг), среди которых встречались исторические сочинения. Всего Н. Очиров приобрел около 70 экз. рукописей. Он установил,

1 Бадмаев Н. Домашне-религиозный быт приволжских калмыков. Астрахань, 1899; Уланов Н. Э. Буддийское ламайское духовенство донских калмыков, его современное положение. СПб., 1902.

2 После Октябрьского переворота Б. Уланов – сначала в армии атамана П. Н. Краснова. В 1918 г. избирается членом Всевеликого войска Донского. В 1920 г. служит высоким чиновником-офицером при Генштабе армии барона Врангеля, а после ее поражения – эмигрант. В конце 1921 г. Б. Уланов переезжает в Прагу, где возглавляет Комиссию культурных работников, целью которой было сохранение национальной культуры, языка и фольклора калмыков, волею судьбы оказавшихся за рубежом, а также редактирует калмыцкий журнал «Улан Залат». Именно тогда Б. Уланов обращается к Свену Гедину с просьбой о содействии в издании учебника калмыцкого языка для детей калмыцких эмигрантов.

3 Оригинал записей образцов калмыцкого фольклора в двух частях, к счастью, сохранился и сейчас находится в архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. http://www.bumbinorn.ru/folclor/1138953072-vydajushhijjsja_prosvetitel_kalmyckogo_naroda.html

4 Этногруппа ойратов.

что богатое собрание рукописей безвозвратно погибло: многие предметы культа зарыты в землю или оставлены в субурганах, где они гибнут от весеннего разлива Волги и других причин. Ценнейший материал, содержащий 39 сказок и рассказов, 115 пословиц и поговорок, 144 загадки и 81 песню, все еще не введен в научный оборот. Н. Очиров был прекрасным знатоком и вдумчивым собирателем калмыцкого фольклора. Ему же принадлежит первое исследование экономической истории Калмыцкой степи. В 1915 г. в Петрограде опубликована его книга «Астраханские калмыки и их современное экономическое состояние. Описание Калмыцкой степи». В 1915 г. Чонов инициировал издание учебников для калмыцких школ при Петроградском университете. В 1917 г. он издал работу о специфике земских учреждений Внутренней Киргизской Орды и Калмыцкой Степи¹. Еще активнее были бурятские студенты. Во время учебы и калмыцким, и бурятским студентам покровительствовали либеральные профессора-востоковеды – С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербачкой, Б. Я. Владимирцов².

Отдавая дань мифологизации культурно-исторического прошлого финно-угров, особенно в восточных регионах, уже с конца XIX века творчество представителей этих народов включалось в научную жизнь, вначале на уровне собирания источников, а затем и научных обобщений. Это проявилось в разработке сюжетов о «золотом веке» древних финно-угров, о «Великой Биармии», отождествлении летописной «мери» с мари (черемисами) и т.д. Большое место заняла проблема прародины – как в целом языковой семьи, так и отдельных

1 Чонов Е. Ч. Земство во Внутренней Киргизской Орде и Калмыцкой Степи, Астраханской губ. и у инородцев Ставропольской губ. Пг.: Гл. упр. по делам местного хозяйства МВД, 1917.

2 Решетов А. М. Наука и политика в судьбе Ц. Ж. Жамцарано / Orient. 1998. № 2-3; он же. О переписке Ц. Ж. Жамцарано с С. Ф. Ольденбургом и Б. Я. Владимирцовым / Orient. 1998. № 2-3; Жамцарано Ц. О правосознании бурят (К предстоящим общим реформам) // Сибирские вопросы. Периодический сборник. СПб. 1906. № 2. С. 170; он же. Учитель-бурят. В интересах истины (Письмо в редакцию) // Сибирские вопросы. СПб. 1912. № 12. С. 29-31. В 1912 г. он принял участие под руководством В. Л. Котвича в археологической экспедиции в долину реки Орхон в Хара-Балгасун, предпринятой при содействии Русского комитета и Санкт-Петербургского университета для продолжения начатых прежними исследователями раскопок. Через В. Л. Котвича Ц. Жамцарано поддерживал тесную постоянную связь с петербургской наукой, Котвич следил за публикацией отчетов Жамцарано и посылал ему отписки после их публикации в «Известиях Русского Комитета», а в Азиатский музей через него же шли от Ц. Жамцарано монгольские книги и рукописи, которые высоко оценивались специалистами, о чем свидетельствует благодарность акад. С. Ф. Ольденбурга от имени музея.

этносов. В начале XX вв. национально-демократические деятели финно-угорских народов России направляли свои усилия на пробуждение национального достоинства и самосознания сородичей. Большое место отводилось собиранию и публикации сведений об историческом прошлом. В этот период марийцы В. Васильев и П. Глезденев, удмурты И. Михеев и Г. Верещагин, коми Г. Лыткин, мордвин М. Евсевьев стали провозвестниками этнического возрождения. Их обращенность к исторической мифологии продиктована не просто интересом к прошлому, а нацеленностью в будущее. Из народной памяти извлекались исторические мифы, песни, предания, легенды, особенно о родоплеменных богатырях, боровшихся за свободу соплеменников, за свободу своей родной земли, против завоевателей¹. Марийский просветитель В.М. Васильев отмечал, что в его публикациях в «Марла календарях» проявилось «осознание народом мари в себе прежде всего человека, человеческого достоинства, былого могущества, оставившего следы в исторической жизни»².

Финские и венгерские ученые выезжали в экспедиции к своим восточным родственникам. К 1917 г. усилилась пропаганда финно-угорского родства. Активизировалось созданное в 1883 г. Финно-угорское общество в Гельсингфорсе, ставшее крупным научным центром, заместителем председателя общества был языковед и фольклорист Ю. Й. Вихман³. Местные интеллигенты заинтересованно изучали

1 Лыткин Г. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб, 1889; Евсевьев М. Е. Мордовская свадьба // Живая старина. 1892; Верещагин Г. О книгах на вотском языке. Вятка, 1895 и др.

2 Васильев В. Материалы по поэтике на марийском языке. Казань, 1930. С. 97.

3 В 1928 г. Ю. Й. Вихман подготовил для Финно-угорского общества обстоятельный доклад, позднее опубликованный в виде статьи под названием «Влияние мировой войны на финно-угорские народы и их научное изучение». В этой работе он проанализировал демографическую ситуацию у указанных этносов, сложившуюся в первой четверти XX в., отметив появление на политической карте мира трех независимых финно-угорских государств – Финляндии, Эстонии и Венгрии, правительства которых оказывают значительную поддержку финно-угорским исследованиям в своих странах. Несмотря на то, что Первая мировая война на время приостановила поступательное развитие науки, ибо не было возможности проводить полевые исследования, были найдены новые формы изучения культуры этих этнических групп. Так, велась работа в лагерях для военнопленных, как это делали Д. Фокош-Фукс и Р. Лах. В результате революции 1917 г. ряд финно-угорских народов получил автономию, во многом номинальную. Как самый положительный факт Ю. Й. Вихман отмечает подъем национального самосознания, появление интереса к изучению своей культуры (Терюков А. И. История этнографического изучения народов коми. СПб., 2011. С. 411–415).

историю, этнографию, культуру своих народов, краеведческие аспекты. Первый марийский историк Ф. Егоров признавал, что к этим занятиям его подтолкнуло общение с финским этнологом и религиоведом Уно Холмбергом и помощь ему во время экспедиционной работы среди марийцев по сбору сведений об их верованиях¹. Значительное воздействие на пробуждение интереса у зарождавшейся восточно-финской интеллигенции к историко-языковым проблемам родных народов оказала книга преподавателя финских наречий в Казанском университете эстонца М. П. Веске². Большое внимание уделялось проблеме праязыка. Ею активно занимался Э. Н. Сетяля из партии младофиннов, с 7 по 15 ноября 1917 г. – председатель Финского сената, фактически первый глава независимой Финляндии³. К масштабности обобщений подталкивала общественная обстановка. Уязвленное самолюбие финнов, развивавших собственные государственные институты сначала в рамках шведской, а затем российской государственности, искало национальную идею для политического ренессанса. Богатным полем для возвращения такой идеи была история угро-финских народов, включавшая в себя почти весь Евразийский континент и продолжительный хронологический промежуток. Резолюцией I съезда мелких народностей Поволжья в 1917 г. Бирск Уфимской губернии провозглашен географическим центром народа мари.

Языком науки контекст проблемы «свое – «чужое» осуществлял переход от интуитивного образа к еще далеко не выверенным логически категориям науки, требуя сопряжения с проблемой переводной литературы и спецификой перевода научных исследований.

В 1917 г. более значимым оказалось то, что лидеры национальных комитетов отличались общественным темпераментом, даже мессианской трактовкой собственной политической роли и *панорамным* взглядом на ход исторических событий. Активно обсуждались национальные травмы и имперские триумфы, судьба имперского ареопага, имперские грезы и политическая прагматика. А. – З. Валидов

1 Терюков А. И. История этнографического изучения... С. 411–415.

2 Веске М. П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Казань, 1892.

3 Сануков К. Финно-угорские народы России до 1917 года: проблемы историографии. Доклад на международном конгрессе Historia Fenno-Ugrica II, Tallinn, 1998 (октябрь 1998 года); Slezkine Yuri. Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North. Cornell University Press. Ithaca and London, 1994.

в конце 1915 г. писал известным востоковедам Н. Ф. Катанову, В. В. Бартольду и В. А. Богородицкому: «Мусульмане Уфимской губернии поручили мне *политическую работу*... будет большой поддержкой, если вы будете видеть во мне *человека науки*». У «националов» к 1917 г. накопилось немалое количество аналитических (исторических, филологических, философских) работ о перспективах развития своих культур. В силу имперских реалий оценка проблем бывала и обостренно субъективистской (поскольку писали о себе, то не научно-аналитически, а ностальгически-умиленно), но внимание фокусировалось на тех концептах, которые предложит новая власть. Публицисты, используя ностальгически-умиленный пафос работ, еще более обостряли оценки. Непосредственность «профессионалов» из национальных комитетов, теснивших «назначенных» комиссаров Временного правительства, энергия и искренность, с которыми они отстаивали требования, продиктованные их специфическими интересами, резкая критика, с которой они выступали против кадетско-профессорской правовой компетентности в реальном положении дела, их напористость и решительность встречали на местах большее понимание и сочувствие.

Но в востоковедении, например, сохранялось оперирование одними и теми же оппозициями дискурса, остались и прежние иерархические пары. В них «русский социум», «русская культура», «православное христианство» были позитивным членом. Он господствовал не только над негативным «нехристианским Востоком», «Азией», «мусульманским миром», «исламом». В риторике Временного правительства (Львов, Милюков и др.) «русская революция» как иерархическая пара выступала как положительный член (довольно быстро она названа и «великой»). Оставался и механизм его давления. «Взаимодействие» («русской» и «великой» революций) понуждало к взаимной отнесенности смысловых элементов и их взаимно обосновывающей значимости. Это, с одной стороны, укрепляло идейный каркас востоковедения, структурированную и централизованную научную парадигму, оберегало от центробежных и сепаратистских импульсов.

В. Шнирельман выделил важные компоненты этнической идентичности, которые входили в сферу внимания «местных деятелей». Для определения политического статуса этноса на данной территории эти компоненты ими увязывались с 1) автохтонностью, 2) культурной преемственностью, 3) военной славой древних предков, 4) участием в создании древних государств, 5) культур-трегерской или цивилизаторской

миссией древних предков, б) биологической преемственностью¹. И хотя эти компоненты В. Шнирельман применил к современному Закавказью, их можно также применить и к общероссийской совокупности этносов, обладавших более или менее развитой письменной историей или хотя бы эпосами.

Обозначилась и более общая проблема – отношение науки к политике и власти как отдельный политический, социальный и интеллектуальный сюжет, включавший общественную мораль. В некотором смысле это почти *метафизическая проблема соотношения научной истины и политической позиции*. Публикации содержали не слишком широкие политические притязания и практическую направленность. В лучшем случае в них отражался набор правил политического поведения и максим, помогающих сделать благоразумный политический выбор. *В академической науке как институте одновременно и познания, и особого рода социальной солидарности появились любопытные aberrации, которые были по-своему понятны, однако в них нельзя не усмотреть их скорого поражения: и как науки, и как общественного института*. В целом отношение к использованию научных текстов тюркско-исламскими, буддийскими, иудаистскими элитами не вызвало в 1917 г. такой нервной реакции у профессионального сообщества, какая проявилась относительно элит славянских этносов (украинских, польских, меньше белорусских).

3.8. Корпоративизм профессионалов

В 1880-е годы историк-либерал Н. И. Кареев в своих работах «Мечта и правда о русской науке» и «Лекция о духе русской науки» утверждал, что русская наука способна отличаться «наибольшей трезвостью мысли и наибольшею широтою взгляда»². Это позволяло, по его мнению, ей быть беспристрастной в решении чужих и своих собственных проблем. Действительно, особенности складывания российского государства, его многонациональный характер делали русскую науку маловос-

1 Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. С. 514; Салахов И. Ж. Модернистские тенденции в татарском обществе в XIX – начале XX вв.: историко-политический анализ. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2007.

2 Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 169; он же. Мечта и правда о русской науке (По случайному поводу, но не по случайной причине) // Русская мысль. М., 1884. Год пятый, кн. XII. С. 100–135; он же. Лекция о духе русской науки / Русская идея. Сб. М., 1992. С. 4.

приимчивой к националистическому взгляду. Кареев сам, по крайней мере, считал позднее польский историк М. Серейский, «старался встать над тенденцией дружественной и недружественной Польши во имя исторической правды»¹.

Исходя из позитивистской установки, что историческая истина может быть только одна для всех национальностей², Кареев призвал вообще устранить влияние национальности на исследователя. Как будто, иронизирует в наши дни А. Н. Нечухрин, это сделать столь же просто, как снять пиджак³. Но в мартовские дни 1917 г. Кареев наблюдал «наивный энтузиазм, легкомысленную веру в то, что мы – исключение из общего правила». Он заметил в «Биржевых ведомостях» настоящий «акафист русскому народу», написанный в угоду тем, кто в упоении победой пребывал в уверенности, что «дело сделано и мы из царства “самодержавия, православия и народности”, понимаемой в черносотенном смысле, перескочили без всяких затруднений в царство “свободы, равенства и братства”»⁴.

Для деятеля науки этого периода частью процесса субъективизации (личностного отношения) было выяснение экзистенциального вопроса о своем месте в этом мире через отношение к своей науке, через личный опыт социального и научного позиционирования. Объективное содержание науки и ее восприятие выступали в нерасчлененном виде, несмотря на субъективно-рефлексивные попытки осмыслить текущую ситуацию, ее природу, цели, социальные роли, социокультурный контекст ее развития, ценностно-этические нормы. И, разумеется, размышления (часто горестные) о различных поведенческих стратегиях, лично опосредованных.

Тем не менее, несмотря на сложности военного времени, для Академии наук новый 1917 год начался традиционно. Как всегда, на Рождество объявлены высочайшие награды по ведомству Министерства народного просвещения, в число учреждений которого входила Императорская академия наук. «За отличие» из статских советников в действительные статские переведены историки и востоковеды академик

1 *Serejski M. H.* Europa a rozbiory Polski: Studium historiograficzne. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970. S. 383–384.

2 *Кареев Н. И.* Теория исторического знания. СПб., 1913. С. 243; он же. Основные вопросы философии истории. Т. 1. М., 1883. С. 353–354.

3 *Нечухрин А. Н.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно: ГрГУ, 2003. С. 63.

4 *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. С. 290.

П. Г. Виноградов, Ф. И. Щербацкой. Многие отмечены переводом на следующую ступень российской Табели о рангах. Орденами Святого равноапостольного князя Владимира III степени награждены академики С. Ф. Ольденбург, М. А. Дьяконов, В. М. Истрин, Н. А. Котляревский, Н. Я. Марр. Этому же ордена IV степени удостоен академик В. Н. Перетц¹. Хотя Академия наук была одним из наиболее привилегированных учреждений Российской империи, ее члены без сожаления восприняли крах монархии, приветствовали происходившие в стране перемены. Вся когорта гуманитариев никогда не замыкалась на сугубо личных мотивах, ими двигали благородные общественные цели.

Академия сохраняла ведомственную подчиненность Министерству народного просвещения. Министру в первом составе Временного правительства, члену ЦК кадетской партии профессору А. А. Мануйлову 3 марта от имени Академии наук направлено обращение: «Великие события последних дней явно показали, что Россия объединяется в могучий и свободный народ, способный отстаивать свою культуру и оберегать ее от внутренней разрухи и от внешнего врага: Россия под верховным руководством Государственной думы вступила на истинный путь победы – *объединения русского народа*, его армии и правительства. В первом своем Общем собрании после совершившихся событий Академия наук единогласно постановила предоставить Правительству, пользующемуся доверием народа, те знания и средства, которыми оно может служить России». Заявление подписали Врио Вице-президента ординарный академик Александр Карпинский и непреходящий секретарь ординарный академик Сергей Ольденбург². Большинство профессуры историко-филологического факультета Казанского университета отнеслись к событиям февраля 1917 г. сдержанней. Официальная телеграмма с выражением «полного доверия» Временному правительству направлена Советом Казанского университета лишь 22 апреля 1917 г.

Из протокола же заседания экстраординарного Общего собрания РАН от 18 ноября 1917 г. явствует, что общей оценки событиям 25 октября академикам сформулировать не удалось. РАН создала комиссию для выработки проекта специального обращения в составе академиков А. А. Шахматова, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Ольденбурга, М. А. Дьяконова, Н. С. Курнакова и М. И. Ростовцева. 21 ноября 1917 г.

1 Журнал Министерства народного просвещения. 1917. Февраль. С. 50, 99; Есаков В. Д. От Императорской к Российской академии наук в 1917 году // Отечественная история. 1994. № 6. С. 120–123.

2 Там же; Известия Академии наук. 1917. № 11. С. 739.

Общее собрание Академии приняло текст, подготовленный этой кадетской по своему составу комиссией. В нем говорилось: «Великое несчастье постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства»¹. «Публика кинулась в гардероб, но шуб уже не было», – уточнил философ В. В. Розанов в 1918 г. новую политическую ситуацию.

Конфликты между группировками историков (шире – гуманитариев) случались, затрагивали не только профессиональные аспекты, но и личные. Они неплохо исследованы². Но размышления ученых-историков о взаимосвязи научного исследования и своего «модуса бытия историка в мире» затронул только И. Л. Беленький³. О личной антипатии Э. Д. Гримма, историка и брата Д. Д. Грима, к стоящей на грани гибели монархии вспоминал И. В. Егоров, сотрудник Наркомпроса, тогда еще студент: «...Э. Д. Гримм, будучи немного навеселе, поднимая очередной тост, сказал: “От всей души желаю и жду того времени, когда Преображенские солдаты перейдут Эрмитажный мостик и задушат Николашку”». После этого случая И. В. Егоров многозначительно характеризовал ректора Петроградского университета, вошедшего в Государственный комитет по народному образованию, «кадетом, но кадетом с загогулиной»⁴.

Редки зафиксированные свидетельства, касающиеся оценок межэтнических проблем 1917 г. Оценка дооктябрьского российского востоковедения М. А. Батунским вносит некоторую ясность в позиции сообщества востоковедов в целом⁵. Историки начинают осваивать профессиональный корпоративизм как важное проблемное поле в изучении этнокультурного фактора и его влияния в 1917 г.

В оценке же событий, стремительно развивающихся на западных территориях бывшей империи, профессиональный корпоративизм

1 АРАН СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 146; Ф. 208. Оп. 2. Д. 47.

2 См., напр.: Михальченко С. И., Ткаченко Е. В. Дело профессора Е. Д. Сташевского // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 122–128; Спекторский Е. В. Столетие Киевского университета Св. Владимира. 1834–1934. Белград, 1935.

3 Беленький И. Л. Образ историка в русской культуре XIX–XX вв. (Предварительные соображения) // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф. М., 2000. С. 14.

4 Егоров И. В. От монархии к Октябрю. Воспоминания. Л., 1980. С. 125.

5 Батунский М. А. Православие, ислам и проблемы модернизации в России на рубеже XIX–XX веков // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 81–90; Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема. Смирнов А. В. (отв. ред.). М., 2010; Предисловие Л. Аннинского «Окно или дверь?» к: Батунский М. А. Россия и ислам. Т. 1. // <http://www.ruslit.net/preview.php?fname=>

и в самом деле стал самостоятельным политическим фактором. К нему можно отнести и взаимное восприятие представителей академических структур и «местных» профессиональных историков, оказавшихся в той же Украинской раде. Если первые имели влияние на содержание партийных программ (речь идет в первую очередь о партии кадетов), то вторые (многие или бывшие, или рвавшие с кадетами) заняли ключевые посты в структурах создающейся автономной власти и тем самым стали в оппозицию к партии кадетов уже как сообществу интеллектуалов-гуманитариев.

Реакция на эту оппозицию последовала вскоре и, конечно, была увязана не только с судьбой новой власти, но и судьбой России вообще. Для историка социальной и экономической истории Русского государства XVII в. С. Б. Веселовского уже февральские события 1917 г. явились основанием говорить о конце России. Он вспоминал свои разговоры с В. О. Ключевским и А. И. Яковлевым в 1905–1906 гг., в которых уже тогда определил существующее Российское государство как «историческое недоразумение», не имевшее перспектив развития. Февральская революция воспринималась им с иронией и сарказмом: он отказывался называть ее даже политическим переворотом, полагая, что она является выражением «революционного мессианизма», «маниловщины», распада и разложения государственно-социальной основы России. Ее инициаторы предстают у него в образе бывших «рабов», охваченных «припадком буйного помешательства». Как и Ю. В. Готье, специализировавшийся на истории Смуты, рисовавший проявления в русской революции стереотипов поведения «народа идиотов», «варваров», «дикарей» и т. п., С. Б. Веселовский глубоко разочарован национальным проявлением революционного порыва. В марте 1918 г. он мрачно констатировал полную деградацию национального чувства всех слоев народа, содействовавшего развалу страны и забывшего свою историю: «Труд и кровь десятков поколений пущены на ветер, разграблены и отданы немцам»¹. В апреле 1917 г. С. Б. Веселовский писал С. Ф. Платонову: «Как я пережил последний месяц? В общем – как все. Разница, пожалуй, та, что не поддерживала и не поддерживает вера в возрождение, в поворот к лучшему. Сознаюсь в своем пессимизме»². Отвечая на это письмо, С. Ф. Платонов признавался С. Б. Веселовскому, что разделяет его опасения: «Пессимист и я. Не пугают меня теоретические кликуши,

1 Из старых тетрадей. Ст. Б. Веселовский. Страницы из дневников 1917–1923. М.: АИРО-XX, 2004. С. 30.

2 Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками. М., 2001. С. 188.

пугает “стихия” некультурная и слепо-злая и эгоистичная. Очень она стала заметна... Ну, да что же можно делать нашему брату, кабинетному человеку, в настоящую минуту? Только ждать»¹. С горечью и злостью в мае 1917 г. Веселовский назовет нацию и государство «навозом для культуры»². Оба историка видели основную причину революций начала XX века в «столетнем растрепанности старого режима». В результате «старая, ставшая всем ненавистной, власть слетела как призрак»³. В 1919 г. С. Б. Веселовский, еще раз возвращаясь к причинам «всех гнусностей и безобразий» русской революции, на первое место поставил «невежество» народа, подчеркнув, что виновным в этом надо считать «старый строй, который умышленно держал народ во тьме»⁴.

Исполнительная вертикаль власти разрушена, властные рычаги перемещались из центра в провинции. Любопытно, что опытным исследователям государства и общества не приходит в голову увидеть в создаваемых этническими элитами национальных комитетах пусть суррогат, пусть эрзац этого *опустошительного разгрома. Нет, в них им виделась лишь угроза власти.*

Помимо оценки своеобразия новой политической ситуации профессиональным сообществом, характеристики политических явлений, которые выходили на первый план, очевиден повышенный градус напряженности применительно к собственным профессиональным и жизненным планам, а как позже станет очевидным, и к судьбе. Этнограф, фольклорист, историк проф. Е. Г. Кагаров писал специалисту по русской этнографии Д. К. Зеленину из Харькова 17 июня 1917 г.: «Вы чересчур преувеличиваете “украинскую опасность”. Я уверен, что никто не заставил бы Вас читать лекции по-украински, раз это кафедра – русского языка». 25 июля он же: «О Вашем “mirage ukrainique” я могу лишь сказать, что никого из здешних преподавателей Университета оно серьезно не беспокоит. Я не слышал, по крайней мере, никаких выражений тревоги на этот счет»⁵. В. В. Зеньковский в воспоминаниях также отметил: «Приглашение читать лекции по философии в Украинском Народном Университете меня удивило, но зная, что по моей

1 Там же. С.189.

2 Из старых тетрадей. Ст.Б. Веселовский. С. 20, 22–24.

3 Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 13; Из старых тетрадей. С. 20.

4 Веселовский С. Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 92.

5 Решетов А. М. Неизвестная страница из жизни Д. К. Зеленина (Об участии Д. К. Зеленина в конкурсе в Казанском университете) // Этнографическое обозрение. 2005. № 4.

специальности у украинцев не было никого из “своих” деятелей, я не хотел им отказывать. Было одно серьезное затруднение – то, что я не говорил по-украински, но лица (не помню кто), пригласившие меня в Украин<ский> Унив<ерситет>, любезно и либерально ответили, что они не шовинисты и русскую речь в Укр<аинском> Унив<ерситете> признают».

Однако на самом деле ситуация оказывалась гораздо сложнее именно в отношениях внутри корпорации. Накопленный заряд структурных, социальных и даже экономических противоречий начал резонировать в российских университетах с марта 1917 года. Характерный пример – содержание дневника историка, крупнейшего специалиста по биографии Петра I М. М. Богословского, демонстрировавшего растерянность перед стремительно разворачивающимися событиями¹. Судить об отношении М. К. Любавского к событиям революционного времени в определенной степени можно благодаря дневнику его коллеги Ю. В. Готье, с которым он находился в дружеских отношениях. Готье в этот период неоднократно пишет о Любавском как о наиболее «государственно мыслящем» человеке своего круга, с уважением подчеркивая его глубокий патриотизм². Историк призывает оставить перед лицом опасности политические распри и амбиции, личные «алчные аппетиты».

Тяжелые изменения в личной судьбе ученый пережил уже в феврале 1917 г., когда в Московский университет вернулись вышедшие в 1911 г. профессора. Любавский как ректор был причислен к «бывшим» и подвергся злобным нападкам. В письме к петербургскому коллеге-историку С. Ф. Платонову, с которым Любавского связывали тесные душевные отношения, ученый пишет, скрывая за иронией глубокую обиду: «Ни в какое “начальство” теперь не приходится идти, да и не возьмут как “слугу старого режима”, хотя мое отношение к старому режиму, как Вы знаете, было аналогичным отношению к Орде Александра Невского, а не Московских князей»³.

Старые конфликты в Киевском университете в феврале – октябре обострились и обрели новое наполнение. Внутриуниверситетские

1 См.: *Богословский М. М. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного исторического музея. М.: Время, 2011. С. 375–376 (запись от 25 июня 1917 года) и др.*

2 *Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 40 и др.*

3 *Мандрик М. В. На службе Клио: академики М. К. Любавский и Ю. В. Готье // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12.*

напряжения сказались намного острее, чем в столичных центрах. Профессор Новороссийского университета В. И. Модестов рисовал А. Ф. Кистяковскому Киевский университет как «атмосферу мазуриков и подлецов, выдающих себя за честнейших в мире людей и признаваемых таковыми, [она] есть принадлежность только университета Св. Владимира. Откуда взялась такая атмосфера? Отвечаю опять: такова киевская почва»¹. Конечно, масла в огонь подливала память о недавних кампаниях против заподозренных в украинофильстве или потенциальном сепаратизме, симпатиях к австрийской или польской «интриге». Не изжиты и нравы провинциального университетского сообщества². Малопочтенные связи с киевской «теньевой» городской политикой живописал в своем дневнике профессор юрист А. Кистяковский (отец известного философа-правоведа и украинофила Б. Кистяковского)³. Доцент на кафедре уголовного судоустройства Г. В. Демченко писал своему знакомому в Харьков, тоже университетскому педагогу: в Варшавском университете «жесточайший, обостреннейший национальный вопрос»⁴. Схожих киевских героев и университетскую среду, скептическими глазами радикального студента, описал в мемуарах начала 1920-х годов видный советский публицист Д. Заславский⁵. Не будет большим преувеличением связать с университетской средой Киева многие наблюдения видных авторов «Вех» – Н. Бердяева, Е. Трубецкого, С. Булгакова, Б. А. Кистяковского⁶.

Еще недавно вполне умеренные и лояльные профессора окраинных университетов, вроде Киевского или Новороссийского, уже весной – летом 1917 года обнаруживали себя на правом фланге резко пережившей общественной жизни. Они нередко злорадно наблюдали просчеты или бессилие либеральных коллег-кадетов, которым не по плечу оказывалась слишком долго ожидаемая власть. Видный историк

1 Модестов В. И. Воспоминания, письма. М., 2001.

2 Подробнее см.: Дмитриев А. Н. Украинская наука и ее имперские контексты (XIX – начало XX века) // *Ab Imperio*. 2007. № 4. С. 121–172.

3 Кістяківський О. Ф. Щоденник (1874–1885). Київ: Наукова думка, 1994–1995. Т. 1–2. См. о нем: Науменко В. Александр Федорович Кистяковский (Биографический очерк, с отрывками из рукописной автобиографии) // Киевская старина. 1895. № 1. С. 1–43.

4 Михальченко С. И., Ткаченко Е. В. Спекторский Е. В. и Варшавский университет в конце XIX – начале XX века / Научные ведомости Брянского государственного университета им. Г. И. Петровского. 2007. № 4 (8).

5 Заславский Д. О. Предрассветное // Русское прошлое. 1923. № 4. С. 69–81.

6 Колеров М. А. Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех», 1902–1909. СПб.: Алетейя, 1996. С. 65–66, 80 и след.

идейной жизни XVII века, киевский профессор Е. Спекторский даже в эмиграции вспоминал об университетской атмосфере 1917 года крайне болезненно.

Продолжим из Зеньковского: «Я дал согласие... Среди профессоров я увидел ряд своих коллег по Университету – А. М. Лободу, Граве и еще кого-то, конечно Богдана Кистяковского, блестящего философа права... Коллеги наши по русскому Университету (который был известен своим консерватизмом) *отнеслись чрезвычайно остро и враждебно к тому, что часть его профессорской коллегии пошла в Украинский Университет. Можно сказать, что вся левая группа профессорской коллегии (насчитывавшая около 12 чел<овек>) оказалась в Украинском Унив., – и старые наши острые отношения с консервативной группой (боевым лидером которой был в это время проф. Алекс. Дм. Билимович¹) осложнились очень остро национальным мотивом... В политическом мышлении все искали свой национальный путь, больше думая о национальном своеобразии, чем о прочности и серьезности “державы”*². В этот мир порой и вмешиваться нельзя, критиковать его, подвергать сомнению становилось опасно.

Историк Д. М. Петрушевский вообще назвал университет «помойной ямой» в письме медиевисту В. Н. Пискорскому³. Оба – кадеты, между прочим. Вспоминая своих преподавателей и учебу на историко-филологическом факультете, известная писательница Нина Берберова в автобиографическом очерке так описывает учителей: «Большинство из них перешло из Варшавского университета, люди тусклые и старомодные»⁴.

1 Зять видного российского политика В. В. Шульгина Билимович симпатизировал консервативным силам, в 1919 г. в Особом совещании Деникина возглавлял управление земледелия и землеустройства, работал в Комиссии по национальным делам. В это время он написал программную работу «Деление южной России на области», где предлагал взять за основу административного деления южных областей бывшей Российской империи принцип их экономических связей и социальных отношений и лишь в меньшей мере – принцип этнографии. В 1920 г. Билимович эмигрировал в Югославию, где был профессором политэкономии в Люблянском университете. В 1944 г. переехал в Мюнхен, работал в университете UNRRA для русских эмигрантов. С 1948 г. в США, приглашен для преподавания в Калифорнийский университет в Беркли.

2 *Зеньковский В.* Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.). Воспоминания. М., 1995. С. 31–34.

3 Цит. по: *Иванов Ю. Ф.* К истории докторской диссертации Д. М. Петрушевского / История и историки. М., 1990. С. 302.

4 *Берберова Н.* Курсив мой. М., 1995. С. 115.

Как и всякая имперская, русская научная элита всегда была этнически открытой. Однако Февраль внес серьезные коррективы в отношения. Политические проекты, базирующиеся на национальных концепциях, в университетской среде появлялись как грибы после дождя. Р. Дмовский не считал созданную им идеологию политической доктриной и термин «национализм» заменял словосочетанием «польская национальная идея»¹. Разработанная им концепция базировалась на польских исторических традициях и на принципах «социального дарвинизма». Упадок и раздел Речи Посполитой (1569–1795), эта страница польской истории рассматривалась им как воплощение естественного закона борьбы за существование. Р. Дмовский полагал, что «в отношениях между нациями нет справедливости и несправедливости, а есть лишь сила и слабость»². Отстаивая нацию как культурно-языковую категорию, он считал, что поляки имеют полное историческое право на все земли Речи Посполитой. Главная миссия заключается в колонизации местного населения «восточных кресов» исторической Речи Посполитой, т.е. украинских, белорусских и литовских территорий. Эти земли, утверждал он, были «историческим полем нашей национальной экспансии, где польская культура на протяжении нескольких веков достигла больших достижений...». Украинцы и белорусы, заселяющие эти земли, рассматривались как «плохая разновидность поляков»³. Относительно границ Дмовский полагал, что «будущее польское государство имеет право выйти за пределы польских этнографических границ в мере, необходимой для соответствия ценностям исторической Польши и... реализации потенциала великого народа»⁴. Тем не менее, он считал идею восстановления границ Речи Посполитой 1772 г. небезопасной иллюзией. К 1917 г. Дмовский ограничил восточную границу будущей Польши линией второго раздела Речи Посполитой в 1793 г.

1 *Зелинский М. В.* Роман Дмовский как идеолог и теоретик польского национализма // Молодий вчений. 2014. № 1 (3). С. 34–38; *Micewski A. Roman Dmowski / Andrzej Micewski.* Warszawa: Verbum, 1971.

2 *Зелинский М. В.* Роман Дмовский как идеолог и теоретик... С. 34–38.

3 *O Romanie Dmowskim. Wybrane wspomnienia z prasy obozu narodowego z 1939 roku / Michał Andrzejczak, Karol Dziuda.* Krzeszowice: Dom wydawniczy «Ostoja», 2011. S. 103; *Зелинский М. В.* Роман Дмовский как идеолог и теоретик... С. 34–38; *Dmowski R. Myśli nowoczesnego Polaka / Roman Dmowski.* Lwów, 1907. S. 144–145.

4 *Dmowski R. Polityka polska i odbudowanie państwa.* Warszawa, 1926. S. 17; см. также: «Россия и Польша: память империй / империи памяти». Научная программа III Международного конгресса «Россия и Польша: память империй / империи памяти». Санкт-Петербург. 26–28 апреля 2012 года.

Она получила название «линии Дмовского». Почетный доктор Кембриджского университета с 1916 г. Р. Дмовский политику Германии, России и Австрии рассматривал, исходя из общих интересов славянского движения¹.

Известна записка профессора Львовского университета экономиста Ст. Грабского² галицкому генерал-губернатору Г.А. Бобринскому с описанием политической борьбы среди поляков в Галиции в 1911–1914 гг. Историк В. Липинский сформулировал теорию «класократии». Идеалом государства для него являлось национальное государство³. В. Липинский считал своим учителем В. Антоновича. Ему и украинским этнографам и писателям П. Свенцицкому и Т. Рыльскому⁴ Липинский посвятил изданный им в 1912 г. сборник научных трудов и документов «Из истории Украины». В трактовке национального государства он отмечал: без государства нет нации, именно государство в нациетворении играет основную роль. Народ же – это «этнографическая масса», которую нужно организовывать с помощью государства. Такие исследования петроградские и московские историки встречали с опаской, если не с раздражением.

1 *Дмовский Р.* Германия, Россия и польский вопрос. Пер. с польск. СПб., 1909. См.: Милякова Л. Б. Польша на пути к моноэтническому государству. 1918–1947 гг. М., 1995.

2 В 1923 и 1925–1926 гг. – министр образования и религии в Польше. Проводил политику полонизации национальных меньшинств. Записка опубликована в сб.: Русско-польские отношения в период мировой войны. Центрархив. 1926.

3 Липинский Вячеслав Казимирович (1882–1931) – украинский историк. Один из идеологов «Гетманского движения». Окончил Ягеллонский университет в Кракове. В 1917–1921 гг. посол Украины в Австро-Венгрии. После 1921 г. в эмиграции в Чехословакии и Австрии, один из основателей Украинского университета в Праге. Отстаивал идеи патриархальной монархии и согласия разных общественных классов ради национального единства. Правый, умеренный консерватор. При жизни для большинства украинских политиков и политических мыслителей был «изгоем», который сознательно бунтовал против «большинства», выставляя его в самом неприглядном свете. В этом плане показателем основной политологический труд В. Липинского «Листи до братів-хліборобів», а также публицистическое произведение «Хам и Яфет». Основные труды: «Шляхта на Украине» (1909), «Из истории Украины» (1912), «Украина на переломе (1657–1659)» (1920), «Религия и Церковь в истории Украины» (1925), «Письма к братьям-хлеборобам» (1925). См.: Українська державність у ХХ столітті (Історико-політологічний аналіз). Київ: Політична думка, 1996. Гл. 3. «Класократична» версія.

4 И. Франко считал Рыльского «высоко идеальным мужем и честным характером ... что целой своей жизнью доказал серьезность своей любви к родной Украине и ее народу». См.: *Франко И.* Собр. соч. в 50 т. 1986. Т. 15. С. 290.

«Отца» большинства историков украинофильской партии В. Б. Антоновича украинский этнограф и антрополог Н. М. Могиланский характеризовал: «двуликим Янусом, с кафедры университета проповедовавш[им] одно... у себя дома, в кружке избранной молодежи... другое: ненависть к России»¹.

Однако учениками В. Б. Антоновича считали себя М. В. Довнар-Запольский, славист И. А. Линниченко, разные по политической ориентации Д. Багалеи и М. Грушевский. Идеи Антоновича легли в основу построений профессора Львовского университета М. С. Грушевского. Он обратился к исторической памяти как к способу этнического конструирования сообщества и стоящих перед ним проблем. Грушевский писал историю о том, откуда взялись украинцы и как оказались там, где живут. Его нарратив памяти строился на метафорах холистических², основывался на их органике. Он и его сторонники пробовали себя в роли «будителей» народа. В «холистической» парадигме история понималась как судьба. В. Е. Данилевич, занявший кафедру русской истории после П. В. Голубовского, в 1917 г. поддержал революционные события, выступая по южным городам России с публичными лекциями в марксистском и украинофильском духе.

Избегавший вмешиваться в полемику «сознательных украинцев» и «общерусов» до Февральской революции И. А. Линниченко исходил из концепции единства российской и украинской истории (как «русской») и культуры³. Украинский («малорусский») язык он не отрицал, но рассматривал его как областной язык в едином государстве, подобный провансальскому языку во Франции. Кроме того, Линниченко был убежден в германском происхождении украинского национального движения. Весной 1917 г. он написал полемическую работу под названием «Малорусский вопрос и автономия Малороссии. Открытое письмо к профессору Грушевскому». Во введении Линниченко отмечал «Я

1 Могиланский Н. М. Трагедия Украины (Из пережитого в Киеве в 1918 г.) / Революция на Украине. По мемуарам белых / Сост. С. А. Алексеев. Под ред. Н. Н. Попова. М. – Л.: Госиздат, 1930. С. 118. Могиланский Н. М. (1871–1933), товарищ государственного секретаря в правительстве Скоропадского.

2 От греч. слова «холон» – цельность или целостность.

3 Линниченко И. А., профессор Новороссийского университета, в 1912 г. избран членом-корреспондентом Академии наук. М. Богословский писал 20 декабря 1915 г.: «Прочел пошлейшую брошюру, присланную мне Линниченко о Перетяковиче. Нет Гоголя, чтобы изобразить эту провинциальную профессорскую тину». См.: Богословский М. М. Дневники. См. также: Ясь О. В. Линниченко І. А. // Енциклопедія історії України. У 10 т.

пишу sine studio, надеясь на такой же ответ не согласных со мной». Этот критический разбор основных положений концепции истории Украины, выдвинутых Михаилом Грушевским, попутно затрагивал связанные с ней идейные установки «украинской партии»¹. В работе критиковалась теория М. Грушевского об изначально различных исторических путях Украины и Великодержавии и изучении истории Украины отдельно от истории государств, в состав которых она входила. «Для г. Грушевского, как [и] для наших старых славянофилов, государство само по себе, народ – сам по себе – старая наивная точка зрения, по которой правительство смешивалось с государством». В отношении лозунга автономии Украины Линниченко оговаривался, что он не против автономии как таковой, но считает поспешное провозглашение ее в сложный исторический момент, переживаемый Российским государством, нецелесообразным и вредным для всех его частей, включая Украину. Грушевский не ответил оппоненту.

З. Когут считал, что «Грушевский заменил парадигму, в которой украинцы не играли практически никакой роли в истории – даже на своей собственной территории, – на парадигму, в которой у них было древнее прошлое»². Дав народу свою историю, отличавшую его от других народов – прежде всего русского, – Грушевский положил начало процессу трансформации неисторической этнографической массы в историческую украинскую нацию. Но это – поздние оценки. Его современник В. Зеньковский отнес Грушевского в разряд «"растрепанных" ученых, променявших науку на мелкую политику»³. Но в декабре 1934 г. академик В. И. Вернадский так отозвался на его смерть в своем дневнике: «Я считал и считаю, что Грушевский сделал огромное дело для возрождения украинского народа... Великая фигура, что бы ни говорили, оставившая глубокий след в национальном самосознании Украины»⁴.

Оценивая Грушевского как ученика В. Б. Антоновича, П. Милюков писал, что, уступая учителю в таланте, тонкости критического анализа, широте и глубине знаний источников, он, тем не менее, дал ряд

1 Линниченко И. А. Малорусский вопрос и автономия Малороссии. Открытое письмо к профессору Грушевскому. 1917.

2 Торбаков И. Историческая наука как инструмент формирования новых государств // Независимая газета. 1996. 20 октября; Когут З. Російський централізм і українська автономія. Київ, 1996.

3 Зеньковский В. Пять месяцев у власти. С. 152.

4 Додонов Р. А. У истоков Украинской академии наук: В. И. Вернадский и М. С. Грушевский // Ноосфера і цивілізація. Донецьк, 2009. Вип. 7. С. 15–27.

ценных монографий по истории русских княжеств Днепровского бассейна и о неславянском населении южных степей¹.

Правда, Милюков с подозрением относился к тем историкам, кто разделял идеи федеративной теории Н. И. Костомарова (невзирая на его романтизм, преодоленный близким ему Антоновичем²), его идею создания панславянской федерации либеральных государств, в состав которой должны были войти Богемия, Болгария, Польша, Россия, Сербия и Украина. Но книга М. С. Грушевского «Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия», хотя и носила характер сводной работы, удостоилась его комплиментов³. Тема исследования, признавал Милюков, заставляла автора выходить «из тесных рамок местной истории» и обращаться к вопросам истории общерусской. На первом плане у Грушевского было не столько исследование, сколько рассказ, который составлял «наиболее сильную сторону авторского изложения». Упущением исследования была «недостаточная разработка фактов» и, как результат, «недостаточная оригинальность и обоснованность собственных мнений автора». Другая книга – «История Украины-Руси» явилась полной перестройкой истории Древней Руси «на основах современных политических стремлений украинцев», сделалась «их настольной книгой». Построения Грушевского, по мнению Милюкова, служили цели «национального самовозвеличивания» украинцев. Сохранилась и личная переписка двух историков, обменивавшихся оценками исторических и текущих политических проблем⁴. В эмиграции Милюков определил политическую подоплеку построений представителей киевской школы⁵, ввел термин «школа Грушевского», подробно не останавливаясь на содержании понятия⁶.

1 ГАРФ. Ф. Р-579. Оп. 1. Д. 3530. Л. 14; [Милюков, П.Н.]. Русская история / П. Н. Милюков // Книга о книгах: Толковый указатель для выбора книг по важнейшим отраслям знаний. Сост. многими специалистами; Под ред. И. И. Янжула при ближайшем участии П. Н. Милюкова, П. В. Преображенского и Л. З. Мороховца. Изд. на средства Д. И. Тихомирова. М., 1892. Ч. 1. С. 61–71.

2 Бондаренко Н. С. Славянский этногенез и становление украинского народа (историографический анализ). Киев: Феникс, 2007.

3 См.: *Трибунский П. П.* Н. Милюков о киевской школе // *Семья Міжнародная Доўнараўскай чытанні, 1–2 кастрычніка 2010 г.: [матэрыялы] / рэдкал. В. М. Лебедзева [і інш.]. Гомель: ГДУ ім. Ф. Скарыны, 2010.*

4 См.: ГА РФ. Ф. Р-579. Оп. 1. Д. 1853, 1879.

5 *Милюков П. Н.* Историческая арматура украинизма // *Последние новости (Париж). 1939. 19 февраля.*

6 ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Д. 71. Л. 17, 63.

В Харьковском университете, по мнению Милюкова, сформировалось направление в изучении истории, подобное киевскому. Пропагандистом киевского течения в нем Милюков считал ученика В. Б. Антоновича Д. И. Багалая. Милюков симпатизировал выбору Багалеем местной истории в качестве предмета для изучения: «Без этих исследований немыслимо построение социальной истории России». И хотя книга Багалая «Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства» построена на разработке ценных архивных материалов, Милюков протестовал против искусственного противопоставления московской колонизации как государственной по характеру народной малороссийской. Общие выводы Багалая Милюков счел не вполне осторожными. Заметим, что в ответной статье Багалей, ректор Харьковского университета (1906–1910 гг.), член Государственного совета (1906; 1910–1914), действительный статский советник, обвинил в свою очередь рецензента в излишне широких обобщениях, сделанных на основании немногочисленных фактов¹. Февральская революция стала началом разграничений Багалая с российским общественно-политическим движением. Он неожиданно для многих расстался с кадетами и принял решение баллотироваться в Харьковскую городскую думу по спискам Украинского демократического блока.

Здесь важно обратить внимание на то, что Грушевского незадолго до февраля академическое сообщество, преимущественно кадетское, искренне спасало от грозившей ему ссылки в Сибирь. 5 апреля 1915 г. Грушевский писал великому князю К. К. Романову: «Не зная за собой никакой вины, не подвергавшись никогда преследованиям со стороны русских властей, я и в мыслях не допускал, чтобы в нынешнюю годину получили значение инсинуации моих противников и подозрения в каких-то противогосударственных, сепаратистских стремлениях, в неосновательности которых местная администрация давно имела возможность убедиться. Деятельность моя и деятельность российских украинцев, к которым я примыкал, была на виду. Руководителем украинского сепаратизма я не мог быть уже по той простой причине, что такой партии среди российских украинцев и не было никогда. Российское украинство, к которому я примыкал, самым определенным образом отмежевывалось от всякого сепаратизма, верило, что украинский вопрос будет разрешен на русской почве, и возлагало свои надежды на общее развитие в России конституционного строя, национального

1 ГАРФ. Ф. Р-579. Оп. 1. Д. 3404. Л. 7 об.; Д. 3493. Л. 2, 17, 63.

самоопределения и местного самоуправления. Введение украинского языка в народную школу, украинских изучений в среднюю, допущение украинского языка в церкви, суде и органах управления, имеющих дело непосредственно с народом, – эта украинская программа ближайшего будущего вполне осуществима в законных формах и совершенно не требует какого-либо переворота».

В декабре 1915 г. о Грушевском ходатайствовали члены Государственного Совета от Академии наук и от университетов (Д. Д. Grimm, В. И. Вернадский, М. М. Ковалевский, И. Х. Озеров, А. А. Васильев, С. Ф. Ольденбург, А. А. Шахматов, А. Ф. Кони, С. Ф. Платонов и сам великий князь К. К. Романов). Но лишь С. Ф. Платонов, не разделявший взгляды кадетов, 9 декабря 1914 г., характеризуя великому князю президенту РАН братьев Грушевских, в политических выступлениях умеющих «писать и говорить благородно и осторожно», напоминал об осмотрительности¹. Ибо «что будет, если Грушевский окажется, прямо говоря, изменником?» Перевесило, однако, что «Грушевский – каковы бы ни были его политические деяния – имеет серьезные, всеми учеными признанные заслуги в деле исторического изучения древнейших эпох *русской* истории... и потому достоин к себе внимания и возможно-го снисхождения».

К. К. Романов 26 декабря 1914 г. «доверительно» советовался и с влиятельным кадетом академиком А. Шахматовым о тактике защиты Грушевского. Шахматов полагал: «арест Грушевского только усилит пожар в *русском* доме, а ведь его необходимо прекратить. Это соображение, помимо великих заслуг Грушевского перед исторической наукой... заставляет меня с великим волнением желать освобождения Грушевского, его оправдания»². Он предлагал приберечь авторитет президента Академии для подходящего времени, взять миссию на себя. Те же мысли 9 апреля 1915 г. ученый повторил другому влиятельному кадету академику А. Ф. Кони, имевшему репутацию «стража чистой и неустрашимой правды»: «Вопрос о М. С. Грушевском сильно меня волнует», но «ученый он выдающийся... Живой темперамент М. С. Грушевского был причиной того, что он горячо откликнулся на современные вопросы. Он любит свою родину и свой родной язык. Всячески содействуя

1 См. подробнее: Великий украинец к великому князю // Зеркало недели. Украина. 1996. № 39.

2 Цит. по: Ссылка М. С. Грушевского / Подгот. П. Елецкий // Минувшее. Исторический альманах. СПб., 1998. № 23. С. 218–219, 222; Робинсон М. А. М. С. Грушевский и русская академическая элита / Славянский альманах 2008. М., 2009.

культурному развитию Малороссии и Галиции, М. С. Грушевский никогда не был сепаратистом и всегда чуждался австрофильства. Значение и внимание его в малороссийских кругах весьма значительно. И те, кто не желал бы развития мазепинства и украинского сепаратизма, могут стремиться к тому, чтобы Россия оказалась для М. С. Грушевского родною матерью, а не мачехой»¹.

Шахматов, в отличие от других русских филологов (Соболевского, Флоринского, Ягича, Корша), видел в обособлении украинской интеллигенции не идейные и политические аспекты, а реакцию на запретительные меры по отношению к украинскому языку. В служебной квартире А. Шахматова М. Грушевский неоднократно бывал в период своих деловых поездок в Петербург. С искренним уважением Михаил Сергеевич относился к супруге Шахматова – Наталье Александровне, дочери известного историка права и публициста А. Градовского. Дружбе двух ученых – украинского историка и русского филолога – предстояло выдержать не одно испытание временем. Принципы научной и человеческой этики были достойно соблюдены обоими в периоды жизненных испытаний, особенно выпавших на долю М. Грушевского в годы Первой мировой войны.

Однако откликаясь на ходатайства академиков, Департамент полиции МВД в «Записке об украинском движении в 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии» 23 июня 1916 г. отметил: «Означенная защита Грушевского является преувеличенно благожелательной и, возможно, до известной степени подсказанной тем особым личным доверием, которое сумел внушить названным ученым по отношению к себе ходатайствовавший перед ними об облегчении своей участи профессор Грушевский, успевший, очевидно, за время службы своей в австрийском университете достаточно изучить и приемы австрийской дипломатии, нередко конкурирующей с понятием австрийской хитрости. Если даже оставить в стороне отношение его к австрофилам, то все же нет решительно никаких достаточных оснований утверждать, что профессор Грушевский изменил своему революционному политическому идеалу, сводящемуся к требованиям беззамедлительного введения в России федеративного государственного строя с центральным парламентом, автономией областей и областными сеймами; под словами же “сень русской государственности” гибкий

1 Там же. См. также: ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 14. Д. 1. Л. 175.

ум профессора Грушевского может разуметь и ныне существующую в России созданную историческими фактами государственность, и ту, которую он, профессор, проповедует»¹.

Таким образом, личность Грушевского выделялась на фоне других киевских ли, харьковских ли историков. Развитие событий в феврале 1917 г., естественно, умножило внимание к нему не только как к политическому деятелю УЦР. Умножилось внимание и к ряду других историков, активно проявивших себя в формировании новых автономных органов управления.

Деятельность М. И. Туган-Барановского, в то время уже видного члена Рады, крайне возмущала столичную профессуру. Он, по их мнению, работал над отделением Украины от России. Н. Н. Платонова, жена известного историка С. Ф. Платонова, отмечала в дневнике: «Ему наговорили ужасных вещей, вроде того, что Вам нужно нравственно причесаться. А когда он начал как-то оправдываться, то Давид Гримм, стукнув кулаком по столу, закричал: это ложь!»². Правда, выше мы приводили примеры поведения и его брата, «кадета с загогулиной»³. Бедного Туган-Барановского не допускала к столицам самодержавная власть, но оказалось, что и ставшим вблизи Временного правительства он пришелся не ко двору. Заняв и кресло министра финансов на Украине в 1917 г., он жаловался: «Если бы вы знали, как это все меня тяготит. Все точно на постоялом. Вот-вот собирайся и выезжай из Украины... Центростремительной силы во мне еще много»⁴.

В. Зеньковский оставил в своих воспоминаниях ряд интересных портретных характеристик историков, близких УЦР или занявших в ней какие-либо управленческие позиции. Он выделял, например, ученика М. Довнар-Запольского Д. И. Дорошенко: «Будучи филологом по своему образованию, Дорошенко всегда обнаруживал большую склонность к научным занятиям в области истории. Прекрасная осведомленность в различных исторических вопросах (*однако лишь насколько это касается Украины*), очень большая начитанность,

1 Текст «Записки» см: *Гермайзе Й. Матеріали до історії українського руху за світової війни // Український археографічний збірник. К., 1926. С. 274–354; перепеч. в кн.: «Украинская» болезнь русской нации. М., 2002. С. 105–171.*

2 Дневник Н. Н. Платоновой (ноябрь 1916 – декабрь 1917) // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5696. Л. 90 об.

3 *Кривоноженко А. Ф. Петроградский университет в 1917–1922 гг. Дисс. канд. ист. наук. СПб., 2014.*

4 *Неизвестный М. И. Туган-Барановский. Отв. ред. Л. Д. Широкопад, А. Л. Дмитриев. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 236–237.*

хорошая память, дар ясного и легкого изложения делают Дорошенко одним из достойнейших представителей современной украинской науки»¹. Потомок двух гетманов Д. Дорошенко признавал, что «никто так не подходил для роли национального вождя, как Грушевский». В Зеньковский выделяет и то, что «такой спокойный, в силу уже одной своей культурности выдержанный человек, как Дорошенко... поражал... тем, что все его мышление направлялось исключительно категорией желанного и почти не считалось с категорией реализуемого, возможного». В представлении Дорошенко «единственный, глубокий и трезвый, творческий и серьезный, политический ум среди украинской интеллигенции, с каким... столкнула судьба – был Липинский (защитник очень интересной, но фантастической концепции, сочетавшей славянофильскую теорию самодержавия с идеей советов)»².

Далее Зеньковский продолжает: «Юмористическая нотка неизбежно входит в мое изложение деятельности Д. И. Дорошенко. У него, конечно, *не было политического дарования или даже умения политически мыслить...* Единственным пунктом, в котором Дорошенко ясно разбирался, был, увы – вопрос о русско-украинских отношениях. Его отношение здесь было ясно совершенно, вопрос ставился им совершенно трезво и ясно, – и тем более, для меня напр<имер>, все это было трагично. Для Дорошенко **Россия (или Московия) была просто чужим государством, с которым недобрая судьба приказала пребывать в соседстве; вся русско-украинская проблема заключалась для Дорошенко (по крайней мере, тогда) в том, как отгородиться от России**»³. «От внимательного наблюдателя не могли уже в этот день ускользнуть предвестники совсем иных встреч в близком будущем», – заметил Гольденвейзер, вглядываясь в первый состав УЦР.

Взаимоотношения украинской и русской научных элит в профессиональном измерении – тема, исследованная еще недостаточно. Особняком стоит личность В. И. Вернадского, внесшего огромный вклад в историю науки и организацию знания, где неизбежно сказываются столкновения имперских и национальных подходов относительно видения прошлого и будущего России и Украины⁴.

1 Зеньковский В. Пять месяцев у власти. С. 135.

2 Там же.

3 Там же. С. 137.

4 Сорокина М. Ю. Россия и Украина в научном наследии В. И. Вернадского: исторические судьбы славянства / Научное наследие В. И. Вернадского в контексте глобальных проблем цивилизации. М., 2001. С. 118–131.

Семейные предания и впечатления от общения с отцом создали основу для осознания Вернадским специфики южнорусской, малороссийской исторической традиции и культурного своеобразия¹. Украинские интересы молодой Вернадский начал осмысливать в общении с М. Драгомановым. К личности его он часто возвращался в дневниках и мемуарных заметках. У Драгоманова он черпал истоки сложной двойственности украинско-российской идентичности². В моменты общественно-политических кризисов и катаклизмов эта двойственность была для Вернадского и противоречивой, и трагической, но в то же время и созидательной. В переломных событиях, изменивших облик и судьбу Российской империи, актуальным оказалось и создание Украинской академии наук, собравшей вокруг себя интересы и усилия ученых Киева, Харькова, Новороссии.

Как уже указывалось, с 1917 г. Вернадский вовлечен в государственную политику и организацию науки в большом административном масштабе. Последние бурные месяцы существования Временного правительства – это наиболее острый конфликт его с УЦР. Вернадский, согласившись занять пост товарища министра народного просвещения – востоковеда С. Ф. Ольденбурга, занялся перестройкой прежнего общеимперского пространства, созданием новых институтов и кафедр, учитывающих местные интересы и их специфику³. Оценим наблюдение А. Н. Дмитриева, усмотревшего своего рода «хитрость истории» в том, что создателем украинской науки не как некоторого интеллектуального проекта, но как институциональной платформы будущей государственности оказался ученый, весьма далекий от идей полного обособления украинской и российской культур и заинтересованный в укреплении начал государственности российской. Здесь стоит отметить, что украинские запросы, интерес к национальной проблематике вообще у Вернадского связывались не только с политическим измерением его деятельности, но и касались куда более широкого круга методологиче-

1 См. его не опубликованную до конца 1980-х гг. работу «Украинский вопрос и русское общество», написанную в период Первой мировой войны.

2 См. книгу отца Вернадского с обширной вступительной статьей В. Д. Базилевича и В. А. Короткого: Вернадський І. Вітоки. Творча спадщина у контексті історії економічної думки в Україні. Київ, 2009; см. также: *Круглашов А. Драма інтелектуала: політичні ідеї Михайла Драгоманова*. Чернівці, 2000.

3 См.: *Дмитриев А. Н.* По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) / Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009. С. 168–174.

ских и общенаучных проблем, включая связь философии и естествознания. Эта эпистемология оказалась неслучайно сопряжена и с эволюцией распавшейся царской и новосозданной советской империи, и с украинско-российскими аспектами деятельности Вернадского.

3.9. «Лучшие люди России разделились на партию сердца и партию идеологии»

Развитие событий в этом русле стало тяжелым испытанием для кадетских функционеров, они совершенно по-другому представляли будущее новой России и новые структуры управления ею. Трудно было воспринимать отражение академических проблем в текущей повседневности и тем научным коллегам, кого объединяла общность взглядов на многие исторические вопросы.

Политический выбор в 1917 г. для ученых оказался сложной проблемой. П. Б. Струве видел ее причину в том, что: «Крушение монархии... показало крайнюю слабость национального самосознания в самой сердцевине Российского государства – среди масс русского народа». Лидер Конституционно-демократической партии России П. Миллюков писал об общей российской государственной «нации», недооценивая национальное пробуждение нерусских народов империи. В 1922 г. Струве, подытоживая случившееся, «упирал» на роль героизации минувшего: «Только через культ и идеализацию прошлого в его целом и в его непрерывности может возродиться русский национальный дух. Самое злостное, самое ядовитое, самое ужасное в большевизме, – а большевизм во всех его выражениях есть подлинное существо революции, есть преступный, отцеубийственный разрыв с великим национальным прошлым, которое в смрадную эпоху разрушения, переживаемую нами, есть единственное хранилище и прибежище национального духа»¹.

Выбор будущего устройства волновал многих, считавших, что проблемы переустройства России, «точно вокруг оси», обречены «вращаться вокруг проблемы национальностей». Но предугадывая будущую попытку П. Б. Струве «списать» все на большевиков, Жаботинский еще в 1911 г. писал: «Если русская культура играет теперь

¹ Струве П. Б. Прошлое, настоящее, будущее. Мысли о национальном возрождении России // Русская мысль. 1922. Кн. III. С. 222–231; Сидорова Л. А. Духовный мир историков «старой школы»: эмиграция внешняя и внутренняя. 1920-е годы. История и историки. Историографический вестник. М., 2003.

неестественную роль культуры всероссийской, то “причина, главным образом, в вековом насилии и несправедливости”. П. Б. Струве с этим не согласен... Далее следует у г. Струве аргумент, который странно даже слышать из уст такого вдумчивого... мыслителя: “Постановка в один ряд с русской культурой других, ей равноценных, создание в стране множества культур... одного роста поглотит массу средств и сил, которые при других условиях пошли бы не на национальное размножение культур, а на подъем культуры вообще”. Такое “размножение культур” будет “колоссальной растратой исторической энергии населения Российской Империи”. Это... песня старая, петая, перепетая – и отпетая... Самое лучшее, самое прекрасное в мировой культуре – это именно ее многообразие. Каждая историческая нация внесла в нее свои особые, неподражаемо-своеобразные вклады, и в этом бесчисленном множестве форм, а не в количестве результатов и заключается главное богатство человеческой цивилизации»¹.

Это узловое звено для понимания мотивов поведения научной корпорации. Конечно, когнитивные и эпистемологические исследования имперской реальности, соперничая между собой, держали в центре внимания социокультурную эволюцию народов России. Крупнейшие научные авторитеты общероссийского уровня своими исследованиями поддерживали и тематику, интересующую «провинциалов». Совместными поисками уточнялась «ткань» общества и опыт живущих в нем людей.

Академический мир продолжал оценивать «провинциалов» в соответствии с их компетентностью.

Что касается взаимоотношений русских славистов и историков с их украинскими и белорусскими коллегами, то интересна переписка и дневниковые записи 1917 г. известных ученых-гуманитариев². Из них видно, что отношение к «украинскому освободительному движению»

1 Жаботинский В. О языках и прочем / Жаботинский В. Избранное. Библиотека-Алия, 1992. С. 334.

2 Публикации вызвали серьезные нарекания, вплоть до искажения смысла документов. См.: Пасько І. В. З петербурзьких адресатів М. С. Грушевського: листи до О. О. Шахматова (за матеріалами архіву Російської академії наук у С.-Петербурзі) // Архіви України. 1996. № 1–3; Макаров В. І. Листування М. С. Грушевського і О. О. Шахматова // Українській історичний журнал. 1996. № 5–6. См.: Робинсон М. А. Российское славяноведение: судьбы научной элиты и учреждений Академии наук: 1917 – начало 1930-х годов. Авт. докт. дисс. М. 2004; он же. М. С. Грушевский и русская академическая элита. <http://www.aej.org.ua/History/1457.html>

резко изменилось с появлением у него «политического аспекта». Наличие его отрицалось в 1915 г.

Действительно, в марте 1917 г. и Грушевский, и Милюков, и Вернадский (да и другие, на страницах книги они указаны) с головой ушли в политическую деятельность, заняли ответственные посты в новой иерархии власти. В изданной в Киеве в 1917 г. брошюре Грушевский писал: «Украинцы не имеют намерения отделяться от Российской Республики. Они хотят остаться в добровольной и свободной связи с ней»¹. Однако П. Н. Милюкову ситуация виделась по-другому: «Из Киева шли более широкие требования, исходившие из готового плана национально-территориального обособления Украины в самых широких пределах. Вдохновителем этих стремлений являлся “батько” М. С. Грушевский, приобретший опытность в национальной борьбе на почве австро-славянской в Галиции и теперь применивший к борьбе с петроградским “централизмом” те непрямые и гибкие приемы, которые были испытаны в борьбе с Веней»². Того же мнения был и член Юридического совещания Б. Нольде. Он оценивал Грушевского как «старого европейского политического борца, воспитанного в школе тонких политических формул и сложной политической борьбы»³. Конечно, это оценки более позднего времени. Но 1 июля на заседании ЦК партии кадетов и востоковед С. Ф. Ольденбург как министр просвещения поддержал Милюкова, высказавшись против проекта соглашения с УЦР об автономии.

Но и не занимавшие постов в новой власти, например А. А. Шахматов, оценили шаг Грушевского резко отрицательно. «Как и Вы, – писал Шахматов А. Ф. Кони 15 июля 1917 г., – я с особенным ужасом останавливаюсь перед предательством украинцев во главе с Грушевским. Это самый тяжелый удар по России... Наши социалисты, а в числе их даже Керенский, пошли на удочку Грушевского и одобрили то, что им, как государственным, должно было бы претить»⁴.

В российской научной среде в феврале – октябре 1917 г. с излишней быстротой возникали ситуации, когда в центре ее интересов оказывались самые разные аспекты политики, этики, морали. Р. Люксембург,

1 Грушевський М. Звідки пішло українство і до чого воно йде / Хто такі українці і чого вони хочуть. К., 1991.

2 Милюков П. Н. История русской революции.

3 Нольде Б. Э. Далекое и близкое: Исторические очерки. Париж: Современные записки, 1930.

4 СПО АРАН. Ф. 134. Оп. 14. Д. 1. Л. 203.

после октября 1917 г. винившая Ленина в сознательном расчленении России (она ставила в один ряд «изобретения глупостей “украинского национализма” с “карбованцами” и “универсалами” с «коньком Ленина о “самостийной Украине”»), сама оказалась в таком плену: «Украинский национализм в России был совсем иным, чем, скажем, чешский, польский или финский, не более чем *простой причудой, кривлянием нескольких десятков мелкобуржуазных интеллигентов, без каких-либо корней в экономике, политике или духовной сфере страны, без всякой исторической традиции, ибо Украина никогда не была ни нацией, ни государством, без всякой национальной культуры, если не считать реакционно-романтических стихотворений Шевченко... И такую смехотворную штуку нескольких университетских профессоров и студентов Ленин и его товарищи раздули искусственно в политический фактор своей доктринерской агитацией за “право на самоопределение вплоть” и т.д.»¹. Этот упрек понравился бы и членам Временного правительства. Как и для Р. Люксембург, для них национальное движение было и «национальным сепаратизмом», и «троянским конем»². У них было такое же представление. Наблюдавший эти процессы воочию историк Д. М. Одинец, исполнявший в Киеве, по сути дела, роль русского посла, уже летом 1917 г. им возражал: «Украинское движение само по себе не только законно, но и многоценно. Созданное в XIX в. горстью поэтов и ученых, оно с момента своего создания и до эпохи своих широких и очевидных успехов все время шло тем классическим путем, каким идет национальное возрождение каждого народа, чья национальная жизнь по тем или иным причинам перестала на время гореть ярким пламенем и только тлела под грудой пепла. *Тем же путем шло и возрождение Чехии...* Успехи, достигнутые украинским движением, не склонившимся перед внешними препятствиями, сами по себе, вне каких бы то ни было исторических аргументов, более чем достаточны для бесспорного обоснования права украинского народа на свое место под солнцем. Великая Россия может возродиться только в форме федерации свободных народов. В этом будущем союзе равных перед Украиной откроются широчайшие возможности для свободного развития ее творческого гения. В свете подобных перспектив, а не на почве старых*

1 Люксембург Р. Рукопись о русской революции // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 22–23.

2 Там же.

обид и недоразумений только и могут разрешаться в нормальном порядке все русско-украинские вопросы»¹.

Этнопсихологический фактор, влияющий на духовную атмосферу российского научного сообщества, остается малоизученным. В действительности, в ученом сообществе, наиболее авторитетном отряде отечественного либерализма, существовало отдельное течение, которое В. С. Дякин назвал «неославистским»². Недооценка его приводила к упрощенному пониманию сложных феноменов, порожденных крахом империи³. В трудных условиях течение воздействовало на изменения в национальных окраинах. Февраль – октябрь 1917 г. уже вытеснял размышления о немецкой «жестокости» волнениями о судьбе страны и новых угрозах, которым ранее не придавалось серьезного значения⁴. Это касалось не только территорий, которые населены, как оказалось, «неожиданными нациями». Размышления и оценки касались будущего и судьбы России.

Историк М. М. Богословский после событий на Украине, уезжая 19 июня на летние каникулы на дачу в деревню, сложившуюся ситуацию в стране пытался объяснить ошибками прошлых веков. Он записал в дневнике: «Был старый-старый, сколоченный веками из разных пристроек и частей дом. В последние два века дому старались придать единство фасада. Но фасад не объединил составлявших его частей. Разразилась небывалая в мире гроза, и дом не выдержал, треснул и готов совсем разваливаться. Пока он был цел, люди, жившие в нем, чувствовали стыд и уважение к старому дому; когда он стал рассыпаться, исчезла и нравственная сдержка, и обитатели дали волю самым низменным инстинктам. Вот сравнение, пришедшее мне в голову при мысли о том, что творится в России. Украина совсем отделилась от нас. Михайла Грушевский, австрийский профессор, созвал “Центральную раду” и издал “универсал” об отделении Украины, грозя защищать ее “самостийность” (слово, которое он же и сочинил) вооруженной украинской силой. В Киеве, несмотря на запрещение военного министра,

1 *Одинец Д. М.* Из истории украинского сепаратизма. Париж, март 1939 // Современные записки. Т. 68. С. 369–387.

2 *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 3–16.

3 *Цыкалов Д. Е.* Проблема «Россия и Запад» в отечественной публицистике периода Первой мировой войны (Июль 1914 – февраль 1917 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2003.

4 См.: Россия и Первая мировая война. СПб., 1999; Первая мировая война: история и психология. СПб., 1999; Россия в Первой мировой войне. Рязань, 1994.

собрался украинский “вийскивый” съезд, который и поддержал Раду в ее решении. В ответ на эти угрозы оружием князь Львов обратился к “братьям-украинцам” с благодушнейшим воззванием в сентиментальном тоне. Колпаки! Горемыкина упрекали за то, что он правит Россией в туфлях и в халате, а князь Львов еще и в колпаке. У правительства не только ушла из рук власть, но, видимо, и из голов их исчезло самое понятие о власти, и они полагают, должно быть, что все дело правительства в составлении разных воззваний и убеждений. Убеждать может каждый из нас, а дело власти – *принуждать силой*, когда не слушаются слов. Михайло Грушевский – ослепленный дурак-фанатик, под его командой действует только кучка лиц, по всей вероятности, не без участия австрийских интриг и денег. Смуту они производят большую, налогов украинцы не будут платить, потому что не знают, кому их платить, Раде или Временному правительству, а правительство пишет воззвания. Ах, сочинители воззваний, академики-доктринеры в колпаках!»¹.

Будущее обсуждалось не только на страницах научных и публицистических изданий. Оно стало темой повседневных бесед, дневниковых записей, переписки. Углубляясь в предпосылки случившейся катастрофы, Веселовский указывал и на фундаментальные причины. Он считал: «Одной из главных причин, почему Россия оказалась колоссом на глиняных ногах... мне кажется то, что мы во время величайшего столкновения народов оказались в положении народа, еще не нашедшего своей территории. То есть: мы расползлись по огромной территории, не встречая до недавнего времени на своем пути сильных соседей-врагов, растаскивали, а не накапливали хозяйственные и духовные свои богатства и истощили основное ядро государства – великорусскую ветвь славян – на поддержание колосса на глиняных ногах»².

События, соединенные с последствиями Февральской революции и нараставшей тенденцией нового революционного переворота, вызывали у двух московских историков – С. Б. Веселовского и Ю. В. Готье – общие ощущения трагизма и чувства безысходности³.

---

1 Богословский М. М. Дневники.

2 Веселовский С. Б. Дневники 1915–1923, 1944 г. // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 96.

3 Фигура Ю. В. Готье уже привлекала внимание историков, его дневник рассматривался как источник для понимания катастрофичности мироощущений современников в восприятии драмы русской революции. См.: Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришина. Историк на перепутье: научное сообщество в «смуте» 1917 года // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2008. № 25. С. 91.

С. Б. Веселовский в марте 1917 г. пришел к заключению, что «роль России как великой европейской державы окончена»¹. Июль 1917 г. Ю. В. Готье начал дневник фразой: «Finis Russiae»². Почти такой же вердикт вынес в своем дневнике С. Б. Веселовский в марте 1918 г.: «Finis Moskoviae»³. И тот и другой не верили в какую-либо перспективу выхода из кризиса.

Содержание воспоминаний, дневников, переписки историков позволяет говорить, что совпадающего и однозначного, позитивного или негативного отношения к происходящему в этот период в России у историков как очевидцев текущих событий не было. Помимо личностных мировоззренческих установок и принадлежности к той или иной научной культуре, на отношении историков к общественно-политическим переменам сказывался широкий спектр разного рода факторов, начиная с опыта административной работы, приучавшего сдержанно и взвешенно подходить к оценкам любых событий, и заканчивая степенью участия в различных общественных и политических инициативах. Это определило созидательную направленность деятельности и относительный оптимизм одних (М. К. Любавский, А. Е. Пресняков, С. Ф. Платонов, Н. И. Кареев, Е. В. Тарле) и склонность к драматизации происходящего и даже истерии других (Ю. В. Готье, С. Б. Веселовский). Характеристики лиц в дневниковых записях дают основания говорить о глубочайшей личной драме, пережитой представителями научной интеллигенции, терявшими уверенность в возвращении страны в лоно цивилизованного развития.

Н. П. Лихачев в письме А. В. Орешникову добавлял: «Отчаяние заползает в душу... Царство небесное Михаилу Васильевичу (Никольскому (1848–1917)). Очень добрый и оригинальный был человек. Теперь в России нет ассириолога. По-старому судя очень горько, а по-новому – для обращающегося в первобытное состояние народа – жалеть нечего – наука и культура – предмет роскоши – ни рабочим, ни солдатам, ни крестьянам не нужный и не понятный»⁴. В письме М. Гершензона Л. Шестову от 30 сентября 1917 г. читаем: «Я думаю, что лучшие люди России разделились на две партии: *партию сердца и партию идеи*, идеологии; одним больно за живого человека, за нуждающихся и об-

1 Из старых тетрадей. С. 24.

2 Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 13.

3 Из старых тетрадей. С. 29.

4 Н. П. Лихачев – А. В. Орешникову. 12 июля 1917 г. / Река Времени (Книга истории и культуры). М., 1995. Кн. 2. С. 163.

ременных, другим – тебе в том числе – не менее больно за ценности – за государственность, за целость и мощь России». На следующий день, 1 октября 1917 г., М. Гершензон в письме жене рисует температуру этого «раздела»: «Бердяев, Вышеславцев, прив. доц. Коческьян¹, проф. Алексеев и др. до часа ночи жесточайшим образом поносили революцию, революционную интеллигенцию, которая растлила народную душу (это Бердяев, криком, стуча кулаком по столу: «Ее мало вешать, мало расстреливать» и т.д.), и народ, показавший свой звериный лик (это Вышеславцев). Я был истинно поражен... Когда кончилось, осталось нас человек 20, Лосева пригласила в столовую чай пить. Тут у меня с Н.А. вышел коротенький, но жаркий разговор в повышенном тоне. Я ему сказал: им (револ. интеллигенции) больно за живого человека, а тебе нет. Он – как! Мне не больно? – Я: тебе больно за отвлеченную Россию, за “ценность”. На другой день он прислал мне письмо на 8 стр.»².

В Киеве профессор университета Св. Владимира Т. Д. Флоринский, имевший прозвище «ученый-жандарм» и «генерал от истории» (председатель профессорского дисциплинарного суда при Университете Св. Владимира), оставался активным противником украинофильских идей³.

1 Речь идет о правоведе С. Ф. Кечекьяне.

2 Гершензон М. О. Письма к Льву Шестову (1920–1925). Публ. А. д’Амелиа и В. Алля. Минувшее. Вып. 8. М.: Открытое общество; Феникс, 1992. С. 125, 129.

3 Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854, Санкт-Петербург – 2 мая 1919, Киев), расстрелян органами ВЧК) – русский филолог-славист, историк, византист, политический деятель, член-корреспондент РАН (1898) по Отделению русского языка и изящной словесности, заслуженный ординарный профессор Императорского университета Св. Владимира, доктор славянской филологии, действительный статский советник. Один из инициаторов создания Киевского клуба русских националистов. Особый интерес представляет его сочинение «Малорусский язык и “українсько-руський” литературный сепаратизм», не утратившее научной актуальности. В своих мемуарах В. В. Зеньковский писал: «Припомним, однако, ту жестокою борьбу, которую вел покойный проф. Т. Д. Флоринский (мой коллега в Киевском университете) за то, чтобы признать украинский язык не особым языком, а особым “наречием”, что филологически, конечно, стоит рангом ниже. Надо признать, что со строго научной точки зрения вопрос, является ли “украинска мова” языком или наречием, может быть решен и в одну, и в другую сторону: помимо самой условности терминологии и за одно, и за другое решение есть солидные объективные аргументы. Но из филологической сферы этот спор – еще до революции [в 1900-х гг.] – был перенесен в область политики: защитники учения о “наречии” стояли за неотделимость Украины от России не только в политической, но и культурной сфере, отвергали самый термин “Украина”,

По поводу известного думского деятеля, кадета и адвоката «циника» И. А. Кистяковского негодовал в своих воспоминаниях Г. Н. Трубецкой: «В августе 1917 года в Москве Кистяковский выступал сторонником Корнилова, осенью – деятельным работником в пользу возрождения России и помощи Добровольческой Армии, а весной 1918 года, в Киеве, он уже говорил, что Россия – пустое место, преследовал русский язык и проявлял крайний украинский шовинизм»¹. Еще более резкую характеристику пребыванию Кистяковского в Киеве дал В. Зеньковский².

Подобным фактам несть числа, но большее внимание этому аспекту уделили зарубежные исследователи, связав публицистику Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, Вяч. Иванова, В. В. Розанова, С. Л. Франка, В. Ф. Эрн с изменением их взглядов в зависимости от развития ситуации. Ю. Шеррер, анализируя взгляды В. Ф. Эрн (из московского РФО им. В. С. Соловьева), раскрыла содержание дискуссии об особенностях русского философского способа мышления³. В 1931 г. Б. П. Вышеславцев, высланный из России в 1922 г., напишет о столкновении *этики долга и этики творчества*: «Не существует никакой специально русской философии. Но существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения. Разные нации замечают и ценят различные мысли и чувства в том богатстве содержания, которое дается каждым великим философом... Национализм в философии невозможен, как и в науке; но возможен преимущественный интерес к различным... традициям мысли у различных наций»⁴.

“украинский” – заменяя его “Малороссия”, “малорусский”. Официальная точка зрения на “малорусский” вопрос опиралась на всю эту аргументацию Флоринского и его сподвижников, проводя, по существу, начала русификации. Только если Флоринский и его группа оправдывали всю систему цензурных насилий, которыми пользовалась тогда власть в Юго-Западном крае, то были и такие “антиукраинцы” (напр. П. Б. Струве, проф. Леон. Н. Яснопольский), которые не мирились с этой системой цензурных насилий как по общим основаниям либерализма, так особенно потому, что эти насилия лишь усиливали, как всегда, украинское движение, облекая его венцом мученичества. Общая позиция заключалась здесь в тайном или прикрытом отвержении самого понятия “украинской культуры”, дозволительными формами считалась лишь песня, художественный узор да еще кулинария» (См. *Зеньковский В.* Пять месяцев у власти).

1 *Трубецкой Г. Н.* Годы смут и надежд. 1917–1919 гг. 1981. С. 82.

2 *Зеньковский В.* Пять месяцев у власти. С. 112–113.

3 *Ю. Шеррер. В. Ф. Эрн. В кн. В. Ф. Эрн. Сочинения.* М.: Правда, 1991.

4 *Вышеславцев Б. П.* Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994.

Первая мировая война стала для историософских представлений Эрн (он умер в апреле 1917 г.) катализатором идей, направленных на оценку русского национального самосознания. Русское дело, миссия России вытекали из его размышлений о германской философии. Важно отстаивать универсальный, наднациональный характер возложенной на Россию задачи: быть на арене мировой войны глашатаем и защитником вверенного ей восточного наследия, антично-византийской и христианской мысли. Эрн воспринимал этот поиск как личный вклад в новую русскую религиозную философию¹.

Безусловно, работы религиозных мыслителей были одним из самых заметных и значительных явлений предшествующих 1917 году лет. В работах пропагандистский аспект, несомненно, присутствовал и во многом определял их язык, настроение, характер участников². М. А. Робинсон, анализируя академическую элиту славяноведения³ уже в период ее советизации, выяснил их предпосылки.

Русское гуманитарное знание продолжало осмыслять новую эмпирику как исключаящую продуцирование концептуальных конструктов. Новый эмпирический материал вел к институциональному размежеванию от политизируемых социальных процессов и друг от друга.

Политическая ангажированность российского гуманитарного знания в целом вела к падению удельного веса интеллектуально-познавательного аспекта. Сохранялись связи наиболее секуляризованных ответвлений и общность теоретико-систематизирующего ядра их мировоззрений. В целости оставалась функция во всех сферах культуры смысловых оппозиций Христианство – Католицизм, Христианство – Ислам, Христианство – Иудаизм, даже если у светской мысли она выступала как оппозиция Цивилизация – Нецивилизация. Какими бы нравственными императивами и этико-социальными сверхзадачами ни диктовались вербально-мыслительные и предметно-практические операции, они вели к угасанию последовательно-теоретического мышления. Зеньковский писал: «Перед лицом русско-украинской проблемы **более неподготовленными и упрямо неподвижными оказывались**

1 Об этом, в частности, Эрн В.Ф. На пути к логизму. В сб.: «Борьба за Логос»; он же. Меч и крест. Статьи о современных событиях. М., 1915. С. 36.

2 См. Булгаков С. Н. На пиру богов / Из глубины. М., 1918: «Генерал. ...на кой ляд мне стал Царьград без царя, что я туда, с папá Милюковым и душкой Керенским, что ли, пойду? Пусть уж лучше там турецкий султан сидит с уцелевшими старотурками – хранителями древнего мусульманского благочестия. Они все же мне милее».

3 Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004.

(и, по-моему, донныне оказываются) не украинцы, а русские. Нетрудно понять, в чем дело. Для украинцев важно отстоять свое национальное бытие, но они все в глубине души понимают, что без России им не обойтись – именно это сознание определяет их гнев на Россию, даже ненависть. Невозможность обойтись без России столь ясна им, уязвленность самолюбия, из этого проистекающая, так велика, что они не могут спокойно отнестись к России, обнажая в своем беспокойствии признание нерасторжимости связи с Россией. Наоборот, для огромного числа русских, даже привыкших политически мыслить, большей частью не существует украинской проблемы – в лучшем случае, они считают ее очень маленькой, провинциальной, не придают серьезного значения. «Централизм» сливается незаметно с незамечанием или прерзительным равнодушием, и в такой политической психологии русских украинцы, хорошо это чувствующие, видят яркое выражение того, что Россия их задавит, даже если внешне она предоставит Украине свободу культурного самоопределения...»¹

Понятийный компонент таких слов, как «мусульманин», «азиат», «иудей», «украинец», оставался идеологически окрашенным, сохраняя идеологический стиль мышления и его постулаты. Конечно, наукой понималось, что та или иная общность, формируемая на основе культуры, активизировала диалог (или монолог?) своих представлений о мире (это и есть общественные взгляды или образы, выражающие эти взгляды).

Конкуренцию академическим кругам составила периодическая печать 1917 г. Она взяла на себя многие функции не только партий, но и национальных комитетов. В печати энергично разрабатывались вопросы культурного и национального самоопределения отдельных этносов. На ее страницах дети мулл и раввинов обретали и опыт исследования современных процессов, и получали политическое образование. Сотрудничество в газетах и журналах часто становилось освобождением и от диктата традиций и патернализма научных школ, и возможностью высказать собственные суждения и оценки этносоциокультурных процессов.

Любопытно, что из востоковедов-теоретиков, исповедовавших один из постулатов либерализма – академическую свободу, лишь немногие были членами кадетской (профессорской) партии. Лишь индолог С.Ф. Ольденбург был ее видным функционером. О своем

1 Зеньковский В. Пять месяцев у власти. С. 127.

в молодости «миллюковствующем и кадетствующем сердце», склонявшемся, впрочем, и к эсерам, упоминал вскользь востоковед Н. И. Конрад¹. Те, кто концентрировался в среде академической науки, пытались отмежеваться и от партийных коллег, и от явно протезирующей многим из них власти. Даже прагматизм заставлял не соглашаться на большее, чем признание «единства в многообразии», делать немаловажные уступки идее последовательного плюрализма.

Обратим внимание на то, что в руководстве национальных структур управления – УЦР, Милли Идарэ и пр. – оказались профессиональные историки и/или всерьез историей интересующиеся. Временное правительство (и наиболее авторитетный историк в нем П. Н. Миллюков) видело переустройство имперской России в модернизации ее политической и социальной сферы. Историки (и в Петрограде, и на местах) выступили в качестве посредников между прошлым и своими современниками. Миллюков представлял Февраль 1917 года как «национальную и патриотическую» революцию, которую возглавили думские лидеры, пытавшиеся «установить истинно либеральный и демократический режим в России»².

Местные же историки, входившие в национальные комитеты или игравшие роль авторитетов для тех, кто в этих комитетах работал, сумели нацелить внимание на то, на чем держалось этническое самосознание: на великих предках и их славные деяния, на достижения своей культуры в глубоком прошлом. Большую роль сыграли исторические претензии (территориальные, политические, военные и пр.). В Шнирельман замечательно выделил этот процесс как имевший «огромное “инструментальное” значение в борьбе за повышение политического статуса, за доступ к экономическим и финансовым ресурсам, за контроль над территорией и ее природными богатствами и, наконец, за политический суверенитет»³.

Чем более блестящим представить народу его прошлое, тем с большей настойчивостью он склонен претендовать на политическую роль в происходящих событиях. Этноцентристская историческая версия осваивала свою важную роль в легитимации политических претензий – в этом и состоял ее глубокий внутренний смысл. Этноцентристский исторический миф использовался элитой, преследующей

1 Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М., 1996. С. 255.

2 Миллюков П. Н. Воспоминания. С. 15.

3 Шнирельман В. Националистический миф: основные характеристики (на примере этногенетических версий восточнославянских народов) // Славяноведение. 1995. № 6. С. 3–13.

вполне определенные культурные и политические цели. Позитивная сторона мифа заключалась в том, что он способствовал консолидации этноса, помогал ему сохраниться и актуализировать свое культурное наследие. Негативная сторона состояла в том, что этот миф в силу имманентно присущих ему характеристик неизбежно вызывал конфронтацию разных этнических элит. Ярых *самостийников* представлял украинский адвокат Н. И. Михновский. Он выступал за немедленное провозглашение государственной независимости Украины. Михновский – выпускник юридического факультета Киевского университета. М. С. Грушевский видел в нем человека «со способностями, но и с еще большими амбициями, с сильной склонностью к авантюризму, интригам и демагогии»¹. С. Петлюра обвинял его в «ограниченности» и «узкости». В. Винниченко в юмористическом произведении «Поміркуваний та щирий» создал непривлекательный образ *самостийника* Данилы Неприкосновенного, в котором узнаваемы черты Н. Михновского. О. Мончаловский резко критиковал его брошюру «Самостоятельная Украина» в ответной брошюре «Мазепинство». 11 декабря 1912 г. А. А. Шахматов писал А. Ф. Кони: «Я... боюсь украинского вопроса и порожденного им “мазепинства”. Мне очень дорого единство России и процветание всего русского племени в его совокупности... Те из нас, которые стараются об удовлетворении тех или иных элементарных требований малорусов, менее грешат против родины, ее целостности и величия, чем те, которые разжигают племенную вражду и возбуждают между братьями ненависть»². Большевики также назвали брошюру Михновского «дикой шовинистической». П. Скоропадский не мог понять, почему к Михновскому такое единодушное негативное отношение. Позднее Скоропадский признал, что все, кого он просил оценить Михновского, предостерегали, чтобы он в любой ситуации не приглашал его на какую-либо должность³. Сам

1 Грушевський М. Споми́ни. Київ, 1989. № 9. С.109–112; Литвин С. Суд історії: Симон Петлюра і петлюріана. Київ, 2001.

2 ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 14. Д. 1. Л. 117 об.

3 В 1924 г. Н. Михновский в Киеве арестован НКВД, через несколько дней освобожден. На следующий день, 3 мая 1924 г., его нашли повешенным в саду В. Шемета. Среди украинской общественности и ученых в дискуссии о причине смерти долгое время существовала версия: смерть Михновского – дело рук НКВД. Ее опроверг Ж. Шемет – сын В. Шемета, у него последние дни проживал Михновский. В 1998 г. Ж. Шемет засвидетельствовал: отец нашел в кошельке покойного записку: «Хочу умереть своей смертью. Как в пословице: туда крутись, и сюда вертись, однако одинаково в голове смерть» // Хлебороб. 1998. № 2.

он в нем «ничего плохого не видел, кроме его крайнего шовинистического украинского направления мысли». В апреле 1917 г. на многочисленном (1500 участников) Украинском национальном конгрессе выступления самостийников успеха не имели. Историк Д. Дорошенко отмечал: «Нас, “свидомых [сознательных] украинцев”, было так мало», но «мы... хорошо знали друг друга, были так тесно связаны между собой разными связями по общественной работе, что у нас выработалась... “кружковщина”, сектантская узость и замкнутость»¹.

¹ *Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє минуле (1914–1920)*. Мюнхен, 1969. С. 321–322. В. Зеньковский: «Зимой 1925 г. в Праге состоялось несколько закрытых собраний русских и украинских политических деятелей – по 4–5 человек с каждой стороны. Это были П. П. Юренев, А. В. Маклецов, А. В. Жекулина, А. Л. Бем и я – с русской стороны, Д. И. Дорошенко, А. И. Лотоцкий, С. Н. Тимошенко и А. Я. Шульгин – с украинской. Инициатива этих собраний исходила от Д. И. Дорошенко и меня (мы были с ним вместе в Совете министров – Д. И. был министром иностранных дел – и еще с тех пор мы были дружны с ним), – и оба мы попеременно председательствовали. Эти собрания ставили себе целью выяснить и конкретно формулировать условия русско-украинского сближения. Если мне не изменяет память, состоялось всего 5 собраний; прекратились они за очевидной для обеих сторон бесплодностью. Если Д. И. Дорошенко активно и сознательно стремился к выяснению взаимно приемлемых принципов русско-украинских отношений, то остальные представители украинской политической интеллигенции (принадлежавшие к группе социалистов-федералистов) были настолько неуступчивы и так мало обнаруживали охоты к тому, чтобы договориться до чего-либо положительного, что для обеих сторон стали неинтересны и бесцельны эти встречи. Мне представляются эти беседы чрезвычайно знаменательными – притом в роковую сторону. И в этом случае – как и до него не раз – я убедился, как трудно обеим сторонам понять друг друга и как мало у обеих сторон воли к тому, чтобы достигнуть этого понимания. Из всех присутствующих лишь 3 человека (Дорошенко, Бем и я, – да отчасти А. В. Жекулина) имели эту волю к взаимному пониманию и сближению, – остальные от этих встреч лишь окрепли в своих взаимно неприемлемых позициях. Украинцы покрывались в глазах русских стремлением к сепаратизму (хотя он и не составлял самого существа украинской позиции...), а русские в глазах украинцев рисовались до конца начиненными “московским централизмом”, что тоже было верно в очень незначительной степени. Беседы шли в исключительно дружественной атмосфере, в чрезвычайно корректных тонах, происходили они с обеих сторон в обстановке, чуждой страстей и давящей силы реальной жизни – мы все были эмигрантами, чающими уже немало годов возможности вернуться на родину. У всех была эта скорбь, создающая тихое раздумье и готовность спокойно взвесить слова собеседника, на сердце у всех было сознание, что в разъединенности политических групп и Россия и Украина имели главный источник распада и ослабления политических сил. И все же – несмотря на максимально благоприятные условия для беседы она осталась бесплодной. Боюсь, что для обеих сторон не пришло тогда еще время плодотворной и жизненно трезвой встречи, – но кажется, не пришло оно еще и ныне? Неужели между Россией

Радикально настроены и нетерпеливы в Украинской раде и другие заместители Грушевского, из тех, кого мы отнесли *ко второй группе*. Они теснили «умеренных», да и самого Грушевского. За ним, пишет Н. Могиланский, «идут три влиятельные в национальных кругах Украины фигуры: В. Винниченко, С. Петлюра и Н. Порш, все приблизительно одного возраста – за 40 лет, все социалисты *de nomine* и совершенно не схожие друг с другом ни по складу ума, ни по темпераменту. Общее у них одно: сепаратистские стремления, исходящие, несомненно, из очень различных источников их природы. Винниченко – писатель не без воображения и значительного дарования и таланта, наименее их всех национален, по своей сущности, как украинец. По своей страстности и импульсивности это скорее семит, по мистической сложности своей психики это типичный великоросс, где к идеализму славянина подмешан мистицизм финского знахаря, беспокойный Пэр-Гинт с рефлексией Макса Норда¹, сложное *mixtum compositum* кухни современного европеизма. Человек импульсивный, страстный и опасный, ибо у него нет слабой стороны в виде задерживающих центров. Ему приписывают формулу: “Украина не хочет самостийности. Тем хуже для нее – пусть пройдет через чистилище большевизма, если это необходимый путь к самостийности”. И он действительно, не смущаясь, шел на соглашение с большевиками.

Симон Петлюра – трагический символ современной Украины – гораздо более национален; это упрямый “хохол”, несколько тупой, хитрый, недоучка и самоучка, но человек с настойчивостью, характером

и Украиной должна открыться настоящая война, должна пролиться кровь, чтобы обе стороны поняли историческую необходимость соглашения и прочного, основанного на уважении и признании действительно существенных интересов мира? Боюсь думать об этом, но, кажется, это вооруженное столкновение одно может сурово научить русских политических мыслителей и деятелей признавать законность и неустрашимость основных требований украинцев, а украинских политических мыслителей и деятелей научить трезвости и сознанию неосуществимости и исторической бесплодности добиваться идеала державности “Великой Украины”» (Зеньковский В. Цит. соч. С. 11–12).

1 Правильно: Пер Гюнт (лит. персонаж) и Макс Нордау, автор медицинских и социологических интерпретаций факторов, породивших описываемое им явление вырождения. Нордау говорит о повсеместном ниспровержении моральных ценностей. На материале произведений О. Уайльда, Ф. Ницше, Р. Вагнера, Г. Ибсена и др. показывает их предрасположенность к искусству, которую можно было ожидать от людей с психическими заболеваниями (истериков, неврастеников и т. д.). Нордау считал их творения продуктом не только личным, но и общественным из-за общей болезненной атмосферы, в которой пребывала Европа в означенном периоде.

и огромным честолюбием, отравленный ядом случайно свалившейся в руки власти. Не теоретик и не мыслитель, он один умеет организовать и действовать. Черты гайдаматчины живы в нем, и немцы знали, кто им может пригодиться в соответствующий момент, ибо Петлюра искусно ориентируется в трудных положениях, умеет влиять на людей и организовать их...» Далее Могиланский упоминает и С. Ефремова, публициста и историка литературы, «трудолюбивого работника и постоянно шедшего вперед мыслителя. В общем, у власти оказалась молодежь социалистически настроенная»².

Важной «чертой политической психологии украинской интеллигенции я считаю ее склонность к театральным эффектам, романтическую драпировку под старину («гетманщина» одна чего стоит – это и монархия, и республика одновременно), любовь к красивым сценам, погоню за эффектами», заключал В. Зеньковский³.

Куда более острыми становились взаимоотношения между разными этническими элитами. Немногим позже кабардинский лидер Н. Катханов говорил татарским элитам: «Я знаю, куда вы гнете Вашу речь, хотя и не говорите об этом прямо: вы хотите, чтобы тюрко-татарский мир снова оживился, поднялся бы на ноги и стал бы греметь и “гудеть” в истории. Мы, народы Кавказа, когда-то слышали это ваше “гудение” и “жужжание” в истории: ваши полчища проходили, растапывая Кавказ, разоряя его и [топя] в крови. Но история никому не позволяет “гудеть” все время одному. Знайте: “гудеть” вам больше не дано. Сегодня на широких просторах СССР “гудит” другой народ – русские. Гудит по своему, а это его гудение слышно по всему миру. Вам, я вижу, неприятно это “гудение” русского народа, который по-своему переделывает мир»⁴.

2 Могиланский Н. Трагедия Украины (из пережитого в Киеве в 1918 году) / Архив русской революции. Т. XI. Берлин, 1923.

3 Зеньковский В. Пять месяцев у власти.

4 Мирсаид Султангалиев. Избранные труды. Казань, 1998. С. 119.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Февральский нарратив выписал новое пространство, сформировал новую драматургию и новую сценографию. В феврале 1917 г. в России «национальный вопрос» возник, с одной стороны, как стратегия различных этнокультурных социальных групп, направленная на создание собственных национальных институтов управления с целью повышения статусных позиций. В первую очередь интеллектуалов из традиционных социальных страт и из страт новых, возникших в результате становления индустриального общества. С другой стороны, как реакция вертикальных и горизонтальных механизмов традиционных этнокультурных социумов на культурную гомогенизацию индустриального общества, планируемую новой властью, основным его агентом.

Если понимать идеологию как стратегию поведения общероссийских партий, то они оказались не готовы к управлению страной в принципиально новых условиях.

Наиболее развернутую оценку этнокультурному дискурсу в феврале – октябре 1917 г. дал известный социолог М. Вебер. Как писал позже видный деятель УЦР Н. П. Василенко, он начал учить русский язык, изучать и собирать исторические документы по освободительному движению с помощью Б. А. Кистяковского. Тот снабжал его нужными материалами, освещал события, которые в некоторых аспектах совершенно непонятны иностранцу¹.

Оценивая ситуацию февраля – октября 1917 г., М. Вебер представлял политическую реорганизацию России в будущем в демократически-федеративное государство, отводил ведущую роль политическим группам и детально рассматривал их способность вести страну в таком направлении².

Вебер считал, что Февральская революция является лишь «надувательством», сменой вывески, а ее официальные руководители, образовавшие Временное правительство, не имеют вкуса к принципиальным реформам и неспособны их провести. Во Временном правительстве

---

1 Сведения взяты из биографического очерка о Б. А. Кистяковском, написанного Н. П. Василенко. Он впервые опубликован на украинском языке в «Записках соціально-економічного відділу», издаваемых Украинской академией наук (Киев, 1923. Т. 1. С. VIII-XLI). См. также: *Василенко Н. П.* Академик Богдан Александрович Кистяковский // Социологические исследования. 1994. № 4. С. 129.

2 *Weber M.* Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918. Tübingen, 1988. S. 94, 129; *Шпакова Р. П.* Макс Вебер о становлении демократии в России // Социс. 2003. № 3.

таких реформаторов, как Витте и Столыпин, которые были в прежнем, царском правительстве, он не видел. Результат «новоиспеченной русской “демократии”» ничтожен, – делает вывод Вебер. Лидирующие группы имеют свои узкие интересы и в преобразовании страны заинтересованы лишь в той мере, в какой оно будет способно удовлетворить их интересы. Да и сами эти интересы, как показывает Вебер, направлены вовне, за пределы страны и носят империалистический характер. Они успешно «заменяют теперь мечтания о “правах человека”». Как правящие круги, так и интеллигенция России страстно берется за решение зарубежных проблем, не желая решать, а порой и замечать острейшие проблемы в собственном доме: «Константинополь и так называемое “освобождение” славян – *это* кажется практичным: выполнение *этих задач* национальной великорусской бюрократией подменяют сегодня пустые мечты о “правах человека” и “учредительном собрании”. Этот империалистический миф и особенно идея великорусского господства внутри самой России оставались близки буржуазной интеллигенции на протяжении всего освободительного движения. Она боролась как будто бы за одну свободу, но как только появились признаки того, что цель достигнута... обратила свои взгляды на Константинополь и западную границу».

Вебер подчеркивал, что *«нет и речи о замене великорусского чиновничества... функционерами, которых свободно выбирала бы себе каждая национальность, или о ландтагах и других подобных правомочных институтах, то есть о такой автономии, какой пользуются, скажем, чехи, хорваты или словенцы в Австро-Венгрии... Империалистически настроенные члены правительства и в особенности думские круги хотят господства бюрократии и офицерского корпуса, формируемых исключительно из великорусской среды, над другими народами. Так было всегда, независимо от того, кто правил Россией. Из-за этой проблемы и вспышки великорусского национализма потерпела поражение предыдущая революция. Социалисты, опасаясь, что подобное может повториться, тоже должны как-то к такой ситуации приспособиться. Господин Гучков и другие... дают обещания по “национальному вопросу”. Но никто не верит, что они будут добросовестно выполнены... Не верит в это и сам господин Гучков. И уж тем более не верят в это господа Керенский и Чхеидзе. Но им приходится принимать во всем этом участие».*

Далее он пишет: «Существование украинской нации они отрицали, а польскую автономию были готовы обсуждать лишь потому, что

для будущей экспансии России нужны были “друзья на западной границе”. “Освобождение” всех и всяческих народов было провозглашено особой задачей Великороссийства, в то время как в самой России дело свободы надо было еще начать и закончить. Маленькая группа идеологов старой *драгомановской* школы, стремившейся к превращению России в федерацию подлинно равноправных национальностей, либо продолжала заниматься самообманом, либо полностью потеряла влияние и жила в вечном страхе еще больше раздражить своих товарищей, погрязших в великорусском шовинизме»¹.

В феврале 1917 г. страх исчез.

Национальные партии требовали буквальной реализации идеала. Всего исторически итогового в реальной и причудливой мультиэтнической композиции с большой долей в ней иудаизма, мусульманства, буддизма, христианства, Ф. Ницше и К. Маркса. Всему этому надлежало стать отправной точкой зарождающегося кипучего эксперимента развития, в центре которого – «демократические стандарты», но с принципиально разным представлением об этих стандартах, отграничивающих не только *территории*, но и универсальные и не слишком универсальные ценности. Политическая обстановка настоятельно требовала в первую очередь становления национальных институтов государства. Они развивались параллельно и даже обгоняли в своем развитии процесс формирования и уточнения политических стратегий и средств политических партий. *Предлагаемые общероссийскими партиями политические средства не могли подверстать под себя динамику национального развития*. Она вращалась вокруг двух полюсов – вполне еще вероятных этатистских триумфов и не менее вероятных и прогнозируемых этатистских поражений.

Несмотря на резкую оценку М. Вебера, Временное правительство все же нацеливалось на системное решение проблем России в расчете на долговременную перспективу. Считалось, что обострение межнациональных противоречий не причина, а следствие других, более существенных внешне- и внутривнутриполитических проблем.

Но глобальные доктрины и проекты спасения общества обесценивались. Выяснялось, что они неприложимы к действительной жизни, не содержали конкретных ответов на важные вопросы.

Доктрины и проекты подвергались разрушению «на улицах», размывали партийные установки. Активисты разных идеологий энергично

¹ Вебер М. Переход России к псевдодемократии (1917 г.) // Космополис. 2005. № 3 (13).

перемещались с периферии в центр общества. Национальные съезды ставили перед партийными идеологами задачу корректирования своих концепций. Они начинали всерьез затрагивать проблему власти. Профессионально «компетентные» претенденты на власть неожиданно убеждались в том, что они не могут противопоставить митинговым лозунгам некомпетентных участников съездов конструктивную программу. Активность этнических элит на съездах делала очевидным тот факт, что профессиональная компетентность еще вовсе не означает способность к административному лидерству, к тому же требует глубокого понимания специфики этнических регионов, умения объединять их вокруг новых идеалов. Прежде представлявшееся «неважным» внезапно оказалось реальнейшим. То, что было «реальной жизнью», распалось, обнажая свою иллюзорность.

Большее внимание отводилось идеологическим и партийно-клановым установкам в трактовке исторических событий, несмотря на их ограниченность и субъективизм. Как показывает приведенный исторический материал, сложные механизмы управления полиэтническими конструкциями требовали большой ответственности со стороны всех политических акторов. Использование национальных мифов и эпосов, этнографических карт, этнокультурных ресурсов периодической печати, как впервые показано в монографии, влияло на разнонаправленные процессы – этноинтеграции и этнодифференциации. Политическая ангажированность российского гуманитарного знания в целом вела к падению удельного веса интеллектуально-познавательного ресурса. В условиях переходного состояния государства все это усложняло выход из кризиса и установление необходимого баланса между партикуляризмом-автономизмом и универсализмом.

Сопутствующие попытки объяснить на позитивистской основе традиционные регулятивы автономных культурных ресурсов и их продуктов также уже не следовали каким-либо строго очерченным путем. Напротив, в «погоне за истиной» траектории становились еще зигзагообразнее, расходились в разные стороны. Расходились и пути профессиональных востоковедов и славистов, и тех, кого В. Р. Розен и А. А. Шахматов ценили как «местных деятелей». Академические ученые продолжали осмыслять оппозицию исламо- и христианоцентризм, утрачивающих самобытность каждого из взаимодействующих с ним верований, их соотнесение с метасредой не как простых частей с бесконечно превосходящим их целым, а как равноценных «микрокосмов» противоречивого и, вместе с тем, целостного континуума.

Становилось понятней, что жизненные элементы культуры беспрепятственно «втягивают» в себя наиболее ценные достижения другого. Но и исторические мифы **уже выполнили свою роль: они** добились пробуждения национальных чувств. «Местные деятели» интенсивно уходили в политику. Их сила была в том, что они, как в свое время Мухаммед, заронили новый фермент в «застоявшуюся массу древних культурных рас, выпустили на арену свежих борцов», на это указывал еще В. В. Розен¹. Историческая наука становилась ядром национальных культур. Вопросы этнической истории оказались полезными для сбрасывания с себя комплексов национально-исторической неполноценности, для обоснования перспективы собственного будущего в новом государстве. Репрезентирующая функция национальной истории, представляющая свой народ внешнему наблюдателю, превращалась в важный фактор, влияющий на планы государственного переустройства.

Этнополитические движения стали важнейшей частью дизайна 1917 г. На протяжении лета и осени постепенно вырисовывалось представление о федеративном принципе государственного устройства как наиболее приемлемом и даже единственно возможном в сложившихся условиях. Расширялось общественное признание принципа культурно-национальной автономии. Отмечается огромное количество разнообразных попыток совместить *универсализм с партикуляризмом-автономизмом*: разные культурные традиции и территории с разным уровнем развития – в едином политическом образовании. Трудность задачи заключалась в том, что она не имела единого средства разрешения и могла решаться только *опытным путем*, методом проб и ошибок, накопления удач и заблуждений. *Искусство поддержания этого баланса в российском сообществе, по сути, оставалось имперским вариантом национальной политики.*

Наряду с этим открывалась весьма интересная лаборатория слияния интеллектуальной истории и политической практики, широких возможностей осмысления самых неожиданных хитросплетений национальных и имперских идентичностей. Конечно, меньше обращалось внимание на многомерность исторического пространства, на единство позитивных и негативных его сторон; на кооперационный эффект человеческой деятельности и роль исторических личностей, на неразрывность судеб различных государств и возглавляющих их политиков. Больше внимание отводилось идеологическим и партийно-клановым

1 Розен В. Р. Рецензия на «Alberuni's India» // ЗВО. Т. III. С. 153–154.

установкам в трактовке текущих событий, несмотря на их ограниченность и субъективизм. Механизмы реализации этнически окрашенных требований представлялись довольно смутно.

Весной – летом 1917 г. завершен переход понятия «нация» и «национализм» в руки левых радикалов. Напомним, что в 1870–1880-е гг. эти утверждающиеся понятия постепенно захватывали консервативные силы, «втискивали» эти понятия в рамки империи, народа (*populus*), мира (*orbis*), ойкумены (*uirbs*). Либералы борьбу за эти понятия сдали почти без боя, сосредоточиваясь больше на проблеме синтеза римского и русского универсализма. В 1888 г. в Париже Вл. Соловьев в лекции «Русская идея» говорил: «Идея нации есть не то, что она думает о себе во времени, но то, что вы думаете о ней в вечности»¹. В отличие от мессианского отношения к проблеме русских философов, в нерусских этнических элитах больше внимания уделялось прикладным свойствам нации. Характеризуя события 1917 года, В. М. Чернов прямо указывал: «Давление со стороны национальных меньшинств, которое могло стать мощным побудительным стимулом к дальнейшей совместной работе, превратилось в разрушительную силу»². Многочисленные факты, их сложнейшая мозаика воспринимались еще целиком, но в этой мозаике уже не игнорировались этнические отличия, идейные и политические течения (те же идишистские, сионистские, джадидские идеологии). Такое разнообразие «ферментов», их «страстная прямолинейность» объясняют, почему «местные деятели» не сводили историю сосуществования, конкуренции и взаимодействия альтернативных моделей культурного и политического сообщества к единственной организационной модели. Какой бы внутренне логичной она ни казалась правоведам Временного правительства, она искажала историческую и современную динамику и характер взаимоотношений между будущим и прошлым.

Поначалу подозрения, а с лета – пессимизм выводов о планируемом господстве в политическом пространстве ассимиляционных практик, нарастание и подозрений, и выводов, особенно в среде мусульманских интеллектуалов, являлись лишь симптомом плохой приспособляемости разных идентичностей к новым установкам и практикам. В целом это свидетельствовало о плохой приспособляемости

1 Соловьев В. С. Соч. Т. 2. М., 1989. С. 220. Лекция опубликована в России в 1903 г. в журн. «Вопросы философии и психологии».

2 Чернов В. М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920. Гл. 14. Турик в национальной политике.

новых властных структур к новым потребностям, способствовало жарким дискуссиям и противоречиям. Они становились главным элементом формирования этнического сепаратизма, который всегда является реакцией на политическое ослабление центра. С появлением национальных институций (комитетов и пр.) принадлежность к определенному этносу становилась более важной или единственно важной для представителей этнорегионального сообщества.

Россия, как бывшая крупнейшая империя, продолжала играть важную роль в геополитических играх. Усилилась роль и внешних, экзогенных факторов, вступающих в сложные взаимодействия с эндогенным компонентом. На стадии их слияния в единый поток возникали своеобразные точки «бифуркации»: даже случайные факторы становились сценарными детерминантами. В «бифуркационных» ситуациях вклад второстепенных и даже третьестепенных акторов становился сопоставимым по своей значимости с вкладом геополитических доминант в углубление противоречий между Временным правительством и этническими активистами в регионах.

Главный просчет Временного правительства состоял в том, что оно не воспринимало национальные комитеты в качестве местных субъектов управления. Политическая ситуация, с ее нестабильностью власти, позволяла этническим элитам постоянно корректировать дискурс национально-культурного возрождения, в котором парадигма этничности стала наделяться наивысшей ценностью.

Наряду с этнокультурными проблемами на повестку дня национальных комитетов встал вопрос, в котором не усматривалось сепаратистских от общего государственного тела устремлений. Вслед за проблемами «вертикальных» связей со структурами центра обозначились проблемы «горизонтальных» связей с соседями. Требовалась ясность в том, на какой территории будут они действовать, если разрушены старые системы управления и их границы и компетенции? Одновременно российская идентичность не только уходила на задний план, но и приобретала негативную валентность, становясь чужой.

Дальнейшая разработка проблем централизма и децентрализма, автономии и федерализма, самоуправления народов и их порыва к культурному творчеству выпала на долю большевиков. После Октября 1917 г. большевики не без труда, но «подберут» ключи и к этим понятиям, и к этническим элитам, сформируют и автономные структуры (которых остерегались либералы Временного правительства), найдут элитам место в центральных структурах власти. Хуже будет обстоять

дело с восприятием элитой большевистской трактовки национализма. Произойдет размен, до поры до времени устраивающий обе стороны. Но Временное правительство, не отринув свои «каноны», позволило все же нерусским элитам свободно обсуждать национально-политическую стратегию жизнеустройства своих народов.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абашидзе К.Г. 146, 166
Абдрахманов А.А. 112
Абдул Хамид 314
Абдулаев А.-Б. 202
Абдулатипов Р.Г. 149
Абдул-Кагар-Хаджи 203
Абдулкадыров М.К. 199, 202
Абдуллаев М.А. 40
Абдулхаликов К. 150
Абрамович Р.А. 237, 265
Абуков М. 199
Абулгази Багадур-хан 334
Абылгазина А.230
Абылхожин Ж. 230
Авалов (Авалишвили) З.Д. 89
Авксентьев Н.Д. 253
Агаев А. 310, 314
Агамбен Дж.111
Агаронян А. 170
Агбалян Н. 170
Агеев Ф. 210
Агурский С.Х. 187
Аджалов С. 217
Аджемов М.С. 138
Адибеков А. 120
Айзенштадт Ш. 276
Айкуни Г.С. 166
Акаев А. 308
Аксайский А.-В. Х. 39
Актолиев И. 203
Акчура Ю. (Акcura Yusuf) 307, 310, 311, 313, 314, 336, 342, 343, 345
Акчурин Г. 229
Алаев А.Н. 60
Алдатуков И. 90
Алеврас Н.Н. 379
Алеева Г.У. 112, 113
Александр II 278
Александр III 183
Александр Македонский 186, 291
Александр Невский 360
Александров Г.А. 207
Александрович Д. 210
Алексеев 381
Алексеев С.А. 69, 173, 365
Алексеева П.Э. 232
Алибеков Г.А. 229
Алиев К. 314, 315
Алиев Ш. 202
Алкадарский А. 202
Алкин И. 150, 160, 226, 229
Алкин С.-Г. Ш. 149, 160, 227
Аллой В.Е. 381
Альбергоев Р. 202
Альдиев С. 202
Алюнов (Федоров) Г.Ф. 207
Амагаев Н. 196
Аманжолова Д.А. 188, 222, 270
д'Амелиа А. 381
Амирхан Ф. 177
Амирханов Р. 290
Амирэджиби Ш. 311
Амосов М.К. 263
Андагаев Л. 347
Анджуляйтис 48
Андреев А.М. 236
Андреев А.Ю. 182
Андреев В.П. 279
Андреев Л. 329
Анин М. 38
Аннинский Л. 357
Ан-ский Ш. 330
Антанович Н.А. 71
Антонович В.Б. 175, 364-368
Анучин В.И. 291
Анучин Д.Н. 59, 331
Апанай Г. 160
Аракелян А. 42
Арапов Д.Ю. 323
Арбатов З.Ю. 132
Арендт Х. 62
Аржаков С. 236
Арманд И. 65
Арминас-Трупинелис П. 94

- Арсанов Д. 38
Арсанукаев И.Д. 199
Арутюнян С. 170
Архангельский Н.В. 145
Архипов И.Л. 147
Аспелин Й. 330
Асфендиаров С.Д. 75
Атласи (Атласов) Х. 180, 217, 229, 335, 336, 342
Атнагулов С. 218
Ахиезер А.С. 128
Ахмадуллин Ф.А. 218
Ахмаров Г. 343, 344
Ахматович А.А. 107
Ахмедов Э.М. 339
Ахмеров Г. 333,342
Ахтямов Ибн. 150, 153, 211, 226, 228, 229, 307
Ахун М.И. 118
Бабаджанян М. 170
Бабаев Р.Я. 112
Бабаков В.В. 233
Бабалян А. 170
Бабич Ш. 218
Багaley Д.И. 175, 365, 368
Бадмаев Н.Б. 349
Бадмаевы Н.Н. и Г.Н. 236
Бадмацэрэнов Ц.-Д. 292
Баженова Т.М. 197
Базанов И.А. 143
Базилев Г.М. 139
Базилевич В.Д. 88, 373
Байрамлы О. 346
Байрамуков А.М. 198
Байрамуков М. 198
Байтурсьнов А. 45, 174, 270
Байчоров С.Х. 198
Бакеев Х. 229
Бакиханов А.К. 334, 338
Бакунин М. 27
Балаев А. 43, 347
Бальмонт К. 288
Бамматов Г. 270
Бантышева Л.Л. 112
Барадин Б. 156, 196, 233
Барановский Х.А. 253
Барахов И. 236
Бардиж К.Л. 145, 146
Барлыбаев Р. 112
Бартольд В.В. 93, 296, 319-323, 327, 332, 338, 339, 341, 342, 344, 352
Баруди А. 220
Баруди Г. 228
Басханов М.К. 295
Батиев Д.А. 188, 203
Баттал Г. 342, 344
Батунский М.А. 321, 322, 324-326, 357
Бахметьев Б.А. 135
Бахтурина А.Ю. 55
Баянов С. 175, 232, 349
Бегзаян Т. 170
Беданок И. 315
Бекжан М. 313
Беленький И.Л. 357
Беленький С. 168
Белошапка Н.В. 103, 163
Бельскис 236
Белый А. 290
Беляева О.М. 86
Бем А.Л. 387
Берберова Н. 362
Бердяев Н.А. 14, 62, 134, 280, 361, 381, 382
Берия Л.П. 268
Бернадский М.В. 330
Бернхайм Э. 344
Бертельс Е.Э. 319
Бехтерев В.М. 89
Бигиев М.Дж. 107, 150, 326
Бикбов Ю. 195
Биккулов И.З. 228
Биккулов К.Д. 342, 343
Билимович А. Д. 362
Білокін С. 287
Бим-Бад Б.М. 205
Биримжанов А. 45
Бичиева И.С. 341
Бобринский Г.А. 364
Богданов М.Н. 195, 196, 233, 234, 292
Богданов Н.Н. 140

- Богданович Е.Г. 72
Богданович М. 300
Боголепов А.А. 101
Богораз-Тан В.Г. 15, 54
Богородицкий В.А. 353
Богословский М.В. 299
Богословский М.М. 360, 365, 378
Боданинский У. 151
Бодуэн де Куртенэ И.А. 94, 176
Болдырев Д.В. 52, 53, 109, 269
Болтенкова Л. 149
Бондаренко Н.С. 367
Бораганский И. 91
Борисов Т.К. 205
Борман А. 80
Борукаев К. 199
Борщуква Е.Д. 55
Босхомджиев О.Б. 232
Ботвинник И.Р. 91
Бочагов А.К. 213
Боярский П.М. 138, 139
Браудо А.И. 258
Браун Я. 27
Брейяр С. 16
Брешковская Е. 58
Бриевич Е.Д. 89
Бритаев Е. 201, 202
Брокгауз Ф.А. 14, 101, 287
Бруцкус Ю. 37, 239
Брыгадзін П. 237, 298
Брюллов А.П. 14
Брюллова-Шаскольская Н.В. 14, 15, 22, 24, 25
Брюсов В.Я. 289
Буби Г. 227
Буби М. 228
Бубликов А.А. 134
Будницкий О.В. 135
Буздуган И. 71
Букейханов А. 45, 150, 153, 174, 262, 269, 342, 345
Булат А.А. (Булота Андрус) 101, 102, 265
Булгаков С.Н. 108, 113, 361, 382, 383
Булдаков В.П. 7, 57, 58, 62, 73, 167, 174, 181, 189, 194, 232, 236, 255, 256, 265, 284
Бульон Франклин 312
Булыгин А.Г. 125
Бурда Э. 162
Бурджалов Э. 163
Бурсов И. 181
Бутаев А. 202
Бухерт В.Г. 142
Бывалькевич П. 158
Быч Л.Л. 90
Бялик Х.Н. 240
Вагнер Р. 388
Вазилло А. 158
Вайнберг И. 111
Вайнштейн (Рахмиэль) А. 237
Валиди (Валидов, Тоган З.В.) А. -З. 150, 151, 178, 192-195, 214-216, 218, 221, 222, 224, 228, 229, 285, 332, 335, 338-340, 342-344, 352
Ванданов С. 292
Варнавский П.К. 233
Варшавский М. 175
Василенко Н.П. 88, 143, 148, 174, 176, 264, 235, 390
Васильев А.А. 369
Васильев А.Д. 310, 337
Васильев В.М. 204, 206, 351
Васильев Д.Д. 310, 337
Васильков Я.В. 75
Вахидов С. 160
Вахитов М. 214
Вахтеров В.П. 89
В-вий В. 92
Вебер М. 79, 109, 110, 115, 390-392
Векилов М. 120, 123, 224
Велиев Н. 217
Величко К.П. 265
Веллингтон 186
Верба І. 173
Верещагин Г.Е. 204, 351
Вермишянц (Вермишев) Х. 220
Вернадский В.И. 84-88, 164, 166, 264, 366, 369, 372-374, 376
Вернадский І. 88

- Вернигоров В.И. 72
Версток В. 148
Верт Н. 133
Верховский А.И. 56
Веселовский 359
Веселовский Н.И. 146
Веселовский С.Б. 358, 359, 379, 380
Веске М.П. 352
Вилейшис Й. 48, 49
Вилимавичус В. 312
Вильсон Т.В. 49, 311, 314
Винавер М.М. 38, 101, 183, 190
Винер Ш. 286
Винниченко В.К. 33, 44, 70, 136, 173, 177-181, 244, 249, 250, 253, 254, 259, 260, 262, 386, 388
Виноградов В.Б. 301
Виноградов П.Г. 13, 133, 356
Винчи Леонардо да 186
Витте С.Ю. 84, 391
Вихман Ю.Й. 351
Вишняк М.В. 74, 101
Владимирцов Б.Я. 350
Водовозов В.В. 101, 176
Войтинский В.С. 252, 271
Волков В.К. 242
Волков Ф.К. 93
Волобуев П.В. 145
Волхонский М. 153, 195, 223, 303
Вольдемарас А. 102, 121
Вольтер Э.А. 93, 94
Вольф М.О. 186
Вольф Э. 37, 97
Воронко И.Я. (Язэп Варонка) 266, 300
Воронков М.С. 145
Воронов С.Н. 57, 108, 242
Врангель П.Н. 312
Высоцкий З. 345
Вышеславцев Б.П. 381, 382
Вышинский П. (Вышинскис) 48
Вязинский И.М. (И. Вязинер) 286
Габашвили Е. 311
Габашвили Р. 311
Габиев С. 199, 202
Габрис-Паршайтис (Gabrys-Parsaitis Juozas), Ю. 312
Габяши Х.-Г.М. 226, 335, 342, 344
Гаврилов С.Г. 206
Гаджи Узун 39
Гади М. 334
Гадиев М.Ю. 76
Гаитов К. 202
Гайда Ф.А. 101, 163, 197
Гайсумов 38
Галванаускас Э. 312
Галиуллина С.Д. 142, 143
Галсанов Ж. 292
Галузо П.Г. 98, 99
Гальпер[и]н А. 237
Ганиев С. 153
Гапоненко Л.С. 141, 163
Гарабекян М. 170
Гараева Н.Г. 339
Гарт Л. 135
Гасанов А. 201
Гасимов М.Ш. 112
Гаспринский И. 121, 175, 217, 220, 325
Гафури М. 289
Гегечкори Е. 257, 311
Гедин С. 349
Гелескул А.М. 65
Георг V 237
Герасимов О.П. 84, 92
Герасимов П.В. 104
Герасимов Ф.Г. 145
Герасимова К.М. 209
Герд К.П. 204, 205
Гердт В.А. 89
Гермайзе Й. 371
Герцен А.И. 55, 111
Гершензон М. 380-382
Гессен И.В. 84
Гессен В.М. 84, 101, 102, 104, 124, 125
Гешаев М. 199
Гизо Ф. 343
Гинзберг Э.Г. 125
Гинзбург-Наумов А. 237
Гинцбург Г. 286
Гинцбург Ц.Т.
Гиппиус З.Н. 111, 135, 137

- Гирченко В.П. 264
Гисаев З. 199
Гладкий И.Е. 146
Глезденев П.П. 204, 206, 351
Гнедовский М.Б. 7
Говард Г. 344
Голоскевич Г.К. 89, 259
Голубович В.А. 260
Голубовский П.В. 365
Гольдельман С.И. 149, 243, 262
Гольденвейзер А.А. 69, 173, 242, 243, 249, 250
Гольдман Э. 80
Гольман М.В. 157
Гомбоев Б.-Д. 196, 233
Гончарик А.А. 105
Гордлевский В.А. 143, 339, 340
Горемыкин И.Л. 379
Горизонтов Л.Е. 185
Горецкий Г. 298
Горький М. 111, 265, 289, 291, 329
Готье Ю.В. 111, 358-360, 379, 380
Готьо Р. 96
Гоц А. 237
Гоцинский Н. 39, 40, 194, 203, 229
Грабарь В.Э. 141
Грабарь И.Э. 141
Граббе М.В. 163
Грабский Ст. 310, 364
Граве 362
Градовский А. 370
Граменицкий С.М. 332
Грановський Б. 173
Гревс И.М. 87, 105
Гредескул Н.К. 81
Греков Б.И. 242, 310
Гриб Т. 300
Григорьев В.К. 230
Григорьев Н. 245
Гримм Д.Д. 84, 86, 92, 100, 357, 369, 371
Гримм Э.Д. 86, 357
Гринберг Х. 239
Гринев 143
Гринько Е.Д. 146
Гришина Н.В. 379
Гронский А.Д. 313, 317
Гронский П.П. 20
Гросул В.Я. 55
Грум-Гржимайло Г.Е. 295
Грушевский М.С. 16, 17, 69, 121, 122, 149, 166, 171-174, 185, 243, 244, 249, 259, 286-288, 296, 297, 299, 300, 317, 325, 365-372, 375, 376, 378, 379, 386, 388
Губайдуллин Г.С. 75, 160, 309, 333, 334, 336, 337
Губайдуллин С. 177
Губогло М.Н. 217
Гульбин Г.Г. 92
Гумаров Г. 45
Гумилев Л.Н. 344
Гурвич С. 175
Гуревич А.Я. 191
Гуревич Я.Я. 89
Гуриели С. 166
Гусев В. 262
Гусейн-заде А. 310, 314, 345, 346
Густерин П.В. 325
Гутман М. 266
Гучков А.И. 13, 81, 82, 134, 258, 278, 391
Давидсон А. 21, 114
Давлетшин Т. 222
Давлетшин Ф. 218
Даидбеков А.-Г. 202
Далгаты Б. и А. 194
Далгат Б.К. 199, 201
Далгат М. 199
Даль В.И. 334
Даминов Р. 160
Дан Л. 178
Дан Ф.И. 237
Данилевич В.Е. 365
Данилевский Н.Я. 342
Дарбаев Д. 292
Дарендорф Р. 183
Даукантас С. 94
Даукша М. 94
Дахадаев М.-А. 201
Дахадаева Н. 307
Девдариани С. 286

- Девриен А.Ф. 345
Демм Эберхард (Eberhard Demm) 313
Демолен Э. 314
Демченко Г.В. 361
Демьянов А. 165
Деникин А.И. 57, 60, 261, 362
Деревицкий А.Н. 143
Деревянко А.П. 184
Держожинский В.Ф. 12
Джабагиев В.-Г. 194, 195, 199, 201, 202
Джайнаков И. 150
Джангильдин А. 187
Джангильдин Ч.А.
Джантюрин С.С. 149, 227, 307
Джафаров М.Ю.-Г. 146, 165, 166, 342
Дживелегов А.К. 28
Джиоев Н. 199, 202
Дзагуров Г.А. 76
Дзержинский Ф.Э. 32
Дикий А. 174, 243
Диманштейн С.М. 214, 224
Димитриев В.Д. 161, 207
Динин В. 261
Дмитриев А.Н. 172, 361, 373
Дмитриев А.Л. 371
Дмовский Р. (Dmowski R.) 310, 315, 316, 363, 364
Довбор-Мусницкий И.Р. 158
Додонов Б.Ф. 146
Додонов Р.А. 366
Довлатов М. 45
Довнар-Запольский М.В. 58, 71, 269, 297, 299, 300, 365, 371
Дози Р. (Dozy R.) 343
Дойков Ю. 267, 277
Донелайтис К. 94
Донцов Д. 44
Доржиев А. 156, 196
Доржиев Агван 348
Дорошенко Д.И. 249, 259, 371, 372, 387
Доррер Г.И. 164
Досмухамедов Дж. 151, 152, 154, 155, 222-224, 229, 230
Достоевский Ф. 63
Драгоманов М.П. 88, 93, 175, 240, 241, 373
Дрезен А.К. 118
Дрепер В. 343
Дубин М. 308
Дубнов С.М. 97, 175, 179, 183, 191, 328, 329
Дубнова-Эрлих С. 191
Дубровин Н.Ф. 298, 301
Дуйшеналиева Т.А. 112
Думова Н.Г. 84
Духонин Н.Д. 56
Душанова А. 151
Дьяконов М.А. 93, 356
Дьяченко О.В. 317
Дырхеева Г.А. 233
Дякин В.С. 378
Евсеев М.Е. 204, 351
Егоров И.В. 357
Егоров Ф. 352
Елецкий П. 369
Емельянов Ю.Н. 124
Еникеев Г.Х. 227
Енукидзе А.С. 188
Ерасов Б.С. 276
Ергин Ю.В. 144, 194
Еремиев М. 245
Ерман Л.К. 181, 182
Ермоленко Т.Ф. 296
Есаков В.Д. 320, 356
Ефремов С. 259, 389
Ефрон И.А. 14, 101
Жабаева Л.Б. 263
Жаботинский В. 210, 239, 374, 375
Жаков К.Ф. 204
Жамцарано Ц.Ж. (Жалецаранов Ц.) 178, 186, 196, 233, 347, 348, 350
Жданов Л.А. 188
Жевахов Н.Д. 135
Жекулина А.В. 387
Жемайте Ю. 94, 102
Жеребцов И.Л. 188
Животко А. 309
Жигжитов 156
Жилунович Д.Ф. (Змитер, Тишка Гарт-ный) 180, 181, 300

- Жирмунский В.М. 268, 292
Жордания Н. 18, 42, 50, 165, 311
Жорес Ж. 177
Жукович П. 158
Жуковский В.В. 319
Жуковский Е.М. 348
Жундибаев Г. 45
Завриев (Завриян) Я.Х. 87, 169
Загоровский А.И. 175
Загребин А.Е. 205
Зайцев И.В. 296
Закарян П. 170
Закирова В.И. 112
Зарипов М. 290
Зарубин В.Г. 177
Зарубин И.И. 96
Зарубина А.А. 177
Зарудный А.С. 103, 275
Заславский Д.И. 115
Заславский Д.О. 361
Звегинцов В.В. 55
Зверева В.В. 287
Зевелев А.И. 53
Зеелер В.Ф. 146
Зейналлы Х. 75
Зеленин Д.К. 295, 359
Зелиб А. 308
Зелинский М.В. 363
Зеньковский В.В. 127, 128, 134, 135, 136, 149, 178, 254, 359, 362, 371, 372, 381, 382-384, 387-389
Зеткина И.А. 204
Зильберфарб М. (М. Базин) 238, 261, 262
Зиневич Д.М. 118
Зинова Р.А. 298
Зиновьев В.П. 279
Злоказов Г.И. 189
Знаменский О.Н. 181, 182
Золотарев Д.А. 94, 95
Золотарева Н.А. 146
Золотунин А. 338
Зорян Р. 169
Зульпугаров А. 202
Зыкова В. 77
Ибрагимов А. 310
Ибрагимов В. 160
Ибрагимов Г. 217, 342
Ибрагимов М.И. 290
Ибсен Г. 388
Иванов А.Е. 179
Иванов В. 237
Иванов В.А. 319
Иванов В.М. 206
Иванова Вяч. 382
Иванов Ю.Ф. 362
Иванов-Виленский В. 121
Ивановский И.А. 125
Игнатов В.Г. 138
Игнатовский В. 300
Игнатъев П.Н. 141
Игрицкая М.Р. 274
Измайлов Р. 335
Ильин И. 137
Ильминский Н. 185, 323
Иодко-Наркевич В. 26
Иорданский 67, 264
Иорданский Н.Н. 89
Иремашвили И. (Iremaschwili J.) 286
Исабекова А.Б. 112
Исаев Б.-М. 199
Исмайлов Р. 302
Истрин В.М. 356
Исхаки Г. 150, 153-155, 174, 192-194, 210, 215, 222, 224, 226, 290, 307, 340
Исхаков Н. 285
Исхаков С.М. 57, 72, 82, 96, 123, 154, 155, 189, 194, 221, 226, 229, 270, 310, 314
Исхаков Д.М. 307
Ичас М.М. 236, 237
Ишков Л.А. 142
Кабанов Н.А. 24
Каган М. 175
Кагаров Е.Г. 359
Кади Абдурашид Ибрагим 314
Кадыри З. 161, 217, 227
Кажаров А.Г. 270
Казаков Г. 160
Казанищенский (Дадаев А. Б.-К.) 203

- Каибов Х. 217
Кайдаров А.Т. 112
Калинин М.И. 218
Калоев Б.А. 302
Кальвин Ж. 186
Каменецкий С.Л. 89
Кантор В. 78
Кантор Л. 175
Кантор Р.М. 104
Канторович В.А. 115
Канчер Е.С. 157, 158
Каплан Ахмед Саиб 314
Капланов А.-М. 314, 315
Капланов Р. 194, 199, 201, 202
Карабудахентский Д.-К. 203
Карабчевский Н.П. 103, 104, 134
Карамзин Н.М. 336
Караулов М.А. 145, 162
Карджикян (Карчикян) Х.О. 170
Кареев Н.И. 29, 287, 354, 355, 380
Каримов К. 229
Каримов (Карими) Ф. 150, 229
Каримуллин А.Г. 338
Карпинский А.П. 356
Карский Е.Ф. 93, 158, 296-298
Карташев А.В. 330
Карцевский С.И. 112
Кассо Л.А. 82
Кастрен М.А. 330
Катанов Н.Ф. 333, 339, 342, 344, 352
Катков Г.М. 79, 81, 83, 257
Катков М. 79, 81, 83, 257
Катханов Н. 389
Качазнуни О. 169
Кашгарский Махмуд 92
Казн Л. 343-345
Келлер С. 170
Кельнер В.Е. 175, 183
Кемаль М. 158
Кенжемуратов О.Э. 202
Кеппен П.И. 298
Керенский А.Ф. 14, 66, 67, 80-82, 88, 97, 132, 136, 137, 153, 164, 169, 170, 218, 242, 251, 254, 258, 259, 265, 267, 272, 274, 275, 278, 376, 391
Керим И.А. 121, 231
Кескюла А. 310
Кестлер А. 343
Кетола Э. 272
Кечекьян С.Ф. 104, 381
Кизеветтер А.А. 299
Кизеветтер Е.Я. 84
Кизилов М.Б. 68
Кипкеева З.Б. 303
Киржаев С. 173
Кирчанов М.В. 121
Кириянов И.К. 237
Кистяковский А.Ф. 28, 175, 361
Кистяковский Б.А. 28, 174-176, 361, 362, 390
Кистяковский И.А. 382
Киштымов А. 299
Клементьев В.Н. 206
Клиорина И.С. 262
Ключевский В.О. 299, 358
Коблов Я.Д. 344
Ковалевский Г. 245
Ковалевский М.М. 59, 60, 302, 331, 369
Ковалевский П.И. 301, 340
Ковальский Н. 245
Коведяев И.Н. (Умшар) 206
Ковшилло Г. 158
Когут З. 366
Козьмин Н.Н. 195, 196
Кокошкин Ф.Ф. 15, 19-21, 26, 83, 101, 104, 119
Колеров М.А. 361
Колесова Е.В. 328
Колоницкий Б.И. 30, 133
Колчак А.В. 93
Колядко Л.С. 157, 158
Кони А.Ф. 103, 369, 379, 386
Конрад Н.И. 268, 385
Конт О. 314
Копылов Н.А. 55
Корбут М.К. 206, 207
Корнилов Л.Г. 156, 271, 272, 275, 382
Королев В.И. 44, 231
Короленко В.Г. 15, 52, 53, 60, 62, 67, 70, 111, 128, 129

- Корольков А.Л. 142
Коропачинский П.Ф. 145
Короткевич Ф.М. 157, 158
Короткий В.А. 88, 373
Корф С.А. 28
Корш Ф.Е. 370
Коршук У.К. 72
Костелянский А.И. 345
Костомаров Н.И. 367
Косых Е.Н. 76
Косвен М.О. 302
Котвич В.Л. 187, 264, 289, 350
Котляревский С.А. 101, 119, 152, 224, 356
Коукер К. 63
Коцев П. 194, 198, 199, 201, 202
Кочкаров М. 498
Краснов П.Н. 295, 349
Красовицкая Т.Ю. 8, 182, 184, 185, 187, 265, 306, 319, 328, 331, 332
Красуский К.А. 142
Красюков Р.Г. 30
Крачковский И.Ю. 91, 319
Креве-Мицкявичус В. 312
Кривенький В.В. 27, 35
Кривоноженко А.Ф. 371
Криштафович Б.Э. 232, 294
Кропоткин П.А. 25, 27–29, 80
Круглашов А. 88, 373
Крымский А.Е. 324–326
Крымшамхалов И. 198
Крюков А. 239
Ксенофонтов Г.В. 263
Куваршалов С. 202
Куделин А.Б. 184
Кудирка В. 94
Кудси Аббас-кули Бакинский 334
Кузьмина Т. 56
Кулабухов А.И. 90
Куланж Ф. де 343
Кулешов А.А. 317
Кулишер А.М. 101, 125, 126
Кулишер М. 175
Кульпин-Губайдуллин Э.С. 309, 337
Купайгородская А.П. 86
Купала Янка 300
Куракин И.А. 142
Курбангалиев М. 227
Курилла И.И. 278
Курмай Г. 227
Курнаков Н.С. 256
Курумов М. 202
Кушчилев К. 151
Кюссе-Тюз А.Я. 157
Лавинская О.В. 146
Лавринец П. 20
Лагун И. 159
Ладыженский А.М. 21
Ладыжников И.П. 174
Ладысеу У. 273, 298
Лазаревский Н.И. 102, 124–126
Ламанский В.И. 345
Ланда Р.Г. 39
Ландау А. 175
Ланселл Г. (Lansdell H.) 321
Лапина И.А. 19, 38, 109, 307
Лаппо-Данилевский А.С. 320, 356
Ларина Е.И. 323
Ластовский В.У. 313, 317
Лах Р. 351
Лебедева В.М. 299, 367
Лебедзев В.М. 367
Левенсон А. 331
Леманов И.Н. 89, 151, 152, 155, 224
Ленин В.И. 14, 15, 21, 30–33, 65, 67, 81, 137, 158, 165, 180, 216, 265, 314, 377
Ленский Н.А. 125
Лео 170
Леонтьев А.П. 204
Лепарский 249
Ле Пле Ф. 314
Лермонтов М.Ю. 152
Лесик Я. 58, 64, 65, 257
Либер М.И. 67, 237
Лившиц Г. 175
Лизогуб Ф. 149
Линниченко И.А. 365, 366
Липинский В. 364, 372
Липкин С. 289
Литвин А.Л. 27

- Литвин С. 386
Лихачев Н.П. 380
Личко Д. 245
Лобода А.М. 362
Лозинский З.Б. 118
Локшин А. 330
Ломиковский М.М. 142
Ломоносов М.В. 317
Лосева 381
Лосский Н.О. 9, 108
Лотоцкий А.И. 148, 149, 259, 387
Лубсанов 292
Лумбунов Ю. 292
Луначарский А.В. 89, 141, 184
Лурье С. 175, 237
Львов Г.Е. 81, 97, 101, 133–139, 149, 152, 153–155, 162, 163, 169, 236, 240, 242, 278, 293, 353, 379
Лысенко В.Г. 327
Лыткин Г. 204, 351
Любавский М.К. 297, 298, 360, 380
Любинский Н. 245
Люблинский П.И. 103
Людвик XIV 241
Люксембург Р. 376, 377
Лютер М. 186
Мавраев М.-М. 308
Магазинер Я.М. 101
Магид Л.Т. 91
Магун А. 131
Маевский И. 244
Мазепа И. 7
Майзель Н. 238
Макаров А.Н. 125
Макаров В.И. 375
Макдугалл В. 191
Маклаков В.А. 16, 100, 101, 118, 135
Маклецов А.В. 387
Маков 142
Максуди (Максудов) С.Н. 21, 149, 150, 153–155, 160, 174, 190, 192, 194, 214–216, 220–223, 225, 226, 228, 229, 269, 270, 332, 342, 347
Максуди Х. 222
Малик Я. 173
Маловичко С.И. 284, 296
Мамиконян С. 170
Мамин-Сибиряк Д.Н. 290
Мамлеев С. 155, 224
Мамонтов А.И. 302
Манатов Ш. 192, 193, 195, 216, 218
Манвелов А. 168
Манджиев Д. 349
Мандрик М.В. 360
Маннергейм К.Г. 70
Мануйлов А.А. 82, 83, 86, 89, 92, 96, 98, 113, 137, 299, 356
Манукян А. 170
Маор И. 210
Марджани Ш. (Мэржани, Моржани Шиьябетдин) 75, 282, 333–336, 339, 345
Марков Н.Е. 269
Марков О.Д. 55
Маркс К. 53, 73, 78, 249, 392
Марр Н.Я. 86, 93, 94, 288, 289, 307, 320, 356
Марсеков Р.М. 230
Мартов Ю.О. 15, 175, 237
Мартыненко Н. 230
Марушевский В.В. 56
Масанов А.Б. 230
Масанов Н. 230
Мастаускас В. 312
Матвеев В.А. 301
Маурер Т. 373
Махарадзе Ф. 32
Махно Н. 63
Мачабели Г.В. 311
Мацевич С.Г. 89
Маяковский В.В. 262
Медушевский А.Н. 19
Мекер Азиз (Азиз (Махара) Мекер-бей) 314
Меликян В. 42, 43
Мельгунов С.П. 28, 124
Мельников Н.А. 161
Мельников П.И. 330
Менгли-Гирей 45
Мендияров Л.Н. 143

- Ментешавили А. 304
Меньков Ф.А. 107
Мережковский Д. 111, 290
Мизес Л. Фон 111
Микеланджело Буонарроти 186
Миклашевский 158
Миллер А.И. 7, 279, 280, 282, 287
Миллер В.Ф. 331
Милош О. (Milasius Oskaras) 312
Милош Ч. 312
Милюков П.Н. 13, 15–17, 18, 74, 79–81, 83, 105, 107, 109, 121, 122, 135–138, 147, 148, 153, 164, 165, 169, 171, 172, 192, 215, 235, 237, 257–259, 277, 278, 329, 342, 353, 366–368, 374, 376, 385
Милякова Л.Б. 364
Минор О. 237
Минорский В.Ф. 319
Минье О. 343
Мирза Р. 345
Мироненко В. 126
Миронов Д.В. 302
Мирописев М.А. 143
Мирский (Миркин-Гецевич) Б.С. 119
Митаев А. 38, 40
Михайлов Т.М. 196
Михайловский Г.Н. 105, 258
Михальченко С.И. 88, 357, 361
Михеев И.С. 204, 351
Михновский Н.И. 43, 44, 386
Михутин И.В. 8
Мишле Ж. 336
Могильнер М. 60
Могиланский Н.М. 93, 365, 388, 389
Модестов В.И. 361
Молоствов В.В. 138, 139
Монтень М. де 186
Мончаловский О. 386
Мор Т. 186
Морозова О.М. 296
Мороховец Л.З. 367
Мохов Н.А. 190
Моцкин Л. 329
Мрясов С. 218
Музаев Т.М. 201
Муллаев М. 202
Муравьев В. 105
Муравьев В.А. 284, 296
Муслимов М.-Б. 202
Мустафа А. 160
Мустафаева С. 304
Мутушев А.М. 38, 40, 199
Мухамедьяров Ф. 150, 151, 152, 154, 155, 193, 229
Мухамедьяров Ш. 224
Мухаметшин Р. 290
Мухаммед Парса 285
Мухамметдинов Р.Ф. 113, 222
Мухамметнаджиб 285
Муханов В. 153, 195
Мухарский 231
Мухетдинова А. 160, 229
Мюллер А. 343
Мюльман В. (M hlmann W. E.) 279
Наберухин А.И. 232
Набиев Р. 226
Набоков В.Д. 81, 82–84, 89, 101, 132, 135, 137, 169, 258
Наджафов Б. 220
Наджип-мулла 286
Назарли А.Э. 142, 168
Налимов В.П. 204
Нам И.В. 215, 272
Намитокоев А.А. 89, 92, 156, 267
Насыри К. 334
Натансон Я. 176
Науменко В. 174, 361
Неизвестный М.И. 371
Нейрн Т. 7
Некрасов Н.В. 41, 253, 272
Ненароков А.П. 265
Нечухрин А.Н. 355
Никифоров В.В. 262, 263
Никифоров В.Г. 89, 236
Никифоров Г.В. 236
Николаев 146
Николаев А.Б. 118
Николай II 183
Никольский М.В. 380
Никольский Н.В. 207

- Ницше Ф. 53, 62, 78, 388, 392
Ниязиков Э.А. 202
Новгородов С.А. 263
Новгородцев П.Н. 104
Новиков Н.И. 124
Новицкая Т.Е. 336
Нойманн И. 283
Нольде Б.Э. 15, 21, 29, 84, 101, 104–106, 119, 123, 125, 266, 316, 376
Нордау М. 388
Нурок М. 35, 209
Нурпеисов К. 270
Нуцубидзе Ш.И. 267, 268
Оболенский В.А. 213, 231
Овруцкий Л.М. 27
Овсяннико-Куликовский Д.Н. 330
Овсяный И. 158
Оглезнева Г.В. 196
Одинец Д.М. 254, 377, 378
Одын Г.М. 89
Озанян А. 43
Озенбашлы А.С.-А. (Индемез) 121, 231, 273
Озенбашлы М.А. 121, 231
Озенбашлы С.А. 121, 273
Озеров И.Х. 369
Ойунский П.А. см. Слепцов-Ойунский П.А.
Окунь О.Б. 118
Ольденбург С.Ф. 83, 84, 87, 93, 95, 264, 295, 320, 350, 356, 369, 373, 376, 384
Онгодов У.-Ц. 348
Онищенко О.С. 166
Осипова Л.П. 345
Орбели И.А. 305
Орешников А.В. 380
Ортега-и-Гассет Х.-Д. 65
Османов А.И. 201
Осовский Е.Г. 204
Острогорский М. 301
Остроумов Н.П. 340
Отлет П. 312
Очиров Н. 232, 235, 289, 292, 293, 349, 350
Очиров С. 187, 233
Очирой А. 292
Ошаев Х.Д. 39
Павлов Н.П. 205
Павлова Т. 273, 298
Падеревский И. 310
Пайпс Р. 131, 132
Панарин С.А. 303
Панин М.С. 7
Панина С.В. 84, 88
Панфилов А. 230
Пападжанов М.И. 146, 165
Парамонова М.Ю. 287
Пасманик Д.С. 63, 140
Пасько И.В. 375
Патканов С.К. 94, 95, 96, 305
Пелисьер 312
Пергамент М.Я. 87
Переврзев П.Н. 146, 165
Перетц В.Н. 93, 356
Перетяткович
Переяславцева Л.Е. 7
Петлюра С. 15, 122, 125, 126, 177, 181, 386, 388, 389
Петр I 360
Петровский Г.И. 235, 361
Петрушевский Д.М. 362
Пивоваров Ю.С. 105
Пийп А.И. 89
Пилсудский Ю. 35
Пинкевич А.П. 89
Пинскер С. 286
Пирцхалава С. 311, 312
Пискорский В.Н. 362
Платонов С.Д. 141
Платонов С.Ф. 142, 358, 360, 369, 371, 380
Платонова Н.Н. 371
Плеве В.К. 275
Плеханов Г.В. 52, 67, 178, 269, 342
Плотников А.Н. 139, 161
Плохий С. 173
Плюнов Ф. 294
Победоносцев К.П. 185
Повович М. 126
Позднеев Дм. 308

- Покотилова Т.Е. 296
Полешиков В. 158
Поливанов А.А. 250
Полнер Т.И. 133
Полонская-Василенко Н.Д. 242, 243
Полонский И. 237
Полуботок П. 56
Понтович Э.Э. 101
Попов А.Л. 123
Попов Н.Н. 69, 173, 365
Порш Н. 177, 388
Поска Я. 145
Постников А.В. 321
Потанин Г.Н. 291, 344
Потто В.А. 301
Почаев 136
Прахов Н.А. 184
Преображенский П.В. 367
Преображенский П.И. 92
Пресняков А.Е. 380
Пржевальский Н.М. 295
Прокопович С.Н. 138
Протасов Л.Г. 165, 229
Протопопов А.Д. 156
Протопопов С.Д. 53, 60
Прохоров Д.А. 68, 213
Псянчин А. 296, 305
Пушкин А.С. 152, 278, 282
Пыпин А.Н. 281, 282, 331, 343
Пятаков Г.Л. 32
Радлов В.В. 88
Радлов Л.Ф. 86
Радлов Э.Л. 86
Рамзи М.М. 334, 337–339
Рамстедт Г. 349
Расулев З. 337
Расулзаде М.Э. 43, 51, 52, 120, 193, 208, 217, 222, 223, 347
Ратнер М.Б. 24
Ратцель Ф. 294, 295
Раускас А. 235
Рафес М. 73, 253
Рахимкулов М. 291
Рахманбирдиев К. 150
Регули А. 330
Редигер А.Ф. 136
Репина Л.П. 287
Решетов А.М. 350, 359
Рибер А. 284
Рикардо Д. 343
Ринчино Э.-Д. 60, 196, 233, 234, 263, 275, 276
Риттих А.Ф. 295
Робинсон М.А. 369, 375, 383
Родзянко М.В. 97, 136, 208
Родичев Ф.И. 138, 148
Розанов В.В. 72, 111, 277, 357, 382
Розен В.Р. 321, 333, 339, 342, 393, 394
Розенберг О.О. 320, 327
Розенберг У. 144
Розенфельд Я. 175
Романов К.К. 368, 369
Романовы 172
Романовский Н. 301
Ронин С.Л. 99
Ростовцев М.И. 356
Роттердамский Эразм 186
Рубакин Н.А. 308
Рубин И. 115
Рубинштейн Н.Л. 99
Руденко С.И. 94, 95, 305
Руднев А.Д. 94, 264, 349
Рудольф Н.Ф. 142
Румянцева М.Ф. 284
Руставели Ш. 286, 288
Рустамбеков Ш. 120
Рутенберг П. 237
Рцхиладзе Г. 311
Рыбаков С.Г. 323, 324
Рыльский Т. 364
Рынков В.М.
Рыскулов В.В. 222
Рыскулов Т.Р. 75
Рычков П.И. 336
Савицкий В. 90
Сагателян И.Я. 89
Садовский А.Я. 182
Садовский Б.А. 182
Садыков Д. 120, 152
Саид-бей 39

- Саидгалиев С.-Г. 211
Салазкин С.С. 87, 88, 264
Салахов И.Ж. 354
Салахова Э.К. 344
Саминский Л. 329
Самойло В.И. (Самойлов) 20
Самойлович А.Н. 94, 323
Сампилон Д. 233
Самсонов А.В. 187
Санжиев Р. 292
Сануков К. 352
Сапожников В.В. 93
Сапунов А.П. 58, 299
Сарангов Э.А. 232
Сафа Ахмет 313
Сафиуллин Р. 221
Сахаров А.Н. 283
Сахьяев А. 292
Свенцицкий П. 364
Свириденко Ю.П. 53
Седельников А.Н. 345
Сеид Тахир Эль Хуссейни 315
Сеитбекир Э. А. 121
Сейдамет Дж. 44, 45, 51, 151, 173, 177, 273
Секиринский С.С. 319
Селевич Ю.Л. 190
Селиванов В.С. 157
Селимханов А. 202
Семевский 176
Семевский В.И. 330
Семенов А.А. 285
Семенов В.П. 345
Семенов П.П. 345
Семковский С.Ю. 15
Сеньобос Ш. 344
Сенюткина О.Н. 213, 309, 326
Сервантес М. де 186
Серейский М. (Serejski M.H.) 355
Сетяля Э.Н. 272, 352
Сидоров А.С. 204
Сидорова Л.А. 374
Синоптикус (К. Реннер) 24
Синяк С.А. 159
Скворцов М.И. 112
Скирмунт Р. 174 229, 240
Склянский Э.М. 262
Скобелев А.Е. 97
Скобелев М.М. 138
Скоропадский П.П. 127, 149, 386
Скрынникова Т.Д. 233, 234
Скуратов Б. 111
Славинский М.А. 122, 123, 149
Слежавичюс М. 48
Слепцов-Ойунский П.А. 236, 263
Смайлс С. 186
Смаков М. 218
Сметанин А.Ф. 8, 188
Сметона А. 236
Смирин Г. 308
Смирнов 264
Смирнов А.В. 357
Смирнов А.Ф. 8
Смит А. 343
Смит Э. 291
Смолич А. 266
Смыкалин А.С. 125
Соболевский Д.М. 157, 158
Соболевский М. 158
Соболевский С.И. 370
Соколов К.Н. 123–125
Соколова М.В. 242
Соколовский С.В. 96
Солдатова Г.У. 241
Солженицын А.И. 63, 164, 190, 191
Соловьев В.С. 382, 395
Соловьев С.М. 336
Сологуб Ф. 329
Сорокин П.А. 14, 15, 23, 28, 203, 204, 267, 277
Сорокина М.Ю. 75, 372
Сохань П. 173
Сохов Г. 202
Спекторский Е.В. 88, 357, 361, 362
Сперанский М.Н. 331
Сталин И.В. (Сталин К.) 15, 30, 31, 32, 102, 235, 286, 306, 314
Стамболцян А. 170
Станкевич В.Б. (Владас Станка) 50, 51, 74, 75, 174, 275

- Стародубова А.Л. 21, 99, 103, 104
Старостин Е.А. 28
Старцев В.В. 250
Стасюлевич М.М. 281
Стати В. 71
Стахович М. 147
Сташевский Е.Д. 357
Стебницкий П.Я. 148, 149
Стемпковский С.Г. 176
Степанковский В.Я. 308
Стефаненко Т.Г. 69
Стещенко И. 259
Столыпин П.А. 70, 81, 185, 214, 306, 331, 391
Стрипский Г. 308
Струве В.В. 91
Струве П.Б. 16, 72, 74, 75, 105, 108, 109, 374, 375, 382
Сулеймани Г. 212, 213
Султан К.-Г. 201, 202
Султангалиев М. 331, 389
Султанов Т. 202
Султанов Ф.М. 177
Суханов Н.Н. 34, 81, 82, 84, 258
Сушко А.В. 264
Сыркин Е. 239
Таганцев Н.Н. 236
Тагиров И. 236
Тагиров Н.Т. 218
Тазетденов З. 230
Такер Р. 32
Тамарин А. 341
Таначев В.Х. 89, 151, 152, 154, 155, 160, 210, 224
Тангатаров А. 203
Тарановский Г.Н. 152
Тарашкевич Б. 300
Тарджемани (Тарджеманов) К. 160, 228
Тарковский Н.-Б. 201
Тарле Е.В. 380
Таскаев М.В. 188
Татаринов В.В. 80
Татищев В.Н. 336
Тахо-Годи А. 40, 75, 202
Тевкелев К.-М.Б. 150, 208
Тельвак В. 173
Темиев С. 202
Темирханов З. 199, 201
Терегулов Г.Х. 193, 211, 226, 227
Терегулов И.В. 152, 153, 225, 236
Терещенко М.И. 37, 251
Тер-Газарян Г. 170
Тер-Минасян Р. 170
Тер-Оганян А. 170
Терюков А.И. 351, 352
Тесля А. 191
Тимошенко С.Н. 387
Титов Ю.П. 132
Тихомиров А.А. 141
Тихомиров Д.И. 367
Тихомиров Н.И. 142
Тициан Вечеллио 186
Тишкин А.А. 305
Тишков В.А. 117, 184
Ткаченко Е.В. 357, 361
Тогусов (Туленгутов) К. 150, 151
Тойнби А. 331
Токой А.О. 147, 148
Токумбетов 271
Толман Е.С. 287
Толочинин Н.Ф. 175
Толстой А. 265
Толстой И.И. 330
Толстой Л.Н. 75, 84
Толстой-Милославский С.С. 138
Тольц М. 101
Топчибашев А.М. 43, 120, 153, 219, 225, 270, 338
Торбаков И. 366
Тотовенц В. 43
Тоцкий Н.М. 107
Третьяков М.Н. 143
Трибунский П. 367
Троцкий Л. 40, 41, 67, 81, 178, 237
Трубецкой Г.Н. 382
Трубецкой Е. 108, 361
Трубецкой С.Н. 82
Туган-Барановский М.И. 259, 371
Туктаров Ф. 159, 210, 226
Гундутов Д.Д. 232, 235, 293

- Тундутовы, князя 349
Тургенев Н.И. 281
Турук Ф.Ф. 46
Тьерри О. 343
Тынышпаев М. 150, 175, 194
Тыркова-Вильямс А.В. 80
Тюлин М.С. 139
Тюменев М. 150
Тюмени, князя 349
Тюмень Т.Б. 232
Тюпа В.И. 284
Тюрин С.П. 80
Тюрякулов Н.Т. 331
Уайльд О. 388
Уваров С.С. 299
Ударцев С.Ф. 28
Укуров Т. 199
Уланов Б. 349
Уланов Н.Э. 349
Ульяновский В. 173, 299
Уортман Р. 283
Уразаев К. 151
Урекас А. 89
Урланис Б.Ц. 181, 182
Урунбаев С. 150
Урусбиев И. 202
Урусов Х.-Х. 198
Устилович А. 159
Устрялов Н.В. 111, 112, 134
Усуббеков Н. 188
Усышкин А.-М. 37
Утехин С. 111
Ушинский К.Д. 348
Фадеев Р.А. 301
Фаизханов Х. 333
Фарзалиева У.Ф. 346
Фахретдинов (Фахретдин) Г. 229
Фахретдинов (Фахретдин) Р. 228, 334, 335, 339
Фахрутдинов Р.Р. 21, 339
Федоренко А.А. 11
Федоров А.М. 291
Федотов Г.П. 78, 282, 317–319
Федюк В. 251
Федюкин С.А. 181, 182
Фелицын Е.Д. 146
Фельштинский Ю.Г. 26, 185, 252
Ферсман А.Е. 94
Фиалков Х.Х. 89
Филимонов А.П.
Филина Ю.С. 184
Фирдевс И. 74
Флоринский Т.Д. 370, 381, 382
Фокош-Фукс Д. 351
Фомин В.М. 201
Фомичев П.Н. 66
Фортунатов Ф.Ф. 94
Франк С.Л. 382
Франко И. 364
Фридланд М.А.-Л. 286
Фридман Н.М. 37
Фруг С. 175
Фруменкова Т.Г. 237
Фрунзе М.В. 158
Хабутдинов А.Ю. 160, 162, 177, 215, 217, 219, 226, 311, 345
Хайруллина Г.Х. 323
Халиди К. 339
Халил Я. 220
Халилова С.Н. 112
Хальфин И. 334
Хальфин Н.Л. 229
Хамидуллин Б.Л. 336
Хандрикеев Ш. 89
Ханхасаев Н.А. 89, 156, 232
Хан-Хойский Ф. (Хойский Ф. хан) 175, 194, 208, 224, 303
Хаптаев П.Т. 233, 234, 292
Хара-Даван Э. 232, 349
Харламов В.А. 146, 165, 303
Харланова М.С. 112
Харузин А.Н. 331
Харузин Н.Н. 328, 330, 331
Харузина В.Н. 331
Харшав Б. 64
Хасанов К.Г. 150
Хасахан Ходжи 203
Хатисов А.И. 42, 169
Хатисов И.С. 302
Хеймсон Л. 178

- Ходжаев И.Х. 89
Ходжаев У. 150, 151, 154, 222, 224
Холмберг У. 352
Холодовский Н.А. 139, 145
Христюк П. 246
Хубиев А. 202
Хургин И.Я. 262
Хусаинов А.Г. 227
Цаликов А.-Б. 203
Цаликов А.Т. 71, 98, 150, 151, 154, 155, 174, 189, 193, 222, 224, 265, 266, 272, 339–341
Церетели И.Г. 43, 67, 134, 251, 258
Циунчук Р.А. 49
Цыкалов Д.Е. 378
Цыкалова Н.А. 117
Цыпышева Н.В. 235
Чавчавадзе И. 40
Чаплыгин С.А. 141
Чарнолуцкий В.И. 83, 89
Челебиев Ч. 44, 45, 212, 229, 273
Червонная С. 311
Червяков А. 298
Червяков А.Г. 159
Чермоев А.-М.О. (Тапа) 38, 194, 199, 200, 202, 203
Чернов В.М. 25, 26, 52, 67, 114, 115, 119, 123, 132, 242, 257, 269, 270, 274, 395
Черновский А. 13
Чернышевский Н.Г. 281
Чернявская Ю. 297
Чернявский Г.И. 26
Чертков Д. 237
Чечулин Н.Д. 141
Чимитдоржиев Ш.Б. 292
Чингисхан 345
Чиненов И. 73
Чичерин Г.В. 314
Чичинадзе З. 286
Членов И. 37, 239
Чобан-заде Б.В. 75
Чокаев М. 96, 164, 189, 194, 221, 269, 270
Чонов Е. 156, 350
Чонов Е.Ч. 293
Чужбинский 103
Чхеидзе Н.С. 37, 41, 97, 391
Чхенкели А.И. 41, 120, 165, 166, 170, 268
Шагиахметов И. 224
Шагиахметов Ш. 154, 155
Шакманов Т. 202
Шамбадал М. 64
Шамиль 39, 307
Шамиль З. 150–152, 154, 224
Шаповал Ю. 173
Шапшал С.М. 68, 213
Шараф Г.Ш. 75, 228
Шаскольский П.Б. 14
Шаханов Б.А. 14, 199, 200, 202
Шахматов А.А. 93, 95, 204, 297, 320, 330, 331, 356, 369, 370, 345, 375, 376, 386, 393
Шахматова Н.А. 370
Шаховской Д.И. 155
Шахсуваров Н.-М. 202
Шахтагинский М.С. 342
Шацкий Б.Е. 125, 126
Шварц С. 237
Швецов А.А. 298
Шевченко Т.Г. 317, 377
Шевяков Т.Н. 56
Шегрен А.М. 330
Шейхзаманлы Н. 188
Шекспир В. 186
Шелер М. 62
Шелонин М. 26, 27
Шелохаев В.В. 19, 53, 83, 104, 113
Шемет В. 386
Шемет Ж. 386
Шеметы, братья 44
Шереметев 141
Шерипов Д.Д. 38, 199
Шестов Л. 380, 381
Шигабдинов Р.Н. 340
Шимкевич В.М. 87
Шингарев А.И. 137
Широких А.Д. 263
Широкогоров С.М. 280
Широкоград А. 174, 371

- Широкоград Л.Д. 319
Шмидт А.Э. 319
Шмидт С.О. 142
Шмиттер Ф. 276
Шнаси Г. 226
Шнеерсон 286
Шнирельман В.А. 288, 353, 354, 385, 191
Шогенов А. 203
Шолом-Алейхем 64
Шорников П.М. 59
Шпенглер О. 78, 79
Щербацкой Ф.И. 320, 327, 350, 356
Шрейдер Г. 237
Штейнгель Ф. 174
Штернберг Л.Я. 94, 95, 320
Штюрмер Б.В. 166
Шульгин А.Я. 245, 259–261, 387
Шульгин В.В. 30, 80, 118, 136, 162, 259, 362
Щерба Л.В. 94
Щербаков А.И. 141
Щербатов М.М. 336
Щербина Ф.А. 326
Шеррер Ю. 382
Шпакова Р.П. 390
Эберт Ф. 278
Эллян Овл 187
Эльдерханов Т.Э. 38, 199
Эльсгольц Ф.К. 287
Эммонс Т. 111
Энгель Ю. 329
Энкель К. 272
Энний 317
Эпимах-Шипило Б.И. 300
Эркенов Х.-Х. 202
Эрн В.Ф. 382, 383
Эрнст Ф. 286
Эрхэтуев 292
Эсадзе Б. 301
Эфендиев А. 199
Юлдашбаев А. 193
Юлий Цезарь 186
Юренев П.П. 387
Яблонский 48
Ягафаров А. 194
Ягич И.В. 370
Яковец Ю.В. 24
Яковлев А.И. 358
Яковлев И.В. 205
Яковлев Я.А. 137, 271
Якупова Г.Х. 340
Ямаева Л.А. 7
Янжул И.И. 367
Янов А. 189
Яновский Л. 244
Янушкявичюс 236
Яров С.В. 189
Яров Ю. 149
Ярослав 367
Яснопольский Л.Н. 382
Ясь О.В. 365
Яшев Э. 202
Яшунский И.В. 101
Загородній А.Г. 166
Andrzejczak Micha 363
Dziuda Karol 363
Georgeon F. 345
Hart L. 135
Heller K. 11
Keller S. 170
Prymak T. 173
Saler M. 115
Seydahmet (Kirimer) Cafer 44, 51
Slezkine Yuri. 352
Taylor P.J. 79

Научное издание

Красовицкая Тамара Юсуфовна
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС
В РЕВОЛЮЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ
ФЕВРАЛЯ – ОКТЯБРЯ 1917 г.
СТРАТЕГИИ, СТРУКТУРЫ, ПЕРСОНАЖИ

Издатель: Леонид Янович
Редактор: Иннокентий Гридин
Корректоры: Лариса Касьянова, Елена Туркатенко
Верстка и оригинал-макет: Михаил Щербов
Обложка: Михаил Щербов

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон: +7 (916) 651-30-94
по вопросам реализации: +7 (985) 427-91-93
E-mail: nkchronograf@mail.ru
Информация об издательстве в Интернете: <http://www.novhron.info>

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Подписано к печати: 01.04.2015
Формат 60×90/16, Бумага офсетная №1
Усл.-печ. л. 26.
Тираж 550 экз. Заказ № 3560

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т. 8(499)270-73-59

«НОВЫЙ ХРОНОГРАФ»

9 785948 812946